

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

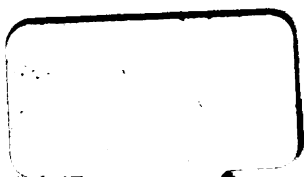
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05931870 3

Digitized by Google

MICROFILMED

MICROFILMED

Y2 AUG 29

INDEX

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

І Ю Л Ъ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Іюль, 1882 г.

✓ I.	ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-униатскаго монашества). Н. Петрова.	1
✓ II.	ИЗЪ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬШИ И РОССИИ. И. Каманина.	42
✓ III.	КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ Д. Г. БИБИКОВА	61
✓ IV.	ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ О СОБЫТІИ XI-го ВѢКА. А. Стоянова.	81
✓ V.	ЗАПИСКИ КІЕВСКАГО МѢЩАНИНА БОЖКА БАЛЫКИ О МОСКОВСКОЙ ОСАДѢ 1612 ГОДА (изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кошачковскаго). В. А.	97
✓ VI.	МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владимірскаго) къ А. И. Бѣлюгову.	106
✓ VII.	ДОПОЛНЕНІЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССИИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ».	137
VIII.	ДОКУМЕНТЫ БРАТСТВА ПРИ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ Г. ЗАМОСТЬѢ	149
IX.	БИБЛИОГРАФІЯ: а) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М., 1882.—б) Библіологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева.—в) Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und lateinischen Schrifsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.—г) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-й. Издалъ А. Андреевскій	160
X.	ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Пасѣка гетмана Богдана Хмельницкаго.—б) Къ исторіи Запорожья.—в) Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту.—г) Послѣдняя самозащита Кіева.—д) Невольное переселеніе и тоска по родицѣ, какъ подозрительное чувство.—е) Рѣдкая древняя надпись.—ж) Необычная застава.—з) Къ портрету Саввы Григорьевича Туптала. ПРИЛОЖЕНІЕ портретъ Саввы Туптала.	174

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старини.“ Кіевъ, Бульваръ, № 36-й.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

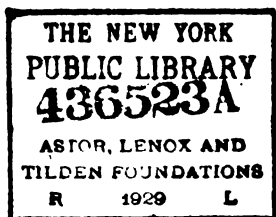
ТОМЪ III.

І Ю Л Ъ.

1882 г.

К І Е В Ъ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 25-го іюня 1882 года.

XPOY VAB
CUBA
VBAABU

ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

Въ составѣ обширнѣйшихъ въ мірѣ русскихъ владѣній, на дальнемъ русскомъ западѣ, есть не малая часть земли искони русской, съ несомнѣнными слѣдами русской жизни, не находящая однако себѣ мѣста въ общей русской исторіи, воегда обходящая нашими изслѣдователями, давно забытая исторіею и обществомъ. Это Холмщина и Подляхія, соединяемая подъ общимъ названіемъ холмской земли, а въ дѣлахъ вѣры — холмской епархіи, и составляющія значительную часть нынѣшнихъ губерній люблинской и сѣдлецкой. Населеніе ихъ искони русское (долго православное, потомъ уніатское, но все же русское, нынѣ опять и православное и русское) никогда не пользовалось вниманіемъ нашей исторіи и общества, потому, быть можетъ, что политическая судьба его издавна слагалась съ судьбою Польши и мало ознаменована кровавыми битвами, великими переворотами, громкими по участию въ тѣхъ и другихъ дѣяніями такъ называемыхъ великихъ мужей — что все и наполняло вѣкогда нашу исторію. Не эти забытые уголки были передовые наши посты со стороны нагавшаго на насъ, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, польско-католическаго запада; на нихъ, какъ на Шипелѣ, стояли наши братья, подъ градомъ особыхъ выстрѣловъ, поражавшихъ на близкомъ разстояніи, при вихрѣ и стужѣ холодившихъ сердце русское ученійъ религіозныхъ и политическихъ и такихъ условійъ жизни семейной и общественной, умственной и нравственной, государственной и экономической, не исключая и прямыхъ преслѣдованій, мученій и самой смерти, которыя, при отсутствіи согревающаго и поддѣрпывающаго духа со стороны далекаго духов-

наго центра, дѣйствовали губительнѣе всѣхъ ужасовъ вѣшной войны. Стояли и сражались они, пока окоченѣлыя руки ихъ держали оружіе въ рукахъ, или не истощался запасъ самаго оружія; жили и умирали незримо, безъвѣстно, по завѣту предковъ, живота не щадя, сраму не имѣи. Но въ вѣковой бурѣ всѣхъчеловѣческихъ вліяній затемнился мало по малу свѣтъ вѣры отеческой, поколебалось наконецъ самое сознаніе русской народности, оставалось лишь одно имя русское—безъ жизни и духа; но и въ предсмертной агоніи, теряя вѣру и народность, они лепетали еще: *Русь наша*, пока и самое это имя не замѣнилось словомъ *уніатъ*, не означавшимъ уже ни вѣры, ни народности.

Думаемъ, что эта вѣковая борьба на западной нашей окраинѣ за сохраненіе вѣры и народности представляетъ собою не менѣе интереса, какъ и кровавыя войны вообще за цѣлость государственную, политическую независимость, сохраненіе излюбленной формы правленія и т. под. Къ сожалѣнію, въ смутное время послѣднихъ дней Польши и тщетныхъ попытокъ къ ея возстановленію, погибли большею частію письменныя памятники, на основаніи которыхъ можно было-бы воспроизвести полную картину этой борьбы въ указанной мѣстности; но и то, что, быть можетъ, уцѣлѣло отъ нихъ, не приведено въ извѣстность и хранится въ невѣдомыхъ рукахъ и мѣстахъ. Дождется-ли Забужная Русь,—Холмщина и Подляхія, своей исторіи? Спасены-ли, собраны-ли будутъ письменныя и другіе памятники минувшей ихъ жизни? Сосѣдняя Галиція имѣетъ свою хорошо разработанную исторію; даже отдѣльные города ея, какъ Львовъ, Перемышль и др., и отдѣльныя учрежденія, какъ львовскій ставропигійскій институтъ,—древнее братство, нашли своихъ историковъ, а Русь холмская не имѣетъ для своей исторіи ничего, кромѣ нѣсколькихъ статей и отдѣльных документовъ давно прекратившагося холмскаго календаря и недавно начавшагося холмско-варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника. Пожелаемъ, чтобы возникшая теперь мысль объ учрежденіи музея холмскихъ древностей получила скорѣйшее осуществленіе и мѣсто для него было-бы выбрано въ Холмъ, а не Варшаву,—чтобы готовому еще съ начала 1875 года проекту учрежденія комисіи для разбора и, конечно, изданія древнихъ актовъ при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, по примѣру существующихъ въ Кіевѣ и Вильнѣ, былъ данъ хотя теперь надлежащій ходъ и чтобы разбросанные тамъ русскіе ученые приложили свой трудъ къ разработкѣ мѣстной исторіи по

частямъ, дабы современнѣмъ могла явиться полная исторія этого забытаго угла земли русской.

Предлагаемая статья касается одной изъ сторонъ печальной вообще жизни этого края, именно перерожденія русскаго монашества изъ православнаго въ униатское, а потомъ почти польское и католическое, въ лицѣ двухъ выдающихся монастырей данной мѣстности—холмскаго и замостьскаго. Судьба этихъ монастырей характеризуетъ общее положеніе религиозныхъ дѣлъ въ краѣ. Служивъ прежде православію, они являются орудіями подавленія его и распространенія униі и дѣйствуютъ въ видахъ ея, не замѣчая, какъ ихъ самихъ отъ униі влекутъ къ латинству. Любопытна борьба ихъ, въ лицѣ всего ордена, за независимость отъ власти митрополита и епископовъ, интересны и частныя черты управленія и строя монастырской жизни, равно какъ самое возникновеніе замостьскаго монастыря специально для цѣлей униі.

Въ предѣлахъ Холмщины и Подляхія, въ дни владычества надъ ними Польши, было много русскихъ монастырей, но большая часть ихъ давно прекратили свое существованіе, до послѣдняго же времени (60-хъ годовъ) уцѣлѣли лишь слѣд. шесть: варшавскій, холмскій, замостьскій, люблинскій, бѣльскій и яблочинскій. Изъ нихъ первый возникъ на почвѣ униі и хотя за предѣлами русскаго прибужнаго поселенія, но въ видахъ навязанной ему униі, послѣдній никогда не принадлежалъ униі и до послѣднихъ дней остался вѣренъ православію и народности русской, остальные же четыре, первоначально православные, стали потомъ и остались до своего уничтоженія униатскими, наравнѣ съ учрежденнымъ митрополитомъ Львомъ Кишкою варшавскимъ униатскимъ монастыремъ. Монастыри эти представляютъ интересъ для нашей исторіи по своему положенію въ краѣ, гдѣ православно-русскій элементъ находился всегда подъ непосредственнымъ давленіемъ польско-католическаго. Скорѣе и легче другихъ южно-русскихъ монастырей они стали жертвою униі, но въ этомъ видѣ существовали гораздо долѣе тѣхъ униатскихъ монастырей, которые послѣ раздѣла Польши вошли въ составъ русскаго государства. Возникши въ нѣдрахъ православія, они служили оплотами православія и народности русской въ этой отдаленной нашей окраинѣ и вызывали сочувствіе къ себѣ и по-

мощь со стороны центральной Украины. Съ переходомъ въ унию, роль бывшихъ православныхъ монастырей измѣняется, — они начинаютъ служить дѣлу унии, а съ тѣмъ вмѣстѣ прерывается ихъ связь съ единовѣрною когда-то и единоплеменною Україною. Скоро послѣ того всѣ указанные нами монастыри, за исключеніемъ яблочинскаго, одинъ за другимъ вошли въ составъ сплоченной по католическимъ образцамъ монашеской униатской корпораціи, извѣстной подъ именемъ базилианскаго ордена и быстро стали утрачивать не только свой прежній вѣроисповѣдный, но вмѣстѣ и русскій національный типъ. Раздѣлы Польши 1772, 1793 и 1795 годовъ между тремя сосѣдними державами разбили и базилианскій орденъ на части и не только положили вонецъ его дальнѣйшему развитію, но отчасти уменьшили его наличный составъ и ослабили его внутреннюю организацію. Но это роковое въ жизни ордена событіе не коснулось холмско-подляскихъ базилианскихъ монастырей, только продлившихъ, благодаря этому обстоятельству, свое существованіе. Въ то время, когда при Еватеринѣ II и отчасти Павлѣ I принимались рѣшительныя мѣры въ ограниченію базилианскихъ монастырей въ Россіи, холмско-подляскіе монастыри находились подъ властію австрійскаго и прусскаго правительствъ, которыя не имѣли ничего противъ ихъ существованія. Затѣмъ они вошли въ составъ герцогства варшавскаго, преобразованнаго въ „Царство Польское“, которое, подъ владычествомъ Россіи, существовало со своей особой администраціей и законами до послѣдняго польскаго мятежа. Пользуясь исключительнымъ, привилегированнымъ положеніемъ Царства Польскаго, оставшіеся въ предѣлахъ его униатскіе монастыри не участвовали въ общемъ воссоединеніи униатской церкви съ православною въ 1839 году, продолжали удерживать у себя корпоративный духъ и формы ордена ского управленія и такимъ образомъ долго еще служили немаловажнымъ оплотомъ для доживавшей свой вѣкъ унии въ нынѣшней холмско-варшавской епархіи.

Вотъ общій ходъ исторіи униатскихъ монастырей Холмщины и Подляхін. Мы не имѣемъ возможности говорить обо всѣхъ указанныхъ нами монастыряхъ и коснемся только холмскаго и замостьскаго; но и относительно ихъ мы не располагаемъ такими источниками, которые были бы достаточны для обстоятельнаго и полного

изложенія ихъ исторіи. Мы передадимъ только тѣ немногія о нихъ свѣдѣнія, которыя уяснятъ мѣсто и участіе ихъ въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества и, слѣд., не воснемся вовсе ихъ жизни въ православномъ мірѣ. Главнымъ источникомъ свѣдѣній, которыя мы можемъ о нихъ предложить, служить связка бумагъ этихъ двухъ монастырей, предоставленныхъ въ наше распоряженіе Ѳ. Г. Лебединцевымъ. Правда, что онѣ разрознены и даютъ лишь отрывочныя, хотя и весьма любопытныя свѣдѣнія, но этотъ недостатокъ мы будемъ, по возможности, пополнять общими историческими свѣдѣніями о базилианскомъ ордѣнѣ, исторіей котораго специально занимались мы, лѣтъ десять тому назадъ, въ архивѣ и библіотекѣ почаевской лавры и библіотекѣ волынской дух. семинаріи, а также нѣкоторыми печатными источниками¹⁾.

Исторія базилианскаго ордена или чина св. Василія Великаго, какъ тѣсно сплоченной корпораціи уніатскихъ монастырей, распадается на три періода: 1) періодъ возникновенія этого ордена, отъ основанія его въ Литвѣ Іосифомъ-Вельяминомъ Рутскимъ до окончательнаго сформированія его въ обязательный для всѣхъ уніатскихъ монастырей базилианскій ордѣнъ, на основаніи постановленій замостьскаго собора 1720 года; 2) цвѣтушій періодъ состоянія базилианскаго ордена, подъ управленіемъ своего орденскаго генерала или протоархимандрита, независимаго отъ епархіальной власти, съ замостьскаго собора 1720 года до перваго раздѣла Польши въ 1772 году, и 3) періодъ упадка базилианскаго ордена съ 1772 года и до послѣдняго времени его существованія, имѣющій свои частныя подраздѣленія.

Сображая имѣющіеся у насъ документы названныхъ уніатскихъ монастырей съ общей исторіей базилианскаго ордена, мы находимъ, что документы холмскаго каедральнаго богородичнаго монастыря, относясь главнымъ образомъ къ XVII вѣку, восполняютъ собою

¹⁾ По исторіи базилианскаго ордена извѣстны слѣд. сочиненія: 1) Исторія базилианскаго ордена, Кояловича, въ Христ. Чтеніи, за январь и апрѣль 1864 г.; 2) »Очерки уніатской церкви«, въ Чтеніяхъ общества исторіи и древн. россійскихъ при москов. университетѣ. 1881 г., кн. 1 и 2, и 3) »Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ«, въ Трудахъ кiev. дух. академіи 1870—72 гг., въ 9-ти книжкахъ, Н. Петрова.

первый періодъ исторіи базилианскаго ордена, тогда какъ докумен-ты замостьскаго монастыря, образованнаго изъ приходской церкви уже въ XVIII вѣкѣ, излагая судьбу православія въ Замостьѣ въ XVII вѣкѣ, дополняютъ собою второй цвѣтущій періодъ исторіи базилианскаго ордена и даютъ новые матеріалы для послѣдняго періода исторіи, если не всего базилианскаго ордена, то по крайней мѣрѣ тѣхъ частей его, которыя достались сначала Австріи и Пруссіи, а потомъ вошли въ составъ герцогства варшавскаго и Царства Польскаго.

Обращаемся въ исторіи холмскаго монастыря.

I.

Сами польскіе и уніатскіе писатели признаютъ, что городъ Холмъ и земля холмская издавна находилась въ тѣснѣйшей связи съ Южной Русью и въ частности съ г. Кіевомъ. Уніатскій холмскій епископъ XVII в. Яковъ Суша передаетъ баснословное преданіе о томъ, будто-бы по раздѣленіи Руси между тремя первыми ея князьями Кіемъ, Щекомъ и Хоревомъ, холмская земля и сосѣднія съ нею страны достались Щеку *). Съ большею вѣроятностію тотъ-же писатель утверждаетъ, что холмская земля просвѣщена свѣтомъ крещенія при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ, который построилъ въ Холмѣ въ 1001 году кааедральный храмъ, снабдивъ его чудотворнымъ образомъ пресв. Богородицы, писаннымъ, по преданію, евангелистомъ Лукою, и основалъ спасскій монастырь близъ г. Холма, въ селѣ Столпѣ †). Какъ бы ни было, русскій характеръ холмской земли и древнее ея православіе неоспоримы и не подлежатъ сомнѣнію. Но съ весьма давняго времени и русская народность и православіе въ холмской землѣ стали подвергаться стѣсненіямъ со стороны польско-католическаго элемента, а ихъ подавленіе стало предметомъ особыхъ заботъ не только польско-като-

*) Преданіе это обще было кіевской и холмской землѣ. Подтверженіемъ этого можетъ служить то, что и теперь одна изъ горъ, лежащихъ между Холмомъ и дерев. Столпе, носятъ названіе Щековицы, подобно одной изъ кіевскихъ горъ.

Ред.

†) Phoenix tertiatio redivivus, Якова Суши, 3 изд., въ Замостьѣ, 1684 года.

лической іерархіи, но и самихъ польскихъ королей. Въ этихъ видахъ въ Холмѣ еще въ началѣ XV в. учреждается польско-католическая епископская кафедра. Въ привилеѣ польскаго короля Владислава II, данномъ холмскому католическому епископу Іоанну въ 1429 году, читаемъ между прочимъ слѣдующее: „обращая вниманіе на доблести превосходнаго служенія, съ которыми превелебный о Христѣ отецъ господинъ Іоаннъ, епископъ холмскій, профессоръ свящ. богословія, монахъ ордена проповѣдниковъ св. Доминика, устроая церковь свою новосозданную примѣромъ жизни и знаніемъ добродѣтелей, *не перестаетъ словомъ св. ученія наставлятъ къ жизни народъ схизматическій, живущій въ окрестности*, и посему желая, чтобы церковь кафедральная новооснованная, которую мы воздвигли, по внушенію Божію, въ честь раздѣленія св. апостоловъ, въ память побѣды, одержанной ихъ помощію, въ священный ихъ день, надъ врагами нашими крестоносцами въ Пруссіи, получила спасительное преуспѣваніе и проч., учреждаемъ на вѣчныя времена двухъ прелатовъ, т. е. препозита и декана, и десять канониковъ“. На содержаніе ихъ Владиславъ II назначилъ доходъ съ холмской своей таможи въ Рубешовѣ ¹⁾, по 100 грошей монеты польской въ годъ, и отдалъ село Парицсы, близъ Холма. Итакъ холмская католическая кафедра, основанная Владиславомъ II въ память побѣды надъ крестоносцами, имѣла своимъ назначеніемъ обращеніе схизматиковъ, т. е. православныхъ русскихъ, къ католической вѣрѣ. Неудивительно, что Казиміръ IV, извѣстный своею особою ревностію къ католической церкви, въ 1456 году подтверждая приведенный привилеѣ Владислава II, отдалъ также католическому холмскому епископу Іоанну и его преемникамъ приходскую холмскую православную церковь во имя Успенія пресв. Богородицы, съ деревнею Савинь. Все это подтверждено привилеями того-же Казиміра, 1485 г., и Сигизмунда I, 1508 года ²⁾. Пропагаторская дѣятельность католическихъ епископовъ и ихъ капитулы, въ первое время ихъ жизни въ Холмѣ, не осталась безъ послѣдствій. Въ

¹⁾ Нынѣ Грубешовъ, уѣздный городъ любл. губ., граничащій съ Волинью

²⁾ См. подтверждательный привилеѣ Сигизмунда I, 1508 г., и копию съ него между документами холмскаго монастыря.

Phoenix-Ъ Якова Суши есть извѣстіе, что около 1566 года холмскій епископъ Захарія испросилъ у Сигизмунда II Августа подтвержденіе привилея *католической униі*, даннаго русскому клиру венгерскимъ и польскимъ королемъ Владиславомъ Ягеллоновичемъ въ 1443 году ¹⁾; но, какъ видно, паства не пошла за своимъ отступникомъ пастыремъ. Православіе сильно поддерживалось въ краѣ мѣстными вельможами и дворянами, и однимъ изъ видныхъ центровъ этого православія является въ XVI вѣкѣ древній Спасскій монастырь въ селѣ Столпѣ, близъ Холма. Когда въ 1569 году состоялось окончательное соединеніе Литвы съ Польшею въ одно политическое тѣло, то съ этого времени до самой церковной униі 1595 года мы видимъ цѣлый рядъ королевскихъ привилеевъ на Спасскій монастырь и церковь въ Столпѣ, выданныхъ русскимъ попомъ Ивану Гавриловичу и сыну его Ѳеодору; потому что, какъ говорится въ одномъ привилеѣ, объ этомъ „представлено было намъ нѣкоторыми чинами царства нашего, обряда греческаго“. Такіе привилеи даны были на Спасскій монастырь и церковь въ селѣ Столпѣ Сигизмундомъ II Августомъ въ 1570 году, Стефаномъ Баторіемъ въ 1578 году и Сигизмундомъ III въ 1590 и 1595 годахъ ²⁾.

Не смотря однако на эти подтвержденія, благопріятствовавшія повидимому православію, ему здѣсь, какъ и во всей соединенной съ Польшею южной Россіи, подготовленъ былъ рѣшительный ударъ въ видѣ такъ называемой брестской униі, къ которой присталъ въ томъ-же 1595 году и холмскій епископъ Діонисій Збируйскій. Извѣстна исторія ея введенія и распространенія и мы не будемъ останавливаться на ней. Для насъ важно то, что однимъ изъ главныхъ орудій ея распространенія избираются монастыри, каковыми являются сперва холмскій, а потомъ замостьскій. Силу монастырей въ дѣлѣ распространенія униі отлично понималъ главный виновникъ брестской униі, владимірскій епископъ, Ипатій Поцѣй, потому онъ на первыхъ-же порахъ задумалъ провести католическія начала во внутреннюю организацію русскаго монашества, передѣлать его по образцу римско-католическихъ орденовъ и сдѣлать его передо-

¹⁾ Phoenix, Якова Суши, 1684 г., стр. 36.

²⁾ См. привилеи 1570 и 1595 гг. между документами холмскаго монастыря.

вымъ отрядомъ въ наступательномъ движеніи католичества на православную церковь. Преобразованное въ базилианскій орденъ, уніатское монашество удачно выполнило свою миссію по отношенію къ православной церкви, и однимъ изъ первыхъ и важныхъ центровъ и рассадниковъ уніатскаго базилианскаго ордена въ юго-западной Россіи является городъ Холмъ.

Холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша въ донесеніи своемъ „Конгрегациі распространенія вѣры“ въ 1664 г. писалъ слѣдующее о началѣ базилианскаго ордена въ Россіи: „Преемникъ Рагозы, превелебнѣйшій Поцѣй, заботясь объ униі, въ видахъ необходимости имѣть для обращенія народа монаховъ, приобрѣлъ сначала монастырь виленскій и собралъ юношество, изъ коего вышли блаженный мученикъ Іосафатъ (Кунцевичъ), Іосифъ Рутскій, столпъ униі, и очень многіе другіе монахи, знаменитые ученостію и благочестіемъ, изъ коихъ нѣкоторые взяты были на епископства и прелатства ¹⁾. Главнымъ помощникомъ Поцѣя и орудователемъ въ этомъ дѣлѣ былъ Іосифъ Вельяминъ Рутскій. Получивъ воспитаніе въ греко-римской коллегіи, при выходѣ изъ нея, онъ „предпринялъ намѣреніе помочь, по своей возможности, обряду греко-католическому и относительно этого далъ обѣтъ въ Римѣ. Съ этою цѣлію онъ обошелъ важнѣйшія мѣста Россіи, былъ даже въ самой Москвіи и столицѣ ея Москвѣ. Онъ нашелъ, что не иначе можетъ помочь, какъ сдѣлавшись монахомъ обряда греческаго. Прежде чѣмъ приступить къ этому, онъ отправился въ Римъ и, послѣ многихъ бесѣдъ со многими духовными людьми, съ вѣдома и согласія верховнаго первосвященника Павла V (1605—1621 г.), въ началѣ его папствованія, вошелъ въ соглашеніе съ мужемъ особенной святости и учености, отцомъ Петромъ Кармелитомъ босоногимъ и съ генераломъ его ордена, чтобы этотъ отецъ послалъ къ нимъ въ

¹⁾ См. книгу: *Sacra congregazione particolari de propaganda fide coram sanctissimo domino nostro Benedicto papa XIV Kijoviens. Jurisdictionis pro revendissimo domino Floriano Hrebnicki, archiepiscopo Polocensi, totiusque Russiae metropolita, cum domino protoarchimandrita ordinis Sancti Basilii Magni Ruthenorum supplicatio facti et juris, Romae, 1755 an.; Summarium № 1.* Для краткости, мы будемъ называть эту книгу >Дѣломъ митрополита Гребницкаго съ базилианскимъ протоархимандритомъ <.

Россію четырехъ монаховъ своего ордена, которые-бы приняли обрядъ греческій и монашескую одежду св. Василя и были-бы учителями нашими въ духовной жизни и реформаторами чина св. Василя, тогда очень неупорядоченнаго. Заключивъ такое условіе, онъ отправился въ Литву и въ Вильнѣ, въ монастырѣ пресв. Тройцы, принявъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, монашескую одежду св. Василя Великаго. Здѣсь жилъ этотъ новицій съ другими новиціями, предаваясь благочестивому изученію хорошо устроенныхъ орденовъ латинскаго обряда, съ которыми онъ познакомился, когда еще былъ свѣтскимъ, и съ которыми имѣлъ тогда въ Вильнѣ сношеніе. Но какъ тогда въ орденѣ отцовъ босоногихъ не было поляковъ, кромѣ развѣ одного, то посему и разсѣялась эта миссія. А между тѣмъ умеръ помянутый о. Петръ, насъ-же окружили безчисленныя бѣдствія, какъ внѣшнія отъ схизматиковъ, такъ и внутреннія отъ нашихъ старыхъ монаховъ, которые, какъ только узнали о нашемъ предположеніи, возбудили противъ насъ сильное подозрѣніе, будто этимъ способомъ мы хотимъ уничтожить обрядъ греческій... Между тѣмъ въ нашъ благоустроенный монастырь поступало много юношей, преимущественно изъ учениковъ іезуитскихъ школъ, которымъ мы приказывали заниматься науками въ тѣхъ-же школахъ, освобождая ихъ отъ монашескихъ обязанностей. Такимъ образомъ въ одно тѣло мы соединили около 100 человекъ, и стали умножаться монастыри“¹⁾. Первые базилианскіе монастыри основались первоначально въ епархіи Поцѣя. По свидѣтельству того-же Якова Суши, Рутскій „многихъ и знатныхъ юношей принявъ въ орденъ, коего колоніи основалъ сначала въ Новогрудѣ, потомъ въ Минскѣ, Жировицахъ, Бытенѣ“²⁾. Собирая этотъ порядокъ распространенія базилианскихъ колоній съ историческими обстоятельствами, мы приходимъ къ заключенію, что новогрудская и минская базилианскія колоніи основаны Рутскимъ около 1611—1612 г., когда онъ былъ коадьюторомъ литовской митрополіи; затѣмъ явились бытенскій монастырь и жировицкій, основанный въ 1613 году для базилианъ Яномъ Мелешкомъ³⁾.

¹⁾ Тамъ-же, Summarium, № 80.

²⁾ Письмо Якова Суши къ секретарю «конгрегациі распространенія вѣры», 1684 г., въ почаевскомъ архивѣ, № 20.

³⁾ Труды кiev. дух. академіи, ноябрь, 1870 г., стр. 347.

Сдѣлавшись въ 1613 году, по смерти Поцѣя, униатскимъ митрополитомъ, Рутскій позаботился распространить базилианскій орденъ и вмѣ предѣловъ своей епархіи. Въ 1616 году онъ выпросилъ у Сигизмунда III подтвержденіе грамоты Сигизмунда I, данной въ 1519 году кievскому митрополиту Іосифу Солтану о подчиненіи и подсудности ему всего духовенства греческаго обряда въ Польшѣ, дабы, на основаніи этой грамоты, имѣть право вмѣшиваться въ дѣла другихъ униатскихъ епархій и распространять въ нихъ базилианскій орденъ¹⁾, и въ слѣдующемъ 1616 году созвалъ въ Новогрудкѣ первую конгрегацію (сѣвздъ) базилианскую изъ представителей пяти монастырей—виленскаго, новогрудскаго, минскаго, жировицкаго и бытенскаго. На этой конгрегаціи, на которой, по просьбѣ Рутскаго, присутствовали два іезуитскіе доктора богословія²⁾, положено было ходатайствовать предъ королемъ, чтобы митрополитъ выбираемъ былъ изъ базилианъ и чтобы епископства давались не свѣтскимъ людямъ, но людямъ монашествующимъ, которые провели извѣстное время въ орденѣ и получили отъ митрополита одобреніе относительно благочестивой жизни и достоинства; притомъ, таковымъ епископамъ передъ ихъ поставленіемъ митрополитъ долженъ внушать, что они постоянно должны считать себя членами ордена и должны быть защитниками и распространителями его въ своей епархіи³⁾. Испрашиваемая привилегія дѣйствительно дана была ордену Владиславомъ IV въ 1635 году, и въ ней говорилось слѣдующее: „епископства, архимандріи, игуменства никому другому не будемъ давать мы и преемники наши, какъ только заслуженнымъ монахамъ чина св. Василія, находящимся въ униі, которыхъ теперешній отецъ митрополитъ унитъ и преемники его униты будутъ представлять намъ и преемникамъ нашимъ“⁴⁾. Для укорененія орденскаго корпоративнаго духа, Рутскій устроилъ для

¹⁾ См. это подтвержденіе въ книгѣ > Дѣло м. Гребницкаго съ базилианскимъ протоархимандритомъ <, 1755 г., Summarium, № 99.

²⁾ > Истор. базилианскаго ордена <, Кояловича, въ Христ. чтен., апрѣль, 1864 г., стр. 443.

³⁾ Дѣло м. Гребницкаго съ базилианскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 2.

⁴⁾ Христ. чтен., 1864 г., январь, стр. 46. примѣч. 2.

своихъ монаховъ новиціатъ, „въ который введены были имъ монахи іезуитскаго ордена, какъ говоритъ Суша,—для духовнаго наставленія нашихъ (базиліанскихъ) монаховъ, такъ что оный превосходный пасторъ (т. е. Рутскій) посылалъ упражняться въ сей новиціатъ настоятелей разныхъ монастырей и почтенныхъ лѣтами въ орденъ, для возстановленія монашескаго духа ¹⁾“. Въ 1624 году, по просьбѣ базиліанъ, наставники ихъ іезуиты, уже слишкомъ усердно поведшіе базиліанъ въ латинству, замѣнены были босоногими кармелитами, но съ обязательствомъ, чтобы „послѣдніе пришли къ намъ (базиліанамъ) въ одеждѣ св. Василія, отпускали волосы на головѣ и бородѣ, также исполняли все по обряду греческому и принесли себя въ жертву Господу Богу, если-бы необходимо было, до конца ихъ жизни“ ²⁾).

По мѣрѣ водворенія уніи въ Холмщинѣ система базиліанскаго ордена захватила собою и холмскую епархію, находившуюся нѣкоторое время въ администраціи митрополита. А унія привилась здѣсь скоро и въ послѣдствіи, съ помощію базиліанъ, пустила глубокіе корни. Въ 1617 году мы видимъ древній холмскій кафедральный монастырь въ рукахъ уніатовъ, и староста холмскій, подскарбій королевства, Николай Даниловичъ, назначая десятину со вновь распаханыхъ въ окрестностяхъ Холма полей, отъ людей религіи римской—на гошпиталь холмскій, опредѣлилъ такую-же отъ людей религіи греческой—на церковь и капитулу церкви кафедральной монастыря холмскаго Рождества Дѣвы Маріи и на духовенство, на тотъ часъ при ней находящееся, состоящія въ уніи вѣры и въ подчиненіи святой римской церкви ³⁾“. Страшный пожаръ 1638 г.

¹⁾ Письмо Суши см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базил. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 1.

²⁾ Тамъ-же Summarium, № 80. См. книгу Sacra congregatione de propaganda fide coram sanctissimo, eminentissimo et reverendissimo Domino Cardinali Caraffa ponente ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum provinciae Poloniae cum reverendissimis patribus provinciae Litvaniae, facti. Romae. 1747 Summarium, № 28. Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—Дѣло польской базиліан. провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г. <

³⁾ Документъ холмскаго монастыря.

не оставилъ и слѣда этого монастыря, пощадивъ одну только каедральную церковь¹⁾, но въ 1621 году холмскій униатскій епископъ Аѳанасій Павоста спѣшилъ устроить въ своей епархіи новый монастырь и ввести туда монаховъ базилиановъ. Задумано это, какъ открываетъ намъ привилей Сигизмунда III, данный этому епископу въ 1621 году, *для наилучшаго содѣяствія униі церкви восточной греческой съ костеломъ римскимъ католическимъ.*

Епископъ просилъ для этого церковь, издавна называемую монастыремъ Куленчицкимъ, находящуюся въ повѣтѣ городельскомъ²⁾, и ревностный католикъ—король удовлетворилъ его желаніе, такъ что въ 1629 году монастырь уже существовалъ, и Сигизмундъ III презентуетъ тогдашнему администратору холмской епархіи, митрополиту Рутскому на настоятельство въ этомъ монастырѣ базилианина Филарета Заваду³⁾. Хотя куленчицкій монастырь не игралъ сколько нибудь значительной роли въ своемъ ордѣ и послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго приписанъ былъ къ возобновленному холмскому каедральному монастырю; но этотъ послѣдній съ 1638 года, получивъ новыя подкрѣпленія, становится главнымъ центромъ униі и базилианскаго ордена для холмской епархіи. Этимъ онъ обязанъ холмскимъ униатскимъ епископамъ изъ тѣхъ-же базилианъ—Меодію Терлецкому и Якову Сушѣ.

Въ 1638 году, епископъ Меодій Терлецкій, какъ повѣствуетъ Суша, возобновилъ послѣ пожара древнюю каедральную церковь пресв. Богородицы, расширилъ ее, выбросивъ изъ нея алтарную колонну, на которой означенъ былъ 1001 годъ основанія храма, и въ церковной оградѣ открылъ фундаментъ древняго храма временъ св. Владиміра, во имя св. Василя Великаго; при послѣднемъ храмѣ, по преданію, жили прежде монахини⁴⁾. Вслѣдъ за симъ, именно въ 1639 году, Меодій Терлецкій основалъ при своей каедрѣ униатскую гимназію и, съ согласія митрополита Корсака, тогдашняго начальника базилианскаго ордена, вызвалъ изъ Литвы въ Холмъ, для преподаванія въ этихъ школахъ, Якова Сушу съ

¹⁾ Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 123.

²⁾ Привилей Сигизмунда III, 1621 г., въ бумагахъ холмскаго монастыря.

³⁾ Тамъ-же, королевскій дипломъ, 12 сентября, 1629 года.

⁴⁾ Phoenix tertio redivivus, Суши, 1684 г., стр. 17—19.

другими базилианами, давъ ему въ управленіе запустѣлый спасскій монастырь¹⁾. Учрежденіе гимназіи, въ видахъ подкрѣпленія ордена и уніи, считалось и тогда настолько важнымъ, что король Владиславъ IV, утверждая ее особымъ привилеемъ 7 іюня 1640 года, говоритъ, что не могъ не принять съ благодарностью такого благочестиваго и достохвальнаго намѣренія епископа, а какова была дальнѣйшая цѣль этого намѣренія, видно изъ послѣдующихъ словъ того же привилея, въ которомъ говорится, что Терлецкій побуждался къ этому *„особою ревностію къ распространенію православной вѣры въ схизматическихъ окрестностяхъ“*. Ближайшимъ образомъ гимназія учреждена для обученія юношества греческимъ и латинскимъ наукамъ. Епископъ „фундовалъ“ ее отъ себя, т. е. назначилъ ей нѣкоторыя угодья, принадлежація къ его епископскому столу²⁾. Но и этимъ не ограничился ревностный епископъ въ своихъ заботахъ объ успѣхахъ уніи и базилианскаго ордена: въ 1644 году онъ испросилъ у тогдашняго митрополита и протоархимандрита базилианскаго ордена Антонія Селявы дозволеніе открыть въ Холмѣхъ новіціатъ для воспитанія уніатскихъ монаховъ въ орденскомъ духѣ³⁾.

Обезпечивъ такимъ образомъ дѣло уніатской пропаганды и, какъ лучшаго ея орудія, воссозданнаго имъ базилианскаго холмскаго монастыря, Меодій Терлецкій не упускалъ изъ виду положенія всего базилианскаго ордена, справедливо рассуждая, что, если не удержится цѣлое, не сдобровать и отдѣльной его части. Выше мы сказали, что первыми устроителями и наставниками базилианъ были іезуиты, а потомъ кармелиты. Они строили его по образцамъ католическимъ, а тамъ орденъ монашескій не зависѣлъ отъ власти епископовъ, но, пользуясь полнымъ самоуправленіемъ, подъ начальствомъ своего генерала, подчинялся только папѣ. Такая независимость тѣмъ болѣе нужна была для ордена базилианъ. Руководители его и сама контрегація *de propaganda fide* хорошо понимали,

1) Труды кievской дух. академіи, май, 1870 г., стр. 476—7. Королевское утвержденіе этого монастыря за базилианами послѣдовало позже, какъ увидимъ ниже.

2) Привилей Сигизмунда III въ бумагахъ холмскаго монастыря. См. также Труды кiev. дух. акад., ноябрь, 1870 г., стр. 352.

3) Листъ м. Селявы отъ 17 сент. 1744 г. находится въ бумагахъ холмскаго монастыря.

что въ представителяхъ униатской церкви еще не умерли традиціи восточной церкви и духъ русскій не ослабѣлъ въ такой степени, чтобы они могли уже идти прямо на полное соединеніе съ латинствомъ. Имъ не трудно было сообразить, что не бывавшіе въ базилианахъ униатскіе епископы и митрополиты могутъ и всему базилианскому ордену дать не желательное направленіе и что только подъ управленіемъ собственнаго генерала или протоархимандрита, подчиненнаго непосредственно одному лишь папѣ, онъ можетъ достигать предположенной для него цѣли. А между тѣмъ униатскіе епископы въ большей части считали этотъ орденъ католическимъ нововведеніемъ и не хотѣли выпускать изъ своихъ рукъ власти надъ его монахами, тѣмъ болѣе, что и въ восточной церкви эта власть принадлежала мѣстнымъ епархіальнымъ епископамъ. Еще при жизни Рутскаго униатскіе архіепископы и епископы грозились ордену, что по смерти митрополита они постараются о томъ, чтобы взять монастыри изъ-подъ власти виленской конгрегаціи ¹⁾. Сами митрополиты, которые должны были быть, по идеѣ Рутскаго, защитниками и покровителями ордена, не разъ поднимали на него свою властную руку. Митрополитъ Анатолій Селява, вскорѣ по вступленіи своемъ на митрополитчій престолъ, созвалъ въ 1642 году генеральную конгрегацію въ Вильнѣ для избранія протоархимандрита и изъявилъ желаніе, чтобы въ протоархимандриты избрали его самого; онъ даже заболѣлъ, когда монахи не хотѣли было удовлетворить его желанію. Базилиане согласились на избраніе его въ протоархимандриты, но требовали отъ него росписки въ томъ, что такая уступка съ ихъ стороны дѣлается на этотъ только разъ и не должна служить примѣромъ для будущихъ митрополитовъ, его преемниковъ, притомъ домогались установленія особыхъ правилъ, которыя опредѣляли-бы отношенія митрополитовъ къ ордену ²⁾. Селява согласился на эти требованія и въ слѣдующемъ 1643 году просилъ римскій дворъ о подтвержденіи декрета „конгрегаціи распространенія вѣры“, изданнаго 4 октября 1624 года касательно

¹⁾ Дѣло м. Гребницкаго съ базилианскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 13.

²⁾ Исторія базил. ордена, Коляловича, въ Христіан. чтеніи, янв., 1864 г., стр. 50—51.

избранія генерала или протоархимандрита базилианскаго, но съ прибавленіемъ къ сему декрету слѣдующихъ словъ: „и все выше-сказанное нужно разумѣть безъ ущерба древней и законной власти митрополита Россіи надъ помянутыми монахами и ихъ игуменами, архимандритами и самимъ протоархимандритомъ, каковой власти свящ. конгрегація никоимъ образомъ не должна ослаблять и ограничивать, поелику монахи базилиане обряда греческаго во всей Греціи не изъяты изъ власти мѣстныхъ епископовъ“¹⁾. Конгрегація распространенія вѣры одобрила это прибавленіе и 3 іюля 1643 г. издала о семъ декретъ²⁾. Но базилиане усмотрѣли въ этой прибавкѣ окончательное подчиненіе своего ордена митрополиту, уничтоженіе своей самостоятельности и съ жалобой на м. Селяву отправили въ Римъ холмскаго униатскаго епископа Меодія Терлецкаго, который и успѣлъ повернуть дѣло въ пользу базилианскаго ордена. На засѣданіи „конгрегаціи распространенія вѣры“, происходившемъ 28 августа, 1643 года, „по выслушаніи устнаго объясненія достопочтеннаго отца господина епископа холмскаго русина унита“, постановлено было сдѣлать такое поясненіе испрошеннаго Селявою декрета, что-де „въ этомъ декретѣ его святѣйшество выразилъ мысль свою соединить помянутыхъ монаховъ, для лучшаго управленія ихъ ордена, въ конгрегацію, подъ властію одного генерала или протоархимандрита, и митрополиту, смотря по обстоятельствамъ, не дѣлать ущерба въ томъ, что принадлежитъ ему по праву“³⁾. Спасая такимъ образомъ независимость всего базилианскаго ордена отъ власти митрополита, Терлецкій подкрѣплялъ положеніе своего излюбленнаго холмскаго монастыря.

Послѣднимъ проявленіемъ его заботы объ этомъ монастырѣ было прославленіе находившейся въ немъ иконы пресв. Богородицы

¹⁾ См. книгу *Sacra congregazione de propaganda fide coram Sanctissimo Domino nostro Kijoviensi praetensae jurisdictionis inter prothoarchimandritam ordinis S. Basilii Magni Ruthenorum et mitropolitum, restrictus facti et juris, Romae, 1754. Summarium, № 20.* Для краткости, мы будемъ называть эту книгу—>Дѣломъ базилианскаго протоархимандрита съ митрополитомъ Гребневскимъ, 1745 <.

²⁾ Тамъ-же, *Summarium* № 1.

³⁾ Дѣло польской базилиан. провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., *Summarium* № 57.

чудотворною. Въ 1646 году докторъ богословія, базилианинъ, Яковъ Суша составилъ, по порученію Меѳодія Терлецкаго, книгу *Phoenix*, въ которой доказывалъ древность этой иконы и описывалъ происходящія отъ нея чудеса, а назначенная по ходатайству того же Терлецкаго, подъ предсѣдательствомъ коадьютора уніатской перемышльской епископіи, епископа самборскаго, Павла Овлучимскаго, комиссія для разслѣдованія о сей иконѣ особымъ актомъ 22 іюля 1646 года подтвердила древность иконы и чудодѣйственную ея силу ¹⁾). Это должно было привлекать народъ къ уніи и монастырю, которымъ принадлежала столь древняя святыня.

По смерти Меѳодія Терлецкаго, для базилиановъ и уніи настали тяжелыя времена. По зборовскому договору Богдана Хмельницкаго съ поляками (1649 г.), подтвержденному на сеймѣ 1650 г., подлежали возвращенію вѣдомству кievскаго православнаго митрополита оставшіяся вакантными епархіи луцкая, холмская и витебская, соединенная съ мстиславскою ²⁾). Опираясь на это, православный кievскій митрополитъ Сильвестръ Косовъ, прибывъ въ февралѣ 1650 г. въ Холмъ, выгналъ базилианъ изъ кафедрны и спасскаго монастыря и поставилъ холмскимъ православнымъ епископомъ Діонисія Балабана. Администраторомъ холмской епархіи со стороны унитовъ былъ въ это время упоминаемый нами уже не разъ Яковъ Суша. Оставляя холмскіе монастыри, базилиане успѣли однако заблаговременно скрыть отъ православныхъ чудотворный образъ Богоматери и нашли себѣ пріютъ у тогдашняго католическаго епископа холмскаго Станислава Пестроконскаго. Но православные, при содѣйствіи шляхтичей Павловскихъ, нашли спрятанную уніатами икону Богоматери и перенесли ее въ кафедральную церковь. Тогда администраторъ холмской уніатской епархіи Яковъ Суша, воспользовавшись пребываніемъ короля въ Люблинѣ, во время новаго похода противъ козаковъ (1651 г.), убѣдилъ короля отобрать у православныхъ холмскую икону Богоматери и взять ее съ собой на войну. Коммиссары, назначенные для сего королевскимъ дипломомъ отъ 25 апрѣля 1651 г., похитили икону изъ холмской кафедральной церкви и пред-

¹⁾ Phoenix Суши, 1684 г., предисловіе.

²⁾ Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, изд. 3, 1879 г., т. II, стр. 207—208.

ставили королю, котораго она и сопровождала во все время его экспедиціи противъ козаковъ ¹⁾). Передъ берестечкою битвою, по рядамъ польскаго войска носили холмскую икону Богоматери, и въ этомъ-то памятникѣ былой эпохи независимости южной Руси поляки искали помощи противъ козаковъ, ополчавшихся за возвращеніе русской землѣ независимости ²⁾). Извѣстно, что берестечская битва была гибельна для козаковъ, и поляки побѣду свою надъ козаками приписывали чудодѣйственной силѣ названной иконы. Набожный король Янъ Казиміръ въ свою очередь искренно вѣрилъ въ чудесную помощь, оказанную ему холмской иконою, возилъ эту икону съ собою до окончанія компаніи и постарался отблагодарить Якова Сушу за его совѣтъ. Грамотой, или привилеемъ отъ 29 іюля 1651 г., онъ отмѣнилъ данныя неунитамъ права и привилегіи и снова отдалъ холмское епископство въ администрацію Якову Сушѣ. „Посему мы,—говорится здѣсь,—отмѣняя дипломы наши старшимъ религіи греческой, въ неуніи находящимся, по причинѣ ихъ неблагодарности, отдали епископство холмское со всѣми церквами, издревле унитамъ принадлежащими, достопочтенному Іакову Сушѣ, генералу викарному холмскому ордена св. Василія Великаго (кoему до выдачи дизунитамъ диплома дали мы другой привилей) въ администрацію и управленіе всѣмъ клиромъ и капитуломъ холмскимъ и белзскимъ обряда греческаго, равнымъ образомъ всѣ имѣнія и всѣ села, принадлежащія сему епископству, ему обратно уступили до дальнѣйшей нашей деклараціи“. Въ слѣдующемъ 1652 году Яковъ Супа назначенъ былъ пожизненнымъ холмскимъ епископомъ и обратился къ королю съ просьбою о возвращеніи въ Холмъ иконы Богоматери. Король съ благодарностію возвратилъ ее въ холмскую каедральную церковь, „съ тѣмъ условіемъ, какъ писалъ онъ въ дипломѣ отъ 30 марта 1652 г., чтобы, если-бы опять (чего не дай Богъ) стали угрожать сей св. иконѣ подобныя предыдущимъ опасности отъ дизунитовъ, тогда помянутый достопочтенный номинать холмскій и его монахи, въ уніи св. находящіеся, обязываются вышеозначенную икону пресв. Дѣвы вручить намъ самимъ“. При торжественной встрѣчѣ этой иконы въ

¹⁾ Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр. 44—55.

²⁾ Богданъ Хмельницкій, Н. И. Костомарова, 3 изд. 1870 г., т. II, стр. 330.

Холмъ говорилъ рѣчь базиліанинъ Бенедиктъ Терлецкій, римскій воспитанникъ отцевъ de propaganda fide, бывшій впоследствии провинціаломъ базиліанскаго ордена. При новомъ возстаніи козаковъ, король Янъ Казиміръ опять вытребовалъ холмскую икону Богородицы въ томъ-же 1652 году къ себѣ и возвратилъ ее Якову Сушѣ уже послѣ битвы подъ Жванцемъ (дек. 1653 г.), вѣроятно въ 1654 году ¹⁾.

Съ прекращеніемъ козацкихъ войнъ и замиреніемъ всего края улучшилась снова судьба холмскаго базиліанскаго монастыря, а вмѣстѣ и всего базиліанскаго ордена. Въ 1654 году епископъ Суша приписалъ къ холмскому базиліанскому монастырю упомянутый выше куленчицкій монастырь и церковь любачевскую городищенскую, равно и присоединилъ къ нему православный монастырь Добротворскій и многіе другіе. Всѣми ими, какъ писалъ Суша, владѣли тогда въ епархіи холмской схизматики; не смотря на то, его захваты признаны были самимъ королемъ ²⁾. Въ 1662 году въ привилеѣ 20 іюля Янъ Казиміръ писалъ: „охотно склонившись на покорную просьбу (Якова Суши), заблагоразсудили мы вышепомянутыхъ монаховъ базиліанъ, живущихъ при каедрѣ холмской греческой и тамошнемъ чудотворномъ образѣ пресв. Дѣвы, которымъ этотъ чудотворный образъ отданъ былъ нами въ распоряженіе особымъ рескриптомъ нашимъ, даннымъ въ Варшавѣ 30 мая 1652 г., по прекращеніи непріятельскихъ опасностей,—оставить при монастырѣ св. Спаса, который всегда особливимъ привилеемъ подаванъ былъ найяснѣйшими предшественниками нашими и никогда не принадлежалъ епископству холмскому, но издавна находился въ рукахъ и распоряженіи помянутыхъ монаховъ и иныхъ частныхъ лицъ, на что и мы приказали выдать изъ канцеляріи нашей онымъ монахамъ особый рескриптъ уже въ царствованіе наше, подъ датой изъ Варшавы, 18 марта 1650 года; также при школахъ тамошнихъ, которыя вышепомянутый велебный Яковъ Суша возстановляетъ своимъ иждивеніемъ, въ которыхъ должны учить вышепомя-

¹⁾ Phoenix Якова Суши, 1684 г., стр 96—115.

²⁾ Документъ холмскаго монастыря. См. Дѣло польской базиліанской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium № 50.

нутые благочестивые монахи базилиане униты, находящіеся при каедрѣ холмской греческой, а не другіе, и при старинномъ правѣ, обращая вниманіе на эрекцію велебнаго нѣкогда Меѳодія Терлецкаго, епископа холмскаго, какъ и дѣйствительно, заботясь должнымъ образомъ объ увеличеніи славы Божіей, ашпробуемъ, обновляемъ, утверждаемъ помянутыя права, привилей, какъ всѣ вообще, такъ и каждое въ частности, ничего не изъемя и не исключая“, и проч. Тѣже права подтверждены были привилеями Яна III въ 1676 и 1685 годахъ и Августа III въ 1754 году ¹⁾.

Въ видахъ расширенія уніи, Яковъ Суша, позаботился о водвореніи въ Холмѣ и базилианокъ. Мы видѣли, что епископъ Меѳодій Терлецкій, при реставраціи каедральнаго храма, открылъ вблизи его фундаментъ какого-то другаго храма, который Яковъ Суша въ своемъ „Фениксѣ“ призналъ за древній храмъ бывшаго когда-то въ Холмѣ женскаго монастыря во имя св. Василія Великаго. Вѣроятно, для возстановленія въ Холмѣ женскаго монашества, Яковъ Суша началъ пріобрѣтать, съ 1654 года, въ г. Холмѣ и его окрестностяхъ земельные участки, дома и фольварки, и дѣйствительно отдалъ ихъ монахинямъ чина св. Василія Великаго, которыхъ онъ помѣстилъ при холмской церкви Успенія пресв. Богородицы. Въ 1663 году Янъ Казиміръ, по ходатайству Якова Суши, освободилъ грунты и дома холмскаго женскаго монастыря отъ податей и повинностей, что подтвердилъ въ 1679 году и Янъ III Собѣсскій ²⁾. Въ послѣдствіи времени и этотъ женскій монастырь отданъ былъ холмскимъ базилианамъ ³⁾.

¹⁾ См. подтвержденіе Августа III, 1754 г., въ дѣлахъ холмскаго монастыря.

²⁾ Тамъ-же, привилей Яна III, Собѣскаго, 1679 года.

³⁾ Въ 1723 г. холмскій уніатскій епископъ Юсіфъ Левицкій, не только подтверждалъ прежнія записи Меѳодія Терлецкаго и Якова Суши въ пользу холмскаго базилианскаго монастыря (на монастыри Куленчицкій и Спасскій, предмѣстья Вулька и Завале), но и отдалъ >монастырь женскій того-же чина, или иначе паненшизму, тѣмъ же почтеннымъ отцамъ и монастырю холмскому«, со всѣми фундами, ланами, полями, подданными» и проч. А въ 1753 г., при настоятелѣ холмскаго монастыря Максимилианѣ Рыллѣ, холмскіе базилиане получили въ свое пользованіе село Парипсы, когда-то данное королемъ Владиславомъ II капитулу холмской католической каедры.—Мѣсто женскаго монастыря указываютъ теперь на горѣ, за Холмомъ, по направленію къ д. Серебрище, гдѣ видны остатки какихъ-то развалинъ.—Грамота Левицкаго въ документахъ холмскаго монастыря.

Поставленный на ноги и обезпеченный Яковомъ Сушей, холмскій базилианскій монастырь занялъ видное мѣсто въ ряду другихъ базилианскихъ монастырей. Въ 1719 году здѣсь происходила, подъ предсѣдательствомъ митрополита Льва Кишеи, генеральная базилианская конгрегація, обыкновенно назначавшаяся въ знаменитѣйшихъ базилианскихъ монастыряхъ ¹⁾).

Подобно своему предшественнику Терлецкому, Яковъ Суша оказалъ важную услугу и всему базилианскому ордену во время возобновившейся борьбы его съ митрополитомъ за орденское самоуправленіе. Мы видѣли, что въ 1651 году Яковъ Суша былъ виварнымъ генераломъ базилианскаго ордена, т. е. непосредственнымъ и главнымъ его начальникомъ послѣ митрополита Селявы. Эту должность онъ занималъ вѣроятно съ 1650 года, со времени бывшей въ этомъ году генеральной виленской конгрегаціи, и исполнялъ ее до минской конгрегаціи 1652 года, на которой выбранъ провинціаломъ или виварнымъ генераломъ Бенедиктъ Терлецкій. По смерти Терлецкаго въ 1661 году, въ самый разгаръ борьбы базилианскаго ордена съ архіепископомъ Гаврииломъ Колендой, помогавшимся протоархимандритства, Яковъ Суша выбранъ былъ на жировицкой конгрегаціи 1661 года въ протоархимандриты ордена и исполнялъ эту должность, вѣроятно, до супрасльсвой конгрегаціи 1665 года ²⁾). Онъ, кажется, и принялъ протоархимандритство только для того, чтобы защитить базилианъ отъ притязаній уніатскаго митрополита и примирить ихъ съ нимъ. Еще до выбора своего въ протоархимандриты, Яковъ Суша и базилиане 5 іюля 1661 г. протестовали противъ выбора архіепископа Коленды въ протоархимандриты и заявляли, что Бенедикта Терлецкаго, архимандрита виленскаго уже въ третій разъ избирали на тороканской капитулѣ провинціаломъ и главою ордена, и что не желаютъ принять другаго выбора ³⁾). На жировицкой капитулѣ или конгрегаціи 1661 г., на которой предсѣдательствовалъ и избранъ въ протоархимандриты

¹⁾ Дѣло и. Гребницкаго съ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 87. См. >Труды кiev. дух. академіи<, май, 1870 г., стр. 491.

²⁾ >Труды кiev. дух. академіи<, 170 г., май, стр. 453. 488 и 489.

³⁾ Тамъ-же, ноябрь, 1870 г., стр. 467; см. почаев. архив., №№ 100 и 201.

базиліанскаго ордена Яковъ Суша, базиліане постановили жаловаться на противозаконныя дѣйствія администратора митрополи, архіепископа Гавріила Коленды, по отношенію къ ихъ ордену, и вмѣстѣ съ тѣмъ протестовали противъ учрежденія вновь архимандрій, при митрополитѣ Антоніѣ Селявѣ, въ Полоцкѣ, Черее, Березвечи и Дубно, гдѣ ихъ никогда прежде не было. „По сему орденъ просилъ, чтобы избранные начальники донесли о всемъ этомъ престолу апостольскому, и чтобы пожизненные архимандріи тамъ, гдѣ ихъ не было, упразднены были и совершенно уничтожены, и чтобы всѣ монастыри и архимандріи подчинялись одному лишь избранному протоархимандриту и его преемникамъ“ ¹⁾. Въ Римъ отправился самъ Яковъ Суша, вѣроятно въ 1664 году, потому что къ этому году относится его донесеніе конгрегаціи распространенія вѣры о началѣ уніи, въ которомъ онъ жаловался папѣ, отъ лица всѣхъ уніатскихъ епископовъ, на нѣкоторыхъ епископовъ латинскихъ, ходатайствовавшихъ предъ римскимъ престоломъ объ уничтоженіи уніатской іерархіи ²⁾. Въ это-же, конечно, время Яковъ Суша, вмѣстѣ съ провинціаломъ базиліанскимъ Пахоміемъ Огилевичемъ, вошелъ въ „конгрегацію распространенія вѣры“ съ представленіемъ, коимъ просилъ конгрегацію, чтобы воспрещено было пользоваться многими бенефиціями, чтобы епископы не рыхлили монастырскихъ имуществъ, чтобы архимандрія виленская принадлежала ордену, и проч. При этомъ Суша представилъ и другіе пункты, клонившіеся къ улучшенію базиліанскаго ордена и послужившіе впослѣдствіи темой для разсужденій на базиліанскихъ конгрегаціяхъ, какъ напр. о не ношеніи монахами полного монашескаго одѣянія, о занятіяхъ базиліанскихъ воспитанниковъ по возвращеніи ихъ изъ заграничныхъ папскихъ алюминатовъ, о совращеніи уніатовъ іезуитами въ обрядъ латинскій и проч. ³⁾. Вслѣдствіе представленія Якова Супи, папа далъ, 30 мая 1665 г., своему нунцію въ Польшѣ бреве, коимъ приказывалъ ему созвать новую базиліанскую конгрегацію, подъ его предсѣдательствомъ, для из-

¹⁾ Дѣло и. Гребницкаго съ базиліанскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., *Summarium*, № 17.

²⁾ Тамъ-же, *Summarium*, № 1.

³⁾ Архивъ почает. лавры, № 201.

бранія протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ, а супрасльскую и жиравицкую конгрегаціи считать не дѣйствительными ¹⁾. Эта конгрегація состоялась въ октябрѣ того же 1665 года въ Супрасль, но и она кассирована папой потому, что на ней избранъ былъ въ протоархимандриты не простой монахъ, а митрополитъ, и назначена новая конгрегація въ Брестѣ на 1 марта 1666 года. Последняя, подъ предсѣдательствомъ нунція, и занялась преимущественно разсмотрѣніемъ и обсужденіемъ тѣхъ нестроений ордена, какія указаны были Сушей и Огилевичемъ „конгрегаціи распространенія вѣры“. 4-го марта, во второму засѣданію конгрегаціи, прибылъ на нее Яковъ Суша и съ особенною полнотою и ясностію раскрылъ укоренившіеся въ базилианскомъ орднѣ безпорядки и предложилъ соотвѣтственныя мѣры къ ихъ устраненію. Такъ, онъ предложилъ строго соблюдать обряды и обычаи греко-восточной церкви, настаивалъ на уничтоженіи новыхъ архимандрій и обращеніи ихъ въ простые игуменскіе монастыри, жаловался на угнетеніе униатовъ латинянами, требовалъ запрещенія переходить изъ униатскаго обряда въ латинскій и просилъ нунція ходатайствовать предъ королемъ за унию, „чтобы онъ защищалъ ее и покровительствовалъ ей какъ противъ схизматиковъ, такъ и противъ католиковъ латинскаго обряда и особенно клириковъ“, и проч. Въ заключеніе Яковъ Суша доказывалъ, что благо ордена требуетъ, дабы въ протоархимандриты избранъ былъ митрополитъ, потому что протоархимандритъ изъ простыхъ монаховъ не могъ-бы справиться съ своевольными монахами и имѣть силы при дворѣ ²⁾. Голосъ Якова Суши убѣдилъ нунція согласиться на общее желаніе, чтобы управленіе орденомъ вѣрено было митрополиту. Избранный, вслѣдствіе этого въ протоархимандриты, Коленда благодарилъ все собраніе за довѣренность къ нему, просилъ забыть давніе споры, произшедшіе вслѣдствіе взаимныхъ недоразумѣній, и, по примѣру своего предшественника Анатолія Селявы, обезпечилъ права ордена на свободное избраніе протоархимандрита изъ простыхъ монаховъ письменнымъ актомъ ³⁾.

¹⁾ Исторія базилианскаго ордена, Кояловяча, въ христіан. чтеніи, янв., 1864 года, стр. 56, примѣч. 2.

²⁾ Дѣло и. Гребницкаго съ базилиан. протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 90.

³⁾ Христіан. чтеніе, янв., 1864 г., стр. 60—61.

Въ другой разъ Яковъ Суша оказалъ базилианскому ордену услугу при преемникѣ Коленды, митрополитѣ Киприанѣ Жоховскомъ, вошедшемъ въ острія, непріязненныя столкновения съ орденомъ. Ближайшимъ поводомъ къ этимъ столкновениямъ было слѣдующее обстоятельство. Около 1681 года папскій нунцій въ Польшѣ, „спросивши одного іезуита богослова, расположеннаго къ базилианамъ, отъ чего базилианскій орденъ не только не усиливается, но даже и упадаетъ, тогда какъ прежде онъ славился, если не числомъ, то превосходными людьми, получилъ отвѣтъ, что прелаты угнетаютъ монаховъ разными способами. Получивъ такой отвѣтъ, нунцій призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ настоятелей и разпросилъ ихъ объ угнетеніяхъ, о которыхъ они и устно передали и на письмѣ изложили. Вслѣдствіе этого онъ приказалъ имъ обратиться къ священной конгрегаціи монаховъ (regularium), которая приказала нунцію употребить надлежащее врачевство; „нунцій-же, пишетъ Суша, послалъ представленные ему монахами пункты къ митрополиту, ко мнѣ самому и другимъ епископамъ нашимъ. Тотчасъ вскипѣлъ митрополитъ, написалъ нунцію на монаховъ не хорошее, тотчасъ же сталъ притѣснять орденъ и порѣшилъ низложить протоархимандрита и заставить избрать самого себя“ ¹⁾). На минской конгрегаціи, бывшей въ іюль 1683 года, митрополитъ Жоховскій низложилъ генерала Мартышкевича-Бусинскаго и консульторовъ, заставилъ собравшихся на конгрегацію базилианъ избрать себя въ протоархимандриты, взялъ у прежнихъ начальниковъ ордена принадлежавшіе имъ монастыри и роздалъ ихъ вновь назначеннымъ должностнымъ лицамъ ордена ²⁾). Мартышкевичъ-Бусинскій думалъ было уже перейти, отъ преслѣдованій митрополита, въ латинскій обрядъ, но Яковъ Суша убѣдилъ его остаться въ униатскомъ обрядѣ и въ базилианскомъ орденѣ и чрезъ нунціатуру сдѣлалъ представленія папѣ въ пользу базилианскаго ордена. Здѣсь онъ проэктивировалъ ограничить власть митрополита тридентскимъ соборомъ, учредить конгрегацію изъ монаховъ и нѣсколькихъ свѣтскихъ священниковъ изъ каждой епархіи, воспретить митрополиту визитацію (ревизию) епархій

¹⁾ Письмо Я. Суши къ секретарю конгрегаціи распространенія вѣры, 1684 г., въ почаев. архивѣ, № 201.

²⁾ > Труды кiev дух. академіи <, ноябрь, 1870 г., стр. 382.

и опредѣлить ее на основаніи тридентскаго собора, управление же базилианскимъ орденомъ предоставить не митрополиту, а самому ордену ¹⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ и сами базилиане жаловались на митрополита Жоховскаго папѣ и королю. Король взялъ базилианскій орденъ подъ свое покровительство, а папа Иннокентій XI издалъ бреве отъ 30 октября 1683 г., которымъ кассировалъ минскую конгрегацию и предписывалъ созвать новую. Но это бреве не было тотчасъ приведено въ исполненіе, потому что митрополитъ Жоховскій въ письмѣ своемъ отъ 28 февраля 1684 г. къ кардиналу Нерлію критиковалъ папское бреве и жаловался на очерненіе его базилианами,—его, который кровію и жизнію защищаетъ апостольскій престоль и достигъ того, что уничтоженъ былъ въ Россіи схизматическій митрополитъ и остался одинъ униатскій, его, который присоединилъ къ униі множество схизматическихъ церквей, выстроилъ новыя зданія для базилианъ, выпросилъ для нихъ у республики богатыя имѣнія, возстановилъ кафедральную церковь виленскую, и проч. Вслѣдствіе сего протеста Жоховскаго опять возобновилась переписка о возникшемъ разногласіи между митрополитомъ и орденомъ и о средствахъ къ примиренію ихъ. Конгрегация распространенія вѣры чрезъ секретаря своего спрашивала холмскаго епископа Якова Сушу о происхожденіи несогласія, объ основаніяхъ, по воимъ митрополитъ и епископы домогаются власти надъ монахами и проч., причемъ препровождена была къ Сушѣ и копія протеста митрополита Жоховскаго. Яковъ Суша, между прочимъ, отвѣчалъ, что 1) разногласіе возникло вслѣдствіе того, что базилиане указали нунцію причину упадка своего ордена въ угнетеніи его митрополитомъ и епископами и этимъ раздражили митрополита; 2) что митрополитъ напрасно требуетъ подчиненія себѣ монаховъ, потому что и въ Греціи монахи не до того подчинены своимъ прелатамъ, чтобы послѣдніе присвоили себѣ ихъ доходы, и зависятъ отъ нихъ только въ отношеніи совершенія обрядовъ и таинствъ; 3) что митрополитъ Рутскій, обративъ въ унию множество монастырей, нигдѣ не желалъ имѣть архимандритовъ,

¹⁾ Письмо Мартышкевича къ м. Жоховскому, отъ 3 дек. 1683 г., въ вочаев. архивѣ, № 201.

кромѣ супрасльскаго и жидичинскаго монастырей, и испросилъ у папы Урбана разрѣшеніе самимъ монахамъ избирать себѣ генерала изъ простыхъ монаховъ; а досему должна быть ограничена власть митрополита и епископовъ надъ монахами ¹⁾).

Это была послѣдняя услуга Якова Суши базилианскому ордену. 4 марта 1685 года Суша умеръ; но его мнѣніе положено было въ основаніе Nexus-а или союза между базилианскимъ орденомъ и униатскимъ митрополитомъ, выработаннаго на новогрудской конгрегациі 1686 года, подъ предсѣдательствомъ кievскаго латинскаго бискупа Ѳомы Вейскаго. Хотя этотъ Nexus или союзъ и не былъ формально утвержденъ папою, но имѣлъ силу закона до 1743 года. Этимъ Nexus-омъ или союзомъ блистательно завершилась для ордена его слишкомъ 40-лѣтняя борьба съ митрополитомъ. Мысль Якова Суши о принятіи въ основу жизни базилианскаго ордена началъ римской церкви и въ частности постановленій тридентскаго собора выразилась въ этомъ Nexus-ѣ и въ предоставленіи базилианскому ордену внутренняго самоуправленія, и въ данномъ протоархимандриту правѣ визитовать всѣ монастыри, не исключая и архимандричьихъ, съ дозволенія впрочемъ митрополита, и въ визитаціи приходскихъ церквей ордена, и въ поставленіи и смѣнѣ временныхъ настоятелей и проч. Словомъ, въ силу условій Nexus-а, базилианскій орденъ сталъ твердою ногою на тотъ путь, который привелъ его впоследствии къ окончательному окатоличенію и уподобленію другимъ монашескимъ орденамъ латинской церкви ²⁾).

Со времени Nexus-а стало быстро умножаться и количество базилианскихъ монастырей. Около времени заключенія союза съ митрополитомъ Жоховскимъ въ составъ базилианскаго ордена вошли слѣдующіе монастыри: жириовицкій, бытенскій, рожанскій, полоцкій, новогрудскій, владимірскій, волненскій, казутскій, березвечскій, витебскій, черлонскій, холмскій, брестскій, лысковскій, тороканскій, красногорскій, пинскій,—и кромѣ того въ болѣе или менѣе тѣсныхъ связяхъ съ нимъ находились архимандріи: виленская, лав-

¹⁾ »Труды кiev. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 384—391.

²⁾ Nexus см. въ Дѣлѣ м. Гребницкаго съ базилианскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium № 3; см. »Труды кiev. дух. академіи«, ноябрь, 1870 г., стр. 393 и слѣд.

ришевская, супрасльская, черченская, дерманская, дубенская, спасская и крестовоздвиженское пожизненное настоятельство дубенское, жидичинская, дорогобужская, брацлавская, мстиславская, онуфрейская, пустынская, гродненская, лепчинская, помоцкая, борисоглѣбская, минская, кобринская, черейская, троцкая и проч., всего до 30-ти слишвомъ монастырей. Вскорѣ послѣ 1686 года присоединены были къ ордену монастыри верховскій, мирскій, доброгорскій, бучацкій, бѣльскій, ушачскій. Кромѣ того, Львомъ Кишкой возвращены ордену возведенные было въ архимандріи монастыри—виленскій, лавришевскій, минскій, пустынскій, мстиславскій, черейскій и тороканскій ¹⁾). Но около половины XVIII в. число всѣхъ базилианскихъ монастырей простиралось свыше 160, въ числѣ коихъ значился и замостьскій монастырь ²⁾), служившій въ XVIII вѣкѣ вторымъ важнымъ центромъ униатчины въ холмской землѣ. Къ исторіи этого монастыря мы теперь и обращаемся.

II.

Замостьскій униатскій монастырь явился въ первой четверти XVIII вѣка въ замѣнъ православныхъ замостьскихъ церквей никольской и вознесенской и долго еще потомъ боролся съ ихъ православными преданіями, невольно подчиняясь иногда ихъ вліянію. Поэтому мы должны, прежде изложенія свѣдѣній о самомъ монастырѣ, сказать объ этихъ церквяхъ до перехода ихъ въ руки униатовъ и превращенія ихъ въ замостьскій униатскій монастырь.

Въ то время, какъ холмскій кафедральный богородичный монастырь въ XVII вѣкѣ сдѣлался уже однимъ изъ важныхъ центровъ униі и базилианскаго ордена и въ лицѣ своихъ представителей оказывалъ ему немаловажныя услуги, — кругомъ Холма всюду еще господствовало православіе. Въ 1700 году въ Холмщинѣ и Подляхін оставались еще православными монастыри: люблинскій, бѣльскій, брянскій и многіе другіе ³⁾), и до самаго этого года оставалось въ православіи братство замостьской никольской церкви.

¹⁾ »Труды кiev. дух. академіи», ноябрь, 1870 г., стр. 406—407.

²⁾ Тамъ-же, августъ, 1870 г., стр. 434—436.

³⁾ Актъ луцкаго братства 1700 г. въ Виленскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ, 1868 г., № 21.

Городъ и крѣпость Замостье основаны были во второй половинѣ XVI вѣка короннымъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, однимъ изъ лучшихъ государственныхъ людей своего времени, который любилъ просвѣщеніе и основалъ замойскую академію, отличался вѣротерпимостью и расположенностью къ русскому народу. Населеніе Замостья было смѣшанное; тутъ селились и поляки, и русскіе, и греки, и армяне, и евреи. Между другими вѣроисповѣданіями православное занимало едва-ли не самое видное мѣсто; въ XVII вѣкѣ ему принадлежали церкви вознесенская на львовскомъ предмѣстьѣ (нынѣ Новая Осада) и никольская въ самой крѣпости.

Прежде всего построена была здѣсь православная вознесенская церковь на львовскомъ предмѣстьѣ, и при ней учреждено было братство, уже существовавшее въ 1590 году¹⁾. Около того же времени разрѣшена къ постройкѣ и другая православная церковь, но уже въ самомъ замкѣ или крѣпости замостьской. Разрѣшеніе на постройку этой послѣдней дано было основателемъ города, короннымъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ, 10 января 1589 года, собственно грекамъ, которые, не смотря на свое недавнее появленіе въ Замостьѣ, заняли здѣсь въ ряду торговцевъ другихъ націй первенствующее мѣсто. Упомянутымъ сейчасъ привилеемъ Замойскаго имъ предоставлялось „не только имѣть складъ своихъ товаровъ и домъ, но и быть распорядителями нѣкоторыхъ купечествъ, сообща составленных“, а устроивъ церковь свою въ самомъ городѣ, „содержать при ней одного священника или болѣе,—равно совершать богослуженіе по своему обряду безъ всякаго препятствія отъ кого-либо“²⁾. Кому затѣмъ принадлежитъ самая постройка никольской церкви,—грекамъ или русскимъ, либо тѣмъ и другимъ вмѣстѣ,—объ этомъ свѣдѣній нѣтъ; но вскорѣ послѣ того мы видимъ грековъ и русскихъ въ дѣлахъ вѣры дѣйствующими за одно и сообща пользующимися новоустроенною въ Замостьѣ православною никольскою церковью. При этой церкви, какъ и при вознесенской на предмѣстьѣ, возникаетъ братство, въ которомъ также

¹⁾ Упомянется подъ этимъ годомъ въ универсалѣ Томаша - Юсифа Замойскаго отъ 21 апрѣля 1712 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Копія этого документа въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

единство исповѣданія соединило грековъ и русскихъ ¹⁾. Учрежденіе этого братства, если не предшествовало постройкѣ каменной никольской церкви, то совпало съ временемъ оной. Легко допустить, что если раньше этого существовала русская церковь на предмѣстьѣ Замостья, то тѣмъ болѣе должна была существовать такая же церковь въ самомъ Замостьѣ, а при ней, по обычаю того времени, и братство, хотя еще безъ устава и опредѣленной организаціи. Въ *Суммаріумъ* (описи) дѣлъ замостьскаго монастыря, составленномъ 20 ноября 1775 года, мы нашли указаніе на „привилей (но не самый привилей) восточнаго патріарха, писанный погречески,

¹⁾ Учрежденіе церковныхъ братствъ было въ это время весьма распространено въ южной Россіи, но и греки были знакомы съ этимъ учрежденіемъ по существовавшимъ въ разныхъ мѣстахъ греческихъ поселеній тѣмъ-же и съ такими-же названіемъ обществамъ. Однимъ изъ первыхъ греческихъ братствъ, приобрѣвшихъ наибольшую извѣстность, было греческое братство въ Венеціи. Здѣсь еще въ 1470 году греки получили позволеніе свободно отправлять свое богослуженіе въ предѣлѣ св. Власія, потомъ въ 1498 году устроить братскій домъ въ честь св. Николая, наконецъ въ 1511 году дозволеніе построить новый храмъ св. Георгія, который и былъ построенъ въ 1526 году и освященъ 1527 года, когда послѣдовало окончательное утвержденіе венеціанскимъ правительствомъ патронатскихъ правъ братства по отношенію къ храму и приходу или церковной общинѣ. Были и другія братства. Въ Греціи особенную извѣстность приобрѣло братство св. Спиридона въ Корфу. Организованнѣе другихъ было братство св. Георгія въ Венеціи. Совѣтъ братства, состоявшій до 1592 года изъ 40 членовъ, съ этого года состоялъ изъ 60-ти. Братство становилось какъ бы центральнымъ для всей Греціи. Изъ разныхъ земель и острововъ Греціи присоединялись къ нему члены и жертвователи. Аоніане, морейцы, ессалийцы, павкатцы, критяне, эвбейцы, коринтеяне, іоніане, македоняне, оракійцы, эпироты, — всѣ съ равнымъ жаромъ трудились для блага и чести своего народа, всѣ помогали его насущнымъ потребностямъ. Чины совѣта возобновлялись чрезъ каждые три года, выбирались на общемъ собраніи. Изъ членовъ совѣта ежегодно дѣлался выборъ лавы или скамьи представителей (кастальда, викарій, писарь и два дѣлопроизводителя), какъ административной или исполнительной власти въ дѣлахъ братства, также двухъ дефенсоровъ (на два года), столько же синдиковъ и контролеровъ, 12 діаконровъ, двухъ надзирателей за строеніями, журналиста и всѣхъ состоявшихъ на жалованьи какъ духовныхъ, такъ и мірянъ. Избраніе всѣхъ должностныхъ лицъ совершалось простымъ большинствомъ, а избраніе кастальда, епископа и священниковъ — не иначе, какъ двумя третями голосовъ. (См. книгу И. Малышевскаго: > Александрійскій патріархъ Мелетій Пигасть <. Кіевъ, 1879 г., т. I, стр. 40, 509—510.

съ печатью на массѣ, въ жестянкѣ, служацій тому братству св. Николая“, т. е. являющемуся скоро съ опредѣленною организаціею и уставомъ. Вѣроятно эта греческая грамота дана была замостьскимъ жителямъ православнаго исповѣданія цареградскимъ патриархомъ Іереміею, проѣзжавшимъ черезъ Замостье въ 1588—9 годахъ. Что замостьскіе греки дѣйствовали за одно съ мѣстнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ въ дѣлахъ вѣры и благотворенія, что въ это время въ Замостьѣ существовала греко-русская община, что эта община имѣла какую-то организацію относительно дѣлъ благотворенія и общія для того средства, что она носила даже названіе *братіи* или *братства*, объ этомъ свидѣтельствуеетъ привилей канцлера Яна Замойскаго, отъ 28 мая 1601 года, данный частному лицу греческой націи по дѣлу устройства госпиталя. „Славный Яни Константиновичъ гречинъ, пишеть въ немъ Замойскій, мѣщанинъ мой замостьскій представилъ мнѣ документы и записью предъ урядомъ войтовскимъ города моего Замостья подтвердилъ, что онъ купилъ за 40 злотыхъ польскихъ у честнаго Алексѣя, попа церкви русской вознесенской, на предмѣстьѣ моемъ замостьскомъ, по названію львовскомъ, и у жены его Аполлоніи половину плаца съ принадлежащимъ къ нему огородомъ, на которомъ уже теперь и домъ построилъ собственнымъ иждивеніемъ, каковой находится между погостомъ той церкви и домомъ Симоновымъ, по дорогѣ вымѣренной, на постройку и учрежденіе госпиталя для убогихъ греческой и русской религіи, и окончательно расплатился, о чемъ обшириѣе гласить подлинная его записъ и обозначеніе того плаца, записанное имъ въ актахъ войтовскихъ. Каковое намѣреніе и фундацію помянутаго Яни гречина, мѣщанина моего замостьскаго, я утверждаю нынѣшнимъ листомъ моимъ на вѣчныя времена, съ тѣмъ условіемъ, что потомки его, Яни, не могутъ по смерти его обратитъ помянутый плацъ и построенный на немъ домъ съ огородомъ въ свою пользу, но все это будетъ вѣчно принадлежать помянутому госпиталю. Равно должно имѣть силу все то, что будетъ отказано кѣмъ либо по духовному завѣщанію на тотъ госпиталь, или что уже было завѣщано кѣмъ либо до выдачи сего привилея. Никто также не будетъ имѣть права завѣдывать тѣми имѣніями, которыя бы даны были Яномъ на тотъ госпиталь, кромѣ самого означеннаго Яни съ *братіею* его религіи греческой; и потомки его,

по смерти его, не могут распоряжаться безъ воли *братіи*. А если бы также завѣщали что и другіе, тогда должны быть соблюдаемы воля и надлежащій правильный порядокъ относительно завѣщанныхъ имуществъ, установленный ими съ согласія моего и потомковъ моихъ. Просителямъ изъ того госпиталя предоставляется просить на госпиталь и его нужды въ городѣ и по селамъ, безъ препатствія со стороны лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ. Въ этотъ госпиталь какъ помянутый Яни гречинъ, такъ и потомки его, провизоры сего госпиталя, могутъ принимать людей религіи греческой изъ здѣшняго города и принадлежащихъ къ нему колоній, и безъ воли ихъ не обязаны будутъ принимать убогихъ людей ни по чьей просьбѣ или ходатайству¹⁾“. Ясно названная въ этомъ привилеѣ православная замостьская *братія*, завѣдывающая дѣлами благотворенія, вѣроятно и есть то православное братство замостьское, которое, спустя пять лѣтъ, именно 30 марта 1606 года, получаетъ отъ львовскаго епископа Гедеона Балабана благословенную грамоту и утвержденіе своего устава²⁾.

Эта грамота есть буквальное почти повтореніе грамоты антиохійскаго патріарха Іоакима, данной въ 1586 году на основаніе церковнаго братства львовскаго, что совершенно натурально при однородности учрежденій и одинаковости обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ³⁾. Кромѣ этого братства при той-же никольской церкви учреждается младшее или молодшее, подъ названіемъ братства Покрова пресв. Богородицы, и получаетъ разрѣшеніе на свое существованіе и утвержденіе своего устава въ видѣ особой грамоты отъ того-же епископа Гедеона Балабана⁴⁾. Разница между прежнимъ старшимъ и новымъ молодымъ братствами заключалась лишь въ томъ, что къ первому принадлежали семейные хозяева, а ко

¹⁾ Привилея этотъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Подлинникъ этой грамоты въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ ея см. въ отдѣлѣ Матеріаловъ этой же книжки «Кіевской Старины».

³⁾ См. ее въ «Памятникахъ, изд. временною комиссіей для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, т. III, 1852 г., стр. 1 и слѣд.

⁴⁾ Въ бумагахъ замостьскаго монастыря есть копія грамоты Гедеона Балабана младшему братству, тождественная по содержанію съ приведенной грамотой его 1606 года; но къ этой копій привѣшена печать самого младшаго братства съ кустодією, на которой вырѣзанъ 1656 годъ.

второму—холостые люди; но цѣль ихъ одна: содержаніе церкви, ея украшеніе, помощь старымъ, больнымъ и бѣднымъ въ приходѣ, взаимная самопомощь и охраненіе отеческой вѣры. Оба братства, выполняя свое призваніе, развивались, сообразно тому и данный имъ Гедеономъ Балабаномъ уставъ подвергался нѣкоторымъ дополненіямъ; какъ подвергался подобнымъ дополненіямъ и уставъ львовскаго братства 1586 года.

Главнѣйшее измѣненіе или точнѣе разширеніе устава братскаго произведено при митрополитѣ кievскимъ Сильвестрѣ Коссовѣ¹⁾, и, въ этомъ дополненномъ видѣ, уставъ утверждёнъ былъ тогдашнимъ владѣльцемъ Замостья Ѳомой Замойскимъ 4-го марта 1627 г.

Сличая сдѣланныя въ это время прибавки съ основнымъ текстомъ братскаго устава 1606 года, мы видимъ въ нихъ слѣдующія особенности: 1) сравнительно большее обезпеченіе братскихъ священниковъ вознагражденіемъ за обязательныя, по братскому уставу, службы; 2) стремленіе удержать въ составѣ братства и тѣхъ его членовъ, которые переселились въ другое мѣсто, и слѣдов. разширить кругъ дѣйствій и вліянія братства за предѣлы никольскаго прихода и города Замостья; 3) усиленіе доходовъ братства обязательствомъ, чтобы умирающіе братчики записывали часть своего имущества на убогихъ и больныхъ братства, и 4) стремленіе обязать вновь поступающихъ въ братство присягою, чтобы они до конца жизни своей оставались вѣрными православной церкви. Полагая, что эти добавочные пункты устава вызваны тогдашнимъ положеніемъ никольскаго замостьскаго братства, мы въ правѣ заключать, что въ это время нѣкоторые прежніе члены братства выбыли уже изъ Замостья и порвали всякую связь съ этимъ братствомъ, а другіе измѣнили православной вѣрѣ и церкви, вслѣдствіе чего составъ и имущественныя средства братства оскудѣли противъ прежняго.

Въ видахъ сосредоточенія силъ православной замостьской общины и наибольшаго попеченія о церкви Божіей, въ 1661 году урегулированы были отношенія старшаго никольскаго братства къ

¹⁾ Подлинная грамота Сильвестра Коссова въ бумагахъ замойскаго монастыря, но безъ начала. Тамъ-же и подтвержденіе этой грамоты Ѳомой Замойскимъ. См. отд. матеріаловъ этой-же книжки «Кiev. Старинны».

младшему покровскому, существовавшему при той же никольской церкви: между ними установлена была тѣснѣйшая связь и послѣднее получало отъ перваго, по выбору, на каждый годъ двухъ старшихъ братчиковъ, которые руководили всѣми его дѣйствіями и безъ которыхъ не могло состояться ни одно его совѣщаніе и постановленіе, а для поддержанія личнаго состава обоихъ братствъ постановлено было, чтобы младшій братъ переходилъ въ старшее братство, по вступленіи въ бракъ, но не раньше, какъ чрезъ годъ и шесть мѣсяцевъ ¹⁾).

Но не успѣло еще вполне организоваться никольское замостьское братство, какъ для него настали тяжелыя времена. Прежніе владѣльцы Замостья, отличавшіеся вѣротерпимостью и нѣкоторымъ расположеніемъ въ греческимъ поселенцамъ, умерли; во второй половинѣ XVII вѣка являются владѣтельницами Замостья двѣ женщины, фанатически преданныя Риму и затѣянной имъ униіи, а именно—Гризелла-Констанція Корибутовна и Анна Замойскія, которыя не могли, по своему католическому благочестію, равнодушно смотрѣть на процвѣтаніе въ Замостѣ православія. Да и общее настроеніе польскаго общества и государства, послѣ войнъ Богдана Хмельницкаго съ поляками, далеко было не въ пользу православія, которое называлось у поляковъ хлопскою вѣрою, связывалось въ ихъ представленіи съ такъ называемыми у нихъ хлопскими бунтами и считалось главнымъ источникомъ и очагомъ послѣднихъ. Вслѣдствіе этого права православныхъ жителей Польши постепенно ограничивались и уничтожались, и сама православная церковь стала игнорироваться, какъ будто не имѣющая и права на существованіе. Въ 1668 году король Янъ Казиміръ, по просьбѣ униатскаго митрополита Гавріила Коленды, утвердилъ за нимъ право завѣдывать и управлять всѣми вакантными епископствами въ Польшѣ и Литвѣ ²⁾); а въ числѣ вакантныхъ епископствъ считались и православныя епископіи, хотя бы онѣ и имѣли своихъ наличныхъ епископовъ. Этотъ привилей Яна Казимира породилъ цѣлый рядъ насилій

¹⁾ Постановленіе о себѣ братства въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Текстъ его см. въ отдѣлѣ матеріаловъ этой-же книжки «Кіев. Старины».

²⁾ См. этотъ привилей въ книгѣ—Дѣло и. Гребинцаго съ базилианскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 9.

со стороны уніатской іерархіи и католическихъ магнатовъ надъ православными іерархами, монастырями, священниками и ихъ прихожанами и сильно содѣйствовалъ наружному обращенію православныхъ жителей бывшей Польши въ унію и даже католицизмъ.

Замостьскіе православные не менѣе другихъ единовѣрцевъ своихъ навлекали на себя подозрѣніе польскаго правительства и властей своими симпатіями къ бунтовавшемуся противъ Польши козачеству. Когда въ 1648 году Богданъ Хмельницкій подступилъ къ Замостью, предмѣщане собрались къ его полковнику Небабѣ толпами и начали было говорить съ нимъ, какъ русскіе; но появился трубачъ на башнѣ и закричалъ: „прочь отсюда! паны, находящіеся въ крѣпости, не стануть унижаться, чтобъ входить съ вами, холопами, въ сношенія, а мѣщанамъ не позволяется!“ Увѣренные въ томъ, что русскіе предмѣщане готовы будутъ принять козаковъ, какъ братьевъ, и дадутъ имъ пристанище въ своихъ домахъ, паны приказали зажечь предмѣстья. Тогда поднялась сильная буря прямо въ лицо козакамъ. „Несчастные предмѣщане,—говоритъ очевидецъ,—хватили, что успѣвали, изъ своихъ пожитковъ; одни бѣжали съ ними въ подъемныя ворота къ сѣверной башнѣ; другіе карабкались по веревкамъ черезъ стѣны; крики малютокъ, вопли лишенныхъ крова и дрожащихъ отъ стужи страшно поражали слухъ. Многіе не попали въ городъ и помѣстились на возахъ съ остатками своихъ имуществъ подъ стѣнами. Никто не смѣлъ роптать, если не хотѣлъ быть отданнымъ подъ стражу двумъ дворянамъ, которыхъ выбирали стеречь подозрительныхъ, съ сотнею жолнеровъ“¹⁾). По зборовскому договору 1649 г., подтвержденному на сеймѣ 1650 года, холмская епархія, въ предѣлы которой входило и Замостье, возвращена была православнымъ и, какъ мы уже видѣли, около двухъ лѣтъ управлялась православнымъ холмскимъ епископомъ Діонисіемъ Балабаномъ; но послѣ пораженія козаковъ подъ Берестечкомъ она опять отдана была уніатамъ. Поэтому, какъ только кончились войны Хмельницкаго съ поляками, начались энергическія дѣйствія со стороны римско-католиковъ для подавленія русской народности и пра-

¹⁾ «Богданъ Хмельницкій» Н. И. Костомарова, изд. 3-е 1876 г., т. II стр. 34.

вославія и введенія уніи въ холмской епархіи и, между прочимъ, въ Замостьѣ.

Первые опыты введенія уніи во владѣніяхъ графовъ Замойскихъ начались съ сель и предмѣстій. 28 февраля 1670 года Гризела Констанція на Замостьѣ Корибутовна Замойская презентуетъ уніатскому холмскому епископу Якову Сущѣ нѣкоего Александра Теодоровича на священническое мѣсто къ Плоценой Рождество-Богородичной церкви, приведенной уже въ уніи съ римскимъ костеломъ¹⁾. Въ 1674 году при вознесенской церкви на львовскомъ предмѣстьѣ г. Замостыа былъ уже *уніатскій* попъ Іоаннъ Кириловичъ. Онъ, какъ видно, чувствовалъ себя прочно на своемъ мѣстѣ и не побоялся приобрести недвижимую собственность, купивъ полморга земли у замостьскаго предмѣщанина Павла Пузеровича²⁾. Но прихожане и братство не хотѣли его знать и не доставляли ему необходимыхъ средствъ къ жизни. Въ 1687 году холмскій уніатскій епископъ Александръ Августинъ Лодзянка особымъ декретомъ своимъ старался установить такія отношенія между священникомъ и братствомъ вознесенской церкви: „продажа свѣчь шеляговыхъ должна принадлежать велебному приходскому священнику теперешнему и будущему, а онъ обязанъ будетъ за это содержать такого дьяка, который бы всегда при церкви жилъ въ школѣ и училъ дѣтей, второму (попу) и паны братство должны отдавать повинность издавна установленную: по 6-ти грошей каждое воскресенье и по 6-ти грошей въ великіе праздники, когда служится все-нощная. Вино и кадило будутъ доставлять пополамъ священникъ и братство. Съ поля Крушиновскаго съ копы половина снопами должна идти священнику, за что, по пропорціи покопнаго хлѣба, онъ обязанъ совершать св. литургіи за души умершихъ, а другая половина—панамъ братству на поддержаніе церкви. Огородомъ завѣщаннымъ послѣ Козака, должны завѣдывать панове братство; а если бы вздумали продать его, то половину денегъ обратятъ на поддержаніе церкви, а другую половину—на св. литургіи. Тремя моргами госпитальными, по давнимъ декретамъ, естественнѣе всего

¹⁾ Презенты въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Тамъ-же выписъ изъ актовъ адвокатскихъ Замойскихъ, 1674 года.

долженъ пользоваться священникъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы возилъ навозъ на то поле и удобрялъ его и извѣстную часть копь, по мѣстному обычаю, отдавалъ госпиталю; а если бы онъ не сталъ уваживать, то предоставляется панамъ братству отдавать тѣ морги на копы, кому захотятъ. Велебный отецъ приходской священникъ каждую субботу на вечерни будетъ святить воду на нужды людей, обязанъ тщательно совершать св. таинства, назидая спасенный народъ ученіемъ, примѣрною жизнію, поощряя его къ хвалѣ Божіей съ кротостію и почтеніемъ. Панове братство будутъ стараться о поддержаніи дому Божіа, не дѣлая никакого насилія правамъ приходскаго священника и во всемъ соблюдая братскія правила, которыя, для лучшаго усвоенія и уразумѣнія при выборахъ, велебный отецъ приходской священникъ долженъ читать имъ въ церкви на засѣданіи“¹⁾). Но прихожане и братство не хотѣли исполнять и этого епископскаго декрета. „Дошло до насъ свѣдѣніе,—писалъ тотъ же епископъ Лодзянка, два года спустя, тому же братству, что славетности ваши вторично сопротивляетесь декрету нашему, состоявшемуся въ 1687 году, равно какъ и вопреки подчиненія, изъявленнаго старшими братьями отъ имени всего братства, и вопреки пункту утвержденія братства, ненадлежаще вмѣшиваетесь въ доходы и провенты церковныя, осмѣливаетесь продавать въ церкви свои шеляговыя свѣчи, отбирать присужденныя декретомъ священнику доходы за похороны и стараетесь дѣлать ему другія препятствія, а что хуже,—угрожаете священнику изгнаніемъ изъ церкви“²⁾). Очевидно, что эта пертурбація происходила на почвѣ еще не отвердѣвшей уніи, которой знать не хотѣли нѣкоторые изъ братчиковъ, рѣшавшіеся принять относительно навязаннаго имъ священника радикальную мѣру изгнанія, но и епископъ находилъ въ чемъ-то опору и, не думая уступать, грозилъ неповорнымъ братчикамъ своимъ неблагословеніемъ и уничтоженіемъ самаго братства“³⁾).

Позже другихъ обращены были въ унію никольская замостьская церковь и ея братство. Первые опыты совращенія этого брат-

¹⁾ См. подтвержденіе этого декрета голскимъ офиціаломъ А. Картинскимъ въ 1743 году въ концѣ визиты подгородной вознесенской церкви, 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Листъ Лодзяны—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ства въ унию относятся приблизительно къ 1690 году. 24 мая 1690 года униатскій митрополитъ Левъ Шлюбичъ-Заленскій, владимирскій и брестскій епископъ, писалъ николюскому замостьскому братству слѣдующее: „архипастырскимъ сердцемъ пріемля чувства, выраженныя чрезъ достойныхъ делегатовъ братства, славетныхъ пановъ Матіаша Левкевича, старшаго брата, и Самуила Тарнопольскаго, втораго брата, и провизора того братства, при достоуважаемомъ ходатайствѣ за вашихъ милостей ясновельможной ея милости пани подскарбины великой коронной (т. е. Анны Замойской), госпожи и благодѣтельницы нашей,—не только принимаемъ въ общеніе святой вселенской римской церкви, которою мы, недостойные, возведены въ этотъ митрополитскій санъ, но, при благословеніи Божиемъ и архипастырскомъ, охотно надѣляемъ вашихъ милостей всѣми прерогативами, участіемъ, сообщеніемъ заслугъ отпустовъ, привиллегіями, какія даны св. апостольской римской столицей католическимъ правовѣрнымъ и православнымъ братствамъ, находящимся въ униі св. вѣры. Принимая ваши милости въ недостойное архипастырское печалованіе наше, мы однако, по сыновнему, теплomu, искреннему и неизмѣнному чувству вашихъ милостей, сильно желаемъ, чтобы вы, впредь до дальнѣйшаго распоряженія съ ясновельможной ея милостью госпожей подскарбиной или ихъ милостями панами ординатами, господами и благодѣтелями нашими, изволили довольствоваться тѣмъ священникомъ, который назначенъ и поставленъ, для удовлетворенія духовныхъ вашихъ нуждъ, превелебнѣйшимъ, его милостью, отцомъ епископомъ холмскимъ, братомъ и сослужбникомъ нашимъ, пока Господь Богъ не укажетъ лучшихъ лицъ и способа обезпеченія ихъ. Дабы все это пришло къ исполненію, мы оставляемъ помянутаго, его милость, епископа холмскаго, въ отсутствіе наше, какъ товарища и сопастыря, при особой администраціи надъ тѣмъ братствомъ и всѣми во Христвѣ порученными намъ овечками, оставляя при насъ самихъ и митрополитскомъ престолѣ общую зависимость по канонамъ святымъ и обычаю церкви восточной, и вмѣствѣ (разрѣшаемъ) отъ всякихъ церковныхъ наказаній, запрещеній, клятвъ и заблужденія въ вѣрѣ святой, въ которомъ дотолѣ (находились)“¹⁾...

¹⁾ См. экстрактъ изъ книгъ уряда комиссарскаго замку Замойскаго, 1699 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря. Но здѣсь недостаетъ конца митрополитскаго листа.

Слѣдуетъ въ этой грамотѣ отмѣтить то обстоятельство, что представители никольскаго братства, по свидѣтельству этой грамоты, обратились къ уніатскому митрополиту съ изъясненіемъ желанія принять унію при посредствѣ и содѣйствіи владѣтельницы Замостья Анны Замойской, которой, поѣтому, и нужно приписать инициативу дѣла. Слѣдовательно, обращеніе никольскаго братства, или только части его, въ унію едва ли было свободное и искреннее. Вѣроятно братчики сдѣлали это, уступая силѣ и рассчитывая на матеріальныя выгоды. Это отчасти можно видѣть и изъ акта комиссіи 1699—1701 г., занимавшейся вопросомъ относительно обезпеченія замостьскихъ церквей, перешедшихъ въ унію.

Комиссія эта собралась въ октябрѣ 1699 года и, послѣ продолжительнаго перерыва и совѣщанія съ Анной Замойской, окончила свои занятія уже въ 1701 году. Она состояла изъ двухъ комиссаровъ со стороны Анны Замойской и двухъ представителей уніатскаго митрополита и холмскаго епископа, и имѣла первоначальною задачею своею: 1) привести въ извѣстность доходы и грунты никольской церкви, по дарственнымъ записямъ, легаціямъ и декретамъ, и рассмотреть, достаточно-ли ихъ для содержанія при той церкви священника и совершенія имъ, съ другими церковными служителями, богослуженія; 2) распределить ближайшіе къ городу Замостью и предмѣстью его приходы, именно,—какіе изъ нихъ должны быть причислены къ городской церкви и какіе—къ предгородной. Кромѣ того, замостьское никольское братство предъявило слѣдующія свои требованія: 1) чтобы оба братства, городское и предгородное, участвовали въ управленіи госпиталемъ при церкви предгородной, который основанъ славетнымъ Константиновичемъ и утвержденъ блаженной памяти ясновельможнымъ его милостью паномъ фундаторомъ сего города; 2) чтобы отдѣлены были приходы, именно предмѣстья замостьскія, и сдѣлано было распределеніе между обѣими церквями; 3) чтобы пріѣзжіе люди, если кого изъ нихъ застигнетъ здѣсь смерть, погребаемы были, согласно волѣ умирающаго, при той церкви, при которой они захотятъ и 4) чтобы городская церковь зависѣла отъ одного только ясновельможнаго, его милости, отца митрополита, а не подчинялась власти ясновельможнаго о. епископа холмскаго.

Коммисія начала свои занятія разсмотрѣніемъ перваго пункта своей программы о свойствахъ и количествѣ доходовъ никольской замостьской церкви. Оказалось, что всѣ донаціи и легаціи не превышали 1225 злотыхъ, процентъ съ которыхъ и шелъ на содержаніе церкви и причта. По объясненію братчиковъ, этого процента совершенно не достаточно было для содержанія церкви, доселѣ подерживавшейся „милостынею отъ людей украинскихъ, которая отнынѣ прекратилась вслѣдствіе принятія уніи“, такъ что пришлось заложить церковное серебро. Поэтому братчики домогались, чтобы выкуплено было церковное серебро и обезпечено содержаніе церкви изъ средствъ Анны Замойской, какъ главной виновницы обращенія ихъ въ унію. Очевидно никольское братство торговалось съ Анной Замойской и старалось какъ можно выгоднѣе промѣнять православіе на унію. Въ свою очередь, комиссары Анны Замойской не довѣряли братству и подозрѣвали его въ преувеличеніи бѣдности церкви и неискренности обращенія его къ уніи. Они просили комиссаровъ духовныхъ обривизовать никольскую церковь и ея состояніе по документамъ и обратить вниманіе на то, „нѣтъ - ли какой - либо фальши (eggotis) противъ уніи; ибо, говорили они, хотя мы твердо убѣждены и о Господѣ увѣрены въ прочности истиннаго соединенія всѣхъ тѣхъ людей греческой религіи и вѣримъ, что они не съ лукавымъ сердцемъ приняли ту святую унію, но что касается обряда, то сомнительно, чтобы это согласовалось съ внутреннимъ усердіемъ. Посему, если еще не отстали отъ того, или лучше — не приняли того, что существенно, то теперь-же бы исправлено было чрезъ ихъ милостей тѣхъ-же духовныхъ, чтобы въ символѣ, иначе въ *Вѣрую*, ясно, по постановленію соборовъ, именно флорентійскаго, на литургіи гѣли: „вѣрую въ Духа святаго, отъ Отца и Сына исходящаго“. Обривизовавъ никольскую церковь, духовные комиссары дѣйствительно нашли ее бѣдною, вслѣдствіе чего комиссары Замойской постановили выкупить церковное серебро за 641 зл. и 3 $\frac{1}{2}$ гроша, а сама Анна Замойская, отъ имени старшаго сына своего, назначила никольской церкви ежегодное пособіе по 400 злотыхъ. При этомъ на волю Анны Замойской предоставлено было или учредить при церкви монаховъ, согласно желанію братства, съ назначеніемъ ихъ отъ духовнаго начальства, или же, по праву патронатства, назначать свя-

щенника, съ подчиненіемъ ему обѣихъ, церковей, городской и предгородной, для устранения всякихъ столкновеній. Коммисія, согласно желанію братства, сдѣлала только оговорку, „чтобы означенный священникъ, если бы онъ былъ назначенъ, былъ безженный и на поставленіе презентованъ былъ духовной власти“, и проч.

Этимъ рѣшеніемъ основныхъ вопросовъ предрѣшены были и предложенные никольскимъ братствомъ четыре пункта. Очевидно, при сліяніи приходоу подѣ управленіемъ одного настоятеля, не могло быть и мѣста вопросу о разграниченіи приходоу, исполненіи требу въ чужомъ приходѣ, погребеніи, и проч. Коммисія оговаривается только, что, на случай существованія особыхъ приходоу при обѣихъ церковяхъ, требы должны совержаться своими приходскими священниками, что умирающіе изъ приѣзжихъ и даже мѣстныхъ жителей могутъ быть погребаемы при той церковей, при которой они пожелають, но съ уплатоу мѣстному приходскому священнику четвертой части погребальнаго дохода. Въ правѣ участвовать въ управленіи госпиталемъ было отказано никольскому братству. Что-же касается желанія сего братства непосредственно зависѣть отъ митрополита, то коммисія для рѣшенія этого пункта избрала средній, уклончивый путь, поставивъ братство въ духовныхъ дѣлахъ въ непосредственную зависимость отъ мѣстнаго холмскаго епископа, но съ предоставленіемъ братству права въ болѣе важныхъ случаяхъ обращаться къ митрополиту¹⁾.

Этотъ актъ коммисіи утвержденъ былъ Анной Замойской въ апрѣлѣ 1706 года²⁾, но съ нѣкоторыми измѣненіями въ немъ. Мы не имѣемъ текста утвержденія Анны Замойской, но въ послѣдствіи времени видимъ, что приходы городской и предгородной замостскихъ церковей не были слиты въ одинъ, какъ это предполагалось коммисіей, и между ними возникли споры о предѣлахъ, разбиравшіеся въ 1726 году холмскимъ униатскимъ епископомъ Іосифомъ Левицкимъ³⁾. Никольская церковъ начинаетъ получать отъ Замой-

¹⁾ Подлинный черновой актъ коммисіи 1699 и 1701 г., въ бумагахъ замостскаго монастыря.

²⁾ Объ этомъ утвержденіи упоминается въ запискѣ, подѣ заглавіемъ «Origo monasterii Zamoyscensis», 1781 г., въ бумагахъ того-же монастыря.

³⁾ Instrumentum этого епископа отъ 19 сентября 1726 г., въ бумагахъ замостскаго монастыря.

скихъ субсидію по 400 злотыхъ въ годъ, изъ коихъ 200 шло на содержаніе священника, а 200 на поддержаніе церкви ¹⁾. Настоятелями этой церкви въ XVIII вѣкѣ являются уже не бѣлые священники, а монахи базилиане. Есть темное извѣстіе, что они введены сюда Анною Замойскою еще въ 1706 году ²⁾; но во всякомъ случаѣ они явились здѣсь раньше замойскаго синода 1720 года. Въ 1717 году настоятелемъ замостьской никольской церкви былъ базилианинъ, отецъ Алексѣй Леликовичъ ³⁾, но раньше его былъ здѣсь другой базилианинъ, Николай Блещинскій, впервые назначенный сюда помянутымъ епископомъ Левицкимъ ⁴⁾. Впрочемъ и около времени замойскаго синода не было еще въ Замостьѣ базилианскаго монастыря, и замойскій синодъ происходилъ не въ базилианскомъ замостьскомъ монастырѣ, какъ полагаютъ нѣкоторые, а въ католическомъ коллегіатскомъ костелѣ. Настоятель базилианинъ на первыхъ порахъ исполнялъ только должность приходскаго священника, какъ увидимъ впоследствии, и не имѣлъ при себѣ другихъ подчиненныхъ ему монаховъ. Превращеніе замостьской никольской церкви въ базилианскій монастырь совершилось уже впоследствии, при обстоятельствахъ, вторыя изложены будутъ въ слѣдующей главѣ.

Н. Петровъ.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

¹⁾ Тамъ-же, декларація Томаша Іосифа Замойскаго, 21 апрѣля 1712 года; см. заявленіе базилианина Левиковича 26 сент., 1718 года.

²⁾ Тамъ-же, *Origio monasterii Zamojensis*, 1781 года.

³⁾ Тамъ-же, документъ 26 сентября 1718 года, съ заявленіемъ ассигновки Томаша Замойскаго на никольскую церковь.

⁴⁾ Тамъ-же, заявленіе чинювъ никольского братства, записанное въ визитѣ замостьскаго монастыря, произведенной холмскимъ уніатскимъ епископомъ Фелицианомъ Филиппомъ Володковичемъ 16 ноября, 1752 года.

Изъ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи *).

Исторія международныхъ отношеній Польши и Россіи въ XVIII в. представляетъ ту поразительную особенность, что каждый разъ православное русское населеніе Польши, возставая противъ господства польскихъ пановъ, заявляло, что имѣетъ на то царскій указъ или грамоту, въ то же время противная сторона громко винила русское правительство въ возбужденіи народныхъ движеній, утверждая, будто оно разсылаетъ тайные указы своимъ единовѣрцамъ, призывая ихъ къ истребленію шляхты, ксендзовъ и жидовъ, само же напротивъ правительство русское нерѣдко посылало свои войска для усмиренія народныхъ возстаній, строго карало возставшихъ, справлялось съ ними само или отдавало ихъ въ руки пановъ и принимало разныя другія мѣры для поддержанія въ сосѣдственной пріязненной державѣ существующаго порядка. Не смотря на столь явное противорѣчіе политики въ этихъ случаяхъ русскаго правительства съ ходившею о ней молвою, послѣдняя находила тогда всеобщую себѣ вѣру, проникла въ современную печать и настолько глубоко пустила корни въ сознаніе польскаго общества, преданнаго горячо своей національной идеѣ, что и до сихъ поръ приходится считаться съ нею. Попытаемся разяснить это странное обвиненіе и показать его основанія, насколько позволяютъ это какъ издавныя до сихъ поръ матеріалы, такъ и тѣ, кои хранятся въ центральномъ нашемъ архивѣ.

Наиболѣе ранніе слухи, ходившіе въ православномъ населеніи Польши о царскихъ указахъ, призывающихъ будто бы его къ мятежу, слышатся во второй четверти XVIII вѣка. В. Б. Антоно-

*) Читано въ засѣданіи истор. общества Нестора лѣтописца, 31 января 1882 года.

вичь, въ своемъ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, изображая бесплодную борьбу польскаго общества и правительства съ развившейся въ 1734 году противъ ихъ гнета народной реакціей, говорить, что, кромѣ тогдашнихъ мѣръ, принимавшихся польскимъ правительствомъ для ея подавленія, шляхтичи украинныхъ воеводствъ постоянно обращались чрезъ своихъ депутатовъ не только къ кievскимъ генералъ-губернаторамъ, къ главнокомандующимъ русскими войсками, къ русскому посланнику въ Варшавѣ, но даже и прямо къ с.-петербургскому двору, съ просьбами о содѣйствіи. И дѣйствительно такого рода представленія, жалобы и просьбы не были оставляемы безъ вниманія: русское правительство принимало самыя дѣятельныя мѣры къ охраненію своей юго-западной границы отъ перехода чрезъ нее гайдамакъ: оно учредило караулы и форпосты, издало распоряженіе къ подлежащимъ властямъ о поимкѣ и выдачѣ укрывавшихся въ русскихъ владѣніяхъ преступниковъ и поручило своимъ пограничнымъ комиссарамъ, назначеннымъ для разслѣдованія и рѣшенія всякаго рода споровъ между русскими и польскими пограничными жителями, вѣдать также дѣла и о гайдамакахъ. „Но чѣмъ уступчивѣе оказывалось русское правительство“¹⁾, говорить тотъ-же изслѣдователь, „чѣмъ болѣе оно принимало мѣръ для охраненія безопасности шляхтичей украинныхъ воеводствъ, тѣмъ требовательнѣе становились послѣдніе, тѣмъ болѣе свыкались они съ мыслью, что заботиться объ ихъ безопасности должны не они сами и не Рѣчь Посполитая, но что эта забота должна исключительно лежать на обязанности русскихъ властей. Сообразно съ этимъ взглядомъ, заявленія претензій становятся назойливѣе и приемы дѣйствій нахальнѣе“. Въ 1748 году, по словамъ цитированнаго нами автора, шляхтичи дошли до того, что въ своемъ прошеніи, отправленномъ къ с.-петербургскому двору, заявляютъ, будто фельдмаршалъ Минихъ потому не доставилъ въ судъ гайдамацкихъ предводителей, укрывшихся десять лѣтъ тому назадъ въ запорожскихъ степяхъ, что взялъ съ нихъ взятку. Отсюда, намъ кажется, уже оставался одинъ шагъ и до обвиненія самого русскаго правительства въ подстрекательствѣ своими указами крестьянъ и гайдамакъ къ грабежамъ и убійствамъ. Съ большой дерзостью вос-

¹⁾ В. Антоновичъ. Изслѣдованіе о гайдамачествѣ, стр. 95.

пользовались клеветники Россіи для поддержанія этого обвиненія обстоятельствами, происшедшими въ Польшѣ въ 1734 году. Со смертью въ 1733 году короля Августа II, на сеймѣ боролись двѣ партіи: одна выставляла претендентомъ Августа III, курфюрста саксонскаго, а другая Станислава Лещинскаго; борьба партій отозвалась во всѣхъ областяхъ государства. Россія поддерживала перваго претендента, и потому русскій полковникъ Полянский, читаемъ мы далѣе въ „изслѣдованіи о гайдамачествѣ“, занявъ г. Умань, отправилъ циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ милицій въ брацлавскомъ воеводствѣ, приглашая ихъ дѣйствовать за одно противъ партіи Лещинскаго, совмѣстно съ русскими войсками. Этотъ циркуляръ былъ своеобразно понятъ, какъ милиціонерами, такъ и населеніемъ. Нѣкто Верланъ, начальникъ надворныхъ козаковъ въ Шарогродѣ, имѣнни Любомирскихъ, получивъ циркуляръ, поднялся со своею сотнею и сталъ созывать къ себѣ надворныя милиціи изъ окрестныхъ селъ и вербовать крестьянъ въ ихъ составъ; онъ принялъ титулъ козацкаго полковника, другихъ пожаловалъ въ сотники, ротмистры и поручики,—вообще организовалъ собранную толпу и объявилъ ей, что онъ получилъ отъ русскаго полковника именной указъ императрицы, которымъ будто-бы предписывалось истреблять всѣхъ враговъ—поляковъ и жидовъ, и разорять ихъ имущество, и что, послѣ окончательнаго ихъ истребленія, край будетъ присоединенъ къ Россіи, вмѣстѣ съ образовавшимся въ немъ козацкимъ войскомъ. Вслѣдствіе этого Верланъ привелъ свой полкъ къ присягѣ на вѣрность императрицѣ. На призывъ этого самозваннаго полковника народонаселеніе откликнулось сочувственно. Появленіе въ краѣ русскихъ и козацкихъ войскъ возбудило надежды угнетенныхъ и поддержало слухи, распространявшіеся съ легкой руки Верлана; говорили также, что для руководства возстаніемъ отправлены Танскій, послѣдній бывший на правомъ берегу Днѣпра козацкій полковникъ, и гетманъ Самусь, давно уже умершій ¹⁾).

Что дѣйствительно въ это время въ народѣ ходили неопредѣленные толки о такомъ указѣ, ясно изъ показаній трехъ аресто-

¹⁾ Ibid. стр. 104.

ванных гайдамакъ. Одинъ изъ нихъ Андрей Сулакъ старался даже вспомнить на судѣ текстъ этого указа, „w ten sens pisany: „Jey Imperatorskocho Weliczeństwa y procsaia, procsaia. Daiu iemu komendu po ukazu Imperatorskocho Weliczeństwa nad wolochy, kozaki, y serby, szczob służyli Jey Imperatorskiej Weliczeństwu do smerty...“ (więcey dalszego tenora tego universalu nie pamięta)“¹⁾.

Коліивщина или возстаніе 1768 г. также приписывалась вліянію указовъ русскаго правительства. Г. Костомаровъ, въ сочиненіи о „послѣднихъ годахъ Рѣчи Посполитой“, указываетъ на вышедшую въ 1790 году въ Варшавѣ книгу²⁾, авторъ которой причину бунта Желѣзняка и Гонты видитъ въ поджигательствѣ Запорожья со стороны Россіи. Ѡ. Г. Лебединцевъ, излагая рассказъ о борьбѣ ревностнаго защитника православія архимандрита Мелхиседека Значко-Яворскаго³⁾, касается мимоходомъ слуховъ о ходившей будто-бы въ народѣ золотой грамотѣ Екаторины и думаетъ, что они легко могли возникнуть подъ вліяніемъ извѣстной исторіи о поѣздѣ мотренинскаго игумена въ С.-Петербургъ съ жалобой на гоненіе отъ униатовъ на православіе. Русская императрица принявъ его весьма благосклонно и, пожаловавъ монастырю богатую ризницу, самому Мелхиседеку приказала выдать изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ паспортъ на проѣздъ въ Варшаву, а также особый рескриптъ ея на имя русскаго посла при варшавскомъ дворѣ, князя Рейнина, при содѣйствіи котораго Мелхиседекъ долженъ былъ добиваться предъ королемъ и министрами свободы православнаго исповѣданія въ русскихъ областяхъ Рѣчи Посполитой. „Самая грамота“, говорить далѣе г. Лебединцевъ, „если она не есть произведеніе народной фантазіи, но дѣйствительный фактъ, могла быть выдана Желѣзнякомъ и для большей силы приписана Мелхиседеку, въ которомъ народъ украинскій видѣлъ единственнаго защитника своего и ходатая“⁴⁾. По поводу слуховъ о царскихъ указахъ въ 1768 году,

¹⁾ Архивъ югозападной Россіи, т. III, ч. III, отдѣлъ актовъ, стр. 68.

²⁾ Вотъ ея заглавіе: M. Portret Moskwy, czyli odpowiedź na pytania, co jest Moskwa i w jakim dziś znajduje się stanie? Jakie krzywdy Moskwa poczyniła Polsce? dla czego Polska poszła z Moskwą w rozwady. W. Wazyszawie. 1790. Этого сочиненія, къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть.

³⁾ См. предисловіе къ Матеріаламъ для исторіи православія въ западной Украинѣ. Архивъ юго-запад. Россіи, ч. I., П. Кіевъ. 1864 г.

⁴⁾ Ibid., стр. ССVI.

нельзя не признать также заслуживающими вниманія словъ одного изъ современниковъ Коливщины, будто „изобрѣтателемъ этихъ указовъ былъ вышеупомянутый Мелхиседекъ, что показывали даже и сами чернецы“. Г. Щебальскій въ своей статьѣ, помѣщенной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“¹⁾, передавая рассказъ объ уманской рѣзнѣ, сообщаетъ въ переводѣ съ французскаго и самый текстъ указа Екатерины, которымъ она будто-бы подняла Запорожье. Указъ этотъ заимствованъ авторомъ изъ изданія: „Archives diplomatiques par le c-te d'Angenberg“. Остановливаясь на датѣ, формѣ, тонѣ и содержаніи документа, г. Щебальскій выводитъ заключеніе о несомнѣнной его ложности. Мы думаемъ, что ложность акта еще бы болѣе подтвердилась, если бы можно было изслѣдовать тотъ путь, которымъ онъ дошелъ до французскаго издателя.

Въ 1789 году ожидались новыя волненія въ средѣ крестьянъ; слухи объ указѣ возобновились; начались опять преслѣдованія, мученія и казни невинныхъ священниковъ. Современникъ этихъ событій, лувкій оффиціалъ Θεодосій Бродовичъ, въ своихъ запискахъ о нихъ рассказываетъ, что въ порядковую комиссію, занятую разборомъ дѣлъ о предполагавшемся бунтѣ, королевскій камергеръ Каэтанъ Авсакъ представилъ на судъ сузскаго священника Лукаевича, который заявилъ, что ночевавшій у него маркитантъ уговаривалъ его поднять сузскихъ прихожанъ противъ поляковъ, показывалъ ему какое-то письмо, котораго онъ разобрать не могъ, а прочиталъ лишь въ подписи нѣсколько буквъ: *Екат...*, при этомъ маркитантъ увѣрялъ, будто-бы такова воля императрицы. Показаніе свое священникъ подтвердилъ присягой. Оговореннаго маркитанта поймали и при обыскѣ нашли только одинъ паспортъ. Тѣмъ не менѣе однакоже комиссія приговорила этого невиннаго человѣка къ висѣлицѣ и поторопилась привести свой приговоръ въ исполненіе. Последними словами несчастнаго было всенародное заявленіе: „напрасно гину“! Представленный на сеймъ Лукаевичъ, хотя и не исполнивъ, подтвердилъ свое показаніе, за что и удостоился отъ короля и сеймовыхъ маршаловъ награды похвальнымъ листомъ и золотой медалью съ надписью: „pro fide, lege et patria“, съ изображеніемъ короля и гербовъ: короннаго и литовскаго; величина

¹⁾ Томъ XLV-й.

медали— „московскій рубль“. Но все это дѣло авторъ „Widok'a“¹⁾ приписываетъ подговору Аксака, откровенно признавагося въ томъ своимъ пріятелямъ. Не беремся судить, была-ли это похвальба Аксака и не говорилъ-ли священникъ изъ страха наказанія того, что желали услышать отъ него судьи: для насъ важно лишь, что и въ 1789 году продолжаютъ ходить такіе же слухи, какіе ходили въ предшествующее смутное время.

Изложенные до сихъ поръ факты позволяютъ думать, что толки о возбужденіи русскимъ правительствомъ крестьянъ къ бунту, путемъ тайной разсылки указовъ и золотыхъ грамотъ, возникаютъ среди польскаго общества и народа, во первыхъ, изъ ложно понятыхъ распоряженій русскихъ властей во время борьбы Августа III и Станислава Лещинскаго за польскій престолъ, во вторыхъ—изъ превратно истолкованной дипломатической о диссидентахъ переписки Екательины, оказавшей имъ свое сочувствіе и взявшей на себя защиту гонимаго православія и народности. Но такое происхожденіе этихъ слуховъ только кажущееся. Въ самомъ же дѣлѣ, какъ первое, такъ и второе обстоятельства служили, по нашему мнѣнію, лишь поддержкой и пищей имъ, а главное основаніе лежало въ нескончаемыхъ переговорахъ с.-петербургскаго двора съ варшавскимъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, къ которымъ, что мы увидимъ ниже, дѣйствительно посылались, съ русской стороны, указы, а съ польской „публичные листы“.

Со времени присоединенія лѣвобережной Украины къ Россіи въ половинѣ XVII вѣка, начинается движеніе народной массы съ одного берега р. Днѣпра на другой; въ началѣ XVIII вѣка, вслѣдствіе войнъ Россіи со Швеціей и Турціей, равно какъ и вслѣдствіе возстанія козачества въ западной Украинѣ, это движеніе усилилось; населеніе представляло собой какъ бы волнуемое море; но былъ случай и одновременной, хотя и невольной, перековчки его. По прутскому договору съ Турціей, Петръ I обязался отказаться отъ западной Украины и вывести свои войска изъ предѣловъ Рѣчи Посполитой. Въ изданномъ по этому поводу 23 сентября 1711 года

¹⁾ «Widok przemocy na słabą niewinność zrogo wywartey». Изданіе Императорскаго общества Исторія и Древностей Россійскихъ, при московскомъ университетѣ. 1869 г., стр. 10 и 11, стр. 61—63.

царскомъ указѣ повелѣвалось: „со всѣхъ мѣстечекъ, сель и деревень обитателей перевести въ Малую Россію и *тѣмъ землямъ быть впускъ всегда*“. Въ силу такого царскаго распоряженія, населеніе перемѣнилось и имущество перевозилось; многіе переселялись неохотно. По счету польскаго правительства, въ это время было переведено на лѣвый берегъ Днѣпра болѣе 100,000 душъ. Овладевъ Украиной, шляхта озаботилась привлеченіемъ въ нее рабочихъ рукъ и съ этою цѣлью перезывала съ востока переселенцевъ, обѣщая имъ разнаго рода льготы, свободу и даже предоставляя имъ право потомственного владѣнія на небольшія участки земли. Старанія шляхты увѣнчались успѣхомъ, благодаря тому, что въ это время, въ русскомъ государствѣ усиленіе гнета помѣщиковъ надъ крестьянами, вмѣстѣ съ жестокимъ преслѣдованіемъ раскольниковъ, вызвало въ огромныхъ размѣрахъ побѣги и тѣхъ и другихъ на правый берегъ пограничной рѣки,—побѣги, дошедшіе крайнихъ предѣловъ въ 1734 году, когда мы въ первый разъ въ актовыхъ книгахъ нашего архива встрѣчаемъ указъ или манифестъ о возвратѣ бѣглыхъ. Но и русское правительство, въ виду такого убыточнаго и печальнаго для него оборота дѣла, не осталось недѣятельнымъ: чрезъ своихъ пословъ оно начало предъявлять къ Варшавѣ требованія о выдачѣ эмигрантовъ. Польскіе совѣтники вполнѣ признавали право Россіи, но только на дезертировъ и преступниковъ; что же касается крестьянъ и раскольниковъ, то объ нихъ заявляли, что въ случаѣ ихъ выдачи, они опасаются бунта, какъ со стороны своевольной шляхты, такъ и отъ самихъ бѣглецовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они напоминали нашему послу объ указанномъ нами выше фактѣ переселенія Петромъ I народа на лѣвый берегъ и объ отказѣ выдать переселенцевъ, не смотря на настоятельныя требованія варшавскаго двора. Польскіе министры боялись также поэтому шума на сеймахъ и возбужденія ненависти къ Россіи. Впрочемъ, они обѣщали стараться, чтобы постановленіе о непринятіи бѣглыхъ было внесено въ сеймовую конституцію, а также издать о томъ предварительно универсалъ. Но изданныя распоряженія не достигали своей цѣли, потому что шли въ разрѣзъ съ видами дворянства, привыкшаго считать свою волю и свои интересы выше интересовъ общегосударственныхъ. Какъ относилось оно къ распоряженіямъ своихъ властей, показываетъ случай, переданный въ своемъ

донесеніи полковникомъ Пановымъ, отправленнымъ въ польскія владѣнія для смыку бѣглыхъ, которыхъ, замѣтимъ мимоходомъ, тамъ считалось до милліона. Въ Вильнѣ Пановъ нашелъ 50 человекъ бѣглыхъ солдатъ и когда потребовалъ отъ тамошняго подвоеводи ихъ выдачи, предъявляя при этомъ приказъ канцлера литовскаго князя Чарторыйскаго, то подвоевода отвѣтилъ: „это только наша польская политика“. Да и само правительство Рѣчи Посполитой было въ этомъ отношеніи не безъ грѣха, колеблясь въ своихъ распоряженіяхъ и отгвѣняя такія, которыя были сдѣланы изъ страха: въ инструкціи учрежденнымъ въ с. Мотовиловѣ пограничнымъ судамъ предписывается, на требованія русскихъ комиссаровъ о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и раскольниковъ, отказывать и ставить имъ на видъ указъ Петра I отъ 23 сентября 1711 года¹⁾. Такъ какъ это предписаніе вполнѣ совпадало съ желаніями шляхты, то и исполнялось ею неуклонно; даже въ 1764 году польскіе пограничные комиссары, представляя отчетъ королю и бывшему при немъ постоянному совѣту (*rada nieustająca*) о своихъ дѣйствіяхъ, указываютъ на требованія со стороны Россіи о выдачѣ бѣглыхъ и вспоминаютъ при этомъ тѣ 100,000 душъ, которыя переселены были силой въ восточную Украйну послѣ козацкихъ войнъ въ Кіевщинѣ. Такимъ образомъ, помѣщики смотрѣли на перебѣжавшихъ къ нимъ крестьянъ, какъ на возвращавшихся послѣ 1711 года. Еще болѣе хитрой политикой оказался совѣтъ польскихъ министровъ, предложенный [ими русскому правительству, издать такой манифестъ, по которому возвращающіеся могли-бы надѣяться на льготы и пособія при заведеніи въ Россіи на-ново хозяйствъ, на свободу отъ податей, на забвеніе преступленій и проч. Совѣтъ былъ принятъ и исполненъ; указъ со льготами для возвращавшихся былъ изданъ, а польское правительство еще раньше заявило готовность такого рода указъ или манифестъ занести въ акты книги своихъ судовъ, дабы всякій могъ знать и читать его. Подъ 1734 годомъ печатный экземпляръ этого документа мы находимъ въ лучшей гродской книгѣ²⁾. Въ немъ не только рисуется тяжелое положеніе бѣжавшихъ въ Польшу русскихъ подданныхъ, но исчисля-

¹⁾ Книга центр. архива № 202, л. 105, на оборотѣ.

²⁾ Полн. собр. законовъ т. IX, № 6534.

ются препятствія къ возврату ихъ, выставлемыя польскими помѣщиками, и указываются средства, принимаемыя русскимъ правительствомъ на тотъ случай, если-бы его бывшіе подданные пожелали снова поселиться на родинѣ. Правительство императрицы Анны Іоанновны говоритъ, что „подданные Ея Величества, бѣжавшіе какъ изъ царской службы, такъ мѣщане изъ городовъ и изъ уѣздовъ холопы и малороссійскіе люди, живутъ за границей, гдѣ, вмѣсто надежды на пожитки и прежній покой, бѣдствуютъ и занегаютъ свой христіанскій законъ, вслѣдствіе чего гибнутъ и душой, и тѣломъ“. Помянутымъ указомъ оно объявляетъ, что въ томъ-же 1734 году, чтобы всѣмъ была извѣстна заботливость государыни, какъ матери отечества, два раза уже повелѣвалось публиковать манифестами ¹⁾, что всѣмъ бѣглецамъ разрѣшается свободный возвратъ на родину; и на этотъ разъ, по смыслу указа, имъ не только прощается бѣгство и совершенныя прежде преступленія, но они причисляются къ вѣрнымъ подданнымъ; то-же относится и къ дезертирамъ; перемѣнившіе религію должны будутъ лишь принести церковное покаяніе; для возврата назначается два срока: послѣ первой публикаціи настоящаго указа двухмѣсячный и послѣ второй — полтора мѣсячный. „Между тѣмъ“, говорится далѣе въ указѣ „извѣстно, что не многіе возвращаются, не смотря на оказанную снисходительность, другіе бродятъ и губятъ свои души; помѣщики-же употребляютъ всѣ возможныя средства для удержанія бѣглецовъ ²⁾: желающихъ возвратиться въ Россію родителей разлучаютъ съ дѣтьми, увозятъ послѣднихъ въ другія имѣнія, самихъ возвращающихся подвергаютъ жестокимъ побоямъ, нередко забиваютъ ихъ до смерти, а имущество захватываютъ въ свою пользу; новыхъ-же переселенцевъ приглашаютъ бѣжать въ

¹⁾ Къ сожалѣнію, этихъ манифестовъ намъ не удалось найти въ актовыхъ книгахъ, въ Полн. собр. закон. они помѣщены въ VIII т., № 6141 и 6181.

²⁾ Объ этихъ средствахъ говорить въ своемъ донесеніи и полковникъ Пановъ. Начальные люди, по его словамъ, пошлиютъ ловить бѣглецовъ, приведутъ человекъ 20 и отдадутъ одного или двоихъ, оставя у себя ихъ родныхъ, чтобы они возвратились; а кто доносилъ Панову о бѣглыхъ, тѣхъ били построжками. Ксѣндзь Аскирка, у котораго 40 деревень было населено русскими бѣглецами, объявилъ, что онъ на предписанія польскихъ министровъ и смотрѣть не хочетъ, да и съ самимъ Пановымъ грозилъ поступить дурно. (Соловьевъ. Исторія Россіи т. XVIII, стр. 273).

Польшу, объявая вслѣдїя льготы и выгоды“. Затѣмъ въ указѣ повторається еще разъ убѣжденіе возвратиться въ Россію потому что имъ, бѣглецамъ, «nie tyłko winy ich odpruszczono, lecz y w komput wiernych poddanych oni przyłączone będą». вмѣстѣ съ тѣмъ, объявлялось: „возвратившіеся освобождаются на нѣкоторое время отъ государственныхъ податей, а помѣщики, равно какъ и монастыри, по приказанію государыни, должны выдать имъ хлѣбъ и лошадей на первое обзаведеніе; приемъ бѣглыхъ производится такъ, какъ опубликовано было въ прежде изданныхъ манифестахъ; пограничнымъ крестьянамъ дается также льгота отъ платежа податей и недоимокъ и предписывается начальству оказать имъ помощь зерновымъ хлѣбомъ на засѣвъ“. Въ заключеніе указъ предупреждаетъ, что бы бѣглецы переселеніемъ въ Польшу не приводили-бы своего хозяйства къ разоренію, не подвергали-бы себя ограбленію, разлукѣ съ дѣтьми и мученіямъ и не ставили-бы себя въ необходимость жить бродягами и губить свою душу¹⁾.

Какъ ни странно, но указъ русской государыни къ своимъ подданнымъ напечатанъ, въ с.-петербургской академіи наукъ, на польскомъ языкѣ, конечно, совершенно непонятномъ для тѣхъ, кому предназначался самый этотъ документъ, и занесенъ въ акты книги суда, исключительно существовавшего для нуждъ шляхты; кромѣ того, онъ внесенъ въ книги волынскаго воеводства, гдѣ колоніи русскихъ выходцевъ были весьма малочисленны, тогда какъ въ кievскомъ они занимали все правое побережье Днѣпра; и вотъ въ кievскихъ-то книгахъ мы указа и не находимъ. Нельзя, намъ кажется, не видѣть и въ этомъ польской политики — накормить овецъ и сохранить сѣно. Само собою разумѣется, что этотъ указъ цѣли своей никоимъ образомъ достигъ не могъ,—если книги градскихъ судовъ были во всякое время и для всѣхъ открыты, то не для крестьянъ, находившихся во власти помѣщика, неполноправныхъ передъ королевскимъ судомъ, а всецѣло подчинявшихся доминантной юрисдикціи; написанный-же на польскомъ языкѣ, документъ, конечно, оставался непонятнымъ русскимъ выходцамъ, не успѣвшимъ въ короткое время ополячиться. Безрезультатность двухъ предшествующихъ указовъ отмѣчена въ указѣ 1734 года: „немно-

¹⁾ Книга центр. архива подъ № 1659, л. 369.

гіе бѣглецы возвращались“, говорится въ немъ. Не многіе возвратились и послѣ изданія послѣдняго, такъ что ровно черезъ 6 лѣтъ, 7-го февраля 1740 года, командовавшій войсками генераль-фельдмаршалъ графъ Минихъ внесъ въ актовыя книги новый манифестъ, въ которомъ старается убѣдить бѣглыхъ солдатъ, драгуновъ и «*unpuch ludzi*», чтобы они возвращались обратно въ Россію безъ всякаго страха и боязни предъ наказаніемъ, потому что государыня «*odpuszczają onym wszystkie winy, przymiując do laski y mieysca, gdzie y przed tym byli*». Срокъ для возврата бѣглыхъ на родину фельдмаршалъ назначилъ шестимѣсячный со дня публикаціи манифеста, поясняя, что возвращающіеся принимаются русскими офицерами на форпостахъ и снабжаются содержаніемъ до мѣста, гдѣ поселятся, и снова повторяя, что переселенцы должны являться въ свое отечество, „*nie tracąc nadziei za wine sztrafu, ale jak wierne poddani*“. Польское правительство, въ виду, вѣроятно, его прежняго молчанія, приглашалось, въ знакъ сосѣдской пріязни, а особенно при тогдашнемъ „*szczęśliwym z Portoiu Otomanskoiu rokoiu*“, обнародовать изданный манифестъ не только между живущими привольно, но и состоящими на службѣ дезертирами и дать этимъ послѣднимъ средства и возможность возвратиться въ свое отечество, при чемъ общается, что и польскіе бѣглецы, также въ знакъ пріязни, будутъ высылаемы изъ Россіи ¹⁾.

Не смотря на заискивающій тонъ этого обращенія русскаго полководца въ польскимъ властямъ, послѣдніе не торопились приводить въ исполненіе требованій, шедшихъ въ разрѣзъ съ ихъ экономическими выгодами. Поэтому 15-го іюля 1744 года, какъ узнаемъ мы изъ одного акта, касающагося исторіи гайдамацкаго движенія, былъ обнародованъ новый „простительный указъ“, такъ названный русскими пограничными судьями ²⁾. За 12 лѣтъ до Коливщины издается Елисаветой Петровной и Екатериной II-ой рядъ указовъ ³⁾ о возвратѣ бѣглыхъ. Съ особенной энергіей поляки протестовали противъ указа 1764 г. и отказывали въ ихъ выдачѣ; русскіе судьи, въ силу этого же указа, отказывали въ выдачѣ поль-

¹⁾ Книга центр. архива подъ № 4625, л. 39.

²⁾ Архивъ югозапад. Россіи. Акты о гайдамакахъ. стр. 386.

³⁾ Полн. собр. закон. т. XIV №№ 10454 (1755 г.), 10619 (1756 г.); т. XV. №№ 10889, 11179, 11456, 11265 (1758—1761 г.); т. XVI: №№ 11618, 11725 (1762 г.), 11815, 12011 (1763 г.), 12074 (1764 г.)

скихъ крестьянъ. Польскіе пограничные комиссары, протестуя противъ неприятнаго для нихъ уважа, исчисляють всѣ случаи, когда русскія войска уводили будто-бы польскихъ крестьянъ, не забывая упомянуть при этомъ еще разъ и о выселеніи 1711 года, по указу имп. Петра I-го ¹⁾). Судя по горячему протесту, какой обнаружился теперь поляки, можно думать, что и въ данномъ случаѣ Еватерина принялась за дѣло со свойственной ей энергіей. Подобный же призывъ къ бѣглецамъ видимъ въ указѣ 1779 года, подписанномъ 5 мая въ Царскомъ Селѣ, но появляющемся въ актовыхъ книгахъ только 16 августа ²⁾). Бѣгле крестьяне и дезертиры, говорится въ этомъ указѣ, послѣ всѣхъ изданныхъ до сихъ поръ указовъ должны быть строго судимы и вытребованы изъ Польши, но, „по врожденному состраданію и милосердію“, государыня и на сей разъ прощаетъ бѣглецамъ ихъ преступленія, исключая душегубцевъ, и позволяетъ имъ возвратиться въ свое отечество. Возвращеніе предлагается на слѣдующихъ условіяхъ: 1) прощеніе преступленій дѣлается подѣ условіемъ, что бѣглецы, по возвратѣ, честной жизнью заглаживать свои вины и заслужать то, что дается имъ; 2) крестьяне, казенные и помѣщичьи, солдаты, запорожцы и малороссы могутъ возвращаться къ пограничнымъ комендантамъ, вторые обязаны принять ихъ снисходительно и не имѣють права дѣлать имъ какія-либо стѣсненія; 3) запорожцамъ и малороссамъ назначаются для поселеній губерніи: новороссійская и азовская, а великороссамъ — курское, воронежское и тамбовское намѣстничества; 4) бѣглецамъ, если пожелаютъ, разрѣшается приписываться въ городахъ къ мѣщанамъ; 5) поселяющимся въ вышеозначенныхъ губерніяхъ дается свобода отъ податей на шесть лѣтъ и за тѣмъ они обязаны платить наравнѣ съ другими (при этомъ въ указѣ замѣчено, что въ тѣхъ губерніяхъ земли еще никѣмъ не занятой довольно много); 6) помѣщичьимъ крестьянамъ позволяется вступать въ военную службу, при чемъ они записываются въ число рекрутъ, причитающихся отъ ихъ господъ. Въ заключеніе, болѣе строгимъ тономъ объявляется, что о всѣхъ невозвратившихся будутъ собраны

¹⁾ Книга центр. архива подѣ № 196, л. 177..

²⁾ Книга центр. архива подѣ № 4681, л. 1018 и 1019. Полн. собр. законовъ т. XX, № 14870.

точные справки, гдѣ кто живетъ, и они будутъ вытребованы чрезъ сосѣднее правительство и строго наказаны. Сравнивая настоящій документъ съ подобными же предъидущими, мы видимъ, что онъ заключаетъ въ себѣ условія, болѣе выгодныя для крестьянъ: первые указы позволяли имъ возвращаться лишь на старыя мѣста къ прежнимъ помѣщикамъ, которые безнаказанно могли мстить довѣрчивымъ переселенцамъ; настоящій вызываетъ ихъ для колонизаціи присоединеннаго новороссійскаго края и для заселенія южной великорусской границы, отводя каждой народности болѣе знакомыя ей мѣста; словомъ, колонизація является главной цѣлью указа. Другое его преимущество въ томъ, что существамъ до тѣхъ поръ совершенно безправнымъ, обязаннымъ только нести на себѣ всѣ повинности, предоставлялась большая или меньшая свобода съ правомъ приписываться въ сословіе мѣщанъ. Что указъ, благодаря тѣмъ льготамъ, которыя и въ самомъ дѣлѣ могли оказаться дѣйствительными, безъ труда достигалъ цѣли, мы въ правѣ предполагать, какъ по горячимъ протестамъ со стороны польскихъ пограничныхъ судовъ противъ требованій русской императрицы о выдачѣ бѣглыхъ, такъ и изъ указанного проф. В. Б. Антоновичемъ ¹⁾ факта движенія крестьянъ изъ Кіевщины и Брацлавщины на югъ,—движенія, усилившагося послѣ присоединенія запорожскихъ степей и Крыма къ Россіи.

Изъ указовъ послѣ 1779 г. мы отмѣтимъ лишь наиболѣе важныя, которые изданы въ 1780, 1785 и 1788 годахъ ²⁾ и могли служить (особенно послѣдній) поводомъ къ толкамъ о возбужденіи Екатериной возстанія, упорно державшимся въ 1789 году. Очень возможно, что усилившаяся къ этому времени потребность въ колонизаціи южныхъ окраинъ Россіи вызвала распространеніе одного изъ такихъ указовъ (скорѣе всего послѣдняго) среди русскихъ выходцевъ въ Польшѣ, какъ болѣе подходившихъ къ заселенію новопріобрѣтенныхъ степей.

Итакъ мы видимъ, что русское правительство издаетъ рядъ указовъ, приглашая въ нихъ своихъ бывшихъ подданныхъ къ воз-

¹⁾ В. Б. Антоновичъ, изслѣдованіе о крестьянахъ въ юго-западной Россіи по актамъ 1700—1798 г. Кіевъ, 1870 г. Это изслѣдованіе показываетъ, что указъ не оставался безъ вліянія и на польскихъ крестьянъ.

²⁾ Поли. собр. законовъ т. XX: № 15006 (1780 г.), т. XXII; № 16281 (1785 г.) 16645 (1788 г.)

врату на прежнія мѣста, но изъ множества такихъ указовъ въ актовыхъ книгахъ мы находимъ всего лишь три; объ остальныхъ-же имѣемъ извѣстія въ постороннихъ источникахъ. Ясно отсюда, что въ Петербургѣ скоро была разгадана „польская политика“, и съ тѣхъ поръ „простительные указы“ черезъ довѣренныхъ лицъ прямо сообщаются тѣмъ, къ кому они относятся. Этотъ путь прямого сообщенія монархомъ своей воли подданнымъ очень часто практиковался, какъ въ московскомъ, такъ и въ польскомъ государствахъ, и въ первомъ случаѣ былъ особенно невыгоденъ и непріятенъ для шляхты, ибо въ такой странѣ, какъ бывшая Рѣчь Посполитая, поднять народную массу, вѣчно угнетаемую, постоянно недовольную и подверженную частому броженію, да притомъ пришлую, несвязанную ничѣмъ съ новымъ мѣстомъ своего поселенія, было не трудно. Неудивительно поэтому, если актывыя книги гродскихъ судовъ охотно отгрызались для царскихъ указовъ, этимъ путемъ объявляемыхъ, а прямое сообщеніе ихъ крестьянамъ, стоило жизни тому смѣльчаку, который рѣшался брать на себя это порученіе. Насколько враждебно относились поляки къ „простительнымъ указамъ“, распространяемымъ въ народѣ русскими торговцами-офенями, могутъ служить слѣдующіе два документа, встрѣченные нами въ пограничныхъ книгахъ кievскаго воеводства. Въ одной изъ такихъ книгъ¹⁾, заключающей въ себѣ перечень убытковъ, нанесенныхъ польскими войсками и обывателями русскимъ подданнымъ, подъ № 441, помѣщено, между прочимъ, донесеніе о такомъ случаѣ кievской губернской канцеляріи 7 мая 1747 года: „изъ малороссійскихъ панствъ“ обыватель *милитовской* (т. е. раскольниковъ) слободы, черниговскаго полка, Алексѣй Бугаевъ плылъ со своими людьми на четырехъ плотахъ внизъ по Днѣпру, въ Кіевъ, для торговли. И вотъ, у Мировши, гдѣ сорокошницкій форнось, противъ польскаго села Домонтова, нападаютъ на плоты Бугаева пять человекъ жолнѣровъ, стоявшихъ на форвактахъ. Они схватываютъ хозяина, „*praetędnicę iakowegoŝ ukazu*“ и требуя уплаты по рублю за каждый плотъ. Бугаевъ въ уплатѣ денегъ отказалъ, его за то вѣбили «гугані», силой отняли деньги, а при этомъ захватили вы-

¹⁾ Книга центр. архива, № 192, л. 81.

данный Бугаеву жолновникомъ билетъ, который приняли, должно быть по незнанію русскаго языка, за интересовавшій ихъ „указъ“; этого достаточно было для нападавшихъ, чтобы, отъѣхавъ немного на своихъ двухъ челнокахъ, подстрѣлить ограбленнаго ими торговца. Рана была настолько тяжела, что Бугаевъ, тотчасъ по прибытіи въ Кіевъ, умеръ. Между тѣмъ преступники спокойно возвратились на свой сторожевой постъ. Оказалось, что они принадлежали къ отряду товарища хоругви Іосифа Островскаго, стоявшаго на форвахтахъ и именовавшагося региментаремъ. На обращенныя къ нему пограничными комиссарами требованія объ удовлетвореніи за убійство и ограбленіе русскаго купца отвѣта не получено. Точно также остались безъ всякихъ послѣдствій эти требованія и у великаго короннаго гетмана, къ „диспозиціи“ котораго относился Островскій. Отсюда можно заключить, что розыски „указа“ происходили съ вѣдома и согласія высшихъ властей. Въ силу изложеннаго донесенія губернской канцеляріи, русскіе комиссары настаивали на томъ, чтобы виновные были представлены въ пограничный судъ, но ни въ этомъ, ни въ слѣдующихъ годахъ мы не видимъ, что-бы дѣло это разбиралось или было рѣшено. Польскіе комиссары, не отрицая факта розыскиванія „указа“, обѣщали написать региментарю о самоуправствѣ жолнѣровъ, но съ этимъ прекращается дальнѣйшая переписка. Болѣе точныя подробности о содержаніи этого злополучнаго „указа“ мы находимъ въ другомъ актѣ¹⁾, именно—въ жалобѣ выпедшаго изъ-за границы, „изъ бѣговъ“, русскаго подданнаго Тихона Аванасьева Фолгинина, занесенной въ іюль 1759 года въ пограничный судъ. По словамъ жалобщика, во время пребыванія его въ Польшѣ, въ имѣніи хорунжаго Нитоставскаго, въ „пилиповской“ слободѣ Якушинцахъ, послѣдній, узнавъ, что у него Фолгинина находится указъ „Najasnieyszey Monarchini Rossyjskiey, odpruzszajacy zbiegłym winy“, сталъ сначала упрекать его, зачѣмъ онъ этимъ указомъ всѣхъ живущихъ въ его имѣніи русскихъ крестьянъ „zwin-tował“, потомъ отнял у него самый документъ и, наконецъ, заграбилъ все его имущество (шесть лошадей съ нагруженными льномъ

¹⁾ Канга центр. архива № 193, л. 206, на оборотѣ.

тремя возами). Арестованнаго Фолгинина, съ женой Анной Евфимовой и ребенкомъ, Нитоставскій отправилъ въ имѣніе вѣнницкаго судьи Грохольскаго, въ мѣстечкѣ Стрижавку, препровождая при этомъ и „простительный указъ“. Въ Стрижавкѣ обвиняемый былъ представленъ Грохольскимъ на судъ „wysadzonych“ отъ польскаго шляхетства двухъ комиссаровъ, которые подвергли его жестокимъ пыткамъ: нѣсколько разъ били палками, давили пальцы клещами и проч. Жену Фолгинина комиссары приказали сѣчь розгами; отъ великаго страха она уронила бывшаго у нея на рукахъ ребенка, который тутъ-же и убиася до смерти. Самый указъ судьи порвали и потребовали выдачи денегъ, „московскихъ рублей“, подъ которыми они, очевидно, разумѣли деньги, выданныя ему, какъ агенту, русскимъ правительствомъ. Обвиняемый надѣялся-было утаить свое богатство, но, послѣ трехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, долженъ былъ купить себѣ свободу кровными 2000 червонныхъ, добытыми, по его повелѣнію, его отцемъ и имъ самимъ посредствомъ „kupieckiego przynuzi“. Онъ подробно и какъ бы съ удареніемъ говоритъ, откуда у него деньги. Отпущенный на волю, Фолгининъ поторопился въ Россію и просилъ ходатайства русскихъ комиссаровъ о переселеніи въ нему и его семейства, оставшагося пока въ мѣстечкѣ Городищѣ на польской сторонѣ; при этомъ онъ сообщилъ, гдѣ и кого замѣтилъ изъ русскихъ бѣглецовъ. Въ силу этой жалобы комиссары потребовали выдачи послѣднихъ, согласно королевскимъ универсаламъ, а также представленія на судъ Нитоставскаго и Грохольскаго, обвиняемыхъ въ разорваніи царскаго указа, въ ограбленіи, нанесеніи побоевъ и въ причиненіи мученій Фолгинину и его женѣ. Польскіе комиссары отвѣтили на эти требованія совершеннымъ молчаніемъ, такъ что въ іюль 1760 года эти требованія снова повторяются въ автографной книгѣ¹⁾). Русскіе судьи еще разъ напоминаютъ полякамъ о постоянномъ нарушеніи ими трактатовъ между Россіей и Польшей по вопросу о выдачѣ бѣглыхъ крестьянъ и дезертировъ, напоминаютъ о неисполненіи ими королевскихъ универсаловъ, предписывающихъ такую выдачу и запрещающихъ укрывательство, ставятъ на видъ препятствія, дѣ-

¹⁾ Ibid., л. 253.

земля помѣщиками тѣмъ изъ бѣглецовъ, которые хотятъ возвратиться въ свое прежнее отечество, и, наконецъ, указываютъ на разорваніе указа, мученіе и ограбленіе семьи Фолгина. Но и послѣ этихъ наименованій удовлетворенія не послѣдовало; видно, оскорбительное, на взглядъ русскихъ, отношеніе къ царскому указу не считается такимъ у шляхтичей, привыкшихъ иначе относиться къ распоряженіямъ своимъ королей. Примѣръ этому мы находимъ не только въ современной указамъ исторіи Мелхиседека Значко-Яворскаго, когда одинъ разъ шляхтичи едва не разорвали королевскаго „привилея“, признающаго свободу православія, а въ другой разъ отозвались о его годности въ весьма нескромныхъ выраженіяхъ, но и въ исторіи предшествующихъ вѣковъ. Извѣстное шаткое и зависимое отъ шляхты положеніе польскихъ королей дѣлаетъ этотъ фактъ понятнымъ и избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ подробности. Не могли также, мы думаемъ, поляки отговариваться и тѣмъ, будто русское правительство, посылая свои указы непосредственно къ бѣжавшимъ крестьянамъ, дѣлало что-либо необычное, выходящее изъ ряда и нарушавшее общественное спокойствіе въ сосѣднемъ государствѣ; мы уже раньше сказали, что путь непосредственнаго отношенія верховной власти къ подданнымъ практиковался не въ одной Россіи, но и въ Польшѣ; теперь же со стороны Россіи это дѣлалось съ вѣдома, согласія и даже совѣта высшихъ чиновъ Рѣчи Посполитой и относилось только къ пришлому, а не къ коренному населенію этого государства. Иначе поступали польскіе помѣщики, присылая „публичные листы“ въ русскія села, чтобы перезвать оттуда крестьянъ въ свои, все болѣе пустѣвшія къ концу XVIII вѣка, имѣнія. На это жаловался въ свое время русскій посолъ въ Варшавѣ графъ Штагельбергъ и король Станиславъ-Августъ универсаломъ, 5-го сентября 1777 года ¹⁾, признавать фактъ сманыванія польскими помѣщиками русскихъ крестьянъ для заселенія своихъ опустѣвшихъ имѣній, съ обѣщаніями всякаго рода выгодъ и вольностей, и хотя запрещаетъ перезывать къ себѣ крестьянъ изъ сосѣдней державы путемъ распространенія такихъ „публичныхъ листовъ“, но допускаетъ заселеніе людьми, являющимися добровольно.

¹⁾ Книга центр. архива № 196, л. 145, на оборотѣ.

Подводя итогъ сказанному, мы приходимъ къ выводу, что господствовавшее среди польскаго общества, во второй половинѣ прошлаго вѣка, толки о подстрекательствѣ Россіей подданныхъ Рѣчи Посполитой къ бунту основывались главнымъ образомъ на „прости-мелныхъ“ указахъ, разсмѣлившись въ мѣста населенія бѣглецовъ, послѣ того какъ внесеніе этихъ указовъ въ актовныя книги, да еще на польскомъ языкѣ, оказалось своего рода „политикою“; вмѣстѣ съ тѣмъ, недѣля не признавать, что эти указы давали поводъ угнетенному русскому населенію Польши по своему толковать распоряженія русскихъ властей во время гайдамацкаго движенія, и особенно въ свою пользу объяснять изданные передъ Коливщиной русскимъ правительствомъ, особенно Екатериной II, манифесты и дипломатическія ноты въ защиту православныхъ обитателей польскаго королевства. Что дѣйствительно упомянутые указы служили главнымъ основаніемъ клеветы на русское правительство изъ-за бунта въ Украйнѣ и на Волыни, это видно, между прочимъ, также и изъ совпаденія времени внесенія первыхъ въ актовныя книги со временемъ наибольшаго распространенія второй.

Въ заключеніе, два слова о томъ, что разумѣли поляки подъ словомъ „бунтъ“. Кромѣ открытыхъ возстаній, въ родѣ Коливщины 1768 г., которыми заканчивался народный протестъ противъ двойнаго—религіознаго и экономическаго польскаго гнета, бунтомъ считается простое возвращеніе народа отъ унии къ вѣрѣ отцевъ, хотя народная масса оставалась при этомъ спокойною, твердо идя къ своей цѣли. Изъ сообщенныхъ нами документовъ о возвратѣ бѣглыхъ, мы видимъ, что крестьяне, обманутые польскими обѣщаніями и желавшіе возвратиться на родину, обзывались также бунтовщиками, подвергаясь ограбленію и побоямъ. Неудивительно послѣ этого, если, по такимъ понятіямъ о бунтѣ, и на русское правительство того времени сыпались обвиненія въ соучастіи его въ бунтахъ,—обвиненія, пустившія корни и въ глубь и въ ширь.

Поводъ къ такимъ обвиненіямъ и основанія для нихъ ясны; трудно только рѣшить, гдѣ первоначально возникали толки о возбужденіи противъ Польши православнаго русскаго ея населенія русскимъ правительствомъ: въ средѣ-ли самаго этого населенія, въ видѣ надеждъ на защиту отъ притѣсненій въ исповѣданіи вѣры и попустительства на собственную расправу его съ своими притѣсни-

телями, или-же въ средѣ шляхты—въ видѣ примытъ обвиненій въ подстрекательствѣ изъ политическихъ расчетовъ. Съ большою вѣроятностію полагать можно, что происхожденіе этихъ толковъ одновременно въ той и другой средѣ, такъ какъ обѣ онѣ были въ нихъ непосредственно и одинаково заинтересованы. Разница здѣсь лишь въ содержаніи и характерѣ слуховъ и толковъ, измѣнявшихся соотвѣтственно средѣ, въ которой они возникали и держались: въ то время, когда православное населеніе Польши смотрѣло на всякіе доходявшіе до него царскіе указы и манифесты съ надеждою на лучшую жизнь, менѣе тревожную, шляхта видѣла въ нихъ посягательство на цѣлость своего отечества и на свое оповѣстствіе; оттого шляхта въ оправданіе себя старалась взвалить на русское правительство и его указы всю отвѣтственность за постигшія Польшу бѣды, которыя, въ дѣйствительности, были естественнымъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, слабости центральной власти, внутреннихъ неурядицъ и іезуитско-еврейскаго владычества, а съ другой—управительской плети надъ хлопами, рядомъ съ золотой шляхетскою вольностію.

И. Каманинъ.

Къ характеристикѣ Д. Г. Бибикова

(б. генералъ-губернатора юго-западнаго края 1838—1852 г.).

Димитрій Гавриловичъ Бибиковъ принадлежитъ въ числу тѣхъ не многихъ выдающихся дѣятелей временъ императора Николая I-го, которые въ своей дѣятельности съ большою вѣрностію отражали духъ его царствованія и которыхъ дѣйствія, проникнутыя умомъ, сознаниемъ ясно представляемой цѣли и строго опредѣленною системою, дали наиболѣе видимые результаты.

Такою дѣятельностію и такими ея результатами наиболѣе богато то время жизни Димитрія Гавриловича Бибикова, которое онъ провелъ въ званіи главнаго начальника юго-западнаго края. Его уму, энергіи, патриотизму и предприимчивости этотъ край много обязанъ охраною вѣковыхъ историческихъ его правъ, поднятіемъ народнаго самосознанія, политическимъ спокойствіемъ, вообще тѣмъ, что онъ не превратился изъ кореннаго и древнѣйшаго русскаго края въ патриотическій польскій станъ и польскую провинцію.

Для изучающаго судьбы южной Россіи, при настоящемъ обиліи историческаго матеріала, не имѣется уже сомнѣнія въ томъ, что ничто столько не способствовало омолоченію русскихъ областей бывшей Рѣчи Посполитой, какъ возвращеніе ихъ Россіи, что никогда польскій духъ не ширился въ этихъ провинціяхъ съ такою легкостію и быстротою, какъ подъ сѣнію русскаго трона, и никогда польско-католическая пропаганда не работала здѣсь такъ свободно и успѣшно, какъ надъ охраною русскихъ законовъ и русской власти. Россійская простота долго не могла понять и примѣтить всѣхъ тонкостей польско-іезуитской политики; она не могла (да, кажется, и не желала) уразумѣть то состояніе, въ какомъ возвращались Россіи ея древнѣйшія области. Достойно замѣчанія, что

уже ко времени присоединенія Малороссіи затемнено было понятіе о племенномъ и прежнемъ политическомъ единствѣ двухъ половинъ Россіи. Жители Малороссіи долгое время по ея присоединеніи трактовались, какъ „черкешанины“ и „люди червесской породы“, и Петръ I-й изъ ближайшихъ политическихъ расчетовъ не затруднялся дважды отдавать Западную Украину на жертву польскому фанатизму. За тѣмъ во все продолженіе дипломатическаго заступничества русскаго двора за православныхъ обитателей польскаго королевства, отъ Петра I до Екатерины II, единственнымъ мотивомъ этого заступничества выставлялось единовѣріе, о единствѣ-же племенномъ не было и помину. Блестяще образованные, но мало просвѣщенные и даже малограмотные вельможи Екатерины, рѣшившіе участь Польши, всего менѣе знали то, что предстояло имъ дѣлать съ возвращенными отъ Польши русскими провинціями. Впрочемъ по господствовавшему тогда духу пріобрѣтенія и расточительности, по тогдашнимъ соціальнымъ возрѣвнѣямъ на крестьянскій людъ, который одинъ почти сохранилъ русскую народность въ присоединяемыхъ отъ Польши областяхъ, никому надъ этимъ и не приходилось задумываться. Никто поэтому не повѣрялъ инвентаря возвращаемаго, никто не смотрѣлъ, что и въ какомъ видѣ и положеніи возвращается; всѣ спѣшили лишь поживиться на счетъ возвращаемаго. Не успѣли мы присоединить Бѣлоруссію, какъ пошла раздача новоприсоединенныхъ душъ и земель: получали дяди за свои личныя заслуги и племянницы за заслуги дядей, брали и не имѣвшіе ни заслугъ, ни дядей, но только племянницъ, — бралъ наконецъ всякій, кто могъ. Тоже повторилось съ уничтоженіемъ Запорожья: сотни тысячъ десятинъ дѣвственныхъ полей шли въ одни руки, или тѣхъ, кто не противорѣчилъ этому дѣлу (генераль - прокуроръ Вяземскій), или тѣхъ, которые были ближайшими его зрителями (кн. Прозоровскій); тысячи и десятки тысячъ ихъ давались по одной деньгѣ всѣмъ желающимъ заселять край, всѣмъ захожимъ и чужестраннымъ, всѣмъ, всѣмъ, кромѣ тѣхъ, которые одни имѣли на нихъ право или чувствовали въ нихъ нужду. И случилось при этомъ, что польское землевладѣніе проникло туда, куда прежде не смѣла шагнуть ни одна польская нога. Нѣчто подобное, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, совершилось во время присоединенія Украины, Волыни и Подолія.

Это присоединеніе, при установившейся уже твердости русскаго правительства, только закрѣпило тотъ гибельный порядокъ вещей, который привелъ Польшу въ разложенію. Снова очутились—другъ передъ другомъ—всевластный, признанный во всѣхъ своихъ правахъ панъ и совершенно уже безправный народъ, который не могъ уже, какъ прежде, заявить своего протеста противъ такого произвола и гнета, которымъ открылся теперь полный просторъ, гораздо большій, чѣмъ какимъ они пользовались за славной Рѣчи Посполитой. Безсильная тогдашняя власть не могла защитить ихъ отъ взрывовъ народной мести, которая одна служила для нихъ пугаломъ и утѣхою, теперь-же и власть была на ихъ сторонѣ. Мы надѣялись единственно на твердость власти, забывая, что основы, строй и условія жизни сильнѣе всякой власти. И что-же видимъ потомъ? На всемъ протяженіи древне-русскихъ областей, подъ скипетромъ російскимъ, царить польскій духъ, дѣйствуетъ польское законодательство, господствуетъ, поддерживается и расширяется система польскаго національнаго образованія, своевольствуетъ по прежнему польскій панъ и закрѣпощаетъ искони вольныхъ людей, бездѣйствуютъ или потворствуютъ ему польскія-же, почти отъ самаго верху, власти. Православная вѣра, по прежнему въ загонѣ и пренебреженіи; древнѣйшія русскія святыни лежатъ въ развалинахъ и приходятъ еще въ большее запустѣніе, древнѣйшія русскія учрежденія попираются и уничтожаются, издревле выборные духовные пастыри и правители замѣняются лицами по назначенію, православныя церковныя братства преслѣдуются становыми приставами, какъ учрежденія, противныя духу винныхъ откуповъ, школы, такъ многочисленныя еще въ концѣ XVIII ст., въ 30 годамъ нынѣшняго столѣтія почти повсемѣстно прекращаютъ свое существованіе, земли у крестьянъ постепенно обрѣзываются, а ихъ повинности усиливаются до того, что не оставалось уже у крестьянина ни одного свободнаго дня въ недѣлѣ на его собственныя работы. Народъ стоналъ подъ игомъ польскихъ пановъ и въ отчаяніи восклицалъ: „за що насъ Царь ляхамъ въ неволю отдавъ? ¹⁾).

¹⁾ Много разъ мы слышали въ дѣтствѣ эти именно слова отъ людей поминувшихъ еще времена польскаго владычества. Общее убѣжденіе ихъ было, что тогда жить было гораздо легче и сноснѣе.

Весь этотъ строй и порядокъ вещей, всомоществуемый нарочитыми миссіонерскими трудами польской пропаганды и даже покровительствуемый свыше (вспомнимъ времена Чарторыжскаго, друга Александра I) приводитъ къ возстанію 1831 г., которое не менѣе сильно было и въ присоединенныхъ отъ Польши провинціяхъ, какъ и въ коренныхъ ея областяхъ, а затѣмъ подготовители новаго возстанія къ 40-мъ годамъ покрываютъ весь юго-западный край цѣлою сѣтью демократическихъ кружковъ.

Никто изъ предшественниковъ Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ не могъ понять тогдашняго гибельнаго его положенія, обнять всѣхъ нуждъ его и принять соотвѣтственныя мѣры для водворенія въ немъ справедливаго порядка и возвращенія ему его вѣковаго историческаго русскаго образа. Одинъ изъ нихъ оставилъ по себѣ память лишь тѣмъ, что уничтожилъ въ Кіевѣ древнее его самоуправленіе и столицѣ русскаго православія далъ перваго городского голову изъ раскольниковъ, другой извѣстенъ по возмутительному сѣченію чрезъ нѣмца полицмейстера и развѣзжавшихъ съ послѣднимъ козаковъ на улицахъ и площадяхъ всѣхъ тѣхъ, которые при проѣздѣ по городу не держались правой стороны. Д. Г. Бибикову принадлежитъ честь широкаго и глубокаго пониманія нуждъ края и возвращенія ему и его центру—Кіеву ихъ національныхъ историческихъ правъ. Заслуги его для нихъ велики и немислимы. Если принять въ соображеніе господствовавшіе въ то время у насъ понятія о внутренней политикѣ, то нельзя не удивляться смѣлости и глубинѣ проведеннаго Бибиковымъ взгляда, истинно національнаго и патріотическаго, а взвѣсивъ все сдѣланное и предпринятое имъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, невольно становишься въ тупикъ предъ его необъятною и не сообразимою энергіею. Вотъ главнѣйшія дѣла, увѣковѣчившія здѣсь память этого замѣчательнаго администратора: подавленіе польскаго революціоннаго духа, очищеніе дворянскаго сословія отъ накопившейся вѣками и вновь фабриковавшейся праздною и тунеядной шляхты, составлявшей истинное бремя для края и всегдашній горючій политическій элементъ, уничтоженіе отдѣлений Польскаго Банка и учрежденіе кіевской коммерческой конторы Государственнаго Банка, ограниченіе произвола и гнета помѣщиковъ надъ крестьянами и расширеніе правъ послѣднихъ, вообще-же регуляція крестьянъ

янского труда и взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщиковъ посредствомъ такъ называемыхъ инвентарныхъ правилъ, ограниченіе правъ и мѣста осѣдлости другаго зловреднаго элемента въ лицѣ евреевъ, которые при Д. Г. Бибииковѣ не допускались, какъ при его преемникѣ, въ генераль-губернаторскую гостиную *сквернаго ради прибытка*, хотя и подъ видомъ благотворенія, — вовсе не селились въ Кіевѣ, а появлялись въ немъ лишь на два дня и то по особой, при въздѣ получаемой запискѣ, — отмѣна искаженнаго саксонскимъ правомъ и другими болѣе сродными примѣсами Литовскаго Статута и введеніе русскаго законодательства, обезпеченіе быта православнаго духовенства назначеніемъ ему жалованья, постройкою домовъ и обработкою земель, обезпеченіе духовныхъ нуждъ православнаго сельскаго населенія посредствомъ обязательной для ихъ помѣщиковъ постройки новыхъ и исправленія обветшавшихъ церквей, поднятіе и усиленіе образованія въ краѣ посредствомъ возстановленія университета, котораго открытіе онъ принялъ на свою личную отвѣтственность, учрежденія института благородныхъ дѣвицъ въ Кіевѣ и многихъ среднихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, наконецъ учрежденіе центрального архива — этого драгоцѣннаго и богатѣйшаго хранилища историческихъ памятниковъ и особой при генераль-губернаторѣ комисіи для разбора древнихъ актовъ, которая, подъ названіемъ временной, существуетъ около 40 лѣтъ и оказала неопѣвенныя услуги для мѣстной исторіи. Не говоримъ о томъ, что сдѣлано Бибииковымъ для укрѣпленія, украшенія и вообще благоустройства самаго Кіева — древнѣйшей столицы Россіи и матери градовъ русскихъ.

Отличительными свойствами всѣхъ предначинаній и мѣропріятій Д. Г. Бибиикова по устройству края были: широта и смѣлость замысла, глубина взгляда, обнаруживавшаго истинно государственныи умъ, патріотическая цѣль и такая-же подкладка, быстрота и рѣшительность дѣйствій, твердое и ничѣмъ не колеблемое выполненіе однажды задуманнаго. Но окруженный со всѣхъ сторонъ крамолою, не устанно работавшею, встрѣчая на каждомъ шагу тысячи препятствій, создаваемыхъ искусными и многоопытными руками, и щата дань времени, какъ могучій и сильный характеръ, онъ избиралъ не рѣдко для выполненія своихъ намѣреній такія формы и способы, которые въ извѣстной средѣ пронесли имя его, какъ вар-

вара, или необузданнаго сатрапа, не цѣнившаго въ грошъ никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, когда дѣло шло о достиженіи имъ своихъ цѣлей. Съ другой стороны въ средѣ русскаго общества и населенія, помимо частныхъ нареканий, ни одно имя главнаго начальника края, ни прежде, ни послѣ, не пользовалось такою популярностію, какъ имя Димитрія Гавриловича; объ немъ толковали по своему простые мѣщане и даже крестьяне и всюду былъ извѣстенъ генералъ объ одной рукѣ. Доброе по природѣ сердце его удерживало его въ предѣлахъ справедливости и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ, по видимому, давалъ мѣсто той злости, на которую самъ въ себѣ указывалъ, или-же вызывало въ немъ великодушіе и прощеніе; но перевѣсивавшая сила воли влекла его не рѣдко къ мѣрамъ крайнимъ, а изобрѣтательный умъ давалъ имъ такія оригинальныя формы, которыя усугубляли налагаемое на виновныхъ наказаніе и приводили ихъ въ страхъ и трепетъ. Онъ врагъ былъ всякихъ полумѣръ, не допускалъ никакихъ сдѣлокъ съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ своею собственною совѣстію и держался, кажется, того правила, что благоразумнѣе предупредить преступленіе страхомъ, чѣмъ карать оное жестокостію, пресѣкать его въ началѣ, или на половинѣ, хотя бы и крутою мѣрою, чѣмъ давать ему разрастаться и привлекать всѣ тяжкія послѣдствія,—отсѣкать гнилой членъ сразу, чѣмъ возиться надъ его леченіемъ, не бывъ урѣзаннымъ въ успѣхахъ онаго. Всегда ли онъ былъ предупредителенъ, проникателенъ и, такъ сказать, не погрѣшимъ, это другой вопросъ; но въ желаніи добра, прямотѣ и честности ему не отказывали и самыя враги его. Господствовавшія въ то время понятія о формѣ, порядкѣ, дисциплинѣ, субординаціи и спасительности мѣръ вѣрныхъ, средствъ внѣшнихъ, считая здѣсь и сѣченіе, раздѣлялись вполне этою цѣльною натурою и составляли ея большое мѣсто; но и замѣнившая Бибиновскую систему другая, противоположная ей, обнаружила не менѣе ошибокъ, крайностей и увлеченій, въ концѣ концовъ приведшихъ къ возстанію 1863 г., а за тѣмъ къ преобладанію въ краѣ іудеевъ въ замѣнъ поляковъ. Ходилъ слухъ о томъ, что Бибиновъ, предпочитая *мпы отеческія* всякимъ другимъ, примѣнялъ ихъ не къ обыкновеннымъ только лицамъ шляхетской крови, но и къ такимъ титулованнымъ особамъ, при томъ не одного грубаго пола, въ которыхъ со времени ду-

бинки Петровой они никогда не примѣнялись,—ходили эти слухи и доходили даже до свѣдѣнiя императрицы Александры Федоровны и, по словамъ передававшего намъ очевидца, составили однажды въ присутствiи самаго Бибикова, предметъ веселыхъ шутокъ со стороны императора Николая Павловича, не вѣрившаго, конечно, такимъ баснямъ, но дававшего государынѣ видѣ, что рассказываемое не только вѣрно, но совершалось даже не безъ его вѣдома и соизволенiя. На сколько было правды во всѣхъ ходившихъ слухахъ объ употребленiи Бибиковымъ отеческихъ мѣръ и не соответственномъ ихъ по тогдашнимъ даже порядкамъ примѣненiи, едва-ли кто сказать можетъ; но въ 1852 г., когда Бибикова смѣнилъ вн. Васильчиковъ и, по докладу его, въ прiѣздѣ имп. Николая Павловича въ Кiевъ, одинъ изъ поляковъ управлявшихъ большимъ имѣнiемъ, за политическiя манифестацiи былъ посланъ на Кавказъ рядовымъ, а другой, по заявленiю его о непригодности къ военной службѣ, отданъ въ арестанскiя роты, намъ самимъ пришлось слышать отъ поляковъ - же сожалѣнiе о выходѣ Бибикова и о замѣнѣ мѣръ отеческихъ легальными: *bo, proszę pana, ten karał po ojcowski*,—говорили наши собесѣдники, предпочитавшие наказанiе поносное наказанiю тяжкому, по его долгимъ послѣдствiямъ.

Гораздо болѣе вѣроятности и даже несомнѣнной вѣрности за тѣми многочисленными въ его служебной практикѣ случаями, въ которыхъ проявлялись просто его крутой нравъ, не терпѣвшiй противорѣчiй, его привычка повелѣвать, требовать точнаго исполненiя его распоряженiй, взыскивать строго за малѣйшее ихъ нарушенiе, его удивительная изобрѣтательность въ подборѣ специальныхъ, соответственныхъ преступленiю наказанiй и особенное умѣнье отлучи въ виновнаго отъ повторенiя сдѣланнаго не столько тяжестью наказанiя, сколько особою, такъ сказать, его внушительностью. Известны на примѣръ и вполнѣ вѣрны примѣры послышки студентовъ—медиковъ въ фельдшера съ выслугою въ медикъ, суроваго наказанiя за незастегнутую въ мундирѣ пуговицу и т. под. Кто о такихъ случаяхъ не слыхалъ, кто ихъ не знаетъ? Но мы приведемъ въ фактическомъ видѣ нѣсколько пайболѣе оригинальныхъ мѣръ исправленiя и наказанiя, которыя могъ придумать одинъ только Бибиковъ и которыя характеризуютъ его болѣе всякихъ отвлеченныхъ описанiй и сужденiй. За вѣрность этихъ рассказовъ въ ихъ по-

дробностяхъ мы ручаться, конечно, не станемъ, но приводимъ ихъ въ томъ видѣ, какъ они ходили въ свое время, передаваясь изъ устъ въ уста.

1. *Обращеніе униатскаго священника въ православіе.* Въ 1839 г., какъ извѣстно, совершилось присоединеніе къ православію всѣхъ униатовъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Въ послѣднемъ, гдѣ ихъ осталось самое незначительное число, нашелся однако одинъ не молодой священникъ, который не пожелалъ послѣдовать общему примѣру и мучилъ своихъ прихожанъ. Послѣ тщетныхъ и долгихъ увѣщаній со стороны духовныхъ властей, Биби-ковъ, который не любилъ, чтобы у него что-либо нарушало общій порядокъ, потребовалъ священника къ себѣ. Послѣдній доставленъ былъ экстренно съ жандармами и ими же введенъ въ пріемный залъ.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?—спросилъ послѣ нѣкоторой прелюдіи генераль.

— Не желаю,—былъ отвѣтъ.

— Думаю,—это отъ того, продолжалъ генераль, что вы не имѣли времени подумать надъ этимъ дѣломъ. Подумайте на досугѣ и потомъ мнѣ скажете.

Генераль далъ знакъ и ослушника увели. Въ передней ему повязали платкомъ глаза, усадили въ карету и повезли, неизвѣстно куда. Доставивъ по назначенію, его долго вели по какимъ-то переходамъ и корридорамъ и наконецъ ввели въ какую-то комнату. Когда повязка была снята, онъ увидѣлъ молчаливо удаляющихся жандармовъ, услышалъ скрипъ тяжелой двери и щелканіе замка, а за тѣмъ мѣрные шаги у двери часоваго. То былъ вовсе не знакомый узнику крѣпостной казематъ съ его скудною обстановкою и свѣтомъ падающимъ откуда-то сверху. Молча сторожъ ставилъ пищу и питье, молча уходилъ. Ни на какіе вопросы ни онъ, ни часовые не давали отвѣта. Прошло нѣсколько дней невольнаго досуга, уединенія, безмолвія, размышленія. Разъ, не то днемъ, не то вечеромъ, отворяется со скрипомъ дверь, входятъ новые сторожа, повязываютъ узнику снова глаза и послѣ длинныхъ переходовъ вводятъ его въ ярко освѣщенный съ опущенными шторами залъ. Глазамъ узника представлялся длинный, краснымъ сукномъ покрытый, столъ съ зеркаломъ, а по сторонамъ его нѣсколько военныхъ чиновъ въ мундирахъ и орденахъ. Старшій изъ сидѣвшихъ обра-

тился къ подведенному узнику съ тѣмъ-же вопросомъ, съ какимъ прежде обращался генераль.

— Желаете-ли, батюшка, принять православіе?

— Нѣтъ, не желаю.

Старшій кивнулъ головою, подалъ знакъ и узникъ снова тѣмъ же порядкомъ былъ отведенъ въ его казематъ.

Проходили дни за днями; въ опредѣленный день, въ урочный часъ появлялись тѣ-же стражи, повторялся тотъ-же процессъ привода, допрашиванія и отвода. Упрямый узникъ не выдержалъ на-монецъ и въ одну изъ явоекъ на вопросъ предсѣдательствовавшего: желаете-ли принять православіе? отвѣчалъ: желаю. Тотъ часъ всегда угрюмый предсѣдатель весело поднялся съ кресла и, поздравляя новообращеннаго съ принятіемъ православія, почтительно попросилъ у него благословенія. Его примѣру послѣдовали прочіе члены. Въ заключеніе предсѣдатель самымъ любезнымъ образомъ пригласилъ его отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ генераль-губернатору. „Такъ вы уже православный?“ — такимъ вопросомъ встрѣтилъ его генераль, и получивъ утвердительный отвѣтъ, произнесъ: поздравляю, и самъ попросилъ благословенія.

— Вы теперь свободны, заключилъ генераль. — Поѣзжайте на приходъ; я увѣренъ, что вы навсегда уже останетесь православнымъ. Прощайте!

— И это все?—возвысилъ голосъ недавній узникъ. — Такъ сюда привезли, а назадъ пѣшкомъ буду идти?

— Не все, отвѣчалъ генераль и быстро прошелъ въ кабинетъ. Возвращаясь оттуда, онъ также быстро подошелъ къ новообращенному и съ словами: прошу помолиться обо мнѣ, вручилъ ему деньги на молитвы, точнѣе на проѣздъ—безъ провожатыхъ.

2. *Любезный разговоръ съ городскими представителями.* Въ 1847—48 году появилась въ Кіевѣ сильная холера. Бибиковъ распорядился открытіемъ временной больницы въ городскомъ, такъ называемомъ, контрактномъ домѣ, гдѣ обыкновенно отбывались купеческія семейныя собранія и танцевалъ историческій теперь Аскоченскій съ своею Варинькою. Почетнѣйшіе купцы, съ городскимъ головою во главѣ, явились къ нему съ просьбою объ отмѣнѣ та-кого распоряженія.

— Что скажете, господа?—спросилъ ихъ ласково генераль.

— Ваше высокопревосходительство приказали открыть больницу въ контрактномъ домѣ для холерныхъ,—началь городской голова.

— Такъ.—Что-же?

— Но вотъ дочери наши тамъ танцуютъ въ зиму, а тутъ холерные будутъ... Какъ-же? будьте милостивы, прикажите перемѣнить...

— Прикажу. Голядкинъ ¹⁾! Контрактный домъ очистить, а кровати въ ихъ домахъ размѣстить...

Купцы вытянули свои фizioноміи.

— Больше ничего не скажете, господа?—спросилъ генераль.

— Ничего, отвѣчали тѣ, низко кланаясь. — Они хорошо знали, что значить противорѣчить Бибикову.

— Такъ я вамъ скажу, прибавилъ онъ.—Вы, господа купцы, не кievскіе купцы, а кievскіе с.....и, а вы, И. И., не кievская городская голова, а кievская городская ж.... Прощайте!

Купцы пошли, не солоно хлебавши. Кровати холерныхъ, конечно, остались въ контрактномъ домѣ.

3. *Обученіе инвентарямъ.* Инвентарныя правила — любимое дѣтище Бибикова. Благодѣтельныя для крестьянъ, они не согласовались съ интересами помѣщиковъ, привыкшихъ къ полному и безконтрольному господству надъ крестьянами и эксплуатаціи всего ихъ труда. Какъ помѣщику, привыкшему къ тому, чтобы всякая живущая крестьянская душа работала на него, сносить то, чтобы вдругъ на работу являлся одинъ только работникъ и одна работница отъ двора и вмѣсто шести дней въ недѣлѣ работали кто три, кто два, а кто и одинъ день, да притомъ всякая работа была бы опредѣлена мѣрою и числомъ (сколько напр. сноповъ сжать или смолотить, и какого хлѣба, и какой мѣры снопы, и пр., и пр.). Появилось множество злоупотребленій и насилій со стороны помѣщиковъ, а протестовавшихъ или жаловавшихся крестьянъ представляли въ видѣ бунтовщиковъ. Дошли до Бибикова свѣдѣнія, что одинъ помѣщикъ радомысльскаго уѣзда, управлявшій имѣніемъ по довѣренности матери, молодой, эlegantный жуиръ, игнорируетъ инвентарныя правила. Онъ доставленъ былъ *приличнымъ* образомъ въ Кіевъ къ Бибикову.

¹⁾ Знаменитый въ бибиковское время полиціймейстеръ г. Кіева.

— Я слышалъ, сказалъ ему генераль безъ всякихъ прелюдій, что вы допускаете отступленія отъ Высочайше утвержденныхъ инвентарныхъ правилъ. Полагаю, что это происходитъ не отъ злой вашей воли, а просто отъ того, что вы, по причинѣ молодости и безпрестанныхъ развлеченій, недостаточно ознакомлены съ этими правилами.

Молодой джелтъмень приободрился, но не надолго.

— Я вызвалъ васъ сюда, продолжалъ генераль, чтобы вы здѣсь на досугѣ могли изучить эти правила; тогда, я не сомнѣваюсь, вы будете ихъ въ точности исполнять.

Подавая недоумѣвающему франту увѣсистую *in folio* тетрадь, равнявшуюся по меньшей мѣрѣ книжкѣ толстаго журнала, генераль прибавилъ: вотъ вамъ правила. Приходите сюда каждый день въ 9-ть часовъ утра. Вамъ укажутъ комнату, гдѣ вы будете ихъ изучать, а мой адъютантъ (при этомъ онъ взглянулъ въ сторону адъютанта, а тотъ щелкнулъ шпорами) будетъ наблюдать за вашими занятіями и прослушивать, что вы успѣете изучить. По окончаніи вашихъ занятій, я надѣюсь самъ прослушать васъ.

Генераль слегка кивнулъ головою и удалился въ кабинетъ, а ошеломленный франтъ, вѣжливо приглашенный въ особую комнату, сталъ съ того-же дня пытѣть надъ правилами, не превосходившими по своему содержанію какую-либо рецептуру или латинско-россійскій словарь.

Много дней и недѣль потратилъ молодой вельможный панъ, пока *doskonale* изучилъ правила, а когда весь курсъ былъ пройденъ, генераль самъ спросилъ его въ разбивку и за тѣмъ отпуская, проговорилъ: теперь поѣзжайте домой; я не сомнѣваюсь, что вы хорошо будете управлять имѣніемъ и оправдаете довѣріе вашей матушки.

4. *Поездка въ Анапу.* Во время революціи 1848 г. и послѣдовавшей за тѣмъ венгерской кампаніи, въ польскомъ населеніи юго-западнаго края проявилось сильное броженіе. Надежды поляковъ, что переворотъ на западѣ Европы коснется Россіи и поможетъ осуществленію ихъ мечтаній, постепенно росли. Стали наконецъ разносить вѣсти за вѣстами, что сформированный въ Турціи польскій легионъ сдѣлалъ высадку близъ Анапы, взялъ и разрушилъ ее, гарнизонъ весь истребилъ, а за тѣмъ поднимаетъ горскія племена.

Одинъ изъ такихъ благовѣстниковъ, жирный польскій панъ, былъ доставленъ Бибикову въ позднюю осень.

— Стало мнѣ извѣстно, началъ генераль, что вы распространяете извѣстiя, въ справедливости которыхъ сами не увѣрены, и пояснилъ, какого рода извѣстiя распространяетъ панъ.

— Это такъ—одни байки, в. в-ство, проговорилъ панъ, не подозревая, что ждетъ его.—Говорятъ теперь много; одинъ другому передаютъ. И я, что слышалъ, рассказывалъ, а такъ-ли оно, почему мнѣ знать. Кто тамъ былъ, кто то можетъ знать? Такъ одни байки...

— То-то никто не былъ и не знаетъ. Вотъ я хочу, что-бы вы сами проѣхали въ Анапу и лично удостовѣрились, цѣла-ли она и что съ русскимъ гарнизономъ. Поѣзжайте. Вы будете имѣть провожатыхъ. А на обратномъ пути заѣзжайте мнѣ сказать, что вы тамъ найдете.

У генераль-губернаторскаго подѣзда стояла тройка почтовыхъ лошадей. Два жандарма бережно усадили своего кліента и сами усѣлись. Умчался панъ съ *будущими*.

Не скоро онъ вернулся съ своими провожатыми въ Кіевъ и отрапортовалъ Бибикову, что Анапа на мѣстѣ и гарнизонъ цѣлъ, а непріятеля нигдѣ не видно. Стоимость путевыхъ издержекъ взыскана потому съ виновника ложныхъ вѣстей.

5. *Патріотическій обьѣдъ*. Въ тоже время, въ Кіевѣ, въ Липкахъ, рядомъ почти съ домомъ генераль-губернатора жилъ богатый польскій помѣщикъ и домовладѣлецъ N. Это была труба іериховская. Никто скорѣе его не узнавалъ городскихъ и всякихъ новостей и никто быстрѣ ихъ не распространялъ—все по секрету да въ одиночку. Сталъ и онъ распускать, что русскія войска въ Венгріи терпятъ пораженія за пораженіями и что скоро Кошутъ будетъ въ Кіевѣ... Приглашаетъ Бибиковъ болтливаго сосѣда.

— Я, говоритъ ему, слышалъ то-то и то-то.—Откуда вамъ извѣстно это?

— Извините, в. в-ство, зачастилъ изворотливый сосѣдъ.—Я тутъ ни при чемъ. Теперь много слуховъ. Всѣ говорятъ; говорилъ и я, что слышалъ. Но это только одни слухи,—такъ и передаются они. Откуда-же намъ имѣть вѣрныя свѣденія?

— То-то вы не имѣете вѣрныхъ свѣденій, а передаете. Я вотъ получаю иностранныя газеты (въ то время частныя лица почти не могли ими пользоваться), имѣю свѣдѣнія и изъ другихъ вѣрныхъ источниковъ и могу увѣрить васъ, что все, объ чемъ у васъ толкуютъ, совершенная ложь.

Сосѣдъ сталъ вторить Бибикову, заявлять, что только его свѣдѣнія вѣрны. Тотъ перебилъ его слѣдующими неожиданными словами:

— Я не хочу съ вами ссориться; полагаю, что и вы этого не желаете. Надо это дѣло поправить, загладить. Я укажу вамъ способъ, который, надѣюсь, будетъ согласенъ съ тѣмъ, что вы сами сейчасъ говорили о переданныхъ вами невѣрныхъ извѣстіяхъ и вашихъ патріотическихкихъ чувствахъ. Вотъ что рекомендую вамъ сдѣлать. Завтра, послѣзавтра устройте вы у себя обѣдъ,—хорошій обѣдъ,—понимаете? Пригласите на этотъ обѣдъ всѣхъ тѣхъ вашихъ знакомыхъ, которымъ вы передавали невѣрныя извѣстія (имена ихъ мнѣ въ подробности извѣстны). Тутъ вы имъ скажите, что все дескать, что вы слышали отъ меня, я вамъ *навраля*, что вотъ генераль-губернаторъ, у котораго я былъ, получаетъ... Я васъ уполномочиваю передать имъ все, что вы слышали отъ меня, и тѣ вѣрныя свѣдѣнія объ одержанныхъ нашими войсками побѣдахъ, которыя я вамъ передалъ. Надѣюсь, что вы при этомъ выразите вашимъ пріятелямъ ваши патріотическія чувства, въ которыхъ вы и меня такъ много увѣряли, провозгласите тостъ за здоровье государя императора, за успѣхи и славу русскаго оружія. Этимъ вы изгладите то непріятное и—прибавлю—для васъ не безопасное впечатлѣніе, которое вы навлекли на себя распускаемыми вами ложными извѣстіями. А для порядка и чтобы я могъ знать, въ какой степени будетъ исполнено вами мое предложеніе, пригласите къ обѣду Голядина (сосѣдъ вытянулся), да вотъ моихъ адъютантовъ (онъ мотнулъ головой въ знакъ согласія). Я имъ передамъ ваше приглашеніе... Прощайте.

Сосѣдъ выскочилъ, какъ ошпаренный. Онъ понималъ всю гнусность предстоящаго ему положенія, но зналъ, что Бибиковь шутить не любитъ и что малѣйшее отступленіе отъ начертанной имъ программы поведетъ къ весьма серьезнымъ послѣдствіямъ. Онъ бѣгалъ, какъ угорѣлый, торопясь устройствомъ патріотическаго обѣда,

составлялъ *тени*, закупалъ дорогія вина, разсылалъ приглашенія знавомымъ, припоминалъ всѣхъ, съ кѣмъ велъ политическіе разговоры, а передъ всѣмъ, лично и въ изысканныхъ фразахъ, пригласилъ Голядкина и адъютантовъ Бибикова. Обѣдъ вышелъ на славу. Провозглашали тосты, пѣли: Боже царя храни, пили шампанское, кричали: ура! На другой день въ урочный часъ Голядкинъ доложилъ, что все исполнено въ точности.

7. *Быстрая постройка православной церкви польскою помещицей.* До 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія православныя сельскіе храмы на всемъ пространствѣ юго-западнаго края представляли собою самый жалкій видъ убожества, тѣсноты, ветхости и разрушенія. Построенныя въ большей части въ періодъ послѣдняго передвиженія здѣсь населенія, но когда этотъ край не имѣлъ еще никакихъ задатковъ политическаго спокойствія, а находился долгое время въ состояніи броженія, устроенныя всюду почти вновь поселившимися и, естественно, бѣдными людьми, неувѣренными, долго-ли имъ придется жить на вновь избранныхъ мѣстахъ, церкви эти представляли собою видъ временныхъ какъ-бы шалашей, или амбаровъ, вмѣстимость которыхъ рассчитана была лишь по числу первыхъ поселенцевъ, а внутреннія и наружныя украшенія по ихъ скуднымъ средствамъ. Съ присоединеніемъ края къ Россіи и съ водвореніемъ наружнаго спокойствія, развившееся быстро закрѣпощеніе и полная эксплуатація крестьянскаго труда, доводила православное сельское населеніе до крайняго обѣдненія, а населеніе росло, церкви ветшали и нечѣмъ было ихъ ни поддержать, ни расширить, ни украсить. Между тѣмъ рядомъ съ ними, а иногда и въ замѣнъ ихъ, возвышались богатые и пышныя каменные костелы, построенныя на счетъ доходовъ отъ того-же крестьянскаго труда, нерѣдко для надобностей одного лишь дѣдича и его двора, а иногда и просто для цѣлей пропаганды въ томъ расчетѣ, что небожнѣй православный крестьянинъ, при неимѣнніи церкви, или ея крайней ветхости и тѣснотѣ, по неволѣ пойдетъ въ костелъ. Такое печальное положеніе православнаго населенія юго-западнаго края, относительно удовлетворенія духовныхъ его нуждъ, не ускользнуло отъ вниманія императора Николая Павловича и еще въ 1833 г., въ слѣдъ за окончаніемъ перваго повстанія, онъ выразилъ (не помнимъ, въ видѣ-ли манифеста, указа или въ иной формѣ) свою

волю и надежду, что помѣщиками этого (какъ и сѣверо-западнаго) края добровольно порадѣютъ о томъ, что бы подвластные имъ православные крестьяне не оставались безъ удовлетворенія въ одной изъ существенныхъ своихъ потребностей, и приложить свои заботы къ постройкѣ новыхъ для нихъ церквей, гдѣ таковыхъ вовсе нѣтъ, и починкѣ старыхъ и обветшавшихъ. Казалось, простое чувство справедливости подскажетъ всякому помѣщику, хотя и иновѣрцу, что если онъ пользуется до пресыщенія всѣми плодами трудовъ крестьянина, то онъ же обязанъ удовлетворить его, по крайней мѣрѣ, въ главномъ и существенномъ и, оставляя ему кое-какія крохи для поддержанія его физической жизни, не долженъ тѣмъ болѣе забывать о духовныхъ его потребностяхъ. Но и эта великодушная воля Государя, рассчитывавшаго на благородство польскаго дворянства, не привела ни къ чему, и къ 50-мъ годамъ православные сельскіе храмы пришли еще въ большее обветшаніе, а по мѣстамъ и вовсе разрушились. Бибииковъ, часто объѣзжавшій вѣренный ему край, видя безпомощность въ этомъ отношеніи православныхъ приходоу и зная объ объявленномъ когда-то Высочайшемъ желаніи, предварительно затребовавъ свидѣнія о томъ, кто изъ помѣщиковъ юго-западнаго края, ревнуя исполнить волю Государя, въ теченіи долгаго, около 20 лѣтъ, промежутка времени, успѣлъ построить вновь, или починить обветшавшую православную церковь. Оказалось, что никто не ревновалъ объ этомъ и что если гдѣ-либо, подъ влияніемъ первыхъ минутъ страха, и были начаты такія постройки, то скоро все забыто и выведенныя до половины или болѣе стѣны подвергались полному разрушенію. Послѣдовалъ поэтому новый Высочайшій указъ 1851 г., которымъ повелѣвалось: во 1-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было православное населеніе и не было вовсе православной церкви, но былъ хорошій костель,—костель обращать въ церковь, при отказѣ помѣщика построить каменную православную церковь, и во 2-хъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ костель и церковь, но костель находится въ хорошемъ, а церковь въ обветшаломъ видѣ, при отказѣ помѣщика починить или перестроить церковь, либо построить въ замѣнъ старой новую, костель также обращать въ церковь. До обращенія костеловъ въ православныя церкви нигдѣ, положимъ, дѣло не дошло, но много въ короткое время было починено и даже вновь построено на счетъ помѣщи-

ковъ церквей. Помѣщики пускались при этомъ на всевозможные извороты и оттяжки, но энергическій начальникъ края въ крайнихъ случаяхъ примѣнялъ и крайнія мѣры. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

Въ м. Л—кѣ (кіевской губерніи) проживала богатая вдова, польская помѣщица. Это былъ именно тотъ пунктъ, гдѣ, какъ извѣстно, гайдамаки, во время Коливщины 1768 г. повѣсили на козелѣ ксендза, жида и собаку съ подписью: „ксендзъ, жидъ та собака, то все віра одинака“. Знала-ли объ этомъ пани, или нѣтъ, только она ни за что не хотѣла исполнить Высочайшій указъ и настоятельное требованіе мѣстныхъ властей относительно постройки въ Л—кѣ каменной православной церкви. Она выгоняла изъ дому всякаго, кто осмѣливался предложить ей такое требованіе. Когда объ этомъ стало извѣстно Бибикову, онъ отправилъ къ ней своего адъютанта съ особымъ порученіемъ — поселиться въ домѣ несговорчивой пани и не оставлять его до тѣхъ поръ, пока постройка церкви не будетъ выведена до оконъ. Ловкій адъютантъ придумалъ какой-то посторонній предлогъ для посѣщенія дома сителной владѣтельницы. Та приняла его радушно и поселила его чуть-ли не рядомъ съ своими апартаментами. Обезпечивъ себя въ помѣщеніи и продовольствіи, адъютантъ приступилъ наконецъ къ дѣлу и объявилъ данный ему приказъ. Помѣщица выходила изъ себя, пускалась на всевозможныя хитрости и прижимки; но твердый адъютантъ все вынесъ и оставилъ ее *палацъ* лишь тогда, когда стѣны церкви на нѣсколько аршинъ были выведены изъ земли. На бѣду православной Л—ки, Бибиковъ вскорѣ оставилъ край и не скоро постройка церкви, начатая столь быстро, приведена была къ концу, не безъ особыхъ усилій и жертвъ мѣстнаго священника Ковальскаго.

Таковы были тѣ *argumenta ad hominem*, которыя употреблялъ Бибиковъ для выполнения своихъ распоряженій. Какіе либо комментарии къ нимъ излишни. Тутъ живой Бибиковъ предъ нами и яре рисуется его время и режимъ. Не касаясь внутренней стороны тѣхъ мѣръ, къ каковымъ прибѣгалъ изобрѣтательный умъ его, скажемъ только, что, по свидѣтельству живущихъ еще многихъ сотрудниковъ Бибикова, эти мѣры были вполне дѣйствительны и всегда вели къ желанной цѣли. Были мѣры номеромъ выше, каковы: заклю-

ченіе въ крѣпость, высылка въ отдаленныя губерніи и конфискація имѣній, но онѣ практиковались исключительно въ дѣлахъ по политическимъ преступленіямъ. Эти-то мѣры, а также рѣзкое и пренебрежительное обращеніе Бибикова съ титулованнымъ дворянствомъ, вызывали тѣ ожесточенныя на него нападки, которые громко раздавались на мѣстѣ и особливо въ заграничной печати. Но чтобы понять относительную, во всякомъ случаѣ, ихъ справедливость, надо знать и тогдашнюю титулованную шляхту, самодурствовавшую не только въ области политическихъ мечтаній и рабовладѣльческихъ инстинктовъ, но даже въ кругу семейныхъ отношеній. Для характеристики этихъ послѣднихъ довольно было-бы вспомнить еще не забытую многими исторію одного изъ Потоцкихъ, его обращеніе съ третьею женою, урожденною Швейковскою, и злополучнымъ сыномъ. отъ этого брака, принятіе имъ православія и долгое странствованіе по *внутреннимъ* губерніямъ и за границей; но это завлекло-бы насъ далеко и заставило-бы измѣнить намѣченные нами рамки нашего бѣглаго очерка.

По словамъ лицъ, близко знавшихъ Дмитрія Гавриловича, этотъ прославленный варваръ и деспотъ отличался самымъ возвышеннымъ образомъ мыслей, рѣдкимъ благородствомъ души, добротою и обходительностію въ частномъ быту и особымъ сочувствіемъ къ воспитывающемуся юношеству. Мотивы чести, въ томъ видѣ, въ которомъ она понималась тогда, какъ принадлежность извѣстнаго сословія, преобладали въ немъ, кажется, надъ всѣми другими. На эту струну дѣйствовалъ онъ въ своихъ отношеніяхъ служебныхъ, ее же въ особенности онъ трогалъ въ учащемся юношествѣ. Извѣстно, что онъ нѣсколько лѣтъ состоялъ въ званіи попечителя кievскаго учебнаго округа. Не ему принадлежитъ введеніе розогъ въ старшихъ классахъ гимназій и не скоро онъ согласился на допущеніе этой крайней и тогда мѣры. Университетъ занималъ его болѣе, чѣмъ гимназія, и ему посвящалъ онъ не мало времени и заботъ. Науки, конечно, онъ не касался; главное вниманіе его устремлено было на водвореніе въ студенчество вѣрнопопданническаго духа, порядка, субординаціи и дисциплины, но вмѣстѣ и на пробужденіе въ немъ чувства чести, собственнаго достоинства и отчасти любви къ занятіямъ. Студенты нерѣдко дебоширили; онъ созывалъ ихъ, говорилъ имъ рѣчи, не во всемъ пристойныя, дѣлалъ строгія вну-

шенія, но всегда билъ на струны долга, чести и достоинства. Студентовъ хорошихъ фамилій онъ приглашалъ на свои вечера и держалъ себя съ ними просто. Во время одного изъ такихъ вечеровъ внезапно явился инспекторъ университета съ эстреннымъ докладомъ о необходимости обыска у одного изъ студентовъ, подозрѣваемыхъ въ преступныхъ политическихъ сношеніяхъ. Бывшій на ту пору въ числѣ гостей студентъ Р—чь какимъ-то способомъ провѣдалъ о содержаніи доклада; пользуясь многолюдствомъ собранія, онъ не замѣтно вышелъ изъ залы, предупредилъ подозрѣваемого, а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ виновнаго товарища и, также не замѣтно возвратившись въ залу, по прежнему принялъ участіе въ танцахъ. Обыскъ не далъ никакихъ результатовъ; но сообразительный Бибииковъ догадался, чья это работа, и на другой же день потребовалъ Р—ча къ себѣ...

— Скажите, спросилъ онъ его, вы предупредили N объ обыскѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ твердо и смѣло.

— Я васъ спрашиваю, продолжалъ Бибииковъ, не какъ генералъ-губернаторъ или попечитель и не какъ студента, но какъ дворянинъ дворянина, и при этомъ впился въ него своими умными и выразительными глазами.

— Да, предупредилъ, отвѣчалъ Р—чь столь-же твердо и рѣшительно.

— Съ удовольствіемъ могу подать руку честному дворянину, закончилъ грозный генералъ-попечитель, и не только подаль и пожалъ руку виновному, но превратилъ всякое дальнѣйшее объясненіе по этому предмету.

Бибииковъ отличался прямою, находчивостію и быстротою соображенія, и, понятно, любилъ эти качества въ другихъ. Извѣстно, какъ строго онъ требовалъ застегиванія на всѣ пуговицы отъ тѣхъ, кто носилъ форменное платье. Былъ случай, что студентъ, встрѣченный имъ гдѣ-то за городомъ въ разстегнутомъ сюртукѣ, былъ исключенъ, хотя, говорятъ, страдалъ грудью и при встрѣчѣ съ Бибииковымъ занимался собираніемъ растений для гербарія. Прямота и находчивость спасала и въ такихъ случаяхъ, обезоруживая грознаго и непреклоннаго Бибиикова. Разъ въ самомъ городѣ, близъ университета, онъ встрѣтилъ студента не застегнутаго на нѣсколько пуговиць. Студентъ спохватился, когда увидѣлъ Бибиикова предъ собою.

— Куда идете?— грозно спросил Бибиковъ.

— Вѣроятно, въ карцеръ в. в-ство,— отвѣчалъ студентъ, взглянувъ на не застегнутыя пуговицы.

— Ну, ступайте, ступайте, съ улыбкой отвѣчалъ Бибиковъ и пропустилъ попавшаго, которому безъ этого никакъ-бы не сдобровать.

Въ одну изъ поѣздокъ по кievской губерніи свита его отстала отъ него далеко, а предшествовавшего ему становаго онъ услалъ за чѣмъ-то въ сторону. Одинъ, безъ всякихъ провожатыхъ, подкапталъ онъ къ становой квартирѣ въ м. Шполѣ. Тамъ пыхтѣтъ надъ бумагами, спины не разгибая, помощникъ становаго въ разстегнутомъ мундирѣ. День былъ жаркій, работа слѣшная; мелкій полицейскій чинъ такъ погрузился въ бумаги, что совсѣмъ забылъ объ ожидаемомъ приѣздѣ грознаго начальника и только по временамъ локтемъ отгонялъ отъ себя докучливыхъ мухъ. Вдругъ послышался глухой стукъ подъѣзжавшаго по пыльной и навозной улицѣ экипажа. Не успѣлъ онъ схватиться съ мѣста, подбѣжать къ окну и повернуться отъ него, какъ предъ нимъ показался Бибиковъ. Готовилась грозная сцена; но чиновникъ не растерялся.

— Это что?—спросилъ рѣзко Бибиковъ, указывая пальцемъ на разстегнутый мундиръ. Но чиновникъ, какъ-бы не слыша и не замѣчая ничего, нѣсколько выпрямившись, съ достоинствомъ, въ свою очередь спросилъ:

— Что вамъ угодно?

— Это что?—еще рѣзче повторилъ Бибиковъ. Но вопедшій въ быстро намѣченную роль полицейскій чинъ опять перебилъ его вопросомъ:

— Да позвольте знать, кто вы и что вамъ здѣсь нужно?

Остановленный вопросомъ, котораго никакъ не ждалъ, Бибиковъ чуть не крикнулъ:

— Да вы что здѣсь?—Но чиновникъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Помощникъ становаго пристава; въ отсутствіи его исправляю его обязанности и, если вамъ что...

Едва замѣтная улыбка мелькнула на лицѣ Бибикова. Не перемѣняя тона, онъ спросилъ:

— Вы кого ждете сегодня?

— Сегодня проѣзжаетъ здѣсь генераль-губернаторъ.

— Вы видали его?

- Не имѣлъ удовольствія.
- Но вы знаете, слышали, каковъ онъ?
- Слышалъ, что у него одна только рука...

Бибиковъ откинулъ бортъ шинели; на бѣломъ кителѣ показался пустой пристегнутый рукавъ. Полицейскій чинъ мгновенно вытянулся въ струнку и быстро застегивая мундиръ, отчеканилъ:

- Имѣю честь представиться...
- Молодецъ, проговорилъ, улыбаясь, Бибиковъ и спустя нѣсколько дней повысилъ его рангомъ.

Кромѣ приведенныхъ нами, существуетъ много другихъ рассказовъ о дѣятельности Д. Г. Бибикова по управленію юго-западнымъ краемъ. Всѣхъ ихъ не перечестъ, тѣмъ болѣе не передать въ одинъ разъ; но всѣ они своей массой свидѣтельствуютъ о его замѣчательномъ умѣ, несокрушимой энергіи и глубоко-патріотическомъ направленіи. Недостатки его режима очевидны; они общи тому времени. Труднѣе судить о благодѣтельныхъ его послѣдствіяхъ; но онѣ также несомнѣнны и для наблюденія внимательнаго ясны и понятны. Нельзя лучше характеризовать его дѣятельности въ нашемъ краѣ, какъ его-же слѣдующими словами, сказанными на прощанье дворянству трехъ губерній ¹⁾: „Популярности я не искалъ, любви отъ васъ не имѣю, но—уваженія надѣюсь. Позднѣйшія поволенія вспомнать мою службу въ этомъ краѣ“.

¹⁾ См. «Кіев. Стар.», июнь, стр. 535.

ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ

О СОВЫТІИ XI-го ВѢКА.

(П. И. Ревякину на память).

I.

Въ 1874 и 75 г. вышли въ свѣтъ два выпуска „историческихъ пѣсень малорусскаго народа“ съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Сборникъ этотъ былъ сочувственно встрѣченъ какъ русскою, такъ и иностранною литературою. По словамъ Н. И. Костомарова, это была „первая, сообразно современнымъ требованіямъ науки, правильно поставленная попытка ученаго изданія памятникъ малорусской поэзіи“. „Трудъ этотъ, говоритъ г. Веселовскій, будетъ капитальнымъ вкладомъ въ науку о южно-русской народной поэзіи“. Такой-же весьма благопріятный отзывъ данъ былъ и проф. Котляревскимъ въ отчетѣ о книгахъ, удостоенныхъ Уваровской преміи.

Вмѣстѣ съ достоинствами труда указаны были и его недостатки. Г. Веселовскій въ своей рецензіи (Спб. Вѣдомости, 1874 г., № 278) признаетъ, что терминъ „историческій“ понимается издателями нѣсколько шире, чѣмъ принято это обыкновенно, по крайней мѣрѣ, на Западѣ. Историческаго характера за многими колыдками и щедрівками, причисленными издателями къ отдѣлу пѣсень вѣка дружиннаго и княжескаго, г. Веселовскій не признаетъ—также точно, какъ и за нѣкоторыми балладами, внесенными въ этотъ отдѣлъ, но спеціально не принадлежащими Малороссіи. Легенду о Золотыхъ Воротахъ онъ считаетъ вариантомъ отреченнаго греческаго сказанія.

Н. И. Костомаровъ въ статьѣ своей „Историческая поэзія и новыя ея матеріалы“ (Вѣстникъ Европы, декабрь, 1874 г.), въ противность г. Веселовскому, полагаетъ, что гг. издатели еще недостаточно широко понимаютъ слово „историческій“ по отношенію къ памятникамъ народнаго творчества. За пѣснями, причисленными къ вѣку дружинному и княжескому, Н. И. признаетъ характеръ „историческихъ“ пѣсень въ обширномъ смыслѣ слова, но отрицаетъ толкованіе гг. издателей о собственныхъ именахъ, встрѣчающихся въ этихъ пѣсняхъ (Ивана Берладника, Даніила Галицкаго, Романа Мстиславича). „Въ числѣ пѣсень, отнесенныхъ къ разряду пѣсень дружиннаго и княжескаго вѣка, говоритъ г. Костомаровъ, нѣтъ ни одной, о которой можно было-бы сказать положительно, что она относится къ такому-то лицу или такому-то событію, извѣстнымъ по лѣтописи“. Признавая заслугу гг. издателей между прочимъ и въ томъ, что они правильно замѣтили поддѣльность многихъ мнимо-народныхъ произведеній, г. Костомаровъ полагаетъ, что подробныя черты этой поддѣльности въ сборникѣ не приведены, да кромѣ того сборникъ не остался все-таки безъ вторженія псевдо-народныхъ элементовъ, чему указаны и примѣры.

Не подлежитъ сомнѣнію и никѣмъ изъ свѣдущихъ людей не отрицается, что въ изданныхъ до сихъ поръ матеріалахъ южно-русскаго народнаго творчества оказалось весьма много *историческихъ* чертъ древняго періода жизни русскаго народа (понимая слово историческій въ обширномъ смыслѣ слова). Но до сихъ поръ *не найдено ни одной пѣсни, приуроченной къ извѣстному лицу или извѣстному событію, занесенному въ нашу русскую лѣтопись.* Всѣ попытки комментаторовъ отнести ту или другую пѣсню къ какому-либо лицу или событію древняго періода русской жизни разбиты солидною критикою. Или комментаторы ошибаются въ самомъ толкованіи, принимая нарицательныя имена за собственные (что и указано вышеупомянутыми рецензіями), или пѣсня представляетъ пересказъ мистической легенды (легенда и пѣсня о Золотыхъ Воротахъ, по разъясненію г. Веселовскаго), или-же, наконецъ, пѣсня оказывается подложною. Такъ знаменитая дума о походѣ князя-язычника на Царьградъ, дума, съ которой такъ долго носились наши этнографы, оказывается поддѣльною (послѣ изслѣдованій Н. И. Костомарова). Отсутствіе слѣдовъ богатырскаго эпоса въ *жанре*

русской поэзии въ былое время возбудило сомнѣніе въ томъ, дѣйствительно-ли древнія южно-русскія племена, пересчитанныя въ лѣтописи—предки теперешняго малорусскаго народа. Явилось даже предположеніе, что древность пребыванія въ приднѣпровьи теперешняго южно-русскаго племени не восходитъ далѣе XIV вѣка. На это возражали, что слѣды древняго періода исчезли вслѣдствіе сильнаго вліянія на народную память эпохи востановившихся движеній, столь обильной фактами народной политической жизни. Правда, что послѣ изслѣдованій г. Стасова, поколебавшихъ русскую историческую основу богатырскаго эпоса, вопросъ этотъ потерялъ всю свою прежнюю остроту. „При болѣе глубокомъ изученіи народныхъ памятниковъ, говоритъ Н. И. Костомаровъ, окажется, что если въ малорусской народной поэзии нѣтъ тѣхъ полу-сказокъ, полу-пѣсень, которыя называются въ великорусской поэзии былинами, за то слѣды давней жизни очень ощутительны въ народныхъ пѣсняхъ“. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и г. Костомаровъ въ той-же своей статьѣ представилъ перечень бытовыхъ чертъ дружиннаго и княжескаго вѣка, извлеченныхъ изъ обнаруженнаго уже матеріала. Слѣдовательно, не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что если народный эпосъ сохранилъ такіе живые и ясные слѣды быта древней дружинно-вѣчевой эпохи, то предки этого народа органически пережили этотъ историческій періодъ и черты его отразили въ созданныхъ ими пѣсняхъ.

Тѣмъ не менѣе древность пребыванія теперешняго южно-русскаго населенія именно *въ землѣ полянъ*, какъ центръ древняго періода русской исторіи, ничѣмъ не доказана *со стороны южно-русскаго народнаго эпоса*. При такомъ обиліи изданнаго матеріала *неужели не найдется въ народной памяти никакого слѣда о событіяхъ древняго періода, неужели не отыщется ни одной пѣсни, приуроченной къ какому-либо факту XI или XII вѣка, имѣвшему мѣсто именно на территоріи древнихъ полянъ?* Настоящая статья представляетъ собою попытку рѣшить этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

II.

Народный эпосъ—драгоценный матеріалъ для человѣка, изучающаго народную жизнь вообще и прошлыя черты этой жизни въ

частности. Драгоцененъ онъ главнымъ образомъ потому, что имѣеть въ себѣ много жизненности, свѣжести, неподдѣльности. Исслѣдователь отрывается отъ сухихъ, часто совершенно безцвѣтныхъ письменныхъ историческихъ памятниковъ и страхиваетъ архивную пыль среди безхитростныхъ и наивныхъ произведеній народной музы. Изучая въ письменныхъ историческихъ памятникахъ внѣшнія, болѣе или менѣе громкія проявленія народной дѣятельности, онъ очень рѣдко встрѣчается съ трудно-уловимымъ обликомъ самаго народа, особенно въ томъ случаѣ, когда народъ этотъ имѣеть весьма мало развитыя формы политической жизни. Только въ словесныхъ памятникахъ народнаго творчества онъ сталкивается лицомъ къ лицу съ мыслью и чувствомъ самаго народа. Только здѣсь онъ можетъ подслушать импульсъ народной жизни, только здѣсь получить онъ ту силу, которая одушевить задуманный или исполненный имъ трудъ. Не „красивую иллюстрацію“ послужать бытовья пѣсни русскаго народа для будущаго талантливаго бытописателя, какъ полагаетъ г. Веселовскій, а источникомъ и притомъ не только „надежнымъ“, но существеннымъ и, смѣло можно сказать, самымъ главнымъ.

Слово „историческій“—весьма уругое слово и многими понимается различно. По отношенію къ памятникамъ народной поэзіи оно совершенно ясно опредѣлено г. Костомаровымъ. „Считать между историческими пѣснями, говорить достоуважаемый ученый, слѣдуетъ всѣ тѣ пѣсни, *гдѣ выражается движеніе народной жизни въ какой-бы то ни было стѣнѣ ея*“. Съ этой точки зрѣнія, признавая взглядъ гг. издателей на слово „историческая пѣсня“ большимъ шагомъ впередъ („въ исторической пѣсни отражаются измѣненія общественнаго строя народа“), г. Костомаровъ дѣлаетъ имъ укоръ въ неполнотѣ ихъ сборника, указывая, что они, въ силу своего опредѣленія, должны были выбросить изъ сборника пѣсни со слѣдами древняго язычества и слѣдовательно несомнѣнно историческаго (въ общемъ смыслѣ) характера. Позволяю себѣ только замѣтить, что сборникъ, надлежаще систематизированный на основаніи вышесказаннаго опредѣленія границъ историческихъ пѣсень,—это такая грандіозная работа, которая по силамъ только цѣлой группѣ ученыхъ, стоящихъ во всеоружіи современнаго народознанія.

Собиратели пѣсень—это работники, подготовляющіе матеріалъ. Многіе изъ нихъ, не лишеныя серьезнаго историческаго образо-

занія, искушаются заманчивостью изслѣдованія и комментируютъ свои собранія, стараясь опредѣлить періодъ, къ которому относится пѣсня, и сличая ее съ письменными источниками или съ историческими легендами. Конечно, часто дѣлаются ошибки и промахи, но вмѣстѣ съ тѣмъ часто попадаются и цѣнныя сближенія, которыя вовсе не лишни будутъ настоящему, вооруженному надлежащею научною силою, изслѣдователю.

Нечего здѣсь говорить о томъ, какую огромную услугу исторической наукѣ оказали изслѣдованія сказокъ, народныхъ легендъ и историческихъ пѣсень. Сравнительное изученіе народнаго эпоса представителями науки дало богатые результаты, измѣнило взглядъ на имѣвшіяся уже историческія легенды и выяснило темныя, первыя, страницы народнои жизни.

Дѣло надлежащаго изслѣдованія произведеній народнаго творчества—дѣло весьма трудное. Ученый изслѣдователь, подобно геологу, съ большою осторожностью и вниманіемъ счищаетъ съ какой-либо пѣсни или легенды постепенныя наслоенія, отерываетъ болѣе древнія формы и наконецъ, путемъ сравнительнаго изученія, дѣлаетъ надлежащій выводъ и придаетъ извлеченному матеріалу надлежащее значеніе.

Но собранный и представленный ему матеріаль часто (или, лучше сказать, почти всегда) теряетъ ту почву, на которой онъ собранъ, тѣ, хотя и второстепенныя, но весьма важныя условія, среди которыхъ онъ записанъ. Рассказчикъ или пѣвецъ сопровождаетъ легенду или пѣсню какими-либо замѣчаніями, приводитъ слова какой-либо другой пѣсни или легенды и т. д. Часто одно слово, одинъ намекъ освѣщаетъ сразу смыслъ и историческое значеніе памятника, наводитъ на сближенія нежданнаго и негаданнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ надлежащія и необходимыя. Правда, черезчуръ рьяные изслѣдователи увлекаются, Богъ знаетъ куда, и часто въ обыкновенной бытовой пѣснѣ усматриваютъ ошибочно слѣды какого-нибудь историческаго факта. Это вовсе не бѣда. Опытный знатокъ дѣла въ послѣдствіи уважаетъ ошибку. За то сколько драгоценныхъ находокъ остаются не разгаданными, именно благодаря тому, что собиратели изъ первыхъ рукъ ограничиваются только одною записью рассказаннаго или пропѣтаго, не обращая вниманія на окружающія условія.

Въ былое время я принадлежалъ къ числу такихъ работниковъ-собираателей. Записывая изъ народныхъ устъ сказки, пѣсни и легенды, я, въ бытность свою въ Кіевѣ, началъ вмѣстѣ съ И. П. Новицкимъ, у котораго имѣлись богатые собранные имъ матеріалы, подготовительныя работы къ составленію сборника южно-русскихъ пѣсень¹⁾. Обладая такимъ значительнымъ матеріаломъ и по возможности относясь къ дѣлу научно, мы, конечно, не могли не искуситься и пустились въ комментаріи и сравнительное изученіе. Возвращаясь съ этнографическимъ богатствомъ, добытымъ среди народа, мы сличали его съ экземплярами нашей коллекціи и съ замираніемъ сердца ожидали-бывало какихъ-либо новыхъ заманчивыхъ сближеній и слѣдовъ. То было счастливое время золотой молодости и рьяной увлекающей работы. Она — эта работа неопытныхъ этнографовъ въ богатой области южно-русскаго народнаго творчества — придавала силу и свѣжесть научному труду и оставила у меня на всю жизнь неизгладимое впечатлѣніе.

Къ тому времени относится представляемая теперь счастливая находка. Говорю—счастливая, потому что слѣды древняго происхожденія пѣсни найдены были совершенно случайно, вслѣдствіе благоприятныхъ обстоятельствъ. Я позволю себѣ рассказать весь процессъ этого случайнаго изслѣдованія, такъ какъ рассказъ будетъ подтвержденіемъ высказанной мною мысли: какъ важно для кабинетныхъ работъ сохраненіе тѣхъ иногда весьма мелкихъ условий, при которыхъ матеріалъ записывается работникомъ-собираателемъ.

III.

Многоуважаемый мой старый знакомый, Петръ Ивановичъ Ревякинъ въ былое время представилъ читающей публикѣ нѣсколько весьма интересныхъ и талантливо написанныхъ этюдовъ по южно-

¹⁾ Со всѣхъ сторонъ южнаго края въ наши руки стали стекаться этнографическіе матеріалы, которыми постепенно обогащалось наше собраніе. По обстоятельствамъ я долженъ былъ оставить родину, а слѣдовательно и лишиться этнографической почвы. Имѣвшійся матеріалъ (за весьма немногими исключеніями) переписанъ былъ въ двухъ экземплярахъ и, какъ мнѣ извѣстно, многіе номера изъ предполагавшагося сборника доставлены были г. Новицкимъ гг. профессорамъ, взявшимся за обработку южно-русскихъ пѣсень.

русской этнографіи. Его „сближенія и слѣды“ печатались въ „Основѣ“ (Невро-Литвины, Тарпаны, Лыцарі-невираки, Баба Прокопчица). Живя въ своей „Волчьей Долинѣ“, не далеко отъ Бѣлой церкви (киевской губерніи), онъ приручилъ къ себѣ этнографическое сокровище—одноглазого діда Омелька и въ его повѣстическихъ разсказахъ отыскивалъ черты древнѣйшихъ легендъ и суевѣрій.

Послѣ прекращенія основы, П. И. пріютилъ свои „сближенія“ въ изданіи весьма скромномъ и библиографически-рѣдкомъ—„Киевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“, редакторомъ которыхъ я имѣлъ честь состоять въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ 1863 года. Одно изъ этихъ изслѣдованій П. И., именно „сближеніе историческихъ показаній съ народною легендою о древнемъ Торческѣ“, оттиснутое мною въ видѣ отдѣльной брошюры (которую едвали теперь можно гдѣ нибудь отыскать) имѣетъ непосредственное отношеніе къ предмету настоящей статьи.

П. И. въ 1862 г. посѣтилъ развалины Торча, древняго городка на р. Стугнѣ, и записалъ изъ устъ селянина безыскусственную легенду, поразительно совпадающую съ лѣтописнымъ разсказомъ. Тамъ-же онъ получилъ въ подарокъ сокирку (топорикъ), найденную въ развалинахъ.

Извѣстно изъ лѣтописи, что турецко-татарское племя торковъ осѣлось въ приднѣпровьи и ослабѣло. Во время распрей между внуками Ярослава, половцы пошли войной на русскую землю и осадили Торческъ. Русскіе князья явились на помощь торчанамъ.

Отмѣтимъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи.

Подъ 6601 г. (1093)... Придоша половцы мнози и оступиша *Торчійскый градъ*... Володимеру пришедшу Киеву, совокупишася у святаго Михаила и *взяша межси собою распря и котора*.... Святополкъ же и Володимеръ и Ростиславъ *созваша дружину свою на советъ*, хотячи поступити черезъ рѣку, и начаша думати... *Побѣже* Святополкъ. *Побѣже* и Володимеръ съ Ростиславомъ. Прибѣгоша къ рѣцѣ Стугне и вбрѣде Володимеръ съ Ростиславомъ, нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима... И *утопе* Ростиславъ, сынъ Всеволожь (Ш. С. Р. Л. т. I. Лавр. лѣтопись стр. 93—94).

Половци пустиша по земли воюючи, а *друзии возвратишася къ Торчѣскому*... Половцѣмъ-же осѣдѣемъ Торчѣскый, *противя-*

ицямъ же ся Торцьскѣмъ и крѣпко борючимся изъ града, убиваю многы отъ противныхъ; половци же начана налегати и отжимаю воду и изнемогати начаша людѣ въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша торци къ Святополку, глаголюще: аще не пришеши брашна, предатися имамы. Святополкъ-же посла имъ и не бы азъ вкрастися въ градъ, множествомъ вой ратныхъ... Изнемогаша людѣ въ градѣ голодомъ и предашася ратнымъ (П. С. Р. Л., Лавр. лѣтопись, т. I, стр. 93—96).

Послушаемъ теперь путеводаителя П. И. Ревякина по развалинамъ Торческа-Корнія Валового.

„Винъ (городъ) ще за тихъ князьвѣвъ, що болысь-то княжували у Кыиві, Красному и Трыпїлї, тому може съ тысячу лїть е... Кажуть городъ вельми сыльный бувъ; неприятелю (ворды тоді все ходили) не можна було ёго добути. Якъ захнуть лїзти на валы, то торчане давай на ихъ пуцати колодеями зъ валівъ: потовчуть, потовчуть ихъ добре, а вони і одїдуть знову у шанці. Ёго такъ хитрощами і узяли: воду одвернули съ Стугны да чумакомъ... Пришли князьки на помїчъ торчанамъ, тай давай промїжъ себе колотиться та радитись. А орда, не думючи, не радючи, якъ виньця на ихъ, такъ усіхъ и потопила у Стугні.

Продолжаетъ не выдержавшїй характера Омелько.

„А все одъ Торча не відступаютъ; облягли ёго, щобъ вінъ не мавъ чого їсти и пити; воду, виходить, одвели, а сами узяли та зробили півтораста чумачихъ возівъ; у перві понакладали борошна, а у зостальнихъ сами залагли тай кажуть: се ми вамъ правянтъ одъ помощи веземо. Тї—мабуть у ночи діло було—и відчинили имъ браму. Такъ Торчъ й узяли“.

П. И. Ревякинъ, въ концѣ своего замѣчательнаго сближенїя, радуется тому, что нашелъ настоящїй Торческъ и опровергъ мнѣніе Татищева, Карамзина, Фундуклея и др. о томъ, что древнїй Торческъ въ таращанскомъ уѣздѣ кїевской губернїи (село Торчица).

Но это очень скромно. Легенда, имъ записанная на развалинахъ древняго города и столь поразительно схожая съ лѣтописнымъ сказанїемъ, ясно доказываетъ древность южно-русскаю населенїя въ приднѣпровыи и, на ряду съ другими доказательствами, указанными г. Котляревскимъ въ статьѣ его: „Были-ли малоруссы исконными обитателями полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ

въ XIV вѣкѣ“ (Основа, Октябрь, 1862 г.), опровергаетъ мнѣніе о южно-русской недавней колонизаціи въ страну молдавъ-великоруссовъ.

Но и этого мало. Многоглаголаніе дивнаго Омелька (да живеть онъ еще многіе годы, или да будетъ надъ нимъ земля перомъ, если онъ уже удалился изъ юдоли плача), зависанное ничега не пронускавнимъ П. И., даетъ темеръ возможность опровергнуть эту вымышленную колонизацію и слѣдами о событіи XI вѣна, *сохраненными въ южно-русской современной письмъ.*

IV.

Пробѣгая вмѣстѣ съ П. И. его рукописи, я, съ его позволенія, выписалъ слѣдующую страницу изъ повѣствованій дѣда Омелька.

— „А ты бувъ на Торчі?“

— „Скільки разъ! Підъ нимъ ціла різа земля буде, и місце е, де стояла церква—теперь тільки яма. Сиділи діти надъ сею ямою—глядять—клубочокъ шовковий. Давай вони мотати, а церква виходить, виходить—вже и баню видно. Ажъ тутъ прибігла за ними матка. Що ви тутъ вражи діти робите?—Вона такъ знову й шурхнула въ землю. Якъ поїдемо, то все побачимо“.

„Ихъ, бачите, не можна було ніякимъ средствіемъ узяти. Отбивались було торчане колодами, пуцаючи въ валу та пращуючи. *Чумакомъ узали.* Воды, значицьця, не було“.

— „Чумакомъ?“

— „Хтось выдумавъ: а давай, братці, спорядимъ шітвори сотні возівъ, ніби хуру съ правъянтонъ веземо. Имъ й отворили браму, впустили въ крѣпость, а тин й взяли городъ. Такъ и теперь співають“.

А зробимъ, братці, шітора ста возовъ,

Да поїдемо въ Азовъ.

Приходе купчина питае.

У насъ, брате, товаръ дорогий.

— „Се, Омельяне, вже не до того, тутъ про Азовъ сломинаецця, а не про Торчъ.“

— „А може Торчъ у старину и такъ звався. На що жъ мы называемо Одессу Одессою, воли вона настояще—Гаджубей. Може такъ и Торчъ звали колись Азовомъ. Давне діло.“

Въ 1865 году, въ одно изъ своихъ этнографическихъ блужданій, я попалъ въ еврейскую корчму и повонилъ свое измученное тѣло среди бебеховъ, оглушаемый крикомъ молящихся дѣтей Израиля (дѣло было подъ субботу). Пьяный солдатъ—хохолъ, ввалившись въ корчму, заоралъ какую-то пѣсню. Я вынулъ тетрадку и, по обычаю, сталъ записывать. „*Ой сдѣлаемъ, братці, сто п'ятдесятъ возовъ, ой поїдемъ братці въ Азовъ*“. Далѣе слѣдовали общероссійскія ругательства, въ южно-русской этнографіи не относящіяся.

Мнѣ причудилось, что я гдѣ-то слышалъ начало этой чепухи. Въ Кіевѣ, разбирая всякую всячину, я случайно натолкнулся на Омельковъ рассказъ и на четыре строки Омельковой пѣсни. Пьяный солдатъ пѣлъ исковерканную пѣсню объ осадѣ Торческа и, подобно тому, какъ дідь Омелько, по словамъ П. И Ревякина, послужилъ пружиною къ открытію древняго Торческа, жрецъ Марса способствовалъ къ открытію пѣсни о событіи XI-го вѣка.

Начались розыски въ нашей богатой коллекціи собранныхъ и записанныхъ пѣсень, и на свѣтъ Божій появилась слѣдующая пѣсня, записанная г. Ильницеимъ отъ Трофима Литвиненка въ селѣ Великая Снітинка (кіевской губерніи).

1. Ой що то за крячокъ, що по морі літає?
2. Що то за бурлачокъ, що все народъ збірає?
3. Ой крикнувъ-покрикнувъ сильно багачъ молодой:
4. „Ой збірайтесь, хлопці, а все народъ майстровый!
5. Гей зробимо, хлопці, панове молодці, тай півтретаста во-
зовъ,—
6. Гей та купимъ мы, брацьці, панове молодці, тай півтре-
таста парь воловъ.
7. Гей запряжемъ мы, брацьці, панове молодці, та въ ті но-
віи возы,
8. Ой та підемъ мы, брацьці, панове молодці, въ Кремень-
городъ на базаръ,
9. Ой наберемъ мы, брацьці, панове молодці, а все дорогой
товаръ—
10. Все лысыці та кумыці та чорні соболя,
11. А будемъ мы представлять ажъ у городъ Кишинѣвъ,
12. А зъ города Кишинева та привеземъ у Ростовъ.

13. Та й поставемъ ми, брацьці, панове молодці, та въ три
улиці рядомъ;
14. Ой та прийдуть къ намъ, брацьці, панове молодці, а три
купці молодихъ.
15. Вони въ насъ запитають, а що въ васъ за товаръ?
16. Эй, у насъ товаръ дорогой:
17. Все лисиці та кунці та чорні соболя,
18. А ви, купці-молодці, ви приятелі мои,
19. Та постойте ви, чумаченьки, ажъ до завтрешняго дня,
20. А въ завтрешньому деньку мы въ васъ товаръ заберемъ
21. И вамъ деньги покладемъ;
22. Та кому срібло, кому золото, кому сукна дорогі,
23. Ой а кому не достане, той тому будетъ доволі.
24. Та продавайте, чумаченьки, сей товаръ дорогой,
25. А мы пойдемъ, бурлаченьки, по Ростову пройдемъ,
26. А щей бурлаченьки по Ростову не пройшли
27. А вже наши чумаченьки сорокъ взововъ продали.

Примѣчаніє пѣвца: „А вони це привезли у возахъ не товаръ,
а козаків“.

Этотъ вариантъ Омельковой пѣсни, имѣя общую, формальную
впрочемъ, черту съ легендой (товаръ на ста пятидесяти чумацкихъ
возахъ: півтораста, півтретяста взововъ), могъ только дать слабое
указаніє послѣднимъ примѣчаніємъ пѣвца о томъ, что козаки, за-
прятанные въ чумацкіе возы, обманомъ проішли въ какой-то городъ¹⁾.
Омелько, дѣйствительно, могъ приплести къ своей замѣчательной
легендѣ, какъ-бы живьемъ взятой изъ лѣтописи, обрывокъ какой-то
пѣсни ни къ селу, ни къ городу. Да и самое сказаніє о томъ, что
городъ взяли чумакомъ, т. е. что въ возахъ, наполненныхъ браш-
номъ (борошномъ) и, будто-бы, посланныхъ русскими князьями для

¹⁾ Въ сборникѣ чумацкихъ пѣсень г. Рудченка, вышедшемъ въ свѣтъ уже
въ 1874 году, напечатаны четыре варианта нашей пѣсни. Въ текстѣ послѣдняго
варианта сказано:

Прийде до насъ славный кушечъ молодой;
Эй що въ вашихъ возахъ та товаръ дорогой?
У насъ лисиці та кунці та чорні соболі.
Якъ одкрые роіжжу, ажъ тамъ добрі молодці.

голодаючихъ торчанъ, спрятались половцы и такимъ образомъ хитростью вошли въ городъ, — можетъ быть только фантастическимъ прибавленіемъ, не имѣющимъ историческаго основанія. Вѣдь въ лѣтописи сказано только, что Святополкъ, по требованію торчанъ, послалъ имъ брашно (борошно въ разсказѣ Омельки), но „не бѣ лѣ вкратися въ градъ“. „Люде въ градѣ изнемогоша голодомъ и предашася ратнымъ“. Но какимъ образомъ городъ былъ взятъ—хитростью или силою—въ лѣтописи ни слова. Да если-бы даже сказаніе Омельки о взятіи города *чумакомъ* и рывыскалось въ лѣтописи, то невозможно было-бы доказать, что найденная пѣсня поетъ именно про это событіе. Ни одного собственнаго имени: не то что слова—половецъ, торчанинъ, но нѣтъ даже слова орда, татары. Можно было-бы предположить, что древнее имя „половцы“ могло замѣниться новымъ, болѣе памятнымъ для южнорусса — татары. Пѣсня представляетъ собою чумацкую пѣсню, и даже не совсѣмъ обыкновенную, а достаточно бессмысленную, очевидно искаженную.

Эта-та бессмысленность содержанія пѣсни и побудила насъ пуститься, не унывая, въ новые розыски.

Отысканъ былъ новый вариантъ, записанный г. Косачемъ въ м. Василівщинѣ, васильковскаго уѣзда, кievской губерніи.

1. Ой щожь-то за кречеть,
2. Що по морю крикае?
3. Ой щожь-то за бурлака,
4. Що молодцівъ збірае?
5. А збірайтеся, братья,
6. А все народъ мастерной;
7. Ой зробимо, братья,
8. Півтораста сімъ возовъ,
9. Ой купимо, братья,
10. Півтораста сімъ паръ воловъ.
11. И поставимо, братья,
12. Півтораста сімъ молодцовъ.
13. И поїдемо, братья,
14. У той городъ у Азовъ.
15. И станемо, братья,
16. Ю(у)лицями у подовжъ.
17. Выйдуть и къ намъ, братья,

18. Превеликі купці,
19. А питатимуть, братья,
20. Що за товаръ у возахъ?
21. Охъ, у насъ товаръ, братья,
22. Усе товаръ, товаръ дорогой:
23. Все куньці, лисці,
24. Та все чорны соболі...
25. А по загранинимъ, братья,
26. Побачемо ще й сами.
27. Ой изъ вѣчера, братья,
28. Орда городъ обняла,
29. А и въ півночи, братья,
30. Орда въ городъ увійшла.
31. А и къ світові, братья,
32. Воли й возы забрала.
33. Кому суконъ, кому злата,
34. Кому суконъ дорогихъ—
35. А второму недостача,
36. То туркенівъ молодихъ.

Вторая половина этого варианта въ высшей степени замѣчательна. Въ пѣснѣ является слово орда. „Горды тоді все ходили, говорили П. И. Ревякину Корній Валовый. „Орда поточила“ князей. „Орда, по словамъ Омелька, одбила превьянтъ“. Орда, по словамъ пѣсни, разбираетъ богатства, захваченныя въ городѣ. Она облегаєтъ *городъ* вечеромъ, входитъ въ *городъ* въ полночь („мабуть у ночі було діло“—говорить Омелько въ своей легендѣ), а утромъ грабитъ имущество гражданъ. Орда *захватываетъ* возы съ товаромъ. Разница со словами Омелька: Омелько и первый вариантъ говорятъ, что въ городъ вошли обманомъ, чего въ лѣтописи нѣтъ; второй вариантъ прямо говоритъ, что орда захватываетъ возы, что болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополье не могъ доставить брашна осажденнымъ торчанамъ.

Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южно-русскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи? И почему воспоминаніе объ этомъ фактѣ сохранилось-бы именно въ пѣсняхъ, *записаннымъ*

или слышанныхъ только около. *Дилъра*. (ибо, не смотря на тщательные розыски, вариантовъ изъ другихъ мѣстъ не оказалось¹⁾). Наконецъ драгоценныя послѣдніе два стиха: кому не достаетъ суконъ и золота, *тогъ уводитъ въ пльнъ молодыхъ туркенивъ*. По моему убѣжденію, это существительное женскаго рода отъ имени Торкъ, Торчинъ, Торчанинъ—*Торкениа*²⁾ (и буква „у“ замѣнила букву „о“ позже, такъ какъ самое имя древнихъ торковъ исчезло изъ сознанія народнаго). „Половци-же, криимше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ веселъ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ“, говоритъ лѣтописецъ. „Много роду хрестьянська стражюще: печальни, мучими, зимою одѣвлени, въ алчи и въ жажи и въ бѣдѣ опустивше лица, почернѣвши тѣлеса; незнаемою страшною, изыкомъ испаленымъ, нази ходяще и боси, ноги имуще сбодены терньемъ. Со слезами отвѣщеваху другъ къ другу, глаголюще: „азъ бѣхъ сего города“ и другіа: „азъ сея вся“; тако супрашаются со слезами, родъ свой повѣдающе и vzdышюче... (Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. I, стр. 96).

Итакъ, изъ сопоставленія легенды Омелька, лѣтописнаго разсказа и двухъ приведенныхъ вариантовъ, я вывожу, что пѣсня наша—*обломокъ исторической пѣсни о событіи XI вѣка*.

Историческія пѣсни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, о событіяхъ древней русской исторіи и могутъ быть только обломками. Онѣ входятъ иногда какъ часть въ пѣсни козацкія, чумацкія, бурлацкія, рекрутскія и даже солдатскія. Чѣмъ меньше историческихъ именъ, историческихъ чертъ въ такой пѣснѣ,—тѣмъ она достовернѣе, если только можно разобрать ее путемъ сравнительнымъ, т. е. слитить съ лѣтописью, съ легендами, съ развалинами, какъ въ данномъ случаѣ. Пѣсни о древнихъ событіяхъ, оказавшіяся подложными, и

¹⁾ Изъ четырехъ вариантовъ, сборника г. Рудченка, три тоже криципровскіе (Жаботинъ, Васильковъ, Елисаветградъ); четвертый, сообщенный г. Костомаровымъ, — не извѣстно откуда.

²⁾ Въ вариантѣ В. сборника г. Рудченка (стр. 84) при взятіи Азова разбойники берутъ въ плѣнъ *черкесочокъ* молодыхъ. Этотъ вариантъ, искаженный временемъ, какъ и всѣ прочіе, и далъ, вѣроятно, г. М. Т—ву въ его статьѣ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) поводъ къ сближенію пѣсни съ фактомъ взятія Азова козаками въ XVII вѣкѣ, о чемъ сказано будетъ ниже.

били глаза опытнымъ знатокамъ древности своимъ, такъ сказать, благообразіемъ и quasi-древнимъ складомъ.

Окончу словами г. Бостомарова: „Хотя свѣжесть и яркость представленій о козацкомъ вѣкѣ значительно ослабла въ воспоминаніи народа, но все еще народъ въ общихъ чертахъ помнитъ объ этомъ вѣкѣ, а о дружинахъ и старыхъ князьяхъ удѣльно-вѣчевой строя не имѣетъ онъ и тѣни представленія. Это однако не мѣшаетъ въ его пѣсняхъ, бессознательно для него самого, оставаться слѣдамъ давней старины, подобно тому какъ и объ язычествѣ своихъ предковъ народъ забылъ совершенно, однако не только въ его пѣсняхъ и обрядахъ, но и въ его нравахъ и понятіяхъ найдется много языческаго, понятнаго только для наблюдателя, вооруженнаго наукою“.

Все конечно такъ. Народная пѣсня проходитъ тѣже типическіе фазы, какъ и народная жизнь. Если козацкая пѣсня времяемъ Запорожья (и слѣдовательно историческая въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) перешла въ пѣсню чумацкую или бурлацкую и потеряла свои спеціальныя историческія особенности (чему есть многіе примѣры), то колыми паче пѣсня о событіи эпохи удѣльно-вѣчевой. Она постепенно теряла свои существенныя признаки, переживая эпоху козачества, гайдамаччины и наконецъ бурлачества и чумачества. Она искажается, принимаетъ новыя имена изъ чумацкой географіи (Кишиневъ, Азовъ, Ростовъ, Кремень-городъ), хотя по содержанию своему не представляетъ ничего характерно-чумацкаго или бурлацкаго, какъ другія пѣсни этого цикла народной жизни. И даже критическій ножъ опытнаго изслѣдователя окажется безсильнымъ очистить всѣ эти нанесенныя вѣками наслоенія и добраться до древняго типа. Только иногда—и то совершенно случайно—она отерываетъ свою тайну счастливому работнику-собирателю¹⁾.

¹⁾ До какого разнообразія доходятъ взгляды гг. собирателей и изслѣдователей на историческіе слѣды въ народныхъ пѣсняхъ, видно изъ слѣдующаго примѣра. Г. Рудченко въ разбираемой нами пѣснѣ видитъ тоже весьма древнюю бытовую черту торговли мѣхами и мѣнковой торговли (стр. 4). Г. М. Т.—въ (въ статьѣ «Ученая экспедиція въ Западно-Русскій край», Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 г.) признаетъ въ этой-же пѣснѣ великорусское происхожденіе и видитъ въ ней перифразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова при Михаилѣ Федоро-

Сопоставимъ вмѣющіеся у насъ факты:

1) Тождественность легенды, записанной на развалинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ разсказомъ не подлежитъ сомнѣнію. Народное происхожденіе легенды очевидно, ибо не возможно предположить, чтобы она была осколкомъ лѣтописнаго разсказа, занесеннаго въ народъ въ позднѣйшее время.

2) Взятіе города *чумакомъ*, посредствомъ хитрости—подробность, въ лѣтописи не находящаяся и, очень можетъ быть, не историческая въ тѣсномъ смыслѣ слова. Значеніе ея заключается въ томъ, что она *органически связываетъ* легенду съ пѣсней, а слѣдовательно составляетъ звено между пѣсней и лѣтописью.

3) Эта связь пѣсни съ легендою становится еще яснѣе отъ сличенія *подробностей* легенды и втораго варианта пѣсни.

4) Имена собственные—Ростовъ (во второмъ вариантѣ Азовъ), Кишиневъ, Кремень-городъ—происхожденія позднѣйшаго, той эпохи, когда пѣсня, созданная въ придѣлѣпровьи, въ землѣ древнихъ торковъ, приняла видъ бытовой пѣсни, и историческія черты ея утратились въ народномъ сознаніи.

5) Имена—орда, туркена (торкена), бездоказательныя сами по себѣ, получаютъ сами первенствующую важность въ совокупной силѣ доказательствъ и представляютъ несомнѣнный историческій слѣдъ.

6) Довольно трудно принять предвидимое возраженіе противъ предыдущаго тезиса, ибо невозможно предположить, чтобы взятіе татарами Азова и уводъ въ плѣнъ турчанокъ (если-бы что нибудь и было въ этомъ родѣ) отразилось въ южно-русскомъ эпосѣ. Это противорѣчило-бы основнымъ законамъ народнаго творчества.

7) Видимая бессодержательность искаженной временемъ пѣсни (и въ особенности перваго варианта) и несходство ея характера съ общимъ типомъ южнорусскихъ чумацкихъ пѣсень—можно причислить также къ одному изъ доказательствъ ея древности.

А. Стояновъ.

внѣ (напечатаннаго въ Читеніяхъ М. О. И. и Др. 1864 г., кн. III, отд. V). Г. М. Т.—въ полагаетъ, что этому сказанію должна была отвѣчать великорусская пѣсня, которая не записана до сихъ поръ никѣмъ (стр. 108).

Записки кievскаго мѣщанина Вожка Вальки о московской осадѣ 1612 года.

(Изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кощаковскаго).

Въ рукописномъ отдѣленіи института Оссолинскихъ во Львовѣ, подъ № 2168, хранится весьма интересныи историческій сборникъ, составленный въ Кіевѣ въ XVII столѣтіи. Сборникъ этотъ, написанный полууставомъ южнорусскаго письма на толстой сѣрой бумагѣ in 4-to, заключаетъ въ себѣ 168 страницъ, исписанныхъ скатыми, весьма впрочемъ старательнымъ, почеркомъ. Всѣ заглавія и начальныя буквы красныхъ строкъ писаны кивоварью. Книга переплетена весьма изящно въ старинный переплетъ, покрытый бѣлою лоснящеюся кожей и на лицевой сторонѣ переплета отпечата золотыми, церковно-славянскими буквами надпись: «*Лѣтописци Во-лыни и Оукраины*». Въ разныхъ мѣстахъ книги помѣщены приписки, которыя содержатъ почти полную исторію странствованія рукописи изъ Кіева въ Червонуя Русь и перехода ея изъ рукъ въ руки. На страницѣ 3—47 внизу листовъ сдѣлана такая приписка: «сія книжка монастира подгородяскаго ¹⁾ отъ велебного отца Циіа Кощаковскаго, уставника монастиру межигорского, которій ту, близко отчества своего, до монастира подгородяскаго, зближившися, и лѣтъ три змешкавши, житіе свое скончихъ дня 5 іануарія ²⁾ року, 1720 анно, а записана есть до монастира подгородяскаго ³⁾ року, за старшенства велебного отца Ісаіи Дунаевскаго, ігумена подгородискаго, его власною рукою». Затѣмъ на страницѣ: 1—3, внизу находится дальнѣйшая приписка: «Die 6 Decembris 1750 hunc librum, cui titulus Kronika Ruska, usui patris Hieronimi Zurakowski in senili aetate ex residentia Horodyscensi acceptum, post obitum praefati patris supradictae residentiae restituendum censeo. Silvester Koblanski, ord. S. V. M. provincialis R. m. p. ⁴⁾». Изъ слѣдующей приписки, сдѣланной на наружной обложкѣ книги,

¹⁾ Подгородны— село, лежащее нынѣ въ стрійскомъ округѣ Галиціи на рѣкѣ Гнилой Дниі; нѣкогда принадлежало къ рогатинскому староству.

²⁾ Декабря 6 дня 1750 года. Полагаю, что книгу сію, нынѣшнюю заглавіе «Русская лѣтопись», взятую изъ городисскаго монастира для пользованія отцемъ Іеронимомъ Журавковскимъ, бывшимъ въ преклонныхъ лѣтахъ, за смертью реченнаго отца, слѣдуетъ возвратити въ городисскую обитель. Сильвестръ Кобляскій, провинціалъ русскій (червонорусскій) ордена св. Василія Великаго, собственною рукою.

узнаешь, что это распоряженіе провинціала было исполнено, а равно и какова была дальнѣйшая судьба рукописи; приписка эта гласитъ: «Nos opusculum, post abolitum monasteriolum Horodyscense anno domini 1758, insertum est catalogo librorum monasterii Leopoliensis ad S. Georgium»¹⁾. Наконецъ послѣдняя приписка, помѣщающаяся на первой и послѣдней (168-й) страницахъ, свидѣтельствуеетъ (впрочемъ безъ означенія года), что рукопись принадлежала въ теченіи нѣкотораго времени монастырю св. Георгія; вотъ эта приписка: «Ex bibliotheca monasterii Leopoliensis s. Georgii Martyr»²⁾. Затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ рукописи свидѣнія не записаны.

Составъ лѣтописнаго сборника весьма разнообразенъ и интересенъ, какъ по содержанію многихъ статей, вошедшихъ въ его составъ, такъ и по той характеристикѣ научнаго движенія въ средѣ образованнаго, книжнаго кievскаго общества XVII столѣтія, которую возможно воспроизвести на основаніи подбора и группировки статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ.

1) Первая, большая часть книги (стр. 1—90) занята лѣтописною компиляціею, заглавіе которой, писанное киноварью, красуется на первой страницѣ рукописи: «Кроника русская о російскихъ самодержцахъ и великихъ царехъ, откуда и како быша, подобаетъ взыскати. Здѣ вонмемъ и услышимъ и обрячемъ отъ сего, яко отъ Августа, кесаря римскаго корень ихъ вышелъ». Эта первая статья сборника представляетъ компиляцію, составленную частью изъ Стрыйковскаго, Гвагнини и другихъ писателей XVI ст., частью изъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ, причемъ, въ числѣ послѣднихъ извѣстій, встрѣчаются хотя изрѣдка свидѣнія совершенно оригинальныя, несомнѣнно заимствованныя изъ южно-русскихъ сводовъ; извѣстія эти иногда сходны съ извѣстіями Синописа, иногда-же совершенно самостоятельны, какъ напримѣръ описаніе кievскихъ укрѣпленій, сказаніе о взятіи Чернигова Батыемъ и т. п.

Вторая половина рукописи заключаетъ 6 отдѣльныхъ статей, расположенныхъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

2) *Записки Богдана Бальки* «О Москвѣ и о Дмитрію царю московскомъ» (стр. 91—99). Какъ вслѣдствіе интереса содержанія этой статьи, такъ и въ качествѣ матеріала для характеристики быта и литературнаго развитія кievскаго мѣщанина начала XVII столѣтія, мы помѣщаемъ ее ниже цѣликомъ.

3) «*Лѣтописецъ вторый*», (стр. 100—120). Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ сводъ, составленный изъ пяти лѣтописныхъ отрывковъ, въ видѣ непрерывнаго повѣствованія; впрочемъ отдѣлить эти отрывки другъ отъ друга легко не только на основаніи содержанія и пошиба изложенія, но и по чисто внѣшнимъ

¹⁾ Это сочиненіе, послѣ упраздненія городскаго монастырка въ 1758 году, занесено въ каталогъ книгъ львовскаго монастыря св. Георгія.

²⁾ Изъ бібліотеки львовскаго монастыря св. мученика Георгія.

признакамъ: хотя всѣ отрывки переписаны послѣдовательно другъ за другомъ, но хронологія каждаго удержана и начало каждаго слѣдующаго отрывка уже замѣтно потому, что возвращается хронологически назадъ, захватывая часть времени, уже рассказаннаго въ предыдущемъ отрывкѣ. Въ общихъ чертахъ содержаніе каждаго отрывка заключается въ слѣдующемъ: 1) Первая часть обнимаетъ извѣстія съ 1051 по 1492 годъ: въ началѣ до 1177 года это мѣстная монастырская лѣтопись кіево-печерскаго монастыря, затѣмъ съ указанного года она становится областною лѣтописью смоленской земли, заключаая въ себѣ то извѣстія вполне самостоятельныя, то по временамъ такія, которыя вошли въ лѣтопись т. н. Быковца. 2) Вторая часть обнимаетъ время 1394—1572; она мало интересна и заключаетъ краткія записки о великихъ князьяхъ литовскихъ. 3) Не болѣе интереса представляетъ и третья часть (1516—1600), содержащая краткія замѣтки, относящіяся къ исторіи Рѣчи Посполитой и о судьбахъ козачества. 4) Нѣсколько болѣе самостоятельна часть четвертая (1393—1611), представляющая краткую областную лѣтопись земель кіевской и волынской. 5) Наконецъ послѣдній отрывокъ (1612—1620) составляетъ продолженіе предъидущаго, написанное гораздо подробнѣе и живнѣе; это настоящая лѣтопись областная кіевская, веденная очевидцемъ описываемыхъ событий.

4) Четвертую статью сборника составляетъ: *Линія митрополитовъ кіевскихъ православныхъ* (стр. 120—127). Это перечень кіевскихъ митрополитовъ, доведенный до 1690 года. Въ началѣ помѣщены одни имена, съ конца-же XVI столѣтія, т. е. съ Мизанла Рогозы, сообщаются краткія біографіи каждаго митрополита.

5) Пятая статья (стр. 127—135) озаглавлена: *Выводъ народу славенскому и Рускому* и заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія о разселеніи славянъ, о пути изъ варягъ въ греки и о пришествіи св. Андрея въ Русь:—все это заимствовано изъ «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и затѣмъ, въ видѣ приложений и поясненій, дополнено извлеченіями изъ Гвагинни (о рѣкахъ въ Сармаціи) и изъ хроникъ Мартына Вѣльскаго (о событіяхъ, относящихся къ Руси съ 1025 по 1378 годъ).

6) Шестая статья (стр. 135—141) представляетъ оригинальную кіевскую областную лѣтопись за время 1608—1700 годъ; лѣтопись эта составлена въ нежигорскомъ монастырѣ, вѣроятно самимъ Ильею Кошаковскимъ, и отличается живостью изложенія, самостоятельностью и глубокимъ интересомъ сообщаемыхъ извѣстій.

7) Наконецъ послѣ промежутка въ двѣ страницы, оставленнаго пробѣломъ, помѣщена послѣдняя статья (стр. 143—168): *Война волоская отъ цесаря турецкаго Османа*. Это переводъ одного изъ польскихъ дневниковъ хотинскаго похода 1621 года, написаннаго кажется Опалинскимъ и интересовавшаго кіевляня, вслѣдствіе выдающейся роли, какую игралъ въ этомъ походѣ козацкій гетманъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный.

В. А.

О Москвѣ и о Дмитрію, царю московскомъ ложномъ. Сіе писалъ мещанинъ кіевскій именовъ Божко Балыка, который самъ тамъ былъ и самовидецъ тому былъ.

Року 1604 мѣсяца октоврія 1 дня уѣхалъ въ Кіевъ царякъ московскій на день Покровы Пресвятыя Богородици въ понедѣлокъ, а зъ нимъ былъ воевода сѣдомырскій и староста острицкій ¹⁾, паць Ротомскій. Стоялъ господою у бурмистра Митковича, а возилъ ²⁾ у Вышгородъ, и пошолъ на Путивль. Зъ Путивля вышолъ на веснѣ, року 1605, мая 3 дня. Съѣзъ на царствѣ на Москвѣ того жъ року; короновано постомъ Иліи, а забили его року 1606, мая 9 дня; а битва сталася ³⁾ на заутрешний святого Микола въ пятокъ.

Чти не ложно, бо писанъ сей летописецъ презъ людей певныхъ, мещанъ кіевськихъ, хто тамъ былъ и очима своимъ видѣлъ. Писалъ Божко Балыка.

Року 1612, генваря 9 дня нещасливого выѣзду моего зъ Кіева въ дорогу московскую и терпѣнія великого голоду и неволи увъ осадѣ насъ купцовъ до княка согъ, ижъ во всемъ свѣтѣ голодъ неслыханный и въ кройшикахъ ⁴⁾ не писанный.

Тогожъ дня, на день святого мученика Поліевкта, былемъ я, Богданъ Балыка, у дому ихъ милостей: пана Александра и пана Созона Балыкъ, войтовичовъ кіевскихъ, братіи моей, а потомъ былемъ въ дому пана Савостіяна ⁵⁾, бурмистра кіевского, тестя своего, и зъ его дому пустилемся ⁶⁾ въ дорогу, за возами; ночовалъ тую ночь у Новоселкахъ, у Десны, въ четвертовъ. У пятокъ поткалъ козаковъ стародубскихъ, а у суботу своихъ догналъ въ Навозѣ селѣ, на обѣдѣ. Тогожъ месеца 14 дня увъ Ялѣ селѣ споткали Марка, товариша небожчика Боргоцкаго: провадилъ зъ Москвы тѣло князя Доманта и Пархома полковника, которые побиты у штурми подъ городомъ Стародубомъ. Дня 15 до Лоева приехали есмо и поткали Миска Хурсенка, ехалъ зъ Смоленска. 17 дня выѣхали зъ Лоева. Дня 18 приехали до Гомля; на завтрый день приехали до насъ: Ивашковскій, пол-

¹⁾ Остерскій. ²⁾ Переправился. ³⁾ Убийство произошло. ⁴⁾ Лѣтописяхъ.

⁵⁾ Савостіянь Браца, италиаецъ архитекторъ, приписавшійся въ кіевское мѣщанство. ⁶⁾ Я отправился.

ковникъ козацкій и зъ ясавуломъ Севериномъ Перехрестомъ; 21 дня выехали зъ Гомля; за три дня приехали до Стародуба, тамъ стояли 14 дней; послали Богдана Гулаженка за войскомъ за Десну, але не могли вѣдомости взяти о войску; а потымъ послали двухъ москалей до Новъгородка, до Лемона, племѣнника воеводиѣна, жебы зъ нимъ торговалъ; и оттоль ни зъ чѣмъ приехалъ. Тогожь року месеца февраля 6 дня изъ Стародуба выѣхали, 9 дня до Крысова приехали; 14 дня приехали до Мстиславля; 24 дня приехали до Смоленска; наплемъ тамъ пана Струса и зятя своего Козьку. 24 дня Струсъ изъ людомъ ¹⁾ пошолъ и къ столыци. Тогожь месеца 24 дня пустилися есмо, праве зъ незноснымъ жалемъ, за Струсомъ до Вязмы. Въ среду 26 дня пана Струса разбили шиши, маютку много взяли и девять человекъ пѣхоты убили; а мы у селѣ Жижинѣ пана Хотымѣрскаго догнали, а на завтра черезъ тотъ трупъ ехали. Месеца марта 1 въ неделю православную приехали до Вязмы и нашли тамъ: Скоробогатого, и Богдана Гребенника, и Стефана Хмеля, купцовъ, мѣщанъ кievскихъ. Тогожь месеца 6 самъ панъ Струсъ зо всѣмъ войскомъ пошолъ былъ икъ столыци, и мы за нимъ, але для лихон дороги ухабистон и для шишовъ и свѣговъ великихъ панъ Струсъ мидь двѣ отишолъ, а мы двѣ версты отишли отъ деревни князя Ивана Алгидіева; перво мы вернулись до Вязмы 7 дня, а потомъ и панъ Струсъ вернулся зо всѣмъ войскомъ. Тогожь дня Омелявъ Скоробогатый и Стефанъ Хмель вернулись, поехали до Кіева, а мы такъ весь постъ великій и после великодня килка недель лежали. О середопостѣ нѣмцевъ человекъ 60 пришло до Вязмы и шишовъ на дорози громилн такимъ способомъ: якъ выйшли зъ Смоленска, указано имъ где стоять; нѣмцы сами легли у возахъ по билка человекъ и покрылися рогожами и казали подводникамъ помалу ехати; шиши, то обачывши, розумѣли, же то купцы идуть, на ортахъ (sic) до возовъ кинулися, а они шишовъ близко припустили, и заразъ зъ мушкетовъ на оныхъ разбойниковъ ударили, такъ же ихъ килкадесятъ забили, и раннихъ килкадесятъ поймали, а иныхъ по острожкахъ морозъ подушилъ, ледво убѣгло щось немного. Потомъ, послѣ великодня, жолнере, и нѣмцы, и пехота, иныіе и наши охочіи ходили и килка зъ острожковъ достали и зъ корыстю вернулись. Тогожь року мая 1 дня монастырскій полковникъ и Ширай другий два острожки взяли и килка

¹⁾ Съ войскомъ.

соть бояръ и шишовъ побили и до Вязмы, до пана Струса зъ товаришами приехали. На завтрей у мене, Боска Балыки, былъ нанъ Струсъ у господи Василя Подоприсвѣта. Дня 3 мая я зъ Монастырскимъ и зъ товаришомъ выехали изъ Середѣ, замку, и были у Середѣ двои 21. Дня 24 изъ Середы выехали, бояръ и што у турмѣ сидѣли 21 человекъ постигали, и Середу спалили всю. Тоемъ ночи противъ недели была тревога великая; купци всѣ, покидавши возы, хотѣли утѣкати; шиши ударили, але не зыскали ¹⁾ ничего, бо наши противъ ихъ выехали и прогнали; 26 дня скончавши (sic), шиши, которые зъ Калуги пошли до Пскова, было ихъ килка сотъ, до царика, що былъ ново прослылся у Псковѣ, на насъ зъ корогвами ударили, але ихъ заравъ ²⁾ наши усперли ³⁾ и килкадесять ихъ забили и хоружого Явашка зъ корогвою ⁴⁾ поймали, и иныхъ козаковъ, зъ ними будучихъ, живцомъ поймали, и 70 возовъ зъ розною живностью и зъ горѣлками ⁵⁾ взяли. Потомъ 28 дня пришлисмо знову до Вязмы.

Тогожь року, месеца юни 5 дня, пришлоъ подъ столицю панъ Янъ Карулъ Хоткевичъ, гетманъ литовскій, и панъ Струсъ, и насъ купцовъ не мало, и Ширай зъ козаками притягнулъ и около рѣки Москвы обаполъ ⁶⁾ стали. Дня 11 Зборовскій, вышедши изъ столици, пошлоъ до Полци, зъ нимъ и наши киле пошли до Кіева: Урмянинъ и Ширима. Тогожь месеца 12 дня въ несчастливый часъ уехалисмо въ столицю московскую и заперто насъ у осадѣ изъ паномъ Миколаемъ Струсомъ и старостою Хмелницкимъ и зъ полковникомъ королевскимъ, паномъ Будиломъ, и нанъ Теляусъ, панъ Казиновскій, и панъ Вгонецкій, ротмистръ королевскій и нашихъ пановъ до килкадесять, ротмистровъ и пехоты королевской и насъ, мешчанъ киевскихъ, человекъ 20, окромъ челяди, и я, Боско Балыка, и иныхъ купцовъ немало зъ иныхъ мѣсть. Мы изъ Струсомъ и зъ Ложнею (sic) стали у Станислава господою противъ цар-пушни. Дня 13 гетманъ зо веѣмъ войскомъ своимъ изъ столици пошлоъ. Юни 27, изъ субботы на неделю, князь Дмитрий Тимофѣевичъ Трубецкій, Мартинъ Ісаевичъ Заруцкій, и было въ нихъ люду до килка тысячей, и до Китайгорода зъ трехъ сторонъ до штурму приступили: до двохъ брамъ, где Чорторыйская львица стоить; тамже ихъ добре наши усперли ⁷⁾ и до килка сотъ ихъ убили. Тогожь

¹⁾ Успѣли. ²⁾ Тотчасъ. ³⁾ Отразили. ⁴⁾ Знаменемъ. ⁵⁾ Водкою. ⁶⁾ По ту и по другую сторону. ⁷⁾ Отразили.

лѣта, августа во 2 день притягнулъ князь Дмитрий Лопатенко подѣ стѣлицу и иныхъ князей не мало зѣ людомъ. 14 августа панъ Хоткевичъ гетманъ знову тутже зѣ людомъ притягнулъ, первой нѣхота церковь святого Георгія опановали ¹⁾, а Москва заперлася у церкви святого Климентія у въ острожку на самой дорожѣ, и наши ихъ тамъ достали ²⁾ и килка дѣлецъ ³⁾ отняли, и была тамъ битва велии великая отъ утра до вечера, и усперли были наши Москву добре, Пожарского князя подстрелили въ руку, и почали были зѣ табору Москва утѣвати; наши тежъ выпадши зѣ Кремля, помочи своимъ додавали, и килка поручниковъ изъ хорюгами ⁴⁾ и зѣ пехотою до насъ у муръ передались, а гетманъ подѣ Цоклонвую гору отступилъ и не могъ до столицы пробитися, жебы живности своимъ дати; а въ середу праве зѣ великимъ жалемъ ⁵⁾ всего нашего рицества и насъ, бѣдныхъ купцовъ, отъ столицы прочъ пошолъ, а насъ, увъ осади началъ стискати голодъ, бо пехота, що ихъ было 600, почалы псы и вошки ѣсти. Тогожь лѣта септеврѣя дня 14, голодъ велии сталъ утискати, пехота новая стала зѣ голоду мерти и мало не вси умерли, и наша нѣхота и товариство также все поѣли; нѣмцы кошки и псы всѣ поѣли, медъ (sic) и зѣля, и травкою и леда чимъ живилися, бо все Москва отняла; дорогуля великая стала: селедецъ былъ по ползолотога, шкури воловыи перво были по пять золотыхъ, а потомъ стали по 12 золотыхъ; сыра мандрыну куповали по 6 золотыхъ; хлѣбъ денежный 10 золотыхъ; мы сами куповали казачъ денежный 7 золотыхъ. Около святом Покровы велии сильный голодъ знялъ: жита чверть золотыхъ 100, овса чверть 40 золотыхъ, крупъ кварта 20 золотыхъ; зѣ лободына насѣяна печеный, ячъ гречаныкъ пѣныжный—три золотыхъ. Панъ Харлинский, капитанъ пихотный взялъ за мерянца 500 золотыхъ, а чверть себѣ отрѣзалъ; за корову давали 600 золотыхъ; чверть мяса кояского была по 120 золотыхъ. А потомъ уже голодъ незносный почалъ траптити, же нѣхота и нѣмцы потай почали людей рѣзати и ѣсти. Мы наипершей, идучи отъ церкви соборной пресвятой Богородицы изъ службы; голову и ноги челоувѣчи у ямѣ нашля, у кайстрѣ ⁶⁾; вязневъ московскихъ килканадцать челоувѣка ппхотѣ зѣ турмы подавали, тыхъ всѣхъ поѣли; потомъ у килка дней несли Москва

¹⁾ Овладели. ²⁾ Взяли приступомъ. ³⁾ Пушекъ. ⁴⁾ Хоругвы—ограда кавалеріи.
⁵⁾ Съ большою скорбью. ⁶⁾ Въ мѣстѣ.

уголе майстеромъ денежнымъ у ворота Миколскіе. Гайдуки выскочивши зъ муровъ, одного порвали и заразыъ забили и зъѣли; потымъ у килка дней жолнѣръ Воронецъ и козаць Щербина, впадши въ домъ Ѳеодора Ивановича Мстиславского, почали шарпати, ищучи живности, и Мстиславскій почалъ ихъ упоминати; тамже нѣкоторый ударилъ его цеглою ¹⁾ у голову, же мало не умеръ. Довѣдался того панъ Струсь, казалъ обонхъ поймати: Воронца стято и поховано, а Щербину обѣсити казали, который зъ годину на шибеници не былъ; цѣхота заразыъ отрѣзали и на штуки разрубали и изѣли. Пахолика одного, недавно умерлого, изъ гробу выкопали и изѣли. Октовріа 16 дня выпалъ снѣгъ великий, же всю траву покрылъ и корѣня; сильный и не слыханий насъ голодъ змогъ: гужи и подруги, поясы и ножны и леда костища и здохлину ²⁾ мы едали; у Китайгородѣ, у церкви Богоявленія, гдѣ и греки бывають, тамъ мы изъ Супруномъ килка книгъ нашли паркгамѣновыхъ; тымъ есмо и травою живилися, — а що были предъ снѣгомъ наготовали травы—зъ лоемъ свѣчанымъ ³⁾ тое ѣли; свѣчку лоевую куповали по полъ золотого. Сынъ мытника Петриковского зъ нами увъ осады былъ, того безъ вѣдома порвали и изѣли и иныхъ людей и хлопать безъ личбы поѣли; пришли до одной избы, тамже найшли килка кадокъ мяса челоувѣческаго солоного; одну кадку Жуковскій, товаришъ Колонтаевъ, взялъ; той-же Жуковскій за четвертую часть стегна челоувѣчого далъ 5 золотыхъ, кварта горѣлки въ той час была по 40 золотыхъ; мышъ по золотому куповали; за кошку панъ Рачинскій далъ 8 золотыхъ; пана Будиловъ товаришъ за пса далъ 15 золотыхъ, и того было трудно достать; голову челоувѣчую куповали по 3 золотыхъ; за ногу челоувѣчую, одно по кости, дано гайдуку два золотыхъ; за ворона чорного давали наши два золотыхъ и полъ фунта пороху—и не далъ за тое; веѣхъ людей болше двохъ сотъ цѣхоты и товаришовъ поѣли. Тогожь року 1612 октовріа 22 дня, наждавшися праве долго ратунку и терпѣвши голодъ неслыханий, а отъ его королевской милости и отъ пана гетмана не могли дождати, зъ великимъ плачемъ всего рыцерства и насъ бѣдныхъ купцовъ, панъ Струсь и ишное товариство вышписаное мусѣли змиритися ⁴⁾; и побрали къ себѣ въ замѣну Бутурлина и другихъ бояръ московскихъ, а отъ насъ къ нимъ по шоль панъ Будило и Порванецкій. А князь

¹⁾ Кирничечъ. ²⁾ Падалъ. ³⁾ Свѣчанымъ са о. ⁴⁾ Натать прегворъ.

Дмитрій Тимофеевичъ Трубецкій и инъ столникъ, князь Дмитрий Михайловичъ Пожарскій и ишихъ князей и бояръ не мало и Москва всё, обачивши, же наши отъ голоду велики зморены, и все рыцарство на трактатахъ бавятся¹⁾ и ротмистрове, козаци и бояре Трубецкого и Пожарского, ударивъши у звоны и поднявши корогви, пошли до стѣны Китайгорода праве силою великою; мы, съ голоду змордованы, ледво имъ отпоръ дали. Октоврѣя 26 трактаты²⁾ скончили и присягу выволяли, же мѣли всёхъ въ цалѣ попускати, а потомъ, надъ присягу чинили, всёхъ розно розвели и маетки разшарпали.

Року 1613, у генварѣ почали зещчати на обирае царя нового; в той часъ нашихъ ледво пущено, а иныи утѣкали, а иныхъ окупано. И такъ наши воевали Москву.

¹⁾ Медлятъ въ переговорахъ. ²⁾ переговоры.

Матеріали для історіи кievской духовной академіи.

Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впоследствии Иустина, епископа владим.) къ Александру Иван. Бѣлюгову.

(1823—1827 г.).

Въ числѣ шести магистровъ *первою* курса кievской д. академіи (1819—1823 г.), которые остались въ ней-же наставниками—преподавателями подъ тогдашнимъ названіемъ *баккалавровъ*, былъ *Яковъ Евдокимовичъ Михайловъ*. Наука, которую пришлось преподавать Михайлову, была *Библейская Герменевтика*. 25 февраля 1824 г.—онъ принялъ монашество, а вмѣстѣ съ нимъ и новое имя *Иустина*. Кромѣ должности баккалавра богословскихъ наукъ, іеромонахъ Иустинъ исполнялъ въ академіи и другія должности. Такъ, онъ былъ бібліотекаремъ академіи, членомъ *внутренняю* академическаго правленія, членомъ академической конференціи и *внѣшняю* окружнаго академическаго правленія. Въ качествѣ послѣдняго члена, онъ былъ посылаемъ академію ревизовать семинаріи кшиневскую и екатеринославскую. Наконецъ съ 1826 г. ему поручено было исправлять должность инспектора кievской академіи, въ каковой должности онъ былъ утвержденъ въ апрѣлѣ 1828 года. Въ маѣ этого года іером. Иустинъ былъ назначенъ ректоромъ кievской семинаріи. Послѣ ректуры въ семинаріи кievской, а затѣмъ еще и въ черниговской, Иустинъ посвященъ во епископа—*викарія винницкаю* (въ 1841 г.). Потомъ былъ послѣдовательно викаріемъ *старорусскимъ, ревелскимъ* и только въ 1845 г. назначенъ самостоятельнымъ епископомъ—*костромскимъ*. Въ 1850 г. получилъ въ управленіе епархію *владимірскую*. Въ 1863 г. уволенъ, по прошенію, *на покой* и жилъ въ боголюбовскомъ монастырѣ, владимірской епархіи; скончался въ г. Владимірѣ въ 1879 г. 80 лѣтъ отъ роду.

О личности Иустина, какъ академическаго дѣятеля, не сохранилось никакихъ характерныхъ преданій въ средѣ кievской академіи. Очевидно, что это была личность *скромная*, ничѣмъ особенно себя не заявившая. Но и то нужно сказать:

въ тѣ старыя академическія времена человѣку даже способному и талантливому, но по природѣ и по обстоятельствамъ жизни робкому, трудно было выразить свои способности и таланты въ дѣлѣ науки такъ, чтобы память о нихъ непременно перешла въ потомство. Доля старинныхъ академическихъ наставниковъ—профессоровъ, съ кафедръ просвѣщавшихъ и научавшихъ духовное юношество, по-хожа была на долю актеровъ. Память о нихъ осталась въ умахъ и сердцахъ только тѣхъ, которые ихъ *слушали*. Отъ этихъ слушателей, стало быть, уже зависѣло въ большей или въ меньшей мѣрѣ увѣковѣчить эту память. Но *воспоминаній* о старыхъ академическихъ наставникахъ, воспоминаній живыхъ, рисующихъ образы и типы, мы пока не видимъ, не знаемъ... А о нѣкоторыхъ старинныхъ профессорахъ такихъ воспоминаній уже и быть не можетъ. Некому уже и вспомнить ихъ... *Можно* вспомнить уже сами ждуть своихъ воспоминателей.

Еслибы послѣ Іустина остались какіе-нибудь *печатные* труды—ученыя или вообще литературныя, изъ времени его академической жизни, или даже и изъ послѣдующаго періода, тогда все-таки на основаніи ихъ мы имѣли-бы возможность нѣсколько судить о внутреннемъ, душевномъ его складѣ, о характерѣ и направленіи умственной дѣятельности этого бывшаго академическаго профессора. Но такихъ трудовъ мы не знаемъ. Въ то старое время выступленіе въ печати было вообще дѣломъ рѣдкимъ и возбуждало смѣлость лишь не многихъ. На печатное слово смотрѣли какъ бы на привилегію нѣкоторыхъ смѣльчаковъ, съ какии-то чрезвычайнымъ уже благоговѣніемъ, какъ на недоступное священнодѣйствіе. «*Печатный листъ казался быть святымъ*».

Іустинъ безъ сомнѣнія былъ человѣкъ ученый. И кромѣ того, онъ былъ *талантливый*. Недаромъ же его оставили наставникомъ академіи, какъ лучшаго магистра. Положивъ, передъ этимъ онъ далъ начальству обѣщаніе поступить въ *монахи* и поступилъ. Но это уже въ позднѣйшую эпоху академической жизни (съ 50-хъ годовъ) за *монашество* присвоивали ученость и удостоивали степени магистра, а въ первоначальную эпоху ученость была не *слѣдствіемъ* монашества, но *причиною* его: ученыхъ и талантливыхъ студентовъ именно и старались привлечь въ монашество... Таковъ былъ и Іустинъ: но ученость его, внѣ академической аудиторіи, такъ и осталась безъ приложенія и мы не находимъ ея слѣдовъ... Но *стремленіе* прилагать ее, какъ потребность души и какъ выработавшую практикой привычку, было у него и проявлялось даже въ старости. Доказательства этому мы находимъ въ біографіи Іустина, помѣщенной во *Владимірскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ* 1879 г. и составленной близкимъ его родственникомъ (свящ. *В. Касаткинъ*), который, какъ видно, пользовался разсказами самого Іустина и его бумагами. Въ этой біографіи говорится между прочимъ: «Бывши ректоромъ семинаріи, преосв. Іустинъ составилъ краткую *Библейскую Герменевтику*, которая начисто переписана и надписана: «составилъ ректоръ черниговской семинаріи *архимандритъ Іустинъ*», но почему-то не была представ-

лена имъ въ цензуру и не напечатана»¹⁾. Академическая привычка и любовь къ ученому изысканію смысла библіи осталась въ Іустинѣ до глубокой старости. Въ той-же біографіи читаемъ: «живши на покоѣ, преосвященный по временамъ разнообразилъ занятія свои и учеными трудами. Любимѣйшимъ занятіемъ его были *переводы библіи на русскій языкъ и сличеніе славянскаго текста съ еврейскими, греческимъ, латинскимъ и французскимъ*. Жалко, что не въ характерѣ было у преосвященнаго пускать свои замѣчанія въ печать. Онъ даже рѣдко писалъ свои ученые замѣтки на особой бумагѣ, большею частію онѣ писались имъ на тѣхъ самихъ книгахъ, которыя читалъ онъ»²⁾. Какъ много можетъ вызвать самыхъ серьезныхъ размышлений, соображеній, выводовъ эта участь приобрести ученость, владѣть глубокимъ филологическимъ знаніемъ библіи и остаться *ученымъ для самаго себя*, когда кругомъ не вспаханное поле богословской науки!... Очевидно Іустинъ принадлежить къ числу старыхъ академическихъ, погибшихъ для духовной науки, силъ. Но, не приобрѣвши смѣлости и удобства самолично осуществлять свою любовь къ наукѣ—въ той или иной сферѣ богословскихъ изысканій, предъзначаемыхъ для общества, Іустинъ, достигши высшихъ степеней церковно-іерархической власти, старался по крайней мѣрѣ ободрять, поддерживать и защищать тѣхъ труженниковъ науки, которыхъ приходилось ему встрѣчать на своемъ вѣку. Въ той же біографіи его читаемъ: «Любя науку, преосвященный поощрялъ къ занятію ею и ученыхъ мужей своей епархіи. Въ его время было много опальныхъ ученыхъ духовнаго званія, поселенныхъ по разнымъ монастырямъ владимірской епархіи въ наказаніе за разные проступки; преосвященный всѣхъ ихъ поощрялъ къ занятію учеными трудами. И многіе изъ нихъ съ охотой занимались ими. Лучшія изъ нихъ произведенія преосвященный представлялъ въ цензурный комитетъ и потомъ печаталъ. Для примѣра достаточно указать на магистра іеромонаха *Іоасафа*.

И такъ, на основаніи данныхъ уже позднѣйшихъ, можно въ нѣкоторой степени представить себѣ образъ Іустина, какъ ученаго академическаго дѣятеля. Онъ былъ *библіологъ*. Объ инспекторской службѣ Іустина при академіи мы ничего не можемъ сказать, не находимъ нигдѣ ясныхъ указаній. Но мы будемъ въ состояніи представить себѣ характеръ его, какъ инспектора, когда узнаемъ, каковъ онъ былъ, *какъ человекъ*,—каково было личное настроеніе и направленіе его духа, какъ относился онъ къ людямъ въ своей частной жизни. И тѣмъ болѣе насъ можетъ интересовать этотъ молодой періодъ его жизни, что здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно интереснымъ фактомъ *поступленія въ монашество*, вопреки собственному влеченію, помимо всякаго расчета, — съ крайнею душевною

¹⁾ Влад. ст. вид. 1879 г. № 13-й, стр. 349.

²⁾ *Ibidem*, № 20, стр. 587-я.

борьбою, глубокимъ и долгимъ потомъ раскаяніемъ въ необдуманномъ роковомъ шагѣ и чистосердечнымъ непринужденнымъ признаніемъ своей ошибки въ дружеской перепискѣ. Въ этомъ наибольшій интересъ помѣщаемыхъ здѣсь писемъ Якова Михайлова. Добрый, мягкій отъ природы, нѣсколько даже простодушный, онъ былъ вѣстѣ слабыхарактернымъ. Ему, какъ лучшему студенту, предложили монашество, и онъ, не подумавши, принялъ его, а когда опомнился, у него не хватило духу взять назадъ данное начальству слово,—такъ и остался, по его собственному выраженію, на всю жизнь въ *кльноточкѣ*. Самую тяжелую борьбу онъ переживаетъ предъ принятіемъ монашества, но и долго спустя сѣтованія на необдуманный шагъ въ жизни не оставляютъ его и онъ при каждомъ случаѣ высказываетъ свою скорбь, предостерегаетъ и друга своего отъ такой же ошибки. Въ исторіи нашего ученаго монашества это фактъ весьма большой важности. Сколько такихъ завлеченныхъ въ монашество и не выдержавшихъ искуса первыхъ лѣтъ! Къ чести Іустина сказать должно, что онъ не падалъ и не палъ въ тяжелой борьбѣ и свято, безусловно выполнилъ невольный свой обѣтъ. Всѣхъ его писемъ *одинадцать*. Они живо рисуютъ намъ самаго Іустина и отчасти друга его, Бѣлогова, кишиневского профессора, извѣстнаго уже намъ по письмамъ къ нему Пиннокентія (см. «Кіев. Стар.», мартъ); кромѣ того они представляютъ вообще много чертъ тогдашней *бытовой* академической жизни и сообщаютъ много свѣдѣній о судьбѣ другіхъ воспитанниковъ киевской академіи перваго ея курса.

1.

Кіевъ, 1823 г., ноября 4.

Милой мой другъ!

Александръ Ивановичъ!

Письмо ваше, прошедъ всѣ мытарства на карантинѣ, коекакъ дошло въ Кіевъ. Жалко, что вы не могли исполнить моего прошенія. Препорученіе ваше я исполнилъ безъ всякихъ хлопотъ. Вы говорите, что жизнь ваша кишиневская скучна; почему? Я непременно хочу знать; удовлетворите моему желанію. Я, кажется, ничего не сдѣлалъ такого, что бы возбуждало въ васъ чувство недовѣрчивости ко мнѣ. Слѣдующее письмо ваше не должно быть сухо подобно тому, на которое теперь я отвѣчаю. Живя въ Кишиневѣ, вы конечно не можете имѣть недостатка въ матеріалахъ для переписки. Въ наказаніе вашей сухо-

сти и краткости и я въ настоящемъ письмѣ не буду распростра- няться; скажу только о нѣкоторыхъ предметахъ.

Пресвященный *Аванасій* ¹⁾ прибылъ въ Кіевъ вскорѣ послѣ вашего отъезда. Остановаясь у о. ректора ²⁾, онъ сперва явился къ митрополиту, а потомъ уже вѣхалъ въ свой монастырь. Въ первое по прїѣздѣ воскресенье совершилъ литургію съ протодіакономъ митрополитскимъ. Въ понедѣльникъ о. ректоръ всѣхъ насъ представлялъ ему. Хотя мы пробыли у него не болѣе часа, впрочемъ успѣли узнать, что онъ характера веселаго, откровеннаго и ласковаго. Академія еще доселѣ ожидаетъ его въ себѣ. Съ отцомъ ректоромъ живутъ дружно, друга друга посѣщаютъ очень часто.

Несчастные отставные учителя волынскіе *Кор.* и *Пот.* ³⁾ недѣли двѣ уже живутъ въ Кіевѣ. Они просили академическое правленіе о выдачѣ себѣ билетовъ до С. Петербурга, въ которыхъ отказало имъ правленіе волынской семинаріи по наущенію тамошняго архіерея ⁴⁾. Академическое правленіе положило было, по долговременномъ впрочемъ колебаніи, выдать имъ билеты, но митрополитъ ⁵⁾, основываясь на какомъ-то указѣ, данномъ около 70 лѣтъ тому назадъ, не согласился утвердить представленіе правленія. И такъ они теперь послали прошеніе въ комиссію, рѣшившись ожидать себѣ рѣшенія въ Кіевѣ. Вотъ награда за труды академическіе! ⁶⁾

Младшая дочь прот. *Маньковскаго*, о достоинствѣ коей мнѣнія нашихъ товарищей столько были разногласны, увядая постепенно, наконецъ оставила суетную земную жизнь. Погребеніе было торжественное. От. ректоръ начальствовалъ надъ хоромъ священнослужителей. Маньковскій такъ горько плакалъ, что надобно было имѣть каменное сердце, чтобы не принять участія въ его несчастіи. На сихъ дняхъ въ тотъ-же путь отправился

¹⁾ *Аванасій Протопоповъ*—магистръ 1-го курса петерб. д. академіи; епископъ чигиринскій—викарій кіевскій съ 1823 по 1826. Скончался архіепископомъ тобольскимъ въ 1842 г.—О немъ помѣщена недавно очень интересная статья въ *Русскомъ Архивѣ* (1881 г., томъ 2, кн. 2).

²⁾ Архим. *Моисей Антоновъ*—былъ товарищемъ *Аванасія* по петерб. академіи.

³⁾ *Корабликовъ* и *Потемкинъ*, такъ ихъ называетъ *Иустинъ* ниже.

⁴⁾ *Стефана Романовскаго*.

⁵⁾ *Евгеній Волховитимовъ*.

⁶⁾ *Корабликовъ*—былъ воспитанникъ слб-ской ак. 4-го курса, а *Потемкинъ*, ка- жется, московской.

священникъ введенской церкви, родственникъ пр. *Серапіона*; молодая и прекрасная его супруга неутѣшно плакала.

Вамъ извѣстно можетъ быть, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ были именины *Путнова* и *Крмишинскаго* ¹⁾, но конечно не извѣстно; что новые бакалавры ²⁾ не были на именинахъ *eam ob causam, quod non erant vocati* ³⁾. Сей случай заставляеть постороннихъ думать о многомъ, но мы, радуясь тому, что насъ шестеро, ни о чемъ не думаемъ. Будеть праздникъ и на нашей улицѣ. Давидъ говорить, что добро и красно жить братии вкупу, но не всѣ хотять послѣдовать его наставленію.

Спиридонъ Васильевичъ ⁴⁾ потому-ли, что, по мнѣнію Шада, мужъ безъ жены не можетъ назваться совершеннымъ человекомъ, или по другимъ какимъ либо причинамъ, рѣшился жениться на дворянкѣ, дочери одного маіора, какъ говорятъ, довольно богатаго. Приготовленія къ брачному торжеству уже начались. Скоро, вѣроятно, дѣло будетъ приведено къ концу. Достоинства невѣсты какъ тѣлесныя, такъ и душевныя, равно какъ и приданое, пока остаются для насъ тайною. Я доселѣ еще не посаженъ въ клѣточку ⁵⁾, а потому можетъ быть побываю и на свадьбѣ.

Г. Эммаускій всѣ усилія употребляетъ къ тому, чтобы получить мѣсто священника. Но, по милости митрополита, доселѣ остается безъ мѣста ⁶⁾. И при семъ случаѣ нельзя не сказать: такъ-ли должно поступать съ учеными? Естьли такъ награждать ученыхъ, то повѣрьте, что науки въ Россіи никогда не взойдутъ на степень совершенства.

Гг. уманскіе учителя ⁷⁾, проживъ нѣсколько времени въ Кіевѣ, наконецъ покораюсь власти судьбы, съ горестію отправились

¹⁾ Бакалавры кіевской академіи изъ воспитанниковъ сиб-ской — Пушновъ 3-го курса, а Крмишинскій 4-го.

²⁾ То-есть оставленные при академіи магистры 1-го курса уже кіевской академіи — числомъ 6-ть.

³⁾ По той причинѣ, что не были приглашены.

⁴⁾ С. В. *Гуляевъ* — бакалавръ кіевск. академіи изъ воспитанниковъ 4-го курса академіи сиб-ской.

⁵⁾ Т. е. не принявъ еще монашества.

⁶⁾ Это — *Федоръ Эмаускій* — изъ 3-го курса сиб-ской д. академіи былъ, вѣроятно, учителемъ въ кіевской семинаріи. Послѣ священства онъ принялъ и монашество подъ именемъ *Христофора* и умеръ въ 1872 г. въ санѣ епископа вятскаго.

⁷⁾ Товарищи Михайлова, назначенные въ Умань: *Петръ Фед. Болословскій* и *Петръ Вас. Ольшевскій*.

въ училище. Я одинъ провѣдалъ ихъ. Горестно мнѣ было смотрѣть на нихъ, особенно на Петра Ѡ., который, будучи не совсѣмъ здоровъ, въ одномъ сертукѣ, дрожа отъ холода и заливаясь слезами, садился въ жидовскую бригу. Петръ В. поѣхалъ съ уязвленнымъ сердечкомъ. Вы удивляетесь! Онъ самъ предъ всѣми нами confessus est, animum ejus cum animo Olgaе, filiae protopr. Semenowsky aretissimō vinculo convinctum esse. Familia Semenowsky firmiter persuasa est, Petrum fore aliquando membrum ipsius¹⁾. Gabriel Petrovitz proficiscens Uman vale dixit Protopresbitiridi, potae tibi, et filiae ejus²⁾. Петръ Ѡ. прислалъ намъ письмо, въ которомъ хвалится хорошимъ приемомъ зрителя, того самаго, который нѣкогда excellentissimos magistros et professores³⁾ потчивалъ гнилою сельдію и пѣнничкомъ,—и жалуется на нестроение, которое начинаетъ уже открываться въ почтенномъ обществѣ кандидатовъ. Что съ ними будетъ далѣе? Богъ вѣсть.

Грузинцы⁴⁾ доселѣ живутъ въ академіи и живутъ весело. Откуда что берется. Самоуаръ мой совсѣмъ затаскали. Трофимовичъ⁵⁾ раскаивается, что рѣшился ѣхать въ Грузію, а потому ищетъ средства, какъ бы, не унизивъ себя предъ глазами начальниковъ, отказаться отъ своего слова. Respectu Mariae id mihi solum modo certum est, eam pro dolore summo ingemesare continuo, lacrimas effundere et vae sibi dicere, quam vis non prorsus spei expertus est, ut ipse Trofimovitz testatur⁶⁾. Іеларіонъ⁷⁾ также не выѣзжалъ изъ Кіева; желательно, что бы онъ скорѣе выѣхалъ; ибо онъ *Mariam Gubarev* такъ сдурилъ, что она безъ него дышать

¹⁾ Т. е. сознался, что его сердце тѣснѣйшими узами связано съ сердцемъ Ольги, дочери прот. Семеновскаго. Фамилія Семеновскихъ твердо убѣждена, что Петръ будетъ нѣкогда ея членомъ.

²⁾ Т. е. Гавріилъ Петровичъ (*Язевъ*, тоже товарищъ), отправляясь въ Умань, сказалъ *прости* извѣстной тебѣ протоіерейшѣ и дочери ея.

³⁾ Т. е. *Вѣлююва* и *Левчановскаю*, отправлявшихся на службу въ Кяшиневъ и подорогѣ заѣзжавшихъ къ уманскому зрителю. Объ этомъ писалъ Вѣлюговъ къ Михайлову, какъ ниже упоминается.

⁴⁾ Т. е. товарищи Мих., согласившіеся ѣхать на службу въ Грузію—прибыло трое.

⁵⁾ Авксентій Трофимовичъ *Стеценко*.

⁶⁾ Т. е. относительно Маріи мнѣ извѣстно только то, что она отъ сильнѣйшей скорби постоянно вздыхаетъ, проливаетъ слезы и вѣщуетъ себѣ горе,—хотя не совсѣмъ еще лишена надежды, какъ свидѣтельствуетъ, это самъ Трофимовичъ.

⁷⁾ Іларіонъ Ивановичъ *Поржецкій*.

не можетъ. Г. Хлѣбниковъ ¹⁾ очень на васъ гнѣвается, что вы, пиша ко мнѣ, не отдали ему должнаго почтенія. Я всячески старался защитить васъ, приписывая вамъ незнаніе, что его благородіе доселѣ находится въ Кіевѣ; но всѣ мои старанія были тщетны. Посему въ слѣдующемъ письмѣ извинитесь предъ нимъ. Дѣло Петра Максимовича ²⁾ также не приходило; живетъ съ женою вмѣстѣ. Антонъ Матѣевичъ *Крупскій* прислалъ письмо, въ которомъ жалуется на свое состояніе. Кандидаты п.-б. ³⁾, занимающіе должности учительскія при семинаріи, не хотятъ имѣть общенія съ нашимъ кандидатомъ. Волынскіе наши патрады по совѣсти увѣряютъ насъ, что Острогъ по всему праву носятъ на себѣ имя острога. Г. Ф. Базиловичъ нынѣ секретарь. Мы уже видѣли бумаги, подписанныя его рукою. Чернявскіе хвалятся своею жизнію. Но полно говорить о другихъ что-нибудь; надобно вамъ сказать о себѣ. Живу я въ той-же комнатѣ, въ какой вы оставили меня; столъ имѣю у о. ректора. Герменевтина составляетъ преимущественный предметъ моихъ занятій; желая по возможности удовлетворить ожаданію студентовъ, не жалѣю трудовъ моихъ. Дважды былъ на лекціи о. ректоръ; по окончаніи лекціи, когда я подошелъ къ нему для принятія благословенія, онъ такъ отозвался о моей лекціи: „вы ясно говорите“. Что-то будетъ впередъ,—а до сего времени я не тяготился своею должностію. Будучи удаленъ отъ товарищей—бакалавровъ и представляя себѣ, что мнѣ скоро надлежитъ распрощаться съ пріятностями жизни общественной, я рѣдко бываю веселъ. Старался разсѣять скуку, я часто хожу къ товарищамъ, которые иногда, напоминая мнѣ о будущемъ моемъ состояніи, ненамѣренно въ большое смущеніе приводятъ духъ мой. Что-то будетъ со мною... Монахи говорятъ, что жизнь монашеская блаженнѣйшая, но сердце мое говоритъ противное. Но всегда-ли можно вѣрить сердцу? Вотъ вопросъ, который я предлагаю вамъ на разрѣшеніе. Простите! Пребываю къ вамъ съ истинною любовію, преданный вамъ всею душею, другъ вашъ Яковъ.

Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе Василю Григорьевичу ⁴⁾ и поблагодарить его за тѣ строки, которыя онъ написалъ

¹⁾ Григ. Федор. *Хлѣбниковъ*, имѣвшій отправиться въ Грузію.

²⁾ Петръ Макс. *Малышевскій*.

³⁾ Т. е. петербургскіе.

⁴⁾ Товарищъ—В. Г. *Левчановскій*, служившій вмѣстѣ съ Вѣлюговымъ въ Кишиневской семинаріи.

ко мнѣ. Я хотѣлъ писать къ нему, но случились такіе обстоятельства, которые не позволили исполнить мнѣ моего желанія.

2.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Простите, ахъ ошибся, прости великодушно, что я въ первомъ письмѣ, желая соблюсти правила мірской политики, поступилъ противъ правилъ дружбы. Впредь всегда буду называть тебя не *ты*, а *ты*. Ты говоришь, что письмо мое развеселило тебя. Жалко, что ты не открываешь причины твоей печали. Очень обидно для меня, что ты заставляешь меня читать письма, посылаемыя къ В. Я. ¹⁾ и П. И. ²⁾. Я хочу читать твои письма. Еслии впредь поступишь такимъ образомъ, — я все право буду имѣть говорить, что ты не расположенъ ко мнѣ. Ты очень занятъ; но В. Г. ³⁾ не менѣе тебя занятъ, однакожь пишетъ обильно. Прошу, милой мой, не гнѣвись писать ко мнѣ, тѣмъ паче, что я нахожусь въ такомъ расположеніи духа, которое всѣ удовольствія мои разтравляетъ горестію. Искренняя твоя со мною бесѣда для сердца моего послужитъ цѣлительнымъ бальзамомъ. Въ письмѣ твоёмъ, на которое теперь отвѣчаю, я думалъ найти лѣкарство противъ той печали; но, къ несчастію, нашелъ противное. Скажи пожалуй, что значать слова твои: *я избралъ состояніе монашеское*? Я знаю всѣ правила герменевтики, но никакъ не могъ дойти до подлиннаго смысла сихъ словъ. Еслии слова твои принять *in sensu litterali*, выдетъ нелѣпость. Ибо природа сотворила тебя для общества, а не для пустыни. Еслии-же принять *in sensu mystico*, то и тогда нельзя избѣжать нелѣпости. Ибо никто и никогда, намѣреваясь вступить въ супружество, не говорилъ: я поступаю въ состояніе монашеское. Досадно, право досадно толковать твои слова. Желаніе видѣть тебя въ щасливомъ состояніи заставляеть меня послѣднее объясненіе предпочесть первому. Поспѣши разрѣшить мое сомнѣніе. Еслии ты не шутишь, но въ самомъ дѣлѣ поступаешь въ монашеское состояніе, то я не могу не сказать: есть чудеса въ мірѣ! Ибо не чудо-

¹⁾ Т. е. къ Вас. Яковл. Орлову, товарищу, оставленному, въ числѣ другихъ, бакалавромъ при кіевской академіи.

²⁾ Т. е. къ Плагону Ивановичу Стасову — тоже товарищу и бакалавру.

³⁾ Т. е. В. Г. Левчиновскій.

ли это, когда образованный, молодой и прекрасный юноша отказывается от общества? Опомнись, друг мой! Что ты делаешь? Богъ накажетъ тебя. Ибо чрезъ монашество ты чрезвычайно его оскорбишь, такъ какъ монашество противно заповѣди, которую Онъ далъ первымъ людямъ. Отечество вознегодуетъ на тебя; ибо ты откажешься, чюступая въ монашество, быть ему полезнымъ чрезъ дѣторожденіе. Женщины будутъ вопіять на тебя къ небу. Ибо ты одну изъ нихъ могъ-бы ошастливитъ. Если ты не откажешься отъ своего намѣренія, то я всегда буду скорбѣть о тебѣ. Если ты дѣйствительно идешь въ монахи, то непременно должна быть сему причина. Желательно бы было мнѣ знать сію причину, дабы смотря на нее можно было опредѣлить степень твоего дурачества. Оставь-ка, другъ, свое намѣреніе. Оженись лучше. Хорошая жена лучше всего. Зная то, что сіи строки написаны отъ сердца, надѣюсь, что ты примешь ихъ съ сердечною расположенностью, и что онѣ заставятъ тебя немедленно откровенно объясниться предо мною.

Хотя ты, по собственному твоему сознанію, чрезвычайно занятъ, впрочемъ надѣюсь, что не откажешься послушать новостей нашихъ. Спиридонъ В. ¹⁾ милостію Божіею нынѣ уже мужъ. Я былъ званъ на свадьбу, но, опасаясь увеличить досаду на самого себя, заблагоразсудилъ отказаться. Наше общество бакалавровъ и профессоровъ отличилось неумѣніемъ танцовать. Госпожи Гуляевой я доселѣ не имѣлъ щастія видѣть, а потому о качествахъ ея не могу ничего сказать утвердительнаго. Другіе говорятъ, что она не красавица, но довольно миловидна, добра и чувствительна, ибо читаетъ романы. Но оставимъ ее въ покоѣ. Грузинцы выѣхали изъ Кіева въ Грузію. Авксентій Т. не женился на М., но поклялся жевиться. Богъ знаетъ, исполнить-ли онъ свою клятву. Вчерашняго дня Петръ Максимовичъ (который недавно будучи утвержденъ въ должности учителя орловской семинаріи, еще не выѣхалъ изъ Кіева) былъ въ домѣ *Таранецкой* и узналъ, что все семейство непрестанно плачетъ и жалуется на обманщика ²⁾; дѣло о конференціи пришло, но конференція еще не открыта. Членами оной утверждены: ректоръ, инспекторъ ³⁾ *Кирилль* ⁴⁾, *Скворцовъ*,

¹⁾ Свир. В. Гуляевъ, бакалавръ.

²⁾ Т. е. на А. Т. Стеценко.

³⁾ Архим. *Смарагдъ Крыжановскій*.

⁴⁾ Архим. *Кирилль Куницкій*, ректоръ кіевской семинаріи, а затѣмъ и академіи.

Евгеній ¹⁾ *Пушиновъ*, *Ситиревичъ*, *Стефанъ Семеновскій* и *Мамьковскій*. Сочиненія, назначенныя для напечатанія, возвратились изъ Петербурга ненапечатанными. Давръ кievской или лучше ея типографіи предоставлена честь выдать въ свѣтъ знаменитыя творенія воспитанниковъ кievской академіи. Дипломы ваши приуготовлены. Ищите лучшаго столяра, который-бы въ состояніи былъ сдѣлать для нихъ рамы: *Потемкинъ* и *Кораблиновъ* ²⁾ доселѣ еще въ Кіевѣ. Г. Поржецкій остался безъ мѣста; вскорѣ отиравится въ свою епархію. Марія Ивановна до безумія его любитъ, но едвали съ нею не случится того, что случилось съ Таранецкою. Дѣло мое крѣпко декастерскіе доселѣ еще держать у себя. Что будешь дѣлать съ безмозглыми тварямъ. Вотъ тебѣ новости кievскія! Не угодно-ли послушать новостей не-кievскихъ? Волынское сем. правленіе сильно дѣйствуетъ противъ архіерея. *Лотоцкій* ³⁾ уже оженился на дочери того протоіерея, который въ нѣсколькихъ верстахъ живетъ отъ Острога и присутствуетъ въ консисторіи. Г. Базилевичъ секретаремъ, а *Собкевичъ* ⁴⁾ экономомъ. *Наркиссъ Новицкій* священникомъ уже и ключаремъ собора. Невѣста *Теофила Новицкаю* вышла замужъ. Прощай! другъ твой, Як. М.

Прошу какъ можно скорѣе прислать отвѣтъ. Ибо я хотя не совсемъ увѣренъ въ истинѣ твоихъ словъ, однакожъ никакъ не могу успокоить робкую мою душу.

Василію Григорьевичу засвидѣтельствуй мое почтеніе и объяви ему, что на дочери протоіерейши Воздвиженской женится профессоръ *Лабодовскій*.

Кіевъ 1823 г. дек. 4 дня.

P. S. Тебѣ пишу, ты одинъ и читай.

3.

Другъ мой!

Александръ Ивановичъ!

Благодарю тебя за письмо отъ 9-го генваря; оно удовлетворило моему желанію. За поздравленіе твое съ новымъ годомъ

¹⁾ Иером. *Евгеній Соловьевъ*, бакалавръ кievской академіи, изъ магистровъ сторуко курсу московской.

²⁾ Упомянутые въ 1-мъ письмѣ волынскіе учителя, ведшіе тяжбу съ тамошнимъ архіереемъ *Стефаномъ Романовскимъ*.

³⁾ Аванасій Лукичъ *Лотоцкій*, влослѣдствіи архим. Аморостій.

⁴⁾ Антонъ Иван. *Собкевичъ*.

плачу поощравленіемъ взаимнымъ. Причина, по которой ты отказываешься отъ супружеской жизни; удивила меня и, вмѣстѣ, ясно доказала, что ты довольно еще имѣешь дѣтскаго. Подобнаго твоему поступку рѣдко можно отыскать даже въ романахъ. Какое удовольствіе сдѣлаешь ты твоей любезной кievлянкѣ, когда пойдешь въ монахи? Она, услышавъ о странномъ твоёмъ поступкѣ, можетъ быть сперва погорюетъ, а потомъ, видя, что уже нельзя горемъ воротить миленькаго голубчика, начнетъ искать себѣ другаго и напередъ забудетъ о тебѣ. Она, соединившись съ милымъ, будетъ блаженствовать, а ты, будучи запертъ въ кѣлочку, безпрестанно будешь тосковать, лить слезы и можетъ быть, не могли перенести страданій сердца своего, преждевременно сойдешь съ поприща сей жизни. Ты говоришь, что она любитъ тебя; но развѣ ты не слышалъ отъ опытныхъ, что любовь есть такая болѣзнь, которая удобно излечивается разлученіемъ любящихся лицъ? Поживши годъ, два, не веди переписки съ ней; она, постепенно теряя изъ памяти твой образъ, наконецъ забудетъ тебя и безтрепетно отдастъ руку свою другому. Она можетъ быть и теперь уже успокоилась. Жалко, что я ее не знаю; я постарался бы узнать ея положеніе и извѣстить тебя. Вотъ то-то, Шаша, надобно было жить въ академіи по откровенію. Любилъ и былъ любимъ, а я ничего этого не зналъ. Не обьяди ли это? для чего было тебѣ не раскрыть предо мною своего сердца? Будучи скрытнымъ въ Кіевѣ, не будь таковымъ въ Кишиневѣ, разумѣется въ отношеніи ко мнѣ. Напиши имя, фамилію и мѣсто пребыванія той, которую ты носилъ въ сердцѣ своемъ. Я посмотрю, достойна-ли она той ужасной жертвы, которую ты намѣренъ принести въ честь ея. Признаюсь, другъ, что я о сердцѣ твоёмъ совершенно иначе думалъ; я думалъ, что оно твердо подобно камню, но опытъ доказалъ, что оно мягче воску. Я увѣренъ въ томъ, что любовь сильна; но не могу представить себѣ, чтобы она могла довести человека до такого состоянія, въ какомъ ты теперь находишься. Есть-ли чувствуешь въ себѣ сколько-нибудь сязъ, вооружись противъ тиранки, возобладавшей тобою; сбрось съ себя ея иго. Побѣда, одержанная тобою, будетъ источникомъ твоего щастія. Молодость твоя, и красота привлекутъ къ тебѣ руку молодой, прекрасной и умной дѣвушки. Есть-ли же ты совершенно не способенъ къ противоборству, то мнѣ кажется, лучше тебѣ соединиться съ любимою тобою, нежели идти въ монахи. Положимъ, что ты будешь жить не богато, но за то будешь покоенъ, ибо будешь

обладать тѣмъ предметомъ, который теперь смущаетъ твое сердце. Что же ты думаешь найти въ монашествѣ? Черная одежда не избавитъ тебя отъ пламени любви. Онъ безпрестанно будетъ пожирать твое сердце, такъ, что ты не радъ будешь своей жизни. Милая всегда будетъ находиться въ твоёмъ воображеніи и тогда ты, вмѣсто монаха, будешь вѣщастѣйшимъ любовникомъ, который лишенъ всѣхъ средствъ соединиться съ обожаемымъ предметомъ. Другъ мой! Пыша сіе, я не осмѣливаюсь отнимать у тебя свободы. Впрочемъ увѣряю тебя, что монашество будетъ для тебя источникомъ горестей. Теперешнее твое худое положеніе еще болѣе заставляеть меня противиться твоему намѣренію. Богъ знаетъ; чѣмъ кончится ваша ссора съ Р...¹⁾ Можетъ статься, что неправда одержитъ верхъ надъ правдою — и ты невинно пострадаешь. Свѣтскому челоѣву должность при семинаріи не такъ дорога; онъ всюду можетъ найти для себя мѣсто. Но монаху лишиться училищной должности значить всего лишиться. Ибо монастырь для ученаго челоѣва есть гробъ. Подожди, другъ, избирать состояніе. Можетъ быть переимѣнятся обстоятельства. Забудь на время о кіевлянкѣ; можетъ быть встрѣтятся съ нею такія обстоятельства, которые заставятъ ее забыть о тебѣ. Тогда ты будешь имѣть полное право изгнать ее изъ своего сердца.

Ссора ваша заставляеть меня страшиться за тебя; противная сторона сильнѣе вашей; васъ могутъ преодолѣть и обидѣть. Мнѣ кажется, вамъ лучше примириться, еслии это можетъ быть сдѣлано безъ униженія своего достоинства. Милый мой! веди себя поосторожнѣе. Я знаю изъ собственнаго опыта, что неосторожность можетъ свергнуть челоѣва въ бѣдственное состояніе. Напиши мнѣ о семъ предметѣ по-обстоятельнѣе. Я очень беспокоюсь о тебѣ. Я увѣренъ, что твое дѣло право, но не увѣренъ въ томъ, чтобы всѣ почитали его таковымъ. Дѣйствуй, но съ мудростію змѣнною. Отецъ *Смарагдъ* ²⁾ послалъ тебѣ отвѣтъ; посему я не нужнымъ почелъ узнавать его мысли о твоёмъ намѣреніи. Мое дѣло еще не приходило; ожидаю со дня на день; Ивана Алексѣевича ³⁾ уже не стало: на мѣсто его явился іеромонахъ *Иннокентій*. Онъ пишетъ, но не къ намъ, а къ Евгенію.

¹⁾ Съ ректоромъ кишиневской семинаріи арх. *Приземъ*.

²⁾ Инспекторъ кіевской академіи.

³⁾ Т. е. Ивана Алексѣевича *Борисова*.

Чѣмъ ближе подходитъ мой родовой день, тѣмъ, тѣмъ, тѣмъ... Что со мною будетъ? Отецъ ректоръ еще не выѣзжалъ изъ Кіева; на сихъ дняхъ непременно отправится ¹⁾. Преемникъ его, отецъ *Мелетій*, бывшій нашъ любезнѣйшій инспекторъ. Надѣемся, что съ нимъ будетъ хорошо намъ жить, естля только кто нибудь не воспользуется добротою его сердца ко вреду другихъ. Сочиненія еще не отпечатавы. Конференція открыта предъ Рождествомъ. Мы получили дипломы; ваши скоро будутъ присланы, какъ говоритъ секретарь. Грузинцы, выѣхавъ изъ Кіева 24 ноября, прибыли въ Вѣлгородъ 24 декабря. Такъ скоро ѣздить! Въ Грузію пріѣдутъ развѣ черезъ годъ. Кто изъ нихъ въ какой городъ поѣхалъ, право не знаю, ибо грузинскія имена трудно помнитъ. О состояніи Марьи Тимоф. ничего не знаю. Тетушка и сестрица твоя здоровы; онѣ недавно были въ нашей церкви. Тотъ, кто тебѣ писалъ о сестрѣ съ невыгодной стороны, есть безсовѣстный лжецъ; не вѣрь ему. Она живетъ такъ, какъ жила и при тебѣ. Мать не отруската ея отъ себя. Впрочемъ сердце женщины глубоко. Проповѣдь твоя, видно, была лучше массивіоновской. Недавно въ Кіевѣ умеръ прот. *Ситиревичъ*; мѣсто его заступилъ *Ст. Семяновскій*. Яковъ Ив. *Крѣшинскій* вскорѣ женится на Александрѣ Петровнѣ. Инспекторъ представленъ въ экстраорд. профессору, а Скворцовъ въ ординарные. Исключили четырехъ студентовъ, между конми *Димитрія Савченкова*. Волынское сем. правленіе не престааетъ дѣйствовать противъ архіерея; Лотоцкій уже священникомъ. Кишиневскіе наши студенты успѣваютъ довольно хорошо, такъ что бывшій префектъ ²⁾ занимаетъ высокое мѣсто во 2-мъ разрядѣ. Пѣвчихъ академ. нѣтъ; слѣд. мы лишились одного изъ величайшихъ удовольствій. Контракты нынѣшніе по причинѣ худой погоды неудачны. Товарищи наши—бакалавры перебрались въ академію. Въ отношеніи къ себѣ самому не имѣю особеннаго чего нибудь сказать тебѣ. Прошу не медлить отвѣтомъ. У васъ, кажется, не проходитъ теперь ни одного дня безъ новостей. Пиши о всемъ; я все буду принимать съ радостію, а особенно касающееся тебя. О сестрѣ твоей я постараюсь узнать что нибудь по обстоятельнѣ. Прости,

¹⁾ Архим. *Моисей*—былъ назначенъ епископомъ старорусскимъ

²⁾ *Леракій Жуминскій*—до поступленія въ кіевскую академію въ 1823-мъ г. былъ учителемъ и префектомъ кишиневской семинаріи. Впослѣдствіи игуменъ *Антоній* инспекторъ кишиневской и калужской семинарій.

миленькой! Можетъ быть въ послѣдній разъ пишу тебѣ, свѣтскимъ будучи—прости! Твой доброжелатель Я. М...

Василію Гр. мой усердный поклонъ.

Кіевъ, 1824 г., генв. 23.

4.

Кіевъ, 1824 года, окт. 1 дня.

Любезнѣйшій другъ!

Я думалъ, что никогда уже не получу отъ тебя отвѣта на письмо, которое я послалъ къ тебѣ еще въ прошедшемъ году ¹⁾, думалъ, что ты не рѣшился продолжать знакомство съ тѣмъ, который, по чудному какому-то сцѣпленію обстоятельствъ, отказался дѣйствовать на театрѣ суетнаго міра; думалъ, что у меня нѣтъ уже такого человѣка, предъ которымъ-бы я могъ изливать чувства моей скорбной души, думалъ, и, къ стыду моей недовѣрчивости къ тебѣ, обманывался. Письмо твое, исполненное искреннихъ чувствованій, доказываетъ, что ты помнишь того, кого забылъ весь міръ, доказываетъ, что долговременное твое молчаніе зависѣло отъ обстоятельствъ, которыя, волнуя твою душу, не позволяли писать ко мнѣ. Благодарю Всеблагаго Бога, что Онъ для моего и вмѣстѣ для твоего щастія облегчилъ мучительную болѣзнь, которой ты, живя въ Кіевѣ, подвергся, и надѣюсь, что ты въ скоромъ времени совершенно оздоровѣешь, еслии не захочешь противиться премудрому врачу. Благодарю тебя, милой мой, за твою искренность. Не опасайся и впредь открывать мнѣ тайнъ твоего сердца. Я не изъ числа тѣхъ, которые малую погрѣшность ближняго подвергаютъ самому строгому суду, забывая о своихъ слабостяхъ. Чувство твоего сердца, чувство, которое родилось въ тебѣ въ Кіевѣ и которое столько причинило тебѣ безпокойства въ Кишиневѣ, виновно, но очень мало. Ибо законы, осуждающіе сіе чувство, не основаны на нашей природѣ, а слѣдовательно они не божественныя. Хитрая политика, на всякія жестокости рѣшающаяся, для корыстолюбивыхъ своихъ видовъ, постановила сія законы. И такъ ты, попустивъ въ сердцѣ своемъ родиться чувству противному законамъ, не основаннымъ на природѣ человѣческой, не виновенъ или, по крайней мѣрѣ, мало ви-

¹⁾ О. Иустинъ забылъ, что предъидущее письмо къ Василію было послано имъ отъ 23-го генваря того-же 1824-го года.

вовенъ вредъ своимъ разумомъ. Но, другъ мой, мы живемъ въ обществѣ, слѣдовательно должны повиноваться законамъ общества, и когда нарушаемъ законы, поставленные въ обществѣ, дѣлаемъ виновными предъ людьми. И такъ, признавая твое чувство невиннымъ, при всемъ томъ не могу не посовѣтовать тебѣ постараться всѣми возможными средствами истребить его. Истребивъ его, ты себѣ доставишь душевный миръ и немало не огорчишь С. Т.; ибо можно-ли огорчаться тѣмъ, что дѣлается по внушенію законовъ? При томъ я сомнѣваюсь, чтобы душа ея страдала тѣмъ-же, чѣмъ твоя страдаетъ. Люди, подвергнутые болѣзни, которою ты страдаешь, обыкновенно грезятъ и видятъ часто то, чего нѣтъ въ природѣ. Но полно тосковать *de lana caprina* ¹⁾. Не сердись на меня: сказавъ много ложнаго, я можетъ быть сказалъ что-нибудь и истинное.

Поговоривъ о твоёмъ состояніи, скажемъ что-нибудь о моемъ. Тотъ ужасный обѣтъ, который я далъ начальству еще въ іюнѣ прошедшаго года, исполненъ мною въ февралѣ настоящаго года. Горестно, признаюсь тебѣ, горестно мнѣ было оставлять миръ. Не могу тебѣ выразить, что происходило въ душѣ моей, когда пришелъ роковой указъ. Какой-то ужасъ тогда овладѣлъ мною, я весь трясся, не могъ ничѣмъ заниматься; бралъ-ли книгу, неро ли, онѣ выпадали изъ рукъ моихъ. Жестокіе мои товарищи вмѣсто того, чтобы пособить мнѣ въ семъ несчастномъ положеніи, шутили надо мною и тѣмъ увеличивали мое бѣдствіе. Желая прекратить свое несчастіе, я не рѣшился медлить перемѣною своего состоянія и, собравшись съ духомъ, облекся въ одежду плача и сѣтованія въ пятую 1-ю недѣлю поста. Вотъ уже 7-мѣ мѣсяцевъ, какъ я сижу въ темницѣ, произвольно мною избранной. Иногда выхожу изъ стѣнъ монастырскихъ; но сіе, признаюсь тебѣ, не во благо мнѣ служить. Возвратясь въ мрачную свою обитель, я всегда говорю самъ себѣ: „лучше-бы было, если-бы я пошелъ обыкновеннымъ путемъ“. Впрочемъ печальныя мои мысли вдругъ исчезаютъ при представленіи тѣхъ безпокойствъ, которыя соединены съ мірскою жизнію. Авось Богъ дастъ, я привыкну въ своей жизни и можетъ быть буду благодарить себя за то, что поступилъ такъ, а не иначе. Прошу писать ко мнѣ почаще. Письма твои будутъ служить услажденіемъ горестей моей уединенной жизни.

¹⁾ Буквально: о копей шерсти, т. е. о пустякахъ, безъ нужды.

Послушай новостей. Пресвящ. *Серапионъ* ¹⁾ прошедшаго мѣсяца въ 3-мъ часу по полудни переселился ко отцамъ своимъ. Смерть архипастыря была тихая. Въ день смерти велѣно было ударить 77 разъ въ колоколъ соборный въ соответствии лѣтамъ его жизни. На третій день тѣло покойника изъ дому перенесено было въ теплый соборъ при колокольномъ звопѣ, который непрерывно продолжался два часа при всѣхъ церквахъ. На четвертый день совершенно было погребеніе пр. *Евдокіемъ* съ викариемъ и со всѣмъ кievскимъ духовенствомъ. Одинъ изъ соборныхъ священниковъ почтилъ память своего пастыря надгробнымъ словомъ. Тѣло его положили въ склепѣ въ соборѣ.

Двѣ сестры, *Наталія* и *Марія Семяновскіе*, по особенной къ нимъ милости фортуны, въ одинъ и тотъ-же день сдѣлались супругами, первая—*Аверкія Пльича* ²⁾, а другая—*Акима Егоровича* ³⁾. Яковъ Ивановичъ *Кримицкій* избавилъ отъ долговременнаго дѣвства *Александру Петровну*, бывшую нашу общую патетельницу. *Платонъ Иваноричъ* ⁴⁾ скоро составитъ новое брачное торжество. Предметъ его любви есть *Марія Ивановна Синемка*. *Петръ Ѳеодор. Болословскій* и *Петръ Вас. Омшевскій* получили благословеніе архипастыря на бракъ съ дочерьми того смотрителя уманскаго, который во время вашего странствованія такъ хорошо угостилъ васъ. *Раиса Алекс.*, вождедѣнная супруга *Спиридона Васильевича*, наградила своего мужа дочерію. Непріятель ему сей подарокъ, но нечего дѣлать. *Ѳеодоръ Эммаускій* опять хочетъ вступить на поприще учености. Подалъ на дьякъ прошеніе въ академическое правленіе объ опредѣленіи его къ учительской должности при орловской семинаріи. Если униженное теперешнее его состояніе не перемѣнило его прекраснаго характера, то горе орловской семинаріи! Свѣтила, просвѣщавшія вашу страну, будучи подвигнуты съ мѣста своего, много потеряли своего блеску ⁵⁾. Перемѣна моего состоянія лишила меня возможности звать что-нибудь о твоей тетушкѣ и любезной сестрицѣ.

¹⁾ Митрополитъ кievскій—съ 1803 по 1822 г. По увольненіи на покой, дождался дни въ Кіевѣ.

²⁾ *Пушинова*, бакалавра академіи.

³⁾ *Орлова*, тоже бакалавра.

⁴⁾ *Ставровъ*, бакалавръ.

⁵⁾ Намекъ на вызовъ ректора кшнин. сем. арх. *Ирмеля* въ Спб. и на его тамъ отношенія, о чемъ писалъ *Блжгову* изъ Спб. и *Инокентій*, какъ знаютъ читатели.

Впрочемъ онѣ живы и здровы, ибо иногда ходятъ къ намъ на обѣдню. Ты напрасно препратилъ съ тетелиною переписку, — она почтетъ тебя неучтивымъ. О нашихъ удалыхъ головахъ грузинскихъ ни слуху, ни духу. Библиотекарю семинарскому дѣйстви-тельно жалованья 120 р. ¹⁾). Опыты сочиненій нашихъ товарищей постараюсь прислать. Прощай! Tuus ex animo Hieromonachus Ja-cobus-Justinus Michailow.

5.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Не безпокойся; я еще не по ту сторону Стикса. Жестокій врагъ челоуѣчества — смерть видно притупила свою косу. Хотя скука, терзающая мою душу, все дѣлаетъ для меня неприятнымъ, впрочемъ смерть все кажется ужасною. Ты спросишь, отъ чего я скучаю? Отъ того, что я живу въ одиночествѣ, а одиночество со скукою находится въ тѣсной связи. Быть заключену въ двухъ стѣнахъ, не звать, что такое общество, не имѣть челоуѣка, предъ которымъ бы я свободно могъ открыть свои чувства, и быть веселу — невозможно. Ты шутишь надо мною и, я почитаю тебя счастливымъ, ибо мнѣ кажется, что шутить можетъ только тотъ, кто доволенъ своею участью. Ты шутишь надъ моимъ молчаніемъ, но едва ли по праву; еще неизвѣстно, кто изъ насъ долѣе молчалъ. Впрочемъ избавь Богъ насъ отъ суда. Шутить надо мною, я буду доволенъ твоими шутками.

Любезнѣйшій! Тебѣ несносенъ Кишиневъ; ты хочешь оста-вить *проклятую* Бессарабію, но, къ прискорбію твоему и вмѣствъ моему, объявляю тебѣ, что хотѣніе твое несбыточно. При семи-наріи подольской нѣтъ празднаго мѣста. Хотя тотъ несчастный и достойный всякаго сожалѣнія профессоръ, который за нѣсколько предъ симъ покусился было на свою собственную жизнь, теперь къ большому своему несчастію лишился ума, а потому сдѣлался не способнымъ къ прохожденію училищной должности; впрочемъ архіерей подольскій ²⁾ успѣлъ уже найти преемника ему, по сло-вамъ его высокпреосвященства, *достойнаго*, именно родствен-ника своего, кандидата или магистра — право не знаю — москов-

¹⁾ Бѣлюговъ былъ бібліотекаремъ киевн. семинаріи.

²⁾ Архіеп. Ксенофонтъ Троепольскій.

ской академіи послѣдняго курса. Сей высокоученый мужъ такой, какіе обыкновенно выходятъ изъ московской академіи; не получивъ мѣста при окончаніи курса, прибѣгнулъ къ высокопреосвященнѣйшему своему родственнику, и нынѣ по личному ходатайству сего родственника, къ славѣ или безславію—я право не знаю—нашего округа, вступаетъ на кафедру профессорскую. Наши студенты, оканчивающіе курсъ, услышавъ о такой несправедливости, поскрежетали зубы своими и симъ кончилось все ихъ мщеніе. Ех omnibus his patet ¹⁾, что ты долженъ примириться съ своимъ Кишиневомъ и возлюбить ту страну, которую признаешь достойною проклятія.

Любезнѣйшій! Тебѣ несноснымъ кажется то, что вашу страну наводняетъ невѣжество и дурачество сильное; но, другъ! Гдѣ нѣтъ сего нещастія? Этотъ блять Божій всюду извѣстенъ. Будь философомъ, смотри на всѣ дурачества и смѣйся, разумѣется внутренно. Ибо открытый смѣхъ надъ дурачествомъ есть одна изъ причинъ нещастій человѣческихъ. Я много бы могъ написать тебѣ о семъ предметѣ, но частое подниманіе фолиантовъ такъ измучило мои персты, что они отказываются мнѣ служить. Студентовъ нашихъ постигъ внезапно судъ Божій или лучше чловѣчій. Между тѣмъ какъ они предавались сладостнымъ мечтамъ по случаю окончанія курса, страшный громъ разразился надъ ихъ главами. Между тѣмъ какъ рѣдкіе изъ нихъ заботились о приуготовленіи большихъ диссертаций, комиссія приказала: каждый студентъ академіи, желающій получить ученую степень, долженъ представить въ комиссію три или по крайней мѣрѣ два большихъ разсужденія на латинскомъ и російскомъ языкахъ. Можешь себѣ представить, въ какомъ теперь находятся положеніи тѣ, у которыхъ даже и по одному нѣтъ разсужденію. Унывіе теперь господствуетъ въ академіи. Слава Богу, что насъ не застигла сія буря! ²⁾...

Ревизоромъ въ академіи и семинаріи кievской будетъ викарій кievскій *Аванасій*. Въ прочія семинаріи не будутъ посылать ревизора.

¹⁾ Т. е. изъ всего этого явствуетъ...

²⁾ Это была одна изъ репрессалій, которой подвергся второй курсъ кievской академіи и соответствовавшей ему шестой курсъ слоб-ской. Интересно выяснитъ причины этого факта.

Экзаменъ начнется у насъ съ 15-го сего мѣсяца. Въ академіи нашей ничего не случилось достойнаго особеннаго замѣчанія, кромѣ того, что студентъ *Лукашевичъ*, въ всеобщему сожалѣнію, скончался 1-го мая отъ чахотки.

Прощай! Прощай-же! Твой усердный пріятель, пустынный среди города Михайловъ.

Василію Григорьевичу мой вѣжайшій поклонъ.

Кіевъ, 1825 г. іюня 7-го дня. *Помѣта*: „получено 13 іюня“.

6.

Любезнѣйшій мой

Александръ Ивановичъ!

Письмо твое отъ 17-го прошедшаго октября я получилъ. Ты укоряешь меня за долговременное молчаніе и—по праву: я виновенъ предъ тобою и такъ виновенъ, что излишнимъ почтаю оправдываться. Впрочемъ имѣю честь донести любезному моему магистру, что мое молчаніе происходило отъ врожденной мнѣ лѣности говорить, а не отъ забвенія о немъ, какъ онъ думаетъ, или (употребляю его слово) какъ онъ подозрѣваетъ. Увѣрю тебя, что я никогда не забуду того, который искренностію своею и усердіемъ много облегчалъ трудность студенческой моей жизни. Не страшись! я такъ тебя люблю, что ничто не изгладитъ изъ памяти моей любезное для меня имя *Александра*. Но приступимъ къ дѣлу. Ты подалъ прошеніе о переведеніи тебя въ другую семинарію; я это знаю. А правленіе представило о прошеніи твоёмъ въ комиссію—и это я знаю. Но комиссія уважить или нѣтъ твое прошеніе этого я не знаю, а потому не могу успокоить тебя. Спросишь, почему комиссія такъ долго не рѣшаетъ твоего дѣла? Потому, что судьба студентовъ нашихъ не рѣшена. Твое дѣло безъ сомнѣнія придетъ вмѣстѣ съ нашимъ. Мы и сами теперь не болѣе тебя спокойны, ибо судьба учителей тѣсно соединена съ судьбою учениковъ. Не понравился ученикъ, можетъ не понравиться и учитель. Дай Богъ, чтобы все кончилось хорошо. Горе намъ, естьли... но нажется не зачто¹⁾.

¹⁾ Да, потому что не понравились ученики, и еще по другому кое-чему пришлось и нѣкоторымъ учителямъ поплатиться. Именно, бакалавры академіи два брата *Ив. и К. Грузины* принуждены были оставить службу въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ... Такому-же остракизму подверглись и еще три магистра 1-го курса кievской академіи, въ томъ числѣ и *Бялюковъ*.

У насъ не безъ новостей. Академіи ректоръ ѣздилъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ ревизировать орловскую семинарію по предписанію комисіи. Случаеиъ къ сей ревизіи была неисправность тамошняго ректора, усмотрѣнная епархіальнымъ архіереемъ¹⁾. Комисіи упомянутаго ректора столько нашла виновнымъ, что, не дожидаясь донесенія ревизорскаго, лишила его и должности ректора и монастыря. На мѣсто его поступилъ инспекторъ спб. академіи²⁾, а на мѣсто сего послѣдняго нашъ пресловутый Иванъ Алексѣевичъ *Борисовъ*, что нынѣ Иннокентій. Вотъ шагнулъ! Пусть и далѣе шагаетъ. Другъ! Откуда сему премудрость и разумъ? Вѣдь онъ пилъ дѣвпровскую воду. Чудо! пившій дѣвпровскую воду вознесе пятау свою на... но Богъ съ нимъ! Наше дѣло, смотря на него, радоваться отъ всей души. Ректоръ воронежскій переведенъ въ Вятку; на мѣсто его поступилъ инспекторъ черниговскій, игуменъ *Филадельфъ*. На мѣсто сего—одинъ изъ студентовъ сиб. академіи. Ректоръ тульскій и волынскій перемѣщены. Любезнѣйшій нашъ товарищъ Григорій Федоровичъ *Базилевичъ*, по двухлѣтнемъ гоненіи со стороны своихъ недоброжелателей, скончался отъ кроваваго поносу. Не успѣлъ увидѣть родины своей. Все лучше-бы было, естли-бы кости его преданы были землѣ друзьями. Вѣчная ему память! Терпѣніе его при всѣхъ озлобленіяхъ не останется не награжденнымъ. Что касается до меня самого, то я живу въ покойныхъ комнатахъ, получаю хорошее жалованье, такъ что имѣю удовольствіе помогать бѣднымъ моимъ родителямъ; засѣдаю во внутреннемъ академическомъ правленіи, вся академическая бібліотека въ моей власти; но при всемъ этомъ я не доволенъ собою. Видно я не тамъ стою, гдѣ надобно-бы было мнѣ стоять. О естли бы я могъ увидѣться съ тобою! Ты успсковишь-бы меня.

О родственникахъ твоихъ кievскихъ я никакого не имѣю свѣдѣнія. Товарищи наши, поѣхавшіе въ Грузію, какъ будто въ воду упали. Товарищи наши кievскіе всѣ здоровы и кланяются вамъ. Болѣе некогда писать. Иду въ церковь. Прощай и помни предавшаго тебѣ Михайлова.

1825 г. Ноября 1 дня.

Кіевъ.

Василію Григорьевичу нижайшій поклонъ.

¹⁾ *Гаврииломъ Розановымъ.*

²⁾ *Гавриилъ Воскресенскій*, извѣстный авторъ „Исторіи философіи“.

7.

Любезнѣйшіе!

Александръ Ивановичъ

и

Василій Григорьевичъ! ¹⁾

Actum est de vestra prosperitate! decreto Coetus, dirigentis Scholas Ecclesiasticas Rossiaci imperii, excidistis degnitate professoria. Causas hujus vestri infertunii perspectas non habeo. Żuminsky et Puriszkewitz vobis substituti sunt. Idem in faustum fatum possi sunt nostri commilitones—Baccalaura Academiae J. et C. *Gruzini* et professor Orloviensis Seminarii *Philippof*. Valete, carissimi mei! Animi dolor impedit, quo minus alia nova enarrem.

Vester ex toto meo animo Jacobas-Justinus Michailoff.

Kijoviae, 1825 decembr. 30 die.

Переводъ.

Конецъ вашему благополучію! По опредѣленію комисіи духовныхъ училищъ Россійской имперіи вы лишены званія профессорскаго. Причинъ сего вашего несчастія ясно не знаю. Жуминскій и Пурішкевичъ назначены вмѣсто васъ. Ту же несчастную судьбу потерпѣли и товарищи наши бакалавры академіи И. и К. Грузины и профессоръ орловской семинаріи Филипповъ. Прощайте, любезнѣйшіе мои! Душевная скорбь препятствуетъ рассказывать другія повѣсти. Вашъ отъ всей моей души Яковъ-Іустинъ Михайловъ.

Кіевъ, 1825 г. декабря 30 дня.

8.

Кіевъ декабря 12-го, 1826 г.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

Я не справедливо поступилъ съ тобою, я обидѣлъ тебя. Въ этомъ увѣряетъ меня собственная совѣсть. Но что-же ты хочешь со мною сдѣлать? Ради Бога, для собственной своей пользы не вызывай меня на поединокъ. Ты знаешь, въ какое оружіе я об-

¹⁾ Въ этомъ письмѣ, написанномъ по латини, Іустинъ кратко излагаетъ судьбу, постигшую братьевъ Грузинскихъ, Блюмова, Левчановскаго и Филиппова, о чемъ мы говоримъ выше.

лачень? Что значить предъ моимъ мечемъ обоюду-тупымъ твои шпага? ¹⁾ Я въ одну минуту привяжу душу твою къ перевозу Харонову. Страхись, смертный, братися съ земнымъ ангеломъ! Лучше, другъ, забывъ все прежнее, помиримся. Вотъ тебѣ моя рука, дай свою.

Станемъ жить по прежнему. Я буду писать къ тебѣ, а ты исправно будешь отвѣчать на мое мараанье. Пусть отецъ вражды не радуется болѣе.

Учитель Никольскій точно исполнилъ твое порученіе. Когда онъ сказалъ мнѣ, что Алек. Ив. кланяется мнѣ и вмѣстѣ желаетъ, чтобы я писалъ къ нему, то я такъ смѣшался отъ стыда, что не могъ ничего сказать ему въ отвѣтъ. Выходецъ кишиневскій на-сказалъ намъ много чудеснаго о правленіи киш. сем.; мы до сѣта насмѣялись и все тѣмъ кончилось. Благодарю небо, исхитившее тебя изъ чрева адова! Горько тебѣ было оставлять мѣсто, на которое ты полное имѣлъ право; но, я надѣюсь, ты въ непродолжительномъ времени благословишь жестокую руку, извлекающую тебя изъ мирного крова и заставившую претерпѣть много неприятнаго. Какой-то неизвѣстный для меня гласъ всегда, какъ только я думаю о тебѣ, шепчетъ мнѣ, что судьба такъ высоко вознесетъ тебя, что мы смиренные рабы не въ состояніи будемъ зрѣть тебя, любезнѣйшій! ты началъ было описывать свои горести и радости со времени твоего увольненія изъ семинаріи; прошу покорно продолжать, если можно, начатое; мнѣ пріятно будетъ съ тобою стоять, просить и не получать. Говорю: *пріятно*, ибо такимъ образомъ получше познакомлюсь съ человѣчествомъ, которое всегда почти прикрываетъ безобразіе свое маскою, сдѣланною со всевозможнымъ искусствомъ. Но въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ ты находишься, является въ естественномъ своемъ видѣ.

Послушай нашихъ новостей! Преосвящ. викарій кіевскій ²⁾ сдѣланъ епископомъ нижегородской епархіи. На мѣсто его поступилъ нашъ ректоръ А. *Мелетій*, который уже и посвященъ. Посвященіе происходило 22-го прошедшаго ноября въ большомъ кафедральномъ соборѣ при многочисленномъ стеченіи любопытныхъ. Новый епископъ въ тотъ-же день угощалъ обѣдненнымъ столомъ преосвященныхъ *Лаврентія*, архіеп. черниговскаго, и *Аванасія*,

¹⁾ Бѣлюговъ уже поступилъ въ это время на гражданскую службу. Истинно цѣлый годъ не писалъ къ нему, и вотъ теперь извинился.

²⁾ *Аванасій*.

епископа нижегородскаго, совершавшихъ посвященіе, — первостепенныхъ членовъ; знатѣйшее духовенство, почетныхъ гражданъ и наконецъ всю учуючю челядь какъ академическую, такъ и семинарскую. Вставши изъ-за стола, всѣ гости единодушно модали, чтобы чаще въ Кіевѣ посвящали архіереевъ, а это служить несомнѣннымъ признакомъ, что столъ былъ изрядный. Чтобы служба не гнѣвалась на древо, гнѣвіе академическіе и семинарскіе концерты и кантаты старались тащить его. Въ первое по освященіи воскресеніе преосвященнаго ректоръ служилъ въ братской церкви. Не смотря на худую погоду, собраніе людей было большое. После сего ты спросишь: кто же теперь у васъ ректоръ? или кто будетъ? Это еще останется тайною. Правда, во всемъ городѣ говорятъ, что о. Кариль, ректоръ семинаріи, удостоится сей чести; но поелику не известно, на чемъ основывается сія всеобщая молва, то я полное нѣтъ право говорить, что не известно еще, кто будетъ ректоромъ. Время покажетъ.

Изъ Сп-бурга пишутъ, что о. Кариль держалъ экзаменъ на магистра и выдержалъ. Къ празднику новый магистръ возвратится въ Кіевъ, ибо уже въ министерствѣ получены указы о его возвращеніи. Если въ самомъ дѣлѣ о. Кариль будетъ ректоромъ академіи, кажется вамъ будетъ съ нимъ хорошо.

А. Д. Граниковъ¹⁾ въ прошедшемъ сентябрѣ оженился. И вотъ какинъ образомъ: на ваканцію онъ побѣгалъ на Волынѣ къ *Феофилу Новицкому* съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы съ помощію его найти тамъ себѣ невесту. Приѣхавши съ Новицкимъ къ преосв. *Стефану*, онъ встрѣчается съ его родственницею, дѣвушкою, дочерью того *Кіанова*, который былъ городничимъ въ Новомгородѣ Волынскомъ и который, по смерти первой своей супруги, женился на сестрѣ архіерея, вдовѣ протоіерейской. Проживши нѣсколько дней съ нею вмѣстѣ, А. Демьяновичъ *amore ejus caritus*²⁾, и—дѣло сдѣлано. Александра Николаевна Кіанова дѣлается супругою г-на бакалавра. Каково? Не романтическая ли женитьба? Впрочемъ Андрей Демьяновичъ не рассказывалъ, что такъ поспѣшно наложилъ на себя оковы брачныя. Представь себѣ женщину дородную, красивую, образованную и при томъ еще добрую. Вотъ тебѣ изображеніе жены Андрея Демьяновича! Но ты скажешь: не всѣ изчислены

¹⁾ Бакалавръ житейскаго академіи, товарищъ *Густина* и *Блажова*.

²⁾ Т. е. женился ея любовью.

совершенства — ни слова о богатствѣ. О томъ совершенствѣ, котораго многие уважаютъ болѣе всего, не могу ничего сказать по причинѣ свирости Андрея Демьяновича въ отношеніи къ самому предмету.

Плагонъ И. *Старость* (prosecavit filiam²⁾), которой данъ знаменательное имя *Надежды*.

Мих. Пв. *Доросевичъ*³⁾ положилъ въ умѣ своемъ твердое намѣреніе жениться на дочери гузда (бывшаго) Бунрикова, Елисаветѣ, которая въ то время, когда мы учились, была дѣтя, но теперь уже невѣста — дѣвушка хорошая; жалъ только, что бѣдна. Послѣ Пасхи положено быть свадьбѣ.

Что-же я ничего не скажу о себѣ? Внѣшнее мое состояніе очень хорошо; жалованье получаю очень достаточно, а должности не такъ тягостны. Но жалъ, что внутренность не соответствуетъ внѣшности. Скука безпрестанно мучитъ мое сердце и мученіе сіе иногда доходитъ до такой степени, что я не радъ бываю самому себѣ. Вотъ что значитъ монашество! Я счастливъ былъ-бы, если бы ты былъ со мною. Но теперь я безъ друга, да безъ друга мила и жизнь намъ постыла, сказать нѣбѣтъ. Прощай! милый мой. Прощай! Пиши ко мнѣ. Я вѣрно буду отвѣчать.

Nobilissime domino, domino Basilio Greg. salacem tum naturalem, quae consistit in legitima circulatione sanguinis, tum spiritualem, ad quam requiritur regularis circulatio gratiae divinae, devotissime dicit I. M. Th.³⁾

9.

Кіевъ, 1827 года, апрѣля 17 дни.

Во истину Христосъ Воскресе!

Милый другъ Александръ Ивановичъ!

Приятное для меня письмо твое отъ 5-го апрѣля я получилъ. Благодарю тебя за оное; оно принесло мнѣ немалое удовольствіе

¹⁾ Т. е. родилъ дочь.

²⁾ Товарищъ, служившій учителемъ въ кіевской семинаріи.

³⁾ Т. е. „Благороднѣйшему господамъ, Василію Григорьевичу (Левчановскому) здоровья, какъ тѣлеснаго, состоящаго въ правильной циркуляціи крови, такъ и душевнаго, для котораго требуется правильная циркуляція благодати Божіей, — преданнѣйше желаетъ Густинъ, магистръ богословія“.

и умеренно нѣсколько грусть, которая тяготитъ душу мою съ того времени, какъ нашу академію постигло ужасное или, по крайней мѣрѣ, довольно-важное несчастіе. Ты уже знаешь, что я съ давняго времени ощущалъ въ себѣ какое-то безпокойство. Это было предвѣстникъ будущей моей горести, но я не понималъ его. Ты уже можешь быть свидѣтель, что вся академическая наша и семинарская сумма украдена. Надѣясь, что доброе твое сердце не откажется поспѣшить съ нами, расскажу тебѣ подробно о семъ непріятномъ происшествіи. На пятой недѣлѣ поста въ четвертокъ мы побѣжали на экзаменъ въ уѣздное училище. Въ 11-мъ часу эконо-номъ академіи, вызвавши ректора, въ слезахъ доноситъ ему, что сумма покрадена. Оставивши экзаменъ, мы немедленно отправля-емся къ казначанилицу и, въ величайшей горести, не находимъ въ немъ сундуковъ съ деньгами; замки сняты и тутже брошены. Зная, что сундукъ академическій желѣзный и очень тяжелъ, на-дѣрное положили, что онъ не долженъ быть вынесенъ за монастырь, и не ошиблись. Служителя немедленно нашли его разломан-нымъ, вмѣстѣ съ семинарскимъ, въ пустомъ погребѣ подъ новымъ корпусомъ, на юго-западной сторонѣ. Осмотрѣвъ ихъ вмѣстѣ съ долговѣйшей сторожъ; сюда прибывшамъ, не нашли въ нихъ нѣтъ 60000 тысячъ ни одного рубля. Спросили: былъ ли при казначанилицѣ сторожъ? Такъ, былъ; и онъ-то погубилъ насъ. Полиція послѣ допроса всѣмъ живущимъ въ академіи, одѣлала свои распоряженія къ открытію похитителей. Къ вечеру того же самаго дня являетесь къ доктору частный приставъ Марковский и доноситъ, что два вора схвачены и при нихъ найдена часть денегъ—16 ты-сячь. Эта вѣсть нѣсколько успокоила мучившійся нашъ духъ. Пой-манныя воры (гарнизонные солдаты) при допросѣ показали, что они крали вмѣстѣ съ самымъ сторожемъ. Григорій Ивановъ (такъ называется сторожъ), говорили они, познакомившійся съ нами, обя-завъ намъ свое намѣреніе и пригласилъ насъ помочь ему; мы согласились; онъ въ сумерки, введя насъ къ академію задними воротами, что при банѣ, посадилъ насъ въ погребъ; по полуночи, осмотрѣвши всю академію, и видя, что всѣ улеглись спать, от-перъ подобранными ключами казначанилице и вынесъ къ намъ сундукъ семинарскій. Разбивъ его, мы нашли въ немъ 16 тысячъ и хотѣли съмъ удовольствоваться, но онъ сказалъ, что мало, и что все равно отвѣчать. Обещавъ немного, мы пошли всѣ трое за другимъ сундукомъ и съ большимъ трудомъ вынесли его и также разломали. Давъ намъ одну пачку, всѣ прочія деньги забралъ себѣ.

Прощаясь съ нами, онъ сказалъ, что поѣдетъ или въ Москву, или Петербургъ⁴. На другой день по всѣмъ дорогамъ были посланы люди въ погоню, но всѣ возвратились, не открывъ никакихъ слѣдовъ похитителя. Поплакавъ и погоревавъ, написали представле- ніе въ комисію духовныхъ училищъ. Что будетъ съ нами, не знаемъ; но знаемъ, что при нынѣшнемъ строгомъ Государь не избѣгнемъ наказанія. Когда пишу тебѣ сіе, рука трясется. Дай Богъ, чтобы сіе трясеніе не было предвѣстникомъ. Вотъ что, мой милый, значитъ быть членомъ правленія! Если бы я былъ част- нымъ человекомъ, я былъ-бы покоенъ. Когда придетъ дѣло, я немедленно увѣдомлю тебя, если только не лишатъ меня свободы. Полагаясь на заступленіе нашего архипастыря, надѣюсь, что въ наказаніи не поступятъ съ нами, какъ съ преступниками; но на- дежда не одного обманула. Я скорбѣю, другъ, о твоемъ несчастіи, поскорби и ты о моемъ...

О. ректоръ нашъ благополучно къ намъ прибылъ. Обходится съ нами такъ хорошо, что не можемъ имъ не хвалиться. Упомя- нутое несчастіе сильно на него подѣйствовало.

Сожалѣю, что ты иногда бываешь не веселъ, но помощи въ семъ случаѣ подать тебѣ не могу, ибо я и самъ тѣмъ-же страдаю. Изъ Грузіи получена вѣсть неприятная. Г. *Ө. Химбишова*, изъ любви къ отечеству съ геройскимъ духомъ оставившій родину, знакомыхъ и милыхъ сердцу, по недовѣдомымъ судьбамъ лишенъ громкихъ титлъ ректора и кандидата и отосланъ въ гражданское вѣдомство для присканія рода жизни. Причиною такого ужаснаго паденія, *имать* бумага, была буйная неповорость начальству. *Стеценковъ* здравствуетъ и твердо стоитъ на высотѣ своего величія. О Протопоповѣ разнесся слухъ, что умеръ. Пожаляйте о добромъ товарищѣ нашемъ А. М. *Делявскомъ*; онъ бѣдный оглохъ и не можетъ далѣе продолжать службы. Куда ему дѣться? Ни къ чему не способенъ. Прочіе товарищи здоровы и кланяются тебѣ. Прощай! Больная рука отказывается больше писать. Василію Григорьевичу мое почтеніе. Когда будешь писать ко мнѣ, скажи, гдѣ Василій Григорьевичъ служитъ и въ какомъ чинѣ? Этого желаютъ всѣ товарищи. *Iustin, vice-inspector.*

Въ Кіевѣ назначенъ военнымъ губернаторомъ *Желмухинъ* и скоро врѣдетъ. Лакерда купецъ скончался. Отпущена сумма на постройку семинаріи кіевской въ Петро-Павловскомъ монастырѣ. Греки переведены къ катерининской церкви. Бѣда теперь мона- хинямъ; семинаристы будутъ искушать ихъ больше діавола...

10.

Любезный другъ,

Александръ Ивановичъ!

Путешествіе ваше отъ Дубоссаръ до Кишинева ничѣмъ не хуже путешествій такъ называемыхъ романтическихъ. Мы въ семь случаевъ не можемъ похвалиться. Съ нами не послѣдовало никакихъ приключеній. Отъ столпа, свидѣтели нашихъ прощаній¹⁾, до г. Балты проѣхали мы на почтовыхъ, а отсель до Кіева на долгихъ. Въ городѣ Умань мы пробыли два дни. О. протоіерей, тамошній смотритель, принялъ насъ съ отменною ласковостію; не смотря на тучность свою, онъ съ охотою рѣшился среди зноя солнечнаго проводить насъ въ пресловутую *Софіевку*; по его прошенію показаны намъ были всѣ чудеса природы и искусства. Ты, другъ, помнитса, самъ былъ въ Софіевѣ, а потому не нужнымъ считаю описывать ее. Я монахъ, но, слава Богу, не совершенно еще лишился чувства эстетическаго, а потому, осматривая Софіевку, такое чувствовалъ удовольствіе, которое заставляло меня забывать, что я отказывался отъ міра. Въ саду чрезвычайное было собраніе. Мое странное одѣяніе обращало на меня всеобщее вниманіе, а сіе самое чрезвычайно для меня было конфузно. На тѣ существа, которыя въ модномъ мірѣ, особенно въ лѣстивыхъ сочиненіицахъ пѣтическихъ, называются разными прелестными именами, я не осмѣливался смотрѣть изъ опасенія... показаться не сиромнымъ. Въ саду много дорогихъ статуй. Взглянувъ на одну изъ нихъ, я невольнымъ образомъ покраснѣлъ. Другіе съ вниманіемъ разсматривали сія статуи. Особенно удивительнымъ мнѣ показалось, что даже дѣвѣцы, и притомъ, какъ казалось, не изъ низшаго класса, пристально и долго приносили въ жертву богаямъ—тиравкѣ сердцеъ человѣческихъ свое вниманіе. Статуи, представляющія задумчивыхъ философовъ, возбудили во мнѣ мысль, что люди всѣ вообще болѣе или менѣе рождаются способными къ радостямъ и удовольствіямъ жизни, и что суровость нрава, хладнобровность ко всему, соединенная съ нѣкотораго рода ненавистію къ роду человѣческому, зависитъ отъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ. Богъ есть источникъ

¹⁾ Густинъ ѣздилъ лѣтомъ этого года въ Кишиневъ, въ качествѣ ревизора кишиневской д. семинаріи, и лично видѣлся съ Бѣлюговымъ. Бѣлюговъ провожалъ его за Дубоссары.

радости и все творить для радости. Сами люди, по безумію своему, лишаютъ себя радости. Удовольствіе, которое я ощущалъ при разсмотрѣніи Соѣевки, было не продолжительно. Вспомнивъ, что я *Angelus in corpore*, или проще *mus*, я паки покрылся мракомъ задумчивости. Непрестанно представляется мнѣ *claustrum cum omnibus suis voluptatibus*¹⁾, и это мучитъ меня.

Милый мой другъ! ты говорилъ, что, по ученію Шада, скоро сдѣлаешься полнымъ человекомъ. 8-е число прошлаго сентября назначалось тобою для совершенія сего непостижимаго таинства природы. Сердце мнѣ говоритъ—и я ему вѣрю—сердце мое говоритъ, что другъ мой обладаетъ уже существомъ милымъ, добрымъ, скромнымъ, умнымъ и—блаженствуетъ. О, если бы я былъ въ состояніи перенестись въ Кишиневъ! Я бросился бы въ твои объятія, борода не попрепятствовала-бы мнѣ облобызать тебя, я излилъ бы предъ мною четою чувства моей любви и усердія. Но... человекъ безъ крыльевъ!... За то имѣетъ воображеніе. Я въ воображеніи раздѣляю съ вами время. Вы не видите моего образа, это хорошо; ибо иначе я во многихъ случаяхъ служилъ бы вамъ препятствіемъ...

10-го сентября совершилось у насъ бракосочетаніе товарища нашего бакалавра *Шокотова*, того именно, который помѣшанъ былъ на монашествѣ. Въ подругу себѣ онъ избралъ Марину Михайлову, дочь соборнаго священника Кучеровскаго²⁾...

Платки получили, но не чрезъ Паславскаго, а чрезъ одного купца. Благодаримъ васъ за ваши хлопоты.

Василій Яковлевичъ³⁾ иланяется вамъ. Поклонитесь отъ меня и отъ Василя Яковлевича любезнѣйшему Василю Григорьевичу и всѣмъ кишиневскимъ. Прощай! Иду въ церковь помолиться о вашемъ здоровьи и благополучіи. Душевно преданный тебѣ I.

Октября 2 дня
1827 года.

¹⁾ Т. е. монашеская калія со всѣми ея удовольствіями.

²⁾ Этотъ *Шокотовъ* впоследствии такъ поступилъ въ монашество подъ именемъ *Антонія*. Умеръ въ 1872 г. архіепископомъ кишиневскимъ; два товарища академическіе *Шокотовъ* и *Валюговъ* на старости сошлись въ Кишиневѣ, и оба здѣсь умерли.

³⁾ Орловъ.

II.

Любезнѣйшій другъ!

Александръ Ивановичъ!

По опредѣленію судьбы досталось тебѣ обладать Вѣрою. Съ вѣрою нѣкогда люди чудеса творили, все дѣлали, что хотѣли; я надѣюсь, что и ты будешь великимъ чудотворцемъ—такъ! точно будешь—попытайся; можетъ быть способность къ чудотворенію въ тебѣ сохранила. Именемъ всемогущей Вѣры повели вѣтромъ на невѣстственныхъ своихъ хребтахъ перенести меня въ Бессарабію, дабы я могъ зрѣть лицомъ къ лицу два существа, столь милыя моему сердцу. Поведи, говорю; но, горе! видно прошли вѣки чудотвореній; видно не видать мнѣ чувственными глазами милой твоей подружки. Ахъ, человекъ—царь міра! какъ ты ничтоженъ! Радуюсь, что развѣжившаяся твоя десница опять пришла въ состояніе дѣйствовать перомъ. А я думалъ, что ты, пустившись плавать по океану удовольствій, навсегда забудешь того, который, боясь причудъ влажной стихіи, рѣшился, хотя вопреки влеченію собственнаго сердца, остаться на твердой землѣ. Отъ души радуюсь, что ты избралъ себѣ такую подружку, которая исполнѣ тебѣ нравится. Съ такимъ другомъ нельзя не быть блаженнымъ. Блаженствуй же, милый! А я буду молить небо, да явитъ надъ тобою чудо свое, да не попуститъ горести никогда возмутить радости твоего сердца.

Другъ мой! Для чего ты не писалъ мнѣ, какъ Вѣра называется по отечеству? Ты въ бытность мою въ Кишиневѣ называлъ ее по имени и по отечеству. Но память мнѣ измѣнила.

Отецъ Евгенийъ, тотъ самый, который училъ насъ премудрости исторической¹⁾, чудеса творить въ орловской семинаріи, или лучше—сотворилъ уже. Вотъ въ чемъ дѣло. 23 сентября о. Евгенийъ, инспекторъ семинаріи, является къ начальнику жандармовъ, къ гражданскому губернатору, къ архіерею и требуетъ, чтобы они явились въ семинарское правленіе для выслушанія отъ него важнаго дѣла. На другой день пріѣзжаютъ въ семинарію архіерей, полицмейстеръ и частный приставъ. Когда сія лица вмѣстѣ съ членами семинар. правленія собрались въ правленіе, Евгенийъ

¹⁾ Т. е. бывший бакалавръ исторіи въ кievской д. академіи, іером. *Евгеній Соколовъ*.

подалъ *объявленіе*, въ которомъ, отъазываясь до времени отъ всѣхъ должностей, просить доставить ему средство объясниться частію предъ комиссіею духовныхъ училищъ, частію предъ самимъ Императоромъ въ важныхъ предметахъ, одному ему извѣстныхъ. Академ. правленіе о такомъ странномъ поступкѣ Евгенія представило комисіи. Отвѣта доселѣ нѣтъ.

Бѣдные наши студенты, окончившіе курсъ, доселѣ мучатся ожиданіемъ рѣшенія своей участи. Мучительно столь долгое время жить въ празности! Щастливы мы, что избавились сихъ мытарствъ. Съ участіемъ студентовъ соединена и наша участь. Его высокопреосвященство былъ у насъ ревизоромъ; часемъ, по его представленію, что нибудь получить.

О себѣ новаго сказать тебѣ ничего не могу. Читаю книги, хожу въ классъ, въ бібліотеку, къ студентамъ, въ свободное время предаюся печальнымъ мыслямъ: вотъ въ чемъ протекаетъ одинокая моя жизнь.

Мы наслаждаемся прекрасною зимою, въ полномъ смыслѣ прекрасною; у васъ вѣроятно нѣтъ зимы?

Прощай! *Devotissimè tibi I.*

Ноября 20 дня 1827 г.

Приложеніе къ 11-му письму.

Милостивая моя государыня!

Въ ра...

Съ душевнымъ удовольствіемъ читалъ я ваши строки. Радостно для меня было слышать привѣтствіе, исполненное искреннихъ чувствъ благорасположенности отъ такого лица, которое лично мнѣ неизвѣстно. Жалѣю, что я, будучи въ Кишиневѣ, не имѣлъ удовольствія быть самовидцемъ совершенствъ, украшающихъ вашу душу и тѣло. Правда, Александръ Ивановичъ живо мнѣ васъ изобразилъ, но списокъ все хуже оригинала.

Чувства вашей ко мнѣ благорасположенности налагаютъ на меня пріятную обязанность желать, чтобы щастіе, обвивающее васъ нынѣ своими крылами, никогда отъ васъ не отлетало, но избрало въ вашемъ домѣ постоянное себѣ обиталище.

Вашъ покорный слуга I. I.

P. S. Извините, что я не знаю вашего отечества. Александръ Ивановичъ сему причину—на него гнѣвайтесь.

Кіевъ, ноября 20 дня, 1827 г.

Дополненіе „Разговора Великороссіи съ Малороссіей“.

Въ февральской книжкѣ „Кіевской Старины“ помѣщенъ былъ „Разговоръ Великороссіи съ Малороссіей“ по тремъ спискамъ, которые, однако же, не заключали въ себѣ всего текста „Разговора“. Не было выходнаго листка и конца „Разговора“, равно какъ и въ срединѣ его не доставало нѣсколькихъ листовъ. На основаніи содержанія „Разговора“, мы отнесли его къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II и авторомъ его считали чловека образованнаго, можетъ быть, принадлежавшаго въ войсковой старшинѣ. Теперь мы имѣемъ возможность частію подтвердить наши выводы, частію дополнить и исправить ихъ. По напечатаніи помянутаго „Разговора“, мы получили два полные списка его, изъ коихъ одинъ сдѣланъ въ Медведовѣ (?) 13 ноября 1788 г. и сообщенъ намъ г-жею Литвиновою, а другой—письма нынѣшняго вѣка, принадлежащій А. М. Лазаревскому. Въ списокъ г. Лазаревскаго, болѣе исправномъ, сохранился весь текстъ „Разговора“, съ выходнымъ листомъ и окончаніемъ и безъ пропусковъ въ срединѣ. На первомъ листѣ этаго списка значится слѣдующее: „сочинилъ въ честь, славу и защищеніе всей Малороссіи генеральной войсковой канцеляріи пере. . Семень Дѣвовичъ. 1762 года. Въ Глуховѣ“. Вѣроятно, Дѣвовичъ или Дивовичъ былъ переводчикомъ генеральной войсковой канцеляріи, и, во всякомъ случаѣ, былъ чловекомъ образованнымъ. Составленіе „Разговора“ однимъ изъ чиновниковъ генеральной войсковой канцеляріи придаетъ этому произведенію еще большее значеніе, какъ выразителю мнѣній и взглядовъ интеллигентныхъ и начальныхъ людей Малороссіи того времени. Приведемъ недостававшіе отрывки „Разговора“ по списку А. М. Лазаревскаго, удерживая правописаніе списка г-жи Литвиновой, какъ болѣе древнее. Первый отрывокъ составляетъ одно изъ существенныхъ мѣстъ „Разговора“ и касается жгучаго когда-то вопроса о соот-

вѣтствіи между новозаведенными на иностранный манеръ чинами великороссійскими и старыми чинами малороссійскими. Это живая и крайне интересная историческая картина не только правовъ и понятій того времени, но и взаимныхъ отношеній двухъ половинъ Россіи, подлежавшихъ сліянію въ одно цѣлое.

Доказывая, что Малороссія подчинилась не Великороссіи, а одному общему ихъ государю, и что малороссійскіе чины равны съ соотвѣтствующими великороссійскими, не смотря на разность названій ихъ (Кіев. Старина, февраль, 1832 г., стр. 313—4), Малороссія продолжаетъ:

Обоими умою всѣ государства пространно,
 Во всякомъ почти найдешь различіе въ чинахъ,
 Кое въ однихъ состоитъ названій іменахъ;
 А найпаче во всей Азіи то бываетъ,
 Котора свои имѣеть, нашихъ не знаетъ;
 Однакожь сравниваются между собой всѣ тѣ.
 Что жъ мѣшаетъ взглядомъ тебя имѣть тоещъ и мнѣ?
 Посему бы ты визиря капитаномъ почла,
 Потому что Турція сіе имя дала;
 Кіага сѣлъ бы у тебя ниже сержанта,
 Папу промѣняла бы за комедіанта (*вар.* коменданта),
 Муфтая почла бь дядькомъ, а сотника соцкимъ,
 Писаря моихъ полковъ сверстала бь съ своимъ.
 Нѣтъ, нѣтъ, дружокъ! не изволь (такъ) думать про меня!
 Я почтена отъ Государя, не отъ тебя.
 Онъ меня въ покровительство принялъ какъ свое,
 То все оставилъ при мнѣ, что только есть мое;
 Привилегій польской короны не отмѣнилъ
 И чины мнѣ прежде тамъ данныя подтвердилъ.
 А чтобъ лучше вѣдать ты могла мои службы,
 Привода обѣихъ насъ въ неразрывны дружбы,
 Россійскіи Государи чины прибавляли
 И свои къ прежнимъ моимъ за вѣрность давали,
 Въ чемъ, думаю, и спорить не станешь ты со мной,
 Ибо многихъ такихъ во мнѣ видишь предъ тобой.
 Чтожь? Скажешь: для того дали російской чинъ,
 Что его не имѣлъ прежде зъ моихъ ни одинъ?

Куда какая ненависть несправедлива,
 Стоит осьмого греческихъ мудрецовъ дива!
 Что всякъ царь и король хранилъ и еще хранить,
 Въ томъ дерзкая компанія твоя (одна) шумить.
 Ибо, бывая въ оной, мятежъ произведишь,
 За однѣ токмо мѣста всѣхъ въ ссорѣ приводишь.
 Каптенармусъ будучи, не (у) вступиши обознымъ,
 Толкнешь старшинъ тѣхъ полевыхъ по мѣстамъ
 рознымъ,
 Ефрейторомъ посядешь судью полевого,
 Радъ спорить съ нимъ, хотя отъ него отстоишь много.
 А когда уже въ аудиторской рангъ попадишь,
 То и къ генеральнымъ старшинамъ драться начнешь.
 Самы святые мѣста терпятъ твою норму:
 Ты, вобравшись въ церковь, прешься въ первую
 форму ¹⁾,
 Не смотришь, кто бь тамъ (же) изъ моихъ не стоялъ.
 Для майора весь мой малороссійскій свѣтъ (вар.
 чинъ) малъ.
 Спишишь на проломъ къ священнику по антідоръ,
 Толкаешь, кричишь: дайте чиновнику просторъ!
 Боишься, чтобъ кто зъ моихъ тебя не упредилъ.
 Но большъ бойся, чтобъ священника зъ ногъ не
 свалилъ.
 А мои старшины учтивость наблюдаютъ,
 Сію неумѣренность смѣхомъ провождаютъ.
 Случилось мнѣ самому въ церквѣ видѣть разъ,
 Какъ одинъ капитанъ побѣжалъ (тамъ), подбилъ глазъ;
 Ибо зацѣпився палъ и носъ окровавивъ,
 Такимъ образомъ и антідоръ братъ оставивъ,
 Вдарился скоро зъ церкви съ глазомъ подбитымъ,
 Хотѣлъ всѣхъ упредить, отскочилъ съ носомъ раз-
 битымъ.

¹⁾ Формами назывались особые мѣста для стоянія въ церкви. Это родъ стоячихъ деревянныхъ ящиковъ, открытыхъ спереди, съ опускающеюся по срединѣ для сидѣнія доскою.

Безглазымъ и безносымъ долго того звали,
 И за то, что бѣдной пострадалъ, всѣ вступали;
 Ибо послѣ того, какъ (было) въ церковь придеть,
 Оставивъ всѣ ему формы, всякъ изъ оныхъ выдетъ.
 А по антидоръ (однакъ) боялся ужъ ходити,
 Бунчуковымъ товарищамъ вздумалъ въ семь всту-
 пити.

Но и тутъ пави постигло несчастіе его;
 Ибо ввалившись въ форму свыше збору всего,
 Зацепился (только) за гвоздь шпажнымъ притупеємъ,
 Совался, бился ногами, наклонясь съ тупеємъ,
 Не могъ оторваться; такъ горячести знавъ давъ,
 Потащилъ за собою вонъ формы цѣлой составъ.
 Алчно смотрѣли люди на шедшаго съ кругомъ:
 „Таку тяжесть,—говорили,—должно везть цугомъ“.
 О всѣхъ твоихъ презрѣніяхъ я (бѣ) не (по)тужила,
 Если-бъ правда въ тѣмъ вела, не нахальна сила.
 Ты (сама) собой меня всегда обиждаешь,
 Государямъ неизвѣстно,—какъ поступаешь.
 И большіе генералы твои меня чтуть,
 Сравнивая своихъ съ моими мѣсто дають.
 Знаешь-ли, что было предъ симъ за 13-ть лѣтъ,
 Какъ государствовала кротка Елисаветъ?
 Съ кѣмъ сравнивали (а) малороссійскихъ депутатовъ?
 Не съ генералами-ль велѣно было сверстать?
 Въ которомъ числѣ былъ тамъ депутатъ начальный
 Ханенко, бывший мой хоружій генералный ¹⁾.
 Смотри, что (и) иностранной народъ французы,
 Съ монархиней нашей имѣющій союзы,
 Публикуютъ про генеральныхъ старшинъ моихъ.
 Они съ ними равняютъ генераловъ твоихъ,
 Генералного жъ писаря такъ представляютъ,
 Что великимъ канцлеромъ моимъ называютъ.
 (Но) по крайней мѣрѣ бригадирами (ихъ) почтемъ.

¹⁾ 1749 г. въ С.-Петербургѣ. Примѣч. автора.

И тутъ видишь, что не безъ знатныхъ ранговъ слы-
вемъ.

Еще-ль чины мои тебѣ кажутся странны,
Вотъ имѣнешь отъ меня видъ сходства пространній.
Вспомни бояръ и между прочими же стрѣльцовъ!
Вспомни бояръ между пробывшихъ думныхъ дьяковъ!
Всѣ тѣ и по нынѣ въ пространствахъ твоихъ живутъ,
То жъ, какъ прежде, достоинство и должность не-
сутъ,

Но названны вѣновь нарѣчимъ только другимъ,
Переименованы именемъ ужъ инымъ,
Такъ что канцлерами начали называться,
Дворянами и лейбъ-гвардіею считаться.
Петръ первый, обошедъ разныя земли, царства,
При учрежденіи своего государства
Много въ государствахъ съ пользою узавенилъ,
А при томъ и часть чиновъ въ именахъ отмѣнилъ.
Да и прежде (того) видны такіе жъ примѣры,
Что инако звались, а были въ ровной мѣрѣ.
Зачѣмъ много говорить? Сама видишь, знаешь,—
Ассесора съ маіоромъ не одно ль считаешь?
Хотя сей въ воинскихъ, а тотъ въ гражданскихъ дѣлахъ,
Однакъ не равны ль тѣ между собою въ чинахъ?
Много больше про меня думай, взглядомъ оныхъ;
Ибо я остаюсь въ прежнихъ чинахъ коронныхъ,
Кои въ именахъ (съ твоими) весьма разнятся,
А въ сравненіи не могутъ собой остаться.

Великорос. Ну, полно уже меня приводить въ азарты!

Не будь вспыльчива, иное принимай въ жарты!
Я только спросила о поддачѣ мнѣ твоей,
Зачемъ отнимаешь окую отъ меня всей;
А ты ужъ и много обличать меня стала.
Брось пороки считать, что во мнѣ примѣчала!
Признаю, что не я собой тебѣ властитель,
Но самодержецъ нашъ есть общій повелитель.
Не спорю ужъ, что онъ тебя принималъ съ чинами:
Вижу, что и своихъ часто сравнивалъ съ вами.

Но скажи съ миромъ, о чемъ выше (за) вопрошь гласить,
Выигрываешь войну будто безъ моихъ силъ?

Малорос. Да и конечно такъ въ прежнія тѣ времена,

Не надлежа еще сюда, билась я одна,
Многихъ неприятелей поражала больно.

Вспомни прежню мою рѣчь, признаешь довольно.
Но не думай, будто все представлено мною!

Много тамъ пропускала, говоря съ тобою,
И знатнѣйшій только казала воинскій бой,
Славнѣйшую являла храбрость свою и строй.

Итакъ видишь и сама мою справедливость,
Какова и безъ тебя была моя живость.
Не нособляла ты мнѣ въ воинство то время,
Какъ скидала (*вар.* свергала) я съ себя все людское
время

И за овлабленія съ оными сражалась

Храбро, славно и удачно сопротивлялась.
Не была ты и тогда, какъ къ туркамъ ходила,
Конкъ одна я не разъ славно побѣдила.

Безъ тебя я и на молдавцовъ наступала,
Безъ тебя я ихъ сильной рукою прогоняла (*вар.* по-
ражала).

Сознай сама, была ль и на тѣхъ войнахъ при мнѣ,
Какъ многихъ татаръ (побѣдой) въ плѣнъ брала
(къ) себѣ?

Еще ль съ такой (*вар.* тихой) хитростію большъ станешь
озлоблять?

Еще ль не пора тебѣ храброй меня признать?
Когда жъ Россійскому я поддалась ужъ царству,
То какъ обѣ одному служимъ государству,
Такъ не можно сказать, чтобъ одна всегда билась
И чтобъ на многихъ мѣстахъ одна я сразилась.

Но какъ ты, такъ и я вмѣстѣ соединялись,
Каждая изъ насъ своими полками бивались;
А къ инымъ мѣстамъ послана я и одна,
Темли гдѣ съ кровью: лѣто, осень, зима, весна,—
Видѣли много четыре тѣ года части,

Въ какія гнала я неприятелей страсти.
 Не отнимаю симъ отъ тебя воинскихъ хвалъ,
 Сорванъ тобой не одинъ неприятельскій валъ.
 И что къ твоимъ принадлежитъ силамъ, то твое,
 А что къ моей воинской славѣ, то тожъ мое.
 И такъ съ времени моей ужъ сюда поддачи
 Покажу особливо и свои удачи.
 Какъ согласился король польскій съ ханомъ крымскимъ
 Огнемъ и мечемъ воевать съ царемъ российскимъ
 За то, что я поддала повѣзъ (вар. вѣчно) ему себя,
 То гетманъ (тогъ мой) Хмелницкій, сего не терпя,
 Его царскому Величеству тотъчасъ донесъ;
 Зачѣмъ Государь, упреждая умысль ихъ весь,
 Отправился самъ въ Литву подъ Смоленскъ съ полками,
 Куда Золотаренко посланъ съ козаками (1654 г.),
 А Хмелницкій подъ Хвастовомъ находился тогда;
 И какъ присѣли многи полки мои туда,
 То Золотаренко, наказный оный гетманъ,
 Около Гомля и Быкова произвелъ брань,
 Гдѣ ляховъ и татаръ многихъ ворубалъ, прогналъ,
 И какъ тѣ, такъ и другіе города досталъ.
 При ономъ же Золотаренку и Смоленскъ взятъ,
 Котораго козаки стараясь доставать,
 Казали ревность, смѣлость при глазахъ монаршихъ,
 До одного выбили всѣхъ тамоннихъ старшихъ,
 За что довольнымъ жалованьемъ награждены,
 Похваленны, почтенны и обогащены.
 Тогда жъ съ Золотаренкомъ ходилъ Государь царь
 Воевать дальше въ Литву поляковъ и татаръ,
 Гдѣ какъ подъ Березиной (вар. Березою), подъ Шеловомъ,
 рѣкою
 Съ княземъ Радзивиломъ стали биться войною,
 То тотъчасъ оной Радзивилъ совсѣмъ побѣжденъ,
 Такъ что едва ль самъ не остался жизни лишень.
 Взято тогда большъ двухсотъ литовскихъ городовъ,
 А изъ моихъ мало потеряно козаковъ (1654 г.).
 Въ то жъ время Витебскъ до основанія изсѣкли,

Вильну разоривъ, тысячи (у) ляховъ посѣбли.
 Между Ставищами жъ и Охматовомъ чрезъ годъ (1655 г.)
 Что произвелъ надъ ляхами козацѣю народъ,
 Какъ ляхи съ татарами въ полѣ съединились
 И въ обозъ козацѣй тамъ ужъ было ввалились,
 То козави, напавши на ляховъ и татаръ,
 Оглоблами изъ саней такій дали ударъ,
 Что мерзлыми (*вар.* мертвыми) тѣлами, конкъ убивали,
 Всесь обозъ свой какъ будто валомъ окидали.
 Рѣдкое то чудо было в бѣдою ляхамъ,
 Что и оглобли козацѣи страшили врагамъ,
 Конкъ презрѣвъ, какъ не разъ войною усѣбли,
 Ружьёмъ съ ними драться уже (больше) не схотѣли,
 А въ насмѣшку вздумали бабьимъ битъ мастерствомъ;
 Когда бъ случилось при нихъ, мели (*вар.* гнали) бъ
 и помеломъ.
 Тогда большъ пятнадцати тысячъ людей (*вар.* оныхъ) пало,
 И въ полонъ взято ляховъ и татаръ не мало.
 На другой потомъ день, какъ та сѣчь окончалась,
 Страшная баталія опять начиналась,
 И продолжалась даже до самой темной ночи,
 Не стало ужъ большъ людской и татарской мочи;
 Ибо столько жъ иль съ залишкомъ пало и въ этотъ день,
 Осталось всего войска въ нихъ только на пядень.
 Зъ тѣхъ поръ Хмельницкій самъ ушь на войну не ходилъ,
 Но какъ король шведскій помочи его просилъ,
 То однихъ козавовъ своихъ къ нему послалъ онъ,
 Къ коимъ придавъ былъ кіевскій полковникъ Антонъ.
 Тотъ Антонъ Адамовичъ, когда туда приполъ,
 Отправилъ съ нимъ и свое войско шведскій король,
 Съ которымъ, когда козави совокупились,
 Въ самую средину Польши (смѣло) пробились
 И оба столичныя города поляковъ
 Успѣшной войной взяли, Варшаву и Краковъ,
 Побрали тамъ многіе шляхетски богатства,
 Сенаторски уборы, востеловъ изрядства;
 Добрались и до королевскихъ коронъ, порфиръ,

Какъ будто нарочито собранныхъ имъ на пирь.
 Храбрость Хмелницоваго не описана собою,
 Съ успѣхомъ имѣвшаго частой воинской бой:
 Съ многими людьми (*вар.* народами) онъ въ сраженія
 вступалъ,
 И съ которыми ни вступалъ, всѣхъ тѣхъ побѣждалъ.
 Самы альпійскіе непроходимы горы,
 Какъ Геркулесъ древній, прошолъ бы съ войскомъ
 (*вар.* собою) вскорѣ ¹⁾).

Интересныя подробности о мѣстничествѣ великорусскихъ офицеровъ и чиновниковъ съ малорусскими чинами въ этомъ отрывкѣ списаны авторомъ съ натуры и подтверждаются свидѣтельствами мѣстныхъ старожиловъ; объ участіи же козаковъ въ литовскомъ походѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ авторъ писалъ на основаніи извѣстнаго уже намъ „Краткаго описанія Малороссіи“, составленнаго въ 30-хъ годахъ прошлаго вѣка.

Другой отрывокъ, заключительный въ „Разговорѣ“, ничѣмъ не замѣчательнъ, и мы приведемъ его здѣсь лишь для полноты представленія о разсматриваемомъ произведеніи Диповича. Послѣ упоминанія о заслугахъ Разумовскихъ императрицамъ Елизаветѣ и Екатеринѣ II, Малороссія продолжаетъ:

Еще ль со мною въ спорные разговоры вступишь?

Еще ль отъ ненависти ко мнѣ не отступишь?

Вотъ тебя привела къ самымъ твоимъ временамъ,

Представила я правду самымъ твоимъ глазамъ,—

Ни пис(е)нуть уже тебѣ нѣльзя противъ меня.

Буди жъ еще (по)заспоришь, большѣ обличу тебя,

Найду еще въ тебѣ я премногихъ подобныхъ,

Сочту и еще твоихъ государству злобныхъ.

Великорос. Ахъ, ахъ! нѣтъ, нѣтъ! помилуй, уними о семъ рѣчь!

Пожалуй, пожалуй, все уже изволь пресѣчь!

Довольно, нынѣ твою правду принимаю,

Вѣрю всему, почитаю, храброй сознаю.

¹⁾ «О которыхъ горахъ Корнелій Непотъ въ своей книгѣ упоминаетъ, что никто не могъ оныхъ проходить съ войскомъ прежде Геркулеса и потомъ Ганнибалы, нѣтъ упоминаемаго,—о чемъ однако Полибій спорить». *Примѣч. автора.*

Отсель и чины твои равнять съ мѣрой стану
 И отъ дружбы съ тобою вѣчно не отстану.
 Мы будемъ въ неразрывномъ впрередъ согласіи жить
 И обѣ въ одномъ государствѣ вѣрно служить.
 Посяпору понимала темно о тебѣ;
 Благодарствую, что протолковала ты мнѣ.

За исключеніемъ приведенныхъ двухъ открывковъ, въ новонайденныхъ спискахъ „Разговора“ есть мѣстами значительные варианты, дополняющіе или возстановляющіе смыслъ прежде изданнаго текста „Разговора“. Мы уважемъ болѣе существенное изъ нихъ.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
328	6	означенны	означено
329	20	при комъ	прокомъ
334	10	стался	стлался
337	21	тамъ	той
338	25	и	ѣ
340	27	, храбрость	храбрыхъ
341	1	ваша... вамъ	наша... намъ
—	3	в страхъ	въ прямъ

Послѣ пятой строки слѣдуетъ вставить:

		Венера пособляла, Паллада гнала вонъ	
—	9	кривавій	кровный
—	11	давъ оной	данной
—	12	своихъ	всѣ
—	18	отсталъ	отпалъ
342	9	главній	славній
343	5	надо мной	надъ холмомъ

Послѣ 6 строки нужно вставить:

		Кто тѣ почему нибудь во владѣнціи держать.	
—	12	шля	веля
—	16	тѣхъ	о тѣхъ
344	8	столько	только
—	15	первѣйшій	привыкшій
345	5	Эту строку нужно читать такъ:	

Вселюбезный отче нашъ,—отче нашъ любезный!

СТРАШ. СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
345	6 Чего-ль	Сего-ль
—	26 всѣ вмѣсто	въ сіе мѣсто
346	5 хлипющими	хлиплющими
—	15 со страдою	съ отрадой
—	34 мироломцы	вѣроломцы
347	5 будутъ	будемъ
—	13 храбры,	, храбры
—	20 въ густотою	съ густотою (вар. и съ фузомъ)
—	21 глазамъ	глазахъ
—	27 мнѣ	нынѣ
—	31 в слухъ спивали	всхлѣпывали
348	13 Эту строку нужно читать такъ: И за жизни еще ^а , и проч.	
349	11 можетъ быть,	можетъ быть, что
	20 и 21 строки должны быть переставлены одна на мѣсто другой.	
350	16 постунали	наступили
351	15 попалали	попалили
352	9 и 10 получала... брала	получали... брали
—	18 татары и с Россіи	татаринъ Россію
453	5 силъ	сель
—	27 страсть была	страховита
—	30 мой же Патѣй	оной же Патѣй
354	7 немецка	нимецка и польска
—	9 надъ	подъ
—	27 знаменами	съ знаменами
356	22 неровой	не робко
—	28 тамже	также
	30 Эту строку нужно читать такъ: Великодушіе ихъ до побѣды вело	
357	16 учинился	тщился
358	13 и тѣла	ихъ тѣла
359	7 козаки бодрость и вѣр-	казали бодрость и ревность
		ность
360	Послѣ 9 строкъ читать: Но одинъ предасть неприятелю себя.	

СТРАН. СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	ВЪ НОВЫХЪ СПИСКАХЪ ЧИТАЕТСЯ:
— 11	что онъ былъ	что онъ мой былъ
— 14	жаждой	нуждой

Послѣ 17 строки читать:

И тое страннѣйшее дѣло и дивнѣе всѣмъ,

Что ты зѣ предковъ и родилась при царѣ своемъ,

Послѣ 26 строки читать:

Напомню, что многие бояры казнены (въ 1689 г.)

27 строка читается такъ:

Кои противъ царей въ измѣнѣ изобличены,

Послѣ 37 строки читать:

И воинское дѣйство оттолѣ отставилъ,

361	2	Да и Шереметевъ	Да и Василий Шереметевъ
—	5	проплакалъ	проклиналъ
—	15	сколко	жалко
—	20	ляхамъ тѣмъ	ляхи татарамъ тѣмъ
362	13	Отъ бого	Отколя
363	13	Шенинъ	Гейнъ (<i>вар.</i> Гессенъ)
364	1	Сочиненъ	Сочтенъ
—	4	тежъ	прежъ
—	5	фелтмаршала	фелтмаршала Миниха въ
		въ годехи	годи
—	9	еще канцлеромъ	вице-канцлеромъ
—	11	с тѣми развѣ	Темирязевъ
—	17	И зѣ	И за
365	4	Недавно	Недивно,
—	7	Славной в себѣ	славно и о себѣ.

Документы братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ.

Число старѣйшихъ южно-русскихъ братствъ увеличивается еще однимъ, — послѣ братствъ львовскаго, виленскаго, луцкаго, кievскаго и минскаго должно стать братство замостьское. Начало его относится къ концу XVI в., но не только оно не имѣетъ своей исторіи, а и самое имя его въ первый разъ становится намъ извѣстнымъ. Оно притомъ и не можетъ уже имѣть своей исторіи, потому-ли, что не создало ее, или потому, что не сохранились письменные памятники, свидѣтельствующіе о его дѣятельности. Осталось лишь нѣсколько документовъ, удостоверяющихъ его существованіе, организацію и характеръ дѣятельности. Приведеніе ихъ въ извѣстность не лишено будетъ значенія въ общей исторіи братствъ.

Важность учрежденія, извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ братствъ, доселѣ все еще не достаточно выяснена и понята, хотя предметъ этотъ имѣетъ довольно значительную литературу. Со временемъ мы надѣемся коснуться его въ нарочитыхъ изслѣдованіяхъ какъ въ общей его исторіи, такъ и, въ частности, исторіи нѣкоторыхъ болѣе извѣстныхъ братствъ. Теперь представимъ лишь нѣсколько свѣдѣній о братствахъ вообще для уясненія предлагаемыхъ документовъ замостьскаго братства.

Южнорусскія наши братства представляютъ собою правильно и прочно организованныя общества въ средѣ приходскихъ общинъ, то заключавшія въ себѣ лучшую и болѣе состоятельную часть прихода, то обнимавшія собою весь составъ прихода, то выступавшія далеко за предѣлы оного. На попеченія и добровольной обязанности братства лежали содержаніе и украшеніе мѣстной приходской церкви, поддержаніе въ ней порядка, благочинія и торжественности богослуженія, вознагражденіе священника за совершеніе богослуженія и вообще вспоможеніе ему въ его со-

держаніи, заведеніе и содержаніе школы для обученія дѣтей, устройство и содержаніе госпиталя для призрѣнія вдовъ и сиротъ, престарѣлыхъ и увѣчныхъ и вообще бѣдныхъ, безъпроцентная ссуда и помощь въ случаяхъ обѣдненія, болѣзни и смерти, охрана интересовъ церкви и прихода предъ властями духовными и свѣтскими и наконецъ нравственно - общественный судъ въ кругѣ дѣйствій братства и поведенія братчиковъ. Всѣ вообще братства пользовались полною самостоятельностью своего управленія и ни мало не зависѣли въ своихъ дѣйствіяхъ отъ мѣстнаго священника, напротивъ онъ во многомъ зависѣлъ отъ нихъ; братства же старѣйшія, какъ львовское, вилеяское и кievское достигали независимости и отъ мѣстныхъ епископовъ и пользовались правомъ ставропигии, т. е. подсудности одному лишь патриарху. Эти братства, въ составѣ которыхъ были знатнѣйшія дворянскія фамиліи, не ограничивали своихъ заботъ извѣстнымъ мѣстомъ, но помышляли о нуждахъ всей церкви и всего южно-русскаго народа; они содержали высшія школы и типографіи, издавали богослужебныя, полемическія и другія книги, выискивали или готовили лучшихъ проповѣдниковъ и учителей, вели борьбу съ угнетателями вѣры и народности, являлись представителями и защитниками правъ церкви и народа на сеймахъ, наблюдали даже за направленіемъ и вообще образомъ дѣйствій іерарховъ южно-русскихъ, привлекая ихъ къ суду патриаршему. Братства покрывали собою всю южно-русскую территорію отъ Днѣпра до Карпатъ и, судя по сохранившимся и доселѣ, не рѣдко въ видѣ однихъ лишь древнихъ братскихъ обычаевъ, остаткамъ этого учрежденія на всемъ пространствѣ южной Россіи, особливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ до нашихъ дней удерживалась унія,—едва ли была деревня, мѣстечко или городъ, гдѣ-бы не было братства и соединенныхъ съ нимъ тѣхъ или иныхъ учреждений... Каждое изъ нихъ въ частности сплачивало членовъ приходской общины въ одно крѣпкое цѣлое, во имя интересовъ вѣры и любви, и давало ей ростъ и силу, а всѣ вмѣстѣ, при единствѣ ихъ характера и цѣлей, связывали и все разбитое и преслѣдуемое населеніе въ одно живое тѣло, одушевленное высшими стремленіями къ саморазвитію и самоохраненію.—Братства были старшія и младшія, т. е. изъ людей семейныхъ и не женатыхъ, и не только изъ мужчинъ, но и женщинъ—*женичя* и *дивочя*, вообще *сестричныя*.

Вопросъ о происхожденіи братствъ едва ли теперь можетъ подлежать спору. Лѣтъ двадцать назадъ, въ нашемъ „Очеркѣ ис-

торіи братствъ“, мы высказали мнѣніе, что это не заносное, но коренное русское учрежденіе, возникшее изъ потребностей и склада древней нашей общины, что оно не пожаловано намъ польскими королями вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ и цехами, равно не пришло къ намъ съ Востока съ благословенными грамотами патриаршими. Остаемся и теперь при томъ же мнѣніи, видя подтвержденіе онаго въ каждомъ новомъ изслѣдованіи, въ каждомъ вновь открываемомъ памятникѣ минувшей жизни братствъ. Не цехи дали намъ братства, но духъ братскій приурочилъ цехи къ потребностямъ нашей тогдашней жизни. Съ другой стороны восточные патриархи только освятили своимъ благословеніемъ самостоятельно возникшее у насъ учрежденіе, въ общихъ чертахъ сходное съ тѣмъ, которое они видѣли у себя. Подобныя учрежденія существовали во всѣхъ славянскихъ земляхъ, и это показываетъ только, что и наши братства были продуктомъ особаго уклада нашей древней общины; но вездѣ они не приобрѣли столь правильной организаціи, не получили такого широкаго развитія, не пустили такихъ глубокихъ корней въ народно-общественной жизни, какъ у насъ. Конституціонная почва Рѣчи Посполитой, по особымъ обстоятельствамъ приведшая ее къ гибели, но полная всякихъ „привилегій и вольностей“, дала мѣсто и этому учрежденію и помогла ему достигнуть такого широкаго примѣненія и столь блестящаго развитія. Не королевскія однако привилегіи, какъ и не грамоты патриаршія или архіерейскія, создавали братства; братства существовали прежде ихъ и помимо ихъ, а они только давали имъ санкцію, тогда столь необходимую.

Съ измѣненіемъ условій и строя политической и общественной жизни края, съ измѣненіемъ господствовавшаго прежде духа этой жизни, самое учрежденіе должно было пасть, оставивъ по себѣ лишь едва примѣтные слѣды своего долгаго и славнаго существованія. Съ 60-хъ годовъ у насъ по мѣстамъ стали восстанавливать братства. Скоро ихъ существованіе признано законодательною властію, которая начертала кругъ ихъ дѣятельности, порядокъ открытія и подчиненность. Но, понятно, законъ не могъ вызвать къ жизни то, для чего жизнь мало или вовсе не давала пищи. Появившіяся одновременно и особо регламентированныя церковно-приходскія попечительства оказались мертворожденными и вездѣ не привились, какъ можно было ожидать по замыслу. И въ судьбѣ ихъ повторилось то, что сказали мы сейчасъ о судьбѣ братствъ. Суть дѣла здѣсь въ нашей привычкѣ отдѣлять интересы

религиозные отъ интересовъ общественныхъ, въ сложившемся у насъ представленіи, что одинъ и тотъ-же живой организмъ въ одномъ отношеніи можетъ дѣйствовать такъ, въ другомъ иначе. Съ этой точки зрѣнія и въ исторической наукѣ мы придали древнимъ братствамъ названіе церковныхъ, но придали вопреки исторіи. Братства не мыслимы были безъ церкви, но не они существовали для церкви, а церковь для нихъ, и не они зависѣли отъ нея, а наоборотъ. Братства одинаково служили интересамъ религиознымъ, какъ и многимъ общественнымъ; но жизнь общины имѣла тогда болѣе цѣльный характеръ и большую правоспособность; интересы религиозные не отдѣлялись отъ общественныхъ и еще менѣе игнорировались, какъ теперь; напротивъ религиозный элементъ проникалъ весь строй жизни и общины и кѣждаго въ частности ея члена, отъ того и дѣйствія братствъ намъ кажутся лишь набожно-христіанскими, а самыя братства учрежденіями церковными. Но не въ этомъ и не въ оскудѣніи духа благочестія, какъ-бы захотѣлъ кто думать, лежитъ причина того, что братства и аналогичныя съ ними приходскія испечительства не имѣютъ жизненности, а въ разобщенности жизненныхъ функцій общины, въ отсутствіи у ней самостоятельности въ какомъ угодно отношеніи. Чтобы судить однако о значеніи и прежней жизни братства, достаточно представить себѣ, какъ дорого мы даля-бы, что бы у насъ добровольно, безъ всякаго призыва, внушенія, руководства, иниціативы, сами по себѣ въ каждой городской и сельской общинѣ явились такія общества, которыя содержали и украшали-бы церкви, поддерживали и обезпечивали церковныя приходы, заводили и содержали школы, устроили богадѣльни, лазареты и страннопріимные дома, призывали нищихъ, устраивали вспомогательныя кассы, и пр., и проч.

Нѣкоторое понятіе объ организаціи и дѣятельности братствъ дадутъ помѣщаемыя въ слѣдъ за симъ документы замостьскаго братства. Ихъ четыре: 1) грамота Гедеопа Балабана, епископа львовскаго, на учрежденіе старшаго братства при церкви св. Николая въ г. Замостьѣ, 1606 г., 2) его-же грамота на учрежденіе тамъ-же младшаго братства, 3) дополнительныя къ уставу братства пункты, данныя митрополитомъ кievскимъ Сильвестромъ Косовымъ и 4) постановленіе обоихъ этихъ братствъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ. Владѣльцемъ г. Замостья Ѳомою Замойскимъ утвержденъ первый изъ этихъ документовъ, а не третій, какъ сказано въ началѣ этой книги въ статьѣ: „Забытыя иноческія обители“. Послѣдніе два отвсѣются къ 1647—48 г.

1.

*Грамота Гедсона Балабана, епископа львовскаго, на учрежде-
ніе замостьскаго братства при церкви св. Николая.*

ВО ИМЯ ОТЦА и СЫНА и СВЯТАГО ДУХА. АМИНЬ.

Благоволеніемъ Бога Отца, и благодатию Господа нашего Иису-
са Христа, и дѣйствомъ святого Духа. Смирение наше отъ благо-
дати дара и власти всесвятого и животворящаго Духа, отъ сътво-
рителя Бога, въ Троици хвалимаго: благодатию Божію Геднионъ
Болобанъ, епископъ галицкій, львовскій и Каменца-Подольскаго, и
ексарха великаго ерону константинопольскаго. — По Христову по-
веленію и Духа святого строенію, послѣдующе апостолскому и
святыхъ отецъ преданню, повелѣвающе, посѣщающе Христову съ-
борную и апостолскую церковь за его королевской милости, Жик-
гимонта третего, короля полскаго и великаго княжати литовскаго,
русскаго, прусскаго и прочая. Въ лѣто отъ сздания міру 3711,
а по Рождествѣ Господа нашего Иисуса Христа 4775, мѣсяца марта
1 дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право
духовное, славетный панъ Феодоръ Волосовичъ, мещанинъ замой-
скій, ктиторъ храма святого ерарха Христова Николая, хотячи
братство устроити съединившеся любовию духовною, закона Хри-
стова заповѣдемъ послѣдующе, благоугодио Богу во Троици единому
и Пречистой Его Матери, въ честь и въ хвалу Его святому угод-
нику ерарху Ниволѣ. Того ради мы, смиренный Геднионъ, епис-
копъ по дару святого Духа, пастырскимъ строеніемъ повелѣваемъ
и благословляемъ ихъ на сие братство духовное, утверждающе ихъ
евангельски жити, съставляюще любовь по закону Христовы церкви
творити судъ истиненъ и милостию въ потребахъ братьямъ недоста-
точествующимъ, а злыхъ казнити. Сие богоугодное законное брат-
ство вышше писаное и ниже реченныя обычая повинни такъ дер-
жати: съшедшеся на день уреченный въ домъ выбранный, любовию
и тихостию другъ друга честию болша себѣ творяща, а маются
сходити за обсылаемъ знамене братскаго въ двѣ недѣлѣ, или въ
четыре, или язь потреба и язь прилучится. Повиненъ кождый
братъ полгроша дати до скринки братской, а вступного грошей

шесть, кто першій разъ вступуетъ въ братство. А хто бы хотѣлъ вступить въ сие братство, или шляхтичъ, или мещанинъ, или предмещанинъ или с посполитыхъ людей вшелякого стану, якъ тутошній, такъ сторонній, маеть дати грошей шесть вступного. А который бы мешканя мѣлъ далеко отъ сего братства, то в рокъ по шести грошей маеть давати до скриньки братской. А братя спольне вождаго року мають выбирати з межи себе старшихъ чотыри братя, поручаючи имъ все старшинство братства того; скринька братская маеть быти у старшого брата, а ключъ у младшого, личбу мають чинити старши брата предъ всѣми в рокъ отдаючи уряды свои. А вшитки ровны собѣ мають быти, а кого бы брата выбрали на старшинство и онъ бы ся зборонялъ безъ причины слушно, виненъ дати три безмѣны воску. А братя старшіе мають пилне перестерѣгати повинности своей. Казнь всѣмъ посполитая маеть быти на дзвонници сѣдѣти. А еслибы братъ брата словомъ наганбилъ, маеть быти каранъ сидѣнямъ, а вины камень воску маеть дати и брата перепросити, неотходячи, и все братство перепросити. Слова непотребные, корчемные хтобы молвилъ въ братствѣ, вины на томъ фунтъ воску. А мають одинъ до другого съ послушаніемъ мовити. Которой бы братъ вѣдалъ брата выступного, не маеть его тайти, але маеть его оповѣсти въ братствѣ, жебы былъ каранъ. А кто бы тайлъ злости, при виномъ каранъ быти маеть, якъ братя найдутъ, или двома, или безмѣномъ воску, или полькаменемъ, или каменемъ, противно выступку. А если бы который з межи старшихъ братовъ, якимъ колвекъ обычаемъ, знаполся быти выступнымъ, за что молодшихъ каруть, маеть быти старшій двояко и трояко каранъ, болшего бо томления достоенъ чести ради, а который бы братъ былъ каранъ сидѣнямъ или виною, маеть по карности заразъ перепросити того, кому былъ провинилъ, ведлугъ розказаня Господа нашего Иисуса Христа: да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ. А хто бы не отдалъ вины братской, поруку не отходячи маеть поставити два братя до другой схаждки. А судитися мають радичымъ восполокъ, якъ старшихъ, такъ молодшихъ, и якъ молодшии призволятъ всѣ, такъ старшии мають сказывати. А который бы братъ мѣлъ якую справу, а не могъ бы свое и речы справовати, волю ему взяти двоухъ братовъ на пораду и на помочь; справа вшелякая братская не маеть быти выношена далее отъ порога дому братского, а на

кого бы ея досвѣдчено, двояко маеть каранъ быти—свѣднѣмъ и безвѣномъ воску, а кто бы гордѣлъ братскимъ судомъ, якъ преслушникъ цереве судится, а если ся того не маеть до четвертой недѣлѣ, да отъ церевы отлучится, и священникъ маеть его въ церкви предъ всѣми обличити и отъ церевы отлучити, да посрамится. И аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или пьяница, или драпежникъ, с такими не только посполитовати, але с ними ни ясти, ни пити. А если з допущена Божого будетъ на брата явовый упадокъ или немочь, а не мѣлъ бы достатку, мають его брата вспомогати братскими пѣнзми и въ немочи призирати. А которымъ бы брата помогали въ напастехъ, въ бедахъ, въ недостаткахъ, позычаючи имъ пѣнзми, не мають отъ нихъ лихвити. А позычати мають не на захованя смотрячи, и не тымъ, которые хотять быти богатшые, але тымъ, которые болшие недостатки терпятъ з допущена Божого. А который бы братъ христіанскій преставился съ того свѣта, мають его всѣ брата отпровадити къ гробу, к тоей церевы, которой былъ парафѣи, и свѣча братская маеть быти в церкви. Мають тыжь быти свѣчѣ братские къ отпроваженю мертвого къ гробу. А вгды будетъ братство знаменемъ братскимъ обсылано, во двѣ недѣли, или якъ потреба прилучится, или на погребѣ, не схочеть ли прити который братъ за трудностями своими пыльными, маеть оповѣсти передъ старшимъ братомъ. А если бы было досвѣдчено, ижь не былъ затрудненъ, маеть быти каранъ фунтомъ воску. Ктому тыжь каждый братъ маеть вписати въ помянникъ церковный имя отца своего, и матере своея, и близкихъ пріятелей своихъ представшихся. А священникъ цереве тое маеть читати помянникъ братскій по утрни и по вечерни въ дни поминальныя, и во великій постъ, по уставу церковному, а на каждый рокъ мають быти двѣ литургии, за все братство, за здоровная и помянная, и убогихъ по силѣ надѣлти, а священнику своему мають брата изъ скринки на рокъ копу грошей давати за поминаня преставльшихся, на Рожество Христово золотый, а золотый на Воскресение Господне. Сего ради мы, смиренный Геднонь епископъ, бачившы згуду и любовь ихъ, благословляемъ ихъ и моцю Божию повелѣваемъ имъ хранити сия предания неразорне, верне. А кто бы мѣлъ пометати сие братство, на томъ нехай будетъ клятва святыхъ отецъ ꙗко и ѿи. Благословение

же Божие и благодать святаго Духа буди на всѣхъ вѣрующихъ заповѣдемъ Его и творящихъ волю Его, и благословение святыхъ отецъ вселенскихъ семи соборовъ, и благословение Гедиона, епископа галицкаго, львовскаго и каменецкаго, и ексархи константинопольскаго престола, о Христвъ Исусъ Господъ нашемъ, Ему же слава въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

Писанъ и данъ

Гедионъ епископъ власною рукою.

Грамота писана на большомъ пергаменномъ листѣ; внизу слѣды шнура, на которомъ была привѣшена въ пушкѣ печать, но самой печати не достасть. На оборотѣ грамоты по срединѣ находится помѣта позднѣйшаго времени: Partis 3-tiae, № 3-tio, а въ началѣ слѣд. замѣтка:

Року 471. Мы братство замосцское всѣмъ обещъ квѣтовали пана Ференца Волосовича брата нашего съ церковныхъ грошей, що былъ далъ на церковь спрошенихъ грошей, такожь и дарованыхъ сумы осми сотъ зол(отыхъ) шестдесятъ и пять зол(отыхъ), грошей сѣмъ, при бытности пана Мурата и пана Анечо, и при пану Крынку, Трушу, Яцку Затарскимъ, Стефану Анастасевичу, Лувашу, и при пану Артему Некрашевичу и Стефану Жугаевичу.

2.

Благословенная грамота тогоже Гедиона Балабана, епископа львовскаго, младшему замосцскому братству.

Текстъ этой грамоты мы не приводимъ, такъ какъ она отъ слова до слова сходна съ предыдущею, за исключеніемъ слѣд. словъ:

Въ лѣто... по Рожествѣ Господа нашего Исуса Христа 471 мѣсяца декабря 11 дня. В то время пришедши передъ насъ и передъ наше право духовное славетное братство *младенческое* замосцское, хотячи и проч.

Списокъ этой грамоты также на большомъ пергаменномъ листѣ, но это не подлинникъ, а копія, и къ ней привѣшена печать самого братства, въ пушкѣ, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Покрова Божія Матери, а на другой святителя Николая, и съ подписью вокругъ: *Сія пушка привилею братства молодшого церкви замосцкой. 1656.*

3.

Дополнительные пункты устава замостьскаго старшого братства при церкви св. Николая.

1 (11). „Повинни (священники братскіе) на роукъ 4 акафисти до Пресвятой Богородици въ каждой чверти року отправляти, так тежъ и парастаси за преставшихся, ведлугъ часу и ухвали братской, а священнику отъ акафисту, так тежъ и отъ парастасу, по грошей 12 повинни давати, и коливо повинни справляти. Знову 12 служебъ Божіихъ до року повинни отправляти на каждой мѣсяць по двѣ, заздоровну и за упокой, также ведлугъ часу и ухвали братерской, въ котрый день, сщенику отъ тыхъ служебъ Божіихъ повинни давати по грошей шесть, на которыхъ набоженствахъ повинни всѣ братіа быти безъ жаднихъ вымовокъ, а котрый бы братъ не мѣлъ быти, не мѣючи жадной великой забави, на такового вини и неопустно фунтъ воску. 2 (12). Если бы котрый зъ брати вписныхъ мѣлъ на иншое мешканіе перенестися, теды маеть *пуплице* (publice) при зебраню всѣхъ братій ознаямити, иж то *non temere* чинити, и просити маеть, яко его за притомного мѣли, такъ и въ небытности абы о немъ памятали, а той братъ повиненъ завше любъ на сторонѣ досити ве впискомъ чинити и милости братерской бы намнѣй не уступати, и що роукъ презъ листь о собѣ ознаямити, а гды до трехъ лѣтъ о собѣ не ознаямити, маеть быти зъ реестру вымазаний, такъ жывыхъ, якъ и умарлыхъ, чою пилю мають постерѣгати братіа старшіи; а гды бы не могль до того прійти, бывши котрый в далекихъ краінахъ, албо въ иншыхъ земляхъ, такому выбачити мають. 3 (13) Каждый братъ, любо притомный, любо не притомный, при смерти, останокъ выроку живота своего, повиненъ на тестаментѣ положить своею, абы по смерти его дана была вѣдомость братству, и що колвекъ будетъ субстанціи, абы легацію учинилъ на убогіе и хоріе того зебрания. 4 (14). Которій колвекъ вписуется въ реестръ братерскій, маеть присягу учинити, абы до конца живота своего мѣлъ во всею чинити досити и святую православную вѣру въ соборной апостольской церкви сохранити“.

Пункты эти извлечені изъ подтвердительной братству грамоты митрополита кievскаго Сильвестра Коссова, во всею остальномъ буквально повторяющей грамоту

Гедсона Балабана; но начала митрополичьей грамоты нѣтъ, а потому неизвѣстна ея дата и поводъ къ ея написанію. Въ концѣ грамоты печать и подпись:

Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ кievскій, галицкій и всея Россіи, ексарха константинопольскій.

4.

Постановленіе того же братства объ отношеніяхъ его къ братству младшему покровскому.

Лѣта Господня 1661, мѣсяца апрѣля 15-го дня, по старому календарю.

Принявъ во вниманіе панове братство старшее св. Николая и признавъ дѣломъ законнымъ и пристойнымъ, чтобы, ко славію Господа Бога и украшенію церкви святой, (продолжалась) эта слава и украшеніе, которое начато ревностнымъ стараніемъ пановъ братій братства младшаго, и вслѣдствіе просьбы ихъ къ намъ, какъ старшимъ братіямъ, чтобы мы позволили имъ ввести всякій порядокъ и усердное стараніе относительно украшенія церкви святой, и дабы они не ослабѣвали въ служеніи своемъ избранному ими образу покрова Пресв. Дѣвы, которое описано въ ихъ правилахъ, но во всякомъ случаѣ были усерднѣйшими,—мы, какъ братія старшіе, совѣщавшись всѣ, съ согласія нашего старшаго братскаго позволяемъ и имъ, какъ братству младшему, даемъ пункты или надлежащій порядокъ, назначая имъ, для всякаго порядку, двухъ братій нашихъ старшаго братства, каждый годъ особыхъ, безъ которыхъ не должно быть ни какое постановленіе и совѣщаніе, равно какъ безъ нихъ не должна пріобрѣтаться никакая вещь и не должно производиться ни одно денежное дѣло, но всегда съ совѣта и вѣдома оныхъ двухъ пановъ ассессоровъ, а сіи паны ассессоры должны всегда съ ними присутствовать на созываемыхъ духовникомъ сходбахъ и тамъ совѣщаться съ ними о добромъ церковномъ порядкѣ и управлять ими, а непокорныхъ карать по ихъ правиламъ. Панове братство старшее напоминаютъ и просятъ пановъ братій младшихъ прежде всего о томъ, чтобы не было никакого собранія и совѣщанія въ корчемныхъ домахъ, сплетень и пристойныхъ пересудъ какъ о своихъ братіяхъ младшихъ, такъ и о старшихъ, которые этотъ пунктъ заключаютъ такъ: если бы это

услышалъ пересуживающаго непристойно, а этотъ не доказалъ бы того, что говорилъ, вины на такового камень воску и сидѣнье въ теченіи трехъ дней въ публичной *кунь*. Другой пунктъ подають панове братство старшее и просятъ, чтобы каждый братъ младшаго братства, вступивши уже въ супружество, оставался еще въ младшемъ братствѣ годъ и шесть недѣль. А старшіе братья подають это младшей братіи не по своему мнѣнію и совѣту, а вслѣдствіе собственнаго распоряженія, воли и постановленія преосвященнаго его милости отца митрополита кіевскаго, господина и пастыря нашего. А по истеченіи года и шести недѣль, паны братство младшее или старшіе ихъ обязаны будутъ отдать вступившаго въ супружество братству старшему, или поручить его, какъ брата, а онъ долженъ будетъ поблагодарить братству младшему или старшимъ его, чтобы младшіе сами собой съ младшими же совѣтовались о добромъ порядкѣ церкви святой, и что бы то братство собственно было младшее, чего и мы жслаемъ. Ключъ отъ кассы денежной долженъ быть одинъ у пановъ ассессоровъ или котораго-либо изъ нихъ, а другой—у младшихъ или старшаго ихъ. Избранный въ шафары, составивши, съ вѣдома пановъ ассессоровъ, реестръ серебра и всего относящагося къ образу, обязанъ будетъ вписать вновь поступающее, засвидѣтельствовать и показать на сходкѣ передъ всей братіей и въ присутствіи пановъ ассессоровъ, а вписавши въ реестръ, хранить въ добромъ *порядкѣ*.

И пусть то будетъ къ славѣ Божіей и украшенію церкви святой, а имъ во спасеніе души, на что и эти пункты, чтобы паны младшіе братья, или старшіе ихъ руками подписали для лучшей и вѣрнѣйшей силы этого постановленія. Состоялось въ Замостьѣ въ шеписаннаго года и дня, на чемъ тогда и подписывались:

Давидъ Максимовичъ, на той часъ братъ старшій

Даниль Куриловичъ, на той часъ братъ старшій

Игнатій Симонъ Рассиковичъ, братъ старшій

Леонтій Лагодзинскій, братъ старшій.

Подлинникъ писанъ на простой бумагѣ въ малую четвертку по польски; подлиса также по польски.

Библиографія.

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М. 1882 г.

Въ послѣдней 25-й книгѣ архива князя Воронцова помѣщено нѣсколько документовъ, относящихся къ исторіи Малороссіи конца XVIII в. Первый представляетъ любопытный споръ Разумовскаго съ молодымъ великороссійскимъ чиновникомъ Олсуфьевымъ о предѣлахъ гетманской власти. Членъ коллегіи и церемоніймейстеръ Олсуфьевъ дѣлалъ свои замѣчанія на оригинальныхъ листахъ, посылаемыхъ гетманомъ черезъ коллегію самой Императрицѣ; гетманъ въ свою очередь давалъ на эти замѣчанія свои объясненія или вѣрнѣе возраженія. Великороссійскій чиновникъ старается уличить малороссійскаго гетмана въ стремленіи къ обособленію, къ независимости отъ центральнаго правительства; онъ обращаетъ вниманіе Императрицы на то обстоятельство, что „возбуждавъ миргородскій Остроградскій „въ противность княжескихъ указовъ, не Ея Императорскимъ Величествомъ, но гетманомъ самопроизвольно въ тотъ чинъ произведенъ“; указывая на дѣло грека Юрьева, онъ замѣчаетъ, что „отбывательства и уклоненія отъ должнопослушнаго исполненія по высочайшему именному указу ни для какихъ представлений гетману дозволить не должно. Ибо точно симъ примѣромъ онъ еще тѣмъ болѣе независимость свою и мнимое отъ апелляцій на его рѣшенія исключеніе утверждать (слѣдовательно, въ чемъ захочетъ, указамъ не повиноваться) поводъ получить“.

Гетманъ, возражая Олсуфьеву, заявляетъ, что онъ дѣйствовалъ въ этихъ случаяхъ на основаніи законныхъ правъ, повидимому Олсуфьеву неизвѣстныхъ: „Ежели бы Ея Императорскому Величеству всѣ обстоятельства, права, законы и установленія, которыя сама Ея Величество соизволила высочайшею

своею рукою конфирмовать вышѣшнему гетману, были донесены (которые уповательно по прояскамъ Олсуфьева пропущены при докладахъ), то нигдѣ опредѣленія не найдется, чтобъ полковниковъ и старшинъ, которые вольными голосами всего народа выбравутся временемъ изъ самыхъ нижнихъ чиновъ, конфирмовать высочайшимъ монаршимъ и своеручнымъ утвержденіемъ: ибо ежели бы ихъ чины уравнины были съ чинами великороссійскими, тогда въ воцѣ Ея Императорскаго Величества останется, до какого чина, смотря по рангамъ, гетману дозволено будетъ опредѣлять“. Въ своемъ послѣднемъ возраженіи Разумовскій проситъ Императрицу защитить его отъ несправедливыхъ нападковъ Олсуфьева... „Нынѣ отъ вестеримости моея, припадая къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, всеподданѣйше прошу отъ помянутаго церемоніймейстера Олсуфьева меня, всеподданѣйшаго раба, оборонить и дабы повелѣно было всѣмъ голосамъ и помѣты своеручныя его Олсуфьева, клонящіяся къ вѣчному моему безславію, изъ архивы коллежской взять къ Ея Императорскому Величеству и, разсмотря, всемилостивѣйше уничтожить“. Весьма характеренъ, по нашему мнѣнію, фактъ, что гетманъ Малороссіи, пользовавшійся личнымъ расположеніемъ Императрицы, братъ любимца Императрицы Алексѣя Разумовскаго, долженъ былъ просить защиты отъ чиновника коллегіи въ дѣлѣ, гдѣ онъ былъ, какъ кажется, совершенно правъ. Этотъ самый Олсуфьевъ впоследствии сдѣлался довѣреннѣйшимъ лицомъ Екатерины II, вмѣстѣ съ Тепловымъ, по малороссійскимъ дѣламъ. Ему было поручено составить записку для будущаго малороссійскаго генералъ-губернатора, какъ это видно изъ письма къ нему императрицы, помѣщеннаго въ Рус. Арх. 1863 г., 433.

Другой документъ—„Мнѣніе его сіятельства графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина о классахъ малороссійскимъ чинамъ, съ изъясненіями на каждый пунктъ того мнѣнія отъ гетмана графа Разумовскаго“; относится онъ къ 1764 г. Бестужевъ-Рюминъ стоитъ противъ пожалованія малороссійскимъ чинамъ классовъ на подобіе великороссійскихъ: иначе придется, говорить онъ, даровать такіе ранги и другимъ нерегулярнымъ войскамъ, наприм., Донскому; при выборѣ въ должности вольными голосами (какъ это теперь существуетъ у малороссіянъ), многіе достигнуть важныхъ чиновъ незаслуженно и получать такимъ образомъ преимущество надъ великороссіянами. Разумовскій старается опровергать соображенія гр. Бестужева-Рюмина и соглашается

съ нимъ только въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ пунктахъ. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что просьба Разумовскаго объ уравненіи ранговъ и чиновъ не шла въ разрѣзъ со взглядами центрального правительства на общегосударственные интересы; въ томъ-же 1764 году послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи гетманства и затѣмъ объ уравненіи классовъ.

Наконецъ, третій документъ—„Записка о Малой Россіи“, приложенная къ предъидущему мѣсяцу гр. Бестужева-Рюмина. Записка эта начинается краткимъ историческимъ очеркомъ о происхожденіи народа малороссійскаго и затѣмъ переходитъ къ существенному своему пункту—критикѣ порядковъ, господствовавшихъ въ то время (1764 г.) въ Малороссіи; сюжеты, затронутые тамъ, крайне любопытны (о непорядкахъ, которые происходятъ отъ чиновниковъ Малой Россіи, о умаленіи козаковъ и посполитыхъ войсковыхъ, о ревизіи, о расхищеніи посполитыхъ дворовъ, о правахъ малороссійскихъ, о неудобствѣ, что козаки съ посполитыми перемѣшаны въ деревняхъ, о вольномъ переходѣ); не менѣе интересны приводимые тамъ факты и соображенія. Но записка тѣмъ не менѣе не имѣетъ никакого самостоятельнаго значенія: она представляетъ простое переложеніе известной записки Теплова, исключая только историческое введеніе, котораго нѣтъ у Теплова. Во введеніи Бестужевъ-Рюминъ указываетъ даже литературу вопроса по исторіи Малороссіи (Histoire des diètes de Pologne, 2) Relation des cosaques, 3) Therenot. Recueil des voyages, 4) Dictionnaire de Mogeré, также лѣтописи малороссійскія и статьи Хмельницкаго и прочихъ гетмановъ; а особливо Histoire de la guerre des cosaques contre la Pologne, par Pierre Chevalier); но представленный имъ самимъ очеркъ полонъ самыхъ грубыхъ ошибокъ и ложныхъ заключеній. По его словамъ, литовскій князь Гедиминъ Кіевъ покорилъ въ 1240 году послѣ битвы надъ Ирпенью; начало запорожскаго козачества онъ относитъ къ 1340 году и т. д.

Самая записка повторяетъ часто слово въ слово, иногда въ переложеніи, записку Теплова¹⁾. Приведемъ наудачу для образца нѣсколько мѣстъ изъ записки Бестужева-Рюмина и Теплова.

¹⁾ О непорядкахъ, которые происходятъ нинѣ отъ злоупотребленія правъ и обмороженій, грамотами подтвержденныхъ Малороссіи (Записки о южной Руси, Кулиша, ч. II, стр. 175—196).

Вотъ начало одной и другой записки:

Записка Бестужева-Рюмина.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссийскаго отдѣленіе, а потомъ привычка къ польскому праву, которое королями Казимиромъ, Сигизмундомъ первымъ и Стефаномъ Батори, для лучшаго притязанія въ единство своей области, въ нихъ вкоренено, вкоренило въ Малороссійской народъ особливныя мысли о своихъ вольностяхъ и обыкновеніяхъ.

А вотъ — конецъ:

Сіи суть только генерально показанные неурядки въ Малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженный и вѣчныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій; но понеже край малороссійской до познанія его въ самое жесточайшее военное время пришелъ, а поправление его требовало не мало времени, то хотя изъ многихъ учреждений и видны были ко всему начатки премудраго господаря, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподо-

Записка Теплова.

Долговременное сего народа отъ самодержавія Всероссийскаго отдѣленіе, а притомъ приобыкновеніе (sic) къ польскимъ правамъ, которыя королями Казимиромъ, Сигизмундомъ I и Стефаномъ Баторіемъ, для лучшаго приведенія въ единство своей области, въ нихъ вкоренены, вкоренили въ сей малороссійскій народъ и особливныя вольности и обыкновенія.

Сіи суть токмо генерально показанные неурядки в малороссійскомъ народѣ; но ежели бы нужда востребовала все сіе яснѣе показать, то надлежитъ только заглянуть въ теченіе ихъ судовыхъ дѣлъ, въ произведеніе государевыхъ повелѣній и во внутреннюю ихъ собственную экономію; тогда множайшіе еще показаться могутъ. Много о томъ, какъ видно, помышлялъ блаженный и вѣчно достойныя памяти Государь Императоръ Петръ Великій, но понеже край Малороссійскій до познанія его въ самое жесточайшее время пришелъ, а поправление его требовало не малаго времени, то хотя изъ многихъ учреждений и видны были ко всему сему

волю дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго монарха застигла.

начатки премудраго Государя, до времени не доставало то привести въ порядокъ, что исподоволь дѣлать надлежало, а между тѣмъ смерть сего великаго Монарха застигла, и больше никто о томъ не мыслить.

И такъ, записка Бестужева-Рюмина представляетъ чуть ли не простую копію съ записки Теплова. Записку Теплова г. Кулишъ относитъ къ царствованію императрицы Елисаветы Петровны, но основаній въ пользу своего мнѣнія не приводитъ никакихъ. С. М. Соловьевъ въ 33 примѣчаніи къ 26 тому „Исторіи Россіи“ относитъ ее ко времени уничтоженія гетманства. Мы склоняемся болѣе къ мнѣнію С. М. Соловьева, тѣмъ болѣе, что тогда уясняется нѣсколько вопросъ и о запискѣ Бестужева-Рюмина. Несомнѣнно, что Тепловъ игралъ двойную игру въ малороссійскихъ дѣлахъ: наставникъ и ближайшій совѣтникъ гетмана Разумовскаго, онъ, какъ никто другой, способствовалъ уничтоженію гетманщины. Нужно полагать, что записка Теплова была написана для Екатерины II съ цѣлью оправдать уничтоженіе гетманства, но пока еще не получила огласки; быть можетъ также, что Тепловъ до поры до времени считалъ неудобнымъ дать свою фамилію подъ своею запискою, а потому то Бестужевъ-Рюминъ приписалъ ее себѣ.

Что касается до записки Теплова, то взгляды на нее, какъ извѣстно, расходятся. Г. Кулишъ видитъ въ ней картину малороссійскихъ порядковъ конца прошлаго вѣка, нарисованную кистью патріота. Максимовичъ, напротивъ, видитъ въ ней тенденціозную каррикатуру челоука, злобно относившагося къ Малороссіи. Это вопросъ очень любопытный, но затрогивать его здѣсь въ библиографической замѣткѣ мы не имѣемъ возможности; скажемъ только, что Тепловъ, какъ намъ кажется, былъ болѣе правъ, чѣмъ доказываетъ Максимовичъ.

Дн. Багалъи.

Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева. Приведены въ порядокъ и изданы подъ редакціею академика А. Ѳ. Бычкова. С.-Петербургъ, 1882 г.

Книга составлена на основаніи матеріаловъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ П. М. Строевымъ для исторіи славяно-рос-

сѣйской литературы и хранившихся въ академіи наукъ, въ пяти портфеляхъ. Они содержатъ частію совершенно обработанныя статьи, въ видѣ бібліологическаго словаря отъ буквы А до буквы Е, отъ № 1 до № 87 включительно, частію статьи, оставшіяся еще въ сыромъ видѣ, отъ № 88 до № 314, и сверхъ того „Смѣсь“, названную такъ самимъ собирателемъ. Всѣ эти матеріалы, за небольшими исключеніями, являются однимъ изъ результатовъ снаряженной академіею наукъ археографической по Россіи экспедиціи, принесшей такую существенную пользу отечественной исторіи.

Библіологическій словарь и матеріалы расположены въ алфавитномъ порядкѣ именъ и фамилій писателей и переводчиковъ. Въ первомъ при каждомъ лицѣ сначала сообщаются нѣкоторые біографическія о немъ данныя, а затѣмъ исчисляются его сочиненія и переводы, иногда съ подробнымъ изложеніемъ ихъ содержания, а иногда и съ присовокупленіемъ ихъ критической оцѣнки, и почти всегда съ указаніемъ лучшихъ списковъ и мѣстъ ихъ гравенія. Въ „матеріалахъ“ же только указаны рукописи, въ которыхъ П. М. Строевъ во время своего археографическаго путешествія и при другихъ бібліографическихъ работахъ находилъ то или другое сочиненіе извѣстнаго автора, и весьма рѣдко приведены бібліографическія и другія данныя.

Къ составленію словаря, или точнѣе сказать—къ обработкѣ собраннаго матеріала, П. М. Строевъ приступилъ 9 сентября 1835 года; 6 ноября того же года онъ еще занимался этимъ трудомъ, но затѣмъ онъ его оставилъ. Если бы П. М. Строевъ окончилъ и напечаталъ свой трудъ своевременно, то онъ, безъ всякаго сомнѣнія, занялъ бы почетное мѣсто среди пособій для изученія нашей древней литературы и внесъ-бы въ нее много новыхъ данныхъ; но теперь, когда послѣ 1835 года, въ теченіе 40 лѣтъ, явлюсь нѣсколько важныхъ изслѣдованій по исторіи русской литературы, на основаніи вновь открытыхъ данныхъ,—изданы каталоги нѣкоторыхъ рукописныхъ собраній и напечатанъ обзоръ русской духовной литературы архіепископа Филарета,—начало бібліологическаго словаря П. М. Строева и собранные имъ матеріалы утратили во многомъ свое значеніе, хотя тѣмъ не менѣе они заключаютъ въ себѣ по мѣстамъ любопытныя подробности, обнародованіе которыхъ не бесполезно.

Въ виду послѣдняго обстоятельства и сознавая, что печатать теперь вполне словарь П. М. Строева и матеріалы къ нему значило-бы повторять иногда всѣмъ и давно извѣстное, академикъ А.

Ө. Бычковъ сличилъ ихъ съ „Словаремъ“ митрополита Евгенія, съ „Обзоромъ“ архіепископа Филарета и съ тѣми дополненіями, которые были вызваны появленіемъ въ свѣтъ послѣдняго труда, съ цѣлю выдѣлить тѣ данныя, которые представляютъ интересъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Впрочемъ, чтобы дать полное понятіе о составѣ Словаря и матеріаловъ для исторіи славяно-россійской литературы, академикъ Бычковъ перечислилъ всѣ статьи, въ нихъ входящія, сохранивъ данный имъ П. М. Строевымъ азбучный порядокъ расположенія. Изъ этихъ статей однѣ напечатаны цѣликомъ (таковыя означены звѣздочкою), другія-же, содержащія данныя, частію уже обнародованныя, частію-же представляющія интересъ только по разнымъ своимъ подробностямъ, — сокращенно; наконецъ при статьяхъ, не заключающихъ ничего новаго, оставлены лишь имя и фамилія лица и сдѣланы ссылки на вышеупомянутыя сочиненія, въ которыхъ можно найти все, въ этихъ статьяхъ находящееся. Подобныя-же ссылки сдѣланы и при другихъ статьяхъ, когда или исключено изъ нихъ уже извѣстное, или когда свѣдѣнія, въ нихъ помѣщенные, пополняются данными, находящимися въ приведенныхъ сочиненіяхъ; отсутствіе-же ссылокъ при статьяхъ служитъ указаніемъ, что этихъ статей нѣтъ ни въ „Словарѣ“ митрополита Евгенія, ни въ „Обзорѣ“ архіепископа Филарета.

Насъ интересуютъ преимущественно статьи, имѣющія какой-либо мѣстный южноруссійскій интересъ. Въ библиологическомъ „Словарѣ“ и матеріалахъ къ нему отмѣчены звѣздочкой или напечатаны безъ ссылокъ на „Словарь“ Евгенія и „Обзоръ“ Филарета, слѣдовательно представляютъ наибольшій интересъ, статьи мѣстнаго южнорусскаго характера подъ слѣдующими заглавіями: Аѳанасій Пузына, епископъ лудскій и острожскій; Аѳанасій Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій; Аѳанасій Кальнофойскій, монахъ кіево-печерской лавры; Брежевскій Амвросій, шляхтичъ литовскій; Будный Симонъ, одинъ изъ издателей катехизиса въ духѣ лютеранскомъ и на нарѣчій литовско-русскомъ; Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлоруссъ; Варлаамъ Ясинскій, митрополитъ кіевскій; Виталий, іеродіаконъ виленскаго Духова монастыря; Гавриилъ Домедкій; Гедеонъ Одорскій, архимандритъ крупницкаго батуринаскаго монастыря; Гозвинскій Феодоръ, греческій и польскій переводчикъ въ Москвѣ; Григорій Димитріевичъ, священникъ шаргородскій, XVII в.; Дилецкій Николай, изъ Вильны; Доснѣевъ, архимандритъ печерскій, страстествовавшій во св. гору аѳонскую; Елисей Плетенецкій, ар-

кишандриць кієво-печерскій; Игнатій инокъ, переводчикъ Баронія; Иларіонъ, митрополитъ кієвскій; Ипатій Поцѣй, епископъ владимиро-волинскій; Исаія Балабанъ, архимандритъ уневскій и дерманскій; Іосифъ Кирилловичъ, іеромонахъ кієво-печерскій; Кипріанъ святогорець, монахъ кієво-печерскаго монастыря; Константинъ Борковскій, архимандритъ Данилова монастыря; Корвинъ-Красовскій Василій; Кохановскій, іеромонахъ; Симеонъ Полоцкій; Скибинскій Григорій Алексѣевичъ, докторъ философіи; Феодоръ Михайловъ Бѣльскій, діакопъ; Феоданъ, монахъ чудова монастыря, и друг., также нѣсколько житій, повѣстей о чудотворныхъ иконахъ, каноновъ, лѣтописей, патерикъ печерскій, переводы сочиненій, сдѣланные неизвѣстными лицами, повѣсти и сказанія, слова и поученія, сочиненія неизвѣстныхъ авторовъ, и проч.

Нѣкоторыя изъ этихъ статей сообщаютъ совершенно новыя свѣдѣнія, доселѣ неизвѣстныя въ нашей литературѣ. За то нѣтъ въ „Библіологическомъ Словарѣ“ свѣдѣній о такихъ писателяхъ или произведеніяхъ древней письменности и литературы, о которыхъ стало извѣстно послѣ трудовъ митрополита Евгенія и архіепископа Филарета и вызванныхъ ими дополненій. Но составленіе полнаго „Библіологическаго Словаря“, на основаніи веѣхъ доступныхъ въ настоящее время источниковъ, и не входило въ задачи академія Бычкова.

Н. П.

Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und lateinischen Schriftsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.

(Эрнестъ Боннель. Дополненія къ археологій Россіи, съ древнѣйшихъ временъ до 400 года по Р. Х., составленныя преимущественно по извѣстіямъ греческихъ и римскихъ писателей. Томъ I, Петербургъ, 1882 г.)

Объемистый томъ, изданный г. Боннелемъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, посвященъ весь изслѣдованію древнѣйшихъ извѣстій о южной Россіи, сообщаемыхъ Геродотомъ. Авторъ, обладающій большою эрудиціею, извлекъ изъ греческой литературы все свѣдѣнія, крупныя и мелкія, относящіяся къ Скиѣи и Скиѣамъ, и

воспользовался ими для поясненія и комментировки свѣдѣній Геродота; затѣмъ онъ пересмотрѣлъ всю новѣйшую литературу, относящуюся къ избранному имъ сюжету и разсмотрѣлъ всѣ высказанныя повныя гипотезы, относящіяся къ даннымъ, сообщаемымъ греческимъ отцемъ исторіи о географіи, этнографіи и исторіи скиеовъ. Особенно интересна послѣдняя глава, представляющая опытъ изслѣдованія о языкѣ скиеовъ, предпринятаго на основаніи сличенія скиескихъ именъ (числомъ до 60), уцѣлѣвшихъ какъ у Геродота, такъ и у другихъ греческихъ писателей, а равно на надписяхъ, найденныхъ въ Ольбін, Тирасѣ и другихъ греко-понтійскихъ городахъ.

На основаніи какъ филологическихъ сближеній, такъ и разсмотрѣнія быта, обычаевъ, религіозныхъ вѣрованій и историческихъ извѣстій о скиеахъ, г. Боннель приходитъ къ убѣжденію, весьма точно обставленному научными доводами, что скиеы (точнѣе господствовавшее въ Скиеи племя) принадлежали къ иранской вѣтви арійскаго племени. Вотъ вкратцѣ важнѣйшіе выводы автора, сообщаемые имъ въ заключеніи его сочиненія: „Скиеы и Савроматы составляли народъ иранскаго племени, который за нѣсколько столѣтій до Р. Х. былъ вытѣсненъ изъ Азіи другимъ иранскимъ народомъ (вѣроятно массагетами) за Волгу и постепенно, въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій, овладѣлъ всею странюю, лежавшею между Дономъ и устьемъ Дуная. Народъ этотъ сохранился въ самомъ чистомъ видѣ въ группѣ такъ называемыхъ царскихъ или свободныхъ скиеовъ, которые во время Геродота обитали между Герросомъ¹⁾ и Дономъ, а также занимали Крымъ, за исключеніемъ гористой его части. Савроматы составляли правдоподобно помѣсь, происшедшую отъ браковъ скиеовъ съ женщинами покоренныхъ ими киммеріанъ, обитавшихъ къ востоку отъ азовскаго моря. Такой смѣшанный народъ населялъ, повидимому уже въ пятomъ столѣтіи, страну, лежащую на востокъ отъ азовскаго моря между Дономъ и Босфоромъ Киммерійскимъ (Керченскимъ проливомъ). Точно также и къ западу отъ Герроса скиеы смѣшались съ

¹⁾ Авторъ не находитъ возможнымъ точно опредѣлить, какую рѣку Геродотъ разумѣлъ подъ именемъ Герроса; разсмотрѣвъ всѣ высказанныя въ этомъ отношеніи гипотезы, онъ предполагаетъ, что рѣка Волчьа (притокъ Самары) соединялась въ то время съ Калміусомъ и образовывала значительную рѣку, которую Геродотъ и обозначилъ именемъ Герроса. (Стр. 71, 106).

туземнымъ киммерійскимъ народонаселеніемъ. Киммеріане, занимавшіе страну до прихода скиеовъ, вышли въ бѣдѣ раннее время изъ передней Азіи, вытѣсненные вѣроятно изъ первоначальной родины борьбою семитскихъ народовъ между собою или можетъ быть нашествіемъ египтянъ; они, до выхода изъ Азіи, находились въ весьма продолжительныхъ сношеніяхъ съ этими народами и заимствовали у нихъ многія черты культуры, тѣмъ и объясняются слѣды семитскаго вліянія, которые можно подмѣтить среди скиеовъ. Киммеріане были соплеменники скиеовъ; они были предками племенъ: кельтискаго и лето-славянскаго; правдоподобно та честь киммеріанъ, которая оставила страну и поселилась за предѣлами Скиѳіи послѣ пришествія скиеовъ, была извѣстна въ послѣдствіи подъ именемъ: невровъ, агаѳиновъ и тауровъ. Собственные скиѳы и савроматы (или, по крайней мѣрѣ, часть послѣднихъ) были предками германцевъ (именно отъ собственныхъ скиеовъ произошли готы). Остальная часть населенія Геродотовой Скиѳіи, хотя и обозначается общимъ именемъ скиеовъ и савроматовъ, но имя это имѣетъ только политическое значеніе, большинство же народонаселенія состояло изъ оставшихся въ странѣ киммеріанъ и должно быть причислено къ вѣтвямъ кельтискаго и лето-славянскаго. Относительно народа, населявшаго страну еще до пришествія киммеріанъ (финны или баски?), ничего пока положительнаго установить не возможно; но предположеніе о существованіи этого первобытнаго населенія возможно" (стр. 501—503).

Приведенные выводы г. Боннеля можно раздѣлить на двѣ группы положеній, не обладающихъ въ равной мѣрѣ историческою достовѣрностію и не одинаково обставленные какъ научнымъ матеріаломъ, такъ и критическими приѣмами. Всѣ тѣ положенія автора, которыя основаны на изученіи классическихъ писателей и имѣютъ цѣлью объяснить извѣстія Геродота объ этнографіи и исторіи Скиѳіи, несомнѣнно составляютъ цѣнный вкладъ въ науку и по добросовѣстности изученія, ясности изложенія и трезвости взгляда заслуживаютъ полную благодарность всѣхъ интересующихся данными о древнѣйшей исторіи южной Россіи. Другая группа положеній автора, въ которыхъ онъ пытается связать народы геродотовой Скиѳіи съ историческою этнографіею и позднѣйшею исторіею европейскихъ народовъ, не обладаетъ качествами первой группы. Въ попыткахъ автора мы постоянно встрѣчаемъ если не предвзятую мысль, то по меньшей мѣрѣ стремленіе уста-

новить гипотезу на такомъ количествѣ данныхъ научныхъ, которыя вовсе не достаточны для того, чтобы придать ей характеръ сколько нибудь достовѣрный. Для примѣра раземотримъ положенія автора, на основаніи которыхъ онъ съ большою увѣренностью высказываетъ мнѣніе о томъ, что скиены (дарокіе) были предками германцевъ. Сличивъ сказаніе Геродота о скиенахъ съ извѣстіями Страбона, Цезаря и Тацита о бытѣ германцевъ, авторъ высказываетъ слѣдующія положенія: „оба народа уседобляются другъ другу по слѣдующимъ признакамъ: оба поклонялись божеству какъ существу духовному, не допуская ни изображеній боговъ, ни храмовъ. Богамъ приносили въ жертву людей (военнопленныхъ), домашнихъ животныхъ, особенно лошадей, но никогда для жертвоприношенія не употребляли свиней. Угадывали волю боговъ посредствомъ гаданія, при чемъ цифра 3 имѣла особенное значеніе. Не было господствующаго жреческаго сословія, но царь исполнялъ функціи верховнаго жреца и въ религіозныхъ дѣлахъ пользовался исполнительною властью. Во время Страбона и Цезаря германцы были кочевниками въ такой же мѣрѣ, какъ скиены во время Геродота. Оба народа питались по преимуществу молокомъ и мясомъ своихъ стадъ, также дичью и рыбою, не занимались земледѣліемъ, хотя уважали это занятіе, они любили предаваться хищническимъ набѣгамъ, охотѣ и войнѣ потому, что жилища ихъ граничили съ пустынями (?). Населеніе, занимавшееся земледѣліемъ въ странахъ какъ скиеновъ, такъ и германцевъ, было населеніе коренное кельтическое, литовское или славянское, покоренное воинственными пришельцами-кочевниками. Какъ у скиеновъ такъ и у германцевъ господствовало единоженство. У скиеновъ, какъ и у германцевъ, мужчины и женщины носили одинаковую одежду. Черепа убитыхъ враговъ сохранялись и служили вмѣсто чаши. Договоры закрѣпляли присягою, приносимою на оружіи. Ссоры рѣшались часто публичнымъ поединкомъ. Полагали, что жизнь продолжается за гробомъ, потому покойникамъ клали въ могилу оружіе, лошадей, часть драгоценностей, иногда женъ, рабовъ и слугъ. Пять служителей, окружавшихъ скиенскихъ царей (чашникъ, поварь, конюшій, камердинеръ и герольдъ) представляютъ первообразъ придворныхъ чиновъ позднѣйшихъ германскихъ королей (?). Короли какъ у германцевъ, такъ и у скиеновъ, могли быть избираемы и устраняемы народнымъ собраніемъ. Многіе изъ числа приведенныхъ обычаевъ до того характеристичны, что нельзя не признать тождества обоихъ народовъ и потому не можетъ быть сомнѣнія

въ томъ, что скифы и савроматы были болѣе или менѣе прямыми предками германцевъ". (Стр. 388—389).

Разсмотрѣвъ эти неоспоримыя, по мнѣнію автора, черты тождества обоихъ народовъ, мы не только не можемъ признать ихъ вполне доказательными, но даже не находимъ въ нихъ основанія для самой осторожной гипотезы въ пользу положенія автора. Всѣ перечисленныя имъ этнографическія черты быта на врядъ-ли могутъ быть признаны характеристическими; онѣ или указываютъ лишь на извѣстную степень культуры, черезъ которую проходили всѣ народы (кочевой бытъ, культъ мертвыхъ, пристрастіе къ войнѣ и грабежу и т. п.), или составляютъ нѣсколько наивныхъ сближеній явленій слишкомъ отдаленныхъ и разнородныхъ (какъ замѣчаніе о царскихъ служителяхъ). Такия черты быта, какъ пристрастіе къ войнѣ и охотѣ, отсутствіе храмовъ и жрецовъ, принесеніе присяги на оружіи, употребленіе череповъ вмѣсто чашъ, гаданіе, поединки и т. д. могутъ быть указаны въ исторической этнографіи многихъ племенъ: славянъ, литовцевъ, тюрковъ и т. д.

Въ заключеніе можемъ высказать еще одно сожалѣніе по поводу сочиненія г. Бовнена: онъ почти совершенно отстранилъ матеріалъ собственно - археологическій и не обратилъ вниманія на богатые раскопки, совершенныя на территоріи новороссійскаго края Императорскою Археологическою Коммисією, чѣмъ лишилъ себя весьма важнаго и, при настоящемъ состояніи науки, обязательнаго матеріала для дополненія и поясненія Геродотовыхъ извѣстій о Скиѣи.

В. А.

Историческіе матеріалы изъ архива кievскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-ой. Издавъ редакторъ неофициальной части Киевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, А. А. Киевъ, 1882 г.

Въ январской книжкѣ Киевской Старины сообщено было объ изданіи историческихъ матеріаловъ, хранящихся въ архивѣ кievскаго губернскаго правленія, предпринятомъ редакцією Киевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей. Почтенная редакція продолжаетъ вести задуманное дѣло и очевидно чѣмъ далѣе подвигается разработка архива, тѣмъ болѣе интересный и цѣльный матеріалъ она находитъ возможнымъ извлечь и сгруппировать въ своемъ изданіи.

Передъ нами второй выпускъ „Историческихъ матеріаловъ“, который, отличаясь тою-же добросовѣстностью редакціи, далеко превосходить 1-й выпускъ полнотою и взаимною связью предлагаемаго матеріала. Въ выпускѣ этомъ помѣщено 18 дѣлъ. Половина ихъ относится къ разнымъ событіямъ, представляющимъ болѣе или менѣе важный историческій интересъ; между ними особенно обращаетъ на себя вниманіе дѣло о поземельной собственности самарскаго пустынно-николаевскаго монастыря. Какъ извѣстно, монастырь этотъ основанъ былъ въ началѣ XVII ст. на земляхъ запорожскихъ (въ 2-хъ верстахъ отъ пылѣшняго города Новомосковска, екатеринославской губ.). Послѣ упраздненія запорожской общины, монастырь продолжалъ существовать еще нѣкоторое время въ качествѣ монастыря приписнаго къ кіево-межигорскому, приходомъ котораго считалось нѣкогда все Запорожье. Дѣло, помѣщенное въ „Историческихъ матеріалахъ“, заключаетъ документы (1778—1781 г.), относящіеся къ ходатайству межигорскаго монастыря объ оставленіи въ его пользованіи земель и угодій, пожертвованныхъ въ пользу самарскаго монастыря запорожцами, а также опись этихъ земель и угодій. Довольно интересно также уголовное, политическаго характера, дѣло (1753 г.), возникшее по тому поводу, что случайно, при обыскѣ дома одного изъ кіевскихъ мѣщанъ (Холявки), найдены были копіи указовъ „подъ извѣстнымъ титуломъ“ (т. е. писанные отъ имени Іоанна Антоновича), которые по смыслу Высочайшаго указа приказано было раньше отослать, „куда слѣдуетъ“. За неисполненіе этого указа и за упоминаніе „имени извѣстныхъ персонъ“ въ спискѣ, при которомъ препровождались „куда слѣдуетъ“ отысканные документы, кіевскій магистратъ заслужилъ „довольный репримандъ“, а канцеляристы его попали подъ судъ. Другая половина дѣлъ, помѣщенныхъ въ „Историческихъ матеріалахъ“, составляетъ группу документовъ, связанныхъ между собою содержаніемъ; это матеріалы для исторіи крестьянъ, крѣпостнаго права и крестьянскаго землевладѣнія въ кіевскомъ намѣстничествѣ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Здѣсь помѣщены свѣдѣнія о побѣгахъ крестьянъ отъ помѣщиковъ, о закрѣпощеніи послѣдними козаковъ, объ отчужденіи крестьянскихъ земель и, между прочимъ, два весьма драматическіе факта о сопротивленіи козаковъ, при отчисленіи ихъ въ крѣпостные. Особенно рѣзко обозначается сопротивленіе это въ дѣлѣ „о возмущеніи въ селѣ Турбахъ“ (сынъ Трубаи, хорольскаго узда) 1789 года. Здѣсь

народное раздраженіе, вызванное припискою козаковъ въ крѣпостные, разразилось весьма рѣзкою вспышкой, жертвою которой пали помѣщики Степанъ и Иванъ Базилевскіе и подверглись оскорбленіямъ и насиліямъ члены суда, выѣхавшіе въ Турбаи для установленія правъ Базилевскихъ.

Вообще 2-й выпускъ историческихъ матеріаловъ представляетъ цѣнный вкладъ въ сокровищницу мѣстной археографіи, и мы искренно желаемъ, чтобы редакція Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостей продолжала начатое ею полезное предпріятіе. Мы встрѣтимъ съ тѣмъ большимъ интересомъ слѣдующіе выпуски „Историческихъ матеріаловъ“, что, какъ мы слышали, редакція успѣла уже собрать столь значительный запасъ документовъ, что въ дальнѣйшихъ выпускахъ она намѣрена въ каждой книжкѣ группировать матеріалы, имѣющіе другъ съ другомъ связь по содержанію, такъ, что каждая книжка будетъ представлять наборъ источниковъ по какому-либо отдѣльному сюжету изъ исторической жизни края.

А.

Извѣстя и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ПАСѢКА ГЕТМАНА Б. ХМЕЛЬНИЦКАГО ¹⁾.

Въ февралѣ 1705 года инокиня киевпечерскаго дѣвичьяго вознесенскаго монастыря, нѣкая Θεодосія Кондратьева Хмельницкая, вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Θεодоромъ, очевидно послѣднимъ отпрыскомъ знаменитой гетманской фамиліи Хмельницкихъ, продала честнымъ отцамъ выдубицкаго михайловскаго монастыря за сто талерей монеты доброй свою отчизну и дѣдизну—пасѣку съ садами въ лѣсу *Лебединъ*, о которомъ поется въ гайдамацкихъ пѣсняхъ и который находился въ западной части нынѣшняго чигиринскаго уѣзда и окружалъ село Лебединъ. Въ частности положеніе пасѣки, проданной инокинею Хмельницею, по актамъ опредѣлено такъ: „въ лѣсѣ Лебединѣ, на потоцѣ водномъ, текучимъ въ поле на долину, прозваніемъ Липянку, къ речкамъ Товмачу и Висѣ сходъ имѣющимъ“. Тогдашній игуменъ выдубицкаго монастыря Варлаамъ Страховскій позаботился закрѣпить новое земельное приобрѣтеніе и въ маѣ 1707 года выхлопоталъ у гетмана Ив. Мазепы универсалъ, которымъ утверждалось право монастыря на владѣніе лебединскою пасѣкою и „владзою гетманскою“, накрѣпко приказывалось, „абы никто з старшихъ и меншихъ войсковыхъ и посполитыхъ людей не смѣлъ и не важилса в диспонуваню тое пасѣки монастыреви выдубицкому жаднымъ способомъ найменшою чинити пѣрешкоды,

¹⁾ Свѣдѣнія о ней заимствованы изъ рукописнаго сборника документовъ киево-выдубицкаго монастыря.

кривды, долегливости, утяженя и спустошена“. Но tempoга mutan-
 tig: пять лѣтъ спустя, правобережная Украина, по прутскому до-
 говору, отошла въ польское владѣніе, и отъ могучаго „рейментар-
 скаго“ универсала, какъ юридическаго акта, для честныхъ отцевъ
 выдубицкаго монастыря осталось лишь одно пріятное воспоминаніе.
 Теперь спокойное „диспонованье“ ихъ лебединскою пасѣкою было
 поставлено въ зависимость отъ благорасположенія польскаго маг-
 ната Яна-Каэтана Яблоновскаго, старосты чигиринскаго, и еще бо-
 лѣе отъ его ближайшаго подчиненнаго, смѣлянскаго губернатора
 Войтеха Буальскаго, въ волости котораго находился лебединскій
 лѣсъ. Черницы выдубицкіе скоро успѣли войти въ пріятельство съ
 п. Буальскимъ, вели съ нимъ дружескую корреспонденцію, время
 отъ времени послали ему „презенты“, въ видѣ „юхты“ (кожи) и
 другихъ натуральныхъ приношеній, брали на себя комисіонныя
 порученія по размѣну для него польскихъ золотыхъ на русскіе
 рубли и проч. и подъ его пріятельскою защитой мирно хозяйни-
 чали въ лебединской пасѣвѣ, держа въ ней на „послунаніи“ нѣс-
 колько человекъ изъ братіи. Но подъ конецъ 30-хъ годовъ XVІІІ в.
 лебединскіе жители Яцько, Иванъ, Грицько и Макаръ Засенки
 предъявили претензію на лебединскую пасѣву, принадлежавшую
 будто-бы ихъ дѣду Василю Засю. Въ подтвержденіе своихъ правъ
 они представили какіе-то документы и сослались на свидѣтельство
 мѣстныхъ старожилевъ. Дѣло поступило на судъ смѣлянскаго гу-
 бернатора, который хотя и водилъ пріятельство съ игуменомъ и
 братіей выдубицкаго монастыря, но опасался явно пожертвовать
 интересами Засенковъ, подданныхъ своего патрона, старосты чиги-
 ринскаго, и потому приступилъ къ обстоятельному разслѣдованію
 спорнаго дѣла. Сохранились многочисленныя показанія старыхъ лю-
 дей, раскрывающія небезынтересную исторію лебединской пасѣки.
 Еще до Хмельницкаго пасѣкою этою владѣлъ польскій шляхтичъ,
 по прозванію Пшунка. Въ его время жилъ въ Лебединѣ козаць
 Кайданъ, который за какія-то „значныя преступленія противу за-
 кона Божія и статутовъ“ подпалъ старостинскому суду „и явилъ
 себя достойнымъ смерти висѣльничей“. Когда его вели уже на
 мѣсто казни, онъ встрѣтилъ знакомаго ему раньше пана Пшунку
 и сталъ съ плачемъ просить послѣдняго спасти его отъ позорной
 смерти, обѣщаясь за то быть рабомъ ему до конца своей жизни.

Ласковый панъ сжалился надъ несчастнымъ козакомъ Кайданомъ и открыто взялъ его подъ свое покровительство, а вслѣдъ за тѣмъ, при помощи личныхъ связей съ старостой и надлежащихъ *донами* (подарковъ) судовымъ урядникамъ, совсѣмъ освободилъ его отъ суда и наказанія. Въ актовыхъ книгахъ старинныхъ южнорусскихъ судовъ XVI и XVII столѣній не рѣдко встрѣчаются записи, по которымъ лица мѣщанскаго, боярскаго и другихъ подобныхъ сословій обязывались пожизненно быть вѣрными людьми какого-нибудь шляхтича, вызволившаго ихъ отъ смертной казни по приговору суда за уголовныя преступленія. Такую же запись вѣроятно выдалъ пану Пшунѣ и провинившійся козакъ Кайданъ и сталъ его вѣчнымъ рабомъ. Великодушный Пшунка потребовалъ отъ своего новаго подданнаго небольшой работы: онъ сдѣлалъ его пасѣчникомъ въ своей лебединской пасѣѣ. Скоро послѣ того вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго. Панъ Пшунка бѣжалъ въ Польшу, а его пасѣку въ лебединскомъ лѣсу взялъ себѣ самъ гетманъ Богданъ Хмельницкій. Пасѣчникъ Кайданъ не послѣдовалъ за своимъ паномъ, а остался смотрѣть за пчелами новаго хозяина. Все это показали лебединскіе старожилы, въ числѣ которыхъ оказался одинъ очень старый пасѣчникъ Яковецъ, не разъ бывшій атаманомъ въ Лебединѣ и знавшійся въ молодости съ еще болѣе старыми людьми, свидѣтелями эпохи Хмельницкаго. „И тое (прибавилъ Яковецъ въ своемъ показаніи) я чувъ запевне одъ старого пасичника Ивана Близняка, що того-жъ часу и време войско турецкое, якъ шло с-подъ Чигирина, въ пасіці Пшунчиной пчолы гетманскии Хмельницкого выбили; и отъ того часу не було пчоль гетмана Хмельницкого в пасіці Пшунчиной“.

А послѣ тревожной эпохи временъ Дорошенка, сохранившейся въ народной памяти подъ именемъ „великои руины“, съ лѣвобережной Украины, именно изъ с. Власовки, „бовуномъ перевезся“ въ Лебединъ сынъ гетманскаго пасѣчника Кайдана, Василь Засѣ, „и, вшедши въ Пшунчину пасѣку, ставъ называтись господаремъ до половины пасѣки, а про другу половину сказавъ, що тая половина—гетманишина, а якои гетманихи—того не упомню. Потомъ не скоро чернцѣ киевскіи приехали съ купчими письмами, то я чувъ отъ своего тестя Кривенького, що Кривенькій казавъ Засѣвъ при мѣѣ: „отъ тебѣ, брате Василю, уже не мѣсце въ пасѣцѣ, коли

найшлися господарѣ“. И чувъ я отъ Кривенького жъ, що и отаманъ Горбинка тое жъ сказавъ Засевѣ: „брате Засю, уже тобѣ не мѣсце въ той пасѣцѣ, шукай собѣ где инде мѣсца“. А чернецъ киевскій говоривъ Засевѣ: „коли тобѣ жаль пасѣки, дай въ манастиръ сто золотыхъ, и твоя будетъ пасѣка“. Тое жъ и отаманъ и люде говорили Засевѣ, жебы купивъ у чернцовъ пасѣку; але Зась, порадившись зъ своею женою, не схотѣвъ куповать пасѣки, а скоро чернцѣ съ пчолою ввезлися въ Пшунчину пасѣку, того жъ часу Зась совсѣмъ вывюзся въ Почекаеву пасѣку“.

Всѣ подобныя показанія лебединскихъ старожиловъ достаточно подтверждали наслѣдственныя права Засенцовъ на дѣдовскую часть лебединской пасѣки и потому смѣлянскій губернаторъ въ 1739 г. присудилъ выдѣлить имъ половину спорной пасѣки. Высланные имъ лебединскіе жители, во главѣ съ атаманомъ, провели между и положили по тогдашнему обычаю „клейна“, т. е. межевыя знаки: „первое клейно—крестъ на группѣ противъ погреба; другое клейно на берестовомъ пнѣ—такожде крестъ; третье клейно надъ ставкомъ на яблонѣ, а на томъ боцѣ ставка дубъ росоховатый великій, а съ приходу такожде дубъ съ клейномъ крестовымъ“. Но отцы выдубицкіе не хотѣли подчиниться этому рѣшенію и настаивали на своемъ правѣ безраздѣльнаго владѣнія пасѣкою. Смѣлянскій губернаторъ, въ письмѣ къ архимандриту, униженно оправдывался, что онъ рѣшилъ дѣло по сущей справедливости, указывая, что въ монастырскихъ документахъ не опредѣлены границы спорной пасѣки и что эти документы не были никогда подтверждены чигиринскимъ старостою; въ крайнемъ случаѣ онъ совѣтовалъ архимандриту апеллировать къ его принципалу, старостѣ Яблоновскому, и въ видахъ болѣе вѣрнаго успѣха дружески наставлялъ, что „daleko by rzecz fundamentalnieysza była, gdyby za te pasieki certum quantum importare do skarbu j. m. mego dobrodzieja“¹⁾. Послѣдовали-ли честные выдубицкіе отцы этому совѣту, изъ дѣла не видно.

О. Левицкій.

¹⁾ Т. е. «было-бы гораздо надежнѣе внести за эту пасѣку извѣстную сумму въ кассу его милости, моего добродія» (ст. Яблоновскаго).

КЪ ИСТОРИИ ЗАПОРОЖЬЯ.

Въ іюньской книжкѣ „Кіевской Старины“, на стр. 548, помѣщена небольшая замѣтка подѣ заглавіемъ: „Гдѣ именно жили запорожцы во время подчиненія своего крымскому хану“. Авторъ замѣтки, г. Левченко полагаетъ, что они жили въ это время или на болотистомъ островѣ, называемомъ „Кошова“, или-же на другихъ днѣпровскихъ островахъ, но не въ аleshковскомъ уѣздѣ, т. е. на таврическомъ берегу Днѣпра. Мы просимъ г. Левченко прочесть со вниманіемъ стр. 21—54 2-й части книги нашей подѣ заглавіемъ: *Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коша запорожскаго*, изданной въ Одессѣ въ 1846 году, и онъ найдетъ подробный отвѣтъ на свой вопросъ: гдѣ жили запорожцы во время своего злополучнаго скитанія подѣ крымскимъ покровительствомъ? А именно—послѣ бѣгства Мазепы, съ старшиною малороссійскою и частью запорожскою, съ шведскимъ королемъ Карломъ въ Бессарабію, мятежный кошевой Костя Гордѣенко перешелъ изъ разоренной полковникомъ Галаганомъ „Старой Сѣчи“ на Чертомлыкѣ ¹⁾ на крымскія степи за Днѣпромъ и тамъ поставилъ свой кошъ на р. Каменкѣ, близъ нынѣшней почтовой станціи Мѣловой. Тамъ умеръ онъ,—эта несчастная жертва Мазепиной крамолы, и тамъ до сихъ поръ сохранилась его могила съ надгробнымъ каменнымъ крестомъ. Спустя нѣкоторое время, русскія войска ихъ оттуда выгнали, и козаки, скитаясь по разнымъ ногайскимъ кочевьямъ, въ томъ числѣ и въ одесскомъ нынѣшнемъ уѣздѣ, близъ лимановъ, только по заключеніи мира съ Турціею могли успокоиться и основать Сѣчь въ Алешкахъ въ 1712 г., гдѣ и оставались подѣ тяжкимъ татарскимъ надзоромъ до 1730 г., т. е. до возвращенія подѣ родныя русскія знамена, съ дозволенія императрицы Анны Іоанновны. Между 1730 и 1732 годами они основали себѣ Кошъ, уже *послѣдній*, на р. Подпольной, близъ древняго воячьего пепелища, назвавъ его „Новою Сѣчью“ ²⁾.

¹⁾ Нынѣ с. *Капуловка*, екатеринославской губерніи и уѣзда, принадлежащее къ удѣльному вѣдомству.

²⁾ Нынѣ с. *Покровское*, принадлежащее удѣльному вѣдомству екатер. губ. и уѣзда.

Но на островѣ Кошевомъ у Херсона, ничтожномъ по пространству и постоянному въ XVIII столѣтіи его затопленію, они обитать не могли; это доказывается еще тѣмъ, что тамъ было устроено генераломъ Александромъ Румянцевымъ, отцемъ Задунайскаго, укрѣпленіе, названное *Александръ-Шанцомъ*. Это крѣпость внѣшняго Херсона и бывшаго въ немъ адмиралтейства. Слѣдовательно военное начальство не допустило бы селиться на правомъ берегу Днѣпра мятежникамъ, которыхъ еще многіе годы преслѣдовало наше правительство.

Пользуясь случаемъ поговорить о запорожцахъ, мы предлагаемъ здѣсь еще одинъ документъ изъ столь скуднаго архива аleshковской Сѣчи. Это ярлыкъ основателя ея Капланъ-Гирея I хана крымскаго, увнавшаго, что запорожцы оставили этотъ Кошъ и перешли за Днѣпръ на свои древнія пепелища. При этомъ ярлыкѣ былъ посланъ козакамъ и тотъ „листъ“ Орлика, который мы напечатали въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“. Переводъ ярлика сдѣланъ былъ, вѣроятно, однимъ изъ тѣхъ бѣглыхъ поляковъ, какими въ XVIII столѣтіи наполнены были лагеря и дворы богатыхъ вельможъ западной Европы, Турціи и Крыма:

„Переводъ листу наяснѣйшаго хана его милости“.

„Кошовому атаману, старшинѣ и всему войску запорожскому низовому поздоровленіе.

Листъ вашъ прислалисте до брата моего Оръ-Бея ¹⁾, черезъ который освидчилисте ему, же (что) зичите (желаєте) себѣ повернуться подъ крыла нашей стороны и же отмѣняется намѣреніе, которое взялисте были предъ себе—отйти до Москвы. Что игди (когда) поминутый солтанъ намъ ознаймиль (сообщиль) и листъ, который вы до его писалисте, намъ для вѣдома прислалъ, вельце съ того утѣшилемся. Богъ всемогущій знаетъ наше сердце и намѣреніе и якъ вси беи, мурзы и цѣлое панство крымское старается о вашей цѣлости и желаетъ вамъ всякого добра. Памятайте, что вы ѣли у насъ хлѣбъ и соль и жилисте у насъ до бре. Ежели вы зичите (желаєте) себѣ повернуться вазадъ, будемъ вамъ рады и примемъ васъ ласкаве, якъ гостей, и общаемъ

¹⁾ Оръ-Бей—начальникъ перекопскаго замка, обыкновенно князь или султанъ изъ царствующаго дома Гиреевъ.

вамъ захвати тую самую пріязнь, якую до васъ мѣлисъмо и будете защищаться такъ добре нашею обороною и нашимъ страннолюбіемъ, яко и передъ тымъ, и мы вамъ позволимъ все тое, що передъ симъ мѣлисте. Гдѣ зась (же) мѣете осѣсти, даемъ вамъ волюхъсь обрати (избрать) себѣ такое мѣсто, гдѣ сами хочете. Однакоже рижу (совѣтую) вамъ для вашего добра и пожитку и для нашего угодобанья стати кошемъ на томъ мѣстѣ, на которомъ осѣдалисте были прежде, удавшися (переходя) подъ нашу оборону ¹⁾.

„По указу Порты Оттоманской, панъ Орликъ, гетманъ вашъ, который zostавалъ (находился) до тыхчасъ въ Солоникѣ, пришель теперь до насъ для злученія ся (соединенія) съ нами. Пишетъ до васъ листъ свой, якій мы вамъ посылаемъ при семъ нашемъ листѣ. Яко и онъ мыслить тожь самое, що мы и вы, и который старается о вашемъ добрѣ и пожитку публичномъ, такъ потреба, же бысте вѣрили тому всему, що вамъ въ листѣ своемъ выражаетъ. Для того найбарзей (болѣе всего), же онъ есть вѣшь голова и вашъ вождь и же вы повинни ити за его радою. Съ нашей стороны упевняемъ (увѣряемъ) васъ, же мы примемъ васъ ласкове и же вы не будете мѣть жадной кривды и насилія ни отъ васъ, ни отъ панства крымскаго, ежели повернетесь на мѣсце, которое я вамъ назначаю. Остатокъ скажетъ вамъ устне отдавца сего нашего листу гетманъ Дубоссарскій ²⁾, якій листъ для большей вамъ вѣры власною (собственною) рукою подпишемъ, и печатью нашею отвержаемъ“.

Капланъ Гирей-Ханъ ³⁾.

А. Скальковскій.

НЪ ИСТОРИИ ВѢРОВАНІА О ПРОДАЖѢ ДУШИ ЧОРТУ.

Въ числѣ имѣющихся у насъ дѣлъ генеральнаго малороссійскаго войсковаго суда, относящихся до вѣдовства и колдовства, на-

¹⁾ Т. е. въ Алешкахъ, на стражѣ противъ устроеннаго нашимъ правительствомъ Александръ-Шанць (послѣ крѣпости въ Херсонѣ).

²⁾ Дубоссары (херс. губ.) и Балта были владѣнія (чифликъ) хановъ крымскихъ и управлялись атаманами, армянами.

³⁾ Этогъ Капланъ-Гирей I былъ три раза на престолѣ крымскомъ въ 1707, 1713 и 1730 г.

ходится одно интересное во многихъ отношеніяхъ дѣло о продажѣ души чорту. Возникло оно въ г. Глуховѣ, въ генеральной войско-вой канцеляріи, въ сентябрѣ 1749 года, и озаглавляется такъ: *Дѣло о колодникѣ Иванѣ Роботѣ, отступившему отъ Бога и предавшему себя демону.*

Состоитъ это дѣло, кромѣ не достающей промеморіи или отношенія генеральной войсковой канцеляріи въ духовную митрополіи кievской консисторію, писанной въ сентябрѣ того-же года, изъ слѣдующихъ документовъ: 1) отвѣтной на нее промеморіи кievской консисторіи 22 ноября 1749 года, 2) возвращаемой при ней подлинной росписки Ивана Роботы, которою онъ записалъ душу и тѣло свое демону, 3) указа генеральной войсковой канцеляріи въ войсковой генеральный судъ отъ 28 марта 1750 года, 4) прошенія въ этотъ судъ Ивана Роботы о скорѣйшемъ разсмотрѣніи его дѣла отъ 25 мая того-же года, 5) показанія его въ томъ-же судѣ 5 іюня 1750 г., 6) полуистлѣвшаго рѣшенія войсковаго генеральнаго суда объ Иванѣ Роботѣ, 7) двухъ рапортовъ въ этотъ судъ полтавской полковой канцеляріи объ исполненіи его рѣшенія, 1750 года августа 14 дня и 1751 г. сентября 15 дня и 8) подписки отца подсудимаго Федора Роботы въ принятіи имъ сына изъ полковой тюрьмы 1751 г. сентября 15 дня.

Было-бы утомительно для читателей перечитывать всѣ эти документы, съ небольшими варіаціями передающіе не сложное дѣло о богоотступникѣ Иванѣ Роботѣ. Мы передадимъ сущность и ходъ этого дѣла, приводя лишь наиболѣе характерныя мѣста документовъ.

Въ г. Глуховѣ, въ глуховской войсковой канцеляріи служилъ канцеляристомъ Иванъ Робота. Былъ онъ сынъ значеваго товарища Федора Роботы, а учился предъ тѣмъ въ кievской академіи до реторики и латинскому языку обученъ былъ. Какого состоянія былъ его отецъ и какъ учился сынъ въ академіи, изъ дѣла не видно; но можно по существу дѣла заключить, что ни отецъ его не обладалъ состояніемъ, ни самъ сынъ не просвѣтился, какъ должно, въ тогдашнемъ святилищѣ наукъ. Уже три года служилъ онъ здѣсь и имѣлъ отъ роду 22 года. Положеніе канцеляристовъ всегда и вездѣ самое печальное: въ собственномъ смыслѣ они питаются отъ крупницъ, падающихъ отъ трапезы ихъ господъ, начальниковъ. Таково было положеніе и Ивана Роботы. Нужда одолѣвала его, по-

мощи ни откуда. Въ то темное по понятіямъ время въ кругу людей и выше его господствовало повѣрье, что тамъ, гдѣ уже никто не поможетъ, пособить бѣсъ. Одного хотѣлъ Робота — „споможенія“, прибавки, такъ сказать, къ жалованью, которой тщетно подычьась алчуть и нынѣшніе канцеляристы. Но вспоможеніе отъ демоновъ можно получить не иначе, какъ записавъ имъ душу. Для большей, видно, крѣпости рѣшился бѣдный канцеляристъ, конечно, послѣ тяжкаго раздумья, записать демону не только душу свою, но и тѣло. Но и росписка должна быть не простая: ее надо было писать своею кровію, а кровь добыть изъ собственнаго мизинца. Входя въ душу темнаго человѣка того времени, можно представить себѣ весь ужасъ его положенія, его мукъ, страданій и борьбы съ самимъ собою, пова онъ покончить съ такимъ ужаснымъ дѣломъ. А тутъ надо нести росписку въ поле, куда-либо на перекрестокъ, въ темную при томъ ночь... туда, гдѣ нѣтъ людей, гдѣ черти собираются, „на вулачи бьются“. Все это, видно, продѣлалъ канцеляристъ, искавшій „споможенія“.

3-го сентября козаекъ сотни глуховской Федоръ Рудковскій представилъ въ генеральную войсковую канцелярію доношеніе, а при томъ доношеніи и карту, которую хожалый Давидъ Винда съ товарищи нашли за городомъ. Въ картѣ значилось отъ слова до слова такъ: *темнозрачному адскихъ пропастей начальнику и служителемъ его демономъ вручаю душу і тѣло мое, ежели по моему требованію чинити мнѣ споможеніе будутъ...*

Кровью своею подписался Иванъ Робота.

Виновный былъ на лицѣ тутъ-же въ войсковой канцеляріи. Его потребовали къ допросу. Онъ „потаялся“,—письмо, говорить, и подпись не моей руки; но тутъ было много бумагъ, его рукою писанныхъ. Шестъ „повѣтчиковъ“ сличали почеркъ росписки съ письмомъ Роботы,—„письмо явилось быть сходно“. Роботѣ пригрозили „жестокимъ боемъ“, и онъ повинился. Тогда его заковали въ кандалы и подъ карауломъ отправили при особой промеморіи въ кievскую консисторію „для учиненія съ нимъ по указамъ и правиламъ св. отецъ“. Суевѣрный невѣжа становится преступникомъ, простое недомысліе трактуется, какъ сознательное отреченіе отъ Бога, и это послѣднее судится по указамъ и по правиламъ св. отецъ. Промеморію подписали Иванъ Челищевъ и Яковъ Якубовичъ, какъ

члены главнаго управленія страны, старшій канцеляристъ Василій Туманскій и канцеляристъ Стефанъ Юзефовичъ.

Въ консисторіи Робота отрёкся отъ своего показанія, заявивъ, что оно вынуждено было у него страхомъ „боя“. Консисторія со всѣмъ дѣломъ возвратила его въ ту-же войсковую канцелярію, для „учиненія о его разномъ показаніи надлежащаго по указамъ разсмотрѣнія“. Оба учрежденія держались строго въ предѣлахъ своей компетенціи: войсковая канцелярія путемъ увѣщаній и угрозъ исторгла было у своего подчиненнаго признаніе его вины, но назначить по этому наказаніе не считала себя въ правѣ; въ свою очередь консисторія, не вида добровольнаго признанія, ни стороннихъ уликъ, не рѣшалась входить въ дальнѣйшее разслѣдованіе и полагать какое либо рѣшеніе. Въ виду уклончиваго отвѣта консисторіи, войсковая канцелярія рѣшилась оставить ее въ покоѣ и передала дѣло о „володнику Ивану Роботѣ“ въ войсковой генеральный судъ. Тутъ сдѣланъ былъ ему передопросъ. Робота ни въ чемъ не измѣнилъ своего объясненія, даннаго въ консисторіи: онъ стоялъ на томъ, что сознаніе его въ войсковой канцелярії было вынужденное, что далъ онъ его, „боясь бою“, что на самомъ дѣлѣ „карты до темнозрчнаго адскихъ пропастей начальника и служителей его демоновъ никогда никакъ онъ, какъ не писалъ, такъ и кровию своею на той картѣ дѣмонамъ не подписывался“; теперь онъ даже утверждалъ, что „та картка, по свидѣтельствуваніи ея обрѣтающимися въ генеральной войсковой канцелярії канцеляристами, совершенно въ писму его не сходна и кто ее писалъ и чрезъ то подлогомъ написанна и подписомъ руки его кровию его изобидѣлъ,—не вѣдаетъ“. Тѣмъ не менѣе войсковой судъ, не обращаясь уже къ компетенціи суда духовнаго, собственною властію 3-го августа постановилъ: „володника Ивана Роботу... въ находящійся въ полтавскомъ полку мужескій нефорощанскій монастырь при писменомъ видѣ отправить съ требованіемъ, дабы тамо его опредѣля какому искускому старцу, велено было содержать подъ добрымъ присмотромъ, съ надлежащимъ духовнымъ истязаніемъ, воздержуя отъ всякихъ неоптребныхъ поступковъ чрезъ полній круговій годъ не опускаю,... по прошествіи таковаго полнаго года, буди еному Роботѣ, по духовному жъ разсужденію, болѣе въ той обители къ исправленію своего житія быть не доводитимется, то оногo Роботу съ той оби-

тели въ полковую полтавскую канцелярію было прислано, а въ полковой канцеляріи, за присилкою означенного Роботы, сискавъ отъа его, полку полтавскаго значевого товарища Федора Роботу, отдать онѣму съ подпискою, что онѣ объявленнаго сына своего имѣеть содержать впредь подѣ надлежащимъ родительскимъ страхомъ“.

Осужденный Робота 11-го августа былѣ доставленъ по назначенію и „за скудость въ томѣ монастырѣ монаховѣ искусныхъ старцевѣ“ принять въ келію къ самому архимандриту и начальнику монастыря Гавріилу Яновскому, который донесъ о томѣ какѣ полковой канцеляріи, такѣ и кіевскому митрополиту.

Спустя годъ съ небольшимъ, именно 24 авг. 1751 г., игуменъ нефорощанскаго монастыря доставилъ Ивана Роботу въ канцелярію полтавскаго поля съ заявленіемъ, что онѣ выжилъ, по рѣшенію войсковаго суда, въ монастырѣ цѣлый круговой годъ и что „по духовному разсужденію, болѣе ему тамѣ содержану быти не доводится“. „Сысканъ“ былѣ отецъ его Федоръ Робота и „ему сынъ его Иванъ отданъ съ подпискою, что имѣеть онѣ его впредь содержать подѣ надлежащимъ родительскимъ страхомъ. Сент. 16 дня 1751 г.“

Такѣ закончилось это курьезное дѣло о „колѣднику Иванѣ Роботѣ“, *спудѣ* высшаго училища, чиновникѣ высшаго учрежденія. Молодой, едва начавшій служебную свою карьеру человекѣ, какѣ ее всѣ тогда начинали, обвиняется въ самомъ тяжкомъ и позорномъ по тогдашнимъ понятіямъ преступленіи — преданію себя „въ помощь демонамъ“, а это преступленіе ни что иное, какѣ пороковое суевѣріе и невѣжество того времени. Хотя не подлежатъ сомнѣнію, что самые законы, по которымъ судился Робота, и самые его судьи и начальники не стояли въ понятіяхъ выше его, но потому онѣ и судится и осуждается. Дѣйствительно-ли онѣ, подѣ двойнымъ гнетомъ нужды и суевѣрія, „предалъ себя въ помощь демонамъ, ежели они ему вспоможеніе чинить будутъ“ въ скудномъ, конечно, его содержаніи, или кто нибудь поступилъ съ нимъ „подлогомъ написанія“ роковой картки, судить теперь трудно, а тогдашніе судьи были, конечно, убѣждены въ правотѣ своего суда, и мы должны тѣмъ болѣе имѣ вѣрить, что, сравнительно съ тогдашними законами о вѣдовствѣ и колдовствѣ, они судили милостиво и снисходительно. Тѣмъ не менѣе юноша, предѣ которымъ еще не начинала улыбаться фортуна, губить свою карьеру, бить можетѣ

и самую жизнь. „Черезъ девять мѣсяцевъ, писалъ онъ въ судъ войсковой задодго до рѣшенія своей участи, я беднѣй въ невинности содержуюсь подѣ карауломъ, дневнаго препитанія жаждень, прихожу въ немалое иванеожение“. Почти годъ тюремнаго заключенія, съ пересылкою изъ инстанціи въ инстанцію, и монастырское заключеніе свыше года рѣшили участь его на всегда. Онъ опозорень, обезславлень, лишень карьеры, службы, средствъ пропитанія и, какъ негодный для общества, сдается подѣ началъ родительскій для содержанія подѣ надлежащимъ страхомъ. Послѣдующая судьба его не извѣстна, но дорисовать ее не трудно. И всему виною одно негѣпное вѣрованіе, что можно отъ бѣсовъ вспоможеніе получать.

И до сихъ поръ еще среди малороссійскаго народа не вымерло это вѣрованіе, и до сихъ поръ еще многіе простолюдины вѣрятъ въ возможность для человѣка вступать въ непосредственныя отношенія съ чортомъ, убѣждены даже, что есть люди, которые дѣйствительно состоятъ въ такихъ отношеніяхъ и назовутъ вамъ такихъ людей. Существуетъ также вѣрованіе, что еъ нѣкоторымъ женщинамъ летаетъ *нечистая сила*, въ образѣ змія, который состоитъ съ ними въ любовныхъ отношеніяхъ. Сильно держится вѣрованіе, что *чортъ*, тому или другому богатому человѣку, *гроши носить*. Все это такія же вѣрованія, какъ и то, изъ котораго возникло дѣло Ивана Роботы. Каждое изъ такихъ вѣрованій составляетъ только частичное проявленіе общераспространенныхъ въ стародавнія времена антропоморфическихъ представлений о злыхъ духахъ, демонахъ, чертяхъ, какъ существахъ такихъ, которыя могутъ вступать съ человѣкомъ въ обыкновенныя житейскія отношенія: любовныя, брачныя, семейныя, дѣловыя, договорныя.

Общераспространенное вѣрованіе, что договоръ съ чортомъ долженъ быть подписанъ кровью, *добытою изъ мезинца*, въ свою очередь указываетъ на глубочайшую древность общаго вѣрованія о возможности для человѣка дѣловыхъ и семейныхъ отношеній съ чортомъ и перенесено на эти отношенія изъ обыкновенныхъ между людьми отношеній. Употребленіе крови играетъ вообще большую роль въ сношеніяхъ, союзахъ и сдѣлкахъ первобытнаго человѣка. Междудушевные и брачныя союзы, договорныя отношенія и про-

стыя сдѣлки многихъ дикихъ и полудикихъ племень, нынѣ живущихъ, скрѣпляются и теперь тѣмъ или другимъ видомъ употребленія крови. Есть данныя подтверждающія, что и народы, стоящіе на той или другой степени цивилизаціи, переживали нѣкогда дѣйствительное употребленіе крови въ всевозможныхъ междуплеменныхъ и бытовыхъ сдѣлкахъ и сношеніяхъ.

Вслѣдствіе антропоморфическихъ представленій о чортѣ и о взаимныхъ отношеніяхъ между нимъ и человѣкомъ, употребленіе крови не могло не быть перенесено и въ вѣрованія о договорахъ съ дьяволомъ, и въ практику этихъ вѣрованій. Представленіе объ употребленіи крови въ отношеніяхъ человѣка съ человѣкомъ давно исчезло у цивилизованныхъ народовъ. Но то, что оно сохранилось среди этихъ народовъ въ низшихъ ихъ классахъ въ примѣненіи въ договорамъ съ чортомъ, и указываетъ на то, что оно нѣкогда имѣло соотвѣтствующую ему дѣйствительность среди народа въ обыкновенныхъ договорахъ и сдѣлкахъ.

На росписѣхъ, составляющей предметъ нашего дѣла, написано: *Кровію своею подписался Иванъ Робота*. Мы внимательно изслѣдовали, дѣйствительно ли эти слова написаны кровію, и убѣдились, что они написаны тѣми же самыми чернилами, какъ и вся росписка. Мы думаемъ, что выраженіе: *кровію своею подписался*—имѣетъ такое же значеніе, какъ „руку приложилъ“. Это формула нынѣ не соотвѣтствующая дѣйствительности, но указывающая на то, что въ стародавнія времена дѣйствительно совершалось то, что она обозначаетъ нынѣ.

А. Ф. Настяковскій.

ПОСЛѢДНЯЯ САМОЗАЩИТА Г. КІЕВА.

Въ связѣхъ дѣлъ кіевского городского магистрата за 1840—1850 г. мы нашли постановленіе магистрата, состоявшееся 13 декабря 1842 года, о выдачѣ Антону Лавердѣ свидѣтельства о его службѣ и о правѣ его, какъ гражданина и члена магистрата, на Высочайшее благоволеніе за охрану г. Кіева въ 1831 году. Этотъ документъ сообщаетъ о фактѣ, который былъ извѣстенъ до сихъ поръ лишь немногимъ кіевскимъ старожиламъ, по преданію,—именно

о самозащитѣ города въ 1831 г. отъ „злонамѣренныхъ“ людей, подъ коими разумѣлись тогда польскіе мятежники. Обстоятельства дѣла, на сколько они выяснились изъ найденнаго нами документа, состоятъ въ слѣдующемъ: когда польскій мятежь сталъ быстро разрастаться, когда помѣщики кievской губерніи одинъ за другимъ становились въ ряды инсургентовъ и жертвовали имуществомъ для своего общаго дѣла, „почтениѣйшее общество кievскихъ гражданъ“, вмѣстѣ съ членами магистрата и подъ предсѣдательствомъ своего войта Гр. Ив. Киселевскаго¹⁾, „учинили разсужденіе“ („сбрасаша“, „створиша вѣче“, „сдумаша“, „совѣщаша“, какъ выразился-бы лѣтописецъ) о положеніи города. Вспомнили при этомъ кievляне, что древніе „привилен“ польскихъ королей и „особыя грамоты великихъ государей“, дають имъ право отражать врага собственными силами и вмѣняють имъ въ обязанность охрану своего города и уѣзда, и потому „признали нужнымъ“, по бывшему въ 1812 году примѣру, „вооружить изъ среды себя для охраненія города и отраженія злонамѣренныхъ такое количество конныхъ и пѣшихъ, какое начальство предназначить“. Постановленіе это состоялось 1 мая 1831 г. и лишь только послѣдовало по нему разрѣшеніе генераль-губернатора Княжнина отъ 8-го мая, какъ 12-го числа того-же мѣсяца составленъ былъ отрядъ изъ 1000 человекъ пѣхоты и 200 конницы. Императоръ Николай I, увѣдомленный губернаторомъ о таковой готовности кievлянъ, выразилъ чрезъ него свое особое Высочайшее благоволеніе всѣмъ лицамъ, участвовавшимъ въ организаціи и составѣ „гражданской стражи“. По всей вѣроятности отрядъ былъ сформированъ подобно тому, какъ формировался онъ и въ мирное время для церемоній, и только болѣе былъ приспособленъ къ совершавшимся событіямъ. Начальникомъ отряда былъ избранъ ратегеръ магистрата Иванъ Гавриловичъ Мажный, тогда уже шестидесятилѣтній старикъ, командовавшій городской милиціей до уничтоженія ея въ 1834 году и „во время французской компаніи исполнявшій разныя порученности, какъ по назначенію градскаго обще-

¹⁾ Онъ «войтовалъ» въ Кіевѣ съ 1827 по 1834 годъ; въ 1833 г. при рескриптѣ награжденъ орденомъ св. Анны 3-й степени, быть можетъ, за участіе въ формированіи городской милиціи, если только не въ вину предстоящаго увольненія отъ обязанностей войта съ введеніемъ новаго городского положенія.

ства, такъ и бывшаго тогда гражданскаго губернатора де-Сантi, до устройства по тому случаю разныхъ потребностей и къ охраненiю города отъ опасности“. Съ Мажнымъ, какъ главнымъ начальникомъ отряда, раздѣлялъ власть его ближайшiй помощникъ „полковникъ“ Иванъ Петровичъ Романовскiй, также ратегерь магистрата, имѣвшiй подъ своимъ начальствомъ „адъютанта“, обязанности котораго исполнялъ тогда гражданинъ Хотяновскiй. Хотя отрядъ сформированъ былъ совсѣмъ по военному, но до военныхъ дѣйствiй не доходилъ и вся дѣятельность этой „гражданской стражи“ состояла въ объѣздѣ конницей города „внутри и около“, да въ занятiи въ немъ пѣхотой карауловъ и постовъ. Съ подавленiемъ мятежа и съ изданiемъ государемъ амнистiи 1-го ноября 1831 года польскимъ революціонерамъ, дѣятельность стражи, конечно, также должна была прекратиться, а 10-го декабря того-же года губернаторъ объявилъ гражданамъ Кіева вторичное Высочайшее благоволеніе за „примѣрное усердіе“ и проч. отряда, который, отдаленный отъ непріятеля, ограничивался лишь „строгимъ соблюденiемъ правилъ военной дисциплины“. Это невинное упражненіе на видъ только воинственныхъ кiевлянъ породило въ то время *своею рода* бурю, какъ разсказалъ о томъ внуку бывшаго кiевскаго войта Иванъ Киселевскiй въ № 115 „Зари“ за текущiй годъ. По его разсказу, основанному на семейныхъ преданiяхъ и уцѣлѣвшихъ какихъ-то документахъ (желательно было-бы видѣть ихъ въ печати), кiевляне, сформировавъ отрядъ, „вскорѣ были поражены внезапнымъ изъ Петербурга распорядженiемъ, по которому они устранились отъ исполненiя гарнизонной службы по г. Кіеву. Въ то-же время самъ войтъ былъ вытребованъ черезъ фельдъ-егеря въ столицу. Оказалось, что польскiя газеты протрубили, будто войтъ Киселевскiй, занявъ своими войсками кiевскую цитадель, водрузилъ на валахъ ея польское знамя и ждетъ прихода поляковъ. Личныя объясненiя его оказались совершенно достаточными для того, чтобы убѣдить кого слѣдуетъ въ безосновательности слуховъ, распространенныхъ польскими газетами.

Невольно приходится сказать: и тогда, какъ и теперь (процессъ 11-ти во Львовѣ) поляки изъ мухи дѣлали слона, но тогда въ удовольствіе себѣ, теперь изъ страха за себя.

И. Каманинъ.

НЕВОЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНІЕ И ТОСКА ПО РОДИНѢ, КАКЪ ПОДОЗРИТЕЛЬНОЕ ЧУВСТВО.

Въ старое доброе время, когда помѣщикъ безвозбранно и безконтрольно распоряжался судьбою унаслѣдованныхъ или купленныхъ имъ крестьянъ, производились надъ ними всякаго рода (единичныя и огульныя) насилія, въ томъ числѣ и невольное ихъ переселеніе изъ одного имѣнія въ другое, котя бы для этого имъ пришлось идти за три-девять губерній. Въ большей части такихъ переселеній имѣлись въ виду ближайшіе хозяйственные расчеты помѣщика, благосостояніе же переселяемыхъ всего менѣе принималось въ соображеніе,—они просто трактовались, какъ рабочей скоть, породу котораго можно улучшать посредствомъ смѣшеній...

Опытъ такого переселенія произведенъ былъ послѣ сороковыхъ уже годовъ помѣщикомъ одной изъ малороссійскихъ губерній И. И. Сердюкомъ, и вотъ что случилось при этомъ.

Состоялъ онъ членомъ корреспондентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Въ бытность свою въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ, Сердюкъ, какъ членъ общества, счелъ нужнымъ представиться его предсѣдателю, которымъ былъ тогда кн. В. В. Долгорукій. По предложенію сего послѣдняго, имъ тогда же была написана и въ Трудахъ общества помѣщена статья, подъ заглавіемъ: „Краткій очеркъ хозяйственныхъ занятій мстиславскаго помѣщика И. И. Сердюка“¹⁾. Въ статьѣ говорилось между прочимъ: „Я перевелъ изъ Малороссіи въ мстиславскій уѣздъ, могилев. губ., въ с. Кудричи 25 мужчинъ и 25 женщинъ малороссіанъ, въ тѣхъ соображеніяхъ, чтобы племеннымъ смѣшеніемъ довольно сильнаго и довольно нравственнаго элемента привить къ бѣлорусскому краю крѣпкихъ и добронравственныхъ хлѣбопашцевъ. Мнѣ стоило большаго труда и издержекъ обзавести переселенцевъ хозяйствомъ, *ублажить ихъ тоску по отчизнѣ* и сблизить, или, такъ сказать, сроднить различные характеры, уравновѣситъ разнородную природу въ хозяйственномъ быту“, и проч.

Когда въ слѣдъ за напечатаніемъ статьи,—разсказывалъ намъ И. И., я прибылъ снова въ Петербургъ и явился къ князю, онъ

¹⁾ См. Труды Имп. в. эк. Общ. за 1850 г. Т. II, № 4, стр. 16 (смѣса).

встрѣтилъ меня слѣдующими словами, произнесенными, противъ обыкновенія, взволнованнымъ голосомъ: „что вы, батюшка, надѣлали?—Государь читалъ и приказалъ подобныхъ статей не печатать“... Послѣ столь неожиданнаго приѣма, я не нашелъ удобнымъ просить дальнѣйшаго объясненія отъ князя и отправился къ секретарю общества Бурнашеву. Тотъ объяснилъ мнѣ, что всѣ журналы просматриваются въ III отдѣленіи генераломъ Дубельтомъ и неблагонамѣренныя въ нихъ статьи и мѣста, имъ подчеркнутыя, представляются Государю, что и № Трудовъ съ моею статьею былъ также представленъ и въ ней подчеркнуты были рукою Дубельта слова: *ублажить ихъ тоску по родинѣ*, но что Государь противъ этихъ словъ написалъ: „вздоръ“.

Любопытно было бы знать, — прибавимъ отъ себя, — относился ли рѣзкій отзывъ справедливаго Государя къ самому, такъ сказать, *подчеркнутию* приведенныхъ словъ, или ко всему „Очерку хозяйственныхъ занятій племеннымъ смѣшеніемъ“ — точно бы рѣчь шла о разведеніи овецъ, или объ улучшеніи породы рогатаго скота. Въ связи съ словами предсѣдателя общества, сказанными автору статьи, конечно, не безъ основанія, и послѣднее предположеніе весьма вѣроятно.

Какъ бы ни было, но характерная отмѣтка Дубельта отбила надолго ревностному экспериментатору и корреспонденту охоту брать въ руки предательское перо, претворявшее чернила въ отраву.

Ст. Февъ-Носъ.

РѢДНАЯ ДРЕВНЯЯ НАДПИСЬ.

Въ переяславскомъ вознесенскомъ монастырѣ, въ церкви Рождества Богоматери, есть икона Божіей Матери, издревле почитаемая чудотворною. Различныя чудеса отъ этой иконы описаны въ особой древней рукописи, хранящейся въ той обители. Кто-то изъ братіи читалъ рукопись и, вѣроятно, нашелъ въ ней указаніе на надписи о чудесахъ на самой иконѣ; но на иконѣ риза и надписи закрыты.

14 декабря прошлаго года казначей монастыря, іеромонахъ Парфеній, съ ризничимъ іером. Ирнархомъ, въ присутствіи іеро-

икона Іова и послушника Виктора Троицкаго сняли ризу „для провѣрки описанныхъ въ рукописи чудесъ“ и нашли на иконѣ надпись конца XVII вѣка, значительно попорченную, но которая, по сличеніи съ упомянутою рукописью, даетъ слѣдующій оригинальный текстъ:

“СѢИ ОБРАЗЪ ПРИКАТОНЪ БЦЫ БЕСТЪ ЧУДОСНОИ, КОТОРОИ ИЩЕЛАНЪ НЕКЪЕСТЪ НА ИМАА ТЕОДОРОСЪ, ПОПАДЮ МИКЪАЛЬКЪЮ, КАРПИХЪ ЛАГУТИХЪ; ЛЖАЛА ПРЪЗЕ КНАКА ЛѢТЪ БЪЗЕ НОГЪ, И ТАКО ПРЪЗЕ СОНЪ ОНОИ ЕКАЗЛА, МОЖАЧИ: О ТИГѢ ПОСТЪЕЛЪ ПОСЛАНА МЪАКО, ДА ТЫ ПЛАЧШЕ: А МИГѢ ЧЮТЮСЧИ БЮТЪ ОУ ШКОЛѢ, ДА МЪ НЕ ПЛАЧЪ, ИЪЗЕ ЕЛОЩИНЦЪ МИНЕ ПОЗНАИ. БЪЛАН ТЫ МИНЕ ОЧИСТИШЕ Ѡ ГИКСЪ СГѠ, ТО ЕБДШЕ НА НОГАХЪ СКОИХЪ ХОДИТИ; СКОРО МАЛАРЪ ОУДАА, ЧЕДЫ ЗДОРОВА СЪЛА, И А ИБАНЪ МАЛАРЪ ДОЗНАЕ ЛЪСКИ ПРИКАТОНЪ БОГОРОДИЦИ, ЖЕ И МИГѢ ПОГЪ ПРЪЗЮ ИЩАНАА, РОКЪ ДАХЪ МЪБЛАЦА ДЕКЪРЪА НІ ДНА“.

Надпись, очевидно, составлена и начертана тѣмъ самымъ Иваномъ маляромъ, которому Богородица ногу правую исцѣлила. Помимо этого надпись даетъ и другія указанія и, между прочимъ, на обстоятельство, послужившее поводомъ къ объявленію иконы чудотворною. Икона до этого времени находилась въ школѣ, конечно, въ переднемъ углу. Въ углу заводилась паутина, скоплялась всякая нечистота. Стѣны были сосновыя, вѣроятно, и за иконою и вокругъ ея завелись клопы. Были кромѣ того щели и сквозь ихъ просвистывалъ вѣтеръ. Въ школѣ и теперь рѣдко наблюдаютъ за чистотой, а въ тѣ поры и подавно. Школа-ли была въ домѣ священника, или священникъ жилъ въ школѣ, неизвѣстно; но связь между ними на этотъ разъ несомнѣнна. Лежала тутъ съ пораженными какою-то болѣзнію ногами попадья Теодора Карпиха Лагутиха. Ни возрастъ, ни состояніе ея неизвѣстны,—была-ли она жена, теща или мать наличнаго тогда священника, или дальняя родственница, священническая вдова. Быть можетъ, „конопли она мочила“, или въ бродъ черезъ рѣчку переходила, только какимъ-то случаемъ ноги ей отняло. Быть можетъ, какъ безнадежно больная, и положена она была въ школѣ, спокойствія ради, и—лежала тамъ дни и ночи, чая, когда кто къ ней заглянетъ. Лежала и по цѣлымъ часамъ на образъ глядѣла. Что иное и могъ тогда дѣлать безпомощный, безнадежно больной. Видѣла она, какъ обсѣли икону мухи, пауки и

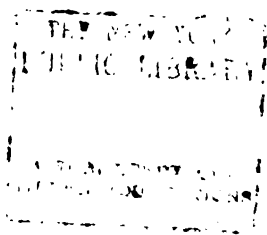
клопы, слышала долетавшій до ушей ея чрезъ шели свистъ вѣтра въ звукахъ: *тю-тю* и—набожная, изстрадавшаяся душа ея не разъ, конечно, болѣла о такомъ неблагоговѣнномъ содержаніи иконы и, быть можетъ, собственную болѣзнь ставила въ связь съ этимъ обстоятельствомъ. И вотъ образно видится ей во снѣ то, что мысленно не разъ она на яву себѣ представляла. Она спѣшитъ передать объ этомъ видѣніи окружающимъ, съ помощію ихъ и призваннаго маляра, очищаетъ и реставрируетъ образъ, и сама чувствуетъ себя съ той поры здоровою. Вдохновенный рассказомъ страдальцы маляръ въ свою очередь чувствуетъ, что мучившая его боль въ правой ногѣ прекратилась и тутъ-же наноситъ на обновленный имъ образъ приведенную выше надпись. Образъ объявляется *чудовнымъ* и, безъ сомнѣнія, съ этой именно поры переносится въ церковь и становится предметомъ всеобщаго почитанія до сего дня.

Таково происхожденіе древней переяславской чудотворной иконы Божія Матери! Попадья Карпиха Лагутиха, да хроменькій Иванъ маляръ своими недугами и страданіями, своею вѣрою и молитвою дали поводъ къ ея прославленію.

Образъ писанъ на холстѣ, а наклеенъ на сосновой доскѣ, какъ свидѣтельствуютъ снимавшіе съ него ризу; они-же удостовѣряютъ, что наклейка производилась не въ то время, когда образъ обновлялся, а послѣ, когда онъ обветшалъ, и что это было причиною того, что нѣкоторыя слова надписи, современной объявленію образа чудовнымъ, повреждены.

НЕОБЫЧНАЯ ЗАСТАВА.

Кто знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, тому извѣстно, что въ послѣдніе три дня страстной недѣли и во всю пасхальную недѣлю псалтырь совсѣмъ не читается при богослуженіи. Въ старыя времена этимъ обстоятельствомъ пользовались дьячки, что бы залучить лишнюю кварту водки на страдную пору непрерывнаго чтенія и пѣнія по нѣсколькѣ часовъ въ день, въ ожиданіи праздничныхъ доходовъ. Извѣстно, что въ старину дьячки южной Россіи не принадлежали къ клиру, не были подвѣдомы консисторіямъ, но избирались самими прихожанами, съ согласія

священника. Словомъ это были люди вольной профессіи, въ своемъ родѣ артисты. Пели они, какъ и ихъ избиратели, и лишняя рюмка не ставилась имъ въ укоръ. Въ это-то время дьячки, говорятъ, пользовались особою привилегіею закладывать въ шинкахъ церковную псалтырь на все то время, пока она не нужна при богослуженіи, а въ Оомину субботу, когда на вечернѣ читается обычная первая каѳизма, церковный староста отправлялся къ шинкарю и выкупалъ у него заложенную книгу. Въ дѣтствѣ я самъ зналъ въ лѣвобережной Малороссіи одного стариннаго дьячка, имѣвшаго пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ, который, по прочтеніи положенной въ страстную среду на преждеосвященной обѣднѣ каѳизмы, закрывалъ псалтырь и не клалъ ее на полку клироса, а держалъ у себя подъ мышкой, чтобы не отнял староста, и послѣ обѣдни прямо отправлялся съ нею къ *Срулю* и заставлялъ ее за кварту водки. Помню, какъ однажды староста забылъ во время выкупить книгу, и дьячку пришлось наизусть отхватать всю каѳизму.

Подобный этому случай встрѣтился намъ въ гродской луцкой книгѣ подъ 1621 годомъ (по каталогу кievск. центрального архива № 2819, листъ 647), съ тою лишь разницею, что здѣсь церковная книга была заложена въ шинкѣ не дьячкомъ, а викарнымъ священникомъ. Вотъ буквальный переводъ судебного рѣшенія по жалобѣ священника владимірѣ - волинской михайловской церкви Якова Залускаго о церковной книгѣ, заложенной его викаріемъ жиду-шинкарю за спиртные напитки и перезаложенной послѣднимъ въ другія руки: „Дѣялось во Владимірѣ, въ одномъ жидовскомъ домѣ, въ присутствіи раввина и другихъ старшинъ раввинской общины, 7 января, 1621 года. Предо мною Войтехомъ Милачевскимъ, подвоеводою волинскимъ, во время отправленія судовъ надъ жидами владимірскими, было предъявлено дѣло между велебнымъ о. Яковомъ Залускимъ, священникомъ владимірской церкви св. Михаила, истцемъ, и владимірскимъ жидомъ-шинкаремъ Беніашемъ, отвѣтчикомъ, по слѣдующему поводу: когда поименованный священникъ о. Яковъ Залускій уѣзжалъ гостить къ роднымъ, то все имущество михайловской церкви, какъ-то: утварь, книги и проч. поручилъ подъ надзоръ и охрану своему викарію, Θεодору, впредь до своего возвращенія. Но означенный викарій, вмѣсто надзора за цѣлостію церковныхъ вещей, взявши изъ михайловской церкви служебную

книгу, пошелъ съ нею въ шинокъ жида Беніаша и заложилъ ее за спиртные напитки на сумму въ 20 грошей польскихъ. Послѣ того жидъ Беніашъ, чрезъ посредство своей шинкарки, продающей въ его домѣ пиво, медъ и горѣлку, перезаложилъ означенную церковную книгу, за такую-же сумму, протопопу владимірскому Григорію Лозовицкому, и, не смотря на то, что истецъ, о. Яковъ Залускій, по возвращеніи во Владиміръ, готовъ былъ возвратитъ Беніашу 20 грошей польскихъ, послѣдній отказывается выкупить книгу изъ того мѣста, куда онъ заставилъ ее. По выслушаніи предъявленныхъ сторонами заявленій и возраженій, я подвоевода, принявъ во вниманіе, что названная книга перешла въ чужія руки по винѣ шинкара Беніаша, постановилъ, чтобы послѣдній сегодня же, до закрытія судебного засѣданія, выкупилъ означенную книгу изъ рукъ протопопа и возвратилъ ее истцу о. Якову Залускому, получивъ отъ него 20 грошей; въ случаѣ же неисполненія Беніашемъ настоящаго опредѣленія, онъ долженъ подвергнуться штрафу въ три польскихъ гривны въ пользу суда и противной стороны. Черезъ часъ послѣ того явился ко мнѣ вышепоименованный Яковъ Залускій, священникъ михайловскій, и заявилъ, что книга ему возвращена и онъ болѣе не имѣетъ никакихъ претензій къ жида Беніашу; поэтому я на вѣчныя времена освобождаю послѣдняго отъ отвѣтственности по настоящему дѣлу“.

О. Л.

НЪ ПОРТРЕТУ САВВЫ ГРИГОРЬЕВИЧА ТУПТАЛО.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ портретъ Саввы Григорьевича Туптало представляетъ на первый взглядъ особу духовнаго чина,—священника, архимандрита или архіерея. Никто, не присмотрѣвшись къ нему внимательно и не будучи знакомъ съ мѣстной исторіею и археологіею, не могъ-бы подуматъ, что это лице мірское, при томъ военнаго званія, козакъ и старшина козацій въ его обыкновенномъ костюмѣ. Это однако сотникъ кіевскій, а званіе его *Савва Григорьевичъ Туптало*.

Замѣчательно долгая жизнь его захватываетъ собою три столѣтія и проходитъ чрезъ всю почти исторію козачества, если не считать

времени зарожденія и упадка онаго. Начало его жизни принадлежит XVI ст., самая жизнь обнимаетъ весь XVII вѣкъ, а конецъ переходитъ въ XVIII столѣтіе. Въ его жизни, если бы она могла быть извѣстна, представилась бы намъ вся исторія козачества. Савва Григорьевичъ Туптало—сподвижникъ Хмельницкаго и отецъ симпатичнѣйшаго и ученѣйшаго святителя земли русской, угодника Божія, св. Дмитрія Ростовскаго, и—эти два обстоятельства еще болѣе привлекаютъ къ его личности наше вниманіе. По мѣсту рожденія онъ сынъ въ строгомъ смыслѣ кievской земли, по мѣсту службы и долгаго жительства онъ нашъ родной кievлянинъ. Тутъ учился знаменитый впослѣдствіи сынъ его Даниль,—свѣтильникъ, свѣтившій и свѣтящій всей Россіи; тутъ были три дочери его; тутъ самъ Савва воевалъ, начальствовалъ и ктиторовалъ, тутъ и жизнь свою долгую и благочестивую скончалъ.

Къ сожалѣнію, о долгой жизни лица, котораго портретъ мы теперь представляемъ, дошло до насъ весьма мало свѣдѣній, которыя могли бы дать намъ понятіе какъ о немъ самомъ, такъ и о его богатомъ особенностями времени. Родился онъ въ 1599 году въ мѣстечкѣ Магаровѣ (нынѣ кievской губерніи и уѣзда), въ 50-ти верстахъ на западъ отъ Кіева, нѣкогда резиденція извѣстнаго въ исторіи Польши своими безумными подвигами польскаго бандиты Самуэля Лаща.

Первое свѣдѣніе о жизни Саввы Григорьевича Туптала встрѣчаемъ только въ 1650 г., т. е. когда ему прошло уже свыше 50 лѣтъ. Въ это время онъ записанъ въ реестръ войска запорожскаго въ качествѣ рядового козака магаровской сотни кievскаго полка. Вскорѣ потомъ онъ выбранъ былъ сотникомъ той-же сотни и вслѣдъ затѣмъ перешелъ, также въ званіи сотника, въ кievскую полковую сотню. Это была самая тяжкая пора для родной земли Туптала и Украйны обонхъ береговъ, пора крайняго напряженія ея силъ въ борьбѣ ея съ Польшею на жизнь и смерть. Несчастный бѣлоцерковскій договоръ, новыя насилія надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ со стороны наводнившихъ страну польскихъ войскъ и поднавшихъ голову пановъ, изгнаніе тѣхъ и другихъ изъ края, переаславская рада и подчиненіе Москвѣ, новая война съ Польшею, борьба партій и кровавая смута Юрія Хмельницкаго и его продолжателей, разореніе Кіева и передача его Польшѣ, разо-

реніе училища братскаго, не давшее сыну Туптала докончить тамъ курсъ наукъ—таковы были событія и обстоятельства, среди которыхъ Туптало долженъ былъ нести свою тяжелую службу. Скромное имя сотника теряется въ вихрѣ этихъ событий, но въ ту пору, когда всякая наличная сила страны приходила въ дѣйствіе, и Туптало съ своею сотнею принималъ въ нихъ живое и дѣятельное участіе и если имя его ничѣмъ не отмѣчено въ исторіи этихъ событий, то, кромѣ всякихъ случайностей, нельзя не видѣть въ этомъ указанія на характеръ всей вообще дѣятельности болѣе чѣмъ зрѣлаго по возрасту семьянина, направлявшейся болѣе къ подвигамъ благочестія, нежели къ подвигамъ военнымъ. Онъ много заботился объ образованіи единственнаго сына своего, а когда смутныя обстоятельства воспрепятствовали окончанію онаго, сына на 17 году—опредѣлил его въ кирилловскую обитель, гдѣ онъ былъ монахомъ, проповѣдникомъ и игуменомъ. Три дочери его, извѣстныя намъ съ монашескими именами Памфили, Февроніи и Параскевы, основали рядомъ съ кіево-іорданскою церковью николаевскій женскій монастырь, въ которомъ преемственно одна за другою были игуменьями, когда братъ ихъ игуменствовалъ въ сосѣднемъ кирилловскомъ монастырѣ, а отецъ ихъ былъ ктиторомъ этой обители. Это по духу того времени было высшимъ идеаломъ жизни и Савва Туптало и его престарѣлая супруга Марія Михайловна считались самыми счастливейшими родителями. Всю вообще вторую половину своей жизни Савва Туптало прожилъ въ Кіевѣ, гдѣ пользовался значительнымъ уваженіемъ и благосостояніемъ. Изъ современнаго документа мы знаемъ, что въ 1686 году онъ занималъ еще должность кіевского сотника и пользовался отъ мостовой пошлины, взимавшейся за проѣздъ черезъ рѣку Ирпень у мѣстечка Мостица. Затѣмъ извѣстенъ намъ только годъ смерти престарѣлаго сотника: скончался онъ въ 1703 году, 103 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ троицкой церкви при кіевскомъ кирилловскомъ монастырѣ, ктиторомъ которой онъ состоялъ при жизни. Въ той-же церкви погребена была и жена Саввы Туптала—Марія Михайловна, скончавшаяся также въ Кіевѣ въ 1688 году. По указанію дневныхъ записокъ св. Димитрія Ростовскаго, каменный домъ его родителя находился на Подолѣ, близъ притиско-никольской церкви. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія онъ находился еще во дворѣ купца Курлюкова и имъ былъ разобранъ.

Надъ могилою благочестиваго сотника немедленно послѣ его кончины былъ повѣшенъ на стѣнѣ точный поясной портретъ его на холстѣ, который, вслѣдствіе поврежденія, въ 1760 г. августа 10-го дня, замѣненъ существующею теперь кошіею его. Копія эта и особливо копія церкви ростовскаго монастыря нѣсколько отступаютъ отъ подлинника и придаютъ изображенію видъ святаго угодника. Нашъ снимокъ сдѣланъ съ гравюры, принадлежащей А. М. Лазаревскому, хотя нѣсколько поблекшей, но вѣрнѣе передающей существенныя черты оригинала. Въ 1870 г. кievскій кафедральный протоіерей П. Г. Лебединцевъ издалъ снимокъ съ портрета Саввы Григорьевича по копіи 1760 года, повторенный съ того-же клише въ 1881 г. барономъ М. И. Эренбургомъ. На предлагаемомъ портретѣ надпись слѣдующая:

„Савва Туптало, сотникъ кievскій, жилъ въ нижнемъ Кievѣ иродѣ. Отъ рожденія ста трехъ лѣтъ, въ день Богоявленія Господня, въ третьемъ часу дня преставился, въ 1703 году, и погребенъ въ кievскомъ кирилловскомъ монастырѣ, въ которомъ и ктиторомъ былъ онъ“. На ободкѣ, кругомъ портрета надпись: „Отецъ новоявленнаго чудотворца, митрополита ростовскаго, святителя Христова Дмитрія“.

Подъ портретомъ, изданнымъ пр. Лебединцевымъ и повтореннымъ барономъ Эренбургомъ, надпись въ стихахъ такая:

Благочестивый мужъ Туптало Сава,
 Запорожскаго войска честь и слава,
 Въ Богоявленскій день отверсту небу,
 Восшествія тамо совершилъ потребу,
 Въ третій часъ на день третьяго року
 Семь сотъ тысяцна—з трончна кроку,
 Въ трончномъ кирилскомъ почи чину,
 Душею Троицы лице да зрить выну.
 Въ вѣку семъ добрѣ жилъ сто и три лѣта;
 Обы сторичну взялъ мзду трончна свѣта.

Портретъ изображаетъ Савву Туптала въ преклонныхъ лѣтахъ, вѣроятно подъ конецъ его жизни; старческое, но высоко осмысленное и энергическое лице сотника, значительно видоизмѣнено и совершенно потеряло характеръ въ копіи, которою пользовался ба-

ронъ Эренбургъ. По обычаю стариковъ своего времени, Савва Туптало изображенъ съ длинною сѣдою бородою и съ длинными бѣлыми волосами, падающими на плечи равномерно по обѣимъ сторонамъ головы; въ рукахъ онъ держитъ длинный посохъ съ набалдашникомъ. Прическа и посохъ на первый взглядъ придаютъ фигурѣ сотника характеръ духовнаго лица. Одѣтъ онъ въ шубу съ отложнымъ мѣховымъ воротникомъ, застегнутую на шеѣ, съ тремя металлическими пуговицами на правой сторонѣ, и тремя петлицами изъ позуента на лѣвой. Изъ подъ шубы виднѣется длинный „кунтушъ изъ адамашка зъ частыми срибрными квитками“, какин мы встрѣчаемъ въ описяхъ движимаго имущества знатныхъ козаковъ того времени; рукава кунтуша и край его полы оторочены толстымъ снуркомъ; на груди онъ застегнутъ рядомъ металлическихъ пуговицъ; поверхъ кунтуша повязанъ поясъ изъ мягкой шелковой матеріи, такъ называемый „турецкій“, концы отъ котораго, шитые узоромъ, свѣшиваются съ правой стороны. Вверху портрета, съ лѣвой стороны его, въ медальонѣ, составленномъ изъ арабесковъ, помѣщенъ гербовный щитъ, на немъ въ красномъ полѣ изображенъ бѣлый треугольникъ, вѣроятно условный знакъ, употреблявшійся Тупталомъ для клеймъ и печати.

ПРОГРАММА

ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозныя, правовыя и т. п., исчезающіе древніе нагѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. В., Багалъ Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бьлззерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. О., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. О., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Икониковъ В. С., Кистяковский А. О., Костомаровъ Н. И., Команинъ Н. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Льсковъ Н. С., Малышевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мачевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потемля А. А., Праховъ А. В., Страшкевичъ Н. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій О. Я., Чалый М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее же годовое изданіе составитъ четыре тома, размѣромъ 35—40 печ. листовъ каждый.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ, съ приложениями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

Подписка для городскихъ подписчиковъ принимается: въ редакціи журнала (Бульваръ, № 36), въ Конторѣ редакціи (Михайловская ул., д. Корчакъ-Новицкаго, гдѣ его же типографія и редакція газеты „Трудъ“) и книжныхъ магазинахъ г. Кіева, гдѣ же иногородные подписчики обращаются исключительно въ редакцію журнала „Кіевская Старина“, Кіевъ, Бульваръ, № 36.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Цѣна съ пересылкою—безъ приложеній 8 р., съ приложеніями—12 р. въ годъ.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Г. Лебединцевъ.*

15461

Digitized by Google

Y2 AUG 29

EXHEE

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

АВГУСТЪ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ

СОДЕРЖАНІЕ.

Августъ, 1882 г.

I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). <i>Оконч.</i> —Н. Петрова.	199
II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 3., Миклашевскіе	243
4., Свѣчки.—Ал. Лазаревскаго	253
III. КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. К. Ф. У. О.	259
IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЬ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. А. К—скаго	283
V. ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ	288
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ КОЛИВИЦЫНЫ или РѢЗНИ 1768 г. Н. Костомарова	297
VII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ	322
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Памятная книжка кievской епархіи. Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи), съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.—г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.	340
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ XI вѣка?—б) Последній писарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи животныя.—г) Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.—д) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тушталѣ и его родѣ.—е) Курта. (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кievско-софійскаго собора.	362

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старинны“, Кіевъ, Софiевская площадь, д. Волкова, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

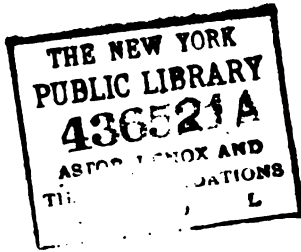
ТОМЪ III.

А В Г У С Т Ъ .

1882 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Київъ, 29-го іюля 1882 года.

NYPL
3 1881
1881

ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ.

(Монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества).

(О к о н ч а н і е).

III.

Вскорѣ послѣ совращенія замостьскихъ православныхъ церквей и братствъ въ унію и введенія въ Замостьѣ базилианъ, состоялся извѣстный замостьскій соборъ 1720 года, положившій яркую печать на послѣдующую исторію уніатскихъ базилианскихъ монастырей, съ которою отселѣ связана была и судьба замостьскаго уніатскаго николаевскаго монастыря. Ко времени замостьскаго синода уже закончилось совращеніе православныхъ монастырей въ унію: оставшіеся къ этому времени православными монастыри оставались таковыми до конца существованія Польши. Поэтому уніаты могли уже теперь не стѣсняться въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ „схизматиками“, чтобы изъ-за нихъ придерживаться православныхъ обрядовъ и обычаевъ, и уже прямо могли теперь объявить себя на сторонѣ католической церкви, ея обычаевъ и обрядовъ, что и не замедлили сдѣлать. Еще во второй половинѣ XVII вѣка холмскій уніатскій епископъ Яковъ Суша сдѣлалъ папѣ чрезъ нунціатуру представленіе объ ограниченіи власти митрополита и епископовъ постановленіями тридентскаго собора, которыя отчасти и приняты были въ основаніе Nexus'a или союза базилианъ съ уніатскимъ митрополитомъ Жоховскимъ, составленнаго въ 1686 году. Но болѣе полное примѣненіе правилъ тридентскаго собора къ уніатской церкви и базилианамъ сдѣлано было на замостьскомъ соборѣ 1720 года, при уніатскомъ митрополитѣ Львѣ Кишевѣ. Постановленія

этого собора дали уніатамъ тему для развитія уніатской церкви въ духѣ латинства и въ частности—постановленій тридентскаго собора и примѣнялись и къ соединенію всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одинъ базилианскій орденъ, и къ внутренней организаціи сего ордена, и къ измѣненію богослуженія и обрядности уніатской церкви по образцу католической церкви и проч. Такъ, съ 1720 года базилиане заняты были преимущественно рѣшеніемъ сложнаго вопроса о соединеніи всѣхъ уніатскихъ монастырей въ одну базилианскую конгрегацію; а съ половины XVIII вѣка производилась внутренняя работа надъ переустройствомъ базилианскаго ордена на началахъ католической церкви.

Относительно соединенія уніатскихъ монастырей въ одинъ базилианскій орденъ на замостьскомъ соборѣ постановлено было слѣдующее: „поелику дозвано опытомъ и одобрено постановленіями св. соборовъ, что нѣтъ болѣе успѣшнаго средства къ возстановленію или соблюденію монашескаго порядка и дисциплины, какъ всѣ монастыри, не подчиненные генеральнымъ начальникамъ и не имѣющіе своихъ орденскихъ визитаторовъ, соединить въ одно тѣло или конгрегацію, то св. синодъ, слѣдуя по стопамъ сихъ канонровъ, постановилъ, чтобы монастыри владимірской, луцкой, холмской, львовской и перемышльской епархій, черезъ годъ послѣ опубликованія настоящаго декрета и по полученіи пригласительной грамоты превелебнѣйшаго митрополита, собрались на конгрегацію и потомъ каждое четырехлѣтіе выбирали генерала, провинціала и орденскихъ визитаторовъ и постановляли и рѣшали все прочее, что можетъ казаться необходимымъ для надлежащаго управленія всею провинціей и для возстановленія монашеской дисциплины. Предсѣдательствовать-же будетъ на первой сей генеральной капитулѣ превелебнѣйшій господинъ митрополитъ, и на нее приглашенъ будетъ высокопреподобнѣйшій протоархимандритъ провинціи литовской, дабы участвовавшіе долгое время въ сихъ генеральныхъ капитулахъ могли дѣломъ и совѣтомъ помочь другимъ. Новый же протоархимандритъ на будущее время будетъ подчиняться тому, кому велитъ подчиняться св. престоль¹⁾. Такимъ образомъ, замостьскимъ собо-

¹⁾ Synodus provincialis Ruthenorum, habita in civitate Zamoscia an. 1720, Romae, 1724, титулъ XI — «О монастыряхъ и положеніи монаховъ».

ромъ проектировались двѣ провинціи базилианскаго ордена, соотвѣтствовавшія главнымъ составнымъ частямъ Польши, Литвы и собственно Польшѣ, къ которой принадлежала и юго-западная Русь, т. е. провинціи литовская, прежде существовавшая, и польская или русская, вновь образуемая. Созванная въ силу этого постановленія замостьскаго синода базилианская генеральная капитула 1727 г. не состоялась вслѣдствіе возникшихъ споровъ между польскими и литовскими базилианами изъ-за двѣнадцати монастырей, находившихся въ предѣлахъ Польши, но еще прежде вошедшихъ въ составъ литовской базилианской провинціи. И только при преемникѣ Льва Кишки, уніатскомъ митрополитѣ Аванасіѣ Шептицеомъ, на львовской конгрегациі 1739 года, митрополитъ, управлявшій епархіями кievской, львовской, галицкой и каменецкой, и епископы владимірскій, лупкій, перемышльскій и холмскій освободили подчиненные имъ монастыри, за исключеніемъ архимандричьихъ, изъ-подъ своей власти, которая поэтому перешла къ самому базилианскому ордену и къ папѣ, какъ генералиссимусу всѣхъ орденовъ. Но при этомъ митрополитъ и епископы предложили такое условіе, „что, если какіе-либо отдѣльные монастыри, вслѣдствіе визитаціи (ревизіи) будущаго протоархимандрита, по бѣдности ихъ фундуша должны будутъ упраздниться, то принадлежащіе имъ фундуши должны быть отданы въ распоряженіе мѣстнымъ епископамъ и присоединены къ приходскимъ церквамъ“. За епископами оставалась также ревизія монастырей, имѣющихъ приходы, каковыми были холмскій и замостьскій ¹⁾. Въ послѣдствіи времени, папскимъ декретомъ 2 мая, 1744 года, предписано было уніатскому митрополиту Аванасію Шептицеому, вмѣстѣ съ начальниками базилианскаго ордена, упразднить малочисленные монастыри или присоединить ихъ къ другимъ, такъ чтобы въ каждомъ удобно могло жить 10 или по крайней мѣрѣ 8 монаховъ ²⁾. Вслѣдствіе этого, на дубенской консультаціи (совѣщаніи) 1745 года было рѣшено оставить въ польской или русской провинціи самостоятельными 38 монастырей, присоединить къ

¹⁾ Акты этой конгрегациі въ библіотекѣ волынской дух. семинаріи, № 1289.

²⁾ Bullae et brevia Summorum pontificum..., congregationem Ruthenorum ordinis S. Basilii Magni concernentia, и проч., Почаевъ, 1767 года, ч. 2, стр. 1—60.

другимъ 60 и упразднить 25 монастырей, если только послѣдніе не обезпечены будутъ со стороны фундаторовъ пожертвованіемъ, достаточнымъ для содержанія по крайней мѣрѣ 8 монаховъ¹⁾). Но вмѣстѣ съ тѣмъ начальники базилианскаго ордена обратились къ папѣ съ просьбой не упразднять монастырей, достаточныхъ для содержанія пяти монаховъ, при чемъ обѣщали совсѣмъ закрыть всѣ прочіе, не могущіе содержать по пяти монаховъ; просили однако, чтобы, въ качествѣ приписныхъ къ сосѣднимъ монастырямъ, сохранить и тѣ небольшія монашескія обители, кои не могутъ содержать и по пяти монаховъ. Эти послѣдніе, въ силу декрета 2 мая 1744 года, неизбежно должны были подлежать упраздненію, но монахамъ и ихъ не хотѣлось отдавать свѣтскому клиру, какъ о томъ имъ объявлено было бывшимъ апостольскимъ нунціемъ, потому они просили сдѣлать новое исключеніе для монастырьковъ, не имѣющихъ приходовъ, заявляя, что монастыри съ приходами они безпрепятственно готовы отдать свѣтскому клиру. Папа согласился оставить за базилианами на десятилѣтіе тѣ монастыри и резиденціи, въ коихъ можетъ содержаться до пяти монаховъ, но требовать при этомъ, что бы въ теченіи шести мѣсяцевъ или года совершенно оставлены были ими всѣ остальные монастыри, резиденціи и миссіи, т. е. не могущія содержать и пяти монаховъ, и чтобы впредь не допускались новыя фундаціи монастырей, если онѣ недостаточны для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ. Въ числѣ оставляемыхъ за базилианами монастырей, резиденцій или миссій, не могущихъ содержать и по пяти монаховъ, папа различалъ такіе, которые принадлежали прежде свѣтскому клиру, или имѣютъ приходы, и такіе, которые основаны монахами и приходовъ не имѣли. Первые изъ нихъ онъ предписывалъ безусловно передать во владѣніе епископа или свѣтскаго клира той епархіи, въ которой они числятся; вторые, согласно 5 главѣ 21 сессіи тридентскаго собора, разрѣшалъ приписать къ сосѣднимъ базилианскимъ монастырямъ, но съ тѣмъ, что бы монахи не имѣли болѣе тамъ постоянного жительства, а находящіяся при нихъ церкви подлежали, наравнѣ съ приходскими, власти и вѣдѣнію мѣстнаго епи-

¹⁾ См. Дѣло польской базилианской провинціи съ литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, №№ 14 и 60.

скопа¹⁾). Но, взаи́мнъ этой невольной уступки свѣтскому клиру, базилиане привлекли къ своему ордену архимандричьи монастыри и самихъ архимандритовъ, прежде подчинявшихся непосредственно митрополиту. Nexus'омъ или союзомъ уніатскаго митрополита Аванасія Шептицкаго съ базилианскимъ орденомъ, 1743 года, въ архимандричьихъ монастыряхъ протоархимандриту или генералу предоставлена власть только надъ монахами, а не надъ архимандритомъ, который долженъ былъ подчиняться митрополиту²⁾). Но, вслѣдствіе домогательства базилианъ, папскимъ декретомъ 30 марта 1756 года, постановлено было, чтобы и архимандриты монастырей помянутой конгрегаціи подчинялись непосредственной власти протоархимандрита, какъ главнаго начальника, при чемъ каждый изъ нихъ получалъ отъ митрополита посвященіе и предъ нимъ же приносилъ присягу на вѣрное служеніе, но инсталляцію, т. е. самое назначеніе на должность настоятеля извѣстнаго монастыря, безъ чего ему пришлось-бы остаться съ однимъ лишь саномъ, получалъ отъ протоархимандрита³⁾).

Такимъ образомъ ядро польско-русской базилианской провинціи и всего базилианскаго ордена составляли архимандричьи и игуменскіе самостоятельные и, слѣдовательно, болѣе богатые монастыри. Они высылали на провинціальныя и генеральныя конгрегаціи своихъ настоятелей и депутатовъ, на что не имѣли права приписные, филиальныя монастыри. Эти конгрегаціи или сѣзды созывались черезъ четыре или много черезъ восемь лѣтъ для избранія генерала ордена, провинціаловъ для каждой провинціи и другихъ орденскихъ чиновниковъ, для переизбѣны монастырскихъ настоятелей, а также для разсмотрѣнія и рѣшенія общихъ монастырскихъ дѣлъ извѣстной провинціи или всего ордена. Нѣкоторое подобіе этихъ конгрегацій или сѣздовъ представляютъ нынѣшніе сѣзды православнаго бѣлаго духовенства, обще-епархіальныя и окружныя.

¹⁾ См. акты почаевской провинціальной капитулы 1755 г., сесс. 1, въ рукоп. волынской дух. семинаріи, № 1289.

²⁾ Акты дубенской капитулы 1743 г., сесс. 7, 9 и 11, въ рукописи волынской дух. семинаріи, № 1289.

³⁾ Bullae et brevia Summorum pontificum, 1767 г., ч. 2, стр. 103—113.

Какое-же мѣсто и значеніе имѣлъ въ общемъ строѣ базилианскаго ордена замостьскій николаевскій уніатскій монастырь? Мы оставили его еще въ томъ зачаточномъ, переходномъ состояніи, когда онъ собственно и не былъ еще монастыремъ, а былъ лишь приходскою церковію, при которой, вмѣсто бѣлаго священника, служилъ уніатскій монахъ. Казалось бы, монастырь этотъ долженъ былъ ступеваться въ массѣ другихъ ничтожныхъ базилианскихъ монастырей и закрыться въ силу приведенныхъ нами папскихъ опредѣленій, допускающихъ существованіе только такихъ монастырей, которые могли содержать не менѣе восьми и въ крайнемъ случаѣ не менѣе пяти монаховъ; но не такъ случилось на самомъ дѣлѣ. Эти-же самыя папскія опредѣленія, кажушіяся на первый взглядъ строгими и стѣснительными для базилианъ, на самомъ дѣлѣ лишь содѣйствовали увеличенію и процвѣтанію базилианскаго ордена и отдѣльныхъ его монастырей, вызывая въ бѣдныхъ монастыряхъ всю энергію для сохраненія своего существованія и соревнованіе съ другими болѣе богатыми и значительными монастырями. Такіе бѣдные монастыри употребляли всѣ ухищренія для того, чтобы пріобрѣсть фондупъ, достаточный для содержанія по крайней мѣрѣ восьми монаховъ, и попасть въ число монастырей, пользовавшихся правомъ голоса на базилианскихъ сѣздахъ. Большею частію они выпрашивали необходимое содержаніе у фундаторовъ своихъ или другихъ благотворителей, или-же мало по малу пріобрѣтали недвижимыя имущества на свои собственныя средства. Такъ постепенно поднимался на ноги и замостьскій уніатскій монастырь, послѣдовательно испытавъ всѣ превращенія отъ личинки до бабочки. Сначала онъ былъ, кажется, простою резиденціей или подворьемъ, потомъ—миссіей, далѣе—приписнымъ монастыремъ и, наконецъ, самостоятельнымъ. Чтобы достигнуть послѣдняго, ему нужно было преодолѣть всѣ препятствія, какія представлялись ему и со стороны мѣстныхъ церковныхъ братствъ, и со стороны епископской власти, не хотѣвшей выпустить его изъ своихъ рукъ; но онъ не остановился передъ этими препятствіями и преодолѣлъ ихъ.

До 1739 года, замостьская никольская церковь и ея настоятель базилианинъ визитовались или ревизовались мѣстнымъ холмскимъ уніатскимъ епископомъ, какъ ихъ непосредственнымъ начальникомъ. Такъ, 26 мая 1721 года визитовалъ братство никольское

епископъ холмскій Іосифъ Левицкій¹⁾, а въ 1726 году тотъ-же епископъ опредѣлилъ границы обоихъ замостьскихъ приходовъ, городского нивольскаго и предгороднаго вознесенскаго, такимъ образомъ, чтобы къ городской нивольской церкви принадлежали дома въ стѣнахъ самой крѣпости и на улицахъ Лановой, Садовискѣ, Подгроблѣ и Яновичахъ, а къ предгородной вознесенской — предмѣстѣ Львовское, Новый свѣтъ, Гусиная улица, Подставье и Волька Калиновская; онъ подтвердилъ также постановленія комисіи 1699 и 1701 годовъ относительно погребенія умирающихъ при той церкви, при которой они пожелаютъ, съ уплатою четвертой части погребальнаго дохода приходскому священнику. Въ 1732 году визитоваль или ревизоваль обѣ замостьскія церкви и состоявшія при нихъ братства холмовскій униатскій епископъ Фелиціанъ-Филиппъ Володковичъ²⁾, при чемъ подтвердилъ пункты устава старшаго братства замостьскаго св. Николая, данныя ему прежде православнымъ епископомъ львовскимъ Гедеономъ Балабаномъ и кievскимъ митрополитомъ Сильвестромъ Коссовымъ, но съ значительными дополненіями и измѣненіями относительно порядка выбора старшихъ братчиковъ и управленія дѣлами братства.

Если сравнить эти пункты³⁾ съ прежними уставами братства, то въ нихъ невольно бросается въ глаза видная, подавляющая роль базилианскаго настоятеля, который уже по самому своему званію настоятеля стоялъ во главѣ братства и считался его распорядителемъ: безъ него не могло состояться ни одно засѣданіе, ни одинъ актъ братства. Въслѣдствіе этого, самое братство теряло свою прежнюю самостоятельность и вліяніе на настоятеля и сдѣлалось въ рукахъ послѣдняго только послушнымъ орудіемъ для благоустроенія церкви и достиженія цѣлей базилианъ, какъ отчасти сознавалось въ этомъ и сами замостьскіе базилиане. Въ 1781 году замостьскій игуменъ Филаретъ Мочарскій писалъ въ своей замѣткѣ о происхожденіи замостьскаго монастыря, что сюда введены были базилиане

¹⁾ Объ этой визитѣ упоминается въ визитѣ нивольской церкви 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Акты этихъ визитацій 1732 года — въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

³⁾ Punkta po zakazzoney wizycie w klastorze zamoymskim... podane, 9 окт., 1732 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

„на полныхъ правахъ, безъ всякой зависимости отъ братства“¹⁾. Понятно, такое приращеніе братства не могло нравиться его членамъ, которые, поэтому, при первомъ удобномъ случаѣ и обнаружили желаніе отдѣлаться отъ базилианъ. Случай этотъ представился вскорѣ по освобожденіи униатскихъ монастырей изъ-подъ епископской власти на львовской базилианской конгрегаціи 1739 года и по соединеніи всѣхъ униатскихъ монастырей въ одинъ базилианскій орденъ.

Мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства, что униатскіе епархіальные архіереи недовольны были освобожденіемъ униатскихъ монастырей изъ-подъ ихъ власти²⁾ и потому старались возможно менѣе уступить базилианамъ и ограничить, по возможности, постепенно расширявшійся кругъ ихъ вліянія. Такія же чувства и намѣренія стали питать къ замостьскимъ базилианамъ и холмскій униатскій епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ. 12 мая, 1740 года, т. е. на другой годъ послѣ львовской конгрегаціи, онъ далъ предписаніе холмскому провинціалу Карпинскому и замостьскому декану Павлу Соколовскому—назначить администратора къ предгородной замостьской вознесенской церкви, которая въ то время приписана была къ городской церкви, дабы вознесенскіе прихожане „болѣе не принадлежали городской церкви, находящейся внутри крѣпости“³⁾.

Съ теченіемъ времени, пользуясь многочисленностію монаховъ замостьскаго монастыря и папскими постановленіями о подобнаго рода монастыряхъ, епископъ Володковичъ простиралъ виды и на самый замостьскій монастырь и въ этомъ отношеніи сблизился съ желаніями и стремленіями нивольскаго братства и дѣйствовалъ съ нимъ за одно, чтобы изгнать базилианъ изъ Замостья.

¹⁾ Origo monasterii zamoscensis, 1781 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ См. протестъ митрополита и униатскихъ епископовъ, 1742 г., противъ освобожденія базилианъ отъ подчиненности митрополиту въ дѣлѣ м. Гребницкаго съ базилианскимъ протоархимандритомъ, 1755 г., Summarium, № 7; см. Труды кiev. дух. академія, февраль 1871 г., стр. 318—320.

³⁾ Instrumentum Володковича отъ 20 мая 1740 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

Что въ это время замостьскій монастырь былъ еще не значителенъ и малочисленъ, это видно изъ того, что на дубенской консультаціи 1745 года этотъ монастырь не признанъ былъ самостоятельнымъ, слѣдовательно не имѣлъ и восьми монашествующихъ лицъ и приписанъ былъ къ верхратскому монастырю польской или русской провинціи ¹⁾. А такъ какъ замостьскій монастырь имѣлъ и прихожанъ, то, на основаніи постановленій замостьскаго собора и папскихъ распоряженій, никольская церковь и состоявшее при ней братство подлежали ревизіи мѣстнаго униатскаго епископа, а не орденскаго начальства, которое вѣдало только самихъ монаховъ базилианъ. Въ одну изъ такихъ епископскихъ ревизій, въ 1752 году, и возбужденъ былъ вопросъ объ обращеніи замостьскаго никольскаго монастыря по прежнему въ приходскую церковь и объ удаленіи изъ Замостья монаховъ базилианъ. Въ это время члены братства заявили, а епископъ Фелиціанъ Филиппъ Володковичъ записалъ въ акты ревизіи, что „находящіяся въ архивѣ братства права и привиллегіи гласятъ, дабы замостьскою каменною церковію управлялъ свѣтскій священникъ, какъ и дѣйствительно на памяти всѣхъ людей послѣднимъ управителемъ и поссессоромъ былъ нѣкогда велебный отецъ Машкевичъ, по смерти коего какимъ способомъ велебные отцы базилиане завладѣли тою церковію, объ этомъ неизвѣстно болѣе изъ преданія людей помнящихъ, кромѣ того, что блаженной памяти его милость отецъ Іосифъ Левицкій, епископъ холмскій, непосредственный предшественникъ превелебнаго теперешняго визитатора, назначилъ на время администраторомъ духовныхъ дѣлъ вдовствующей частопоминаемой церкви своего капеллана, велебнаго отца Миколая Блещинскаго чина св. Василія Великаго, послѣ котораго ихъ милости отцы базилиане присвоили себѣ это мѣсто и церковь, какъ ясно видно, безъ законной уступки со стороны свѣтскаго клира, безъ надлежащаго ввода и передачи. Посему нисколько не будетъ противорѣчить первоначальной презентаціи патрона, если бы на основаніи вышепомннутыхъ правъ и привиллегій, распорядителемъ и поссессоромъ каменной замостьской церкви былъ отецъ приходской священникъ свѣтскій, русино-греко-униатскій; особенно

¹⁾ Дѣло польской базилианской провинціи съ провинціей литовской о 12-ти монастыряхъ, 1747 г., Summarium, № 44 и 60.

если принять во вниманіе декретъ счастливо надѣ всѣмъ міромъ христіанскимъ господствующаго святѣйшаго отца Бенедикта, того имени XIV папы римскаго, которымъ повелѣвается, чтобы велебные отцы базилиане, владѣющіе приходскими церквами, если не имѣють фундуша, достаточнаго для содержанія восьми монаховъ, и надлежащей ограды, отдавали ихъ въ руки и распоряженіе епископамъ. Посему велебные отцы базилиане, живущіе при городской замостьской церкви, такъ какъ содержатся одной только милостынею, должны въ теченіи полугода отъ нынѣшняго акта или позаботиться о надлежащемъ фундушѣ на восемь монаховъ и о томъ, чтобы была монастырская ограда, или же отступиться отъ этой церкви, которою владѣють безъ всякаго права¹⁾. Обезпеченными же монастырями, по базилианскимъ постановленіямъ, считались тѣ монастыри, коихъ фундушъ ежегодно могъ доставлять имъ по 500 или, по крайней мѣрѣ, по 400 злотыхъ польскихъ на человѣка²⁾. Слѣдовательно фундушъ, необходимый для содержанія полнаго самостоятельнаго монастыря, долженъ быть таковой, который бы ежегодно давалъ монастырю процентовъ не менѣе 3200 злотыхъ. Въ то время большею частію получалось съ капитала по 7°; слѣдов., капиталъ, необходимый для содержанія самостоятельнаго монастыря, долженъ быть не менѣе 50,000 злотыхъ польскихъ.

Очевидно, замостьскіе базилиане, жившіе доселѣ одною почти милостынею, не могли въ теченіе полугода образовать фундушъ въ 60000 злотыхъ и должны были уступить никольскую церковь свѣтскому клиру или мѣстному епископу; но въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ они постарались освободиться изъ-подъ опеки нерасположеннаго къ нимъ никольскаго братства, или по крайней мѣрѣ подрвать его значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ позаботились о приобрѣтеніи капитала, который бы обезпечивалъ ихъ существованіе на будущее время.

Для противодѣйствія никольскому братству, въ которомъ жили еще прѣжнія православныя традиціи, базилиане основали при той же никольской церкви новое братство св. Онуфрія и на утвержде-

¹⁾ Взята никольской замостьской церкви 16 ноября 1752 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ См. Труды кievской дух. академіи, май, 1871 г., стр. 308.

ніе его испросили папскую буллу, отъ 5 мая 1753 г. Святѣйшій отецъ, желая поддержать новоучрежденное братство, цѣль котораго была ему понятна, не попустился на одну лишнюю индульгенцію, какъ самое заманчивое средство для привлеченія въ братство возможно большаго числа членовъ. „Получили мы, говорить онъ въ указанной буллѣ, извѣстіе, что при церкви монаховъ чина св. Василія Великаго, города Замостья, холмской епархіи, находится канонически основанное или имѣющее основаніе одно благочестивое и набожное братство обоего пола вѣрующихъ во Христа, подъ названіемъ св. Онуфрія (но не для людей одного спеціальнаго ремесла), коего братчики и сестрицы обыкновенно совершаютъ или имѣютъ въ виду многія дѣла благочестія и любви: потому, дабы братство получило съ теченіемъ времени большій успѣхъ, по милосердію всемогущаго Бога и власти св. его апостоловъ Петра и Павла, даемъ милосердно о Господѣ полную индульгенцію и отпущеніе всѣхъ грѣховъ всѣмъ обоего пола во Христа вѣрующимъ, которые вступая въ братство впослѣдствіи,—въ первый день ихъ поступленія, если истинно покаившись и исповѣдавшись, примутъ святѣйшее таинство евхаристіи; также полную—какъ записавшимся, такъ и на будущее время имѣющимъ записаться въ помянутое братство братьямъ и сестрамъ, въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, если также, истинно покаившись и исповѣдавшись, приобщатся, или, если этого не могутъ сдѣлать, то по крайней мѣрѣ съ сокрушеніемъ произнесутъ устами имя Іисусово, или сердцемъ благочестиво призовутъ; равно также полную—и тѣмъ нынѣшнимъ и будущимъ братьямъ и сестрамъ помянутаго братства, тоже истинно покаившимся, исповѣдавшимся и приобщившимся, которые каждый годъ будутъ набожно посѣщать церковь братства, или капеллу, или ораторію въ главный праздничный день помянутаго братства, разъ навсегда избранный означенными братьями и утвержденный епископомъ, отъ наступленія вечера до захода солнца этого дня, и тамъ возносить усердныя молитвы къ Богу о мирѣ всѣхъ христіанъ, искорененіи ересей и возвышеніи св. матери церкви. Сверхъ сего (даемъ)—семь лѣтъ и столько же сорокадневныхъ помянутымъ братьямъ и сестрамъ, тоже истинно кающимся, исповѣдавшимся и приобщившимся, которые будутъ посѣщать церковь, или капеллу, или ораторію въ другіе четыре годо-

вые праздники, или въ неспраздничные, или въ воскресные дни, разъ навсегда избранные помянутыми братчиками и утвержденные тѣмъ же епископомъ, какъ о томъ сказано выше, и будутъ тамъ молиться, на тотъ день, въ который они исполнять все это. Если же они будутъ присутствовать на литургіяхъ и другихъ богослуженіяхъ, поемыхъ и читаемыхъ въ церкви, или капеллѣ, или ора- торіи, или на публичныхъ и частныхъ собраніяхъ сего братства, дѣлаемыхъ гдѣ либо, или будутъ принимать бѣдныхъ, или водво- рять миръ между врагами, или будутъ содѣйствовать примиренію или постараются о немъ, или кто приметъ участіе въ погребеніи тѣлъ какъ умершихъ братьевъ и сестеръ, такъ и другихъ, или бу- дутъ сопровождать какія либо процессіи, совершаемыя съ разрѣ- шенія епископа, и святое таинство евхаристіи въ процессіяхъ къ больнымъ, и другія, совершаемыя гдѣ либо и какимъ либо обра- зомъ, или, въ случаѣ невозможности, произнесутъ однажды, услы- шавъ звукъ колокольчика, молитву Господню и ангельское привѣт- ствіе за души усопшихъ братій и сестеръ, или кого либо совра- тившагося наставлять на путь спасенія и научать невѣдущихъ за- повѣдямъ Божиимъ и тому, что относится ко спасенію, или совер- шать какое либо другое дѣло благочестія и любви; то за испол- неніе каждаго изъ перечисленныхъ дѣлъ снимаемъ шестьдесятъ дней изъ наложенныхъ на нихъ или иначе какимъ либо образомъ обязательныхъ эпитемій въ принятой церковію формѣ. Но мы же- лаемъ, чтобы, въ случаѣ дарованія помянутымъ братьямъ и сест- рамъ, исполняющимъ вышесказанное, другихъ индульгенцій посто- янныхъ, или простирающихся на время еще не прошедшее,—тепе- реннія не имѣли силы, и чтобы въ томъ случаѣ, если помянутое братство присоединено уже къ какому либо архибратству, или при- соединится впоследствии, или сольется по какой либо другой при- чинѣ, или какъ либо иначе устроится, прежнія и всякія другія буллы апостольскія нисколько не имѣли для нихъ силы и оттолѣ, по этому самому, также считались уничтоженными⁴⁾). Замѣча- тельно въ этой буллѣ стремленіе отмежевать надѣленное всякими индульгенціями онуфріевское братство отъ какого-то другаго архи- братства, вѣроятно никольскаго, и если не уничтожить послѣднее,

⁴⁾ Булла эта—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

то, по крайней мѣрѣ, ослабить его привлеченіемъ его членовъ въ новому братству. Изъ послѣдующихъ документовъ мы видимъ, что хотя никольское братство и продолжало существовать послѣ этого времени, но уже не заявляло никакой почти дѣятельности.

Послѣ ослабленія такимъ способомъ никольскаго братства, важнѣйшею заботою замостьскихъ базилианъ было приобрѣтеніе фундаша, который обезпечивалъ бы существованіе и будущность ихъ монастыря. Приманкою поминовеній и палскихъ индульгенцій они привлекли къ себѣ многихъ жертвователей въ пользу своего монастыря, которые обыкновенно обезпечивали монастырю на своихъ имѣніяхъ значительные капиталы, съ ежегодною уплатою съ нихъ по монастырю отъ 5 до 7%, или же дарили самыя недвижимыя имущества. Кромѣ того, сами замостьскіе базилиане приобрѣтали путемъ покупки въ пользу монастыря различныя земельныя участки и дома и въ разное время получали въ управленіе приходскіе костелы и униатскія церкви, обращая ихъ недвижимыя имущества и доходы въ пользу своего монастыря. Такимъ образомъ, кромѣ 400 злотыхъ, назначенныхъ Анной Замойской на содержаніе никольской церкви и при ней священника, во второй половинѣ XVIII вѣка сдѣланы слѣдующія болѣе крупныя пожертвованія и записи на замостьскій монастырь. Въ 1754 году Янъ Якубъ Замойскій и другіе опекуны Замойской ординаціи отдали замостьскому монастырю, за взятія будто бы ими изъ кассы польской базилианской провинціи деньги, два фольварка—Вендреіовскій и Крышковскій. Въ 1758 году вдова Юанна Гассова записала замостьскому монастырю на всѣхъ своихъ имѣніяхъ сумму въ 1280 злотыхъ. Въ 1761 году кievскій ловчій Стефанъ Терлецкій записалъ замостьскому монастырю 7000 злотыхъ на имѣніи своемъ Снятичахъ. Въ 1762 году Янъ Якубъ Замойскій записалъ на имѣніи своемъ Лабункахъ 30,000 злотыхъ на учрежденіе миссіи въ замостьскомъ монастырѣ¹⁾. Собранныхъ такимъ образомъ въ короткое время капиталныхъ суммъ набиралось до 80,000 злотыхъ польскихъ²⁾; съ нихъ проценту мо-

¹⁾ Всѣ записи на эти суммы находятся въ бумагахъ замостьскаго монастыря, подъ означенными годами.

²⁾ См. прошеніе замостьскаго игумена Аркадія Зеневица графу Замойскому, 11 августа 1802 года.

настырь долженъ былъ получать въ годъ свыше 5,000 злотыхъ. Но въ это число не включены капиталы, одновременно пожертвованные монастырю наличными деньгами. Кромѣ того, замостьскій монастырь получилъ въ 1758 году въ свое завѣдываніе предгородную замостьскую церковь со всѣмъ ея имуществомъ, которое, по упраздненіи этой церкви въ концѣ XVIII вѣка, сдѣлалось собственностію замостьскихъ базилианъ; а около 1779 года онъ получилъ въ свое управленіе и лабунскую церковь съ принадлежностями ея. Много также приобрѣтено было замостьскимъ монастыремъ земельныхъ участковъ и домовъ въ самомъ городѣ Замостьѣ и его предмѣстьяхъ и окрестностяхъ¹⁾.

Такими путями замостьскій базилианскій монастырь въ непродолжительномъ времени сдѣлался изъ бѣднаго монастыря зажиточнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самостоятельнымъ, и получилъ извѣстное значеніе въ ряду другихъ базилианскихъ монастырей. Въ 1763 году онъ былъ уже гласнымъ монастыремъ и имѣлъ своего представителя на провинціальной бѣлостоцкой капитулѣ, бывшей въ этомъ году²⁾. Кромѣ игумена, монастырь содержалъ не менѣе семи монаховъ и въ числѣ ихъ двухъ миссіонеровъ, которые должны были проповѣдывать и совершать извѣстныя миссіонерскія процессіи для совращенія православныхъ въ унию и утвержденія ихъ въ униатскомъ исповѣданіи³⁾. Кромѣ того, замостьскій монастырь во второй половинѣ XVIII вѣка содержалъ у себя орденскія базилианскія студіи или школы, обыкновенно состоявшія у базилианъ изъ отдѣльныхъ классовъ орденской семинаріи, риторическаго, философскаго, богословскаго и проч., разбросанныхъ по разнымъ монастырямъ и переводимыхъ изъ одного въ другой. До 1763 года помѣщалась въ замостьскомъ монастырѣ, вѣроятно въ теченіи четырехъ лѣтъ, богословская школа, переведенная въ этомъ году въ свято-георгіевскій львовскій монастырь, гдѣ она была и прежде, а въ 1772 году мы видимъ въ замостьскомъ монастырѣ философскую базилианскую шко-

¹⁾ Свѣденія объ нитѣ въ бумагахъ монастыря.

²⁾ Труды кiev. дух. академіи, январь, 1872 г., стр. 26.

³⁾ Опись владѣній и доходовъ монастыря, 1781 г., въ бумагахъ монастыря замостьскаго.

лу ¹⁾, которая въ 1781 году состояла изъ одного профессора и семи учениковъ ²⁾.

Но въ то самое время, когда замостьскій базилианскій монастырь достигъ значительной степени своего благосостоянія, наступили раздѣлы Польши между тремя сосѣдними дѣржавами, имѣвшіе роковое значеніе и для всего базилианскаго ордена, и въ частности для этого монастыря.

IV.

„Первый раздѣлъ нѣкоторыхъ частей Польши,—говоритъ базилианинъ Лука Сульжинскій,—сдѣланъ тремя сосѣдними монархами и утверждёнъ трактатомъ между Польшею и этими монархами въ 1772 году. Россія получила всю Бѣлоруссію, Австрія или цезарь римскій — страны, называемыя теперь Лодоміріей и Галиціей, король прусскій—древніе Прусы. Въ захваченномъ Пруссіей краѣ не было никакихъ базилианскихъ монастырей, въ Лодоміріи-же и Галиціи, равно и въ Бѣлоруссіи, много находилось этихъ монастырей, и всѣ они хорошо были устроены. Управление этими монастырями, вошедшими въ раздѣлъ, хотя уже находившимися за границей, долго еще послѣ того принадлежало прежнему ихъ начальству, находившемуся въ Польшѣ: провинціалъ литовскій завѣдывалъ монастырями бѣлорусскими, а коронный — лодомірскими и галиційскими, подъ верховнымъ надзоромъ протоархимандрита или генерала ордена всей нашей конгрегации... Въ 1780 году послѣдовала генеральная капитула въ Тороканѣ, подъ предсѣдательствомъ (перешедшаго въ предѣлы Польши) митрополита Смогоржевскаго. Она продолжалась болѣе двухъ мѣсяцевъ. На ней присутствовали и всѣ заграничные настоятели, имѣющіе голосъ. На этой капитулѣ утверждёнъ былъ давно составленный, а теперъ исправленный кодексъ постановленій ордена св. Василя Великаго. На этой-же капитулѣ изъ двухъ провинцій, литовской и коронной, образованы четыре провинціи, а именно: коронная провинція раздѣлена была на двѣ, одну подъ тѣмъ-же названіемъ, а другую—галиційскую и лодомірскую; равнымъ образомъ и литовская—на литовскую собственно и бѣлорус-

¹⁾ Труды кiev. дух. академіи, июль, 1871 г., стр. 151.

²⁾ Опись владѣній и доходовъ замостьскаго монастыря, 1781 года.

скую. Для каждой отдѣльно выбраны были особые провинціалы съ усвоеннымъ имъ штатомъ должностныхъ лицъ; генераломъ-же или протоархимандритомъ избранъ Іосифъ Моргулецъ, бывший впоследствии архимандритомъ мѣлещимъ... Въ 1788 году вновь послѣдовала генеральная капитула въ Жидичинѣ, которую созвалъ викарный генералъ Героеей Корчинскій, немедленно по смерти Іосифа Моргульца получившій изъ столицы апостольское званіе протоархимандрита... На той капитулѣ не было уже ни одного настоятеля изъ заграничныхъ провинцій, т. е. галиційской и бѣлорусской, ни должностныхъ лицъ этихъ провинцій, хотя къ нимъ и посланы были пригласительныя письма; они прислали только отъ себя извиненія, что мѣстное правительство запретило имъ быть на этомъ съѣздѣ. Таки какъ за нѣсколько лѣтъ до этой генеральной капитулы вышешепомнутыя двѣ недавно образованныя заграничныя провинціи отложились отъ протоархимандричьей власти и подчинились власти своихъ епархіальныхъ епископовъ (что произошло, не знаю какъ сказать, по одной-ли волѣ мѣстныхъ правительствъ, или также и по интригамъ тамошнихъ нашихъ монаховъ, что вѣроятнѣе); то передъ этой капитулой конгрегація наша состояла только изъ двухъ провинцій, находившихся въ остальномъ краю польскомъ. Что дѣлалось въ тѣхъ двухъ отложившихся, недавно образованныхъ провинціяхъ, послѣ ихъ отдѣленія, извѣстно всякому. Въ Галиціи и Лодоміри важнѣйшіе монастыри взяты въ казну и оставлены только самые убогіе. Архимандрія уніевская уничтожена, свято-юрская церковь въ Львовѣ, со всей своей монастырской землей, кромѣ одной каменной линіи, и съ принадлежащимъ ей огородомъ, отдана въ Вѣнѣ Шептицкому, сначала епископу львовскому, потомъ митрополиту, всегда дѣйствовавшему противъ базилианъ. Какія-же притѣсненія были для нашихъ монаховъ и обряда нашего въ Бѣлоруссіи, уже подъ властію новоназначеннаго отъ имперіи архіепископа полоцкаго Лисовскаго, это можно видѣть изъ энциклики его къ духовенству, въ которой,—замѣтимъ мы отъ себя,—ничего больше нѣтъ, кромѣ указанія на искаженіе уніатами древняго греческаго обряда и приглашенія возвратиться къ нему и руководствоваться, по крайней мѣрѣ, ехологіономъ папы Бенедикта XIV. Вслѣдствіе подобныхъ стѣсненій, дѣйствительныхъ или мнимыхъ, уніаты переходили изъ предѣловъ Россіи въ Галицію, а изъ Галиціи въ Польшу.

Тотъ-же Сульжинскій передаетъ, что „нѣкоторые изъ всендзовъ уходили за границу, въ Галицію“, а въ одномъ декретѣ вѣнскаго двора, отъ 21-го марта 1785 года, мы встрѣчаемъ извѣстіе, что „нѣкоторые духовныя (унитскія) лица изъ этихъ панствъ (т. е. Галиціи) тайнымъ образомъ уходятъ за границу“¹⁾. Но послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1795 году разорено было и послѣднее гнѣздо ордена бѣлаго базилианскаго самоуправленія, дотолѣ остававшееся въ Польшѣ: должность протоархимандрита или генерала ордена была уничтожена, и распавшіяся части базилианскаго ордена уже не имѣли никакого видимаго объединительнаго центра и испытывали различную судьбу въ разныхъ государствахъ, которымъ онѣ достались.

Послѣ перваго раздѣла Польши, въ 1772 году, замостьскій монастырь достался, вмѣстѣ съ Галиціей и Лодоміріей, австрійской имперіи.

Въ первые годы австрійскаго владычества замостьскій базилианскій монастырь не чувствовалъ особыхъ стѣсненій для себя и даже задумалъ было воспользоваться смутными обстоятельствами перваго раздѣла Польши для своего обогащенія. Въ 1775 году повѣтовое правленіе белзскаго округа, въ силу императорскаго декрета отъ 1 августа того-же года, требовало отъ монашескихъ начальниковъ, чтобы они немедленно, по полученіи сего предписанія, представили помянутому правленію точную и вѣрную вѣдомость, въ которой-бы ясно было обозначено куда, кому и на какой конецъ раздѣлены, уплачены или отданы имущества бывшихъ прежде, теперъ-же уничтоженныхъ провинціальныхъ кассъ? При этомъ велѣно предостеречь ихъ, чтобы никто не осмѣливался скрыть или утаить какія-либо деньги или имущества, принадлежавшія помянутой кассѣ предъ уничтоженіемъ или раздѣломъ ея, въ той увѣренности, что высшее правительство строго накажетъ таковыхъ преступниковъ и найдетъ вѣрные способы къ открытію такихъ утаенныхъ денегъ или имущества“²⁾. Уже изъ этого предписанія можно

¹⁾ Краткія извѣстія о положеніи базилианскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи, съ 1772 года, Л. Сульжинскаго—въ почаевскомъ архивѣ, № 94. Въ русскомъ переводѣ, съ примѣчаніями, въ Трудахъ кiev. дух. академіи, 1868 г., за іюль, октябрь и ноябрь.

²⁾ Предписаніе это—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

заклѣчить, что бывшая касса базилианской провинціи была утаена или раздѣлена между наличными монастырями. На основаніи же другихъ документовъ мы можемъ предполагать, что значительный кушъ изъ этой кассы достался и замостьскому монастырю. Въ 1778 году этотъ монастырь получилъ отъ холмскаго каштеляна Венглинскаго какую-то сумму въ 40,000 злотыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ принадлежавшую провинціальной кассѣ, и положилъ ее въ кассу графа Замойскаго, который 6 октября 1778 года далъ замостьскому монастырю собственноручную росписку въ томъ, что онъ взялъ въ долгъ у монастыря эту сумму на годъ за проценты, обезпечивши ее на своихъ имѣніяхъ и особенно на ключѣ гродецкомъ, въ подольскомъ воеводствѣ. Въ 1781 году, съ разрѣшенія своего начальства, замостьскій монастырь взялъ изъ этой суммы, на покрытіе своихъ долговъ, 6500 злотыхъ, изъ нихъ израсходовалъ 3500 злотыхъ, а остальные 3000 зл. отдалъ секретно въ долгъ нѣкоему Войцеху Кочовскому, назначивъ ихъ на уплату долговъ своихъ вицинскому и чернелавскому (иначе Лѣсокъ) монастырямъ. Эти секретныя денежныя операціи объясняются въ одной запискѣ замостьскаго настоятеля тѣмъ, что онѣ совершались „во время извѣстныхъ каждому замѣшательствъ, опасеній и отчаянія всего духовенства, при внезапномъ упраздненіи монахинь францискановъ въ Замостьѣ и другихъ монахинь по другимъ мѣстамъ, а также во время опасности, угрожавшей и мужскимъ монастырямъ“. Съ остальныхъ 33,500 злотыхъ получались въ пользу замостьскаго монастыря проценты до 1786 года ¹⁾.

Въ послѣдствіи времени не только эти суммы не были удержаны монастыремъ, но утрачены были и другія суммы, несомнѣнно принадлежавшія монастырю, а съ остальныхъ оставшихся за монастыремъ имѣній и суммъ взималась пошлина на содержаніе австрійскихъ войскъ и въ кассу религіи. Сумма 33,500 злотыхъ „конституціей польской 1786 года взята на Рѣчь Посполитую“. Проценты съ нѣкоторыхъ другихъ суммъ, положенныхъ на имѣніяхъ жертвователей, перестали получаться потому, что эти имѣнія и владѣльцы

¹⁾ Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi zamoyskiemu interesow, 1783 г., и документы замойскаго монастыря о суммѣ 33500 зл. въ дѣлѣ 1811 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ихъ оказались теперь въ предѣлахъ другихъ государствъ. Около 1788 года монастырь сталъ платить подати въ фондъ религіи и въ кассу войсковую¹⁾. Во время втораго и третьяго раздѣловъ Польши средства монастырей еще болѣе уменьшились, такъ какъ благотворители монастыря, въ виду секвестрованія духовныхъ имѣній правительствомъ, брали эти имѣнія обратно себѣ. Такимъ образомъ взята была у замостьскаго монастыря графомъ Замойскимъ часть поля въ ланахъ яновецкихъ²⁾. Перестали получаться и проценты съ 30,000 злотыхъ, пожертвованныхъ Яномъ-Якубомъ Замойскимъ на учрежденіе миссіи, вѣроятно по ненадобности уже самой миссіи за повсюднымъ упраздненіемъ православія. Въ 1804 году всѣхъ капитальныхъ суммъ и долговъ за частными лицами было у монастыря 12,107 злотыхъ, 24 гроша. Съ этой суммы ежегодно получалось доходу 683 злотыхъ 45 грошей, изъ коихъ платилось податей 12 злотыхъ и 28 грошей. Остальныя деньги шли на содержаніе четырехъ монаховъ и трехъ влириковъ, студентовъ философіи³⁾.

Не менѣе чувствительно было для базилианъ и ограниченіе ихъ орденской автономіи. Поводомъ къ тому была чуть-ли не базилианская генеральная конгрегация, бывшая въ 1780 году въ Тороканѣ, на которой, въ числѣ прочихъ, присутствовали и галиційскіе базилиане. Австрійскому, да и русскому правительствамъ не было интереса поддерживать существованіе тѣсно сплоченнаго базилианскаго ордена, имѣвшаго корни свои въ чужомъ государствѣ. На жиравицкой генеральной капитулѣ 1780 года былъ и замостьскій настоятель Филаретъ Мочарскій; но онъ почему-то не нашелъ возможнымъ возвратиться въ свой монастырь и остался оффиціаломъ у Владиміръ-Волынскаго униатскаго епископа⁴⁾. Послѣ сего замостьскій монастырь подчиненъ былъ непосредственно власти мѣстнаго холмскаго епископа, который въ послѣдствіи времени раздѣ-

¹⁾ O stanie klasztoru bazylian zamoyskich, 1791 г.,—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Просьба игумена Аркадія Зеневича Замойскому, 1802 г., тамъ-же.

³⁾ Доношеніе игумена Зеневича начальству, 18 февр. 1804 г., тамъ-же.

⁴⁾ Informacya wiadomych i niewiadomych klasztorowi Zamoyskiemu interesow, Ф. Мочарскаго, 1783 г., тамъ-же.

даль эту власть съ провинціаломъ галиційской базилянской провинціи.

Прибывъ въ мартъ 1783 года на ревизію замостьскаго монастыря, холмскій униатскій епископъ Максимиліанъ Рылло нашелъ въ немъ много нестроений и безпорядковъ. Это былъ человекъ строгихъ правилъ и крутаго нрава, во всякомъ случаѣ администраторъ замѣчательный,—въ родѣ Якова Суши, и также горячо, какъ онъ, преданный дѣлу униі. Онъ подавилъ послѣдніе остатки православія въ Холмищинѣ. По сохранившемуся на мѣстѣ преданію, онъ вызывалъ въ Холмъ тѣхъ изъ униатскихъ священниковъ, которые продолжали еще носить бороды и рясы, самолично обрѣзывать имъ волосы и приказывалъ перемѣнить костюмъ, а непокорныхъ подвергалъ строгимъ наказаніямъ. Его поразила крайняя распущенность монаховъ, полное разстройство хозяйственныхъ дѣлъ монастыря, своеволие братіи, которая сама себя рядила, и онъ, не выѣзжая изъ монастыря, рѣшился ввести въ немъ строгій порядокъ, который самъ такъ любилъ. Подвергнуши все на мѣстѣ тщательному изслѣдованію, Максимиліанъ Рылло для поправки монастыря издалъ особый декретъ въ 11-ти пунктахъ, главнѣйшіе изъ которыхъ тутъ-же приведены въ исполненіе. Этотъ декретъ ¹⁾ отрываетъ намъ недуги, какими страдала тогда замостьская обитель и находившаяся при ней философская школа, ученики которой входили въ составъ братіи, равно и тѣ мѣры, какими энергической епископъ принялся врачевать ихъ. Въ числѣ этихъ мѣръ *дисциплина*, проще сказать плеть, играла не послѣднюю роль. Вотъ что происходило тогда въ замостьскомъ монастырѣ и его философской школѣ.

Бывшій предъ тѣмъ настоятель Филаретъ Мочарскій бѣжалъ въ Владиміръ-Волинскій, быть можетъ, отъ своеволия братіи, съ которою справиться не могъ. Управление его монастыремъ епископъ-ревизоръ призналъ „не осмотрительнымъ“: монастырь, говоритъ онъ, оказался въ жалкомъ положеніи и до того разстроеннымъ, что не только не могъ выдавать братіи на одежду, но и покрыть сторонніе долги. Монастырь около двухъ лѣтъ оставался безъ насто-

¹⁾ Подлинникъ—въ бумагахъ замостьскаго монастыря 1783 г., подъ заглавіемъ: «*Decretum reformationis disciplinae monasticae.*»

ителя, а это естественно вело братію къ полной распущенности, своеволю и растратѣ монастырскаго имущества и доходовъ. Вѣдомость о монастырскихъ дѣлахъ, составленную по требованію верховнаго имперскаго управленія, самъ епископъ признаетъ сомнительною; столь-же трудно было ему добраться до истины въ монастырскихъ инвентаряхъ и доходахъ. Въ церкви, въ богослуженіи царствовали полный беспорядокъ: монахи опаздывали на службу церковную и заставляли прихожанъ ждать; многіе не хотѣли участвовать въ хорѣ, приходили, когда кому вздумается, пѣли не соотвѣтственно порядку литургіи, иные читали молитвы про себя, когда другіе пѣли, пѣли вообще не стройно, службу Божию совершали поспѣшно, многое опускали, нарушая единообразіе службы церковной, производя беспорядокъ и соблазнъ, выставя предъ набожными прихожанами свое лишь нерадѣніе. Въ частной жизни своей монахи предавались пьянству, заводили между собою ссоры и кляузы, шатались днемъ и по ночамъ внѣ монастыря, заводили компанію съ мірянами вообще и въ частности съ женщинами. Братья школьники не отставали отъ братіи монастырскаго даже по части воловѣтства и двое изъ нихъ—Маріанъ и Георгій уличены были въ этомъ послѣднемъ не задолго до пріѣзда епископа въ масляничное воскресенье. Занятія философіею, къ которымъ братья школьники, какъ выражается епископъ, назначены *въ силу послушанія*, были ими заброшены, и они отвиливали отъ нихъ „чисто по своему лукавству“. Строгіе профессора исключили многихъ изъ нихъ, если не всѣхъ, что епископъ осудилъ предъ всею общиною и на будущее время воспретилъ,—вѣроятно для того, чтобы не лишиться вовсе учениковъ; но школьники, какъ говоритъ онъ, обнаружили еще большее бездѣльничество: они осмѣлились бранить одного изъ учителей словами жестокими, свойственными однимъ разбойникамъ и бандитамъ, а почтенный братъ Георгій Коссарабовичъ до того дошелъ въ своей дерзости, что не только преслѣдовалъ своего профессора самыми непотребными словами, но однажды, въ пьяномъ видѣ, грозилъ убить его. Тѣ же братья школьники, подъ видомъ заботливости о своей общинѣ, а скорѣе для того, чтобы отдѣлаться отъ непрошенныхъ менторовъ, послали въ безцаркѣ доносъ на отца Варлаама Калиновича и Юліана Паранскаго, будто они замыслили бѣжать за границу (т. е. въ Россію), что

однако не подтвердилось никакимъ доказательствомъ. „Почтенный братъ прокураторъ“ продолжалъ пьянствовать при бытности самаго епископа, а на увѣщанія отвѣчалъ дерзостями.

Максимиліанъ Рыло, которому на этотъ разъ въ дѣлѣ возстановленія дисциплины и жизни монашеской предоставлена была неограниченная власть, поступилъ не только со строгостію, но вмѣстѣ съ крайнею осторожностію, дабы не разогнать своевольныхъ монаховъ или школьниковъ, но, удержавъ ихъ на мѣстѣ, постепенно прибрать къ рукамъ. Онъ началъ съ того, что назначилъ безголовому монастырю настоятеля въ лицѣ викарія Варлаама Калиновича, человѣка, какъ говорится въ декретѣ, доброй нравственности, извѣстнаго и довольно заслуженнаго въ базилианскомъ ордеѣ. Составивъ тутъ-же инвентари и вручивъ по нимъ новопоставленному все движимое и недвижимое имущество монастыря въ полное распоряженіе, безъ права однако отчуждать, продавать и дарить, и строго обязавъ его представленіемъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ самаго подробнаго отчета, епископъ предоставилъ ему полную власть надъ непокорными монахами и школьниками, обязавъ всѣхъ ихъ оказывать ему должное почтеніе, послушаніе и содѣйствіе. „Знайте, объявлялъ онъ въ декретѣ монахамъ, что я никому не позволю вмѣшиваться въ управленіе монастыремъ, но всякъ изъ васъ обязанъ дѣлать только то, чего требуетъ отъ него долгъ, исполнять то, что прикажетъ настоятель; ему я вручаю управленіе всей общиной и строго его обязываю, въ случаѣ сопротивленія общины, немедленно доносить о томъ мнѣ, подъ угрозой не принятія его самаго ни къ какимъ должностямъ въ нашихъ епархіяхъ“. За безпорядки въ богослуженіи дѣлалось строгое внушеніе и всѣмъ вообще монашествующимъ предписывалось быть аккуратными и точными въ выполненіи росписанія времени и часовъ для богослуженія и не только исправно по нему поступать, но исполнять такъ, какъ прикажетъ настоятель, безъ всякаго возраженія и ропота. Въ случаѣ сопротивленія, епископъ уполномочивалъ настоятеля подвергать виновнаго безъ всякихъ объясненій запрещенію богослуженія. Еще строже отнесся епископъ къ уклоняющимся отъ участія въ хорѣ: виновный въ этомъ, послѣ двухъ замѣчаній, въ третій разъ подлежалъ оставленію безъ обѣда, а въ послѣдующій—*дисциплинѣ*, иначе говоря, его должны были разложить и сѣчь плетью до тѣхъ поръ, пока кто либо изъ

братіи не прочтеть весь псаломъ: *Помилуй мя Боже*; при дальнѣйшемъ-же ослушаніи, объ немъ должно было доносить консисторіи. Виновные въ ссорахъ и распряхъ присуждались къ семидневному молчанію, а при повтореніи—суду консисторіи. Брата прокуратора за пьянство и продерзость самъ епископъ рѣшилъ подвергнуть *дисциплинѣ*, т. е. дать ему столько плетей, сколько ихъ влѣзетъ во все чтеніе псалма: *Помилуй мя Боже*. Прочіе виновные въ такихъ-же проступкахъ оставлены безъ наказанія въ надеждѣ на исправленіе ихъ, какъ болѣе просвѣщенныхъ. Для предупрежденія праздношатаательства и компаній съ мірянами, особливо-же съ женщинами, а равно подозрѣнія въ побѣгъ за границу, строжайше, подь опасеніемъ заключенія въ карцеръ, воспрещалось выходить за ограду безъ дозволенія настоятеля, а этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность не позволять отлучаться за городъ двумъ монахамъ или двумъ школьникамъ (но, прибавимъ отъ себя, только тремъ или болѣе, какъ это принято и теперь въ католическихъ монастыряхъ и семинаріяхъ), а въ городѣ двумъ школьникамъ, и ни самому не отлучаться, равно и никому не позволять отлучаться въ далекій путь безъ разрѣшенія епископа или его чиновника, что и изданными тогда распоряженіями гражданской власти воспрещалось. Съ школьниками епископъ поступилъ, какъ принято было тогда поступать со школьниками: братья Маріанъ и Георгій за наклонность къ волокитству лишены были въ теченіи трехъ дней лучшаго кушанья за обѣдомъ, прочіе, въ томъ-же виновные, должны были просить прощенія у братіи, цѣлуя имъ ноги. Всѣ вообще школьники (они помѣщались въ верхнемъ этажѣ небольшого монастырскаго зданія) не смѣли, безъ дозволенія настоятеля сходить въ нижнія келліи, подь опасеніемъ наказанія 50 поклонами. За грубое оскорбленіе профессора братъ Георгій дотолѣ долженъ былъ на колѣнахъ просить у него прощенія, доколѣ онъ самъ не назначитъ ему соответственнаго его винѣ взыскапія, а прочіе виновные въ томъ-же должны были просить у него прощенія, только однажды ставъ предъ нимъ на колѣна въ присутствіи всѣхъ членовъ общины. Строгий епископъ, опредѣляя то или другое наказаніе, каждый разъ почти замѣчаетъ, что хотя виновные заслуживали-бы строжайшаго наказанія, но онъ дѣлаетъ снисхожденіе по своей отеческой любви; на самомъ дѣлѣ, какъ мы выше упомянули, онъ боялся крутыми мѣрами обезлюдить

общину и особливо школу философіи, которая, кажется, имѣла всего четырехъ лишь учениковъ и одного профессора, принадлежавшаго также къ числу братіи. Чтобы смирить непокорныхъ *философовъ*, сверхъ обычныхъ ихъ занятій въ школѣ и хорѣ, онъ назначалъ имъ другую работу: братъ Маріанъ долженъ былъ помогать ризничему, братъ Іеронимъ смотрѣть за столовою, а братья Августинъ и Георгій за бібліотекою и корридоромъ; а всѣ вмѣстѣ—писать поученія, произнося ихъ прежде въ столовой, потомъ въ церкви, и тѣмъ облегчать трудъ проповѣдника и не давать ему повода уклоняться отъ участія въ хорѣ.

Какъ однако ни строги были правила, преподанныя холмскимъ епископомъ замостьскому монастырю для возстановленія въ немъ монашеской дисциплины, трудно было одною строгостію поднять значеніе монастыря, искусственно созданнаго и такъ скоро разшатавшаго свои нравственныя основы. И по началу нельзя было ничего лучшаго ждать отъ обители, созданной рукою польскаго патрона съ цѣлію подавленія православія и расширенія униі, приближавшей къ латинству. Монастырь прежде всего самъ на себѣ оправдалъ цѣль своего назначенія. На удержаніе въ немъ какихъ либо остатковъ восточнаго обряда и русской народности, на удержаніе его самаго, хотя-бы въ обезличенномъ и искаженномъ видѣ, также трудно было надѣяться. Кругомъ его царилъ духъ иновѣрный и иноплеменный; католичество давно уже точило зубы на созданную имъ-же унию; новое государство, въ которое неожиданно попалъ замостьскій монастырь, было въ порѣ секуляризаціи монастырей; въ высшихъ слояхъ даже польско-католическаго общества носились уже модныя идеи французскаго свободомыслія и индифферентизма въ дѣлахъ вѣры. Тѣмъ не менѣе замостьскому монастырю постановленіемъ новаго правительства разрѣшено было существованіе на дальнѣйшія времена. Отъ участи другихъ монастырей онъ спасенъ былъ состоящимъ въ его завѣдываніи приходомъ и содержимомъ монастыремъ базилианскою орденскою студіей или школою. Въ 1802 году замостьскій настоятель Аркадій Зеневичъ, испрашивая у графа Замойскаго вспомошествованіе своему монастырю, писалъ между прочимъ слѣдующее: „Теперешнія перемены да не будутъ препятствіемъ ясновельможному пану и благодѣтелю оказать монастырю милостивое вниманіе и благотворительную любовь, ибо этотъ мона-

стырь нашъ находится въ подаваніи его милости вельможнаго пана (т. е. ему принадлежало право представленія кандидатовъ на монастырскія должности) и утвержденъ навсегда вѣнскимъ декретомъ, особенно по той причинѣ, что имѣеть приходъ и для общественнаго блага воспитываетъ орденское юношество“¹⁾). Приходъ и орденская студія и составляли предметъ особенной заботливости замостьскаго базилианскаго монастыря въ остальное время жизни его въ австрійскихъ предѣлахъ.

Что касается отношеній замостьскаго монастыря къ своему приходу, то въ нихъ видимъ мы, съ одной стороны, нѣкоторое, можетъ быть и невольное, уваженіе къ стародавнимъ обычаямъ прихожанъ, унаслѣдованнымъ еще отъ православія, а съ другой стороны—стремленіе базилианъ постепенно сгладить особенности русской обрядности и богослуженія и сблизить его съ господствовавшимъ въ государствѣ католическимъ обрядомъ. Этими традиціями и стремленіями условились нѣкоторыя особенности въ богослуженіи, церковномъ порядкѣ и требосправленіи замостьскаго монастыря, которыя перечислены въ меморіалѣ замостьскаго настоятеля Иларіона Ломбовскаго, 1791 г. Меморіалъ открываетъ любопытныя черты въ униатствѣ того времени, утратившіяся впоследствии. Вотъ что отмѣчаетъ униатскій монахъ изъ практики своей обители и принадлежащаго ей прихода: 1) Церковный день начинается звономъ къ заутрени, или хвалою Господу Богу, откуда сохранившееся доселѣ выраженіе: „тягать за хвостъ хвалу Господню“, равнозначущее слову звонить. Звонъ къ заутрени въ семь часовъ утра. Чтеніе полунощницы совершается частнымъ образомъ, т. е. каждымъ про себя, въ виду случающихся приходскихъ требъ. Въ воскресеня и праздники въ девятомъ часу звонъ къ главной обѣднѣ, или *суммитъ*, потомъ, черезъ четверть часа—на проповѣдь, которая слѣдовала за евангеліемъ. По окончаніи утрени всегда бывають молебствія, даже въ будніе дни, если есть дьякъ (видно, безъ дьяка и молебна не могли отслужить оо. базилиане). 2) Въ воскресеня и праздники во второмъ часу звожь на катихизисъ (изученіе молитвъ и заповѣ-

¹⁾ Прошеніе настоятеля Аркадія Зеневича графу Замойскому, 11 августа 1802 г.,—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

дей и ихъ объясненіе, чего у насъ, увь!—нѣтъ и не было никогда; послѣ катихизиса бываетъ для собравшихся людей вечерня. 3) Въ воскресенья и праздники ходилъ монахъ въ ратушу въ заключеннымъ съ поученіемъ: въ одну четверть или половину года отъ коллегіатскаго (католическаго) костела, а въ другую отъ монастыря. 4) Къ сестрамъ милосердія, по требованію больныхъ, ходилъ монахъ съ духовной помощью, равно и по солдатскимъ лазаретамъ. 5) На Вознесеніе ежегодно бываетъ въ предгородной церкви обѣдня съ проповѣдію, бесплатно, кромѣ того числа литургій, сколько нужно для возобновленія св. даровъ (до такой степени монастырь не радѣлъ о приходѣ, выживъ изъ него священника и такъ рѣдко тамъ обѣдни бывали). 6) Обязательства (т. е. поминovenія) мѣсячныя (разъ въ мѣсяцъ) всегда правятся, какъ въ таблицѣ, седмичныя же (разъ въ недѣлю) за Потоцкихъ больше году уже не правятся. Но когда, замѣчаетъ настоятель, возвращена будетъ съ процентами, по начатому иску, сумма данная монастырю и обезпеченная за границей на Гродкѣ (имѣніи Потоцкихъ), которая на основаніи польской конституціи 1787 года, задерживалась въ теченіи всего моего управленія, то нужно будетъ снова править седмичныя обязательства, съ прибавленіемъ, соотвѣтствующимъ навопившимся процентамъ (послѣднее въ особенности интересно: за проценты—процентъ). 7) Браки всегда должны вѣнчаться до полудня при совершеніи и принятіи брачующимися страшныхъ таинъ; нужно притомъ троекратное оглашеніе, равно полученіе свидѣтельства отъ коллегіатскаго костела, если жена—греко-католическаго обряда, и тутъ бракъ получаетъ полякъ. И не мѣшало бы, чтобы новобрачующіеся при свидѣтеляхъ заявляли, что они добровольно и не принужденно вступаютъ въ супружество. Не было здѣсь обычая того, ибо никто не ожидалъ ни малѣйшаго принужденія; во всякомъ случаѣ безъопаснѣе сообразоваться съ закономъ цесарскимъ, и съ установленною записью метрикъ о родившихся, бракосочетавшихся и умершихъ... 8) Ежегодно тутъ бывають братскія засѣданія: братства свято-никольскаго за недѣлю предъ св. Николаемъ въ маѣ, а братства покровскаго за недѣлю предъ св. Покровомъ; какъ первое, такъ и второе братства съ свои праздники нанимають обѣдни (не упоминаются братства онуфріевское,—оно не шло въ счетъ, какъ свое, и братство вознесенское, переставшее, конечно, существовать съ

закрытіемъ прихода). 9) Есть тутъ дьякъ Петръ. За то, что въ церкви всегда продаетъ свои свѣчи, онъ обыкновенно съ другими мірянами обывателями каждый праздникъ и каждое воскресенье поетъ литургію бесплатно, только за то, что дадутъ изъ чести. 10) Въ видахъ сбереженія монастырскаго освѣщенія на олтарѣ, въ будніе дни св. литургіи большею частію совершаются на олтаряхъ св. Покрова и св. Николая, потому что на тѣ олтари доставляютъ освѣщеніе братства (уніатско-іезуитская расчетливость). 11) Передъ Рождествомъ Христовыхъ, Пасхою и св. Онуфріемъ раздаются порошныя лампы, которыя имѣютъ обычай наливать не только *наша Русь*—прихожане, но и поляки, а особенно рѣзники, и такимъ образомъ церковь не только не тратится на лампы, но и свѣчи дѣлаются на нужду монастырскую, лишь бы только стекла ставало на это. 12) Есть тутъ такой обычай (католическихъ монастырей), что люди изъ селъ приносятъ телятъ, барановъ, гусей, съ тою цѣлю, чтобы получить исполненіе своихъ желаній при помощи св. Николая и св. Онуфрія, и также часто требуютъ *артоса*, *іорданской воды* отъ лихорадки и *сыпкозъ*. Посему за помянутые приносы правились обѣдни: въ одинъ мѣсяць обѣдня предъ св. Николаемъ, а въ другой предъ св. Онуфріемъ, въ среду. А для удовлетворенія желанія здѣшнихъ и стороннихъ людей всегда святятся два артоса; и воды много святится, до двухъ кадей, кромѣ *іордани*; этой въ 1791 году не было изъ-за грязи, посему не достало и *іорданской воды*, освященной въ навечеріе Богоявленія, а такой воды монастырь, сохраняя ее цѣлый годъ, долженъ удѣлять по немногу просящимъ¹⁾.

Такъ не много въ уніатской обители осталось изъ того, что напоминало ея связь съ православіемъ. Весь дневной порядокъ богослуженія, всѣ эти, такъ сказать, сверхъ-должныя дѣла базилианскихъ іереевъ, которыхъ мы не находимъ въ православномъ мірѣ и въ которыхъ они чередуются съ католическими всендзами, языкъ, на которомъ они говорятъ и пишутъ, эти боковые олтарики, „мши читанья и спѣванья, раннія и суммы“, даже это множество лампъ, равно телятъ, барановъ и гусей—все указываетъ на совершившееся

¹⁾ Grato successori memoriale o stanie klastoru bazylian zamoykich, 1791 г.—въ архивѣ замостьскаго монастыря.

слитіе уніатства съ латинствомъ. Осталось лишь нѣсколько церковно-народныхъ обычаевъ и ихъ только не уничтожаютъ монахи базилиане, ибо отъ нихъ такой доходъ, какого не имѣли и есендзы-католики. Остался историческій дякъ вольной профессіи, не имѣющій уже школы, но продающій свои свѣчи въ церкви и носящій частныя службы за неумѣлыхъ базилианъ. Въ дѣлѣ вѣры, ея исповѣданія нѣтъ уже никакого почти отличія отъ латинства, но осталось едва слабое сознаніе своей отличной народности,—*наша Русь*, случайно проговаривается игумень-базилианинъ. Но скоро и этого не станеть и къ тому направлено высокое покровительство учредителей уніатской обители Замоискихъ и работавшаго за его спиной мѣстнаго католическаго коллегіата.

Мы не знаемъ, по побужденію-ли его, или сами по себѣ базилиане притянули къ себѣ приходъ на предмѣстьѣ и въ с. Лабункахъ, но оставивъ ихъ безъ священниковъ и служа тамъ разъ или нѣсколько разъ въ годъ, они тѣмъ самымъ открыли тамъ широкій просторъ для миссіонерскаго дѣйствія католическихъ есензовъ. Такъ и до послѣднихъ дней шло всюду обращеніе уніатовъ въ латинство; такъ велось оно и здѣсь. И вотъ теперь, когда такъ далеко уже шагнула польско-католическая пропаганда, ей надо было сломить послѣднюю преграду для своихъ дѣйствій, а она могла еще быть въ этой отдѣльной философской школѣ при базилианской обители, которая воспитывала и давала хотя не многихъ, но все таки самостоятельныхъ дѣятелей въ уніатствѣ. При оскудѣвшихъ средствахъ монастыря и незначительности числа учениковъ его школы, не трудно было расположить базилиановъ прѣкратить самостоятельное обученіе ихъ буйныхъ питомцевъ, предоставивъ имъ ходить на лекціи въ замостьскій лицей, преобразованный изъ замостьской академіи. По неизмѣнно прямымъ, положительнымъ даннымъ, мы не можемъ сказать, кому пришла первая объ этомъ мысль; но, судя по общему ходу дѣлъ замостьской обители отъ перваго ея возникновенія, по инициативѣ посторонней и для цѣлей католичества, нельзя не видѣть и въ этомъ дѣлѣ участія посторонней, весьма искусной руки. По крайней мѣрѣ не въ интересахъ базилианъ было жертвовать такимъ учрежденіемъ, съ которымъ, какъ видѣли мы выше, связано было самое существованіе ихъ монастыря. Передавая своихъ питомцевъ, своихъ будущихъ дѣятелей въ науку католиче-

скихъ ксендзовъ, оо. базилиане, конечно, не сознавали уже, что наносятъ этимъ послѣдній ударъ своему отдѣльному существованію: надъ всѣмъ царила и тогда уже *swigta jednoc* и они могли утѣшать себя тѣмъ, что избавляются отъ необходимости содержать своего особаго профессора, что ихъ орденскіе воспитанники, находясь подъ ихъ постояннымъ руководствомъ, будутъ лишь ходить на лекціи въ польско-католическій лицей. Какъ-бы ни было, братья школьники, введенные еще недавно декретомъ Максимилиана Рылля въ кругъ монастырской жизни и тѣсно съ нею связанные, теперь составляли изъ себя особую въ монастырѣ школьную общину, мало имѣвшую съ нимъ связей. Надо было регламентировать особо порядокъ занятій членовъ этой общины и ихъ отдѣльную жизнь въ монастырѣ. Это сдѣлано въ 1801 году базилианскимъ провинціаломъ галицкой провинціи Дороеемъ Михальскимъ. Вотъ какія правила опредѣляли жизнь братьевъ школьниковъ и отношенія ихъ къ монастырю: 1) Ксендзъ завристанъ наблюдаетъ, чтобы каждый день звонили на возстаніе отъ сна въ четвертомъ часу. 2) Братія школьники тотчасъ-же послѣ звонка встаютъ и, одѣвшись и поправивши постель, собираются въ одну келлію. 3) Собравшись въ одну келлію, братія совершаютъ установленныя молитвословія, т. е. полунощницу и утреню безъ канона даже до перваго часа, и притомъ такимъ образомъ, чтобы одинъ изъ нихъ читалъ вслухъ, а другіе слушали, стоя съ благоговѣніемъ и почтеніемъ. 4) По совершеніи такимъ образомъ утреннихъ молитвословій, немедленно идутъ въ церковь для слушанія св. литургіи, во время которой должны будутъ прочесть себѣ частнымъ образомъ часы, начавши отъ перваго часа до обѣдницы включительно. 5) По выслушаніи св. литургіи, возвращаются въ свои келліи и тамъ въ молчаніи готовятся къ школѣ изъ предметовъ, объясненныхъ профессорами на публичныхъ лекціяхъ, изъ коихъ имѣетъ быть произведено профессорами частное испытаніе въ школѣ. 6) По надлежащемъ приготовленіи себя къ школѣ, если останется время, читаютъ авторовъ, которые говорятъ о предметахъ, объясненныхъ профессорами на лекціяхъ. 7) Въ три четверти восьмаго всѣ вмѣстѣ выходятъ изъ монастыря на лекціи въ лицей, откуда послѣ 10 часовъ снова всѣ возвращаются въ монастырь, нигдѣ не замѣшкиваясь, такъ чтобы въ одиннадцатомъ всѣ находились въ монастырѣ. 8) По возвращеніи своемъ

въ монастырь съ лекцій, отдохнувши четверть часа, тотчасъ принимаются за чтеніе и припоминаніе себѣ предмета, объясненнаго профессорами на только-что бывшихъ лекціяхъ, совѣщаясь между собою о томъ, что было объяснено въ школѣ и какія были сдѣланы профессорами прибавки или замѣчанія во время лекцій. 9) Когда наступитъ время обѣда, тотчасъ послѣ звонка всѣ явятся въ столовую и тамъ по старшинству вступленія своего въ орденъ садятся за столъ, во время котораго, поддѣрпывая тѣло пищею, мысль свою должны обращать на слушаніе чтенія, которое всегда должно быть предлагаемо во время стола. 10) Послѣ обѣда пользуются собственнымъ монашескому состоянію отдыхомъ, т. е. могутъ себѣ пройтись по дѣдинцу или монастырской оградѣ въ дни ясные, въ дни же ненастные могутъ въ это время заняться, для развлеченія мыслей, бѣганіемъ въ своихъ келліяхъ, что однако должно происходить безъ всякаго крику, безъ непріятности другому и безъ обиды братской. 11) По истеченіи времени послѣобѣденнаго отдыха, прилежно готовятся къ школѣ до половины втораго часа, такъ чтобы въ три четверти уже готовы были къ выходу изъ монастыря въ лицей на публичныя лекціи, по окончаніи которыхъ должны всѣ находиться въ монастырѣ. 12) По возвращеніи своемъ въ монастырь съ публичныхъ лекцій, отдохнувъ немного, дѣлаютъ тоже самое, о чемъ сказано выше, въ восьмомъ пунктѣ, и такъ до вечерняго времени; а если бы осталось времени отъ помянутаго взаимнаго совѣщанія, то могутъ или писать сочиненія, или приготовляться изъ объясненныхъ предметовъ, или же читать авторовъ. 13) Во время ужина дѣлаютъ тоже самое, что и во время обѣда, какъ сказано въ девятомъ пунктѣ. 14) Равно также и послѣ ужина пользуются такимъ же отдыхомъ, какъ и послѣ обѣда, о чемъ сказано въ 10 пунктѣ. 15) Послѣ сего отдыха всѣ вмѣстѣ собираются въ одну келлію, гдѣ такимъ же порядкомъ вычитываютъ себѣ вечерню и повечеріе, какой предписанъ выше въ третьемъ пунктѣ для отправленія полунощницы и утрени. 16) По совершеніи положенныхъ вечернихъ молитвъ, или готовятся на завтешній день къ школѣ, или занимаются чтеніемъ авторовъ, или же пишутъ сочиненія по преподаннымъ предметамъ. 17) Такія ихъ вечернія упражненія и занятія продолжаются не болѣе, какъ до девятаго, а много до половины десятаго часу, такъ чтобы къ десяти часамъ

всѣ уже были на своихъ постеляхъ. 18) Въ дни, свободные отъ публичныхъ уроковъ, какъ-то: въ воскресенья, праздники, вторники и четверги, если будетъ хорошая погода, всѣ вмѣстѣ послѣ обѣда отправляются въ поле на рекреацію, на которой должны быть не болѣе двухъ часовъ. 19) Изъ монастыря по своимъ частнымъ дѣламъ никогда не должны выходить безъ предварительнаго дозволенія настоятеля, а когда получаютъ это дозволеніе, то могутъ идти не въ одиночку, но съ назначеннымъ себѣ товарищемъ, а вышедши такимъ образомъ, должны будутъ возвратиться въ монастырь въ назначенное время и лично явиться къ мѣстному настоятелю. 20) Для облегченія живущихъ въ семь монастырѣ отцовъ, которые во время стола имѣютъ обыкновеніе читать въ трапезѣ, должны также и братья школьники совершать чтеніе въ той-же трапезѣ поочередно, одинъ за другимъ, по недѣлѣ; но это только во время ужина, ибо за обѣдомъ и впредь будутъ читать сами отцы. 21) Въ дни воскресные, также въ нарочитые праздники, свободные отъ публичныхъ уроковъ, должны быть въ церкви на всякомъ богослуженіи, т. е. на утрени, св. литургіи поемой, на проповѣди и вечерни. 22) Черезъ одно воскресенье въ другое, также въ нарочитые праздники Спасителя и пресв. Дѣвы, равно и въ дни святыхъ патроновъ нашего ордена, должны исповѣдываться и причащаться съ надлежащимъ приготовленіемъ и всякимъ благоговѣніемъ. 23) Опрятность въ келліяхъ и въ одѣяніи должны соблюдать такъ, чтобы никто не дѣлалъ имъ замѣчанія за это. 24) Гдѣ бы ни находились, въ церкви-ли, или въ школѣ на публичныхъ лекціяхъ, или въ столовой и въ келліяхъ своихъ, или-же наконецъ въ чужомъ домѣ среди мірянъ,—должны тщательно избѣгать всего того, что вообще принято называть неблаговоспитанностію, простотой и невѣжествомъ, а тѣмъ болѣе того, что бы могло соблазнить мірянъ. 25) Каждый братъ обязанъ ежегодно произнесть, въ церкви или въ трапезѣ, три проповѣди, написанныя или имъ самимъ, или другимъ, для пріученія себя къ проповѣданію Христова ученія, въ виноградникѣ котораго приготовляются трудиться. Дабы съ большимъ удобствомъ сдѣлать это, для сего они должны выбрать себѣ, во время вакаціи, время и предметъ и сообщить отцу проповѣднику, кто и когда будетъ проповѣдывать. 26) Каждое воскресенье и каждый четвергъ съ четырехъ часовъ по полудни обязаны имѣть репетиціи изъ тѣхъ предметовъ,

которые объявлены профессорами въ теченіи недѣли. Къ репетиціямъ должны приготовляться хорошо, по очереди, одинъ за другимъ, такъ что-бы въ теченіи цѣлаго часу могъ говорить и произносить на память въ присутствіи другихъ соучениковъ своихъ, которые, сидя спокойно, внимательно должны слушать и вникать, и если бы говорящій ошибся въ чемъ нибудь, другіе должны указывать ему и поправлять".—Ближайшій надзоръ за воспитанниками и точнымъ исполненіемъ приведенной инструкціи поручался старшему изъ нихъ, который назывался братъ руководитель (ductor). Такимъ теперь назначался братъ Максимилианъ Литынской; ему всѣ прочіе должны подчиняться: провинившимся онъ имѣлъ право дѣлать выговоръ, а о непослушныхъ обязанъ былъ доносить настоятелю монастыря. Въ свою очередь этому послѣднему вмѣнялось въ обязанность, послѣ каждаго экзамена наводить справки у профессоровъ объ успѣхахъ и поведеніи учениковъ и такія свѣдѣнія доставлять провинціалу во Львовъ. Въ заключеніе инструкціи провинціалъ-начальникъ требовалъ, чтобы братья школьники (ихъ всего было шесть) помѣщались по два въ одной келии и чтобы лекціи репетировались сперва каждымъ двумя, а потомъ всѣми вмѣстѣ—въ теченіе часу¹⁾.

Приведенныя правила опредѣляютъ лишь внѣшнюю, формальную сторону жизни воспитанниковъ монастырской философской школы, не касаясь ни предметовъ, ни характера ихъ занятій; но частія въ нихъ указанія на репетиціи и коррепетиціи указываютъ отчасти на характеръ какъ самыхъ лекцій, состоявшихъ въ перифразѣ учебниковъ или замѣнявшихъ ихъ древнихъ авторовъ, такъ и приготовленій этихъ лекцій, заключавшихся въ зазубриваніи учебниковъ и авторовъ, въ большей части латинскихъ. Съ другой стороны въ правилахъ нѣтъ и намека на отношенія воспитанниковъ-униатовъ къ новой для нихъ польской, притомъ свѣтской школѣ и то, какъ они должны себя держать въ иновѣрной и иноплеменной средѣ, чтобы не отдаляться отъ главнаго дѣла своего воспитанія. Видно, подобные вопросы не беспокоили болѣе руководителей униатскаго юношества, предназначавшагося къ духовному служенію,

¹⁾ Rosporządzenie I. X. prowincyala michalskiego, 20 сѣнября, 1801 года—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

порѣшившихъ уже, что и въ униатствѣ и въ латинствѣ одна вѣра, одинъ Богъ и одинъ найсвятѣйшій отецъ въ Римѣ. Въ правилахъ находимъ одно лишь характерное предостереженіе для воспитанниковъ монастырскихъ, попадающихъ теперь въ свѣтскую школу, именно чтобы въ ихъ поведеніи не допускалось ничего такого, что отзывается - бы неблаговоспитанностію. Оо. базиліане опасались только, чтобы ихъ воспитанники не сконфузили себя предъ шляхетными учениками лица; опасенія-же за окончательную утрату своей вѣроисповѣдной и національной особенности и на умъ имъ не всходили. Такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ продолжали жить монашествующіе замостьскаго монастыря и во всей перепискѣ онаго мы не встрѣтили ни одного увазанія на какое-либо стремленіе ихъ къ обособленности отъ польско-католическаго міра: напротивъ, во всемъ видится быстрая ихъ съ нимъ ассимиляція, а поверхъ не труднаго механическаго исполненія обязанностей по совершенію богослуженія и требъ въ приходѣ, нескончаемыя мелочныя хлопоты о матеріальныхъ интересахъ и нуждахъ монастыря.

V.

Во время наполеоновскихъ войнъ нынѣшняя Холмщина испытывала различныя превратности. Разгромивъ Пруссію подъ Іеною, Наполеонъ, по тильзитскому трактату 1807 года, передалъ Россіи бѣлостокскую область, а изъ частей Польши, инкорпорированныхъ Пруссіею по двумъ послѣднимъ раздѣламъ, образовалъ маленькое герцогство варшавское, которымъ онъ надѣлилъ союзника своего, короля саксонскаго. Въ 1809 году герцогство сдѣлалось театромъ войны Франціи съ Австріей. Варшаву заняли австрійскія войска, между тѣмъ какъ польскія, подъ предводительствомъ князя Юсифа Понятовскаго, завоевали западную Галицію, Краковъ и Люблинъ, при чемъ сожженъ былъ и фольварокъ замостьскаго монастыря¹⁾. По вѣнскому конгрессу 1815 года и по особому трактату съ Австріей и Пруссіей, возвращена Пруссіи часть герцогства варшав-

¹⁾ О сожженіи фольварка см. «Konsygnacya szkody spalonego folwarku XX. Bazylianow zamoyskich na przedmesciu Hrubieszowskim w czasie do-
bywania forticy die 19 maja 1809 roku — въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

скаго, Австріи—часть Галиціи, а остальное герцогство варшавское досталось Россіи и преобразовано было въ конгрессовое Царство Польское съ двухъ-палатнымъ сеймомъ.

Что же касается базилианскихъ монастырей герцогства варшавскаго и Царства Польскаго, то они, находясь подъ верховнымъ управленіемъ холмскаго униатскаго епископа, составили въ 1810 г. въ Холмѣ провинціальную капитулу, почти одновременно съ почаяевской капитулой волинскихъ базилианъ, и образовали изъ себя особую базилианскую провинцію, подъ титуломъ Рождества пресв. Дѣвы Маріи, управляемую своимъ визитаторомъ или провинціаломъ, который выбирался на провинціальныхъ капитулахъ на четыре года. Эта провинція состояла изъ слѣдующихъ базилианскихъ монастырей: варшавскаго, холмскаго, люблинскаго, бѣльскаго и замостьскаго. Такимъ образомъ всего было только пять монастырей, изъ которыхъ нужно было выбирать провинціала или визитатора, одного протоконсультора, трехъ консульторовъ и одного секретаря, да нужны были и избиратели. Поэтому всѣ почти наличные базилиане провинціи Царства Польскаго привлекались къ участию въ провинціальныхъ капитулахъ и выборахъ на должности.

Капитулы, созываемыя провинціаломъ, открывались подъ предсѣдательствомъ холмскаго епископа, который, по избраніи новаго провинціала, уступалъ ему предсѣдательское мѣсто при дальнѣйшихъ занятіяхъ капитулы. Капитулы занимались выборами должностныхъ лицъ провинціи и устройствомъ внутреннихъ дѣлъ провинціи и отдѣльныхъ монастырей. Со времени образованія герцогства варшавскаго, намъ извѣстны слѣдующія капитулы, происшедшія въ Холмѣ: 1810 года; 3 октября 1814 г.; 21 и 22 ноября 1818 г.; 1825 г.; 1829 г.; 21 сентября 1833 г.; $19\frac{1}{21}$ сентября 1838 г. Провинціалами или визитаторами за это время были слѣдующія лица: Фелиціанъ Шумборскій 1814—1818 г.; Вицентій Сѣдлецкій 1818—1824 г.; Янъ Биллевичъ, викарій, по нареченіи Сѣдлецкаго холмскимъ суффраганомъ, 1824—1825 г.; Исидоръ Яміолковскій 1825—1834 г.; Василій Калиновичъ 1834—1838 г.; Янъ Биллевичъ 1838—1844 г.

Кромѣ выбора должностныхъ лицъ провинціи, на капитулахъ базилиане занимались дѣлами по внутреннему устройству провинціи въ духовно-нравственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Особенно

замѣчалась между монахами распущенность нравовъ, противъ которой издано нѣсколько постановленій на капитулахъ 1814 и 1818 годовъ и на консултѣ 1815 года. Этими постановленіями представлялось настоятелямъ право употреблять, по отношенію къ неисправимымъ монахамъ, тяжелыя и унизительныя наказанія, какъ снятіе монашеской одежды, облаченіе въ сукманъ (сермягу) и назначеніе на работу: услуженіе при кухнѣ, рубку дровъ и т. п., но каждый разъ съ разрѣшенія провинціала¹⁾). Мы не имѣемъ полныхъ постановленій этихъ капитулъ, но въ разновременныхъ распоряженіяхъ провинціаловъ находимъ характерныя указанія на то, какаго рода мѣры употреблялись противъ неисправимыхъ монаховъ. Такихъ двухъ монаховъ нашелъ въ замостьской обители въ 1818 году визитаторъ Шумборскій, именно—*Феофила Гарашковскаго* и *Модеста Делавскаго*. Первый изъ нихъ, по словамъ визитатора, до того дошелъ, „что на него уже почти не дѣйствуютъ братскія разуменія и наказанія, которымъ онъ подвергался, поелику пьянство до того взяло верхъ надъ нимъ, что, безъ стыда таскаясь по городу, произвелъ соблазны, въ монастырѣ совершилъ безчисленные проступки; на него и женскій полъ жаловался настоятелю за неприличное обращеніе, соблазны и безстыдные поступки; у него никто изъ служащихъ монастырскихъ и собратій не избѣжалъ ссоры и худаго обращенія; другой, *Модестъ*, ночью порою тайкомъ выходитъ изъ монастыря и гдѣ-то проводитъ ночное время въ распутствѣ“. Относительно обоихъ визитаторъ оставилъ такое распоряженіе мѣстному настоятелю, послѣ перваго усмотрѣнія съ ихъ стороны подобныхъ безчиній: 1) снять съ нихъ монашескую одежду и надѣть на нихъ простой сукманъ; 2) воспретивъ всякое священнодѣйствіе, заставить исполнять работу кухоннаго сторожа, рубить топоромъ дрова, убирать кухонную посуду и вообще дѣлать все то, что ему прикажутъ; 3) не освобождать ихъ при этомъ отъ утренняго и вечерняго молитвословій, но держать ихъ въ это время вдали отъ хора и братій; 4) перваго изъ нихъ въ пятокъ подвергнуть изъ чужой руки дисциплинѣ въ теченіи всего псалма *Помилуй мя Боже* и весь тотъ день оставить на сухомъ хлѣбѣ; 5) при

¹⁾ Посланіе провинціала Сѣдлецкаго, 29 ноября, 1818 года, въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

изъявленіи покорности и искренняго раскаянія, позволить ему въ томъ-же самомъ одѣяніи просить прощенія и цѣловать ноги у всей братіи, въ столовой, и тогда возложить на него габить (рясу); 6) съ этого времени позволить ему бывать въ хорѣ и въ столовой вмѣстѣ со всѣми, но разрѣшеніе священнодѣйствій отложить до такого времени, до какаго настоятель сочтетъ нужнымъ¹⁾.

Изъ помѣщенной въ февральской книжкѣ „Кіевской Старинны“ лѣтописи сатановскаго базилианскаго монастыря въ Подоліи мы знаемъ, что практиковался и болѣе суровый способъ предупрежденія и пресѣченія преступленій со стороны неисправимыхъ монаховъ-базилиановъ, именно—погребеніе ихъ заживо, или заключеніе до смерти въ каменную кѣтку, съ совершеніемъ и чина погребенія; но теперь не видимъ уже такой мѣры и безнадежно испорченные братья, дабы они не заражали собою другихъ, изгонялись вовсе изъ базилианскаго общества, иногда съ предоставленіемъ изгоняемому права вступить въ другой болѣе строгій, конечно, католическій орденъ, иногда-же и вовсе безъ этого права. Такъ, изгнанъ былъ въ 1839 году изъ базилианскаго общества иподіакоуъ Анастасій Трояновскій за то, что замѣченъ былъ въ прелюбодѣяніи, пытался вытравить плодъ у одной женщины, дерзко обращался съ настоятелемъ, проматывалъ чужія вещи, давалъ ложную присягу и проч. Трояновскій отличался худою нравственностію еще въ то время, когда учился въ Варшавѣ²⁾. Вообще упадокъ нравственности въ оставшихся еще базилианахъ былъ такъ силенъ, что самые настоятели монастырей не всегда были свободны отъ пороковъ, за которые такъ сурово должны были казнить подчиненную имъ братію, и ихъ теперешнему провинціалу, согласно предписаніямъ конституцій, предоставлялось право удалить отъ должности всякаго игумена, если онъ служитъ соблазномъ для своихъ подчиненныхъ³⁾. Сравнивая жизнь русско-уніатскаго монашества, искавшаго въ католическомъ мірѣ высшаго для себя идеала, съ жизнью православнаго нашего монашества за одинъ и тотъ-же періодъ времени, ни-

¹⁾ Циркуляръ визитатора Шумборскаго, 31 января, 1815 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Протоколъ ^{10/21} іюня, 1839 года, тамъ же.

³⁾ Актъ холмской провинціальной капитулы 1838 года, тамъ же.

какъ нельзя сказать, чтобы на сторонѣ перваго было какое-либо преимущество, кромѣ нѣкоторой доли образованія и внѣшней полировки.

Положительная сторона отшельнической жизни, какъ она была разработана здѣсь цѣлымъ рядомъ конгрегацій и ихъ нерѣдко скрупулезныхъ постановленій и правилъ, не представляетъ также никакихъ возвышенныхъ идеальныхъ стремленій. Всѣ эти многочисленныя конституціи въ базилианствѣ регламентируютъ только организацію общины и внѣшнюю сторону жизни ея членовъ, оставляя въ сторонѣ ея сущность, духъ, высшія, конечныя цѣли. Индивидуальная жизнь базилиановъ не выработала за все время существованія ордена ни одного типа подвижника; самое понятіе о подвижничествѣ было ими заброшено, какъ на это указывалъ еще знаменитый авторъ Лидсѣа. Не міръ стремился къ нимъ, но они искали міра и его телятъ, барановъ и гусей... Въ чемъ вся жизнь ихъ прошла? Въ нескончаемыхъ хлопотахъ организовать на манеръ католическихъ орденовъ... Чего достигли они чрезъ это? Потери своей вѣры и народности. Все время трудились они для цѣлей внѣшнихъ, постороннихъ и ничего не выработали для себя. Послѣднія правила монастырской базилианской жизни, выработанныя послѣ всѣхъ религіозныхъ распрей и политическихъ переворотовъ, когда ограниченная въ средствѣ и числѣ холмско-базилианская община мирно доживала свой вѣкъ подъ скипетромъ Россіи, крайне безцвѣтны, безжизненны и представляютъ значительное уклоненіе отъ древняго типа монашества. Эти правила мы находимъ въ циркулярныхъ распоряженіяхъ базилианскихъ провинціаловъ, относящихся къ 1819, 1839 и 1842 годамъ. Сводя всѣ эти правила, мы можемъ представить себѣ послѣднюю по времени жизнь униатскаго монашества въ слѣдующемъ видѣ и положеніи. Монашествующая братія, кромѣ времени литургіи, должна была находиться въ полномъ сборѣ утромъ и вечеромъ, для общей молитвы. Вставать утромъ полагалось въ пять часовъ, въ хорѣ быть—въ половинѣ шестаго; часы отправлялись въ десять часовъ, вечерня—въ три. Предъ заутреней читалась полунощница, какая слѣдуетъ, т. е. во всѣ дни вседневная, въ субботу субботняя, а въ воскресенье тромчень канонъ. Предъ заутреней и послѣ вечерни требовалось читать другія положенныя молитвословія, но чтеніе ихъ представлялось произво-

дѣть каждому брату про себя. Сверхъ того настоятель долженъ былъ раздавать братіи книжки нравоучительныя, которыми бы они занимались, находясь въ келліи, для пользы духовной и предостереженія себя отъ праздности, которая, — замѣчалось въ циркулярахъ, — служить началомъ пьянства и всякаго зла. Ни одинъ священникъ-монахъ не освобождался отъ общей молитвы; но игуменъ могъ выходить, по окончаніи псалмовъ, для хозяйственныхъ распоряженій, а всякій другой только съ его вѣдома. Проповѣдники праздничный и воскресный пользовались льготой настоятеля. Викарій, онъ-же и ксендзь-регентъ, или по нашему уставщикъ, завѣдывающій хоромъ и вмѣстѣ новиціатомъ, если таковой находился при монастырѣ, обязанъ былъ ежедневно быть въ церкви и одна только болѣзнь могла освободить его отъ того. Столъ имѣли братія всегда въ определенное время—обѣдъ въ двѣнадцать, ужинъ въ шесть часовъ, по знаку колокольчика. Кушанья, замѣчается въ циркулярахъ, должны быть здоровыя, — безъ скудости, но и безъ большаго *менажу*. На заботливость настоятеля возлагалось, чтобы братія имѣли пиво по крайней мѣрѣ зимою и во время поста. Росписаніе блюдъ, „по силѣ возможности монастыря“, полагалось слѣдующее: „*въ воскресенье* на обѣдъ: супъ, кусокъ мяса, овощи или пирожное“ (*legomina*), а если сможетъ монастырь, то и жаркое; на ужинъ—крупничекъ и картофель или клюски, но непременно два блюда; *въ понедельникъ*—борщъ со свиной или съ чѣмъ прикажетъ игуменъ, какое нибудь пирожное, вмѣсто овощей, или квашеная капуста; ужинъ—крупничекъ и картофель; *во вторникъ*—капустнякъ, кусокъ мяса и какая нибудь каша; на ужинъ—бульонъ съ кускомъ мяса, пирожное или картофель; *въ среду*—журъ или борщъ, каша съ олеемъ и горохъ съ увусомъ, *въ четвергъ*—супъ, кусокъ мяса, овощи съ приправой или пирожное, вечеромъ—затирка и картофель; *въ пятницу* борщъ, заправленный олеемъ или журъ, жаркое съ горохомъ, поджареннымъ на олеѣ, олатки на капустѣ; *въ субботу*—крупниязъ съ мясомъ, каша съ солониной, а третье по усмотрѣнію настоятеля. Вообще кушанья требовалось мѣнять, по усмотрѣнію и волѣ настоятеля, но такъ, чтобы никто изъ братіи не былъ голоденъ. Для священниковъ, гозорится въ циркулярахъ, нѣтъ завтрака, потому имъ слѣдуетъ, по обычаю, рюмка водки. Поочередное чтеніе братіею св. писанія, правилъ св. Василія Великаго и житій святыхъ Господнихъ за

обѣдомъ и ужиномъ составляло необходимую принадлежность стола. Ошибки чтеца въ столовой могъ поправлять только игуменъ, а если бы его не было на лицо, то заступающій его мѣсто. Особое правило объ этомъ указываетъ на то, что въ это время ослабѣло уже въ братіи умѣнье читать послavianски. Никто изъ братіи не долженъ былъ вставать и выходить изъ столовой до окончанія обѣда или ужина, безъ позволенія настоятеля, какъ никто не могъ брать къ себѣ въ келію обѣда или ужина; взятое подлежало отбору, а виновный—наказанію. Безъ нужды и позволенія настоятеля, монахи не должны никуда выходить за фортеку, подъ опасеніемъ взысканія, а вышедшій съ разрѣшенія настоятеля по возвращеніи долженъ явиться къ нему. Никто также не долженъ былъ выходить на прогулку послѣ положеннаго времени. Всѣмъ хозяйствомъ завѣдывалъ, распорядился настоятель и потому онъ освобождался отъ требоисправленія, которое возлагалось на викарія и проповѣдника.

Вся эта регламентація монашеской жизни не представляетъ ничего особеннаго, кромѣ нѣкоторыхъ льготъ и довольно сытнаго стола. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти правила довольно общаго характера оставались въ большей части на бумагѣ, а жизнь монаховъ среди міра шла за міромъ и временемъ. Указанія на это находимъ въ нѣкоторыхъ специальныхъ правилахъ тѣхъ-же циркуляровъ, какъ напр. въ запрещеніи „отсель монахамъ бывать въ театрахъ и на публичныхъ зрѣлищахъ“, заниматься политическими вопросами, писать письма къ властямъ, безъ вѣдома настоятеля, ходить въ церковь и на требы въ капотахъ (сюртукахъ); поднимать ропотъ противъ настоятеля, производить наговоры другъ на друга, сѣять роздоры и взаимныя несогласія.

Изъ документовъ этого времени видимъ, что базилианская община Царства Польскаго, состоявшая изъ пяти монастырей, продолжала содержать *новиціатъ* для пополненія своего состава и воспитанія поступающаго въ монахи юношества. Одно время этотъ новиціатъ находился въ варшавскомъ базилианскомъ монастырѣ, на Медовой улицѣ. Подчиняясь болѣе или менѣе монашескимъ правиламъ, новиціи или новички въ монашеской жизни имѣли и свою особую организацію. Ими завѣдывалъ и руководилъ помощникъ настоятеля или викарій, носившій поэтому названіе магистра новиціата. Ему помогали въ завѣдываніи одинъ изъ братіи, по

назначенію настоятеля, съ именемъ вице-магистра. Новиціи, безъ вѣдома магистра, не могли нигуда выходить и ни одному изъ отцевъ дѣлать услуги; самъ настоятель могъ распорядиться новиціемъ лишь съ вѣдома магистра. Новиціи должны были прислуживать при каждой литургіи, и магистръ обязанъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы они вели себя при алтарѣ надлежащимъ образомъ; онъ же назначалъ ихъ къ сакристіи (ризницѣ), чтобы въ ней соблюдаемъ былъ всякій порядокъ. Новиціи служивали также въ столовой, при недостаткѣ хлопцевъ, съ помощію ихъ исполнялось въ ней установленное чтеніе. Одинъ изъ новиціевъ назначался трапезнымъ и съ него взыскивались порчи и убытки по столовой. Въ лѣтнее время новиціи привлекались къ занятіямъ въ огородѣ (но не къ тяжелой работѣ), напримѣръ полотью грядъ, поливанью всходовъ и истребленію червей. Вообще назначеніе ихъ было чисто служебное и нѣсколько страдательное. Ни на какое дѣйствительное подготовленіе ихъ къ монашеству указаній не находимъ въ постановленіяхъ о нихъ ¹⁾.

Матеріальныя средства возвращенныхъ Россіи базилианскихъ монастырей были въ слѣдующемъ положеніи. Въ 1824 году варшавскій монастырь и онуфриевское при немъ братство имѣли ежегоднаго дохода 2825 злотыхъ и 6 грошей, люблинскій 1565 злотыхъ, бѣльскій 5574 злотыхъ и 12 грошей и замостьскій 2490 злотыхъ, кромѣ земельныхъ участковъ и зданій, занимаемыхъ самими монахами ²⁾. Въ послѣдствіи времени фундушевыя суммы базилианскихъ монастырей взяты были въ государственнй польскій банкъ, который и выдавалъ монастырямъ съ этихъ суммъ назначенный жертвователями процентъ ³⁾. Сверхъ того, около 1833 года ксендзь Кудревичъ пожертвовалъ на холмскую епархіальную семинарію 1000 злотыхъ и на монастыри холмскій, замостьскій и люблинскій по 1000 злотыхъ ⁴⁾.

¹⁾ Распоряженіе провинціала 1/10 марта, 1842 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

²⁾ Wykaz prosty wszystkich summ klasztorow warszawskiego, lubelskiego, bialskiego y zamoyskiego, 1824 г., тамъ же.

³⁾ Wykaz summ klasteru zamoyskiego, 1823 г., тамъ же.

⁴⁾ Актъ холмской капитулы 1833 г., тамъ же.

На эти средства содержалось въ перечисленныхъ монастыряхъ самое незначительное число монаховъ; да и сами настоятели старались поменьше имѣть подчиненныхъ себѣ монаховъ, чтобы меньше тратиться на нихъ и больше получать самимъ себѣ. Въ 1823 году въ замостьскомъ монастырѣ было только двое монашествующихъ лицъ—игуменъ и его помощникъ, на которыхъ работали по монастырю: парубокъ, двѣ господини, дѣвка, пастухъ и три хлопца ¹⁾. Въ 1844 году въ люблинскомъ монастырѣ жилъ одинъ только настоятель его Байкевичъ, хотя монастырь могъ содержать и другихъ монаховъ ²⁾. Визиты или ревизіи монастырей производились очень рѣдко и настоятели монастырей, стоявшіе сами во главѣ провинціального управленія, безконтрольно и безбоязненно распоряжались церковнымъ имуществомъ и, перемѣщаясь въ другіе монастыри, брали съ собой изъ прежняго монастыря то, что хотѣли.

Замостьскій монастырь, коего бумагами мы пользуемся, не представлялъ, конечно, исключенія изъ общаго правила. Весьма мало имѣемъ мы свѣдѣній о внутренней жизни его за это время, но и самая эта жизнь едва-ли представляла что нибудь особенное, протекая однообразно и монотонно въ житейскихъ попеченіяхъ и изрѣдка ознаменовываясь какимъ либо крупнымъ монашескимъ скандаломъ. Определенныя свѣдѣнія по исторіи замостьскаго монастыря за послѣднее время сохранились лишь объ именахъ и времени управленія его настоятелей. Изъ нихъ намъ извѣстны за это время: Германъ Ламбовскій, упоминаемый 1809 года; Самуилъ Громовичъ, упоминаемый 1823 года; Янъ Билевичъ 1825—1829 г.; Иосафатъ Байкевичъ 1829—1833 г.; Никаноръ Краевскій 1833—1838 г.; Самуилъ Громовичъ 1838—9 г.; Иосафатъ Байкевичъ 1839—1842 г.; Исидоръ Бандзеревичъ 1842—1847 г.; и Пелагій Ржевусскій, упом. 1855 г. Отмѣтимъ нѣкоторые извѣстные намъ факты изъ времени управленія этихъ настоятелей. Въ 1828 году, при игуменѣ Билевичѣ, произведена визита или ревизія церкви замостьскаго монастыря, послѣ чего не было ревизіи до 1842 года. Во время насто-

¹⁾ Wykaz summ klasteru zamoyskiego, 1823 года.

²⁾ Письмо настоятеля холмскаго монастыря Крашкевича къ провинціалу Билевичу отъ 20 марта, 1844 г., въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

ительства Громовича, въ 1839 году взятъ былъ провинціаломъ изъ замостьскаго монастыря одинъ колоколь, безъ вѣдома декана и братства, и переданъ Бѣльскому монастырю. Во время настоятельства Байкевича пропало много вещей изъ монастырскаго хозяйства и церковной утвари¹⁾. При томъ-же Байкевичъ совершенно почти заброшенъ былъ лабунскій приходъ, завѣдываемый замостьскимъ монастыремъ. Вслѣдствіе этого провинціалъ Билевичъ 11 января, 1839 года, сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: „къ церкви лабунской, по крайней мѣрѣ, черезъ двѣ недѣли въ третью поѣхать, и тамъ нужно распорядиться, чтобы тотъ народъ, который ходитъ на богослуженіе въ латинскіе костелы, пріѣздомъ священника въ субботу вечеромъ былъ предупомленъ, что на слѣдующій день богослуженіе будетъ совершаться въ ихъ церкви, согласно съ ихъ исповѣданіемъ“²⁾. Допуская униатовъ ходить въ католическіе костелы, тотъ-же Байкевичъ позаботился въ 1840 году починить для замостьскаго монастыря старый церковный органъ³⁾.

Въ любой католической странѣ подобныя бѣдныя и ничтожныя по численности монаховъ монастыри давно были бы уничтожены въ силу папскихъ постановленій, допускающихъ существованіе такихъ только монастырей, которые имѣютъ фундушъ, достаточный для содержанія восьми, по крайней мѣрѣ, монаховъ, принося притомъ какую либо общественную пользу. Но промежуточное положеніе холмскихъ униатскихъ монастырей между католичествомъ и православіемъ, между русскимъ владычествомъ и фактивною самостоятельностью царства польскаго, продолжило ихъ предсмертную агонію до конца послѣдняго польскаго повстанія. Всеобщее возвращеніе униатовъ къ православной церкви въ Литвѣ и на Волыни въ 1839 году не коснулось униатовъ и базилианъ бывшаго царства польскаго именно по тому самому, что они числились въ предѣлахъ Польши, закрывались ея фиктивною самостоятельностью

¹⁾ Визита церкви приходской замойской, 1823 года, тамъ же; въ концѣ визиты приписана замѣтка ксендза Шинлевскаго, производившаго ревизію въ 1842. году.

²⁾ Въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

³⁾ Условіе о починкѣ органа, 30 марта, 1840 г., тамъ же.

и не имѣли никакихъ связей съ литовско-русской униатской епархіей и церковію. Напротивъ, униаты царства и литовскіе шли своими противоположными дорогами. Тогда какъ въ Литвѣ и на Волыни митрополитъ Лисовскій, луцкій епископъ Козановичъ, митрополитъ Іосифъ Сѣмашко съ ближайшими своими сотрудниками и другіе исподоволь очищали униатскій обрядъ отъ католическихъ нововведеній и приближали его къ обряду восточной церкви,—униаты царства польскаго, наоборотъ, все болѣе и болѣе уклонялись въ латинскую сторону и сближались съ римско-католиками, среди которыхъ жили. Это отчасти можно видѣть даже и изъ тѣхъ немногихъ визитъ или ревизій имущества замостьскаго монастыря, какія мы имѣемъ подъ руками. Такъ напр. въ визитахъ 1732 и 1752 года почти исключительно перечисляются принадлежности православнаго богослуженія и книги, изданныя православными во Львовѣ, Вильнѣ и Кіевѣ и между ними сочиненія Кирилла Траневилліона, Лазаря Барановича и другихъ православныхъ писателей. Но въ визитѣ 1828 года эти книги уже не числятся и вновь являются такіе предметы, какъ напр. конфессіональ, боковые олтарики, реликварь, органъ и тому подобныя принадлежности богослуженія въ католическомъ духѣ¹⁾. Послѣ присоединенія литовскихъ униатовъ къ православію, провинціалъ базилианской провинціи въ царствѣ польскомъ Билевичъ совѣтуетъ только, какъ мы видѣли выше, подчиненнымъ ему монахамъ не заниматься обсужденіемъ политическихъ дѣлъ Россіи, не оскорблять императора и быть ему вѣрными, а замостьскій настоятель Байкевичъ заботится о починкѣ стараго органа для своего монастыря.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе базилиане вообще, а холмскіе и замостьскіе въ частности, уподоблялись во всемъ (отъ помышленій до одежды и языка) польско-католическимъ монахамъ различныхъ наименованій. Все внутреннее убранство ихъ храмовъ, вся внѣшняя сторона ихъ богослуженія напоминали католическіе костелы, и только уцѣлѣвшіе въ Холмѣ и Замостьѣ иконостасы, да славянскій языкъ, книги на которомъ съ трудомъ разбирали базилиане послѣднихъ годовъ, говорили о сродствѣ ихъ съ церковію

1) Визиты эти—въ бумагахъ замостьскаго монастыря.

восточною. Странная историческая роль ихъ была окончена: о всемістномъ нѣкогда въ Холмицінѣ православіи не осталось и преданія; самая унія руками этихъ-же ея представителей, а больше ихъ небрежностію, была въ такой степени подавлена, что изъ трехъ приходоѡ, принадлежавшихъ монастырю замостьскому, къ 60-мъ годамъ нынѣшняго столѣтія не осталось и десятка прихожанъ, а въ окрестностяхъ Холма и самомъ Холмѣ лишь не многія сотни сплошнаго нѣкогда русскаго населенія остались вѣрными уніи, смутно однако понимая отличіе ея отъ царившаго уже всюду католичества. Продолжать дальнѣйшее сліяніе уніатовъ съ католическою церковью было уже прямымъ дѣломъ католическихъ монаховъ и всендзовъ и оо. базилианамъ дѣлать было уже совсѣмъ нечего. Они являлись слѣпымъ и жалкимъ орудіемъ католицизма въ его исключительно интересахъ. Подкапываясь съ ревностію, достойною лучшей участи, подъ православіе, они вмѣстѣ съ тѣмъ вырыли и для себя ровъ и въ одной ямѣ похоронили и вѣру и народность и свою собственную самостоятельность. Предъ началомъ возстанія и въ самое возстаніе монахи базилиане были самыми яркими его сторонниками и противниками Россіи.

Въ такихъ обстоятельствахъ застигъ ихъ Высочайшій указъ 1864 г., которымъ положенъ былъ конецъ жалкому существованію всѣхъ уніатскихъ и множества католическихъ монастырей Царства Польскаго, на точномъ основаніи папскихъ буллъ, какъ не имѣющихъ опредѣленнаго числа монаховъ. Холмскій монастырь, ставъ только кафедральнымъ соборомъ, сохранивъ нѣкоторые остатки обширнаго нѣкогда прихода; монастырь замостьскій обращенъ, по прежнему, въ приходскую церковь, но самый приходъ его давно уже ставъ добычею католичества.

Н. Петровъ.

Люди Старой Малороссіи *).

3. МИКЛАШЕВСКІЕ.

Родозачальникъ Миклашевскихъ, Михаилъ Миклашевскій, началъ службу при „дворѣ“ гетмана Многогрѣшнаго. Русскіе чиновники, посѣщавшіе въ то время Батуринъ, называютъ Миклашевскаго „челядникомъ“ гетмана ¹⁾; это названіе и указываетъ, что Миклашевскій принадлежалъ къ числу гетманскихъ „дворянъ“, которые набирались изъ разныхъ пришельцевъ, преимущественно поляковъ, для личной службы гетману, вознаграждавшему ихъ за эту службу, иногда и войсковыми урядами. Миклашевскій пользовался особеннымъ довѣріемъ Многогрѣшнаго, у котораго генеральный есаулъ Грибовичъ, нѣжинскій полковникъ Гвинтовка и Миклашевскій были главными совѣтниками ²⁾. Въ концѣ 1671 г. пронесся въ Батуринъ слухъ, что царь задумалъ смѣнить Многогрѣшнаго и назначить на мѣсто его Константина Солонину, кievскаго полковника. Встревоженный гетманъ послалъ Миклашевскаго въ Козелець (полковой городъ кievскаго полка) съ приказаніемъ схватить тамъ брата Константина — Якова, сковать его и привезти въ Батуринъ, чтобы здѣсь дознаться отъ него, насколько вѣрны слухи о гетманствѣ его брата. Миклашевскій порученіе это исполнилъ и былъ награжденъ маестностью: въ декабрь 1671 г. гетманъ далъ ему глуховское село Зазери. А въ началѣ слѣдующаго года Многогрѣшный отправилъ Грибовича съ Миклашевскимъ въ Москву—разузнать, какъ тамъ на него смотрятъ и не думаютъ-ли вправду смѣнить. Возвращаясь въ

*). См. генл. и карт. книжки „Кiev. Старини“.

¹⁾ Акты ю.-в. Россіи, IX, 643.

²⁾ Тамъ-же, 677.

мартъ изъ Москвы, Грибовичъ и Миклашевскій встрѣтили своего патрона въ Сѣвскѣ, куда привезли его скованнаго Мокрѣевичъ съ Рославцомъ. Многогрѣшнаго повезли дальше, въ Москву, а Миклашевскому сказали—возвращаться въ Батуринь¹⁾. На мѣсто Многогрѣшнаго былъ выбранъ Самойловичъ и Миклашевскій нашелъ въ немъ новаго патрона, отъ котораго получилъ первый войсковой урядъ—пѣжинское есаульство. Въ актѣ 1681 г. читаемъ: „я, Павелъ Рѣзникъ, обыватель глуховскій, чиню вѣдомо, ижемъ zostалъ виновать урожоному его мил. п. Михайлу Миклашевскому, асаулови полку пѣжинского, суммы, грошей готовыхъ 50 золотыхъ (10 р.) сполна, которое суммы не маючи чимъ отдати, отдаю ему комору мою въ мѣстѣ Глуховѣ“. Черезъ годъ, въ 1682 г., Миклашевскій былъ уже генеральнымъ хорунжимъ, а съ 1683 г.—генеральнымъ есауломъ; послѣдній урядъ Миклашевскій сохранилъ и при Мазепѣ. Новый гетманъ, желая привлечь старшину на свою сторону и зная, что лучшій для этого способъ былъ въ надѣленіи старшины маестностями, не слушался раздачею послѣднихъ; такимъ образомъ даны были маестности и Миклашевскому: въ 1687 г. Мазепа далъ ему с. Кочерги, а въ слѣдующемъ—с. Воломитиня, оба въ глуховской сотнѣ. Миклашевскій настолько разбогатѣлъ, что и самъ сталъ скупать грунтъ, преимущественно въ Глуховѣ и около. Но въ будущемъ Миклашевскаго ждали еще большія богатства: въ 1690 г. Мазепа далъ ему стародубское полковничество. Миклашевскій лично не пользовался особеннымъ значеніемъ у Мазепы, который изъ своей старшины цѣнилъ лишь тѣхъ, за кѣмъ была извѣстность въ народѣ; Миклашевскій же былъ человекъ пришлый, не имѣвшій въ Малороссіи родни. Но за Миклашевскаго стояли его свойственники—черниговскій полковникъ Яковъ Лизогубъ и генеральный есаулъ Андрей Гамалѣя; внукъ перваго и сынъ послѣдняго были зятьями Миклашевскаго. Нѣтъ сомнѣнія, что по преставленію этихъ сватовъ, которые оба пользовались у Мазепы большимъ значеніемъ, Миклашевскій и получилъ одинъ изъ лучшихъ урядовъ въ тогдашней Малороссіи.

Стародубскій полкъ, заключавшій въ себѣ пять сѣверныхъ уѣздовъ теперешней черниговской губерніи, считался тогда однимъ изъ богатѣйшихъ полковъ, такъ какъ это былъ центръ тогдашней торговли и промышленности въ Малороссіи; стародуб-

¹⁾ Акты ю.-з. Россіи, IX, 684—85.

скій полкъ велъ обширную пеньковую торговлю съ Ригюю, а изъ промысловъ здѣсь особенно были развиты—поташное производ-ство, слѣды котораго и теперь остались въ названіи значитель-наго количества поселеній „будами“; остались здѣсь и „Рудни“, гдѣ иѣкогда выдѣлывалось желѣзо. Кроме того въ концѣ XVII в. Стародубщина заключала въ себѣ еще много пустырей, лѣсныхъ и прорѣчныхъ, очень удобныхъ для поселенія новыхъ слободъ, которыя въ этой мѣстности продолжали садиться и въ первой половинѣ XVIII в. Въ такомъ полку полковнику представлялись громадныя выгоды: онъ садилъ новыя слободы, устраивалъ „бу-ды“, велъ торговлю поташомъ и—богатѣлъ. Такъ дѣлалъ и Ми-клашевскій, который за пятнадцатилѣтнее управленіе свое ста-родубскимъ полкомъ, нажилъ громадныя богатства. Первыя мает-ности въ стародубскомъ полку Миклашевскій получилъ уже въ 1691 г.; по универсалу 21 мая Мазепа далъ ему с. Каменныя Озера, въ сотнѣ новгородской, да село Нижнее, да утвердилъ за нимъ приобрѣтенныя самимъ Миклашевскимъ четыре мельницы на рѣчкахъ Титвѣ, Росугѣ и Ваблѣ, „соблюдая“ при немъ и „войсковую часть разиѣровыхъ пожитковъ, на него, гетмана, належащихъ“. Черезъ два года, въ 1693 г., Миклашевскій полу-чилъ еще два села: въ іюлѣ—с. Воргононь, а въ ноябрѣ—с. Поно-ровку; „доносилъ ему, гетману, онъ, Миклашевскій, что домъ его въ домовыхъ потребахъ и во всегдашнихъ для принятія людей расходахъ не можетъ быти удовольствованъ; и для того просилъ себѣ такого его гетманскаго призрачія, чтобъ онъ с. Поморовку, въ уѣздѣ бакланскомъ, во владѣніе ему придалъ; и онъ, гетманъ, сложився на прошеніе его, то село Поморовку изъ своего владѣ-нія, для вспоможенія домовыхъ его потребъ, ему, Михайлу, от-далъ“.

Миклашевскій правилъ полкомъ и богатѣлъ до 1704 г.; въ этомъ году онъ былъ лишенъ уряда. Еще въ апрѣлѣ 1703 года Мазепа жаловался царю на Миклашевскаго, что онъ ведетъ ка-кую-то тайную переписку съ поляками; а въ слѣдующемъ году Мазепа, стараясь показать царю, что онъ окруженъ людьми сом-нительной „вѣрности“, указалъ при этомъ снова на Миклашев-скаго!), котораго на этотъ разъ и лишилъ уряда. Нѣтъ сомнѣ-нія, что подозрѣніе, введенное гетманомъ на полковника, было выдуманное: не таково было положеніе Миклашевскаго, и се-

1) Батмишъ-Каменскій, изд. 1830 г., III, 43.

мейное, и экономическое, чтобы онъ могъ думать о какойнибудь „нѣвѣрности“; вѣрнѣе, что Мазепа просто завидовалъ богатству стародубскаго полковника и хотѣлъ этотъ урядъ отдать кому-нибудь другому, болѣе близкому себѣ человѣку. Вмѣстѣ съ лишеніемъ полковничьяго уряда Миклашевскому грозило и лишеніе многихъ маетностей, которыя онъ успѣлъ приобрести, но не успѣлъ закрѣпить царскою грамотою. Нужно было выхлопотать у гетмана универсалъ, который-бы подтвердилъ ему всѣ нажитыя имѣнія. Миклашевскій зналъ, какъ подойти къ Мазепѣ: гетманъ въ это время стоялъ съ войсками въ Польшѣ, подъ Любаромъ; Миклашевскій отвезъ ему туда „наметъ“ (палатку) въ 100 талеровъ ¹⁾ и получилъ въ августѣ того-же года универсалъ, по которому оставлены были за Миклашевскимъ всѣ приобретенныя имъ въ Стародубщинѣ маетности: „мѣючи зъ ласки нашої гетманской и войскової за значныя и вѣрныя прислуги въ войску запорожскомъ, за насъ, гетмана, и аутецессоровъ нашихъ, значне на высокихъ войсковыхъ застаючи урядахъ роненія (оказанныя), п. Михаилъ Миклашевскій, значный войска запорожскаго товарищъ, на данныя отъ насъ въ вѣчную possessію себѣ села, нашими унѣверсалами прикрытыя и монаршими грамотами подтвержденныя, въ полку стародубовскомъ будучія, а именно: с. Нижнее, с. Демянки, с. Повуровка, Картушинъ, слобода Приваловка, с. Каменка, якіе то наши универсалы черезъ нѣякійсь тамъ трауногъ (какимъ то случаемъ) страчены zostали, на которыя вновь просилъ насъ онъ, п. Миклашевскій, о выданье на тіе его давніе села нашего унѣверсалу, также на купленные и своимъ коштомъ заведенные грунта, що все абы унѣверсаломъ нашимъ было прикрыто, просилъ насъ; теда мы, гетманъ, принявши ласкове его, п. Миклашевскаго, занесенное прошеніе — велѣлисмо теперъ вновь выдати ему сей нашъ унѣверсалъ“.

Немилость Мазепы продолжалась однако-же не долго: въ 1705 г. Миклашевскому возвращенъ былъ стародубскій полкъ, можетъ быть за какойнибудь цѣнный подарокъ, который могли поддержать братья зятя Андрея Гамалѣи — Михаилъ и Антошъ, оба генеральные урядники. Но ставъ разъ лишнимъ для Мазепы человѣкомъ, Миклашевскому нельзя уже было ждать добра. Преданіе говорить, что, желая избавиться отъ Миклашевскаго, Мазепа отпра-

¹⁾ Объ этомъ поцаркѣ рассказывала вдова Миклашевскаго, Шейковская.

вылъ его въ 1706 г., въ Несвижъ, на весеннюю стоянку, съ четырьмястами только козаковъ. Такой малочисленный отрядъ долженъ былъ привлечь шведовъ, съ которыми отряду трудно будетъ справиться. Рассчитывалъ-ли такъ Мазепа или нѣтъ, но случилось именно такъ, что видно изъ черниговской лѣтописи: „марта 19 дня (1706 г.) Михаила Миклашевскаго, въ Несвижу на консистенціи, подь часъ утрени, зрадецко (измѣннически) шведы нававши, забили, которые шведы передь тѣмъ у мншокоъ (монахины) людскихъ въ клешторѣ ховалися (прятались) три дня; тѣже и Авдрея Гамалѣю, зятя его и иныхъ много козаковъ (шведы убили), а другихъ въ полонъ забравъ“¹⁾.

Миклашевскій женатъ былъ два раза; отъ первой жены, дочери глуховскаго сотника Рубана, осталось два сына и три дочери; а вторая жена была Анна Швейковскія, возвращенная въ 1676 г. изъ Сибири — вдова гетманича Якова Самойловича²⁾; отъ нея у Миклашевскаго остался малолѣтній сынъ Иванъ.

Узнавъ о смерти мужа, вдова Миклашевская стала заботиться—пока веали тѣло убитаго въ Стародубъ для похоронъ—о томъ, чтобы скрыть часть мужниного богатства отъ пасынковъ. „Поковая“ (горничная) Миклашевской рассказывала, что какъ только пришла вѣсть о смерти полковника, то немедленно пріѣхала къ вдовѣ его въ Стародубъ „пани Семіоновая“ (вдова гетманича Семіона Самойловича) и купила тутъ на базарѣ лубянку меду, которую и поставила въ домъ Миклашевскаго за печью; а потомъ въ ту лубянку вдова Миклашевскаго поставила жестяную фляшку, запертую замкомъ; и фляшка та была съ деньгами; она была выкопана изъ земли, по приказу полковника, господаремъ его Даровскимъ, какъ только Миклашевскій женился на Швейковской, и поставлена была „въ великой скаринѣ, въ камяницѣ“. Въ другой разъ изъ той-же „скарини“ (сундука) Миклашевская вынула другую жестянку, изъ которой взяла два мѣшечка червонцевъ, а третій—оставила въ жестяницѣ. Пасынки объ этомъ узнали только впоследствии.

Похоронивъ мужа, вдова Миклашевская поѣхала съ пасынками къ Мазепѣ—„поклониться“ и просить на осиротѣлую семью „призрѣнія“. При этомъ полковница поднесла гетману въ пода-

¹⁾ Черниг. лѣтоп. по списку нашей библіотеки.

²⁾ Бантышъ—Кам. III, архивч. 20. Ср. Максимовъ, Сибирь и каторга, III, 113.

рокъ „креденсь сръбній“ (подносъ) въ тысячу талеровъ. Гетманъ обѣщала осиротѣлой семьѣ милость, а вдовѣ далъ универсалъ на с. Руховъ, „респектуючи на вдову Миклашевскгго, Анну Швайковсковну, которой отецъ здавна до всей Малой Россіи усердную имѣлъ прихильность“. Село Руховъ уже и прежде находилось въ фактическомъ владѣніи Миклашевскаго, который пользуясь властью, оттянулъ это село отъ стародубской ратуши; не было только гетманскаго универсала; теперь ловкая вдова, поднеся серебряный „креденсь“, успѣла выпросить этотъ универсалъ только не за семью, а себѣ лично.

Затѣмъ начался дѣлежъ наслѣдства. Оставшимися дѣвками и разными „клейнодами“ наслѣдники подѣлились безъ труда. Но не такъ легко было дѣлиться „маетностями“, тѣмъ болѣе что одинъ изъ наслѣдниковъ былъ малолѣтній и раздѣлъ, по Литовскому Статуту; долженъ былъ быть временный, до совершеннолѣтія всѣхъ дѣлящихся.

„Маетности“ Миклашевскій нажилъ богатыя; изъ современныхъ ему полковниковъ еще никто не наживалъ такихъ. Глуховскіи имѣнія заключали въ себѣ села: Ворголь, Зазирки, Волокитинъ, Кочерги и Палѣвку; слободы и хутора: Дорошовку, Колошиновку, Кубаровъ и друг. Въ Стародубщинѣ Миклашевскій оставилъ шесть селъ: Нижнее, Каменку (Каменные Озера), Понуровку, Демьянки, Картушинъ и Руховъ; изъ нихъ три села—Демьянки, Картушинъ и Руховъ—отняты были у стародубской ратуши, которая, какъ и другія, владѣла селами и поддерживала ими городское свое хозяйство; Нижнее, Каменка и Понуровка принадлежали „урядамъ“: Нижнее—полковничьему, Каменка—сотничьему уряду Новгородсѣверска и Понуровка—гетманскому. Селъ этихъ нельзя было отдавать, такъ какъ они переходили отъ одного урядника къ другому, смотря потому, кто занималъ этотъ урядъ. Тѣмъ не менѣе села эти были отданы Миклашевскому и закрѣплены за нимъ универсалами. Въ этимъ селамъ Миклашевскій прибавилъ еще с. Дѣвовку, въ почепской сотвѣ, уже собственною властью. Кромѣ селъ, были еще слободы и хутора, поселенные самимъ Миклашевскимъ: Истронна, Приваловка, Верхній Млинокъ, Буда-Понуровская и друг. Изъ этихъ имѣній с. Палѣвку Скоропадскій въ 1710 г. отобралъ у Миклашевскихъ для жены, а въ замѣнъ далъ с. Бѣлый Колодезь, около Новозыбкова.

Всѣми этими имѣніями сыновья Михайла Миклашевскаго подѣлились сначала прѣменно, такъ какъ братъ Иванъ не имѣлъ еще

„правныхъ лѣтъ“; т. е. не достигъ того возраста (17-ти лѣтъ), когда получалъ право самостоятельнаго совершенія юридическихъ дѣлъ. Потомъ, когда въ 1740 г. Иванъ Миклашевскій умеръ, старшіе его братья Андрей и Степанъ подѣлились съ племянникомъ Павломъ въ 1741 г. наслѣдствомъ окончательно. Поэтому раздѣлу на часть Андрея достались: Понуровка, Нижнее, Бѣлый Колодезь, Истровка и хуторъ Деревяновскій. На часть Степана: Волокитинъ, Ворголь, Зазирка, Кочерги, Дорошовка, Колошиновка и Кубаровъ и, кромѣ того, Степану досталось право отыскивать села Дѣвонну и Каменку, которыя у Миклашевскихъ были отняты: Дѣвонка—Меншиковымъ, а Каменка—Дукьяномъ Журавкою. Наконецъ Павлу достались: Демьяни, Руховъ, Приваловка, Нов. Буда и д. Яблонна. Но черезъ нѣсколько лѣтъ Павелъ Миклашевскій заявилъ споръ противъ этого раздѣла на томъ основаніи, что, при совершеніи его, онъ еще не имѣлъ полныхъ семнадцати лѣтъ, вслѣдствіе чего по Литовскому Статуту раздѣлъ 1741 г. не могъ считаться окончательнымъ. Генеральный судъ призналъ споръ Павла Ивановича правильнымъ и Миклашевскіе еще долго спорили о правильности раздѣла 1741 г., который въ главныхъ частяхъ впрочемъ остался не измѣненнымъ, такъ-какъ только Понуровка перешла къ Павлу.

Старшіе сыновья Михайла Миклашевскаго, Андрей и Степанъ, служили бунчуковыми товарищами, т. е. жили по своимъ „маестностямъ“ и, сколько могли, увеличивали ихъ. Оба они умерли около 1750 г. О старшемъ изъ нихъ знаемъ лишь то, что онъ дѣтей своихъ воспитывалъ въ Москвѣ, какъ видно изъ слѣдующаго прошенія, поданнаго имъ въ 1789 г., вмѣстѣ съ младшимъ братомъ Иваномъ, А. И. Румянцову: „имѣемъ мы желаніе сыновъ нашихъ нынѣ въ малолѣтствіи будущихъ и къ службѣ еще не згодныхъ, Петра, Михаила и Павла, ради изученія иностранныхъ языковъ и прочіихъ отечеству и имъ полезныхъ наукъ, отправить въ Москву. Того ради означеннымъ сынамъ нашимъ съ будущими при нихъ людьми, именно: Иваномъ Данилевскимъ и двема хлопцами, вмѣстѣ при сынахъ нашихъ, въ Москвѣ пребывать, да Кондратомъ Мироновичемъ съ четырма расколничой слободы Лужна емщиками—ради свободнаго проѣзду, просимъ дать паспортъ“¹⁾. Средняго брата—Степана Михайловича сохранилось завѣщаніе, ци-

¹⁾ Арх. генер. канцел., № 182.

санное въ 1750 г., которымъ овъ, назначивъ женѣ часть имѣній, остальные подѣлилъ между четырьмя сыновьями. При этомъ Степанъ завѣщалъ дѣтямъ—не продавать ничего изъ своихъ имѣній постороннимъ лицамъ: „а ежели бы пожелали сыны мои что съ частей своихъ продать, то первое должны будутъ объявить матери, братьямъ и сестрамъ и буде по объявленіи купить изъ нихъ никто не пожелаетъ, то могутъ тогда продать постороннимъ; а безъ объявленія матери, братьямъ и сестрамъ—отнюдь не продавать въ чужія руки, подъ неблагословеніемъ моимъ отческимъ. Сынамъ моимъ Антону и Михаилу, съ опредѣленными на нихъ частями, жить при женѣ моей, а ихъ матери—по смерти ея, и они сыны мои безъ ея благословенія, воли и совѣта жениться и ничего иного зачинать не повинны, подъ неблагословеніемъ моимъ отческо запрещаю. Сего моего тестамена никому, а паче сынамъ моимъ ни подъ какимъ претекстомъ не нарушать, хочай бы что въ которую часть, а паче сынамъ моимъ Антону и Михаилу я большъ съ имѣній моихъ опредѣлено, для того что оны сыны мои безъ сочетанія брачнаго остались; а сыновъ Ивана и Петра я еще при жизни своей съ имѣнія своего со всякимъ довольствомъ бракомъ сочеталъ, по три казана (винокурные котлы) далъ и хлѣбомъ ихъ для дѣланія горѣлки не малое время снабждалъ. Аще же кто съ оныхъ сыновъ моихъ пренебрегая сіе мое повелѣніе исполнять не станетъ, то на томъ да будетъ Божіе и мое отческое неблагословеніе и оны да будутъ вове прокляты“.

Судьба младшаго изъ сыновей стародубскаго полковника Ивана представляетъ намъ эпизодъ довольно исключительный изъ семейной жизни тогдашняго общества. Родившись около 1700 г., Иванъ Миклашевскій выросъ уже безъ отца, а когда пришло время жениться, то не было уже и матери. Женится овъ на какой-то Евдоимѣ Васильевнѣ и 15 декабря, 1724 г. у него родился сынъ Павелъ; а въ маѣ слѣдующаго года, изъ Петербурга присланъ былъ въ Глуховъ указъ „о высылкѣ пановъ бунчуковыхъ въ Гілянъ“. Вельяминовъ постарался выправить въ этотъ походъ чуть не всѣхъ бунчуковыхъ, сколько ихъ тогда было. Выправлены были и всѣ три братья Миклашевскіе. Въ этомъ походѣ Иванъ Миклашевскій пробылъ болѣе двухъ лѣтъ. Вернувшись домой осенью 1727 г., овъ увидѣлъ, что во время отсутствія „честь дома его была нарушена“. Вотъ что послалъ овъ по этому случаю въ синодъ: „въ прошломъ 1725 г. послано было все товариство подъ гетманскимъ бунчуковымъ знакомъ

служащее въ походѣ Гилинскій; въ томъ числѣ и я былъ высланъ и въ ономъ походѣ неотлучно обрѣтался черезъ три года, а чрезъ оное время жена моя Евдокія Васильева дочь, оставшаяся въ домѣ въ Стародубѣ, сваявшись съ нѣкоторымъ моимъ-же служителемъ, прижила блудно двое дѣтей, изъ которыхъ одно безъ моей въ Малой Россіи бытности, а другое за возвращеніемъ моимъ изъ похода, взятая уже за тѣмъ порокомъ маткою ея въ домъ свой, тамъ родила; чрезъ что до крайняго я пришелъ разоренія и обезславленія. И ради такового жены моей прелюбодѣянія, не могучи я имѣть ея за законную жену, понеже тотъ ея падежъ и во всенародное пришелъ извѣстіе, билъ челомъ архіерею нашему черниговскому Продіону Жураковскому, прося рѣшенія—съ женою моею разлучиться, а на другой жениться; но потому моему прошенію отъ октября мѣсяца 1727 г. не получилъ я резолюціи, а оная жена моя и налично предъ архіереемъ въ томъ своемъ прегрѣшеніи повинилась“. Въ заключеніе Миклашевскій просилъ оянодъ—развести его съ Евдокіей и дозволить жениться на другой. Въ дѣлѣ о разводѣ принималъ участіе и Θεофанъ Прокоповичъ; но чѣмъ оно кончилось—не знаемъ. Умеръ Иванъ Миклашевскій въ 1740 г. и вдова его вышла замужъ за стародубскаго полковаго писаря Степана Петрункевича. Отношенія между вдовою Ивана и сыномъ ея отъ Миклашевскаго—Павломъ, остались до того дружескія, что послѣдній, получивъ въ свое распоряженіе отцовское наслѣдство, подарилъ было изъ него с. Руховъ своему отчиму. Но при передѣлѣ имѣній Михаила Миклашевскаго, Руховъ отъ Петрункевича былъ отобранъ и остался у Павла.

Изъ Миклашевскихъ третьяго поколѣнія былъ замѣтенъ одинъ только Иванъ Андреевичъ (II), который женился на племянницѣ извѣстнаго Григорія Теплова. При открытіи новгородсѣверскаго намѣстничества онъ былъ избранъ губернскимъ предводителемъ.

Прилагаемъ родословный списокъ Миклашевскихъ, доведенный до конца XVIII в.

1. *Михаилъ Миклашевскій*, „дворянинъ“ Многогрѣшнаго 1671, есаулъ нѣжинскій 1681 г.; есаулъ генеральный 1685 г., полковникъ стародубскій 1690†1706 г. Жена 1-я—дочь Данила Семеновича.

Рубана, сотника глуховскаго, 2-я — *Анна Владиміровна Швейковская*, вдова Якова Самойловича.

2. *Андрей*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена 1-я княжна *Марина Юрьевна Четвертинская*, 2-я вдова *Андрея Журавовскаго*. 1
3. *Степанъ*, бунчук. товар. † ок. 1750 г. Жена *Ирина Марковна*, дочь *Марка Аврамовича*, „арендара“ цырицискаго. 1
4. Дочь. Мужъ *Степанъ Спиридонович Шарай* 1
5. *Прасковья*. Мужъ *Андрей Ефимович Лизюбуъ*.
6. *Настасья*. Мужъ 1) *Андрей Андреевич Гамая*; 2) *Петръ Кореикій*, бунчук. товар. 1728 г. 1
7. *Анна* † 1730 г. Мужъ *Иванъ Кондратьевъ*, полковникъ сумской 1
8. *Иванъ*; бунчук. товар. 1725†1740 г. Ж. *Евдокія Васильевна* 1
9. *Петръ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. 2
10. *Михаилъ*, бунчуковый товарищъ 1754 г. 2
11. *Иванъ*, капцеляристъ войск. 1754 г.; губернский предводитель дворянства новгородсѣверскаго намѣстничества 1783 г. Жена *Аграфья Егоровна Теплова*, вдова *Кирилла Добысевича*, судьи полков. стародубскаго. Имѣнія: Бѣлый Колодезь, Приваловка, Яблонка—948 крестьянъ м. п. 2
12. *Настасья*. Мужъ *Иванъ Ивановичъ Бороздна*, бунчужный генеральный 1762 г. 2
13. *Елена*. Мужъ *Михаилъ Танскій*, полковн. кievскій 1731 г. 2
14. *Иванъ*, бунчук. товар. 1737—1751 г. Жена *Софья Андреевна Полуботокъ*. Имѣніе—с. Зазирки 3
15. *Петръ*. Имѣніе—с. Волокитинъ 3
16. *Антонъ*. Имѣніе—с. Ворголь и д. Колошиновка 3
17. *Михаилъ*. Имѣніе—с. Кочерги, х. Кубаровъ и сл. Дорошовка 3
18. *Марья*. Мужъ *Василій Андреевичъ Гудовичъ* † 1764 г. 3
19. *Павелъ*, р. 1724 г.; бунчук. товар. 1741—1754 г. 8
20. *Петръ*, р. 1761 г.; адъютантъ гр. Румянцова 11
21. *Андрей*, р. 1763 г. 11
22. *Егоръ*, р. 1768 г. 11
23. *Иванъ*, р. 1772 г. 11
24. *Настасья*. Мужъ *Михаилъ Петровичъ Искрицкій*, секунд-маіоръ 1783 г. 11
25. *Михаилъ*, губернаторъ волынскій 1797 г.; губернаторъ

- малороссійскій 1797 г.; тайный свѣтякъ и сенаторъ;
 † 1847 г. Жена *Настасья Яковлева Бакуринская*. 19
26. *Прасковья*. Мужъ *Григорій Петровичъ Искрицкій*, секундъ-
 маіоръ 1783 г. 19
27. Дочь. М. *Владиміръ Васильевичъ Величскій*, войск. товар.
 1783 г.

4. СВѢЧКИ.

Родовачальника Свѣчекъ, Леонтія Наваровича, встрѣчаемъ въ первый разъ въ 1685 г., когда онъ былъ есаузомъ лубенскаго полка. За избраніемъ Мазепы въ гетманы, лубенскій полковникъ Григорій Гамалѣя долженъ былъ почему-то оставить свой урядъ, который затѣмъ перешелъ къ Леонтію Свѣчкѣ. Въ это же время низложенъ былъ Мазепою переяславскій полковникъ Леонтій Полуботокъ, который, пользуясь своею близостью къ гетману Самойловичу, присоединилъ къ переяславскому полку не мало земель, принадлежавшихъ пирятинской сотнѣ лубенскаго полка. Воспользовавшись немилостью Мазепы къ Полуботку, Свѣчка началъ въ Москвѣ дѣло объ отнятыхъ земляхъ, которыя, по его ходатайству, и были возвращены пирятинцамъ. Въ этомъ дѣлѣ Свѣчка дѣйствовалъ не безкорыстно, такъ какъ изъ возвращенныхъ земель и ему досталась не малая ихъ часть, что видно изъ слѣдующаго интереснаго акта 1689 г.: „мы Петръ Барщевскій, протопопъ пирятинскій, Андрей Гладкій сотникъ пирятинскій, Тимофей Курыченко атаманъ городовоі, Семенъ Кавельскій войтъ, Марко и Федоръ бурмистры во всѣми мѣщанами пирятинскими гди пришлиемо съ поклономъ до его мил. п. Леонтія Свѣчки, полковника лубенскаго, дякуючи его милости п. полковникови за его добродѣйство, ижъ правуючися (ведя спорное дѣло) съ п. Леонтіемъ Полуботкомъ у Москвѣ, отстаюль степь ажъ изъ Сухую Оржицею до своего полку лубенскаго, сотни пирятинской, который п. Полуботокъ и Сырую Оржицу хотѣлъ отѣхать до полку переяславскаго. И мы тое всѣ вольными голосами говорили п. полковникови, же вольно ему якій хотя себѣ узяти степь для кошени сѣна; онъ теде п. Леонтій Свѣчка полковникъ, не хотачи себѣ дармо ничего узяти у посесію свою, далъ двѣсти талерей грошей доброй монеты за Сухую Оржицу, почавши отъ шляху, который идетъ на село Коломідцы аажъ у вершинѣ самой Оржици Сухой съ принадлежащими

къ ней пологами ¹⁾, ажъ до яру купченнаго Кононовскаго, который тягнетъ надъ самую Шелезавку и за селище Малиутинское, на которомъ селищѣ вольно его милости п. полковнику Леонтію Свѣчкѣ осадити людей, яко на своемъ власномъ, купленномъ грунтѣ.“—По этому акту Свѣчка задвѣсти талеровъ прибрѣталъ десятки верстѣ побережьевъ Сухой Оржицы, въ предѣлахъ теперешняго пирятинскаго уѣзда, которыя, какъ видно, тогда были почти вовсе не заселены. Кромѣ этихъ земель Свѣчка уже раньше получилъ отъ Мазепы тутъ же, по берегамъ Оржицы и Удая, два села: Давыдовку и Деймановку и два хутора—Коломійцы и Боровая; выхлопотавъ на эти маестности царскую грамоту въ 1690 г., Свѣчка за три года своего полковничества сталъ владѣльцемъ большей половины пирятинской сотни. Пользуясь своею властью, Свѣчка поселилъ на этихъ земляхъ села и деревни—Малиутинцы, Городище, Караван, Каевку и нѣсколько хуторовъ. Нажитыя Свѣчкою богатства обратили на себя вниманіе самого Мазепы, который вообще былъ завистливъ на „сокровища“. Когда въ 1698 г. татары осадили лубенскій городокъ Голтву, гетманъ приказалъ Свѣчкѣ добыть точныя свѣдѣнія о движеніяхъ непріятеля; но Свѣчкѣ повидимому не хотѣлось самому выходить изъ Лубенъ на помехи противъ татаръ и онъ доносилъ гетману объ „оборотахъ“ непріятеля „по чужимъ повѣстямъ“. Мазепа, укоряя Свѣчку за его не „рыцарское“ поведеніе, сдѣлалъ слѣдующую приписку въ своемъ листѣ: „Знати, же велика ваша милость памятаешь евангельское слово и тому прилѣжно послѣдуешь, идѣже есть сокровище ваше, тамо будетъ и душа ваша. Домышляемъ мы, же много ваша милость животныхъ своихъ въ Лубняхъ зложилъ сокровищѣ, а при нихъ и душу свою увязуешь такъ мощно, же не хочется вашей милости и на, ку оборонѣ отчизны, ити службу, зъ якихъ мѣръ и вимовки (отговорки) передъ вами въ той мѣрѣ вынаходишь; а такъ мы вашей милости упевняемъ, же тихъ всѣхъ сокровищъ вашихъ, за нашимъ до Лубенъ прибытемъ, устережемо и додержимъ вашей милости въ цѣлости, тилько по правдѣ ознайми намъ, гдѣ що сложено ²⁾).

Леонтію Свѣчка умеръ въ 1699 г., написавъ въ томъ же году завѣщаніе, „по милости Божіей будучи хоробою (болѣзнью).

¹⁾ „Пологаны“ въ полтавской губ. называются низкія побережья, которыя въ черниговской губ. называются „оболоньями“.

²⁾ Акти Запада. Росс., V, 278.

обдаренный и выдачи себе ближнимъ ко смерти, нежели ко животу сего временнаго бытія.* По этому завѣщанію, Свѣчка недвижимое свое имѣніе раздѣлилъ между тремя сыновьями: Василиемъ, Лукьяномъ и Иваномъ; первому назначилъ „хуторъ надъ рѣкою Оржицею, прозываемый Городище, со всѣми дѣсами, гаями, ставками и лозами, ажъ внизъ Корѣевки,“ „людей въ Корѣевцѣ и Городищѣ новоосаженныхъ“ и село Антоновку. Второму—Лукьяну завѣщаны были „люде въ селѣ Малютинцахъ осаженье“ и село Давидовка; третьему сыну, Ивану, отецъ назначилъ хуторъ въ селѣ Короваяхъ, „людей въ селѣ Короваяхъ при хуторѣ осаженьныхъ“ и село Демьяновку. Наконецъ невыданнымъ замужъ двумъ дочерямъ „дѣвчатамъ Любцѣ и Ганнусѣ“ и женѣ Доминіи Свѣчкѣ разную движимость. Воля завѣщателя подтверждена была и гетманомъ, впрочемъ относительно только двухъ старшихъ сыновей Леонтія Свѣчки; о младшемъ сынѣ умершаго полковника Мазепа ничего не сказалъ въ своемъ универсалѣ, вѣроятно найдя, что такъ какъ за Иваномъ Свѣчкою никакихъ службъ еще не было, то и на маестности онъ не имѣетъ права. Впрочемъ Иванъ Свѣчка вскорѣ затѣмъ умеръ, и назначенный ему хуторъ Коровая перешелъ, согласно завѣщанію, къ Лукьяну Свѣчкѣ.—Леонтій Свѣчка оставилъ, кромѣ сыновей, трехъ дочерей, изъ которыхъ старшая, Зиновія, была выдана замужъ еще при жизни отца за пирятинскаго протопопа Якова Филиповича; вторую—Анну выдала замужъ уже вдова Леонтія Свѣчки за Григорія Корѣевича, отъ котораго пошли теперешніе дворяне Огроновичи.

По смерти отца Василій и Лукьянъ Свѣчки продолжали увеличивать свои земельныя богатства, пока не сталъ хубейскимъ полковникомъ Андрей Марковичъ. Выпросивъ себѣ у Скоропадскаго с. Кулатинцы, Марковичъ пожелалъ присоединить къ этому селу и сосѣдній Свѣчковскій хуторъ Коровая, которымъ въ это время владѣлъ Лукьянъ Свѣчка. Разными давленіями Марковичъ заставилъ послѣдняго уступить себѣ Коровая: по купчей 1720 г., Лукьянъ Свѣчка продалъ Марковичу за 5000 золотыхъ (золотой—20 коп. асс.) „грунтъ, именуемый Коровая, надъ рѣчкою Оржицею, съ подѣланными на немъ строеніями и съ осѣдлостью людей, якіе тамъ поселились“. Впослѣдствіи внуки Лукьяна Свѣчки говорили, что эта продажа ихъ дѣда была вынужденная, подтвержденіемъ чего служить то обстоятельство, что когда въ 1723 г. Румянцовъ пріѣхалъ въ Малороссію про-

изводить слѣдствіе о разныхъ насліяхъ старшины, то Марковичи очень боялись жалобы на нихъ со стороны Лукьяна Свѣчки¹⁾.

По смерти Василя Леонтьевича Свѣчки, наслѣдство его поделено было между сыновьями Степаномъ и Иваномъ; старшему достались разные хутора, а Ивану—с. Антоновка и земли при рѣчкѣ Чумчакѣ. Какъ велъ свое хозяйство Иванъ Свѣчка, видно изъ слѣдующаго письма гетмана Апостола, которое онъ писалъ въ 1732 г., въ генеральному хорунжему Горленку, посланному въ прилуцкій полкъ для разбора козацкихъ жалобъ на притѣсненія державцевъ. Вотъ это письмо: „Мой ласкавій пріятелю, паве хорунжій енералій. Пишешъ вить въ листъ своемъ изъ Прилуки, что слѣдовалъ о козацтвѣ антоновцевъ (козаковъ с. Антоновки), которыхъ бунчуковый товарищъ Иванъ Свѣчка подвергаетъ въ подданство неналежное и не малая имъ дѣлаетъ обиды и грабитъ у нихъ статки (рогатый скотъ и лошадей). И по разсмотрѣніи вить довелось, дабы означенные козаки, по силѣ высокомонаршаго указа, были козаками и впредь п. Свѣчка оныхъ не притягалъ бы себѣ въ подданство и жадныхъ (никакихъ) имъ не чинилъ обидъ и не интересовался бы до нихъ; а заграбленные у нихъ статки возвратилъ бы, указомъ нашимъ вить ему предлагалъ (предлагалъ). Однако онъ нашему указу, по предложенію вашему, противнымъ явился, въ чемъ требуешь вить отъ насъ резолюцію, якъ-бы съ нимъ, Свѣчкюю, поступить. Затѣмъ предлагаемъ вашей милости: повеже онъ п. Свѣчка неслучне выше выраженныхъ козаковъ въ подданство себѣ привернулъ и статки у нихъ, не належно позабиравши, не возвращаетъ и, надъ указъ нашъ, ажъ по сее время у себе удержуетъ, того ради пошли вить отъ себе кого исправного, абы столько жъ, сколько бы могъ стоять заграбленный козацкій статокъ, забраво было у него Свѣчки и тотъ грабежъ поотдавай в. м. напрасно отъ него ограбленнымъ козакамъ, которые потомъ не мѣютъ оному Свѣчкѣ грабежа того ворочать, поколь власнихъ ихъ скотинъ и что позабиралъ—не возвратитъ; а означенные Антонов-

¹⁾ Внуки Лукьяна Свѣчки—Яковъ Гамалія (отецъ извѣстнаго медика Платона Гамалія) и Андрей Вакуловичъ писали въ 1767 г., въ комисію для сочиненія Генеральной Описи, что „Гетманъ Скоропадскій и полковникъ лубавскій Андрей Марковичъ не вѣдомо за что на дѣда нашего Лукьяна Свѣчку недоброходство заявивши, нѣкоторые села отгнали“. Въ подлинной рукописи „Дневныхъ Записокъ“ Якова Марковича находится нѣсколько указаній, что Лукьянъ Свѣчка хотѣлъ жаловаться Румянцову за отнятіе Коровасъ Андреемъ Марковичемъ.

цы село по слѣдствію не доводится имъ быть въ посполитой тяг-
лости, чтобъ были до козацкаго причтены компуту“¹⁾).

Пользуясь безсиліемъ гетманской власти, Иванъ Свѣчка уве-
личивалъ свои богатства какъ „притягая козаковъ въ подданство“,
такъ и захватывая ихъ земли. Досталась Ивану Свѣчкѣ куплен-
ная отцомъ его въ 1706 г., „стѣнка, стоячая надъ Чумчакомъ,
за яромъ сѣнокоснымъ, ниже села Коломійцовъ“; изъ этой „стѣн-
ки“ Свѣчка, разными прихватами соседнихъ земель, образовалъ
большое имѣніе, настоящее село Свѣчковку.

Иванъ Свѣчка умеръ бездѣтнымъ и наслѣдство его переш-
ло къ двумъ сестрамъ, изъ которыхъ одна была замужемъ за
Юркевичемъ, а другая за Александровичемъ.

Богатство сыновей Василя видно изъ того, что у его пра-
внука, Петра Алексѣевича Свѣчки, въ концѣ XVIII в., было болѣе
4000 крестьянъ²⁾).

Младшій братъ Василя, Лукьянъ, сыновей не имѣлъ; ос-
тавшимися послѣ него имѣніями, изъ которыхъ главное было се-
ло Мажтинцы, унаслѣдовали зятя его—Яковъ Гамалѣй и Андрей
Вакуловичъ. На этихъ новыхъ владѣльцевъ жаловались въ 1767
году малютинскіе козаки, что они продолжали захваты Свѣчекъ,
которые, по объясненію жалобщиковъ, захватили подъ свою власть
село Малютинцы не по праву, а насиліемъ. „Село Малютинцы,“
писали въ своей жалобѣ козаки, „издревне предковъ нашихъ ко-
зачая осѣдность и спокойное ихъ старинное владѣніе. Бывшій
же полковникъ лубенскій Леонтій Свѣчка, по своей полковничьей
власти находясь и усмотря къ пользѣ своей удобное мѣсто—Ма-
лютинскую осѣдность и втиснувшись самовластно межъ Малю-
тинскихъ старинныхъ козаковъ, началъ завлаживать селомъ Ма-
лютинцами. И отъ тѣхъ временъ, какъ самъ полковникъ Свѣчка
владѣлъ и до нынѣшняго времени, наслѣдники его бунчуковый
товарищъ Яковъ Гамалѣя да значковый товарищъ Андрей Ва-
куловичъ помянутымъ селомъ Малютинцами и степомъ свобод-
нымъ ненадежно владѣючи, привели насъ къ крайнему утѣсне-
нію, предковскія наши земли козачія смѣсивши къ своимъ нена-
дежно, владѣютъ усиловне, а насъ изъ спокойнаго владѣнія вы-
биваютъ самовластно.—Брѣдность ихъ, которую они представля-

¹⁾ Арх. Генер. Канцел.

²⁾ Въ с. Городищѣ—1065, Короваляхъ—513, Селезахъ—430, Карпѣвнѣ—801,
Петровкѣ—671, Каевкѣ—448, и въ разныхъ хуторахъ—302, об. г.

ють (въ комиссію для сочиненія Генеральной Описи) мы имѣемъ за неправильную по той причинѣ, что она подчищена, да и та крѣпость ихъ имѣетъ свою силу на землю по-зарѣчкою Оржицею, которая нынѣ состоитъ во владѣніи князя Трубецкаго, да пол-лежскаго совѣтника Теплова; а къ сей землѣ, которая въ осѣд-лости малютинской издравне состоитъ, козацьего владѣнія, ника-кой силы таа ихъ крѣпость не имѣетъ⁴. Изъ этой жалобы меж-ду прочимъ видно, что въ половинѣ XVIII в. часть оржицкихъ земель была отнята у Свѣчекъ Тепловымъ, который поселилъ здѣсь большую слободу, теперешнее мѣстечко Тепловку.

А. Лазаревскій.

КОБЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ,

ЕГО ДУМЫ И ПѢСНИ.

Всякое явленіе, въ которомъ такъ или иначе выражается жизнь народа, хотя-бы условія жизни съ теченіемъ времени измѣнились и причины, вызывавшія это явленіе, перестали существовать, служить признакомъ движенія жизни народной и уже вслѣдствіе того, что это явленіе существовало, оно принадлежитъ исторіи. Къ числу такихъ проявленій народной нашей жизни, сохраняющихъ несомнѣнное историческое значеніе, относятся изустные памятники народной поэзіи, которыя по важности своей могутъ стать на ряду съ лѣтописными сказаніями и другими письменными источниками нашей исторіи.

Югъ Россіи, благодаря своимъ историческимъ и этнографическимъ условіямъ, представлялъ особенно плодородную почву для возникновенія и распространенія различныхъ, совершенно своеобразныхъ произведеній музыки народной. Изъ этихъ памятниковъ можно было-бы составить своего рода поэтическую исторію общественныхъ явленій въ жизни южной Россіи, обрисовывающихъ прошлую политическую и обыденную жизнь народа съ его заветными идеалами, побужденіями и стремленіями, знать которые такъ важно для характеристики эстетической, бытовой и соціальной его фізіономіи. Поэтому естественно, что на малорусскія народныя пѣсни давно уже обращено вниманіе,—давно уже стали собирать и записывать эти драгоцѣнные памятники и давно уже, рядомъ съ художественными достоинствами пѣсенъ лирическихъ, высоко ставится историческій характеръ многихъ думъ и пѣсенъ. Отсюда цѣлый рядъ

сборниковъ, представляющихъ памятники поэзи малорусскаго народа¹⁾. Пересматривая эти сборники, невольно задаешься вопросомъ: кто же былъ творцомъ этого громаднаго количества записанныхъ уже изъ устъ народа пѣсенъ, въ числѣ которыхъ не мало есть и думъ? Виновики этого богатства намъ неизвѣстны, какъ неизвѣстно количество тѣхъ думъ, которыя вращаются еще въ народѣ, но намъ не извѣстны, равно и число тѣхъ, которыя въ памяти пѣвцовъ были стерты всепоглощающимъ временемъ, не бывъ своевременно записаны. Назвать по имени творцовъ этихъ пѣсенъ не возможно; ихъ имя—народъ, или, вѣрнѣе, тѣ идеалы общественной жизни того или другаго времени, которые вдохновляли нѣкоторыхъ избранниковъ влгать въ слово и тонъ пѣсни мысли и чувства, мечты и желанія всего народа,—вообще воспринимаемыя народомъ впечатлѣнія и переживаемыя имъ событія. Иное дѣло—хранители такихъ народныхъ произведеній, извѣстные издавна подъ именемъ *ковзарей*: ихъ народъ всегда зналъ, и читалъ, и отличалъ своимъ особымъ сочувствіемъ и вниманіемъ. Не смотря на измѣнившійся строй жизни, они и доселѣ живутъ въ народѣ; но число ихъ годъ отъ году рѣдѣетъ и хранимый ими поэтическо-историческій матеріалъ время отъ времени забывается, измѣняется или совсѣмъ утрачивается. Для науки важно сохранить всякую крупину подобнаго матеріала, сохранить память о каждомъ такомъ пѣвцѣ, равно и о томъ, что онъ поетъ.

Мы имѣли случай недавно видѣть и слышать одного изъ такихъ пѣвцовъ — Остапа Вересая, пріобрѣтшаго не только въ народѣ, но и въ образованномъ обществѣ значительную извѣстность, и хотимъ подѣлиться съ читателями какъ біографическими о немъ свѣдѣніями, такъ и свѣдѣніями о томъ историческомъ матеріалѣ, хранителемъ котораго онъ служитъ и который мы имѣли случай лично провѣрить.

¹⁾ Сборники: Цертелева (1819 г.), Максимовича (1827, 1834, 1849 г.), Срезневскаго (1833—38 г.), Лукашевича (1836 г.), Зѣнькевича (1850 г.), Метлинскаго (1854 г.), Мордовцева (1859 г.), Костомарова (1859 г.), Лисенка и Русова (1873 г.), Антоновича и Драгоманова (1874—75 г.) и др. въ Россіи и Вацлава зъ Олеска (1833 г.), Жеготы Пауля (1839—40 г.), Шашкевича 1837 г.), Головацкаго (1863—72 г.), и др. въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгріи.

Остапъ Вересай (по уличному—Лабза) родился 1803—1805 года въ с. Калюжинцахъ, прилуцкаго уѣзда полтавской губерніи. Отецъ его Микита былъ слѣпой нищей, игрой на скрипкѣ зарабатывавшій себѣ хлѣбъ, причеиъ имѣлъ хату и кусокъ поля. Ослѣпъ Остапъ на четвертомъ году отъ роду, какъ онъ рассказываетъ, „зъ пристрѣту“ или отъ дурнаго глазу. Съ раннихъ лѣтъ онъ почувствовалъ въ себѣ непреодолимую страсть нъ игрѣ на бандурѣ и гѣнію; „якъ було кобзарь прийде у хату до моего батька“, говоритъ онъ, „та стане гратъ и спивать, то я стою коло ёго и самъ не знаю, чи ёму-бъ у пазуху улѣзъ, чи ёго до себе у пазуху взявъ“! Отецъ отдалъ Остапа въ ученіе къ кобзарю Микитѣ изъ Кладьковки надъ Десною, проживавшему тогда въ с. Березивкѣ. По сложившемуся у кобзарей обычаю, ученикъ ничего не платитъ, да и не можетъ платитъ за ученіе своему маэстро (по мѣстному—„майстру“); даже одежду даетъ ему учитель, но за-то все, что только выручить уже обученный чему-нибудь ученикъ, идетъ въ пользу учителя. Ученіе продолжается примѣрно 3 года; въ теченіе этого срока ученикъ во всемъ повинуется своему учителю и за великій грѣхъ считаетъ обмануть или обидѣть его дѣломъ, словомъ и даже помышленіемъ. Если случалось, что ученикъ убѣгалъ отъ учителя или этотъ послѣдній самъ прогонялъ его, то другой кобзарь-учитель, къ которому бѣглець пристанетъ, не бралъ во вниманіе времени, проведеннаго въ ученіи прежде, и у этого новаго „майстра“ ученикъ долженъ пробыть полныхъ три года. Остапъ Вересай тоже перемѣнилъ нѣсколькихъ учителей; отъ которыхъ онъ уходилъ потому, что тѣ были или пьяницы, или очень строги, или же ничему не учили. У Микиты онъ былъ только недѣлю, въ теченіе которой его „майстеръ“ пьянствовалъ безъ просыпу. Такъ какъ Остапъ былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, то мать его сильно безъ него скучала и настояла на томъ, что отецъ взялъ его обратно домой. Пробывъ оволо четырехъ лѣтъ въ домѣ отца, который, хотя и умѣлъ играть на скрипкѣ, не могъ удовлетворить стремленія сына къ бандурѣ, Остапъ отправился въ Ромны, гдѣ на ярмаркѣ нашель себѣ учителя-кобзаря андріашевскаго Ефима, съ которымъ не мало свѣту исходилъ: въ теченіе шести недѣль они побывали въ Лубнахъ, Голтвѣ, Демидовкѣ, подъ Кременчугомъ, въ Хоролѣ и Лохвицѣ. За смертью Ефима, Остапъ, уже

пятнадцати-лѣтній юноша, присталъ въ тѣхъ-же Ромнахъ къ кобзарю Семену Кошовому изъ села Голінеи. Отъ этого кобзаря онъ перенялъ искусство игры на бандурѣ, но крутой нравъ учителя заставилъ Остапа уйти и отъ него. Вскорѣ однако самъ Кошовый зашелъ за Остапомъ и взялъ его обратно къ себѣ, договорившись съ отцомъ, что курсъ обученія долженъ окончиться въ 35 недѣль; въ дѣйствительности-же Остапъ былъ у него только четыре мѣсяца, такъ какъ по причинѣ сильной лихорадки онъ былъ отправленъ домой. Когда-же послѣ выздоровленія Остапъ опять пришелъ къ Семену, говоря: „примѣть мене, пань-отче, та доведѣть до ума!“, учитель ему отвѣтилъ: „йди и грай, а то й самъ учи, кого хочешь!“ Это обстоятельство показываетъ, что нашъ кобзарь былъ недюжинныхъ дарованій, такъ какъ онъ не только не пробылъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ у какого-нибудь изъ его учителей, но и все время его обученія всѣми тремя его „майстрами“ не составилъ требуемыхъ обычаемъ трехъ лѣтъ.

Этимъ оканчивается исторія обученія Остапа Вересая. Далѣе слѣдуетъ самостоятельная его жизнь, когда онъ перенимаетъ отъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ—пѣвцовъ новыя пѣсни и думы. Изъ кобзарей, имѣвшихъ большое вліяніе на судьбу Вересая, былъ Федоръ Трюшъ, часто посѣщавшій домъ его отца¹⁾. Пробовалъ Вересай оставить себѣ пріемника и имѣлъ пять учениковъ: Василя Бублика, Тараса изъ Никоновки, Ярохтея изъ Берѣзовки, Антона

¹⁾ Здѣсь считаемъ не лишнимъ привести списокъ тѣхъ извѣстныхъ бандуристовъ, которые или уже умерли, или-же остаются еще въ живыхъ. Черниговской губ. сосницкаго уѣзда, въ м. Александровкѣ—Андрій Шуть, въ м. Менѣ—Андрій Бешко, въ г. Сосницѣ—Алексій Ракъ; борзенскаго уѣзда, въ с. Брытангахъ—Иванъ Романенко; нѣжинскаго у. въ с. Терешовкѣ—Павло Братица (долженъ имѣть лѣтъ 57, учился у Бешки), въ с. Макіевкѣ—Прокопъ Дубъ (35 лѣтъ, учился у Овсія Слепого изъ Шняковицы того-же уѣзда); стародубскаго уѣзда въ Семяновкѣ—Антонъ, въ Спасскомъ—Павелъ Козель. Полтавской губ., прилуцкаго уѣзда, въ с. Сокиринцахъ—Остапъ Вересай; лубенскаго уѣзда въ м. Оржицѣ—Аринъ Николенко; роменскаго уѣзда въ с. Бубнахъ—Трихонъ; пирятинскаго уѣзда въ с. Крячковкѣ—Федоръ Алексѣевъ, въ Вечіркахъ—Антонъ; гадяцкаго уѣзда въ с. Розбишевкѣ—Федоръ Саковенко и Иванъ Лиходиръ. Харьковской губ. въ г. Харьковѣ—Гарбузь; богодуховскаго уѣзда въ Ольшакѣ—Левко и Петро Колибабы, въ Красномъ Кутѣ—Ригоренко; ахтырскаго уѣзда въ Тростинцѣ—Залавскій.

Негрія изъ Каюжинецъ и Данила „Анголя“ изъ Береживки; но ему какъ-то не счастливилось: всѣ ученики рано умирали. Особенно пріятное для него воспоминаніе оставилъ послѣ себя послѣдній его ученикъ, „Анголь“ Данило. „Той якъ сынъ добрый бувъ, тільки-жъ не шанувався. Бувало кажу ему: чого тобі, Данило, на оти прокляты дѣсвітки, на празники та на попразєни ходитъ? Ни, не слухавъ. Якъ пиду часомъ мижъ челядь грати на ти дѣсвітки, або празникъ, то тільки то й славы, що горілка; я вже це знаю. Не слухавъ Данило, пишовъ мижъ челядь—за великимъ ганявся, та й вбили єго“.

Изъ дальнѣйшей жизни нашего кобзаря интересны его сватанье и женитьбы. Спусти четыре года послѣ окончанія курса ученія, Вересай сталъ свататься. Къ одной дворовой дѣвкѣ онъ цѣлый годъ ходилъ версть за 50 въ с. Рудовку, но та изъ подъ вѣнца ушла изъ церкви. Съ другой дѣло пошло лучше, но священникъ запросилъ шесть рублей за вѣнчаніе, что было „не по-цѣнно“ для нищаго-кобзаря. Наконецъ, на третьей онъ женился; имѣлъ отъ нея дочь Мотрю, которую и выдалъ замужъ за плотника Аврама. Зять оказался пьяницей и буянкомъ и, пользуясь благосклонностью при панскомъ дворѣ, причинялъ овдовѣвшему тогда тестю всевозможныя обиды и неприятности, такъ что Вересай, боясь быть посаженнымъ „на быка“ (особый инструментъ, въ родѣ неподвижныхъ кандаловъ), принужденъ былъ бѣжать изъ родного села, изъ собственной хаты. Во время своихъ скитаній онъ зашелъ въ с. Сокиринцы, прилуцкаго уѣзда, имѣніе Г. П. Галагана. Здѣсь привлекла его вдова Приська, которую онъ зналъ еще дѣвцею. Сватаніе на ней продолжалось 7 лѣтъ. Бывало придетъ нашъ кобзарь къ ней, станетъ подъ окошкомъ и начнетъ играть на бандурѣ. „Не ходи ты до мене“, кричитъ вдова, „—соромъ мені одъ людей! йди къ чортовому батькові!“ На это Остапъ отвѣчаетъ: „не жени (гони) ты мене, матери твой бисъ! йди за мене за-мижъ!“ и самъ плачетъ, и она плачетъ. „Одружила мене изъ цимъ дідомъ его бандура: якъ приде мене сватати, то й выжену; а якъ заграє на бандуру, то й заверну!“—вспоминаетъ теперь его жена.

Въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ, полявующій нынѣ П. А. Кулишъ, нарочно объѣзжая Малороссію и Украину съ цѣлью розыскать въ народѣ преданія о козацкой старинѣ, нашелъ Остапа

Вересая и потомъ, проживая въ Петербургѣ, долгое время находился съ нимъ въ перепискѣ, причеиъ разъ прислать ему денегъ на поминъ души Т. Г. Шевченка. Объ этомъ Вересай такъ рассказываетъ. „Приславъ Кулишъ мені пять рублівъ грошей на поминки по Тарасові, стильки-жъ и Шуту Андрієви. Коли Шуту Андрію дошли гроши, а Шута Андрія у світі немає; то ти гроши, пише Кулишъ, „на—тобі, Остапе! наплась така добра людина, що поминає Тараса, й оце дала тобі грошей“. А я записавъ у грамотку й Шута Андрія: такъ обохъ и поминаю“. О Шевченкѣ Вересай отзывается такъ: „була голова—оцей Тарасъ, та мабуть вже такои не буде! Богъ зародивъ... може вона й малъ була, я не бачивъ, але-жъ розумна! У насъ мабуть и не буде вже такои; може Богъ кому другому дасть, а намъ вже ни!“

Другой этнографъ-художникъ Жемчужниковъ, сидя за мольбертомъ, чистосердечно плакалъ, слушаая расгвѣаемыя Остапомъ думы и пѣсни.

Въ началѣ прошлаго десятилѣтія, дѣйствительный членъ географическаго общества П. П. Чубинскій записалъ нѣсколько пѣсенъ отъ Остапа Вересая, а въ 1873 году Н. В. Лисенко и А. А. Русовъ, по порученію юго-западнаго отдѣла этого общества, занялись изученіемъ репертуара этого ковзара и записали отъ него 6 думъ, 11 пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержания и 5 сатирическихъ пѣсенъ¹⁾. Въ томъ-же году, 28 сентября, Вересай пѣлъ нѣкоторыя изъ своихъ думъ и пѣсенъ въ экстренномъ собраніи юго-западнаго отдѣла географическаго общества въ Києвѣ. Полтора года спустя, извѣстный статистикъ и этнографъ, В. С. Козловъ, взялъ съ собою Вересая въ Петербургъ. Орестъ Миллеръ, читавшій въ то время великимъ князьямъ Сергію и Павлу Александровичамъ курсъ словесности, какъ разъ подошелъ въ эту пору къ изложенію памят-

¹⁾ I) Думы: 1) Про бурю на чорному морі, 2) Якъ три брати зъ Озова втикали, 3) Про вдову й трѣхъ синівъ, 4) Отчизъ, 5) Невольницка и 6) Про Хведора Безрідного. II) Пѣсни «любовливѣ»: 1) Про правду, 2) Пісня, що по нещастю живучи на світі співають, 3) Про страшный судъ (Михайлови псалма), 4) Блудящій синъ, 5) До-часнѣго живого чоловіка, 6) О мучахъ Христа, 7) Великій мій жалю!, 8) Миколай, 9) Про страшный судъ, 10) Розставання души зъ тіломъ и 11) Пустельникъ и Пятниця. III) Сатирическія пѣсни: 1) Щяголь (пташине веселля), 2) Дворянка, 3) Хома та Ярема, 4) Кисиль и 5) Бугай.

нѣговъ малорусской народной поэзіи; чтобы иллюстрировать эти лекціи, онъ просилъ г. Козлова привести во дворецъ вобзара, гдѣ этотъ послѣдній пропѣлъ нѣсколько думъ и пѣсень, за что получилъ отъ нихъ высочество серебряную табакерку, съ надписью:

*Кобзарю Остапу Вересаю
отъ великихъ князей
Сергія и Павла Александровичей.
Марта 4-ю 1875 г.*

Кромѣ того Вересай пѣлъ въ засѣданіи императорскаго географическаго общества, въ археологическомъ и другихъ ученыхъ обществахъ, въ концертѣ, устроенномъ въ залѣ приващичьяго клуба, а также въ концертѣ, устроенномъ въ зданіи Соляного Городка, съ туманными картинами къ думѣ о бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова, исполненными художникомъ Мартыновичемъ. Поѣздка въ Петербургъ значительно поправила матеріальныя обстоятельства нищазобзара, такъ что послѣ возвращенія на родину онъ построилъ себѣ новую просторную хату, въ которой и до сихъ поръ живетъ со своей немалочисленной семьей. Семья этого 77-лѣтняго старика состоитъ въ настоящее время изъ 15 душъ и вся живетъ однимъ домомъ. У жены его Присыки было двое дѣтей; теперь они уже оба семейные: у женатаго сына (37 лѣтъ) 5 дѣтей (4 мальчика и 1 дѣвочка), а у дочери (42 лѣтъ)—двое дѣтей (калъка сынъ 18 лѣтъ и дочь 15 лѣтъ). Подслѣповатый пасынокъ Вересая, овдовѣвшій прошлою осенью, женился вторично тоже на вдовѣ съ тремя дѣтьми; слѣпая-же падчерица Остапа за-мужемъ за слѣпымъ-же лирникомъ, но тотъ уже нѣсколько лѣтъ разошелся съ женой и только изрѣдка навѣщаетъ домъ этой замѣчательной семьи, состоящей изъ стариковъ, калѣкъ и малолѣтокъ.

Въ послѣднія два пребыванія Остапа Вересая въ Кіевѣ, осенью прошлаго года и весною настоящаго, нами записаны изъ устъ его три новыя думы и нѣсколько пѣсень религіозно-нравственнаго и сатирическаго содержанія, а также варианты почти всѣхъ думъ и пѣсень, записанныхъ девять лѣтъ тому назадъ г. Лисенкомъ и Русовымъ отъ того-же кобзара. Изъ не вошедшихъ въ сборникъ, помѣщенный этими послѣдними въ т. I за 1873 г. Записокъ юго-западнаго отдѣла имп. рус. геогр. общества, нами записаны те-

перь думы: 1) *Невольницка, про котору бесурмянську*, 2) *Про сестру ѝ брата* и 3) *Про Йвася Коновченка*, а также пѣсни религиозно-нравственнаго содержания: 1) *Годі вамъ шуміти, зеленим луи!* и 2) *Якъ трудно во грѣхахъ умирати*, и сатирическія: 1) *Старый зъ молодю* (простацька) и 2) *Мищаночка*. Такимъ образомъ извѣстный въ настоящее время репертуаръ Остапа Вересая состоитъ изъ 9 думъ, 13 религиозно-нравственныхъ и 7 сатирическихъ пѣсенъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ еще не изчерпывается все то количество пѣсенъ и думъ, которыя Вересай поеть и пѣлъ прежде. Не нужно забывать, что бандуристы перенимають и перенимали какъ историческія, такъ и другія пѣсни по традиціи—путемъ простого запоминанія слышаннаго отъ другихъ подобныхъ себѣ слѣпцовъ-пѣвцовъ; само собою разумѣется, память иногда измѣняетъ имъ: въ данную минуту они поють однѣ пѣсни и думы, а въ другое время—другія, или варианты первыхъ. Все это имѣетъ значеніе для исторіи народной словесности, а потому, какъ ни скуденъ матеріаль, добытый нами на этотъ разъ отъ бобзаря, мы подѣлимся имъ съ читателями, сличая записанные нами памятники народнаго творчества съ обнаруженными прежде.

I.

Д у м а н е в о л н и ц ѣ к а ¹⁾(ПРО КАТОРГУ БЕСУРМЛЯНСЬКУ) ²⁾.

У святую неділю то-то не сизыи орлы клетотали,
То бідвиі неволнии у тяжкій неволи горко заплакали:
Залізо-кайданы бризчали,

¹⁾ Эта невольницкая дума совершенно не похожа на ту, которую записали отъ Вересая гг. Лисенко и Русовъ; она представляетъ вариантъ думы, помѣщенной въ сборникѣ Максимовича за 1849 г. на 10 стр. и у Булина въ Запискахъ о Южной Руси, т. I, стр. 42, съ которой и будемъ сравнивать, отмѣчая болѣе выдающіяся отличія, не указывая на менѣе важныя.

²⁾ Каторга—по турецки *kadrîga*, т. е. галера съ 24—26 скамьями для гребцовъ, по 3—4 человекъ на каждой скамьѣ. Невольники привывались къ скамьямъ и въ такомъ положеніи отправляли тяжелую работу гребцовъ.

А воиѣ собі у гору руки знимали ¹⁾,
 Та Господа милосерднаго прохали-благали:
 „Дай намъ, Господи, дрибенъ дощикъ изъ неба,
 А буйный вітеръ изъ низу,
 То чи не буде на Чорному морі сильна хвля вставати,
 Та чи не буде изъ каторги турецькой якоривъ изривати;
 Бо тая каторга турецькая—такъ намъ доіла, такъ намъ доіла ²⁾,
 Заізо-кайданы ноги мообрывало,
 Козацькее-молодецькее тіло до костей постирало ³⁾.
 Коли баша турецькій,
 Недовірокъ христьянській,
 Вже по рынку похожае,
 Та на свои турки збала гукае:
 „Турки-нечари, кажу я вамъ: добре дбайте,
 По три пучки терняны у руки тавелги червонои набирайте,
 Одъ ряду до ряду захождайте,
 Та по три рази въ одно місто невольника затинайте!“ ⁴⁾
 То турки-нечари добре дбали,
 По три пучки терновихъ у руки червонои тавелги набирали,
 Одъ ряду до ряду захождали,
 Та по три рази въ одно місто біднаго невольника затинали,
 До костей козацькее тіло молодецькее оббивали,
 Кровь христьянську неповинно проливали.
 То якъ стали бідным невольниким на собі кровь зобачати,
 Стали турка клясти—проклинати:
 „Ой, ты, туроцьк проклятый, віро бесурмянська,
 Розлуко христьянська!
 Ты не одного сына изъ отцемъ и зъ матерью розлучила,
 И брата зъ сестрою,
 И мужа зъ женою,
 Товариша изъ товаришемъ;

¹⁾ Послѣдніе 2 стиха у Кулиша составляютъ одинъ стихъ:

У гору руки підіймали, кайданам забрѣзчали.

²⁾ Доіла—донекла. На этомъ повтореніи кобзарь дѣлаєть удареніе; этого нѣтъ въ думѣ, съ которою слыхаемъ; причеъ тамъ 4 предпоследніе стиха оканчиваются существительным (дощикъ, вітеръ, хвля, зъ... каторги), что не типично для думы.

³⁾ Въ думѣ Кулиша: Біднаго невольника по-тричі въ однімъ місці затинайте!

Бідному неволнику ніколи й спокою немає ¹⁾.
 Вызволь насъ, Господи, изъ тяжкой неволи
 Та на тихіи воды,
 И на ясныи зори,
 Та у край веселый,
 Междо мѣръ хрещеный,
 У городы християнскы! ²⁾
 Дай, Боже, люду царському,
 Народу христлянському
 На здоровья й на многіи літа
 До кінця віка! ³⁾

II.

Дума про сестру й брата ⁴⁾.

(Ой у неділю та барзо рано-пораненьку
 То-то не сивая зозуля у саду кувала
 И не дробная птиця у лісі щебетала ⁵⁾,
 То сестра до брата изъ чужой далекой стороны листы писала,
 Да покліпъ подавала ⁶⁾:
 „Ой братику мій милый,
 Та голубонько сивый!
 То ты прибудь до мене ⁷⁾, та созвідай мене у чужій стороні,
 Та при лихій, нещасливій хуртовині.“

¹⁾ Этого стиха у Кулиша совсѣмъ нѣтъ.

²⁾ У Кулиша вмѣсто двухъ послѣднихъ стиховъ:

Славу на многи літа.

³⁾ Въ сборникѣ Метлинскаго есть похожая дума—*Чужина*, на 355 стр., записанная Метлинскимъ въ зѣньковскомъ уѣздѣ. Дума-же, озаглавленная такъ-же, какъ нами помѣщенная, на стр. 434 этого сборника, походитъ на думу «Отчизнѣ», которую поетъ Вересай, а потому мы и будемъ слыхать нашъ вариантъ, съ первымъ изъ этихъ думъ, тоже указывая только на болѣе видныя отличія.

⁴⁾ Этого стиха нѣтъ въ думѣ «Про чужину».

⁵⁾ У Метлинскаго нѣтъ: «листы писала»; въ замѣвъ этого: «поклоняла».

⁶⁾ Этого нѣтъ у Метлинскаго, а слѣдовательно и въ отвѣтѣ брата нѣтъ соответствующихъ словъ: «до тебе прибувати, не могу, сестро, прибути».

— Сестро жъ моя мила,
 Та голубоцько сива! ¹⁾
 Радъ-же-бъ я до тебе прибувати,
 Тебе созвідати
 У чужій стороні,
 При лихій, нещасливій хуртовині ²⁾;
 Та не можу, сестро, прибути за быстрыми ріками,
 За темними лугами,
 Та за широкими степами,
 Та й далекими сторонами ³⁾.
 „Братку-жъ мій милий,
 Та голубоцько сивый!
 То ты черезъ быстры ріки білымъ лебедоцькомъ переплыви,
 А черезъ темні луги яснимъ соколѣмъ перелети,
 А черезъ широкі степі,
 Та черезъ далекі сторони
 Хочъ малесенькимъ перепелонькомъ перейди.
 Та сядь-ушади сизымъ голубомъ на отецькимъ подвір'ї,
 Та жалібно загуди,
 Та отцевській домъ и матчинъ звесели ⁴⁾,
 А мені тоску-печаль на серці розведи.
 Якъ дасть Богъ людямъ празникъ, а світлий-пресвітлий Ве-
 лийдень ⁵⁾,
 То люде до церковці йдуть,
 Якъ бджилоньки гудуть,
 Плече зъ плечемъ черкають ⁶⁾,
 Та одно одного зъ празникомъ поздоровляють,
 А на мене безділну-безрідну ани хто-жъ-то и не погляне.

¹⁾ Слово обращенія брата къ сестрѣ и сестры къ брату въ думѣ Метлинскаго нѣтъ; на ихъ мѣсто во всей думѣ вставлены слова:

Братъ (или сестра) то зачуває,
 Словами промовляє.

²⁾ Двухъ послѣднихъ стиховъ у Метлинскаго нѣтъ, что противно типичному настроенію думы, повторяющему въ отвѣтѣ обороты вопроса.

³⁾ Этого стиха тоже нѣтъ.

⁴⁾ То-же.

⁵⁾ У Метлинскаго такъ: «Що теперъ, брате, святыи день, Великъ-день, Празникъ роковий».

⁶⁾ Этого стиха нѣтъ.

А зъ цѣркви йдуть на хлѣбъ, на сѣль—на честь зазываютъ,
А менѣ бездѣлну-безрѣдну наче и родомъ не знаютъ ¹⁾.

Що-то, братику, якъ у нашего отца люди бували,
Хлѣбъ-сѣль ідали,

То тоди насъ добре люди знали,
Насъ кумы и побратимы добре витали ²⁾,
А теперъ, якъ пришибла злая година,

Лихая хуртовина,

То теперъ одрикається одъ насъ и кровная родина ³⁾.

Якъ трудно дереву у лісі безъ корини,

То такъ-то трудно у чужій стороні проживати безъ родины;
Якъ тяжко-важко зъ сырой землі білий камень зняти,
То такъ то тяжко-важко въ чужій стороні безъ роду, безъ
сердешной родиновьки померати ⁴⁾.

Дай, Боже, на здоровья та на многіи літа

Усімъ православнымъ християнамъ до кѣнца віка!

III.

Дума про Йвася Коновченка ⁵⁾.

Ой тамъ на славній Вкраині, у городі у Черкасі,

Тамъ жила удова

¹⁾ Послѣдніе 4 стиха такъ:

Одно одного на здоровья питае,
Одно одного на бенкетъ зазываетъ,
А мене никто по родини не займае,
Будто воно мене та й не знае!

²⁾ Виѣсто этихъ двухъ стиховъ одинъ: Тогда насъ кумы и побратимы добре знали.

³⁾ Одцуралися кумы и побратимы.

⁴⁾ Фигура, заключающаяся въ этихъ 4-гъ строчкахъ, у Метлинскаго выражена нѣсколько иначе:

То такъ-то тяжко, та такъ важко
Землі безъ травы, рибі безъ води,
Птиці безъ ліса пробувати;

То такъ-то тяжко та важко чоловіку въ чужій чужині
На чужій стороні,

Безъ отця, безъ неньки, безъ сердешного роду пробувати.

⁵⁾ Крімъ теперешняго, намъ извѣстны еще 2 варіанта этой думы: 1) погѣщенный въ сборникѣ Максимовича за 1834 г., стр. 51—57, и 2)—въ сбор-

Чернаська жена
 Коновчиха,
 По мужу Грипчиха;
 Та мала собі сына Йвася Коновченка-удовиченна.
 Вона его зъ малыхъ лѣтъ годувала,
 У наймы не пускала,
 На чужи руки, на потурання не давала,
 Та до доброго розуму доводила,
 Та все милосерного Творца благала-молила:
 „Господи Боже милый и всі святый!
 Поможить мені сына Йвася годувати,
 До доброго розуму доводити,
 Щобъ було де при старости лѣтъ віку дожити,
 Головоньку приклонити“.
 Якъ ставъ Ивасъ Коновченко-удовиченко до доброго розуму
 доходити,
 Стали козаки, стари паны молбдци, у городъ у Чермасъ на-
 ходити,
 Стали охотне війско виглядати.
 Тоді Ивасъ Коновченко-удовиченко до вдовы—черкаської
 жены промовляє словами,
 Й обильется гиркими слезами:
 —Ой мамо, мамо, удово,
 Черкаська жено, Коновчихо!
 Займи-жь ты чотыри воли чабаныи, у городъ до жида Кро-
 лѣва оджени ¹⁾
 И добрый зъ нимъ торгъ учини,
 Та пятьдесятъ червонцивъ доложи,
 Та мені одбго коня купи,
 Которого козацькая—молодецькая душа полюбила,

никѣ Метлинскаго 1854 г. стр. 413—424, записанная Кулишемъ отъ Андрія Шута, но эти варианты на столько отличаются отъ нашего, какъ по объему, такъ и относительно послѣдовательности разсказа, и другихъ частностей, что мы не находимъ удобнымъ дѣлать сличенія.

¹⁾ «До жида Кролѣва», очевидно—искаженіе. Въ думѣ, помѣщенной у Максимовича сказано: «... до города Крылова»; въ думѣ, записанной Кулишемъ, этотъ городъ названъ Корсуномъ, а жидъ просто называется «оландаремъ» или «рандаромъ».

То промовить удова словами
 Й обильється горко слезами:—
 „Бодай ты, сынку Йвасю Коновчичу-удовиченку, сѣго не
 дождавъ,

Щобъ я отцевську худобу збувала,
 Та тобі коня купувала;
 А лучше-жь-бо, сынку Йвасю, у полі хліба-соли пахати,
 Козаківъ на хлібъ на силъ зазывати,
 То будуть тебе люде добре знати,
 Будуть тебе чтати—поважати“.
 То обізветься Йвась словами
 Й обильється горко слѣзами:
 —Ой мамо, мамо, удово,
 Черкаська жена!
 Хочъ и буду я на полі хліба-солі пахати,
 Козаківъ на хлібъ на силъ зазывати,
 Та не хотілося мені за плугомъ ходити,
 Та спини ломати,
 Своихъ сапьянихъ чобіть по борознамъ выкрывляти,
 Китаёвыхъ жупановъ пыломъ напыляти!

У неділю барзо рано удова,
 Черкаська жена,
 Думала—гадала,
 Изъ свого дому у Божій домъ одхожала,
 И всю козацьку—молодецьку зброю зхоронила,
 Тильки козацькою—молодецькою шаблѣю не зхоронила.
 То Йвась Коновченко одъ сна вставае,
 Лице вмывае,
 По світлиці проходае,
 Нигде козацькою—молодецькою зброю не забачае,
 Бере козацьку булатну шаблю й за плечи закладае,
 Та зъ города выхожае,
 Та на четь миль за городомъ у дорозі козаківъ піхомъ на-
 ганяе.

Козаки, стари паны молѣдци, ёго не визнали,
 Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лыцаря, дорогою
 поздоровляли.

Ой то-то-жь-то удова,
 Черкаська жена, Коновчиха

Изъ Божого дому прихожае,
 А вже сына Ивася Коновченка и дома немає.
 То вона тоди до земля припадае,
 У гору руки знимае,
 Бога милосердного благаетъ—
 „Бодай тебе, сыну Йвасю, три недоли не побили:
 Першая недоля щобъ тебе не побила—
 Щобъ ружина не стреляла,
 Другая недоля щобъ тебе не побила—
 Щобъ тебе шабля булатная не рубала,
 Третья недоля щобъ тебе не побила—
 Щобъ отцови и матерени слезы ни въ якій потребі не спотвали“.

Тоди удова, черкаська жена, Коновчиха добре думала—
 гадала,

Чотыри волы чабаныхъ займала,
 Та въ городъ до жида Кролёва одигнала,
 Добрый торгъ учинила,
 И пятьдесятъ червонцивъ доложила,
 Та Йвасю Коновченку коня купила,
 Котораго душа козецька—молодецька полюбила,
 А рядовыми козаками до вйска коня одсылала.
 Тоди Ивасъ Коновченко на коня сїдае,
 Хрестъ на собі складае,
 Господа милосердного призываетъ,

Та до пана Хвилона¹⁾), кóрсунського полковника, словами
 промовляє:

„Пане мій, пане Хвилоне, кóрсунській полковникъ!
 Благослови мені на Черкаси-долины²⁾ зъ Арчиникомъ³⁾ по-
 гуляти,

Пам'ятти козацькою заживати
 Й звáмена турецького доставати“.

¹⁾ У Максимовича—Филоненко.

²⁾ У Максимовича Ивасъ говорить матери, что хочеть «спидъ городъ Тягину гуляти», а въ обращеніи къ Филоненку—«на Черкени-долину»; это послѣднее названіе упомянуто и въ вариантѣ, записанномъ Кулишемъ.

³⁾ Этого имени нѣтъ ни у Максимовича, ни у Метлинскаго. На вопросъ: кто это? Вересай отвѣтилъ: «це такой татарскій лыцарь бувъ,—князь, а може полковникъ».

То промовить Хвилонъ, курсунський полковникъ, словами
 И обильється горко слёзами:
 Не благословлю я тобі, Йвасю Коновченку, на Черкаси-до-
 лині зъ Арчиникомъ гуляти,
 Памяти козацькою й знамена турецького доставати:
 Ще й ты дитя молодеє, нигде не бувало,
 Та козацького звичаю не розизнало,
 А есть козаки, стари паны молóдци,—нехай вони на долині
 Черкаси гуляють,

Памяти козацькою заживають
 И знамена турецького доставають*.

То промовить Ивась словами,
 Обильється горко слёзами:

„Пане мій, пане Хвилоне, курсунський полковникъ!
 Поймай ты утя старое й малое,

Та пусти ты на море,

То такъ поплыве малое, а якъ бы старое*.

Якъ пшовъ Ивась Коновченко-удовиченку на Черкаси-до-
 лину зъ Арчиникомъ гуляти,

Памяти козацькою заживати
 Й знамена турецького доставати,

То виня симсотъ изрубавъ,

А симсотъ живыхъ у руки забравъ;

То Хвилонъ курсунський полковникъ израдівъ: его пидъ руки
 хватає,

Червону китайку простиляє,

Напитки й наїдки становить,

Словами говорить:

„Ивасю, Йвасю Коновченку-удовиченку!

Ще й ты дитя и малое й молодеє,

Ще-жъ нигде не бувало,

Та багато козацького звичаю розизнало*.

Промовить Ивась словами:

„Пане мій, пане Хвилоне, курсунський полковникъ!

Благослови мені оковиту водку вживати,

То йще не такъ буду на Черкаси долині зъ Арчиникомъ
 гуляти*.

То промовить Хвилонъ словами:

„Не благословлю я тобі, Йвасю, оковитон водки вживати,

Бо оковитая водка тебе зрадить,

И въ хрещённого світа тебе збавить“.

То винъ на те не дбавъ,

Та оковитом водки кубокъ наливавъ,

Такъ наливъ, такъ наливъ,

Ажъ козацьке-молодецьке серце звеселивъ.

Тоди на коня сідае,

Городомъ проїзжае,

Старого й малого дорогою знаважае;

А за городъ виїзжае —

Сонъ ёго знемогае,

Ой то винъ головоньку коневи на гриву скломле.

Турецька-бесурмянська віра п'яного чоловіка за четь миль
взнали,

Та йще за четь миль назадъ одступали;

То вони поки ёго п'яного зарубали,

Ще синьсотъ за собою утерали;

Тильки то не добре вчинили,

Що коня не вловили.

Кинъ по табору турецькому гуляе,

На собі кривави поводи обривае;

То Хвилонъ курсунській полковникъ сее забачае;

На своїхъ козаківъ старіхъ словами гукае:

„Козаки, стари паны молодці! добре вы дбайте,

Пидите, коня поймайте

Того, що по табору турецькому гуляе;

Мабуть нашого Йвася Коновченка-удовиченка, молодого лъ-
царя, на світі помае“.

То козаки, стари паны молодці, коня вловили,

До пана Хвилона курсунського полковника привели.

То Хвилонъ, курсунській полковникъ до вдові,

Чернаськой жени

Письмо одсылае,

Поклинъ передавае:

„Удóво, удóво, чернаськая жéно!

А вже твій сынъ Йвась одружився:

Узявъ собі жинку горду-прегорду, а пышну-препышну, у
Чернасі-долині високу моглау!“

То удова, чернаськая жена,

Коновчиха

У гору руки знімала,

Господа милосердного благодарила й прохала:
 „Благодару-жь Тебе, Бага небесного, що мій сынъ Ивась
 одружився;
 Хочь узявъ собі жену горду-прегорду, пышну-
 препышну,

То все-таки буде при кому віка дожити,
 При старости літахъ головку прихилити“.
 Хвилонъ корсунській полковникъ зъ рядовими козаками до
 удовы коня привождає,

То удова коня забачає,
 До сыронъ земли припадає,
 Хвилона корсунського полковника проклинає:
 „Бодай ты, Хвилоне, корсунській полковникъ, щастя-доли
 не мавъ.

Якъ ты мого сына Йвася Коновченка-удовиченка, молодого
 зыцаря, за все высько втерявъ!“
 То промовить Хвилонъ, корсунській полковникъ,
 словами

Й обильється горно слёзами:
 „Ой стой ты удова,
 Чергаськая жено!
 Ты мене не лай,
 Й мені молодому щастя-доли не терай,
 Бо ты сама не добре вчинила,
 Що такого коня ему купила“.
 То удова думала гадала,
 У свій домъ козакивъ зазывала,
 Восимъ ведіаль шістьсотъ козакивъ у домі продержала,
 Хліба-соли не забороняла,
 За-разомъ похоронъ и весіля гудяла
 Й подарки давала.

Дай Боже на здоровья та на многи літа
 А й до кінца віка!

(Эту думу Остапъ Вересай перенялъ отъ своего зятя Василя Ены, лирика
 изъ с. Вилочеривки, левичкаго уезда.

Приведенныя три думы, какъ вообще всё историческія пѣсни,
 распѣваемые бандуристами, принадлежатъ къ козацкому эпосу;

первая изъ нихъ относится по крайней мѣрѣ къ XVI вѣку, вторая, относительно времени возникновенія, имѣетъ характеръ неопредѣленный, третья-же относится къ болѣе поздней эпохѣ козацкихъ войнъ, а именно къ половинѣ XVII столѣтія. Такимъ образомъ эти три думы вмѣстѣ обрисовываютъ намъ до нѣкоторой степени весь періодъ полного славы козачества.

Козачество взяло на себя инициативу въ защитѣ страны, труда и цивилизаціи отъ татаръ. Татарскіе набѣги особенно усилились въ концѣ XV и въ началѣ XVI столѣтій; украинскія степи являются тогда театромъ ловли татарами невольниковъ, которыми переполняются главнѣйшіе невольничьи рынки Крыма и Царьграда. Татары обязывались давать въ Турцію часть своихъ плѣнныхъ, другихъ продавали; эти послѣдніе принуждены были цѣлыхъ шесть лѣтъ пробыть въ рабствѣ, и только по истеченіи этого срока они становились свободными, однако не смѣли уйти изъ страны. Въ эту эпоху сложилась характерная форма украинской думы, самый старшій образецъ которой -невольница.

Отличительные признаки думы — чрезвычайно грустный тонъ, болѣе прозаическое, чѣмъ стихотворное изложеніе, вольный, неравный размѣръ, очень близко подходящій къ благозвучной, ритмической прозѣ съ рѣмами, причемъ нѣкоторые стихи совершенно не рѣмуются, другіе-же имѣютъ по нѣсколько соответствующихъ рѣмъ, а самую рѣму по большей части составляютъ глагольные окончанія. Содержаніе излагается главнымъ образомъ въ формѣ разговора дѣйствующихъ лицъ другъ съ другомъ или съ силами природы, причемъ построеніе отвѣта всегда имѣетъ нѣкоторое сходство со строемъ вопроса (это особенно рельефно видно въ приведенной нами второй думѣ). По ритму и тону всѣ думы весьма похожи одна на другую и довольно однообразны, какъ однообразны были завываніе вѣтра на широкихъ украинскихъ степяхъ и плескъ морскихъ волнъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ томящихся въ галерахъ невольниковъ.

Пѣсни о судьбѣ невольниковъ слушались нашимъ народомъ съ особеннымъ участіемъ, такъ какъ въ тѣ времена въ средѣ народа не мало было такихъ, которыхъ отцы, братія или сыновья побывали въ рукахъ „турецкихъ-бесурманскихъ“. Безъ сомнѣнія, такіа думы, расцвѣтаемыя мѣстными рапсодами—бандуристами,

имѣли сильное вліяніе на слушателей—козакѣвъ, возбуждали состраданіе къ участи несчастныхъ страдальцевъ за вѣру и волю, побуждали козакѣвъ къ подвигамъ противъ турокъ и татаръ какъ для освобожденія этихъ невольниковъ, такъ и для отмщенія за причиненныя бѣдствія. Подобныя думы не теряли своего значенія и въ болѣе позднія времена козачества, хотя тогда являются уже новые подвиги и новые герои: Клишка Самійло, Федоръ Безродный, Данило Нечай, Ивасъ Коновченко. Кто былъ этотъ послѣдній, неизвѣстный исторіи, герой и въ какомъ походѣ онъ участвовалъ, трудно рѣшить. Правда, всѣ собиратели и записыватели историческихъ пѣсенъ (Максимовичъ, Метлинскій, Жегота Паули, Кулишъ) приурочиваютъ его къ 1684 году, т. е. къ походу козакѣвъ въ бѣгородскій (аккерманскій) край за гетманства Куниццаго, причемъ Максимовичъ, на основаніи этой одной думы, Филоненка (якобы сына Филона Джеджелія) вводитъ въ списокъ корсунскихъ полковниковъ. Но послѣ взятія Чигирина турками въ 1678 году корсунскій полкъ пересталъ существовать, а раньше того времени ни одинъ Филоненко не былъ корсунскимъ полковникомъ. При Остриинѣ въ 1638 году упоминается Филоненко, но онъ былъ полковникомъ вольницы козацкой. Изъ числа историческихъ личностей, носившихъ имя Филона, извѣстны два полковника: полтавскій Филонъ Гаркуша, назначенный въ 1659 году отъ Выговскаго, но не принятый полтавцами, а слѣд. это былъ только номинальный полковникъ, и кропивянскій—Филонъ Джеджелій или Дзаджалый, сподвижникъ Хмельниццаго отъ 1649 по 1658 годъ. Судя по буйному характеру этого послѣдняго Филона и по его ненависти къ татарамъ, а также по тому значенію и вліянію, какимъ онъ пользовался въ глазахъ козакѣвъ, намъ кажется болѣе всего подходящимъ—отнести нашу думу ко времени Джеджелія, тѣмъ болѣе, что земли кропивянскаго полка лежали противъ Черкасъ, по ту сторону Днѣпра, хотя на географическія указанія, заключающіяся въ думѣ, полагаться не всегда можно.

Вообще приведенныя три думы представляютъ только варианты уже извѣстныхъ думъ, но этимъ не умаляется ихъ значеніе. Сличеніе вариантовъ нагляднѣе всего уясняетъ намъ, какъ видоизмѣнились вообще думы. Не будучи записанною, а переходя отъ бандуриста къ бандуристу изустно, дума сама собою разбивалась на

варианты. Бандуристъ, смотря по времени и обстоятельствамъ, а иногда по вдохновенію, вносилъ въ данную думу одну—другую черту вновь или замѣнялъ прежнюю иною. Такимъ образомъ дума развивалась и измѣнялась безъ нарушенія исторической правды. Но съ теченіемъ времени условія жизни измѣнялись, поэтическіе рассказы о герояхъ давнего прошлаго и событіяхъ, совершившихся когда-то, теряли какъ для народа, такъ и для самого кобзара свою жизненную силу и свѣжесть. Тогда дума или подерасивалась и непомѣрно расширялась не идущей къ дѣлу болтовней, или-же сокращалась съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ историческихъ частности. Дума о Коновченкѣ, записанная Кулишемъ отъ Шута, представляетъ образецъ именно такой раздутой, растянутой на цѣлый часъ пѣнія думы; дума о томъ-же героѣ, записанная нами отъ Вересая, принадлежитъ ко второму разряду измѣнившихся думъ: она вдвое короче кулишевской думы, но картина томленія козаковъ въ неволѣ представлена въ ней вполне рельефно, хотя и въ сжатой формѣ. Имѣя въ виду сказанное выше о характерныхъ чертахъ думъ вообще, нашу думу мы ставимъ выше предъидущей: она проще, акція идетъ живѣе, основныя черты выставлены рельефнѣе.

Невольницкая дума замѣчательно сохранилась въ памяти народной; дума-же объ Иванѣ Коновченкѣ сильно измѣнилась, не смотря на то, что эта послѣдняя сложилась, по крайней мѣрѣ, на сто или полтораста лѣтъ позднѣе первой думы. Въ чемъ причины этого страннаго явленія? Неужели лучше помнить повѣствованіе о томъ, что было раньше, чѣмъ рассказъ о болѣе позднихъ событіяхъ? Главная причина, по нашему мнѣнію, лежитъ въ измѣнившемся вмѣстѣ съ жизнію характерѣ самихъ-же бандуристовъ. Современные намъ кобзари—это не прежніе пѣвцы и вмѣстѣ участники народныхъ страданій, а простые передатчики того, что сохранила народная память; они не имѣютъ уже въ виду воодушевить своихъ слушателей, разечь въ нихъ рыцарскія страсти, но стараются лишь разжалобить ихъ, заставить прослезиться, а этимъ склонить въ свою пользу—къ подаванію нищему-слѣпцу. Думы въ родѣ „невольницкой“ или „о сестрѣ и братѣ“—болѣе общаго характера и рассказываютъ о бѣдствіяхъ и явленіяхъ, почувствовать которыя можетъ всякій современный человекъ, которому только не чужды религіозно-нравственныя стороны, выводимыя въ этихъ думахъ.

Между тѣмъ думы, такъ сказать, политическаго характера въ настоящее время для народа не имѣютъ значенія. Немалое имѣетъ влияние на думы и послѣдующія явленія въ народной жизни, особенно гайдамачина, заслонившая собою представленія и воспоминанія о предшествовавшихъ событіяхъ. Не безъ причины ковзари сохранились теперь почти исключительно по лѣвой сторонѣ Днѣпра. Главнѣйшія движенія народныхъ массъ позднѣйшей эпохи происходили въ правобережной Украинѣ, а это не могло не имѣть влияния на возникновеніе новыхъ думъ и измѣненіе прежнихъ, или образованіе въ нихъ значительныхъ вариантовъ. Сохраненію и поддержанію въ народѣ думъ не благопріятствуютъ иногда и новые порядки: новый строй жизни не различаетъ бродяги-нищаго отъ странствующаго артиста старыхъ временъ, и полицейская власть въ ряду нищихъ, шляющихся по ярмаркамъ, не рѣдко захватываетъ и бандуристовъ и водворяетъ ихъ на мѣсто жительства. Нѣчто подобное случилось, напр., и съ Остапомъ Вересаемъ, когда онъ въ прошломъ году былъ посаженъ въ кутузку въ Прилукахъ; но тутъ-то табаверка, подаренная ему великими князьями, сослужила ему службу: лишь только онъ показалъ ее блюстителямъ порядка, какъ тотъ часъ-же былъ выпущенъ на свободу. Съ тѣхъ поръ Вересаи называютъ эту табаверку своимъ „прачпортомъ“.

Репертуаръ Остапа Вересая, кромѣ думъ, составляютъ еще, какъ мы сказали, „поважливі піснѣ“ и „простацьві“. Въ первой изъ записанныхъ нами пѣсенъ религіозно-нравственнаго содержанія („Годі (полно) вамъ шуміти“) въ прекрасной поэтической формѣ выражаются сожалѣніе о бесполезно проведенной молодости и муки поздно пробудившагося самосознанія:

Віють вітри въ стѣпу—запрету не мають;
 Ідуть мысли въ день и ноці—спокою не дають!

Содержаніе второй пѣсни: „Якъ трудно во грѣхахъ умирати“—опредѣляется самимъ заглавіемъ; подобная пѣсня находится въ сборникѣ Метлинскаго, на стр. 371, подъ заглавіемъ: „Смерть“.

Пѣсни сатирическаго содержанія, входяція въ репертуаръ Вересая, осмѣиваютъ ненормальности человѣческой жизни и ук-

лоненія отъ здраваго смысла; но эти пѣсни онъ рѣдко поетъ и вообще не придаетъ имъ особаго значенія, называя ихъ „простацкини“ и желая этимъ выразить, что только, приравливаясь ко вкусамъ слушателей-простолудиновъ, онъ позволяетъ себѣ пѣть такія пѣсни.

Приводимъ первую изъ указанныхъ нами пѣсень, представляющую не мало художественныхъ чертъ.

Годі вамъ шуміти, зеленні луги!
 Годі мліти серцю моему зъ незносною туги! 2
 Якъ цвіты прекрасніи скоро одцвітають,
 То такъ насъ молодіи літа скоро покидають. 2
 Прошли літа скоро, якъ быстрыі ріки,
 А я живу при нещастіи черезъ усі віки, 2
 Віють вітри въ степу—запрету не мають,
 Ідуть мысли въ день и въ ноці—сповою не дають. 2
 Старость моя й живность! не могу терпіти,
 Що я не змівъ молодими літами владіти. 2
 Теперъ я не знаю, якъ дожити віку;
 Ой де-жъ мені подітися, бідному чоловіку? 2
 Пойду я зъ печалю а въ темніи луги;
 Ой чимъ-же я вызволюся зъ великою туги? 2
 Лучше-жъ мені жити въ пущахъ міжъ звірами,
 Ані-жъ мені при нещастіи жити міжъ ворогами. 2
 • Лучше мені жити въ степу, у пустынї,
 Ані-жъ межъ людьми при нещастіи жити на едіні! 2

Есть такіи люде, що нужды не знають,
 Одъ убогого, одъ мизерного двери зачинають, 2
 Прежде смерти души царства своіи не дбають. 2

Въ заключеніе скажемъ пѣсколько словъ объ устройствѣ инструмента, на которомъ кобзарь аккомпанируетъ себѣ при пѣніи, а также о приемахъ при самой игрѣ.

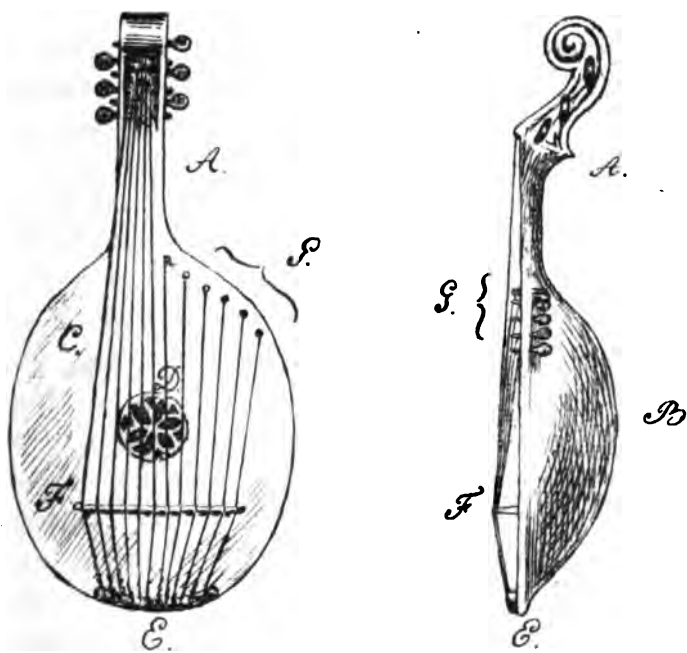
Бандура, какъ показываетъ прилагаемый рисунокъ, состоитъ изъ ручки или грифа А, выпуклаго овала—спідняка В и вибрирующей поверхности—верхняка С или дейки съ отверстіемъ—юлюсникомъ D. Струны, начинаясь отъ прикрѣпленнаго къ окружности

окала *приструнника* Е, перекидываются черезъ деревянный порогъ — *кобылку* F и идутъ къ головкѣ ручки, въ которой сидятъ вольчи для подтягиванія или опусканія струнъ. Всѣхъ струнъ 12 (но бываетъ 20, 30 и болѣе). Шесть большихъ струнъ называются *бунты*: 3 первыя—басы, всѣ они *кишкѣви*, причеъ первый басъ обмотанъ канителью; 4-ая мѣдная (*дротѣва*), 5-ая *прийма* и 6-ая *терція*—они изъ кишекъ прозрачныхъ—*римскихъ*; шесть короткихъ струнъ носятъ названіе *приструнковъ*, они бываютъ изъ кишекъ и мѣдныя.

Кобзарь играетъ на бандурѣ сидя и держитъ ея въ косвенномъ положеніи, но при игрѣ пьесъ плясовыхъ—совершенно вертикально. Лѣвой рукой нажимаетъ струны, правую-же рукою перебираетъ, причеъ, для произведенія болѣе сильнаго, рѣзкаго звука, надѣваетъ на указательный палецъ наперстокъ съ косточкой, т. е. деревянной полоской изъ лозы или орѣшника. Когда нѣсколько бандуристовъ играютъ вмѣстѣ, то одни играютъ преимущественно на *пристрункахъ*, другіе-же нѣтъ вторятъ на *бунтахъ*, что, замѣтимъ, производитъ весьма пріятную гармонію.

Н. Ф. У. О.

Рисунокъ
типической
бандуры.

Объясненіе знаковъ см. въ текстѣ.

О музыкѣ думъ и пѣсенъ Остапа Вересая.

Въ первомъ томѣ „Записокъ юго-западнаго отдѣла императорскаго географическаго общества“ помѣщена обстоятельная статья о томъ-же предметѣ, который избирается и нами для настоящей замѣтки. Но этотъ предметъ такъ мало еще изслѣдованъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ такое огромное значеніе въ смыслѣ историко-эстетическомъ, что чѣмъ больше будетъ высказано о немъ мнѣній, хотя бы и не вполне согласныхъ между собою, тѣмъ большая откроется возможность будущему изслѣдователю южно-русской музыки прийти къ положительнымъ выводамъ относительно ея характерныхъ особенностей, выдѣляющихъ ее изъ семьи родственныхъ ей напѣвовъ всѣхъ другихъ славянскихъ племенъ. До самаго послѣдняго времени всѣ изслѣдователи народной славянской музыки относили ее къ такъ называемымъ средне-вѣковымъ церковнымъ ладомъ. Это мнѣніе до сихъ поръ еще господствуетъ среди многихъ изъ специалистовъ музыкантовъ. И дѣйствительно, при поверхностномъ изслѣдованіи славянской народной музыки, легко прийти къ такому выводу: съ перваго взгляда мы имѣемъ здѣсь какъ будто всѣ признаки этихъ старо-церковныхъ ладовъ. Но при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, въ частности, великорусскихъ пѣсенъ, сдѣланномъ г. Мельгуновымъ, оказалось, что эти пѣсни имѣютъ основаніемъ болѣе древнюю почву — именно *трещскіе строи*. Чтобы быть понятнымъ для читателя, я выскажу здѣсь нѣкоторыя положенія изъ исторіи европейской музыки вообще. Какъ и всѣ другія искусства, музыка не сразу явилась во всеоружіи современной гармоніи съ ея роскошною, въ смыслѣ разнообразія построеній, обстановкой. Какъ живопись развивалась изъ плоскостныхъ изображеній, безъ всякаго соблюденія перспективы (египетскіе рисунки), такъ и музыка въ началѣ не

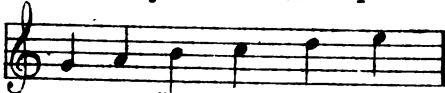
имѣла тѣхъ качествъ, которыя придаютъ ей характерную окраску— не имѣла гармоніи. Это была, такъ сказать, плоскостная музыка, музыка одноголосная, *юмофоничная*. Относительно живописи мы имѣемъ чрезвычайно интересныя изслѣдованія, какъ напр., изслѣдованія Гладстона о неполномъ представленіи древними греками всѣхъ цвѣтовъ нашего спектра; такъ и въ музыкѣ:—древніе народы не различали мелкихъ мелодическихъ единицъ, какъ наши полутоны, ихъ слухъ воспринималъ только цѣлыя тоны; поэтому мы и видимъ кажущіяся для современнаго уха чрезвычайно странными китайскія и валлійскія (шотландскія) гаммы изъ 5 цѣлыхъ тоновъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своемъ музыка, какъ и другія искусства, шла все впередъ и уже у грековъ время Аристотеля выразилась въ строгой и стройной системѣ изъ семи строевъ. Но система эта все-же значительно отличалась отъ нашей. Начальная христіанская музыка воспользовалась матеріаломъ, оставленнымъ ей классической древностью и на немъ основала всѣ свои гѣсноцѣнія. Но изобрѣтеніе органа и другія обстоятельства заставили музыку уклониться отъ прежняго гомофоническаго (одноголоснаго) пути и перейти къ полифоніи (многоголосицѣ). Первые зачатки полифоніи мы встрѣчаемъ въ IX-мъ вѣкѣ послѣ Рождества Христова въ произведеніяхъ фландрскаго монаха Убальда или Губальда въ видѣ такъ называемой дѣифоніи. Губальдъ писалъ свои произведенія для двухъ голосовъ, шедшихъ параллельно въ интервалахъ квинты, кварты или октавы. Такова была основа современной полифоніи. Въ послѣдующемъ своемъ развитіи музыка шла уже все дальше и дальше по пути полифоніи, измѣняя, сообразно съ требованіемъ послѣдней, свои основныя единицы, т. е. древне-греческіе строи, лежавшіе въ ее основаніи. Такъ произошли средне-вѣковыя церковныя лады, приведенныя въ стройную систему знаменитымъ музыкантомъ XVI-го вѣка Глареаномъ (Glaresanus). Глареановскіе лады имѣютъ уже совершенно иныя названія, чѣмъ греческіе строи, имѣютъ отличное отъ послѣднихъ значеніе. Изъ этихъ ладовъ развился нашъ современный мажоръ и миноръ. Наша современная музыка и ея строи имѣютъ то отличіе, что всякая мелодія, всякая гармонія стремится закончиться въ опредѣленный тонъ, въ опредѣленный аккордъ, построенный на известной нотѣ. Эта-то нота, которой стремятся закончиться наши мелодіи и гармоніи и служить показателемъ строя

мелодіи, называется *иоанной* строя. Средне-вѣковые лады такое стремленіе обнаруживаютъ слабѣе, древне-греческіе строи почти вовсе лишены его. Въ этомъ одно изъ существеннѣйшихъ отличій ихъ. Теперь спрашивается, къ какого рода строямъ слѣдуетъ отнести нашу древнюю южно-русскую музыку? Странно было-бы предполагать, что славянское племя, исходящее изъ одинаковаго арійскаго корня съ греческимъ, но съ самой ранней поры своей жизни ставшее вдали отъ западно-европейскихъ народовъ и ихъ культуры, должно было развить свою музыку совершенно также, какъ развили ее западно-европейцы. У славянъ не было повода къ такому развитію полифоніи, какое имѣлось у западно-европейцевъ, и они въ большей чистотѣ должны были сохранить первообразъ европейской музыки, музыку гомофоничную, сродную музыкѣ древнихъ грековъ. Такъ уже аргюи мы пришли къ выводу, что средне-вѣковые церковные лады, выросшіе на почвѣ полифоніи, не должны бы были вполне соответствовать строямъ нашей славянской и, въ частности, южно-русской музыки. Почтенный авторъ статьи „Записокъ“, по нашему мнѣнію, допустилъ неточность, посмотрѣвъ на южно-русскіе напѣвы съ предвзятой точки зрѣнія, господствовавшей въ то время, идентичности строя малорусской музыки съ церковными западными ладами. Но вполне добросовѣстное отношеніе къ дѣлу и здѣсь дало себя знать: авторъ указываетъ, что церковные лады не составляютъ господствующаго элемента въ южно-русской музыкѣ, что въ ней встрѣчаются и наши мажоръ, миноръ и мадьярскія гаммы, и, наконецъ, признаки, приводящіе ее въ соприкосновеніе съ восточной музыкой. Ни однимъ только словомъ авторъ не заикается о древне-греческихъ строяхъ, а между тѣмъ они-то и составляютъ главный элементъ въ нашей музыкѣ. Говоря о строѣ шести короткихъ струнъ (приструнків) бандуры авторъ считаетъ его *лидійскимъ* средне-вѣковымъ ладомъ. Съ виду это кажется совершенно вѣрнымъ: звукорядъ—

совершенно соответствуетъ по виду лидійскому церковному строю. Авторъ далѣе (на стр. 346) говоритъ, что кобзарь этихъ струнъ не прикасается, а играетъ на нихъ, не измѣняя звука. Но мнѣ удалось видѣть и слышать иное. Остапъ Вересай, показывая, какъ надо играть плясовыя пѣсни на двухъ бандурахъ, укорачи-

ваетъ и *приструнки* и играетъ на нихъ также, какъ и на *бумбалахъ* (длинные струны). При этомъ обазывается необыкновенно интересное явленіе: вобзарь не заключаетъ своей игры въ тонику, какъ слѣдовало-бы въ лидійскомъ ладу, а безразлично заканчиваетъ свою игру или въ тонику, или въ нижнюю квинту, или въ верхнюю терцію. Это уже чистый признакъ древне-греческихъ лидійской, гиполидійской и синтонолидійской гаммъ, повышенныхъ на цѣлый тонъ, ибо эти древне-греческія гаммы соотвѣтствовали по высотъ своего начала нашему F. Иногда Вересай настраиваетъ приструнки иначе:

что соотвѣтствуетъ древне-греческой іонійской гаммѣ

(наибчае встрѣчаемой въ великорусскихъ пѣсняхъ), при чемъ точно также держится полной свободы заключеній, вращаясь то въ основномъ, то въ *ипо*, или въ *синтоно* ладу. Что касается собственно музыки и нанѣвовъ думъ, то здѣсь я могу сообщить не много новаго. Дума въ исполненіи Вересая, котораго мнѣ довелось слышать въ настоящій его пріѣздъ только дважды, имѣетъ характеръ полной импровизаціи. Одну и ту же думу Вересай одинъ разъ исполняетъ такъ, другой разъ иначе. Основной мелодическій рисунокъ всѣхъ думъ совершенно одинаковъ. Онъ почти совершенно точно совпадаетъ съ приложенной къ упомянутому тому „Записокъ“ мелодіей думы. Мелизматическія украшенія, придаваемы ей Вересаемъ этому основному безритмическому мотиву, трудно поддаются записыванью. Мельчайшія интервалы придаютъ этимъ украшеніямъ характеръ, близкій къ восточнымъ мелодіямъ; это, какъ кажется, можетъ быть объяснено долговременнымъ соприкосновеніемъ малоросовъ съ татарами и турками. Въ этихъ украшеніяхъ можно найти много общаго съ пѣсней Музыина передъ восходомъ солнца (см. „Иllustrirte Musiq.-Geschichte“ von E. Nauman, в. 99). Замѣчу, что окончаніе каждой мысли заканчивается опредѣленной фигурой

въ „Запискахъ“ она представлена такъ

Быть можетъ эта разница зависитъ отъ импровизаціоннаго характера исполненія Вересая. Я не считаю нужнымъ выписывать здѣсь всѣхъ мелизмовъ, какіе мнѣ удалось записать. Чтобы уяснить себѣ ихъ значеніе, у меня нѣтъ еще достаточно матеріалу; какъ сырой же матеріалъ, они не имѣютъ значенія. Мнѣ кажется, что изслѣ-

дованіе въ указанномъ мною направленіи, т. е. насколько наши мелодіи отличаются по строю отъ западныхъ, насколько онѣ сходны съ древне-греческими и чѣмъ разнятся отъ этихъ послѣднихъ, составляетъ интереснѣйшую задачу, могущую повести къ новымъ открытіямъ въ области эстетической акустики, какою она является у Гельмгольца. Быть можетъ ближайшія изслѣдованія откроютъ, что наша музыка хотя сродна, но не идентична ни съ древне-греческой, ни съ средне-вѣковой западной. Намеки на это имѣются въ различнѣхъ изслѣдованіяхъ хотя и поверхностныхъ, какъ мои и автора статьи „Записокъ“. Быть можетъ эти изслѣдованія открываютъ новые горизонты въ области тональностей и обновятъ начинающую уже ветшать современную ихъ систему. Дождутся-ли наши мелодіи такихъ изслѣдованій?

А. К-скій.

ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ.

„Невѣроятный извѣтъ отъ простолѣтливости по предсужденію“.

Не подъ этимъ заглавіемъ, но съ такими названіями и характеристикою находится въ одномъ изъ кievскихъ архивовъ „дѣло о порѣзаніи“ малолѣтними еврейками на малолѣтнемъ-же крестьянскомъ мальчикѣ „тѣла для испущенія христіанской крови“. Дѣло не сложное, не продолжительное по времени, но интересное какъ по существу, такъ и по многимъ его частностямъ: въ немъ проглянуло, кажется, неизвѣстное доселѣ народное вѣрованіе объ употребленіи евреями христіанской крови при разрѣшеніи отъ бремени еврейскихъ женщинъ, равно отобразилась вся процессуальная сторона такихъ и подобныхъ дѣлъ прежняго времени.

Отъ временъ глубокой древности, отъ вѣковъ отдаленныхъ идетъ непримиримая вражда между христіанскимъ и еврейскимъ населеніемъ всѣхъ странъ. Наша южно-русская страна представляетъ въ семъ отношеніи исключеніе развѣ въ смыслѣ высшаго народнаго озлобленія противъ исповѣдниковъ Іеговы, проявлявшася надъ ними наиболѣе частымъ и наиболѣе чувствительнымъ образомъ. Отъ Изяслава и Владиміра Мономаха до Гонты и Желѣзняка и отъ этихъ послѣднихъ до нашихъ дней, чувства кievлянъ, чувства всего южно-русскаго народа къ еврейскому поколѣнію не измѣнились ни на іоту. Нечего говорить о томъ, что въ основѣ этихъ чувствъ лежатъ прежде и болѣе всего экономическія отношенія, а потомъ вѣроисповѣдное отличіе; но сверхъ этого въ нихъ видную роль играетъ особый цыклъ вѣрованій, ничего общаго съ догматами христіанства не имѣющихъ, но твердыхъ и непоколебимыхъ, всасываемыхъ съ молокомъ матери, обоснованныхъ на

вѣковой традиціи. Едва ли и теперь удалось-бы вамъ, читатель, разувѣрить нашего простолюдина въ томъ, что „у жида нѣтъ души“, а есть только „пара, что изъ скотины выходитъ“,—даже не тотъ „дымецъ малъ“, что видѣлъ врачъ—иностранецъ въ минуту кончины московскаго великаго князя Василія Васильевича, исходящимъ отъ тѣла его. Къ числу вѣрваній, столь давнихъ и повсюдныхъ, относится и увѣренность въ употребленіи евреями христіанской крови. Вѣрваніе это и связанная съ нимъ казуистика имѣютъ свою литературу, крайне любопытную въ томъ отношеніи, что изъ всѣхъ, писавшихъ объ этомъ *pro* и *contra*, никто никого ни въ чемъ не убѣдилъ и что изъ большаго числа возникавшихъ въ судебной практикѣ случаевъ обвиненія евреевъ въ добываніи христіанской крови, ни одинъ не доказанъ окончательно, но и ни одинъ не оставленъ безъ большаго или меньшаго подозрѣнія. Тотъ-же характеръ недоказанности и вмѣстѣ нѣкотораго сомнѣнія носить на себѣ и настоящій случай, о которомъ мы хотимъ рассказать, ради одной его особенности по существу и нѣкоторыхъ характерныхъ частности.

Дѣло происходило не особенно давно, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, въ предѣлахъ кievской губерніи. Въ васильковскомъ уѣздѣ, не вдалекѣ отъ самаго города Василькова, вправо отъ широкаго почтоваго тракта на Бѣлую Церковь, лежитъ большое село Плисецкое. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія въ немъ жилъ еврей Фроимъ, по фамиліи Каминскій. Фамилія нимаго не еврейская, и это указываетъ на то, что либо самъ Фроимъ, либо вообще родъ его вполнѣ натурализовался въ „краѣ забраномъ“, а быть можетъ зашелъ сюда изъ „Конгрессувки“. Въ тридцатыхъ годахъ было уже царство откуповъ и процвѣтало оно во всю свою мощь какъ на Сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи, на послѣднемъ—въ „народѣ избранномъ“. И въ окрестностяхъ с. Плисецкаго былъ откупщикъ, а въ самомъ Плисецкомъ его приказчикъ Фроимъ. Былъ онъ съ достаткомъ, жилъ здѣсь 14-ть лѣтъ, своимъ дѣломъ занимался, людей не чуждался. У Фроима была своя Сура, а отъ нея онъ имѣлъ двухъ дочерей—Лею и Хайку,—какихъ лѣтъ, это также трудно опредѣлить, какъ трудно опредѣляются годы евреевъ-дѣтей при полученіи пассажирскихъ билетовъ и евреевъ-женшей при отбываніи воинской повинности. Рядомъ съ Фроимомъ жилъ казенный

крестьянинъ Кузьма Мироненко, а у него жена Дарья и трое малолѣтнихъ дѣтей: дочь и два сына, изъ которыхъ одинъ былъ старше дочери, а другой имѣлъ лишь пять мѣсяцевъ отъ рожденія и проводилъ время въ „колысѣ“ (люлькѣ) подъ присмотромъ старшаго брата и сестры, а иногда и самостоятельно. Дочери Фроима приходили къ дѣтямъ Мироненка „бавиться“, или поиграться. До происшествія, о которомъ возникло дѣло, посѣщенія ихъ были рѣдки, а ко дню происшествія участились и стали ежедневными. Вотъ какъ было самое дѣло.

30 сентября 1832 года Кузьма Мироненко куда-то отлучился изъ деревни; жена его Дарья была на огородѣ, а грудной ея ребенокъ, пятимѣсячный Фёдоръ оставался въ хатѣ, подъ присмотромъ старшихъ дѣтей. Подъ вечеръ Дарья Мироненкова, навѣдавшись въ хату, застала тамъ какъ своихъ дѣтей, такъ и дочерей Фроима-Лею и Хайку; но при ней-же ея старшія дѣти выбѣжали на дворъ, а она, покормивши, быть можетъ, грудное дитя, ушла на огородъ, оставивъ въ хатѣ Лею и Хайку. Что было въ слѣдъ за тѣмъ, не извѣстно; но спустя нѣкоторое время Дарья Мироненкова увидала, что старшій сынъ ея несетъ къ ней на огородъ плачущаго Фёду, а взявъ этого послѣдняго къ себѣ на руки замѣтила, что задняя часть его исцарапана или порѣзана во многихъ мѣстахъ. Старшій сынъ пояснялъ, что, придя въ хату, онъ засталъ, что старшая дочь Фроима держала маленькаго брата его на рукахъ и успокаивала его при сильномъ его плачѣ. Мать видѣла много паранинъ, или порѣзовъ, конечно, легкихъ, нашла и запекшуюся кровь, соображала, что паранины не могли быть дѣломъ случайнымъ. Мать Леи и Хайки была на сносяхъ; Мироненкова слышала и вѣрила, что еврейки при трудныхъ родахъ прибѣгаютъ къ помощи христіанской крови извѣстнымъ имъ образомъ. Въ душѣ ея явилось подозрѣніе, не были-ль тѣ порѣзы произведены дочерьми Фроима. Она бросилась обыскивать ихъ и въ карманѣ младшей нашла нѣсколько кусковъ стекла. Подозрѣніе переходило въ увѣренность. Мироненкова боролась и съ своими мыслями и съ постигшею ее бѣдою. Въ порывѣ гнѣва и досады, она бѣжитъ ко двору Фроима и срываетъ съ меньшей его дочери платокъ. Та подняла крикъ, выбѣжалъ Фроимъ и набросился на сосѣдку. Поднялась „сварка“ или ругань, не обошлось, быть можетъ, и безъ схватки; платокъ былъ отнятъ.

Изъ того, что жена Фроима не упоминается при этомъ и вскорѣ, какъ видно изъ дѣла, отъ бремени разрѣшилась, заключить можно, что въ ту пору она болѣла родами. Въ послѣдствіи Мироненкова объяснялась, что потому она платокъ сорвала, что хотѣла, чтобы самъ Фроимъ позвалъ ее въ судъ; другими словами: она боялась сама обжаловать еврея, ониравшагося на своего патрона-откупщика и вѣроятно не разъ дававшего чувствовать свою силу односельчанамъ-врестьянамъ, и хотѣла открыть его вину при случаѣ, въ качествѣ отвѣтчицы. Было-ли въ самомъ дѣлѣ такъ, рѣшить трудно. Почему-то однако жалобу свою она принесла властному тутъ-же жившему головѣ лишь на третій день, а изъ того, какъ первоначально принята жалоба, видно, что не одна Мироненкова боялась повѣреннаго откупщика. Самъ голова, выслушавъ такое ужасное заявленіе, обратился къ мѣстному священнику Халничу, но и тотъ „не могъ ничего сказать“. Можетъ быть, тѣмъ дѣло и кончилось-бы, если бы голова не обратился за совѣтомъ къ командиру квартировавшей въ селѣ Плисецкомъ роты, капитану Рожманту. Тотъ послалъ за Мироненками, самъ распросилъ ихъ и „сейчасъ-же велѣлъ послать до онаго еврея четырехъ человѣкъ солдатъ для караула до рѣшенія дѣла“. Голова послалъ донесеніе въ васьильовскій земскій судъ; въ немъ, со словъ Мироненковой, прямо говорилось, что дочери Фроима, вынудъ изъ люльки ея дитя „начали стекломъ рѣзать оному младенцу тѣло во многихъ мѣстахъ и испустили большую кровь“, съ подущенія Фроима.

Такъ началось это курьезное дѣло, предъ которымъ сталь-бы въ тушихъ любой изъ современныхъ юристовъ. Чѣмъ доказать или опровергнуть фактъ преступленія необычайнаго, невѣроятнаго? Съ которой стороны ни поверни это дѣло,—уликъ, слѣдовъ масса и въ тоже время ихъ вовсе нѣтъ. Остается ни опровергнутымъ, ни заподозрѣннымъ въ своей дѣйствительности фактъ внезапнаго израненія ребенка и „испущенія большой крови“ въ отсутствіе его матери, только предъ тѣмъ видѣвшей его невредимымъ, въ отсутствіе дѣтей, за нимъ присматривавшихъ, но въ присутствіи двухъ малолѣтнихъ евреевъ. Что происходило въ ту пору, когда эти дѣвочки оставались одни съ христіанскимъ дитятею, никто видѣть не могъ; но у одной изъ нихъ за столомъ дитя на рукахъ, и она его успокаиваетъ, у другой много битаго стекла въ карманѣ. На дѣт-

скій плачь въ деревняхъ, въ быту крестьянскомъ, обыкновенно не обращаютъ вниманія, и дѣти плачутъ по нѣскольку часовъ; но видно крикъ израненнаго Феди былъ особенный, видно пораненіе его бросалось слишкомъ въ глаза, когда малолѣтній также братъ его выхватываетъ его изъ рукъ евреечки и бѣжитъ съ нимъ къ матери на огородъ. Допустить случайное испараніе какою-нибудь въ въ платьѣ евреечки торчавшею иглою или валявшимися гдѣ либо кусками стекла не приходится уже и потому, что такое объясненіе не было приведено обвиняемою стороною, что для нея было такъ легко. „Колыска“, обыкновенно ночью или плетенка, набитая всякимъ тряпьемъ, еще менѣе могла быть орудіемъ пораненія, какъ не была и дотолѣ, и на нее, какъ ни на что другое не указываютъ ни обвиняемые, ни свидѣтели, ни самый судъ. Что пораненіе ребенка Мироненковой было не пусташное, видно по тревогѣ матери, ея гвѣву и раздраженію, по ея наконецъ рѣшимости обжаловать сильнаго повѣреннаго еще болѣе сильнаго откупщика. Есть и другія указанія на серьезность факта: голова обращается къ священнику, священникъ отказывается даже сказать что либо, а капитанъ, распросивъ, не задумывается поставить военный караулъ къ дому Фроима. Трудно допустить, чтобы ни головѣ, ни капитану не пришло на мысль осмотрѣть израненнаго ребенка и если первый въ своемъ рапортѣ рѣшительно говоритъ о „испущеніи большой крови“, а второй рѣшается на мѣру чрезвычайную—военный караулъ, то для нихъ не оставалось сомнѣнія въ фактѣ значительнаго или случайнаго пораненія дитяти.

Доселѣ все за обвиненіе, отселѣ все противъ него. Произведено слѣдствіе и—никакихъ доказательствъ, никакихъ слѣдовъ и признаковъ доселѣ такъ несомнѣннаго факта. Приходилось бы и намъ съ вами, читатель, какъ и тогдашнему суду, заключить, что это былъ *„невырванный изъ рта, по одному только, отъ простомудчивости предосужденію“*. Но въ дѣлахъ старыхъ (и однихъ ли старыхъ?) судовъ была всегда своя закулисная сторона, и въ настоящемъ дѣлѣ она оставила по себѣ такіе слѣды, что ее и въ настоящее время и не записному юристу можно разглядѣть и опять воспроизвести. Попробуемъ, читатель.

Перенеситесь мысленно къ тому отдаленному времени, погружитесь на минуту въ тогдашнюю, уѣздную и сельскую жизнь, при-

помните тогдашніе суды и власти, откупа и царство израильское и положеніе крестьянской души, хотя бы и казенной, но бывшей во всемъ и за все въ отвѣтъ. Вотъ съ одной стороны семья Мироненковыхъ, которой мать въ такой непрерывной работѣ, что ей и за дитятею присмотрѣть некогда; съ другой, семья приказчика по откупу, 14 лѣтъ живущаго на одномъ мѣстѣ. Если и теперь любой шинкаръ—еврей, поживъ короткое время въ селѣ, овладѣваетъ всѣми пружинами сельской жизни, пріотрѣваетъ авторитетъ и вліяніе свойственными ему способами, знаетъ всю подноготную крестьянина, владѣетъ его карманомъ и трудомъ, то что могъ значить пятьдесятъ лѣтъ назадъ въ с. Плисецкомъ повѣренный откупщика Фронимъ? Что онъ былъ съ деньгою, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію; что онъ имѣлъ силу и вліяніе, видно по всему началу дѣла, если не исходу его. Самъ онъ мѣщанинъ сосѣдняго г. Василькова; его патронъ, конечно, васьльковскій купецъ, а тамъ суды, тамъ родня Фронима, тамъ его патронъ, тамъ еврейскій кагалъ. Думаете ли, читатель, что этотъ Фронимъ до караула и подъ карауломъ, и его родня и патронъ, и этотъ кагалъ оставались равнодушными къ такому „невыроютному извѣту“, какъ обвиненіе въ „испущеніи большой христіанской врови“, падающее на все еврейство?

Весь ходъ дѣла удостовѣряетъ въ противномъ, хотя мы не видимъ потаенныхъ пружинъ, а только примѣчаемъ повсюду ихъ дѣйствіе.—Судъ, въ то время очень медленный и тяжелый на подъемъ, поднимается въ путь на третій день послѣ рапорта головы и пребываетъ на мѣсто происшествія въ лицѣ засѣдателя земскаго суда Тулуба. Простой смыслъ могъ бы сказать, что разъ дѣло идетъ о пораненіи, необходимъ судебно-медицинскій или хотя-бы обыкновенный осмотръ; но земскій судъ не отрижаетъ врача, а командируетъ—не извѣстно почему и для чего—депутата съ военной стороны. Земскій засѣдатель, прибывъ на мѣсто, допрашиваетъ лишь мать потерпѣвшаго дитяти и отца обвиняемыхъ дѣвочекъ. Ни до кого ему больше дѣла нѣтъ; онъ знать не хочетъ, что могли-бы сказать эти обвиняемыя и братъ потерпѣвшаго малютки, который первый видѣлъ его пораненіе. Засѣдатель не считаетъ нужнымъ хотя-бы взглянуть на израненное дитя и записываетъ показаніе его матери, что дитя здорово, прибавляетъ даже „не вредимо“, мѣняетъ

дѣла обвиняемыхъ по показанію ихъ отца, назначая старшей 9 лѣтъ вмѣсто 12 и младшей 5 вмѣсто 7-ми, считаетъ нужнымъ занести въ протоколъ замѣчаніе Фроима, что ни ему, ни вообще евреямъ кровь христіанская ни въ какомъ случаѣ не нужна, обходить мотивъ подозрѣнія и: беременность матери обвиняемыхъ и переходить къ спасительному повальному обыску, для котораго всегда въ такомъ дѣлѣ найдется нѣсколько „питуховъ“ и еще больше должниковъ и инымъ способомъ обязанныхъ повѣренному виннаго откупа, а когда обыскъ далъ легко предвидимый результатъ, приходитъ къ заключенію, что „никакой важности по оному дѣлу не заключается“. Жаловавшаяся прежде такъ энергически Мироненкова предъ засѣдателемъ какъ-бы отступается отъ прежнихъ, много разъ повторенныхъ словъ, по крайней мѣрѣ, сильно понижаетъ тонъ обвиненія, говоритъ только, что, при видѣ крови на дитяти, ей стало „сердоболюно“. Засѣдатель могъ-бы и покончить на томъ; но его безпокойло мелочное разнорѣчіе въ показаніяхъ Мироненковой и Фроима: первая говорила, что въ карманѣ меньшей евреечки были куски стекла, а второй—что то были куски разбитой тарелки. Дана очная ставка и Мироненкова не стала противурѣчить.

Все это такъ предупредительно-поспѣшно, такъ строго-законно, такъ добросердечно и человѣколюбиво. Засѣдатель Тулубъ, представивъ въ судъ вышеприведенное свое заключеніе, поспѣшилъ даже отнестись къ капитану Режманту о снятіи съ Фроима военного караула. Но надо знать этихъ добрыхъ судей добраго стараго времени. Все въ ихъ дѣйствіяхъ было предусмотрено, строго рассчитано, но такъ искусно замаскировано, что напрасно вы стали-бы судить по ихъ дѣйствіямъ объ ихъ истинныхъ намѣреніяхъ. У нихъ во всемъ былъ свой особый расчетъ. Поспѣшность суда—отъ чего? Надо ревность показать, быстроту дѣйствія, преслѣдованіе по горячимъ слѣдамъ. Но при этомъ какъ-то невзначай, въ попыткахъ, конечно, забывается о судебномедицинскомъ, даже простомъ осмотрѣ. Что-же? Дополнить можно: въ тѣ времена годы, десятки лѣтъ проходили въ дополненіяхъ. Оно и лучше для самаго дѣла: вѣдь это не какія либо серьезныя и глубокія раны, которыя и потомъ обнаружатъ несвоевременность осмотра, это лишь царапины, легкіе порѣзы верхнихъ покрововъ кожи, и только въ редакціи вострнаго писара явилось тутъ „испущеніе большой крови“. Нѣ-

сколько дней и на быстро работающемъ дѣтскомъ организмѣ отъ нихъ не останется и слѣда. Тогда безопасно можно и осмотръ произвести и слѣдствіе дополнить. Такъ и поступилъ земскій судъ. Какъ однако ни медлить онъ командировкою врача, все таки врачъ Кладкевичъ (военный), производившій освидѣтельствованіе пятимѣсячнаго Федора Мироненка, нашелъ „небольшой значекъ подъ ланкою, присохшій“; но, по его мнѣнію, онъ „вреда на тѣлѣ и нѣтъ“.

Семь мѣсяцевъ лежало это дѣло въ васильевскомъ земскомъ судѣ и только 2-го мая 1833 года передано въ васильевскій магистратъ, которому, какъ мѣщанинъ, подсуденъ былъ Фроимъ. Зачѣмъ такъ долго лежало?—А неравно обвиняемый или потерпѣвшая заинтересуются положеніемъ дѣла и оборотомъ, какой оно можетъ принять: вѣдь надо-же ихъ любопытству удовлетворить... Въ томъ и особенность старыхъ судовъ, что они быстро набрасывались на дѣло новое, чѣмъ либо выдающееся и какую либо надежду подающее, и потомъ не выпускали его изъ рукъ, доволѣ не выжмутъ изъ него все.

Передачею въ магистратъ законченнаго слѣдствія земскій судъ могъ-бы покончить свою роль въ возникшемъ дѣлѣ, если-бы его засѣдатель не вздумалъ сорвать съ головы 5 рублей на поѣздку въ с. Плисецкое военнаго врача Кладкевича, хотя, мимоходомъ сказать, на эту сумму можно было тогда и весь уѣздъ проѣхать и назадъ вернуться. Видно, голова не хотѣлъ своего подарить, и судъ просилъ магистратъ съ рѣшеніемъ дѣла опредѣлить, на чей счетъ должны быть обращены эти 5 р. Въ своемъ заключеніи о Фроимѣ онъ сослался на указы Екатерины 10 февраля 1763 года, въ которомъ выражено ея изреченіе, впоследствии такую громкую извѣстность получившее, что, при недостаткѣ уликъ, лучше десять виновныхъ оправдать, нежели одного невиннаго осудить, а противъ Мироненковой указалъ на суровый военный законъ, обращавшій грозившее обвиняемому наказаніе на голову не доказавшаго извѣтчика.

Спустя мѣсяць, магистратъ положилъ рѣшеніе, какое по ходу слѣдствія и приведеннымъ законамъ не трудно опредѣлить. Фроима объявили: самъ онъ,—значится въ рѣшеніи магистратскомъ, не повиненъ, по слѣдствію ни въ чемъ не уличенъ, а по повальному

обыску одобренъ, почему и опредѣлено оставить его отъ суда свободнымъ.— „Виновнаго не оказалось“, прибавляя магистратъ, но чѣмъ предавать, по обычаю тогдашнему, дѣло въ волю Божию, усмотрѣлъ вину въ „простолюдчествѣ“ (невѣжественной простотѣ) Мироненковой „по одному только предосужденію“ (предубѣжденію, предразсудку), почему постановилъ внушить ей и „впредь отъ такихъ нелѣпыхъ предосужденій воздержаться“ и на ея же счетъ обратилъ и тѣ 5 рублей, что проѣздилъ военный врачъ Кладкевичъ.

Магистратскіе, да и земскіе судьи, не менѣе Мироненковой повинные „въ предосужденіи отъ простолюдчества“, именно по этому одного не могли сообразить, что если она по одному невѣжественному предразсудку могла заподозрить семью сосѣда - еврея въ столь тяжкомъ преступленіи, то не существовалъ-ли и въ противной сторонѣ и средѣ, къ которой она не принадлежала, не менѣе невѣжественной и дико-фанатичной, соотвѣтственный предразсудокъ или повѣрье, если не въ употребленіи, то только въ „испущеніи христіанской крови“ въ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ слышала Мироненкова, еврейскія женщины дѣтей рождаютъ, и не подвинулъ-ли этотъ предразсудокъ семью Фроима на то незначительное тиранство надъ христіанскимъ младенцемъ, отъ котораго онъ въ здоровьи не пострадалъ. Но какъ проникнуть въ темную еврейскую среду, въ глубь ея вѣрованій и предразсудковъ, во мракъ дѣяній, изъ нихъ протекающихъ? И голова, и капитанъ, и земскій засѣдатель, и Магистратъ, и сама Мироненкова напрасно трудились надъ разрѣшеніемъ неразрѣшимаго вопроса, „не съ *подуценія*-ли его Фроима (на этомъ все подозрѣніе и слѣдствіе держатся) двѣ малолѣтнія дочери его рѣшились на „испущеніе христіанской крови“, когда матери ихъ пришлось родить. Отъ всего процесса только и остается для насъ новый отгѣнокъ народнаго вѣрованія о суевѣрномъ употребленіи евреями христіанской крови; но было-ли такое суевѣріе въ еврейской массѣ, или оно только плодъ суевѣрія нашего народа, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

И выходитъ, какъ мы въ началѣ сказали, что въ такихъ дѣлахъ ни одна сторона ничего не можетъ доказать. Приведенное дѣло одно изъ тысячныхъ тому доказательствъ. Нужны какіе либо другіе приемы для разрѣшенія этого вопроса, играющаго и въ наше время не малую роль въ жизни обѣихъ народныхъ массъ

Матеріалы для исторіи Колівищины или рѣзни 1768 г.

Въ то время, когда въ Россіи царствовала Екатерина II, въ юго-западномъ русскомъ краѣ, пребывавшемъ еще подъ властію польской Рѣчи Посполитой, происходило гайдамацкое движеніе, разразившееся въ 1768 году страшною уманскою рѣзней. Последнее событіе на первый разъ представляется какъ-бы отдѣльнымъ эпизодомъ въ исторіи южно-русскаго народа. Такъ на него долго смотрѣли и многіе искали причинъ этого событія въ ближайшихъ къ тому времени явленіяхъ, и дѣйствительныхъ, и вымышленныхъ, никогда не происходившихъ. Польскіе историки обыкновенно вваливали вину, главнымъ образомъ, на русскую политику того времени и давали вѣру баснѣ о томъ, будто императрица Екатерина II черезъ своихъ агентовъ разсылала манифестъ, которымъ разожгла противъ поляковъ южно-русское простонародіе, исповѣдующее, наравнѣ съ цѣлымъ народомъ русскимъ, православную (или, какъ ее называли поляки, схизматическую) религію. (Ср. Mogański, Dzieje Polski. V. 87. Józ. Szujskiego, Dzieje Polski, IV. 440). Русскіе изслѣдователи опровергали эту басню. Соловьевъ (Истор. Росс., XXVII, стр. 307), опираясь притомъ на свидѣтельство одного польскаго писателя, указалъ даже лицо, сложившее подложный манифестъ отъ имени русской государыни. Между тѣмъ этотъ документъ вездѣ въ Европѣ почитался за подлинный манифестъ русской государыни и съ такимъ же значеніемъ былъ во французскомъ переводѣ напечатанъ въ Сборникѣ Ангенберга, заключающемъ дипломатическіе акты, относящіеся къ Польшѣ. Въ Кіевѣ въ 1879 году издана была книжечка: «Уманская рѣзня». Это переводъ извѣстнаго въ польской литературѣ мемуара г-жи Кребсъ, которая въ своемъ дѣтствѣ была свидѣтельницею уманскаго событія, ставшаго трагическимъ для ея родителей да и для ней самой. Переводчикъ, г. Рева, въ своемъ предисловіи къ издаваемому переводу, критически разобралъ этотъ манифестъ и доказалъ неоспорно его подложность. Въ последнее время (Кіевская Стар., 1882 г., мѣсяцъ май, стр. 308—310) напечатанъ подлинный манифестъ императрицы Екатерины II отъ 9 июля 1768 г., распространенный тогда-же на польскомъ языкѣ между жителями Рѣчи Посполитой. Въ немъ русская государыня извѣщала всѣхъ, что ходившіе подъ ея именемъ указы — подложны, никто отъ ней не посылался подни-

мать ея единовѣрцевъ противъ согражданъ нынѣ вѣроисповѣданій, и тѣ, которые выдають себя за отрядъ нязового запорожскаго войска, будто-бы отправленный по ея волѣ — не болѣе какъ воры, разбойники, нарушители общественнаго спокойствія, а потому будутъ, послѣ ихъ поники, подлежать карѣ. Обѣщалось помилованіе только тѣмъ изъ нихъ, которые, раскаявшись въ своихъ преступленіяхъ, окажутъ участіе въ поникѣ зачинщиковъ и будутъ представлять пойманныхъ ближайшимъ войсковымъ командамъ. Нѣтъ ни единого несомнѣннаго историческаго свидѣтельства, подающаго хотя-бы только намекъ на подущеніе южно-русскаго простонародія со стороны русскаго государыни. Однако, ни отсутствіе вѣрныхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни явная несостоятельность документа, на которомъ основывалось обвиненіе, не могутъ до сихъ поръ выбить изъ головы у польскаго общества увѣренности въ участіи Россіи и ея государыни въ этомъ дѣлѣ. Поляки всегда готовы приписывать вліянію Мѡсквы и москалей все дурное, испытанное Польшею въ прошедшія времена, не исключая даже и такихъ временъ, когда не существовало Мѡсквы. Такъ православіе называютъ поляки московскою вѣрою и готовы сами вѣрить и другихъ увѣрять, что приверженность подвластнаго имъ русскаго народа къ православнои или восточной вѣрѣ была навѣяна и подогрѣвалась москалями; поляки не хотять знать, что въ южной и западной Руси еще прежде, чѣмъ эти края очутились подъ польскою властію, господствовала православная вѣра греко-славянскаго обряда, и то было еще тогда, когда Мѡсквы и въ поминѣ не было; а слѣдовательно приверженность народа къ вѣрѣ своихъ предковъ естественно могла проявляться безъ всякаго посторонняго воздѣйствія. При существующемъ настроеніи польскаго міросозерцанія не удивительно, если въ такихъ вопросахъ, какъ возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства, поляки хватаются за всякое обвиненіе противъ Россіи, вовсе не заботясь подвергать его критикѣ, и разъ усвоивши его себѣ, съ трудомъ отъ него отстануть. Кромѣ патриотическихъ предубѣжденій, отчасти поддерживаетъ невѣрные взгляды и скудость числа изданныхъ вѣрныхъ источниковъ, которые бы могли пролить болѣе свѣта и установить правильныя воззрѣнія. Правда, въ издаваемомъ кievскою археографическою комиссіею Архивѣ юго-западной Россіи напечатано уже не мало документовъ, относящихся къ состоянію народа въ южной Руси въ XVIII вѣкѣ и даже специально къ гайдамачеству, съ превосходными изслѣдованіями, составляемыми на основаніи печатаемыхъ документовъ и прилагаемыми въ качествѣ предисловія къ каждому тому изданія. Но изданіе Архива юго-западной Россіи не дошло до 1768 года, до эпохи, когда происходила уманская рѣзня. Тѣмъ не менѣе однако, изданные до сихъ поръ документы, относящіеся къ XVIII вѣку достаточно уже показываютъ, что событіе, совершившееся въ 1768 году, неизбѣжно должно было состоять въ непосредственной связи съ цѣлымъ рядомъ такого же рода событій, происходившихъ въ предшествовавшее время. Оказывается, что борьба южно-русскаго народа съ Польшею, начавшаяся уже давно и проявившаяся рѣзко

въ половинѣ XVII столѣтія эпохою Хмельницыны, не окончилась въ XVII вѣкѣ, а перешла въ осмнадцатый вѣкъ. Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго Украина правой стороны Дѣпра, вслѣдствіе возникшихъ тамъ усобиць, подпала снова подъ власть поляковъ, но южнорусскій народъ не хотѣлъ оставаться подъ ненавистною для него властію и энергически возставалъ противъ ней, опираясь на помощь со стороны московскаго государства. Скоро однако московское правительство заключило перемиріе съ Польшою и формально, по договору уступило Польшѣ правобережную Украину. Покинутое своими покровителями тамошнее козачество металось, само не зная, что дѣлать, подпадало подъ управленіе разныхъ своихъ-же гетмановъ, спорившихъ между собою за власть, отдавалось даже турецкому султану, лишь-бы не быть подъ властію поляковъ, и тогда южно-русскій народъ, спасаясь отъ ужасовъ, раздиравшихъ его отечество, сталъ толпами убѣгать за Дѣпръ и селиться на земляхъ, принадлежавшихъ московскому государству. Такимъ образомъ заселялась слободская Украина, а правобережная Украина все пустѣла и пустѣла и наконецъ совершенно опустѣла. Остались южнорусскіе жители въ такъ называемой Полѣсѣ, на Волыни и въ сѣверной части Подоліи, да въ Червоной Руси, состоя подъ властію Польши, находясь въ зависимости, иные же и въ полношъ порабощеніи у польскаго шляхетства. Край, лежавшій къ востоку отъ этихъ странъ, собственно Украина козацкая, занимавшая пространство значительной части нынѣшнихъ губерній кievской и подольской, сдѣлался почти безлюдною пустынею.

Но не долго приходилось этому краю оставаться въ такомъ состояніи. Уже въ концѣ XVIII вѣка возникло у малорускаго народа стремленіе населять эту пустыню, хотя еще недавно покинутую своими прежними обитателями, но все-таки снова приманивавшую къ себѣ и плодородіемъ своей почвы и благодатнымъ климатомъ и раздольнымъ привольемъ. Русское правительство сдерживало побѣги народа какъ изъ лѣвобережной Украины, такъ и изъ Слободской. Однако правобережная Украина годъ отъ году все болѣе и болѣе заселялась пришельцами изъ этихъ странъ. Новосельцы являлись туда съ унаслѣдованною отъ отцовъ и дѣдовъ неприязнью къ польскому шляхетству, а попытки поляковъ распространить на нихъ свою власть и водворить между ними прежніе порядки привели къ кровавымъ столкновеніямъ. Вспыхнуло возстаніе южно-русскаго простонародія противъ польскаго шляхетства не только въ Украинѣ, заселявшейся вновь, но и въ тѣхъ краяхъ, гдѣ оно не переставало пребывать подъ шляхетскою властію. Возстаніе это вызвано было появленіемъ кзачества, недавно возродившагося, разгорѣлось въ 1702 году, было укрошено свирѣпыми мѣрами, но не было погашено совершенно. Въ 1711 году Украина козацкая, находившаяся въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи, какъ-бы въ чересполосномъ владѣніи Россіи и Польши, населенная козаками, которые по своему званію подчинялись регименту малороссійскаго гетмана лѣвобережной Украины, была окончательно уступлена отъ царя Петра Польшѣ. Всѣхъ тамошнихъ козацкихъ старшинамъ и рядовымъ козакамъ дозволялось съ

своими семьями и движимыми имуществом переселяться на лѣвый берег Днѣпра и каждому, по своему желанію, водворяться въ какомъ-нибудь изъ козацкихъ полковъ лѣвобережной гетманщины или въ какихъ-нибудь иныхъ краяхъ, находящихся подъ властію царской державы (Арх. юго-зап. Росс. Ч. III, т. I, 757). Тогда козачество совершенно уничтожилось въ правобережной Украинѣ, возвращенной русскимъ государемъ польской Рѣчи Посполитой. Нѣкоторые изъ тамошнихъ козаковъ воспользовались дарованнымъ дозволеніемъ и переселились въ царскія владѣнія; другіе остались на мѣстахъ прежняго жительства и подпали подъ власть шляхетства, начавшаго тотчасъ-же утверждать свое господство въ новоприобрѣтенномъ краѣ.

Польскіе паны въ Украинѣ захватили пустыя земли; для веденія хозяйства имъ нужна была рабочая сила, и они стали зазывать къ себѣ насельниковъ, привлекая обѣщаніями льготъ и разныхъ выгодъ. Украина стала тогда заселяться снова еще разъ и все людьми того-же южно-русскаго происхожденія, къ которому принадлежали и прежніе жители этого края. Новосельцы приходили на селитву, привлекаемые панскими обѣщаніями, но съ тайнымъ недоувѣріемъ къ этимъ обѣщаніямъ и съ неприязнью въ сердцѣ къ польскому шляхетству. Такое недоувѣріе съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени осталось типичною чертою южно-русскихъ поселянъ того края. Не могла скоро испариться неприязнь къ панамъ-ляхамъ, напротивъ она стала еще развиваться, потому что польскіе паны не оставили прежняго способа обращенія съ подвластнымъ южно-русскимъ народомъ, отдавая его въ волю арендаторамъ доходовъ своихъ, а эти арендаторы были обыкновенно іуден. Не покинули паны и своего завѣтнаго католическаго фанатизма и стали по старому пытаться вводить въ народъ унию. И вотъ—опять открылась борьба южно-русскаго простонародія съ польскимъ шляхетствомъ. Борьба эта явилась теперь въ новой формѣ. Эта форма была—гайдамачество. Оно, по характеру и приемамъ своей дѣятельности, походило на прежнее козачество, но отлячалось отъ него отсутствіемъ сословной солидарности. Сначала гайдамачество дало себя знать въ краяхъ волинскомъ и подольскомъ еще до передачи отъ царя Петра Украины Польшѣ: оно было тогда непосредственнымъ продолженіемъ неугашеннаго возстанія 1702 года. Не переставали возникать ватаги «своевольныхъ гультаевъ», составившіяся изъ поработенныхъ шляхетству поселянъ, къ которымъ приставали мѣщане и всякіе пришельцы, между прочимъ даже и люди шляхетскаго происхожденія. Въ польскомъ обществѣ почти всегда господствовало нестроеніе и происходили явленія своевольства. Не рѣдко обыватель шляхтичь, поссорившись съ своимъ сосѣдомъ обывателемъ, такимъ-же шляхтичемъ, вмѣсто того, чтобъ начать противъ него судебный искъ, нападалъ на его имѣніе съ ватагою, составленною изъ своихъ и чужихъ крестьянъ и разныхъ «гультаевъ». При такихъ наѣздахъ происходили всякія безчинства и разоренія. То было въ шляхетскихъ нравахъ. Въ сохранившихся уголовныхъ дѣлахъ о гайдамакахъ зачастую попадаются имена лицъ «уражонныхъ».

т. е. дичь шляхетскаго происхожденія въ качествѣ участниковъ и не рѣдко предводителей гайдамацкой ватаги. Такимъ образомъ шляхетство своими обычными наѣздами другъ на друга, само приучало подвластныхъ ему кляновъ къ самовольству и собственнымъ примѣромъ дало имъ повадку расправляться и за себя путемъ насилия, а не путемъ закона, который въ Польшѣ вообще былъ малосиленъ.

Съ утвержденіемъ шляхетскаго господства въ бывшей козацкой Украинѣ, получившей прежде административное наименованіе кievскаго воеводства, и въ этомъ край распространилось гайдамачество и тамъ нашло оно свой главный центръ. Польскіе историки придаютъ ему разбойничій характеръ. Оно и должно было имѣть его, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Гайдамаки были люди, недовольные тогдашнимъ общественнымъ порядкомъ; ихъ преслѣдовали власти, и они по необходимости должны были скрываться въ дѣсахъ и не быть разборчивыми въ добываніи способовъ къ своему существованію, по крайней мѣрѣ, пока не приобретутъ къ себѣ и къ своимъ дѣламъ сочувствія ее единовѣрныхъ и единоплеменныхъ обывателей страны. Но послѣднее случилось скоро, благодаря накопившейся все болѣе и болѣе враждѣ простонародія къ шляхетству. Число гайдамаковъ увеличивалось въ южно-русскихъ краяхъ, подвластныхъ Польшѣ, умножались ихъ шайки болѣею частью панскими подданными, и мѣры къ ихъ истребленію для польскаго шляхетства становились все болѣе и болѣе затруднительными. По сосѣдству съ Украиною, на югъ отъ нея, находилось Запорожье, край населенный воинственнымъ братствомъ того-же южно-русскаго племени, всегда готовымъ откликнуться къ народнымъ страданіямъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ и подать имъ помощь. Запорожцы приходили въ прямое и непосредственное общеніе съ гайдамаками, наполняли собою ихъ ватаги и являлись часто предводителями и устроителями этихъ ватагъ, какъ люди болѣе опытные и искусные въ войсковомъ дѣлѣ. Борьба шляхетства съ гайдамачествомъ готовилась превратиться въ открытую борьбу двухъ національностей: польской поработительной и поработенной южно-русской, искавшей себѣ освобожденія. Въ Украинѣ правой стороны Днѣпра зачиналось снова возрожденіе дважды убитаго козачества. Эпоха этой борьбы изображена въ изданныхъ кievскою археографическою комиссіею документахъ подъ редакціею профессора В. Б. Антоновича (Арх. югоз. Росс. ч. III. Т. II).

«Гайдамачество», говоритъ достопочтенный профессоръ въ предисловіи къ изданнымъ документамъ, — «сдѣлалось какъ-бы нормальнымъ явленіемъ въ быту юго-западнаго края: крестьянское населеніе свыкалось съ нимъ все болѣе и болѣе; количество крестьянъ, поступавшихъ или состоявшихъ въ связи съ нимъ, постоянно увеличивалось; становилось очевиднымъ, что гайдамацкое движеніе раньше или позже должно охватить массу народонаселенія, если не измѣнится порядокъ общественнаго строя. Такая минута, казалось, пришла было въ 1750 году и только, благодаря несвязности и разрозненности дѣяній гайдамацкихъ отрядовъ и отсутствію сколько-нибудь ясной постановки или вопроса, удалось шляхетству на этотъ разъ предот-

вратить катастрофу тѣмъ экстремными мѣрами, какія были приняты военными начальниками, шляхетскими сеймиками и особенно, по просьбѣ послѣднихъ, русскими пограничными властями (*ibid.* стр. 124). Тогда весь юго-западный край былъ покрытъ многочисленными гайдамацкими отрядами, разбѣгавшимися во всѣхъ направленіяхъ и наводившими повсемѣстно трепетъ на дворянъ; послѣдніе должны были прекратить свои обычные занятія; они не могли вести хозяйства и не получали дохода съ имѣній, изъ которыхъ крестьяне или ушли къ гайдамакамъ или могли призвать послѣднихъ, если-бы помѣщикъ сталъ настоятельно взыскивать панщину, они должны были отказаться отъ веденія судебныхъ дѣлъ, такъ какъ пробѣжать въ «городъ» было не безопасно, да и самые города, гдѣ помѣщались городскіе суды, подвергались нападеніямъ. Въ такомъ положеніи гайдамачество продолжало находиться еще въ теченіи восемнадцати лѣтъ, и наконецъ, въ 1768 году, благодаря выгодно-сложившимся политическимъ обстоятельствамъ того времени, разразилась страшною катастрофою, носящею имя «Колішвины» (*ibid.* стр. 126—127, 128).

Нѣсколько лѣтъ уже мы ожидаемъ выхода въ свѣтъ новаго тома актовъ о гайдамакахъ, который должна издать кievская археографическая комиссія. Этотъ второй томъ будетъ заключать документы, относящіеся къ 1768 году, къ эпохѣ уманской рѣзни. Въ чаяніи появленія этого желаннаго изданія не будемъ, надѣемся, излишнимъ, напечатаніе четырнадцати документовъ, касающихся означенной эпохи. Документы эти доставлены намъ отъ г. Поля, екатеринославскаго обывателя, извѣстнаго въ своемъ краѣ знатока мѣстной старины, чрезъ посредство А. Л. Боровиковскаго, которымъ обаянъ считаю долгомъ принести мою признательность за любезное и обязательное вниманіе. Кромѣ одного польскаго письма съ русскимъ переводомъ, сдѣланнымъ въ то время (№ 1), гдѣ убѣжавшій отъ уманскаго погрома полякъ описываетъ близкую къ себѣ трагедію въ своеобразныхъ чертахъ, нѣкоторые изъ помѣщаемыхъ здѣсь документовъ относятся къ личности Неживого, одного изъ предводителей гайдамацкихъ ватагъ, до сихъ поръ извѣстнаго только по голому имени. Этотъ Неживый самъ лично не участвовалъ въ уманской рѣзнѣ съ Желѣзнякомъ и Гонтою, но расправлялся съ поляками и іудеями въ другихъ жилихъ мѣстностяхъ правобережной Украины, между прочимъ въ Мошнахъ, Каневѣ, Медвѣдовкѣ и получилъ отъ обывателей этихъ городковъ свидѣтельства на письмѣ о томъ, что онъ не причинилъ никому изъ нихъ никакого оскорбленія, а по ихъ желанію освобождалъ ихъ отъ поляковъ и іудеевъ, дѣлавшимъ имъ обиды. Неживый сносился съ начальниками командъ войска русской императрицы, разставленныхъ въ пограничныхъ форпостахъ, излагалъ имъ въ своихъ отпискахъ причины, принудившія его взяться за оружіе, и прилагалъ при своихъ отпискахъ выданныя ему свидѣтельства украинскихъ обывателей (№№ 2. 3. 4. 89).

И онъ самъ и тѣ земляки его, что давали ему свидѣтельства, изъявляли желаніе вѣрно служить императрицѣ всероссійской. Но потомъ Неживый, не оставши въ Крыловѣ ни одного человѣка изъ поляковъ и іудеевъ и узнавши, что

всѣ они оттуда убѣжали подъ защиту русскихъ войскъ, стали этияъ недовольныя и домогались выдачи своихъ жертвъ (№ 5). 18 іюня Неживый съ своєю ватагою взяли мѣстечко Палѣво-Озеро, перебилъ тамъ захваченныхъ враговъ, но нѣкоторые успѣли заранѣе убѣжать въ турецкій городокъ Балту. Неживый послалъ къ тамошнему каймакану просьбу о выдачѣ бѣглецовъ. Но турки не только не выдали ихъ, а еще послали военную силу и сожгли Палѣво-Озеро, откуда гайдамаки тѣмъ временемъ выступили. (№ 7) Неживый овладѣлъ турецкою слободою Голтою близъ Балты, гдѣ также расправился по гайдамацки съ поляками и іудеями, какихъ успѣлъ тамъ застать (№ 6), а 26 іюня онъ былъ въ Крыловѣ, откуда послалъ къ одному изъ русскихъ командировъ, педиолковнику Хорвату, просьбу о выдачѣ бѣглецовъ, обреченныхъ на гибель народнымъ мщеніемъ и изъявляя желаніе лично объясниться съ русскими военными начальствомъ. По этому поводу произошло свиданіе Неживого съ высланнымъ для этой цѣли русской службой офицеромъ, поручикомъ кн. Мавеловымъ. Оно происходило на «греблѣ» (плотинѣ) по указанію Неживого. На всѣ представленія гайдамацкаго предводителя русской офицеръ на отрѣзъ объявилъ, что невозможно выдавать бѣглецовъ, которые явились искать защиты (№ 10). Неживый съ своимъ отрядомъ удалился изъ Крылова, установивши тамъ козацкій порядокъ и назначивши атамана, какъ это дѣлалось во всѣхъ жилыхъ мѣстностяхъ, приставшихъ къ гайдамацкому возстанію. Отъѣзжая Неживый объявилъ атаману и всѣмъ крыловскимъ обывателямъ, чтобъ они, въ случаѣ нужды, обращались съ просьбою о защитѣ къ русскому войску, увѣряя, что въ скоромъ времени всѣ тамошнія мѣста будутъ принадлежать российской, а не польской державѣ и всѣ они должны считать себя российскими, а не польскими обывателями (ibid). Но въ іюлѣ получены были отъ верховной власти (вѣроятно послѣ манифеста императрицы отъ 9 іюля, напечатаннаго въ майской книжкѣ «Кіевской Старины») предписанія о преслѣдованіи гайдамаковъ, и кіевскій генераль-губернаторъ Воейковъ разсылалъ подначальнымъ командирамъ соответствующіе приказы (№№ 11. 12). Изъ елисаветградской провинці отправлены были въ погоню за гайдамаками отряды гусарскихъ пикинерныхъ и компанейскихъ командъ, и призвано было объявить всѣмъ польскимъ шляхтичамъ, укрывшимся отъ погрома въ елисаветградской провинціи, что они могутъ спокойно пребывать въ русскихъ владѣніяхъ подъ высочайшею защитою до совершеннаго истребленія гайдамаковъ и до возстановленія порядка въ ихъ отечествѣ, когда возможно будетъ имъ безопасно возвратиться въ свои жилища. Но такая-же милость оказана была и польскимъ козакамъ, которые изъявляли желаніе переселиться въ русскія владѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что не хотятъ быть въ согласіи съ барскою конфедераціею, а такое несогласіе выставлялось побудительною причиною и у гайдамаковъ къ возстанію противъ польскихъ властей. Имъ дозволялось по желанію переходить въ Россію и селиться тамъ съ своими семьями, устроиваясь слободами, по указанію начальства. Первый приѣзръ показалъ прибывшій въ Кременчугъ еще въ апрѣлѣ 1768 года

мозацкій атаманъ Сухина съ шестидесятью двумя человѣками, прибѣгнувшій подъ высочайшій покровъ ея императорскаго величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ (№ 13). За тѣмъ всѣхъ пойманныхъ гайдамаковъ, оказавшихся подданными русской императрицы, преимущественно изъ запорожцевъ, доставленныхъ въ елисаветградскую провинцію и особенно въ Кременчугъ, приказано было судить и за доказанное сопротивленіе оружію ея императорскаго величества, а равно за разнообразныя варварства, совершенныя ими въ Польшѣ, приговорить къ смертной казни, но предъ самымъ исполненіемъ ея взнѣнить въ тѣлесное наказаніе кнутомъ съ наложеніемъ клеймъ и съ вырваніемъ поздравой, послѣ чего отправить въ ссылку въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы (№ 13) ¹⁾.

Последній изъ печатаемыхъ здѣсь документовъ — секретное письмо Воейкова находившемуся въ Кременчугѣ бригадиру Черткову, отъ 14 декабря того-же года о препровожденіи изъ Сибѣлой содержавшихся тамъ русскихъ подданныхъ, бывшихъ въ числѣ гайдамаковъ, а между ними оказывается поручикъ черного гусарскаго полка Станкевичъ. Неизвѣстно, было-ли это единичное явленіе, когда русскій офицеръ участвовалъ въ возстаніи южно-русскаго народа противъ польскаго шляхетства, или можетъ быть это былъ одинъ изъ немагаго числа такихъ.

Н. Ностомаровъ.

С.-Пб. Май.

№ 1.

Письмо пана Якова Кузажевича къ русскому полковнику Чорбѣ, съ описаніемъ уманской рѣзни 1768 года ²⁾.

Съ величайшимъ почтеніемъ получилъ я письмо вашего высочородства ко мнѣ и вмѣстѣ съ нимъ и приказъ къ его благородію г. поручику Мацкову на счетъ помѣщенія и безопасности въ Архангродѣ, за что и повергаю къ ногамъ его благодарность. Теперь же, пока самъ буду въ возможности пасть къ ногамъ вашей вельможности, ужасное, неслыхавое и никогда не практикованное (неслучавшееся) дѣлаю донесеніе, что гайдамаки числомъ въ нѣсколько сотъ, соединившись съ крѣпостными уманскими и воза-

¹⁾ Вотъ неограниченное опроверженіе польскими писателями, клеветующими на Екатерину II, будто она не наказывала своихъ подданныхъ, участвовавшихъ въ гайдамакомъ возстаніи 1768 года, а я имъ даже и награждала.

²⁾ Подлинное письмо на польскомъ языкѣ, но при немъ современный переводъ на русскій языкъ, сдѣланный по полученнмъ письма. Мы печатаемъ одинъ лишь переводъ, найдя оный вполне сходнымъ съ подлинникомъ.

ками тамошними, т. е. съ сотникомъ Контенкомъ и Уласенкомъ тожь сотникомъ и другими ватагами уманскими, которые измѣнили присягъ въ вѣрности къ высокородному благодѣтелю своему, штурмомъ взяли Умань, гдѣ собравшихся съ разныхъ сторонъ для безопасности дворянства съ имуществомъ, женами дѣтьми около пяти тысячъ я болѣе и жидовъ тоже со всѣмъ имуществомъ, женами и дѣтьми болѣе семи тысячъ всѣхъ безъ малѣйшаго исключенія дня 21 іюня по римскокатолическому календарю текущаго года до ноги вырѣзали и между ними губернатора Младановича, подскарбія Рогашевскаго, для заключенія договоровъ на счетъ имѣній отъ его высокородія пана воеводы нашего высланнаго, съ женами и дѣтьми, а равнымъ образомъ и есецзовъ какъ литинскаго обряда, такъ и отцовъ базилианъ съ прихода тамошняго и монастыря Маньковецкаго варварски поумерщвляли и повѣшали. Кромѣ того, въ костелѣ и часовнѣ отцовъ базилиановъ олтари и образа попрокидывали, стрѣляли, списами (пиками) кололи, пресвятныя тайны на землю съ дарохранительницы (сymbogium) выбросили, топтали, обезчещивали, образъ самаго Спасителя, изображеннаго на крестѣ, списами кололи, стрѣляли и, наконецъ, за голову повѣсили; у распятіи головки пообрывали и велѣли женщинамъ эти головки Христовы грудью кормить. Вообще трудно описать, вспомнить ужасно, какія оскверненія изображеніямъ самаго Бога дѣлали, чего бы даже и бусурмане не дѣлали. Цѣлый городъ и предмѣстье покрыли трупами. Я только съ погранича до Арханграда, а другой высокородный полковникъ Обухъ съ частію семейства, и то отдѣльно, съ помощію Божіею, спаслись бѣгствомъ. Буть возрастая въ силѣ, все дальше въ польскій край подвигается и умножается, и до того доходитъ этотъ край злополучія, что свои на своихъ нападая погибають взаимно, и гдѣ былъ только дворянинъ или полякъ или жидъ, вездѣ своимъ коварнымъ шпионствомъ разузнали и погубили. Мы только съ женами находимся здѣсь въ Арханградѣ и отсюда желаемъ отправиться въ Елисаветъ, Кременчугъ и Кіевъ для снисканія покровительства (защиты) имѣніямъ его вельможности нашего благодѣтеля. Сообщая(ю) при этомъ ужасныя продѣлки Максима Желѣзняка, Войска Низоваго запорожца, который успѣлъ распустилъ множество своихъ, воззваній и прокламацій во всей Уманщинѣ, а также Ивана Контенка и Пантелеймона Уласенка, уманскихъ сотниковъ. Желая этимъ просить великодушнаго покровительства и помощи, дабы отвратить совершенное разореніе имуществомъ

вельможнаго пана и благодѣтеля нашего, не имѣю никакой возможности извѣстить васъ о семъ, ибо эти злодѣи напоили край и всѣ дороги позанимали, развѣ чрезъ Кіевъ, пользуясь покровительствомъ г. генералъ-аншефа, генералъ-губернатора кіевскаго, къ которому дѣлаемъ особенное донесеніе, всепокорнѣйше прося, чтобъ это письмо, приложенное къ оному донесенію, дошло вскорости рукъ вашихъ въ Кіевъ. А при семъ прилагаемъ еще всепокорнѣйшую просьбу къ вашей милости, чтобы особымъ указомъ г-дамъ пограничнымъ коммандантамъ русскимъ приказано было дѣлать розыскъ деньгамъ, серебру и другимъ вещамъ, таскаемымъ въ тѣ стороны, и чтобы вещи тѣ оставались при командахъ до дальнѣйшаго распорядженія вашего, котораго великодушію и покровительству препоручаясь, имѣю честь писаться

Вашей вельможности, милостиваго государя, низжайшій слуга
Яковъ Кузалкевичъ.

11 іюля 1768 г.

Арханградъ ¹⁾).

№ 2.

Письмо запорожскаго атамана, уманскаго куреня, Семена Неживого къ цусарскаго полка командиру Федору Чорбъ, 21 іюня 1768 г.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ полковникъ, правящій командою, нашъ всегдашній благодѣтель.

Поневажъ въ польской области показалось немалое разореніе, яко и въ староствѣ чигиринскомъ отъ году 1766-го отъ уніать, которые уніаты народу христіанскому великіе бѣды и разоренія дѣлали, при томъ-же разореніи, священникомъ благочестивыхъ словивши, головы, бороды и усы обстригали и тиранско мучили не токмо священникамъ и монахомъ тое дѣлали, но и народу христіанскому, и еще войско конфедерацное, въ Украину спровадивши, хотѣли народъ христіанскій мучити, яко в городѣ Каневѣ отъ козакъ отобравши ружья хотѣли (ихъ) смертію казнить. Я Семень Неживый, атаманъ курѣнный уманскій, выдачи кривду народа православнаго, собравши козаковъ, вооружился и тѣхъ

¹⁾ Нынѣ посадъ херсонской губерніи на рѣкѣ Синюхѣ, на савой границѣ кіевской и херсонской губерніи, иначе называемой Архангельскъ. Въ XVIII столѣтіи тамъ находилось русское пограничное укрѣпленіе.

конфедератомъ зъ Украины отогналъ, а нѣкоторыхъ ляховъ и жидовъ смерти предалъ. Теперича содержуся въ Медвѣдовцѣ со всею своею командою и ожидаю отъ вашего высекородія милостивой резолюціи: что мнѣ впредь поступать; повезажь со всею своею командою народу христіанскому никакаѣй обиды не дѣлалъ и которые города доставалъ, и тѣ города подписалися, при которомъ писемъ до вашего высекородія для разсмотрѣнія и предоставляю.

В. в-дія покорный слуга, атаманъ курѣня уманскаго Семень Неживый со всемъ своимъ товариствомъ.

Іюня 21 дня, 1768 г. зъ Медведовки.

№ 3.

Свидѣтельство отъ мошенцевъ.

Благородному и достопочтенному г-ну атаману курѣня уманскаго войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ мошенскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ г-на атамана Семена Неживого в мѣстечко Мошна наши мѣщане мошенскіе, видя свою крайнюю нужду и отягощеніе отъ ляховъ, такъ и отъ войсковыхъ, яко тежъ и отъ губернатора мошенскаго Подгородецкаго, который то Подгородецкій много людямъ мошенскимъ разныхъ обидъ делалъ не толко свецкому народу, но и духовному чину за благочестіе: людей свецкихъ до полусмерти кіями забивали, униатамъ гонителямъ великую протекцію давалъ во всемъ, что наши священники мошенскіе, которые до благочестія пристали, всюды гонимы были, по дѣсахъ и по разныхъ мѣстахъ укрывалися; сверхъ-же того той-же губернаторъ на нашу громаду великое страхованіе наносивъ и за подлинно мнилъ на насъ конфедерацію спровадити изъ ляховъ, чтобъ зъ насъ христіанъ ни одной души в живыхъ не осталось, все то г-ну атаману Семену Неживому представляли. И ежели-бъ мы смерти нечаянной отъ поляковъ не убѣгли, и близко тое уже к намъ приходило. Чтоже г-нъ Семень Неживый атаманъ бытностию его в Мошнахъ и зъ воинствомъ людямъ нашимъ мошенскимъ ни меньшей кривды не учинилъ, совестію о томъ свидѣтельствуемъ и какое подписуемъ, неграмотные бывши, крестами. Атаманъ городовый мошенскій Василь Кирченко, Иванъ Бабичъ, Марко Гречула, Иванъ Левченко, Антонъ Швець, Данило Яршовъ, Петро Высочинъ, Максимъ Птиченко, Иванъ Каля, Моисей Моргуны, Андр. Дуда,

Грицко Слюсарь, Никола Сусанко, Корнѣй Костаченко, Иванъ Гречуха, Оесько Гречуха, Иванъ Яцына, Максимъ Швець, Федоръ Прулевъ (послѣ каждаго значекъ ☉).

Къ сему и дѣлая громада мошенская.

Дано сіе свидѣтельство в мѣстечкѣ Мошнахъ іюня 15, 1768 г.

№ 4.

Свидѣтельство каневскихъ мѣщанъ и козаковъ.

Благородному господину атаману курѣня уманского, войска запорожскаго Семену Неживому отъ мѣщанъ и козаковъ каневскихъ.

За прибытіемъ къ намъ зъ войскомъ до Канева, которому наши козаки каневскіе, видя свою нужду и ближнюю смерть и прочихъ христіанъ, доносили ему атаману, чтобы посланнаго отъ нихъ съ таковымъ резономъ, что господа наши каневскіе въ замку обрѣтающіися совѣтовали между собою не премѣнять никакоже намѣреннаго дѣла: оныхъ козаковъ прежде атамановъ, потомъ рядовыхъ обрѣтающихся между собою, отобравши оружіе отъ нихъ, выгубити смертно. И съ тоей причины слышали отъ нѣкоторыхъ таковую нечаянную смерть не токмо на себе, но и на прочихъ христіанъ; оные каневскіе козаки и просили вышепомянутаго атамана войска запорожскаго, но токмо слышали объ ономъ войску зъ нѣсколько недѣль. То вышепомянутый атаманъ посылалъ до замку три раза команды своей зъ писаніемъ козака, дабы оные господа каневскіе не опасовалися никакова разоренія отъ нихъ, но только посовѣтовать между собою желалъ. На то отвѣтствовали, что они—готовы до битвы.

И по тѣмъ тремъ посылкамъ видя ихъ противныхъ, приказалъ атаманъ дворъ поручиковъ согласно съ командою своею пустой запалить, отъ котораго то и замокъ загорѣлся, и въ то время господа каневскіе съ войскомъ польскимъ и козаками каневскими зъ дворовъ уступили; по выходѣ же зъ замку козаки отъ поляковъ отлучились и прилучились къ командѣ вышепомянутаго атамана и были при командѣ его. Той же вышепомянутый атаманъ, будучи въ городѣ нашемъ Каневѣ, жителямъ здешнимъ каневскимъ никакой обиды не дѣлалъ, но токмо и то по возможности своей отъ мѣщанъ каневскихъ что имѣлъ, тѣмъ войсковыхъ козаковъ кормилъ и грабительства христіанамъ никакова не дѣлалъ; въ томъ мы ему атаману вышепомянутому войска запорожскаго

козаки и мѣщане каневскіе даемо квітацію съ подписаніемъ рукъ нашихъ во свидѣтельство.

Въ Каневѣ іюня 12 дня року Божія 1768. Яко же неумѣнне писанію крестъ святий саморучно полагаемъ.

Лесю Сало атаманъ козацкій ⊕

Алексѣй Галушка атаманъ, ⊕

Иванъ Пи аной атаманъ ⊕

Ив. Секанъ атаманъ ⊕

И всѣ городовые козаки

Мѣщане: Василь Куссейко, атаманъ городовый ⊕

Яковъ Серенко, Семень Ковальскій цехмистръ, Прокопъ Лабаренко, Тимошанъ Крамарь. Послѣ каждаго имени слѣдуетъ знакъ ⊕

№ 5.

Письмо атамана запорожскаго Неживого къ подполковнику Хорвату, въ которомъ жалуется, что русскія военныя власти принимаютъ и укрываютъ поляковъ и жидовъ отъ козацкой расправы.

Высокородный и достойный почтени господинъ подполковникъ Ив. Хорвате, нашъ всегдашній благодѣтель.

Случилось намъ съ командою пріѣхать въ Крыловъ полской, толко не имѣемъ себѣ того счастья, что не застали а ни единого поляка, такжежъ и жида. Поневажъ пребралися всѣ подъ вашу команду въ границу російскую, и не знаемъ съ какой причины ваше высокородіе онымъ погано-невѣрнымъ врагамъ и непріятелямъ Ея Императорскому Величеству, также жъ и правовѣрнымъ христіанамъ принимаете; понеже оные проклятые жидове весь народъ христіанскій своимъ поганствомъ скверняютъ, то хйба Вашему высокородію великое награжденіе зделали, что оныхъ принимаете? за что? Просимъ отъ оныхъ все имущество отобрати и на сю сторону къ намъ выдать хоча и сонныхъ. Понежавши (? ¹⁾) не за имущества втруждаемся, только абы вѣра христіанская отъ насъ ²⁾ не была большъ скверненная и чтобъ не было враговъ на государство, также жъ и на правовѣрныхъ христіанъ. А ежели ваше высокородіе не исполните ³⁾ нашего

¹⁾ Вѣроятно ошибка переписчика—вмѣсто: „поневажъ“.

²⁾ Можетъ быть описка: надобно было-бы —„отъ нихъ“, такъ по смыслу рѣчи.

³⁾ Вмѣсть можетъ и здѣсь переписчикъ описался вмѣсто: не извольте.

прошенія здѣлать, то просимъ всепокорнѣйше, абы вволили насъ ¹⁾ къ намъ утрудиться хоча и на половину гребли для совѣту съ нами. Притомъ вланимся вашему высокоородію хлѣбомъ и солью; и мы не пріѣхали, чтобъ на воеводство къ вамъ, только за своимъ интересомъ, что намъ повелѣно дѣлать и притомъ востаемса:

Вашему высокоородію доброжелательные слуги

Семень Неживый атаманъ,
Василь сотникъ съ товариствомъ.

№ 6.

Репортъ премьеръ майора Вульфа правившему въ крѣпости св. Елисаветы за коменданта Христіану Григорьевичу Корфу о гайдамацкомъ набѣгѣ на слободу Голту и о преслѣдованіи гайдамаками поляковъ и жидовъ.

Вчерашняго, то-есть 24 числа, въ третьемъ часу съ полдня, пріѣхавъ до девятнадцати человекъ запорожскихъ козаковъ въ ханскую слободу Голту, прислали двухъ человекъ своихъ къ тамошнему каймакану съ требованіемъ, чтобъ онъ выслалъ съ Голты укрывшихся туда поляковъ и польскихъ жидовъ. И какъ онъ каймаканъ выслать не похотѣлъ, то они запорожцы, прибѣжавъ туда, учинили тамошнимъ жидамъ грабительство и разореніе, и находящихся тамъ во укрывательствѣ двухъ польскихъ шляхтичей и до семи жидовъ польскихъ же до смерти закололи, а нѣсколько жидовъ, убѣгая ихъ запорожцевъ нападенія, хотя переплыть чрезъ рѣку Бугъ на здѣшнюю сторону для укывательства, утонуло. Тожъ и сего числа въ десятомъ часу дня, во оную слободу Голту прибѣжавъ, нѣсколько изъ тѣхъ запорожцевъ человекъ, убили до смерти трехъ голтянскихъ жидовъ, а нѣкоторыхъ до полусмерти прибили, и имущество ихъ грабили. Почему я и голтянскій каймаканъ, опасаясь ихъ запорожцевъ, перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орель, объявилъ мнѣ, что де посланный отъ него каймакана въ запорожскій гардъ Бегилей, возвращаясь оттуда, обратно, видѣлъ, что запорожской команды на запорожскій гардъ перешло того же 24.

¹⁾ Въ спискѣ, бывшемъ у насъ, это слово поставлено въ скобкахъ. Смыслъ дальнѣйшей рѣчи тотъ, что атаманъ Семень Неживый проситъ вѣхать къ нему на среднюю плотину, за которою на другомъ берегу онъ стоялъ съ козаками, для совѣщанія.

числа пѣшихъ до тридцати, а конныхъ до двадцати человекъ, и состоятъ въ урочищѣ Романовой, разстояніемъ отъ Голты за пятнадцать верстъ, да переѣхавшіе съ ханской стороны на здѣшній орловскій форпостъ чумаки объявили, что вчерашняго жъ 24 числа видѣли на степи, въ ханской сторонѣ, близъ Гарду, до полтораста человекъ запорожской команды пѣшей, а запорожскій гардовой писарь Быстрицкій, будучи у меня сего числа по его надобности объявилъ, что де на запорожскій Гардъ никакой команды не переходило на ханскую сторону, томе и состоящей въ Гарду запорожскій команды ни единъ де человекъ нигуда не отлучался, а чаеть только де та команда изъ числа находящейся въ Умани запорожской же команды; нѣкоторые же изъ перешедшихъ на здѣшнюю сторону въ слободу Орель изъ оной слободы Голты объявили, что де онѣ будучи во оной слободѣ Голтѣ слышали, что за Кодымой на ханской сторонѣ верстъ въ четыре собирается татарское войско, а для чего—неизвѣстно, о чемъ вашему высокородію рапортъ, и ежели паче чаянія тѣ запорожцы и отсель укрывшихся на здѣшной сторонѣ поляковъ и жидовъ о выдачѣ ему требовать станутъ, какъ въ томъ повелѣно будетъ, прошу вашего высокородія снабдить резолюцію.

Премьеръ-майоръ Владимиръ Вульсъ.

25 іюня
1768 года.

№ 7.

Показанія купцовъ о нападеніи запорожцевъ и гайдамыковъ на Палево-Озеро, избіеніи тамъ поляковъ и жидовъ и о покушеніяхъ на турецкое мѣстечко Балту.

1768 года 21 іюня въ крѣпости св. Елисаветы купцы Александръ Солемянцевъ, Евфимъ Шапошниковъ и Тимоѣей Балашовъ сказкою показали: въ бытность де ихъ въ мѣстечкахъ ханскомъ Балтѣ и польскомъ Паліевомъ-Озерѣ для торговаго промысла видѣли, что сегодня 18 числа пріѣхавъ во оное польское мѣстечко Паліево Озеро команда до трехсотъ человекъ, которые себя называли запорожцами, бывшихъ тамо поляковъ и жидовъ пиками покололи и имущества ихъ забрали, а потомъ съ оной команды послано двухъ человекъ во оное ханское мѣстечко Балту къ турецкому воеводѣ Якубу Агъ съ прошеніемъ, чтобъ онъ укрывшихся туда поляковъ и жидовъ съ онаго мѣстечка на польскую

сторону выгналъ и чтобъ оной командѣ никакой обиды отъ стороны турецкой не было. Однажъ онъ воевода трехъ нерешедшихъ туда для укрывательства поляковъ и жидовъ не выгналъ оттуда, и того-жъ числа оная команда, убоясь яко бы турковъ, съ онаго польскаго мѣстечка Палѣва-Озера выѣхала и не въ отдаленности отъ онаго мѣстечка стала; что усмотря турки, считая ихъ за гайдамаковъ, переѣхавъ на польскую сторону съ тѣмъ, чтобы ихъ ловить, оное польское мѣстечко Палѣво Озеро зажгли и; напавши того мѣстечка на купцовъ и прочихъ тамошнихъ жителей, начали рубить, считая ихъ за бунтовщиковъ, будто яко бы они той команды поддались, и потомъ побѣжали было за оною командою въ поговъ, однажъ убоясь оной, возвратились въ мѣстечко Балту. Тожъ оная команда въ оному польскому мѣстечку возвратились; на которую команду тѣ турки съ ихъ сторонъ до полдня съ ружья пали убили двухъ человекъ, тожъ одного грека в троихъ нелоховъ. Оная команда на ихъ турковъ не пала; а послѣ какъ пріѣхавъ еще конной до четырехсотъ человекъ при ихъ полковникѣ таковой-же команды,—а какъ онаго полковника зовуть и прозываютъ неизвестно—съ четырьмя пушками, то въ ту пору и оная команда начала на турецкую сторону съ пушекъ палить; и тогда турки и прочіе тамошніе жители, убоясь, побѣжали съ онаго мѣстечка Балты, за которыми большая часть оной команды въ поговъ побѣжала, и тамъ учинила сраженіе. А убито-ль кого на ономъ сраженіи или нѣтъ—неизвестно-жъ; а потомъ возвратились на польскую сторону, гдѣ оная команда до отъѣзду ихъ, купцовъ, отгуду находилась. Болѣе вышепоказаннаго они Соломянцовъ, Шапошниковъ и Балашовъ ничего не видѣли и не слышали и что въ томъ по самой справедливости показали, въ томъ и подписались на подлинномъ тако:

Крѣпости св. Елисаветы купецъ Александръ Соломянцевъ,
крѣпости св. Елисаветы купецъ Тимоѣей Балашовъ, а вмѣсто него
неграмотного по его прошенію подписался Евфимъ Шапошниковъ.

№ 8.

Письмо атамана Семена Неживого Чорбѣ отъ 30 іюня 1768 года.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ желтого гусарскаго полку полковникъ, высокомилоствивый вашъ государь и наособливѣшій патронъ!

Нарочный войска запорожскаго бывъ посланный козакъ Василей Таловъ для увѣдомленія, что бѣжавшіе гусары, забравши изъ собою казну и аммуницію, присягаютъ самовольству и конфедерациі польской и противъ вѣрно(сти) нашей всемилоствѣйшей ея императорскаго величества и всея Россіи много нападенія и разбойства делаютъ, намъ же будучи христіанамъ не хотя того оставить, только въ вѣрность Ея Императорскаго Величества, хотя и нынѣ, все товариство должны смертію страждать. Что-же приказъ отъ вашего высокородія и патрона словесный и письменный, дабы явиться къ Гаграганову (?) для разговоровъ, сего дня крайне не могу, но дня 1 іюля съ приставою вашихъ дезертировъ служить одолжаемся. Мы же вѣрные и всенайподданнѣйшіе Ея Императорскаго Величества просили вашего высокородія отъ нашего войска посланнаго Василья Бузка да жителя медведовскаго Давида войта приказать отпустить, дабы мы отъ вашего высокородія обиды не могли признать. Впрочемъ и отданный отъ насъ всего войска всенжайшій первый поклонъ зостаемся вашему высокородію, высокомиловитому государю и ванособливѣйшему патрону, всемижайшіе слуги Семень Неживый съ товариствомъ.

Іюня 30 дня 1769 г. зъ Медведовки.

№ 9.

Свидѣтельство медвѣдовцевъ.

Благородному и достойно почтенному атаману войскъ низовыхъ запорожскихъ Семену Неживому курени уманскаго отъ мѣщанъ и козаковъ медвѣдовскихъ.

Сего 1768 г. мѣсяца мая 18 числа въ полской области въ староствѣ чигринскомъ вездѣ по городахъ и селахъ великое разореніе народу показалось отъ поляковъ, то-есть отъ конфедератовъ, которые то, пріѣхавши въ Жаботинъ войска четыреста пятьдесятъ человекъ съ козаками и черезъ три дни стоячи, ходили пные по лѣсахъ и людей жаботинскихъ, которые побѣгали по лѣсахъ, ловили и, имущество отъ оныхъ отобравши, до полусмерти кіями забивали, и скота рогатого зъ города Жаботина немалое число забрали. Которые-жъ то конфедераты, враги и непріатели Ея Императорскому Величеству и Коронѣ польской, пріѣхавши сто человекъ у Медведовку и стали въ замку и заразъ отъ козаковъ и

клеяновъ (? ¹⁾) списы и оружья со всѣми припасами отобрали и, недовольны тѣмъ будучи, но еще хотѣли нашего пана полковника Квасковскаго взять съ собою до конфедераціи, но онъ ушелъ въ границу російскую. И неотмѣнное ихъ такое намѣреніе было, чтобъ пановъ и козаковъ съ собою забрать, а священниковъ греко-россійской православной вѣры и людей главныхъ и ктитореи мучити смертно за благочестіе, и чтобы привести всѣхъ до присяги и на вѣрность конфедераціи. Но мы всѣ правовѣрные христіане, не хотя своей присяги касовати благочестивой, но, вѣрными быть (хотя) Ея Императорскому Величеству, отъ ихъ конфедератовъ гордо (sic) бѣжали зъ домовъ своихъ по лѣсахъ, островахъ и на разныхъ мѣстахъ непристойныхъ скрывалися и чрезъ тое гоненіе не единъ въ домахъ имущество потерявъ. И какъ бы сей атаманъ отъ войска запорожскаго Семень Неживый, собравши команду козаковъ и вооруживши, оныхъ конфедератовъ зъ Украины (не) отогналъ, то бы оные поляки, чтобъ похотѣли; то тобъ и здѣлали съ нами. Понеже пановъ ²⁾ нашихъ и арендаровъ розогнали и не было за нами никакого обстоятеля; только сей атаманъ Семень Неживый сталъ за вѣру христіанскую и конфедератовъ отогналъ зъ Украины и явился съ командою у Медведовку, грабительства и обиды народу христіанскому не дѣлавъ нигдѣ, но еще великое спомоществованіе отъ своевольцевъ; и какъ бы не онъ у насъ содержался, то бы до сего времени великое кровопролитіе между народомъ было и имущества были бы отъ насъ пограблены. Но только онъ отъ насъ громадь требуетъ харчей для войска, а грабительства не дѣлаетъ. И въ томъ мы ему атаману Семену Неживому свидѣтельство (даемъ) и подписуемся руками своими властными. Написуемъ кресты. Дѣялося сіе на урядѣ городовомъ въ Медведовкѣ дня 1 іюля 1768 году.

Семень Рудъ, атаманъ городовый ☉

Федоръ Латка, Василь Буханъ, Григ. Колесникъ, Авр. Гончарь, Борисъ Гончарь, Симонъ Крамарь, Уласъ Зобанко, Сем. Коваль. Послѣ каждаго изъ этихъ именъ слѣдуетъ слѣдуетъ знакъ ☉
 Въ сему и целая громада медведовская.

¹⁾ Быть можетъ въ этомъ мѣстѣ, испорченномъ переписчикомъ, надобно читать *кіяковъ*: такъ назывались въ Украинѣ и въ Польшѣ мужики, ходившіе на заработки. Они всегда ходили съ большими палками, называемыми *кіями*.

²⁾ Подъ панами разумѣлись запорожскіе войсковые товарищи, водворившіеся въ равнинныхъ мѣстахъ правобережной Украины.

№ 10.

Рапортъ къ полковымъ дѣламъ жолтаго гусарскаго полка поручика князя Манвелова о переговорахъ съ атаманомъ гайдамаковъ Неживымъ, домогавшимся выдачи бѣжавшихъ поляковъ и жидовъ.

По отиравленіи вчерашняго числа отъ меня въ четвертомъ часу къ полковымъ дѣламъ рапорта, злоумышленные гайдамаки съ атаманомъ Неживымъ, тожь и сотникомъ Василиемъ предъ вечеромъ прибыли болѣе (какъ?) и на человекъ сто. Прибывши въ польскій Крыловъ, означенный атаманъ Неживый присланнымъ на имя господина подполковника Хорвата письмомъ просили (кое письмо при семъ оригиналомъ прилагается), что (бъ) для нѣкотораго совѣту съ чими выйти на греблю; по каковымъ обстоятельствамъ я перво предпринялъ самую крѣпчайшую предосторожность и, совокуивъ(ся съ) своею и козачьею командою, прибывъ къ крыловскому форпосту, гдѣ возлѣ оного оставя, а я—съ поручикомъ Бутовичемъ и прапорщикомъ княземъ Манвеловымъ и Тавталеевымъ, тожь и зъ сотниками, вышли на половину гребли, куда и означенный атаманъ Неживый и сотникъ Василій къ намъ прибылъ съ хлѣбомъ и солью, а при томъ объявили: что мы де не для чего иного прибыли, какъ только требовать отъ васъ о выдачѣ жидовъ и поляковъ; на это я онымъ объявилъ, что тѣхъ жидовъ и поляковъ, потому что оныя въ силѣ предложеніевъ находятся у насъ подъ защитой, отдать невозможно. И такъ оныя, установивъ отъ себя въ польскомъ Крыловѣ расположеніе, и опредѣливъ въ ономъ атамана, приказывали ему, чтобы по ихъ приказаніямъ единственное исполненіе чинили; а потомъ—отѣхали до села Конабарка, гдѣ и находятся понынѣ; а сверхъ того приказали оному атаману, что если каковы между оными поляками и жидами у нихъ суспиціи оказываться будутъ, то давали бы къ намъ знать, и просили оныя насъ, чтобъ и въ томъ вспомоствованіе чинили, а во всемъ объявляя притомъ, что де оныя мѣста будутъ въ скоромъ времени росіійской державы, а не польской и чтобъ тѣ мужики считались росіійскими, а не польскими жильцами.

Поручикъ князь Иванъ Манвеловъ.

Іюня 26. 1768 г.

№ 11.

Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о преслѣдованіи гайдамаковъ и бѣлцовъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ!

Вашего высокородія четыре рапорта отъ 17 и 18 сего со всѣми къ онымъ приложеніями исправно до меня дошли, на которые слѣдующее для вѣдома и въ наставленіе вамъ предписываю. Елико до перехода запорожскихъ козаковъ чрезъ Гардь въ ханскую сторону для удобнѣйшаго съ гайдамаками въ пути соединенія принадлежитъ, то, въ силу моихъ ордеровъ, отъ кошевого атамана командированіемъ, при шести полковникахъ и при нѣсколькихъ куренныхъ атаманахъ, разныхъ партій въ степь запорожскую и рѣкою Днѣпромъ къ Очакову, надлежащіе мѣры уже приняты вами для пресѣченія перехода гайдамакамъ въ Польшу, такъ и для переловленія возвращающихся оттуда съ добычею въ запорожскія земли, чѣмъ безъ сумнѣнія (sic) къ искорененію сей зловредной шайки не малый способъ поданъ быть можетъ, если только содержаніе прежнихъ моихъ ордеровъ о преслѣдованіи, поимкѣ и истребленіи оныхъ точно наблюдаемо и въ исполненіе неослабное и ревностное стараніе приложено будетъ. Татарское за Кодымою собраніе хотя по обстоятельствамъ и видится быть дѣйствомъ гайдамацкаго на Балту и Голту нападенія, слѣдовательно не иное въ себѣ заключающее, какъ собственную предостереженность отъ другихъ гайдамацкихъ на татарскія мѣста пустошеній, однако презирагь оное не должно, ибо предосторожность, а найпаче при пограничности, никогда излишнею не признавается; и для того изволите, ваше высокородіе, по полученіи сего, немедленно одного надежнаго и искуснаго офицера отправить къ начальнику Едисанской Орды съ письмомъ для исканія яко бы какого либо за границу съ немалою суммою бѣжавшаго купца, прося, чтобы, въ силу вѣчно мирнаго трактата и сосѣдственной дружбы въ отысканіи онаго, приказано было стараніе приложить и по отысканіи (чтобъ) оный совсѣмъ, что при немъ найдено будетъ, посланному на руки отдать(и) и до границы препровожденъ былъ, такъ (какъ) и съ нашей стороны съ подобными отъ нихъ бѣглецами неоднократно уже поступлено. Подъ которымъ претекстомъ посланный стараться долженъ о подлинныхъ обращеніяхъ и намѣреніяхъ той орды развѣдать, а между тѣмъ въ разговорахъ от-

зваться и увѣрять можетъ, что набѣгшая на Балту и Голту разбойническая шайка, состоявшая въ немаломъ числѣ всякой сволочи, польскихъ козаковъ, мужиковъ и другихъ гайдамаковъ, разоряющихъ польскую Украйну, вашими войсками большею частію разбита и переловлена, которой остатокъ уповательно также скоро истребленъ быть имѣетъ. И такъ, что симъ нарочнымъ посланцемъ развѣдано будетъ, меня немедленно увѣдомить. По второму вашему рапорту, при которомъ сказка купцовъ елисаветградскихъ Евфима Шапошника съ товарищами, надлежитъ такожде у начальника Едисанской Орды справедливаго удовлетворенія, по содѣственной дружбѣ, требовать, и что потомъ послѣдуетъ, меня увѣдомить. По третьему—всѣмъ находящимся въ елисаветградской провинціи польскимъ шляхтичамъ, кои подѣ покровительство ея имп-го в-ства прибѣгнули для спасенія живота отъ гайдамацкаго гоненія, приказать до дальняго ордера оставаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся, пользуясь подѣ высочайшею защитою дозволеннымъ имъ благоденствіемъ до совершеннаго истребленія всѣхъ гайдамаковъ и возстановленія въ ихъ отечествѣ прежняго покоя и тишины; а когда желанное спокойство возстановлено будетъ и опасность къ возвращенію въ ихъ отечество минется—отъ меня имъ знать дано будетъ, и они тогда безпрепятственно въ свои дома отпущены быти имѣютъ. И такъ мнѣ остается ожидать, въ силу прежняго моего ордера, присылки отъ васъ именнаго списка всѣхъ шляхтичей польскихъ, ретировавшихся въ елисаветградскую провинцію, съ означеніемъ чина, фамиліи и служителей обоего пола; на послѣдній (рапортъ), при которомъ сказка отставнаго ротмистра Иванченка и допросъ сотника Власенка съ переводами двухъ писемъ губернатора Квитневича, рекомендую: арестованное вино ротмистру Иванченку съ роспискою отдать приказать, ибо, какъ видно, Квитневичъ съ нимъ въ томъ помирился¹⁾. Ротмистра Иванченка хотя и не надлежало по причинѣ экономіи въ домъ отпустить, однако, когда оное за надежными поруками учинено, то быть такъ, но смотрѣть надобно, чтобы какимъ либо образомъ онъ скрыться не могъ. Сотника-же Власенка до дальняго ордера содержать подѣ карауломъ въ крѣпости, а вещи какъ Иванченка, такъ и Власенка оставить въ смотрѣніи вахмистра Бабки, не ока-

¹⁾ Обстоятельства, на которыя здѣсь дѣлается намекъ, неизвѣстны.

жется ли иногда и впредь по онымъ какой либо улики, по которой тогда и дальнѣйшее слѣдствіе произведено быть можетъ ¹⁾.

Вашего высокогородія охотнѣйшій слуга

Федоръ Воейковъ.

Кіевъ. 31 іюля

1768 г.

№ 12.

Того же Воейкова тому же бригадиру о преслѣдованіи гайдамаковъ и о содержаніи карауловъ.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! Два ваши рапорта отъ 23 съ приложеніемъ исправно здѣсь получены. Первый, служащій только для вѣдома, сстается въ своей силѣ, а на второй предписывается, что во уваженіе вашего представленія, яко за отправленіемъ для истребленія и поимки разбойниковъ въ Польшу гусарскихъ и пивинерныхъ и компанейскихъ командъ и умножающихся ежечасно арестантами, равно какъ и въ разсужденіи обширности границъ Елисаветградской провинціи, на которой тамошними гусарскими, компанейскими и пивинерскими полками форпосты содержатся и безпрестанные разъѣзды чинятся однимъ пѣхотнымъ козловскимъ полкомъ, отъ котораго двѣ роты на подкрѣпленіе главныхъ форпостовъ посланы, по числу некомплекта всѣ караулы въ крѣпости въ Кременчугѣ и надъ арестантами, безъ крайней тягости и изнуренія солдатъ, исправляемы быть не могутъ, отъ меня одну генералъ аншефу и кавалеру графу Румянцеву сообщено. По его благоразсмотрѣнію приказать изъ ближнихъ полковъ конный или пѣхотный въ Елисаветградскую провинцію командировать до совершеннаго возстановленія въ Польшѣ покоя; и такъ пока оный полкъ или какая другая команда и тамъ прислана будетъ, изволите приказать по вашему разсмотрѣнію въ Кременчугѣ хотя гарнизонными солдатами надлежащій караулъ содержать.

Вашего высокоблагородія охотнѣйшій слуга

Федоръ Воейковъ.

Кіевъ 31 іюля по полудни въ 6 часу 1768 году.

¹⁾ Власенко сотникъ—вѣроятно иначе Уласенко, товарищъ Гоягм. Допроса, учиненнаго ему, о чемъ здѣсь намекается, не имѣли мы въ рукахъ.

№ 13.

Отношенія кievскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову: 1) о водвореніи польскихъ козаковъ, пожелавшихъ поступить въ подданство Россіи, 2) о допросъ и отсылкѣ содержащихся въ Кременчугъ запорожцевъ, участвовавшихъ съ гайдамаками и 3) о судъ и приговоръ надъ виновными. Августа 15, 1768 года.

1.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По рапорту вашему отъ прошедшаго апрѣля о вышедшаго изъ польской Украины козацкаго атамана Сухины съ шестьюдесять двумя человекѣми польскихъ козаковъ, кои, убѣгая отъ согласованія съ польскими конфедератами, прибѣгнули подъ высочайшій покровъ Ея Императорскаго Величества съ желаніемъ остаться вѣчно въ подданствѣ, объявляя, что къ такому же выходу и еще многое число козаковъ намѣреніе имѣють, съ желаніемъ учинить въ вѣрности службы присягу и вывести всю свою фамилію, поселиться слободою, гдѣ мѣсто отведено будетъ, Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше отъ меня донесено съ испрошеніемъ высочайшаго указа, что съ ними и съ являющимися впредь учинить повелѣно будетъ; начто высочайшимъ рескриптомъ отъ 11 іюля всемилостивѣйше повелѣно: во уваженіе указаннаго отъ нихъ усердія принять ихъ ласково и помѣстити между настоящими въ Елисаветградской провинціи поселянами, не заводя особыхъ для нихъ поселеній, пока замѣшательства въ Польшѣ продолжаться будутъ, а при томъ дозволить имъ пользоваться всѣми тѣми выгодами, кои согласоваться могутъ съ узаконеніями по тамошнему мѣсту учиненными. Сіе разумѣется и о тѣхъ польскихъ козакахъ, кои впредь изъ польской Украины по объявленію сихъ выходцевъ съ такимъ же точно намѣреніемъ, съ какимъ и они прибѣгли, выходить будутъ.

Во всеподданнѣйшее исполненіе такого Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшаго повелѣнія изволите ваше высокородіе потребное къ распредѣленію ихъ по вашему разсмотрѣнію учинить расположеніе и, по вмѣщеніи всѣхъ, меня въ свое время рапортовать.

Вашего высокородія охотнѣйшій слуга Федоръ Воейковъ.
15 августа 1768 г.

2.

Высокородный и высокопочтенный господинъ бригадиръ! По полученіи сего извольте, ваше высокородіе, приказать кому надлежитъ какъ можно скорѣе всѣхъ въ елисаветградской провинціи и въ Кременчугѣ находящихся между содержащимися гайдамаками запорожскихъ козаковъ, каждого особо по приложеннымъ при семъ пунктамъ, допросить и таковой съ нихъ допросъ съ нарочнымъ ко мнѣ отправить, между тѣмъ надлежитъ ихъ злодѣевъ по приложенному при семъ экстракту изъ указа формальнымъ образомъ судить ихъ и приговоръ сдѣлавъ съ нарочнымъ ко мнѣ рапортовать.

Пункты, по которымъ допрашивать пойманныхъ въ Польшѣ на разбоѣ запорожцевъ:

1. Стараться вывѣдать прямое начало заговора оныхъ пойманныхъ въ Польшѣ запорожцевъ, а особливо, кто изъ нихъ подговорщикъ былъ самъ, или же всѣ отъ другихъ научены были и гдѣ именно збораше ихъ началось?

2. Съ вѣдома ли кошевого атамана и войсковой старшины отлучились въ Польшу?

3. Съ какимъ намѣреніемъ сдѣлали нападеніе на слободу Валту и что въ мѣхъ гдѣ учинено?

Вашего высокородія охотивѣйшій слуга Федоръ Воейковъ.

15 августа 1768 г.

3.

Экстрактъ присланнаго въ кіевскую губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа отъ 24 іюля 1768 года.

1. Тотчасъ по полученіи сего указа произвести надъ помянутыми запорожцами надлежащій судъ, который однакожь весьма скоро оконченъ быть долженъ.

2. Въ судѣ положивъ на мѣрѣ формальный приговоръ на основаніи законовъ,— ибо колодники, будучи взяты съ ружьемъ въ рукахъ противу войскъ ея имп-го в-ства, не могутъ конечно оправдаться ни въ бунтовничьемъ супротивленіи волѣ и оружію Ея Величества, ни въ разнообразныхъ въ Польшѣ произведенныхъ варварствахъ, когда они на самомъ дѣлѣ пойманы и слѣдовательно судимы быть должны, яко бунтовщики, нарушители общаго покоя, разбойники и убійцы.

3. Когда по симъ уваженіямъ, вслѣдствіе всѣхъ на свѣтъ законовъ, опредѣлена будетъ смертная казнь, переменить ее, при самомъ исполненіи, въ тѣлесное наказаніе кнутомъ, клеймомъ и вырваніемъ поздрей, ссылкой въ Нерчинскъ, оковавши на мѣстѣ въ кандалы.

Въ губернскую канцелярію изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа (экстрактъ). Канцеляристъ Федоръ Онисимовъ.

№ 14.

Секретное письмо кievскаго генералъ-губернатора Воейкова бригадиру Черткову о мѣрахъ къ поимкѣ и о доставленіи капитана Станкевича, участвовавшего въ гайдамацкомъ бунтѣ.

Высокородный и высокопочтенный г-нъ бригадиръ!

Изъ сообщенія его сіятельства, г-на генерала авшефа и кавалера, графа Петра Александровича Румянцова усмотрѣлъ я, что между пойманными посланною въ Польшу нашихъ войскъ командою около Жаботина и Смѣлой гайдамаками находится бездѣльникъ чернаго гусарскаго полку капитанъ Станкевичъ съ нѣсколькимъ числомъ російскихъ подданныхъ, которые содержатся въ Смѣлой. А какъ сіе мѣсто въ близости елисаветградской провинціи находится, то отъ меня г-ну генералъ майору и кавалеру Исакову орденомъ подтверждено для взятія оныхъ оттуда и препровожденія до Кременчуга отправить достаточную изъ гусаръ и пикинеръ команду. Того ради вашему высокородію найприлѣжнѣйше рекомендую, по приводѣ сихъ злодѣевъ къ вамъ, приказать оныхъ подъ крѣпкимъ содержать карауломъ и надъ помянутымъ бездѣльникомъ Станкевичемъ изслѣдовать: какъ и съ чѣмъ былъ онъ отправленъ въ Польшу и для чего нашимъ войскамъ противился? Прочихъ гайдамакъ всѣхъ обыкновеннымъ образомъ допросить: кѣмъ они подговорены и съ какимъ намѣреніемъ въ Польшу пошли. О полученіи сего и о исполненіи меня во свое время рапортовать.

Вашего высокородія покорный слуга Федоръ Воейковъ.

Кіевъ 14 декабря 1768 года.

Матеріалы для исторіи б. Запорожья *).

*Насытишася сыновѣ и оставиша
останки младенцемъ Псал. XVI ст. 14.*

Помѣщаемые ниже документы являются такъ сказать посмертными записями Запорожья; они относятся къ тому времени, когда Запорожье прекратило уже свое историческое существованіе, и даютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о томъ, какъ дѣлалось его огромное наследство и какъ само оно, разгромленное и разбитое на части, во возродившееся въ одной изъ своихъ частей въ формѣ войска черноморскаго, путемъ различныхъ ходатайствъ искало мѣста для своего поселенія. Подлинно *инимъ трудишася, друзи же въ трудѣ ихъ внидоша*, а тѣ, кто трудился, ищутъ, *идѣ маву подклонити*. Львиныя части забрали при этомъ дѣлежъ главные виновники и зрители уничтоженія Запорожья, эти, по выраженію народной пѣсни, «паны, генералы и сенаторы»¹⁾, которые при всякихъ подобныхъ кризисахъ являются первыми кандидатами на подобное наследство; остальное раздается по инструкціи, порціями 1500—12000 десятинъ, всякому оточему и захожему лицу привилегированнаго сословія, но въ сравненіи съ тѣми сотнями тысячъ десятинъ, что достались генераль-прокурору Виземскому, князю Прозоровскому и многимъ другимъ, оно представляло уже такъ сказать объѣдки гигантскаго по размѣрамъ запорожскаго пирога.

*) Печатаемые подъ этимъ заглавіемъ восемь документовъ принадлежали къ обширной коллекціи рукописей б. профессора вѣвскаго университета А. И. Ставровскаго, а имъ добыты изъ архива б. секретаря Потемкина В. С. Попова. Достоинственный Алексѣй Ивановичъ, такъ долго съ честію трудившійся для исторіи, къ прискорбію, давно лежитъ, разбитый параличемъ, а драгоценное его собраніе, истохалась постепенно, не скоро, кажется, станетъ достояніемъ науки. Доставшалася намъ крупница уступлена намъ однимъ изъ синовей заслуженнаго профессора.—Ред.

¹⁾ См. эту пѣсню въ февральской книжкѣ „Кіев. Ст.“, стр. 436.

Бывшія запорожскія земли обнимали собою почти все пространство нынѣшнихъ двухъ губерній херсонской и екатеринославской и заключали въ себѣ свыше десяти милліоновъ десятинъ земли. Запорожскія владѣнія образовывались постепенно и такихъ размѣровъ достигли въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Всѣ они были заняты и удерживаемы съ оружіемъ въ рукахъ; тутъ, можно сказать, каждый клочекъ земли много разъ обограемъ былъ кровію его обладателей. Запорожцамъ не страшны были такіе враги—сосѣди, какъ поляки и татары; съ ними много вѣковъ они вѣрялись своими силами и на борьбу съ ними посвящено было все ихъ существованіе. Со стороны Польши ихъ владѣнія шли по чертѣ нынѣшнихъ губерній: кievской, подольской и херсонской, со стороны Турціи и татаръ точныхъ границъ не было, и какъ татары захватывали запорожскія земли, такъ и запорожцы проникали внутрь ихъ земель и тамъ имѣли свои *маланки*. Одно время запорожцы фактически лишились было своего наслѣдія лѣтъ на двадцать, именно послѣ катастрофы, постигшей Мазену съ Карломъ XII, съ 1709 по 1733 г., но въ ихъ отсутствіе ни одна изъ сосѣднихъ державъ, ни даже татары, не посягнули на ихъ землю и, когда «по соизволенію своему собственному» возвратились они снова въ подданство російское, то безвозвратно поселились «на своихъ древнихъ и праведно принадлежащихъ земляхъ». «Всѣ тіе мѣста, писалъ имъ при этомъ баронъ Вейсбахъ, при посредствѣ котораго велись переговоры о возвращеніи запорожцевъ, ваши собственные, и въ оныя мѣста, яко вамъ прямо принадлежащія, ни Россія, ни Порта, ни Ханъ крымскій и никто вступать не можетъ и не имѣетъ и для того этия мѣста между обоими имперіями (россійскою и турецкою) разграниченія не было, повеже оныя вамъ принадлежать»¹⁾. Совсѣмъ иначе взглянули на запорожцевъ съ ихъ землями, когда возвращеніе ихъ въ русское подданство стало совершившимся фактомъ. Уже послѣ пятилѣтней неудачной войны Россіи съ Турціею (1735—1739 г.) по ниской конвенціи, часть земель запорожскихъ отошла къ Турціи, а по велико-ингульскому инструменту 1740 г., дополнившему бѣлградскій трактатъ, всѣ запорожскія земли вошли въ составъ Россійской Имперіи и стали трактоваться, какъ общегосударственныя земли, которыми правительство въ правѣ распорядиться по своему усмотрѣнію. Въ основѣ дальнѣйшихъ дѣйствій правительства относительно запорожцевъ и ихъ земель легли съ одной стороны недоувѣріе къ запорожцамъ за участіе ихъ въ взятіи Мазены, съ другой—намѣреніе чрезъ ихъ пустыни, путемъ заселенія послѣднихъ и постройки на нихъ укрѣпленій придвинуться постепенно къ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей. Еще съ 1735 г. баталіонъ войска, приданный Кошу какъ-бы для вспоможенія и находявшійся съ запорожцами въ походѣ, на обратномъ пути зазимовалъ въ Сѣчи, а за тѣмъ не только оставленъ тамъ навсегда, но и усиленъ въ своемъ составѣ съ возведеніемъ

¹⁾ Исторія Нов. Сѣч. Скальковскаго, ч. II, стр. 73.

порученнаго ему особаго укрѣпленія. Такія-же укрѣпленія, послѣ бѣлгородскаго трактата, годъ за годомъ возводились на запорожскихъ земляхъ, начиная отъ польской границы внизъ по теченію Днѣпра. Въ то же время здѣсь поселяемы были выходцы прежняго времени изъ Россіи, изъявившіе согласіе возвратиться въ отечество. Съ 50-хъ годовъ запорожскія земли предоставлены для поселенія четырехъ ново-сербскихъ полковъ, образованныхъ изъ славянскихъ выходцевъ, и населеніе запорожскихъ куреней сдвинуто было съ своихъ мѣстъ въ пустынные степи, а влослѣдствіи поселены были еще два полка, набранныя изъ молдаванъ, волоховъ, грековъ и др. Запорожскія владѣнія сокращались годъ за годомъ путемъ отвода подъ военныя и другія поселенія, а равно—укрѣпленія, по указаніямъ высшей власти, и просто путемъ захвата. Запорожцевъ вытѣсняли съ Кубани, гдѣ они нашли для себя новыя удобныя мѣста, и со стороны р. Калміуса, гдѣ они приходили въ столкновеніе съ другою военною общиною донскихъ козаковъ. Изъ земельныхъ права нарушали и татары, искавшіе выгодныхъ пастбищъ, и сосѣдніе польскіе помѣщики, а самоличная ихъ расправа съ узурпаторами встрѣчала строгое осужденіе со стороны правительства и становилась невозможною. Протесты съ одной, жалобы съ другой стороны вели къ нескончаемымъ спорамъ и разслѣдованіямъ, рѣдко когда оканчивавшимся въ пользу запорожцевъ, но болѣе и болѣе навлекавшимъ на нихъ гнѣвъ правительства. Расселившіися въ разныхъ концахъ Запорожья русскія военныя власти, дѣйствуя безконтрольно и безнаказанно въ своихъ земельныхъ притязаніяхъ къ запорожцамъ, не признавали никакихъ ихъ историческихъ правъ, да и въ самомъ Петербургѣ не находили уже ихъ жалованныхъ грамотъ, универсаловъ и даже договорныхъ статей Хмельницкаго. Запорожцы видѣли себя въ полной почти блокадѣ, ихъ вѣковое достояніе уплывало изъ ихъ рукъ, поѣздки ихъ депутацій въ Петербургъ и страствованія ихъ по переднимъ елисаветинскимъ и екатерининскимъ вельможъ становились все унижительнѣе и бесплоднѣе. Словомъ: неофіціальныи, или частныи разборъ ихъ земель начался гораздо ранѣе формальнаго уничтоженія Запорожья, и есть много оснований думать, что имущественное его наслѣдство болѣе, чѣмъ что либо другое, входило въ расчеты людей рѣшавшихъ безповоротно его кончину.

Мы не будемъ говорить о самомъ разореніи Запорожья; для насъ въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе лишь общій характеръ этого великаго въ народной жизни событія, главная причина котораго, какъ бы мы ни объясняли оное, лежитъ все таки въ разгорѣвшемся тогда честолюбіи Потемкина. Сытый, избалованныи временщикъ, распорядившійся по своей прихоти судьбами обширнѣйшаго края, новороссійскаго, додумался до неосуществимаго *зрческаго* проекта и проглядѣлъ позади себя единовѣрный и единокровныи, стонавшій въ польскомъ ярмѣ народъ, единственныи представителемъ и защитникомъ котораго служило Запорожье. Ему нѣтъ дѣла до своихъ; онъ не ломаетъ головы надъ переустройствомъ Запорожья, согласно новымъ требованіямъ внѣшней и внутренней политики, онъ стремится какъ нибудь перешагнуть всѣ эти степи и море, добраться до Царьграда, возстановить древнюю Византію,

я, ради своих фантастических проектов, онъ спѣшилъ покончить съ запорожцами, понижаетъ историческія ихъ права и значеніе, одно упоминаніе ихъ объ этихъ правахъ превращаетъ въ тяжкое государственное преступленіе, которое влечетъ за собою для представителей Запорожья лишеніе всѣхъ служебныхъ и имущественныхъ правъ и суровое заточеніе на крайніе пункты Сѣвера. Ему и на мысль не входило, что если для осуществленія его плановъ требовалось скорое заселеніе края, то лучшими его колонизаторами могли быть тѣже запорожцы, выдѣлявшіе отъ себя семейныхъ козаковъ съ ихъ виновниками и отлично устроенными хозяйствами, и что они предпочли-бы, конечно, всякое иное свое устройство и переустройство совершенному уничтоженію и подчинились-бы оному также безмолвно, какъ и объявленному смертному приговору; но онъ безъ дальнихъ разсужденій лишаетъ ихъ вѣноваго ихъ достоинства, — заслуженныхъ хребтѣйшихъ воиновъ силится привлечь къ неизвестному и для обыкновеннаго человѣка крѣпостному ярму, разными льготами привлекаетъ въ край всякій иноземный сбродъ, раздастъ пожитки войсковые бѣднымъ грекамъ и арнаутамъ, надѣляетъ свободныя земли огромными частями безплатно всѣмъ, кто приметъ на себя трудъ вводить рабство въ край, никогда не знавшій его и служившій убѣжищемъ отъ него.

Во времени уничтоженія Запорожья, т. е. къ 1775 году, Потемкинъ придумалъ проектъ раздѣленія довѣренной ему новороссійской провинціи на двѣ губерніи: новороссійскую и азовскую. Запорожскія земли подѣлены были между той и другой, но о раздачѣ ихъ въ первой свѣдѣній у насъ нѣтъ, хотя, конечно, и тамъ она не могла быть иной. Губернаторомъ послѣдней назначался Чертовъ, доселѣ покомандиръ Петенкина по управленію всѣмъ краемъ. Изданная имъ инструкция относительно раздѣла б. запорожскихъ земель, спустя три года послѣ уничтоженія Запорожья, въ основныхъ чертахъ своихъ принадлежитъ, конечно, Потемкину, на ордеръ котораго основана. Въ основѣ ея лежитъ крѣпостническій взглядъ того времени: хотѣлось заселить край; безплатная раздача богатѣйшихъ земель служила вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ, но ихъ нельзя было предоставлять лицамъ не свободныхъ сословій, ибо это служило-бы подрывомъ господствовавшаго въ имперіи строя и образовало-бы провинцію, надъ общественнымъ и гражданскимъ устройствомъ которой пришлось-бы ломать голову. Тутъ и прославленный геній не могъ придумать иной формы, какъ та, которая была всюду предъ глазами, т. е. раздавать земли лицамъ привилегированныхъ классовъ съ обязательствомъ заселенія ихъ въ извѣстный срокъ и въ извѣстной мѣрѣ на тѣхъ-же началахъ крѣпостническихъ отношеній. Нельзя не признавать, что раздача земель совершалась на самыхъ широкихъ льготахъ; въ свою очередь импровизированные владѣльцы огромныхъ участковъ, конкурируя между собою, должны были давать другъ передъ другомъ разныя льготы селявшимся на ихъ земляхъ; но въ результатѣ получалось тоже крѣпостническое нго, отъ котораго народъ массами бѣгалъ во всѣ стороны. Такимъ образомъ заселеніе края, не смотря на всѣ льготы, шло крайне медленно и туго даже

до недавняго времени, земля, переходившая изъ рукъ въ руки, оставалась достояніемъ не многихъ, и когда народъ, столько вѣковъ носившій невольничье ярмо, получилъ наконецъ свободу, край очутился въ тѣхъ-же почти земельныхъ условіяхъ, какъ и другія части имперіи.

Само собою разумѣется, что б. запорожцы не могли принять никакого участія въ этой новой искусственной колонизаціи ихъ-же края, такъ какъ она шла въ разрѣзъ со всѣми ихъ вѣковыми стремленіями и привычками къ свободѣ и приволью. Даже военная служба въ регулярныхъ кавалерійскихъ войскахъ, послѣ учиненнаго надъ ними насилія, не могла ихъ прельстять и усилія всемогущаго Потемкина образовать изъ оставшихся запорожцевъ два пикнерные полка кончались ничѣмъ. Позже, спустя семь лѣтъ, при видѣ обширнаго, ничѣмъ не обезпеченнаго края и особливо въ виду приближавшейся турецкой войны, Потемкинъ вспомнилъ запорожцевъ, почувствовалъ въ нихъ нужду и чрезъ посредство ихъ старшинъ сталъ вновь приглашать ихъ въ козачью службу подъ его личнымъ предводительствомъ; но это воззваніе его прежде всего вызвало волненіе въ народѣ и толки о возобновеніи запорожской Сѣчи, приведшіе народъ, какъ даетъ понять второй изъ приводимыхъ документовъ, къ нелегкому отвѣту предъ разными Халчевскими, Борхани, Булацелями и другими новонародившимися обладателями запорожскихъ земель. Когда-же наконецъ, усиліями запорожскихъ старшинъ: Головатого, Харька, Ченег и Легкоступа, разбѣянные останки «славнаго войска низоваго» снова собраны были на службу подъ названіемъ черноморцевъ и, принявъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Турціею 1787—1791 г., покрыли себя новою славою, то въ награду за всѣ свои подвиги, которые очень цѣнилъ самъ Потемкинъ, обѣщавшій имъ завоевываемыя тогда земли между Бугомъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ, за послѣдовавшую смертію Потемкина, едва не были обращены въ крестьянское званіе. Обширнѣйшія владѣнія ихъ были разобраны до клочка; новозавоеванныя земли не были имъ переданы, хотя значительная часть козачьихъ семействъ поселилась на нихъ, по указанію Потемкина. Оставалось искать новаго мѣста и такимъ оказалась знаменитая отчасти, хотя далекая и болотистая, Тамань. Особому искусству своихъ ходатаевъ и расположенію приближенныхъ Потемкина, Катовскаго и Попова, переформированные теперь по семейному запорожцы обязаны были полученіемъ новаго мѣста для своего поселенія. Приводимая переписка по сему дѣлу не даетъ, къ сожалѣнію, свѣдѣній о томъ, чѣмъ кончилось ходатайство черноморцевъ о вышущеніи съ ними на Тамань тѣхъ изъ ихъ сподвижниковъ, которые перешли къ нимъ изъ разныхъ губерній и граничныхъ мѣстъ (Украины), но которыхъ похѣтками всѣми мѣрами выскивали и старались удержать на мѣстѣ. Она только показываетъ, какъ ненавистно было народу крѣпостное состояніе и какъ велико было его стремленіе къ козачеству: въ короткій промежутокъ времени отъ призыва Потемкина до окончанія турецкой кампаніи остававшееся едва половинное число запорожцевъ, не смотря

на потери отъ войны, обыкновенной смертности и чумы увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число всѣхъ готовившихся къ переселенію на Тамань простиралось до 25-ти тысячъ лицъ мужскаго пола.

I.

Инструкція азовскаго губернатора Василія Черткова относительно раздѣла б. запорожскихъ земель.

Отъ генераль поручика азовскаго губернатора и кавалѣра азовской губернской канцеляріи предложеніе.

Ордеромъ его свѣтлости, господина генераль-аншефа, сенатора, государственной военной коллегіи вице-президента, трехъ губерній государева намѣстника, всѣхъ россійскихъ и разныхъ орденовъ кавалѣра, князя Григорія Александровича Потемкина, отъ 26 декабря прошлаго 1777 года, подъ № 2764, предписано, для удобнѣйшаго и скорѣйшаго въ пустыхъ мѣстахъ заведенія селеній, назначенныя владѣльцамъ въ отводъ казенныя земли, утверждать за ними, на основаніи положенія о семь въ штатахъ, вѣчно, однако-же, отводить каждому не менѣе тысячи пяти сотъ и не болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ, со льготою для заселенія десяти лѣтъ, а въ представленномъ планѣ о сей губерніи, о раздѣленіи земли подъ селеніе, объ утвержденіи оной въ вѣчность, о продажѣ изъ рукъ въ руки, о подѣлѣ между наследниками и о льготномъ времени, 5-й главы въ нижеписанныхъ статьяхъ, изображено; а именно: въ 1-й—чтобъ необитаемыя земли изъ бывшихъ запорожскихъ дачъ составленныя, а особливо задонскія земли таганрогскаго уѣзда заселить и усилить, яко нужную по пограничности тѣхъ мѣсть сторону, обитателями, раздавать для заселенія въ вѣчность всякаго званія и чина людямъ, исключая однодворцевъ, крестьянъ и прочихъ помѣщичьихъ людей, не только проживающимъ и при должностяхъ состоящимъ, но и кто жителство имѣеть въ Великороссіи и Малороссіи, равно иностранцамъ, изъ-за границы приходящимъ и на вѣчное подданство присягу учинившимъ, съ дачею на десять лѣтъ льготы и съ обязательствомъ, чтобъ оныя во время тѣхъ льготныхъ лѣтъ заселили выводимыми изъ незапрещенныхъ мѣсть людьми, во 2-й—оныя земли раздѣлить на участки, каждый въ полторы тысячи десятинъ, и во всякомъ заселено бѣ было неменьше тринадцати дво-

ровъ, дабы и помѣщикъ имѣлъ въ той-же дачѣ землю для своего обихода, но кто похочетъ населить на такомъ-же участкѣ и болѣе того числа дворовъ, такому не воспрещать и отдавать одному участками не болѣе восьми, то есть: двѣнадцать тысячъ десятинъ, и не меньше одного, которые и населять, соразмѣрно вышеписанному участку по полторы тысячи десятинъ; а именно: на трехтысячномъ двадцать пять, на шеститысячномъ пятьдесятъ, на двѣнадцатитысячномъ участкѣ сто дворовъ, а ежели за отводомъ будетъ оставаться гдѣ промежутокъ, въ такомъ случаѣ или просящему отдать, или чтобъ въпустѣ безъ платежа не оставалась, набавлять въ дачи, въ смежности въ населеніи взятыя; въ 3-й—при отводѣ давать каждому спеціальныя планы при участкахъ со взысканіемъ за обмежеванную землю по три деньги за десятину, но болѣе двѣнадцати тысячъ десятинъ одному во владѣніе, равно, какъ на женъ, незамужнихъ дочерей, такъ и на малолѣтнихъ сыновей особыхъ участковъ (кромя достигнувшихъ изъ сыновей въ совершенныя лѣта, тожъ и такихъ женъ, которыя остаются во вдовствѣ, не имѣя никакихъ наслѣдниковъ) или полныхъ двѣнадцатитысячныхъ участковъ не давать, однако, кому нѣтъ законнаго запрещенія въ покупкѣ (исключая малолѣтнихъ), замужнимъ женамъ и дѣвицамъ покупать и въ закладъ брать не возбранять, но не болѣе положеннаго числа десятинъ, дабы чрезъ то зажиточныя не присваивали себѣ пространныхъ дачъ, а малоимущіе, особливо изъ-за границы переселившіеся и вступившіе въ поселенныя полки офицеры безъ земли и не оставкѣ безъ пропитанія быть не могли, но по тѣмъ отдаваемымъ во владѣніе землямъ никто, кромя природныхъ дворянъ и по службѣ пріобрѣтвеннаго дворянства себѣ присваивать не можетъ, потому что дворянинъ—не по землѣ имъ владѣемой, а по природѣ или заслугамъ, въ 4-й—по прошествіи льготныхъ десяти лѣтъ, кто заселитъ свою землю, или прежде, вышеписаннымъ числомъ дворовъ, давать межевыя книги и надлежащіе планы съ штемпелями, за подписаніемъ намѣстническаго правленія, оставляя при ономъ съ нихъ точныя копія, взыскать при дачѣ ихъ еще другія за каждую десятину по три деньги, чѣмъ и состоится сборъ по три копѣйки, въ силу межевой инструкціи, главы 29, пункта 8, и платить, по минованіи вышеписанныхъ льготныхъ лѣтъ, ежегодно съ земли по прежнему о новороссійской губерніи положенію за каждую десятину удобной земли въ годъ *по пяти денегъ*, въ 5-й—ту населенную землю каждому, по утверженіи за нимъ

вышеписаннымъ образомъ, вольно указаннымъ порядкомъ продать, заложить и въ приданое отдать, но не иначе, какъ полторытысячными участками по одному, по два, по три и по осьми, а меньше полторы тысячи дачъ не раздроблять, такъ что хотя бы случилось, что у кого-либо наслѣдниковъ осталось столько, что полтора тысячными участками ихъ подѣлить было не можно, то тѣхъ, которымъ неостанетъ земли, прочимъ полюбовно или по суду удовлетворять, по расчету, деньгами, въ 6-й—не имѣющіе дворянства, ни чиновъ штабъ и оберъ-офицерскихъ, никто готоваго покупать не можетъ, а пользуется онъ или его потомки за труды и употребленное ими иждивеніе только тѣмъ, сколько симъ подъ поселеніе возьметъ земли и что на оной объзаведетъ, въ 7-й—какъ таковое имѣніе поселеніемъ людей пріобрѣтается не по наслѣдству, но собственными трудами и иждивеніемъ того, кто взялъ пустую землю, то таковой и воленъ при жизни, или при кончинѣ отдать въ наслѣдство, кому заблагоразсудитъ, объявляя на то свои записи въ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ кому ближе, а безъ того, ежели записи объявлены не будутъ, таковаго имѣніе принадлежитъ въ родъ ближнимъ наслѣдникамъ, на основаніи сей главы, 5-й статьи; въ 8-й—кто во время льготныхъ лѣтъ взятую землю положеннымъ числомъ дворовъ не заселитъ, такому межевой книги и подлѣжащаго съ стемпелемъ плана не давать, почему онъ ту землю до того времени ни продать, ни заложить, ни по какимъ сдѣлкамъ укрѣпить и ниже въ приданое отдать не можетъ, но, не взирая на то, платить долженъ за каждую десятину въ годъ по пяти денегъ и въ нарядахъ и въ протчихъ по земству управленіяхъ быть, наравнѣ съ заселившимися не по числу имѣющихся у него дворовъ или поселенъ, а по количеству земли; въ 9-й—кто отъ населенія взятой имъ земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ или и прежде откажется, то съ таковаго за все время, сколько онъ тою землею пользовался, взыскать по пяти денегъ, за десятину за каждый годъ, въ сходство чего и благоволятъ оная губернская канцелярія, по окончаніи нынѣшняго лѣта межеванія, снятыя земли, на коихъ подлѣжащія межевыя знаки постановлены, за тѣми просителями оставить въ вѣчномъ владѣніи, со взысканіемъ съ нихъ половиннаго числа положенныхъ по межевой инструкціи пошлинъ, кои и причислить къ межевой суммѣ, и на тѣ дачи сочинить спеціальныя планы, раздѣля аглицкой дюймъ въ чотырѣста сажень, за подписаніемъ губернской канцеляріи присутствующихъ, но безъ постановленія

штемпелей, дать каждому помѣщику при указѣ, изъ оныхъ плановъ копію для сочиненія въпредѣ, ежели кто населить взятую землю положеннымъ числомъ людьми, надлѣжащаго положеннаго по межевой инструкціи плана и межевыхъ книгъ отослать въ губернскую межевую экспедицію, а прѣжде данной во оную отъ меня ордере о сочиненіи надлѣжащихъ плановъ, раздѣля аглицкой дюймъ въ двѣстѣ, а специальныхъ въ пять сотъ сажень, отметить, соблюдая, чтобъ ни за кѣмъ ни по отводу, ни купленныхъ послѣ учрежденія новороссійской губерніи, то есть 1764 году, болѣе двѣнадцати тысячъ, а менѣе тысячи пяти сотъ десятиныхъ не было, исключая тѣхъ, кои по древнимъ грамотамъ и крепостямъ до состоянія еще новороссійской губерніи и по сооруженіи оной безспорно владѣли, естлиже кому либо до полученія вышеупомянутого его свѣтлости повелѣнія, какъ тогда въ сохраненіе Высочайшаго интереса, чтобъ земли въпустѣ и безъ полученія въ казну доходовъ не лежали, отдавались въ наймы, безъ соблюденія того, чтобъ двѣнадцати тысячъ десятиныхъ не превосходило, отдано въ наймы съ отводомъ или по урочищамъ и безъ отвода, болѣе двѣнадцати тысячъ десятиныхъ, у таковыхъ, поелику теперѣ, особливѣ по причинѣ переходящихъ изъ Крыма христіанъ, недостатокъ оказатся можетъ, сколько по измѣреніи изъ лишнего окажется будущаго 1779 года, генваря съ 1-го числа, отобрать по прежнему, въ казенное вѣдомство, со взысканіемъ положенныхъ поземельныхъ денегъ съ опредѣленнаго при отдачѣ въ наемъ времени по 1-е генваря 779 года, и сколько у кого и въ какихъ урочищахъ отобрано будетъ, миѣ дать знать, а предварително безъ потерянія времени сочинить алфавитную всѣмъ азовской губерніи помѣщикамъ вѣдомость, съ показаніемъ, сколько кому по црошеніямъ, когда и въ какихъ именно урочищахъ, съ основаніи азовской губерніи, въ наймы отдано, новороссійскою же губернскою канцелярією отведено и послѣ 1774 года въ принадлѣжащихъ нынѣ до азовской губерніи мѣстахъ кѣмъ и гдѣ куплено. Подлѣнное подписалъ Василей Чертковъ.

Свидѣтельствовавъ въ должности секретаря коллежскій регистраторъ Яновскій.

Вверху пошѣта: получено 13 ноябра 1778 года, на сторонѣ № 1967.

II.

Рапортъ екатеринославскаго дворянскаго предводителя Руденка генералъ-аншефу Михаилу Кожовскому о волненіяхъ въ народъ по поводу слуховъ о возстановленіи Запорожья и не допущеніи крестьянъ къ запискѣ въ козаки ¹⁾.

По учинившемуся между народомъ разглашенію, что паки возобновляется бывшая Запорожская Сѣчь и что якобы каждаго состоянія людямъ, не только свободно собирается во оную, но даже и приглашаются всѣ, кто только пожелаетъ составлять оную, увѣряя одиъ другаго, будто и всѣ бывшіе запорожскіе земли отданы имъ будутъ, по прежнему, и словомъ—якобы возвращается и вся ихъ прежняя воля, а ктому присовокупляютъ и самое лестное для каждаго простаго званія обнадеживаніе, что пожелавшій записаться в Кошъ, гдѣ бы не былъ на жительствѣ, освобождается съ семьєю и имѣніемъ отъ всякой зависимости и повинностей, а потому и помѣщичьи подданные, подкрепляемые писарями казенныхъ селеніевъ и самими подговорщиками, разсѣявшимися повсюду, берутъ въ свою сторону силу указовъ, выпущенныхъ о записавшихся уже многымъ числомъ въ черноморскіе козаки бывшихъ запорожцахъ, отложась отъ послушанія своихъ помѣщиковъ и уклоняясь отъ должной ихъ повинности, и совсѣмъ не бывшіе никогда въ Запорожьи, оставляя свои дома, идутъ для записки въ козаки, съ тѣмъ только умысломъ, чтобы посредствомъ наименованія козаковъ, освободить въ силу означеннаго увѣренія семью и имѣніе, важное за помѣщикомъ, и здѣлать оныя отъ него независимымъ, противу всей справедливости, и чтобы не быть добрымъ и полезнымъ государству и обществу поселявиномъ и не исправлять по званію своему своего ремесла, а прошататься въ праздности и тунеядствѣ, позволь возродятся зловреднѣе еще помысли бывшихъ запорожцовъ, и посему екатеринославскаго уѣзда помѣщиковъ: г на оберъ-провіантмейстера и губернскаго магистрата предсѣдателя Халчевскаго, прошедшаго марта противъ—24-го и 28-го числа сего го-

¹⁾ Копія этого рапорта, безъ надписи и даты, озаглавлена рукою самаго Кожовскаго съ замѣткою, что онъ присланъ ему Руденкомъ отъ 14 апрѣля 1789 года за № 9-мъ. Она, какъ и слѣдующія копія, изготовлена для секретаря кн. Потемкина, Василія Степановича Попова.

ду, семнадцать человекъ, а г-на генералъ поручика и кавалѣра графа Борха тридцать человекъ, да г-на секундъ-маіора Булацеля двенатцать человекъ, сего апрѣля противъ 13-го числа, ихъ подданныхъ, записанныхъ по ревизіи за ими въ томъ званіи и никогда не бывшіе въ Запорожьѣ, ушли къ подговорщикамъ для записки въ козаки, съ которыхъ перваго уже сѣмь человекъ возвратились съ билетомъ, даннымъ имъ войска черноморскихъ козаковъ отъ маіора Гулика, въ которомъ и написалъ онъ, будто они всѣ въ Запорожьѣ служили и находились въ куреняхъ, въ томъ билетѣ означенныхъ, нынѣ же де паки служить желаютъ, то, для исправленія себя на службу, отпущены въ дома на три недели, и какъ такова записка не справедливая и разрушающая доброй порядокъ, то изъ числа тѣхъ пришедшихъ начальнѣйшихъ три человека отосланы къ суду въ уѣздной судъ, но сіе одно удержать ихъ не можетъ, ибо отъ многихъ послѣдовать имъ хотящихъ положено, какъ скоро тѣмъ ушедшимъ успѣхъ будетъ, то и прочимъ ихъ дорогою итти. О чемъ должностію поставляю донести вашему превосходительству и просить, не благоугодно-ли будетъ съ вашей стороны здѣлать тому преграды, дабы помѣщичьихъ подданныхъ, и особливо тѣхъ, кои никогда въ Запорожьѣ не были и не служили козаками, не подговаривали и не принимали и никакихъ билетовъ не давали, и для явнаго уничтоженія объявленныхъ несправедливыхъ разглашеній виновныхъ тому велѣтъ наказать, ибо безъ того могутъ въ совершенное разореніе притти всѣ слободы и послѣдовать можетъ упадокъ въ земледѣліи и домостроительствѣ, а за тѣмъ въ казенной подати и общемъ исправленіи, но ктому еще и угрожаетъ своеволие и независимость своихъ начальниковъ грабежемъ и разбоемъ.

III.

Всеподданнѣйшая просьба преобразованныхъ изъ б. запорожцевъ черноморскихъ козаковъ о поселеніи ихъ на Тамани ¹⁾.

Всѣпресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня, Императрица Еватерина Алексѣевна, Самодержица всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая!

¹⁾ Копія этой просьбы, сообщенная тѣмъ же генер. Коховскимъ тому же Василію Ст. Панову.

Всеподданнѣйше просить войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атаманъ кошевый, арміи бригадиръ и кавалеръ Захарій Алексѣевъ сынъ Чепега, войсковые старшины и всю войско.

При началіи нынѣ кончившейся съ Портою Оттоманскою компаніи, по всевысочайшему вашего императорскаго величества соизволенію и покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана Григорія Александровича Потемкина Таврическаго повелѣнію, мы изъ бывшихъ запорожцовъ и другихъ заграничныхъ мѣстъ, будучи собраны на сухомъ пути конныхъ и пѣшихъ, такъ же и на флотиліи старшинъ и козаковъ двенадцать тысячъ шесть сотъ двадцать два, служили вашему императорскому величеству до окончанія оной усердно.

По повелѣнію покойнаго свѣтлѣйшаго князя и великаго гетмана устроены между нами старшины, яко то войсковые: кошевый, судія, писарь и есаулъ, полковники, сотники, полковые есаулы и хорунжіе, пушкаръ, добышъ и куренные атаманъ; далъ намъ покойникъ булаву и перначей семнадцать, знамено большое бѣлое и праперовъ малыхъ четырнадцать, войсковую печать и часть артиллеріи, а подъ поселеніе намъ отводъ земли обѣщаль у вашего императорскаго величества изходатайствовать.

И до того какъ повелѣлъ оный покойный свѣтлѣйшій князь нашъ съ разныхъ вашего императорскаго величества губерній и заграничныхъ мѣстъ на вновь приобрѣтенную между рѣкъ Буга и Днѣстра, также и на Кибурнской сторонѣ земли переселятся, то уже и переселилось на оную ста(рыхъ куреней?) сѣмъ сотъ пятьдесятъ девять, а въ нихъ мужеска пять тысячъ шестьдесятъ восьмъ, да женска половъ четыре тысячи четыреста четырнадцать душъ, и завели себѣ хозяйство порядочно, яко то домостроительство, водяныя и вѣтренныя мельницы, хлѣбопашество, скотоводство, лѣсы, сады, виноградъ, пасѣки, рыболовные заводы и все, что есть нужное къ оному хозяйству; прочихъ же такихъ, кои и въ позапрошедшую съ Портою Оттоманскою войну отъ бывшаго Запорожья вашему императорскому величеству служили, оныхъ губерній, разныхъ уѣздовъ самыя помѣщики и ихъ пригнатики, не взирая на данныя отъ насъ свидѣтельства, присваиваютъ непринадлежаще въ подданство, самихъ содерживая подъ стражею, а ихъ жевъ и дѣтей угнѣтая ежедневно работою, къ совѣстному поселѣнію не выпускаютъ; а ежели всѣ служившіе съ ихъ сѣмействами будутъ выпущены, то соберется самаго мужескаго полу на двадцать пять тысячъ.

Изъ числа переселившихся на вышеписанную землю отъ нѣкоторыхъ старшинъ и козаковъ взошли къ намъ жалобы, что при переселеніи ихъ изъ подь-помѣщиковъ, оныя помѣщики и ихъ прикащики собственнаго ихъ имѣнія много безъвинно ограбили и не возвращаютъ, и какъ мы и потомки наши, будучи вашего императорскаго величества вѣрноподданные рабы, общаемся и должны вашему императорскому величеству и наследникамъ всероссійскаго престола служить вѣрою и правдою, и все, что къ пользѣ отечества касатися будетъ исполнять со усердіемъ, такъ какъ долгъ сыновъ всероссійскаго отечества требуетъ: прибѣгая подъ покровительство вашего императорскаго величества, всеподданнѣйше рабски просимъ насъ войско во всегдашнее свое Монаршее благоволеніе матерински принавъ, для поселенія на Тамань, съ окрестностями оной, милостиво повелѣть отвести выгодныя земли такъ достаточно, чтобъ имѣющее быть приумноженіе сему войску безъ-нуждно помѣщатся могло, и на вѣчно-покойное потомственное оною владѣніе отправленному съ симъ, избранному отъ войска войсковому судіи, арміи полковнику и кавалеру, Антону Головатому съ старшинами высочайшую вашего императорскаго величества милостивую грамоту выдать. такъ-же и о выпускѣ изъ губерній служившихъ вашему императорскому величеству старшинъ и козаковъ съ ихъ семействами и имѣніемъ, и о возвратѣ заграбленнаго у таковыхъ имѣнія учинить милостивѣйшее разсмотрѣніе.

Февраля дня
1792 года.

IV.

Копія съ письма къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, по тому же предмету писаннаго, 24-ю февраля 1792 года изъ Яссы, Михаиломъ Коховскимъ.

Я имѣлъ честь при рапортѣ моемъ представить вашему сіятельству съ прошенія на всевысочайшее имя къ ея императорскому величеству войска козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги копію, съ которымъ на сихъ дняхъ отправится въ Петербургъ тогожъ войска полковникъ и кавалеръ Головатой. Вамъ сіятельство усмотрѣть изволите изъ онаго, что просятъ они поселившихся между Буга

и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ казаковъ перевести на Тамань. Сямъ по мѣнью моему позволить можно туда переселиться; но о прочихъ просимыхъ ими изъ губерніи не малаго числа людяхъ, кажется, нельзя приступить прежде, пока отъ губернаторовъ не присланы будутъ обстоятельныя вѣдомости о числѣ мужеска и женска пола всѣхъ прежде бывшихъ запорожцовъ, и по соображенію въ тѣхъ губерніяхъ по сему обстоятельству.

При семъ имѣю честь препроводить карту съ означеніемъ на оной границъ просимой ими земля, которую если благоугодно будетъ ея императорскому величеству всеимлостивѣйше имъ пожаловать, то не угодно ли будетъ вашему сіятельству изходатайствовать у ея императорскаго величества, чтобъ при означеніи имъ границъ повелѣно было назначить оныя берегомъ Тамана по проливу янкольскому, такъ какъ черта границы онаго на приложенной картѣ; сіе послужитъ къ предохраненію могущихъ впредь произойти у нихъ съ янкольскими и керченскими жителями ссоръ за рыбную ловлю, и что черноморскимъ козакамъ и безъ сего пролива достанется много рыбныхъ мѣстъ.

Предъ симъ имѣлъ я честь упомянуть вашему сіятельству въ моемъ письмѣ о укрѣпленіи на Таманѣ и содержаніи тамъ двухъ баталіоновъ въ гарнизонѣ; но поелику теперь не малое число черноморскихъ казаковъ охотно туда переселиться желаютъ, то и найдутся они въ состояніи и безъ того сами себя защищать.

V.

Рапортъ бригадира Чепеги ген. Коховскому о дозволеніи черноморской войсковой депутаціи отправится въ Петербургъ и выдачь ей подорожной и прогоновъ¹⁾.

Рапортъ войска вѣрныхъ козаковъ черноморскихъ атамана кошеваго, арміи бригадира и кавалера Чепеги, войсковыхъ старшинъ, полковниковъ и всего войска, писанный къ генералу аншефу Коховскому отъ 21 февраля 1792 года подъ № 107-мъ.

Мы, имѣя намѣреніе для испрошенія у Ея Императорскаго Величества подѣ поселеніе намъ на Таманѣ съ окрестностями оной отводу земли и прочаго отправить съ просьбою, на всевы-

¹⁾ Копія изъ бумагъ В. Ст. Попова.

сочайшее ея императорскаго величества имя написанною, въ Санктпетербургъ избраннаго отъ насъ въ депутаты войсковаго судію, арміи господина полковника и кавалера Головатого съ шестью человекъ старшинами; вашего высокопревосходительства покорнѣйше просимъ, въ томъ намъ давъ позволеніе, о снабденіи его Головатого съ будущими при немъ на четырнадцать лошадей подорожною и прогонными деньгами, учинить милостивое разсмотреніе.

Февраля 26-ю 1792.

VI.

Письмо генер. Коховскаго къ В. С. Попову по предмету переселенія черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государь мой!

Василій Степановичъ.

Признательнейшую приношу вамъ мою благодарность за сообщеніе мнѣ въ трехъ пунктахъ примѣчаній вашихъ, касающихся до переселенія на Тамань черноморскихъ казаковъ. Я тотъ же часъ по полученіи писма вашего послалъ за господами Чепегой, Головатымъ и прочими ихъ сотоварыщами; по прибытіи ихъ ко мнѣ невеговоря съ ними по дѣлу до нихъ касающемуся, не умѣдю обовсемъ обстоятельно васъ увѣдомить. Я надѣюсь, что безъ малѣйшаго затрудненія переселятся они на Тамань, такъ какъ и по первому отъ меня имъ предложенію обѣщали то здѣлать.

Депутация къ высочайшему Двору будетъ также отъ нихъ отправлена, но теперь ли оную должны они отправить, или по переселеніи ихъ на Тамань, съ прошеніемъ и позволеніемъ тамъ сѣлится и въ мѣстѣ просить о утвержденіи за ними тѣхъ земель, кои они для себя изберуть, о чемъ покорнейше прося не оставить безъ увѣдомленія пребывающаго съ искреннымъ почтеніемъ и преданностію,

Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнейшаго слугу,

Михайлу Коховскаго.

13 февраля

1792 г.

въ Яссахъ.

Р. S! Сейчасъ получилъ отъ господина Чепѣги отвѣтъ на мое къ нему письмо, которое при семъ прилагаю.

Ваше высокопревосходительство!

Милостивій батку;

Письмо вашего высокопревосходительства, писанное отъ 9 сего февраля о скорѣйшемъ мнѣ прибытіи въ Яссы, съ великимъ удовольствіемъ имѣлъ честь получить, за которое приношу вашему высокопревосходительству всенижайшую благодарность, и по оному вскорѣ вслѣдъ за симъ къ вамъ пребыть имѣю!

Впрочемъ пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію на всегда таковымъ.

Вашего высокопревосходительства, милостивого батка, всепокорнѣйшій слуга

Захарій Чепѣга.

7. 12 Февраля

1792 г.

Слободзѣя.

8 марта, 1792.

VII.

Отвѣтъ ген. Коховского В. С. Попову съ дополнительными замѣчаніями о переселеніи черноморцевъ на Тамань.

Милостивый Государь мой!

Василій Степановичъ.

Все по письму вашему ко мнѣ отъ 28 генваря съ черноморскими козаками сдѣлано. Они отправляютъ на сихъ дняхъ къ ея императорскому величеству съ прошеніемъ полковника Головатого и прочими. Съ рапорта ко мнѣ отъ бригадира Чепеги и прошенія къ ея императорскому величеству при семъ копія прилагаю. Я писалъ къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову, что полковникъ Головатый отправится отъсель въ Петербургъ. Съ письма моего къ его сіятельству прилагаю также ко усмотренію вашему копію. Съ коей изволити увидеть мои замѣчанія въ разсужденіи ихъ прошенія о выходѣ прежде бывшихъ запорожцовъ изъ губерній. Кажется, что вдругъ приступить къ тому нельзя; а чтобъ удовлетворить ихъ прозьбу, то слегка можно ихъ въ томъ снабдежить, а между тѣмъ преподать всѣ имъ способы къ скорѣйшему переселенію всѣхъ находящихся теперь между Буга и Днестра и на Кинбурнской сторонѣ.

Я не упомянулъ въ письмѣ къ графу Николаю Ивановичу о просьбѣ ими волной торговлѣ, не объясняясь и съ вами, не известевъ будучи, на какомъ основаніи въ Гавридѣ и во вновь приобретенной области будетъ она учреждена.

Имѣю честь быть съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію вашего превосходительства, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга

Михаилъ Коховскій.

24 февраля
1792 г.
въ Яссахъ.

VIII.

Письмо ген. Коховскаго къ В. С. Попову съ извѣстіемъ о переговорахъ ею съ представителемъ черноморской депутаціи полковникомъ Головатымъ по предмету переселенія ихъ на Тамань.

Милостивій Государь,

Василій Степановичъ.

Господинъ полковникъ Головатой прибылъ въ здѣшнюю область. Въ десяти верстахъ отъ Коша простоялъ онъ нѣсколько дней въ лагерѣ, въ ожиданіи прибытія архіепископа Амвросія; въ 15 день августа имѣлъ онъ свой въѣздъ въ Кошъ при пушечной пальбѣ. Всѣ казаки и всѣ поселяне обоего пола собраны были въ Кошъ для сего всерадостнаго дня. Описаніе всей церемоніи и торжества, думаю, къ вамъ уже отправлено. Четвертаго дня онъ былъ у меня. Мы говорили съ нимъ о пути ихъ въ пожалованную имъ землю, о провозатыхъ отъ нижняго земскаго суда отъ Соколовъ къ Бериславлю, о продовольствіи ихъ въ пути провіантомъ, о высылкѣ казаковъ изъ екатеринославской губерніи, о казакахъ, кои похотятъ здѣсь остаться, тожъ и о молдованахъ и волохахъ, живущихъ въ ихъ селеніяхъ, остающемся у казаковъ разнаго рода хлѣбѣ, о заготовленныхъ ими лѣсахъ и объ оставляемыхъ ими домахъ, мельницахъ и прочихъ строеніяхъ. Посудя съ нимъ о всемъ вышписанномъ, иное мы разрѣшили, съ другимъ, что должно здѣлать, постановили. По полученіи отъ Коша на все вышписанное письменнаго отзыва, не премину я донести о всемъ въ подробности. Нынѣ же имѣю честь донести вашему превосходительству, что всѣ казаки, бывшіе на дѣйствительной службѣ, идутъ въ Фанагорію охотнѣйше.

Не служившіе же, перешедшіе изъ екатеринославской губерніи подъ видомъ службы, и устроившіе здѣсь свои дома и имѣющіе лошадиные, рогатаго скота и овечьи заводы, не всѣ идутъ. Изъ молдованъ же и волоховъ живущихъ въ селеніяхъ козацкихъ ни кто итти не желаетъ. О чемъ отъ трехъ селеній поданы ко мнѣ сего дня прозьбы. Надѣясь на благоразуміе г. Головатаго и его ко мнѣ довѣренность, уповаю, что поможетъ намъ Богъ все сіе устроить наилучшимъ и полезнѣйшимъ образомъ.

Имѣю честь съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ быть, Милостивый Государь, вашего превосходительства всепокорнѣйшій слуга.

Василій Коховскій.

Августа 28 д.
1792 г.
Дубосары.

Библіографія.

Памятная книжка кievской епархіи (кievскій епархіальный календарь). Составили А. В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.

„Изданіемъ *Памятной книжки кievской епархіи* редакція ея, говорится въ предисловіи, хотѣла-бы удовлетворить серіозной потребности. Въ общемъ составѣ русской церкви кievская епархія представляетъ собою одну изъ важнѣйшихъ частей не только по обширности, но и по внутреннему значенію своихъ духовныхъ и религіозно-общественныхъ учрежденій. Статистика всѣхъ органовъ и учрежденій церковно-религіозной епархіальной жизни, начиная отъ первой всероссійской древнѣйшей святини, кievо-печерской лавры, и отъ маститаго первосвятителя церкви кievской до скромной сельской приходской церкви и ея смиреннаго служителя, эта статистика, соединенная съ краткими историческими свѣдѣніями о всѣхъ церковныхъ учрежденіяхъ, не есть, думаемъ, дѣло излишнее и бесполезное. Календарная статистика эта дастъ сжатый, во по возможности всесторонній очеркъ епархіальной жизни во всей ея пространственной, количественной, такъ сказать, сторонѣ, а отчасти и во внутренней, качественной, насколько послѣдняя открывается изъ данныхъ, подлежащихъ статистикѣ“.

„*Памятная книжка кievской епархіи* раздѣляется на двѣ части. Въ первой содержатся историко-статистическія свѣдѣнія: 1) объ епархіальномъ управленіи, какъ центральномъ, такъ и уздномъ, 2) о кievо-печерской лаврѣ и всѣхъ монастыряхъ кievской епархіи, мужскихъ и женскихъ, 3) о духовно-учебныхъ заведеніяхъ кievской епархіи и 4) объ обществахъ, имѣющихъ церковныя, религіозныя или нравственныя цѣли. Вторая часть содер-

жить статистическіе списки церквей кievской епархіи по всѣмъ уѣздамъ, по алфавиту, съ обозначеніемъ по возможности всѣхъ относящихся до церквей, духовенства и приходской жизни свѣдѣній. Въ заключительномъ отдѣлѣ представлены общія статистическія свѣдѣнія по всѣмъ, по возможности, сторонамъ епархіальной, церковно-религіозной жизни⁶.

Конечно, для обиходнаго употребленія мѣстнаго духовенства „Памятная книжка кievской епархіи“ представляетъ незамѣнимую справочную книгу по всѣмъ отраслямъ епархіальной жизни. Но, кромѣ практическаго своего значенія, она имѣетъ и научное. Въ послѣднемъ отношеніи двѣ части „Памятной книжки“ имѣютъ для насъ неравный интересъ. Первая часть книжки составлена преимущественно на основаніи печатныхъ источниковъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ и доступныхъ, занимающимся исторіею мѣстнаго края, тогда какъ вторая часть и дополнительный отдѣлъ заключаютъ церковно-статистическія свѣдѣнія, основанныя на малодоступныхъ источникахъ, именно клировыхъ вѣдомостяхъ за 1879 годъ и другихъ официальныхъ свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ 1880 и 1881 годахъ. Мы укажемъ только нѣкоторые общіе итоги и выводы въ заключительномъ отдѣлѣ книжки.

Всѣхъ причтовыхъ церквей въ кievской епархіи, со включеніемъ женскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, 1301; приписныхъ и кладбищенскихъ церквей 105. Изъ сихъ 1406 церквей каменныхъ 162, остальные деревянные и одна желѣзная. Изъ общаго числа церквей частными лицами, помѣщиками, купцами, духовными лицами и др. построено около 200 церквей; всѣ же прочія построены или возобновлены частію прихожанами, частію казною, частію прихожанами съ пособіемъ отъ казны. Построеніе церквей, прогрессивно возвышавшееся во второй половинѣ прошлаго столѣтія, значительно упало съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія и шло весьма медленно до 40-хъ годовъ. За все это время построено было всего 149 церквей, слѣдовательно менѣе 4 церквей въ годъ. Но съ 40-хъ годовъ, когда правительствомъ обращено было вниманіе на церковно-строительное дѣло въ юго-западномъ краѣ, постройка церквей быстро усиливается, такъ что съ 1842 по 1861 г. построено вновь и возобновлено 325 церквей, т. е. болѣе 16 церквей въ годъ. Еще быстрѣе двинулось это дѣло съ 1862 г., когда къ заботамъ правительства, еще болѣе усилившимся послѣ польскаго мятежа, присоединился и свободный трудъ благодарнаго Богу и Царю освобожденнаго крестья-

нива. Съ 1862 по 1879 г., за 18 лѣтъ, построено и возобновлено уже 365 церквей, т. е. болѣе 20 церквей въ годъ.

По праздникамъ и святымъ, въ честь коихъ построены церкви, кievская епархія представляетъ слѣдующія данныя. Церквей Покровскихъ 221, Рождество-Богородичныхъ 173, Михайловскихъ 161, Николаевскихъ 143, Успенскихъ 91, Троицкихъ 82, Иоанно-Богословскихъ 79, Димитріевскихъ 55, Преображенскихъ 44, Параскевеевскихъ 46, Воздвиженскихъ 25, Георгіевскихъ 23, Воскресенскихъ 20, Петро-Павловскихъ 17, Иоанно-Предтеченскихъ 14, Авиинскихъ 13, Ильинскихъ 12, Космо-Даміановскихъ 12, Александро-Невскихъ 10, Введенскихъ 9, Варваринскихъ 7, Казацкихъ 4, Борисо-Глѣбскихъ 3, Владимірскихъ 3 и проч. „Соображеніе этихъ данныхъ, говорятъ составители книжки, приводитъ къ выводамъ: 1) объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи въ прежнее время. Изъ древнихъ церквей епархіи нѣтъ ни одной, посвященной имени великоросійскихъ святыхъ, напр. Сергія Радонежскаго, или сооруженной въ честь особенно чтимыхъ въ Великороссіи чудотворныхъ иконъ—Смоленской, Владимірской, Знаменской и др. Нѣкоторое сближеніе начинается уже въ самое послѣднее время; такъ 4 церкви въ честь Казацкой иконы Богоматери построены въ 60-хъ годахъ, Митрофаніевская въ 1841 году, всѣ Александро-Невскія сооружены въ честь достоправнаго Царя-Освободителя, въ періодъ его царствованія. Замѣтны слѣды историческаго отчужденія нынѣшней епархіи и отъ самаго Кіева, святымъ коего изъ *древнихъ* церквей посвящены только три Варваринскія церкви. 2) Огромное большинство храмовъ посвящено праздникамъ и святымъ, которые приходятся въ осеннее время, отъ 15 августа до 1 ноября, и затѣмъ слѣдуютъ праздники, падающіе на конецъ весны и лѣта, тогда какъ праздникамъ и святымъ, память которыхъ падаетъ на зиму и начало весны, соединяющееся съ великимъ постомъ, посвящено сравнительно очень мало храмовъ. Здѣсь можно видѣть бытовыя черты народной жизни. 3) Обращаетъ на себя вниманіе множество храмовъ въ честь праздниковъ Богородичныхъ (501) и изъ святыхъ преимущественно чествованіе св. архистратига Михаила, св. Николая, св. Димитрія и св. Георгія. 4) Замѣчательно также сравнительно слабое чествованіе пророка Иліи (12 церквей) и Павтелеймона (1 церковь) и отсутствіе храмовъ въ честь такихъ святыхъ, какъ Власій, Флоръ и Лавръ; только значительно распространенное чествованіе св. Параскевы

(38 церквей) показываетъ, по видимому, тождество малороссійскихъ религіозныхъ представленій съ великороссійскими относительно нѣкоторыхъ святыхъ.

Общій составъ служащаго блага духовенства въ кievской епархіи: протоіереевъ 33, священниковъ 1297, діаконовъ 188, причетниковъ 1535, всѣхъ 3044; кромѣ того, просфорень 638. Въ мужескихъ монастыряхъ епархіи (кромѣ лавры, въ которой монашествующихъ 205) въ 1881 году состояло монашествующихъ 211, послушниковъ 171; въ женскихъ монастыряхъ состояло монахинь 200, послушницъ 305. О предосудительныхъ поступкахъ духовенства состояло въ консисторіи дѣлъ (съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ) 458, изъ коихъ окончательно рѣшено 346. По всѣмъ этимъ дѣламъ признано виновными и подвергнуто взысканію епархіальнаго начальства 40 лицъ. Наибольшія взысканія: низведеніе въ низшія должности (2 священника), исключеніе изъ едвѣра (20 причетниковъ), вытѣніи въ монастырь (5 человекъ). Въ средствахъ содержанія духовенство, кромѣ случайныхъ доходовъ отъ прихожанъ, обезпечивается жалованьемъ отъ казны, церковною землею, церковными помѣщеніями и % съ принадлежащихъ причтамъ церквей капиталовъ. О содержаніи духовенства кievской епархіи вообще нельзя не замѣтить, что, сравнительно съ содержаніемъ духовенства большинства великороссійскихъ епархій, оно представляется значительно болѣе удовлетворительнымъ и по высшимъ окладамъ жалованья, и по высшимъ пропорціямъ земли, притомъ по большей части черноземной, и по сравнительно болѣе общему обезпеченію церковными помѣщеніями.

Число и движеніе православнаго народонаселенія по кievской епархіи за 1879 годъ было слѣдующее: въ Кіевѣ: муж. 12,970, жен. 12,065, обомъ половъ 25,035; въ уѣздныхъ городахъ и уѣздахъ муж. 981,122, жен. 1,007,683, обомъ 1,988,805; всего 2,013,840. Браковъ было 24,679; умерло 79,503, родилось 117,527. Вѣдомости кievской консисторіи о дѣлахъ бракоразводныхъ представляютъ слѣдующія данныя: съ оставшимися отъ прежнихъ лѣтъ состояло въ производствѣ бракоразводныхъ дѣлъ въ 1879 г. 268, въ 1880 г. 220, въ 1881 г. 181. Изъ этихъ дѣлъ отказано въ расторженіи браковъ въ 1879 г. по 31 дѣлу, въ 1880 г. по 37, въ 1881 г. по 61. Расторгнуто браковъ въ 1879 г. 188, въ 1880 г. 140, въ 1881 г. 122. Изъ общаго числа расторженій браковъ за три года (450) наибольшее число расторгнуто за безвѣстностію, именно 246, затѣмъ за ссылкою въ Сибирь на поселеніе 62, за прелюбодѣяніе

14, по неспособности 5, по близкому родству 2 и за вступленіе въ бракъ при жизни одного изъ супруговъ 2. Всѣхъ небывшихъ у исповѣди и св. причастія по епархіи въ 1879 г. было 1406, а въ 1881 г. 1579 душъ обоого пола.

Начало церковно-приходскихъ школъ относится къ эпохѣ, предшествующей освобожденію крестьянъ, и особенно быстрое распространеніе ихъ—къ первымъ годамъ по освобожденіи. Пользуясь пробудившимся въ народѣ стремленіемъ къ грамотѣ и удовлетворяя ему, митрополитъ Исидоръ (нынѣ с.-петербургскій) 31 августа 1859 года сдѣлалъ распоряженіе, „чтобы во всѣхъ мѣстечкахъ и селахъ, гдѣ еще не заведены училища, были открыты въ самыхъ домахъ священниковъ школы, если таковыхъ не будетъ устроено со стороны сельскаго общества, и чтобы въ школахъ сихъ учили чтенію и письму и преподавали законъ Божій примѣнительно къ понятіямъ сельскихъ дѣтей“. Встрѣтивъ живое сочувствіе въ мѣстной гражданской власти, распоряженіе это сопровождалось значительнымъ успѣхомъ, такъ что въ теченіе года открыто было 385 школъ. Еще съ большею ревностію заботился о школахъ митрополитъ Арсеній. Къ 1 янв. 1861 года открыто было уже 1036 школъ, въ которыхъ учащихся было 16,269 мальчиковъ и 4,654 дѣвочекъ. Въ 1866 г. въ 1246 приходахъ вѣевской епархіи церковно-приходскихъ школъ значилось 1360, въ коихъ учащихся было мужскаго пола 34,128, а женскаго 8,898, всего 43,626. Колеблясь около этихъ крупныхъ цифръ, число школъ и особенно учащихся въ нихъ начинаетъ значительно падать съ 1878 года, такъ что въ теченіи трехъ лѣтъ число школъ убавилось на 186 и число учащихся въ нихъ мальчиковъ на 6,453, дѣвочекъ 2,263. Уменьшеніе это съ одной стороны, можетъ быть, показываетъ только болѣе точную и сообразную съ дѣйствительностію отчетность о школахъ, а съ другой объясняется и распространеніемъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія, взамѣнъ церковно-приходскихъ школъ.

Церковно-приходскія попечительства возникли изъ высокой идеи древнихъ братствъ—объединить приходскую общину въ дѣлѣ св. вѣры и церкви, привлечь участіе прихода къ попеченію о приходскомъ храмѣ, церковно-приходской школѣ, священнослужителяхъ, бѣдныхъ и больныхъ прихода и о нравственно-религіозной жизни прихода. Плодотворное учрежденіе это, опредѣленное „проектномъ положеніи объ устройствѣ приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ“ отъ 4 августа 1864 г., не могло не

привитися п'я юго-западною краю, родини древнихъ братствъ, гдѣ остатки ихъ еще сохранились. Въ 1865 году въ кievской епархіи учреждено было 18 попечительствъ, въ слѣдующемъ году 33, въ дальнѣйшіе годы иногда еще болѣе, такъ что до 1879 года всѣхъ церковно-приходскихъ попечительствъ открыто было по кievской епархіи 294. Въ 1879 г. открыто было 20 попечительствъ, въ 1880 г. 13, въ 1881 г. 7. Многія изъ этихъ попечительствъ были и до настоящаго времени остаются номинальными, но многія сразу заслужили сочувствіе приходскаго общества и успѣли дать и даютъ доселѣ прекрасные плоды. За 1879 г. попечительствами пожертвовано: въ пользу церкви 41,967 р.; на церковно-приходскія школы 2757 р.; на содержаніе причта 1605 р. Средства попечительствъ составляются изъ пожертвованій членовъ, изъ оброчныхъ статей, отъ сличенія меда въ храмовые праздники, отъ сборовъ и пожертвованій существующихъ по мѣстамъ *молодежики* и *сестричницъ* братствъ, отъ славленія или колядованія въ праздникъ Р. Христова, отъ нарочитыхъ сборовъ по приходу или сборовъ во время исповѣди въ пользу попечительствъ, отъ работъ, плата за которыя жертвуется въ пользу попечительствъ, отъ устроенной при церквахъ продажи яконъ, вѣстиковъ и т. п., отъ штрафовъ за проступки и проч. Все это въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даетъ попечительствамъ значительныя суммы.

Штундизмъ, возникшій въ херсонской губерніи, занесенъ въ кievскую херсонскимъ одводворцемъ Яковомъ Цибульскимъ, пріѣхавшимъ въ село Плюсное, тарашанскаго у., и особенно крестьяниномъ села Чаплинки, того-же уѣзда, Герасимомъ Балабаномъ, который, обжавъ въ херсонскую губернію и заразившись здѣсь штундизмомъ, въ 1871 году былъ водворенъ на жительство въ селѣ Чаплинкѣ. „Здѣсь онъ постепенно заражалъ умы неопытныхъ въ дѣлѣ вѣры крестьянъ, сосредоточивъ свою религіозную проповѣдь въ корчмѣ и привлекая прозелитовъ обильными угощеніями на значительныя средства, присылаемыя ему изъ херсонской губ. для пропаганды. Особенно успѣшно пошло это дѣло, когда къ штундизму присталъ волостной чаплинскій писарь Ляховскій и когда волостное правленіе обратилось въ мѣсто собранія штундистовъ. Здѣсь началась открытая дерзкая проповѣдь Балабана противъ церкви, ея ученія, обрядности и особенно противъ духовенства. Въ 1872 году эта открытая пропаганда лжеученія и публичныя оскорбленія церкви послужили основаніемъ къ привлеченію Балабана къ духовному суду кievской консисторіи; но, ли-

цѣмъриво показавъ себя православымъ, расколоучитель былъ возвращенъ въ родную и, сославъ на мнимое оправданіе своего ученія консисторію, началъ еще съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ дѣло совращеній, распространяя штундизмъ и по сосѣднимъ съ Чаплинкою селамъ и деревнямъ. Только вслѣдствіе усиленныхъ стараній священниковъ, административныя власти обратили наконецъ вниманіе на распространяющуюся заразу и приняли рѣшительныя мѣры. За публичное издѣваніе надъ св. иконами самъ Валабанъ и нѣскольکو евангелическихъ сектантовъ были заключены въ тюрьму и подверглись продолжительному заключенію. Вразумленные этими мѣрами, сектанты впоследствии мѣше запыляли себя публичнымъ оскорбленіемъ святыхъ православной церкви⁴.

„Совершенно несродное, по видимому, духу православнаго народа русскаго и въ особенности народа малорусскаго, выстрадавшаго и кровію отстаившаго свое православіе, протестантское лжеученіе штундизма, какъ и всякое лжеученіе, имѣющее ревностныхъ пропагандистовъ, какъ евангеликовъ, распространяется, но оно распространяется далеко не такъ быстро, какъ представляется въ періодической печати, тенденціозно передающей объ этомъ общія и чрезмѣрно преувеличенныя извѣстія... По офенціальнымъ свѣдѣніямъ, въ 1879 г. въ тарашанскомъ, звенигородскомъ и сквирскомъ уѣздахъ, всѣхъ штундистовъ было 1223 души обоого пола. Нынѣ мы имѣемъ статистическія свѣдѣнія о штундистахъ за 1880 г., собранныя полицією, и за 1881 годъ офенціальныя свѣдѣнія консисторіи. По свѣдѣніямъ полиціи, въ 1880 г. штундистовъ было: въ звенигородскомъ уѣздѣ 272 души обоого пола, въ сквирскомъ 55, въ г. Тарацѣ 13 и тарашанскомъ уѣздѣ 1140, а всего 1480 душъ обоого пола. По свѣдѣніямъ же консисторіи за 1881 годъ: 1) въ тарашанскомъ уѣздѣ состояло штундистовъ въ селахъ: Чаплинкѣ 353, Косяковкѣ 269, Веселомъ Кутѣ 42, Жидовской Греблѣ 39, Попружнѣ 86, Плоскомъ 57, Малой Березанкѣ 66, Крутыхъ Горбахъ 32, Тиновкѣ 29, Разумянцѣ 20,—всего 995; 2) въ звенигородскомъ: Вотылевкѣ 53, Шубинныхъ Ставахъ 17, Чижовкѣ 9, Яблоновкѣ 8, Каменномъ Бродѣ 112, Виноградѣ 43, Боярѣ 39, Рѣвцахъ 28, Моринцахъ 21, Кобалюкахъ 14, Рыжановкѣ 8, всего 352 души; 3) въ сквирскомъ: Сибинцахъ 34, Курьявцахъ 12, всего 46; 4) въ другихъ уѣздахъ: сасилюкескомъ (въ д. Яблунувѣ 6), чиринскомъ (въ с. Топиловѣ 11) и въ каневскомъ (въ селѣ Красногоркѣ 9), всего 26 душъ, а во всѣхъ уѣздахъ штундистовъ обоого пола 1420 душъ. Такихъ

образомъ штундизмъ хотя распространяется пространственно и охватываетъ новыя мѣстности.¹⁾, во численно усиливается мало и даже ослабѣваетъ, или не распространяется болѣе въ мѣстахъ своего первоначальнаго появленія. Въ этихъ послѣднихъ отчетахъ показываютъ и случаи возвращенія къ православнои церкви. Такъ, благодаря увѣщаніямъ и собесѣдованіямъ священниковъ и псаломщиковъ, въ 1879 году возвратилось изъ штундизма въ православіе 25 душъ въ с. Вотылевѣ и 35 душъ въ с. Великомъ Кутѣ; въ 1881 г. въ Вотылевкѣ возвратились 14, въ Шубинныхъ Ставахъ 22, въ Моринцахъ 2 души. Въ с. Вотылевкѣ въ 1879 г. вмѣстѣ съ другими обратился къ православнои церкви бывший у штундистовъ діакономъ отставной солдатъ Іоаннъ Косый, пробывшій въ штундизмѣ 6 лѣтъ. По его собственному сознанію, онъ былъ самымъ убѣжденнымъ, закоренѣлымъ штундистомъ и главнымъ распространителемъ штундизма въ с. Вотылевкѣ; но возникшее въ немъ желаніе посѣщать богослуженіе православнои церкви и частыя собесѣдованія съ мѣстнымъ священникомъ и псаломщикомъ (изъ окончившихъ курсъ семинаріи) привели его къ убѣжденію въ неправотѣ штундистскаго ученія и къ возвращенію въ православіе съ женою и 4-мя дѣтьми. По возвращеніи, Косый обратился къ покойному митрополиту Филоею съ просьбою о принятіи старшаго своего сына въ училище кѣвопечерской лавры для утверженія въ истинахъ православнои вѣры, въ чемъ ему и не отказано. Въ видахъ успѣшнѣйшаго противодѣйствія штундизму, съ 1877 года назначено особое пособіе священникамъ и окончившимъ курсъ семинаріи псаломщикамъ, служащимъ въ зараженныхъ штундизмомъ приходахъ, а также даны особыя средства на покупку въ церковныя бібліотеки учебныхъ пособій для собесѣдованій съ штундистами. При предубѣжденіи противъ священниковъ, штундисты съ большимъ довѣріемъ относятся къ псаломщикамъ⁴.

Раскольники (старообрядцы) кѣвской епархіи всѣ состоятъ изъ великорусскихъ переселенцевъ и сосредоточиваются главнымъ образомъ въ четырехъ пунктахъ кѣвской губерніи: въ Кіевѣ, Черкассахъ, м. Чернобылѣ и Бердичевѣ. По свѣдѣніямъ консисторіи за 1881 годъ, раскольниковъ въ кѣвской губерніи 5776

¹⁾ Послѣ 1879 г. онъ распространился въ слѣдующихъ новыхъ мѣстностяхъ: тарашан. у. въ Крутихъ Горбахъ, Тиновѣ и Разумницѣ; скверскаго у. Сквиничахъ, Курьянцахъ, Кавустиначхъ; въ Топилевѣ чигир. у. и въ Красногородкѣ канев. уѣзда.

душъ обоюго пола. Изъ нихъ 2,265 принадлежать къ поповщинской сектѣ и 3,511 безпоповцевъ. По свѣдѣніямъ полиціи за 1880 годъ число раскольниковъ нѣсколько болѣе и простирается до 7,443 душъ.

Изъ иновѣрцевъ изъ кievской епархіи проживаютъ католики, протестанты и евреи. *Католиковъ*, по свѣдѣніямъ клировыхъ вѣдомостей 1879 г., (съ присоединеніемъ 10,409 католиковъ г. Кіева, по переписи 2 марта, 1874 г.) 56,016 душъ обоюго пола; но по свѣдѣніямъ оффиціального церковнаго католическаго календаря для случкой и житомирской епархіи число католиковъ кievской епархіи простирается до 79,239 душъ обоюго пола. Костеловъ и приходовъ 53, филій 22, каплицъ 115. *Протестантовъ*, по свѣдѣніямъ однодневной переписи г. Кіева 1874 г., въ Кіевѣ находится 2740 душъ; количество протестантовъ въ губерніи не выше этого числа. *Евреевъ*, по переписи 1874 г., въ Кіевѣ значится 13,803, за послѣдніе годы число это по крайней мѣрѣ удвоилось, принимая однако же указаніе „переписи“ и показанія клировыхъ вѣдомостей за 1879 г., получаемъ общее число еврейскаго народонаселенія въ кievской губерніи 300,057 душъ обоюго пола.

Такимъ образомъ, общее число народонаселенія православнаго и иновѣрческаго по кievской епархіи простирается свыше 2,450,000 душъ обоюго пола.

Составители „Памятной книжки“ сознаются, что они не располагали полными и точными данными для церковной статистики и это подтверждаетъ самая книжка. Подозрительными кажутся многія ихъ цифры, особенно о числѣ православнаго населенія г. Кіева, не всегда вѣрны и выводы ихъ. Такъ, намъ кажется невѣрнымъ выводъ о слабомъ чествованіи пророка Іліи и св. Пантелеимона въ кievской губерніи, такъ какъ сравнительно малое число церквей во имя ихъ восполняется обліемъ народныхъ преданій объ этихъ святыхъ. Не можетъ также свидѣтельствовать объ отчужденіи Малороссіи отъ Великороссіи въ религіозномъ отношеніи отсутствіе въ первой чествованія св. мучениковъ Флора и Лавра, считающихся покровителями лошадей, такъ какъ обыкновенный рабочій скотъ въ Малороссіи—волы, а не лошади. Отдѣлъ о составѣ бѣлаго духовенства въ кievской епархіи могъ-бы быть восполненъ по нашему мнѣнію другими не безъинтересными свѣдѣніями, кромѣ предложенныхъ. Интересно бы знать образовательный цензъ бѣлаго духовенства, особенно въ г. Кіевѣ, гдѣ, несмотря на существованіе академіи,

Большинство священниковъ, говорятъ, состоитъ изъ студентовъ семинаріи, и даже не окончившихъ въ первомъ разрядѣ семинаріи и вовсе не бывавшихъ въ ней. Весьма важно знать, насколько привился институтъ псадомщиковъ изъ окончившихъ курсъ воспитанниковъ семинаріи, и какой процентъ они составляютъ въ общемъ числѣ причетниковъ. Не излишни были бы свѣдѣнія о проповѣднической и вообще учительной дѣятельности мѣстнаго духовенства, о положеніи причетниковъ, о такъ называемыхъ составителями книжки „случайныхъ доходахъ“ духовенства, о перемѣщеніяхъ съ прихода на приходъ, съ мѣста на мѣсто, статистикѣ рукоположеній, увольненій за штатъ, смерти и проч. Даныя по нѣкоторымъ изъ этихъ пунктовъ разсѣяны въ Киевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ. Далѣе, въ „Памятной книжкѣ“ указано только общее число не бывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ, безъ указанія причинъ небытія, между тѣмъ какъ нѣкоторыя изъ этихъ причинъ могли-бы быть указателями предрасположенія прихожанъ къ церковному расколу, въ родѣ штундизма. Говоря о церковно-приходскихъ школахъ, составители „Памятной книжки“, совершенно упустили изъ виду прежнія церковныя школы, съ ихъ дьяками или бакалярами, служившія готовою почвою для новыхъ школъ, а инициативу этихъ послѣднихъ напрасно приписали тогдашней епархіальной власти, а не самому духовенству, какъ было на самомъ дѣлѣ. Для объясненія упадка церковно-приходскихъ школъ въ послѣдніе годы, необходимо было-бы знать, кто преподаетъ въ этихъ школахъ, сами-ли священники, или причетники, или-же особые учителя, и съ какимъ образовательнымъ цензомъ; но объ этомъ ничего не сказано въ „Памятной книжкѣ“. Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы при новомъ изданіи „Памятной книжки кievской епархіи“, если оно послѣ дуетъ, по-больше было точности въ историческихъ свѣдѣніяхъ по кievской епархіи и поменьше корректурныхъ ошибокъ, которыя, мѣстами, неприятно поражаютъ читателя въ настоящемъ изданіи.

Н. П.

Жизнь и произведенія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи) съ портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Киевъ. 1882.

Г. Чалый еще въ 1862 году помѣстилъ въ журналѣ „Основа“ (№№ 5 и 6), подъ псевдонимомъ Савы Ч., нѣсколько ма-

теріаловъ для біографіи Шевченка и тогда-же приглашалъ своихъ земляковъ „поспѣшить обнародованіемъ мельчайшихъ подробностей изъ жизни нашего самобытнаго народнаго поэта“. Съ того времени немало уплыло воды въ Днѣпръ, и все таки къ тому, что было извѣстно въ печати о жизни поэта въ годъ его смерти, очень мало, или почти ничего не прибавилось. „Успѣвъ собрать еще нѣсколько матеріаловъ для жизнеописанія нашего незабвеннаго кобзара,—говоритъ г. Чалый въ предисловіи къ своей книгѣ,—я спѣшу оказать посильное содѣйствіе будущему его біографу и помочь ему воссоздать во всей полнотѣ своеобразную личность этого замѣчательнаго человѣка, котораго смерть не даромъ совпала съ великимъ всероссійскимъ событіемъ 19 февраля, 1861 года. Вопль сознавая несовершенство настоящаго своего труда, я не имѣлъ претензіи написать полную біографію художника-поэта Шевченка, достойную его славы: это не болѣе, какъ сводъ хронологически расположенныхъ матеріаловъ, частію уже извѣстныхъ читающей публикѣ, частію совершенно новыхъ“.

Сводъ этотъ въ книгѣ г. Чалаго раздѣленъ на четыре части, изъ коихъ три заняты біографіей Т. Г. Шевченка, и только четвертая посвящена его произведеніямъ. Слѣдовательно, біографія поэта преимущественно предъ его произведеніями занимала г. Чалаго. Это, впрочемъ, и естественно, такъ какъ біографія Шевченка далеко еще не исчерпана не только другими его біографами, но и самимъ г. Чалымъ въ настоящей его книгѣ, тогда какъ кругъ произведеній Шевченка считается болѣе или менѣе опредѣлившимся и законченнымъ. Скажемъ нѣсколько словъ о біографіи Т. Г. Шевченка и объ его произведеніяхъ по книгѣ г. Чалаго.

„Краткая автобіографія поэта, заключающаяся въ письмѣ его къ редактору „Народнаго Чтенія“, говоритъ г. Чалый, имѣетъ для насъ болѣе внутреннее, психологическое значеніе; что же касается внѣшней, фактической стороны ея, то въ ней пропущено много весьма важныхъ подробностей, необходимыхъ для полнаго уразумѣнія симпатичной личности Кобзара, какимъ мы его знали при жизни. Пробѣлы эти только отчасти восполнены немногими изъ его многочисленныхъ когда то поклонниковъ“. Кто восполнялъ эти пробѣлы, г. Чалый, къ сожалѣнію, не перечисляетъ. Но мы не можемъ не замѣтить, что собирая матеріалы, уже извѣстные читающей публикѣ, авторъ разсматриваемой книги, совершенно игнорировалъ нѣкоторые изъ нихъ. Такъ напр.,

онъ не воспользовался воспоминаніями Тургенева и Подолскаго о Шевченкѣ, приложенными въ пражскому изданію его произведеній, 1876 года, и новыми „матеріалами для біографіи Т. Г. Шевченка“ Е. А. Гавневка. А между тѣмъ эти уже извѣстные въ печати матеріалы не излишни были бы для г. Чалаго. Вотъ приемы тому. Рассказавъ о покушеніи Шевченка жениться на горничной Лукеръ въ 1860 г., г. Чалый замѣчаетъ о немъ слѣдующее: „послѣ этого, уже *послѣднюю* покушенія на женитьбу, поэтъ сдѣлался неумолимо лютъ на все женское племя до самой своей болѣзни“. Но изъ матеріаловъ Гавневка мы знаемъ, что послѣ неудавшейся попытки жениться на Лукеръ, Шевченко не оставалъ мысли о женитьбѣ и писалъ въ Полтаву къ старому своему товарищу Федоту Т., прося его принскать ему „полтавку кирпу чернобривну“. Г. Т. сваталъ за Шевченка дочь г. В—скаго. Въ другомъ мѣстѣ своей книги г. Чалый, говоря о недостойномъ будто бы обращеніи графа Перовскаго съ Шевченкомъ, совершенно упустилъ изъ виду другой рассказъ объ отношеніяхъ Перовскаго въ Шевченку, переданный г. Тургениемъ. Какой-то черезчуръ исполнительный генералъ, передаетъ г. Тургеньеву, узнавъ, что Шевченко, не смотря на запрещеніе, написалъ дватри эскиза, почалъ за долгъ донести объ этомъ В. А. Перовскому въ одинъ изъ его приемныхъ дней; но тотъ, грозно взглянувъ на усерднаго доносителя, значительнымъ тономъ промолвилъ: „генералъ, я на это ухо глухъ; потрудитесь повторить мнѣ съ *другой стороны* то, что вы скавали!“ Генералъ понялъ, въ чемъ дѣло, и, перейдя къ другому уху Перовскаго, сказалъ ему нѣчто, вовсе не касавшееся Шевченка. И. С. Тургеньеву показывалъ Шевченко крошечную книжечку, переплетенную въ простой дегтярный товаръ, въ которую онъ заносилъ свои стихотворенія и которую пряталъ въ голенищѣ сапога. Къ чести Перовскаго нужно замѣтить, что онъ былъ другомъ поэта Жуковскаго и едва-ли могъ позволить себѣ недостойное обращеніе съ Шевченкомъ. О фактѣ такого обращенія г. Лѣсковъ слышалъ будто бы между прочимъ, отъ мужа своей тетки, англичанина Шкота, управлявшаго имѣніями Перовскаго. Но могъ-ли быть г. Шкотъ въ Ново-Петровскомъ укрѣпленіи, гдѣ только и возможна была встрѣча Перовскаго съ Шевченкомъ?!

За небольшими сказанными исключеніями, сводъ печатныхъ свѣдѣній о Шевченкѣ составленъ г. Чалымъ полно и обстоятельно. Доселѣ извѣстныя, большею частію отрывочныя свѣдѣнія

о жизни Шевченка приведены имъ въ хронологическій порядокъ и переданы въ связномъ разсказѣ. Но главное достоинство книги г. Чалого состоитъ въ сообщеніи новыхъ матеріаловъ для біографіи Шевченка. Это большею частію—неизданная доселѣ переписка съ Шевченкомъ его друзей, воспоминанія послѣднихъ и личныя воспоминанія самого автора книги. Вслѣдствіе этого, книга отличается такимъ обиліемъ и полнотою біографическихъ свѣдѣній о Шевченкѣ, что она далеко превосходитъ всѣ доселѣ извѣстныя біографіи Шевченка и лучшую изъ нихъ, составленную покойнымъ Масловымъ. Особенною полнотою отличаются свѣдѣнія о жизни Шевченка съ того времени, когда онъ обратился на себя всеобщее вниманіе своихъ земляковъ, т. е. приблизительно съ 1848 года, такъ что съ большею извѣстностію Шевченка увеличиваются и біографическія свѣдѣнія о немъ.

Впрочемъ, и въ этой лучшей части своего труда г. Чалый допустилъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторые недостатки, которые легко могли бы быть устранены при наличныхъ средствахъ. Во первыхъ, г. Чалый мѣстами, за отсутствіемъ положительныхъ извѣстій, допускаетъ не вѣрныя предположенія, которыя однако же облачаетъ въ форму положительныхъ извѣстій. На стр. 17-й онъ говоритъ, что лебедивская мотронинская обитель „въ описываемое время замѣчательна была еще и тѣмъ, что „на цвѣтарѣ“ ея, подлѣ церкви, похоронено много „коліивъ“, о чемъ свидѣтельствовали каменные могильныя плиты, съ удѣлѣвшими на нихъ надписями и что Тарась, тогда уже грамотный, удовлетворяя любовознательности богомольцевъ, прочитывалъ эти надписи“. Лебедивскій—вовсе не мотронинскій монастырь; гдѣ погребены „коліивъ“, про то вѣдали коденскій судъ, кіево-губернская и другія канцеляріи, предположеніе же, основанное на грамотности Шевченка и на существованіи якобы каменныхъ могильныхъ плитъ съ надписями надъ могилами „коліивъ“, можетъ лишь ввести неопытныхъ читателей въ заблужденіе. Во вторыхъ, сводя различныя свѣдѣнія о жизни Шевченка въ одинъ связный разсказъ, г. Чалый не всегда подвергалъ ихъ строгой критикѣ и не устранялъ внутреннихъ противорѣчій между ними. Мы укажемъ нѣсколько примѣровъ хронологическихъ неточностей изъ періода жизни Шевченка между 1843—1847 годами. На стр. 41 г. Чалый говоритъ, что всю зиму 1844 года Шевченко провелъ въ Яготинѣ у Репняныхъ. А между тѣмъ есть основаніе думать, что въ самомъ началѣ 1844 года Шевченко не былъ уже въ Яготинѣ: поэма „Чигиринъ“ написана

имъ 19 февраля 1844 г. въ Москвѣ (Мосевѣ?), а русская повѣсть „Наймичка“ окончена 25 февраля, 1844 г., въ Переяславѣ. Въ юнѣ 1844 г. Шевченко являеся въ Петербургѣ, какъ видно изъ подписи подъ стихотвореніемъ „Сонъ“. Вообще въ подписяхъ подъ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ произведеній Шевченка есть нѣсколько указаній на станціонные пункты въ его страннической жизни. Хронологія же стихотвореній Шевченка даетъ понять, что онъ увлекся идеями кирилло-меодіевскаго кружка не въ 1846 году, когда онъ будто-бы познакомился съ Н. И. Костомаровымъ, а годомъ раньше. Только въ 1845 году Шевченко, Кулишъ и Костомаровъ, входившіе въ составъ кирилло-меодіевскаго общества, могли быть въ Кіевѣ вмѣстѣ.

Четвертая часть книги г. Чалаго, заключающая обзоръ важнѣйшихъ произведеній г. Шевченка, излагаетъ собственно содержаніе главнѣйшихъ произведеній поэта въ простомъ прозаическомъ разсказѣ и имѣетъ въ виду преимущественно читателей великороссовъ. Но въ концѣ этой части есть двѣ заново отдѣланныя главы: „О стихотвореніяхъ Шевченка, какъ матеріалъ для музыкальныхъ произведеній“, и „О Шевченкѣ, какъ живописцѣ“. Изложеніе содержанія важнѣйшихъ произведеній Шевченка не представляетъ почти ничего новаго въ сравненіи съ подобнымъ же изложеніемъ барона Баттагія и А. Т—аго, и даже уступаетъ имъ въ томъ отношеніи, что г. Чалый совершенно отказывается опредѣлить и установить хронологію произведеній Шевченка. „Соблюсти хронологически-точный порядокъ въ распредѣленіи произведеній Шевченка, какой старается удерживать баронъ Баттагія, говоритъ г. Чалый, по нашему мнѣнію, довольно трудно: самъ поэтъ не только не помнилъ времени созданія того или другаго стихотворенія, но подъ гнетомъ неблагоприятныхъ для свободнаго творчества обстоятельствъ, по возвращеніи изъ ссылки, иногда не узнавалъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собственныхъ произведеній, написанныхъ въ раннюю, лучшую пору своей поэтической дѣятельности“. Махнувъ рукою на хронологію произведеній Шевченка, г. Чалый не обращаетъ даже вниманія на тѣ несомнѣныя хронологическія даты, какія имѣются на нѣкоторыхъ произведеніяхъ Шевченка. Извѣстно, что въ „Хатѣ“ Кулиша, 1860 г., помѣщено было десять стихотвореній Шевченка. Объ этихъ стихотвореніяхъ г. Чалый говоритъ, что они „по всей вѣроятности, написаны въ ссылкѣ“. А между тѣмъ въ „Хатѣ“ подъ каждымъ изъ этихъ стихотвореній есть

опредѣленная хронологическая дата: они писаны между 1847—1859 годами, во время ссылки и послѣ нея. Конечно, довольно трудно опредѣлить и установить хронологію произведеній, но не невозможно. Она можетъ быть восстановлена, хотя приближенительно, на основаніи сохранившихся датъ подъ произведеніями Шевченка, обзорнія печатныхъ изданій произведеній Шевченка, указаній его дневника и воспоминаній его друзей, и проч. И только установивъ хронологію произведеній Шевченка, мы можемъ ожидать изложенія исторіи развитія самаго поэта и его идей, необходимой для его изученія и уразумѣнія.

Есть у г. Чалаго нѣкоторые пробѣлы и въ перечнѣ сочиненій Т. Гр. Шевченка. „Изъ произведеній“, написанныхъ Шевченкомъ на общерусскомъ литературномъ языкѣ, говоритъ авторъ книги, извѣстны въ печати только четыре: „Тризна“ (1844), Дневникъ, „Нещастный“ (1881) и „Музыкантъ“. Мы прибавили съ своей стороны, что извѣстны также въ печати русскія произведенія Шевченка: отрывокъ изъ драмы „Никита Габдай“, помещенный въ „Маякѣ“ за 1842 годъ, и отрывки изъ новѣсти „Матрозъ“, напечатанные въ газетѣ „Трудъ“ за 1881 годъ.

Можно было-бы предъявить автору и нѣкоторыя другія требованія относительно изложенія произведеній Шевченка, именно: 1) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ слабѣйшихъ произведеній Шевченка устнымъ народнымъ произведеніямъ,— напр. поэмы „Петрусь“ къ народной пѣснѣ о Петрусь; 2) чтобы показано было отношеніе нѣкоторыхъ произведеній Шевченка къ другимъ украинскимъ писателямъ, напр. поэмы „Червецъ“ къ „Чорной Радѣ“ Куляша (стр. 84—86 „Чорной Рады“, 1857 г.) и 3) особенно, чтобы показано было влияніе на Шевченка русскихъ поэтовъ Жуковского, Пушкина и Лермонтова, замѣченное въ общихъ чертахъ г. Куляшомъ. Последнее требованіе тѣмъ болѣе естественно, что книга г. Чалаго назначается и для великорусскихъ читателей и выполненіемъ этого требованія могла бы еще болѣе расположить ихъ въ пользу Шевченка. Но мы не предъявляемъ этихъ требованій какъ потому, что они не входили въ кругъ задачъ автора книги, такъ и потому, что не всё же требованія можно предъявить одному и тому же труженику науки. Большое спасибо г. Чалому и за то, что онъ сдѣлалъ для біографіи Шевченка столько, сколько никто другой раньше его. Книга его составляетъ необходимое пособіе для всякаго любителя и изслѣдователя украинской литературы,

и должно думать, что эта капитальная книга дастъ новый толчекъ къ критическому обзору жизни и произведений Тараса Григорьевича Шевченка.

Н. П.

Die Ungern oder Magyaren. Paul. Hunvalfy. Vien und Teschen. 1881.

Это сочиненіе венгерскаго этнографа-историка состоитъ изъ шестнадцати небольшихъ главъ: 1) Вступленіе, 2) До-венгерское время въ Панноніи и Дакіи, 3) Древнѣйшія извѣстія о венграхъ, 4) Национальное родство венгровъ, 5) Происхожденіе и прародина венгровъ, 6) Религія и духовная жизнь венгровъ, 7) Вліяніе тюркскихъ народовъ на венгровъ, 8) Вліяніе славянъ, 9) Христіанство и государство въ Венгріи, 10) Пришельцы въ Венгрію, 11) Географія и топографія, 12) Пѣсни о вибелунгахъ и венгерскіи хроники, 13) Политическое и социальное развитіе, 14) Духовное развитіе, 15) Современное положеніе и 16) Антропологическое мѣсто мадьяръ.

Первыя десять главъ составляютъ одно отдѣленіе, которое интересно и для русскаго историка. Особенно важны для насъ главы: III, IV, V, VII, VIII и X.

Первоначальная исторія венгровъ связана съ южной Россіей. Константинъ Б. говоритъ, что они жили подлѣ Хозаріи, между Волгой и Днѣпромъ, и были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ этимъ оригинальнымъ государствомъ. Авторъ приводитъ извѣстія этого писателя и арабскаго ученаго Ибнъ-Даста, который говоритъ, что венгры живутъ скотоводствомъ, охотой и рыбной ловлей, что они принадлежатъ къ тюркскому племени. Г. Увальфи, какъ и слѣдуетъ, не признаетъ послѣдняго извѣстія араба. Однако же онъ приводитъ изъ него цитату, которая вполнѣ едва ли къ намъ относится. Ибнъ-Дастъ, жившій въ X в., уже не засталъ венгровъ на ихъ прежнихъ мѣстахъ: все это пространство занимали печенѣги, бытовыя черты которыхъ и отнесены Ибнъ-Дастомъ къ венграмъ. Такихъ смѣшеній въ арабскихъ извѣстіяхъ мы знаемъ довольно. Чертами венгерскими могутъ быть признаны только, что ихъ государь называется Кенде, а собственное имя его Дусиде. Хозаре никогда не возводили укрѣпленій противъ венгровъ, а противъ печенѣговъ, или, какъ путаютъ нѣкоторые ара-

бы, противъ гузовъ. Тутъ авторомъ сдѣланъ промахъ. Нельзя также иначе смотрѣть и на отождествленіе г. Унвальфа узовъ и половцевъ. Византійскія хроники, арабскія сочиненія и даже наши лѣтописи—всѣ говорятъ противъ такого мнѣнія. Константинъ Б. не знаетъ куманъ-половцевъ, а говоритъ только объ узакъ и печенѣгахъ. Половцы, или кумане византійцевъ и венгровъ, выступаютъ гораздо позже на историческую сцену. Узы борятся съ ними и на берегахъ Дуная и на берегахъ Дона, какъ это извѣстно изъ нашихъ и византійскихъ лѣтописей. Здѣсь нѣтъ возможности приводить фактовъ, но стоитъ только просмотрѣть собраніе арабскихъ извѣстій Досеона, чтобы убѣдиться въ этомъ. Арабы знаютъ нашихъ половцевъ или подъ именемъ кумановъ или кичаковъ. Узы—это торки нашихъ лѣтописей.

Не принявъ мнѣнія Ибнъ-Даста о тюркизмѣ венгровъ, г. Унвальфа въ слѣдующей главѣ старается разрѣшить вопросъ о ихъ племенной принадлежности. Еще г. Европеусъ въ 1874 г., на основаніи сличенія языковъ венгерскаго съ финскимъ, пришелъ къ заключенію о родствѣ венгровъ съ племенами вогуличей, остяковъ. Г. Унвальфа представляетъ сравнительную таблицу языковъ венгерскаго, вогульскаго, финскаго и тюркскаго. Сначала идетъ таблица словъ, выражающихъ понятія частей тѣла, затѣмъ таблица, озаглавленная „*Natürliches und sittliches Leben*“, потомъ конкретныхъ понятій, родства и, наконецъ, именъ числительныхъ. Сравнивая числительныя имена, авторъ приходитъ къ выводу, что финско-угрокіе народы въ самое древнее время своей жизни считали только до 7, имѣли семирочную систему. Дѣйствительно слова, выражающія понятія чиселъ до 7-ми, совершенно сходны въ языкахъ венгерскомъ, вогульскомъ и финскомъ. Далѣе 7-ми слова совершенно различны. „Мы можемъ, говоритъ авторъ, принять время семирочной системы за самое древнее время или прапериодъ (*Urzeit*) финско-угрскихъ языковъ и народовъ“. „На сѣверѣ они простирались до Ледовитаго океана, съ юга ихъ ограничивали различные народы по великому пути. Области рѣвъ—Двины, Къмы, Волги, Ялка, Иртыша, Оби и средняго и сѣвернаго Урала служатъ предѣлами родины этихъ племенъ, изъ которыхъ (предѣловъ) они распространились на западъ и югъ.

Во время совмѣстнаго жительства угро-финскія племена занимались охотой, рыбной ловлей; у нихъ была уже болѣе или менѣе развита семейственность и общественность; были занятія ремеслами, употреблялись домашнія животныя, какъ лошади и

собака. Все это явствует из тождества словъ въ языкахъ угро-финскихъ племенъ для выраженія данныхъ понятій.

Опредѣливъ область распространенія угро-финскихъ племенъ въ періодъ ихъ сожительства путемъ лингвистики, г. Унвальфъ старается очертить границы венгерскаго племени на основаніи извѣстій венгерскихъ лѣтописей. Онъ называютъ двѣ рѣки, Тогату и Эстуль, Этель. Первую авторъ признаетъ за Иртышъ, впадающій въ Обь. Этель, конечно, Волга. На востокъ отъ Денци и Магоріи, прародины венгровъ, по хроникамъ, простирается земля Юріанъ (Jugianogum). Эту Юріанію г. Унвальфъ совершенно неправильно сблизаетъ съ нашей Югрой, которую Іоаннъ IV покорилъ въ 1499 г. (?). Югра, покоренная русскими, и есть та самая Угрія, изъ которой произошли венгры, какъ нѣсколько выше утверждалъ и авторъ, нимѣчая границы угро-финскихъ племенъ. Если вообще можно объяснить Юріанъ Туроца, то ихъ слѣдуетъ сблизить съ Югуріей, центръ которой былъ у верховьевъ Иртыша, которая занимала центральную Азію. Населявшій ее народъ были турки. У нихъ, по словамъ Рубрукваса, былъ источникъ и корень турецкаго и команскаго нарѣчій. Еще Вивіенъ-де-С. Мартенъ предупреждалъ, чтобы не смѣшивать этихъ двухъ Югурій, т. е. финской Угры, или Югры, съ тюркской Югуріей. Это-то сосѣдство съ тюркской Югуріей и могло имѣть вліяніе на языкъ венгровъ. Такъ съ южными животными венгры, по мнѣнію г. Унвальфа, познакомились чрезъ тюрковъ; съ продуктами земледѣлія, съ домашними орудіями, мебелью, предметами одежды, они ознакомились чрезъ тѣ же руки; сюда же нужно отнести религіозныя и духовныя понятія, всѣ они выражаются словами, заимствованными изъ языковъ тюркскихъ. Авторъ не допускаетъ, чтобы эти слова вошли изъ языковъ печенѣжскаго или узскаго: съ первыми венгры были во враждѣ, вторые не были ихъ сосѣдями. Особенно дружественныя отношенія были съ хазарами. Къ венграмъ переселились изъ Хазаріи кабары, которымъ г. Унвальфъ и приписываетъ вліяніе на венгерскій языкъ, внесеніе въ него тюркскихъ словъ. Кромѣ кабаровъ, вѣроятно, долю вліянія оказали и печенѣги, а еще раньше и сосѣдство Югуріи. Скандинавскія саги сохранили память о борьбѣ угрскихъ племенъ съ тюрками. Саги знали эти племена еще до раздѣленія ихъ. Затѣмъ и враждебныя отношенія печенѣговъ начинаются только тогда, какъ ихъ потѣснили узы.

Кромѣ вліянія тюркскаго, венгры испытали вліяніе и славянства. Отъ славянъ, по мнѣнію автора, они заимствовали названія

церковныхъ и религиозныхъ предметовъ и лицъ, понятія и лица общественности и политики, растений, земледѣлія, ремесль.

Отчего венгры не расплавились въ мѣстныхъ элементахъ? Это г. Унвальей объясняетъ сравнительной ихъ многочисленностью при появленіи въ Панноніи и не высокой степенью культуры туземцевъ. Глава, въ которой авторъ трактуетъ о пришедшихъ въ Венгрію, раздѣляется на нѣсколько отдѣленій, по числу переселившихся въ Венгрію народовъ. Авторъ сначала ставитъ намаелитовъ, затѣмъ печенѣговъ, кумановъ, татаръ и вѣмцевъ. Каждому изъ этихъ племенъ посвященъ краткій очеркъ исторіи его въ Венгріи; это почти простое перечисленіе фактовъ, довольно сухое, но лишенное нѣкоторыхъ интересныхъ данныхъ, хотя и на базѣ мелкихъ промаховъ. Вообще одна изъ недостатковъ автора, это почти полное отсутствіе ссылокъ, невозможство съ русскими источниками и даже отчасти съ арабскими. Но мы уже видѣли, насколько интересны первыя главы труда г. Унвальей; не менѣе интересна и вторая часть, гдѣ авторъ рисуетъ политическое устройство Венгріи и взаимныя отношенія ея сословія. Мы должны еще воздать благодарность автору, что онъ употребилъ въ своемъ трудѣ доступный нѣмецкій языкъ, а не венгерскій.

П. Голубовскій.

Кіевъ. 1882 г. Іюля 18.

Песадъ Вилкова. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Составилъ Георгій Бахталовскій. Кишиневъ. 1881 г.

Предъ нами брошюра во сто съ небольшимъ страницъ, посвященная описанію никому неизвѣстнаго уголка Бессарабіи, п. Вилкова, близъ Килии, въ устьяхъ Дуная. Поселеніе это бѣдное, исторія его не давняя, не богатая фактами, интересная, по видимому, для однихъ лишь вилковцевъ; источники для нея также скудные: документы мѣстной управы, записи церковныя, рассказы старожиловъ. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Бахталовскаго не лишенъ значенія для людей интересующихся исторіей южной Россіи. Съ усердіемъ и любовію авторъ отдался своему труду, кропотливо и добросовѣстно собиралъ и разбиралъ скудные матеріалы и старался выжать изъ нихъ все, чѣмъ можно освѣтить исторію этого темнаго, заброшеннаго уголка и привести ее въ исторію края. Только подобными трудами можетъ пополняться и разъясняться

наша общая исторія, и нельзя не желать, чтобы такіа изслѣдованія являлись у насъ чаще и чтобы люди, посвящающіе имъ свой досугъ, не смущались кажущеюся мелочностію тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть сообщены ими о близкихъ имъ почему-либо городахъ и городишкахъ. Посадъ Вилковъ—это одинъ изъ тѣхъ отпрысковъ Запорожья, которые оно дало отъ себя, погибая не естественною смертію и которые лишь теперь повемногу приводятся въ извѣстность. По мѣстному преданію, онъ основанъ запорожцами послѣ уничтоженія Сѣчи (въ 1775 г.), когда одна часть сѣчевиковъ не скоро нашла себѣ мѣсто на Кубани, а другая въ слѣдъ за разореніемъ роднаго Коша эмигрировала въ Турцію. Отдѣлившаяся гореть послѣднихъ, заняла то мѣсто, на которомъ теперь стоитъ Вилковъ и которое принадлежало тогда Турціи. Кубанцы посѣщали своихъ братьевъ, поселившихся за предѣлами родной земли и, можетъ быть, въ честь ихъ одно изъ гирлъ Дуная называется у простонародья Кубанкой.

Занявъ пустынный, частію болотистый, частію песчаный мѣста вблизи Дуная, набожные запорожцы прежде всего устроили себѣ здѣсь церковь изъ лозняка, камыша и глины. Можно вообразить себѣ по матеріалу для постройки, что это была за церковь. Но ими движетъ преданіе о дорогой Сѣчи и убогую свою церковь - мазанку они посвящаютъ имени Покрова Пресвятыя Богородицы, въ подражаніе сѣчевой, а при ней устрояютъ колокольню. Это были ястые сѣчевики; по старому обычаю жили они въ дурняхъ, наполняя свой составъ бѣглецами изъ Украйны, наводнявшими Бессарабію, и занимаясь рыболовствомъ.

Послѣ присоединенія Бессарабіи къ Россіи (въ 1812-мъ году, по букарестскому трактату), холостые вилковскіе запорожцы, по словамъ г. Бахталовскаго, „не желая оставаться въ російскихъ владѣніяхъ, перешли за Дунай и поселились въ Турціи“ (стр. 9—10). Уходя изъ Вилкова, они унесли съ собой два колокола отъ покровской, вилковской церкви, но зарыли ихъ въ землю въ старой Кяліи. Впослѣдствіи вилковцы вырыли изъ земли эти „дзвонны“ и перевезли ихъ обратно въ свое селеніе. Сперва жители Вилкова состояли исключительно изъ украинцевъ, но позже сюда мало-по-малу стали стекаться и великороссы, главнымъ образомъ старообрядцы, убѣгавшіе отъ религіозныхъ притѣсненій на родинѣ. Элементъ великороссійскій превозмогъ малороссовъ, причѣмъ часть послѣднихъ совершенно выбралась изъ Вилкова, а большинство поселилось вблизи построенной запорожцами Покровской цер-

кви (стр. 10—11), такъ что теперь населеніе Вилкова состоитъ, выражаясь словами письменныхъ документовъ вилковской ратуши, „изъ двухъ породъ“—великорусской и украинской, въ которыхъ пристала также „малая толпа“ вездѣсущихъ евреевъ (стр. 21). Великоруссы и малоруссы существенно различаются здѣсь въ вѣроисповѣданіи, обычаяхъ и обстановкѣ жизни, вслѣдствіе чего каждая изъ этихъ „двухъ породъ“ имѣетъ въ Вилковѣ свое особое кладбище и вообще сторонится другой.

Не безъинтересны, въ историческомъ отношеніи, сообщенія автора о томъ, какъ взыскивались съ вилковцевъ въ старину казенныя подати исправникомъ Копейкинымъ. „Копейкинъ, говоритъ авторъ, со словъ о. Гончарова (старика-протоіеря, рассказывавшаго ему о прежнемъ житьѣ-бытьѣ вилковцевъ), выбрался въ исправники изъ волостныхъ писарей и, съ цѣлью ускореннаго сбора податей, имѣлъ обыкновеніе натравливать жителей недалеко лежащаго селенія Галилешть на вилковцевъ; эти галилешне врывались въ ихъ дома, ломали мебель, заливали огонь въ печи и чинили многія иныя пакости“ (стр. 24).

Преданныя мирнымъ занятіямъ рыболовства, вилковцы, однако, во время турецкихъ войнъ, иногда принимали участіе въ войнѣ съ бусурманами; такъ, въ 1828 году сорокъ лодокъ съ вилковцами участвовали въ переправѣ русской арміи черезъ Дунай, ниже Рени. Числясь казенными поселенцами, жители Вилкова были надѣлены пахатной землей; но послѣдняя, какъ на бѣду, лежала отъ ихъ обиталищъ чуть не за тридцать верстъ и за нее нужно было платить налоговъ чуть-ли не больше, чѣмъ самая земля эта приносила дохода (стр. 29). Это обстоятельство подало поводъ вилковцамъ хлопотать о переименованіи ихъ селенія въ посадь, каковыя хлопоты, наконецъ, и увѣнчались успѣхомъ въ 1840 году.

Пропуская исторію вилковской ратуши, не представляющую прямого историческаго интереса, остановимся на рассказѣ автора о бѣглыхъ, искавшихъ приюта и спасенія въ Бессарабіи. Одною изъ причинъ обѣдненія посада Вилкова и уменьшенія количества его жителей, говорятъ г. Бахталовскій, „должны быть признаны многочисленныя дѣла о припискѣ къ Вилкову бѣглыхъ или бродягъ, повлекшія за собою ссылку многихъ вилковцевъ въ Сибирь“ (стр. 70). Всѣмъ извѣстно, какова была жизнь помѣщичьихъ крестьянъ во времена вѣрнопостнаго права; немногимъ лучше этого жилось и сектантамъ въ строгія времена Николая I-го. Тѣ и другіе, поэтому, искали спасенія за границей и вблизи турецкой границы; адми-

нистрація-же, въ свою очередь, употребляла всѣ усилія къ пре-
 бращенію здѣсь бродяжничества. Бѣглецы получали, такъ сказать,
 права гражданства въ Бессарабіи различными путями: иногда бѣг-
 лець, подмазавъ, *идъ надо*, добывалъ себѣ изъ ратуши свидѣтель-
 ство о томъ, что онъ „значится въ числѣ приписывающихся“ къ
 вилковскимъ, напримѣръ, мѣщанамъ,—иногда онъ принималъ имя
 и фамилію какого-нибудь умершаго обывателя и вносилъ за него
 подати, иной разъ бѣглець поступалъ въ члены какого-нибудь
 семейства и т. п. Такія продѣлки не всегда благополучно сходили
 съ рукъ вилковцамъ. Такъ въ 1843 г., за приѣмъ и укрыватель-
 ство нѣкоего бѣглаго, называвшаго себя Петлеваненкомъ, судили
 шестнадцать человѣкъ вилковцевъ-малороссовъ, изъ числа кото-
 рыхъ семь душъ понесли тяжелое наказаніе (ссылка въ Сибирь,
 наказаніе плетью, тюремное заключеніе на семь дней и денежный
 штрафъ), а остальные девять человѣкъ оправданы.

Гр. Д—нъ.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ОТНОСИТСЯ ЛИ ПѢСНЯ О ВЗЯТІИ АЗОВА *) КЪ СОБЫТІЯМЪ ХІ ВѢКА?

Въ іюльской книжкѣ Кіевской Старины за текущій годъ напечатана статья достопочтеннаго г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событіи ХІ вѣка“, имѣющая цѣлю сообщить очень важное открытіе въ области нашей южнорусской этнографіи. Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ, близкомъ къ мѣстности древняго города Торческа, взятаго половцами въ 1033 году, изъ устъ селянъ записано преданіе, сходное съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. По лѣтописи (П. С. Р. Л. 1. 93—94) разсказывается, что когда половцы съ большою силою обступили Торційскій градъ, выступили противъ враговъ князя изъ Кіева: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ и меньшій братъ послѣдняго Ростиславъ. Но между ними настала безланица и они обратились въ бѣгство съ своими дружинами. Молодой князь Ростиславъ при переправѣ черезъ рѣку Стугну утонулъ передъ глазами старшаго своего брата Владиміра Мономаха. „Половцемъ же осѣдающимъ Торцьскій, противящимся же Торцьскомъ и крѣпко борющимся изъ града убиваху многы отъ противныхъ; половцы же начаша налегати и отъмиаху воду и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку глаголюще: аще не привлещи брашна, предатися имами. Святополкъ же посла имъ и не бѣ зѣбъ вера-

*) Кіев. Старина, іюль, стр. 81.

стися въ градъ множествомъ вой ратныхъ. Изнемогши люди въ градѣ голодомъ и предашася ратнымъ“.

Одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ Корній Валовый передаетъ дошедшее до него преданіе такъ:

Этотъ городъ былъ еще при тѣхъ князьяхъ, которые княжили когда-то въ Кіевѣ, Красномъ и Трипольѣ; тому уже будетъ съ тысячу лѣтъ. Говорятъ, городъ Торчъ былъ очень силенъ и неприятель (а тогда все орды ходили) никакъ не могъ его добыть. Только начнутъ лѣзть на валы, торчане бросаютъ на нихъ колоды съ валовъ: повололать ихъ добрымъ порядкомъ—они и отойдутъ въ свои шанцы. Однако хитростями городъ взяли: воду отвернули со Стугны, да чумакомъ; князья пришли на помощь торчанамъ и стали между собой толковать и ссориться. А орда, не долго думая и совѣтуясь, какъ бросится на нихъ, и потопила всѣхъ въ Стугнѣ.

Другой мѣстный туземецъ Омелько продолжалъ рассказъ такъ:

Враги же все не отступаютъ отъ Торча, облегли его кругомъ такъ, что тамъ стало нечего ѣсть и пить: отвели, значить, воду, а сами приготовили пятьдесятъ возовъ чумацкихъ: въ переднихъ наложили хлѣбнаго зерна, а въ остальныхъ сами залегли и говорятъ: мы вамъ провіантъ веземъ присланный отъ помощи. Дѣло происходило ночью. Имъ отворили ворота. Они такимъ образомъ взяли Торчъ: вотъ это и значить: чумакомъ взяли городъ. И въ пѣснѣ про это поется:

А зробимъ, братці, цівтораста возовъ,

Да поидемо въ Азовъ.

Приходе вупчина, пытае.

У насъ, брате, товаръ дорогой...

Пѣсня, которую привелъ Омелько, найдена была въ нѣсколькихъ вариантахъ. Содержаніе ея таково: богачъ бурлакъ собираетъ ватагу молодцовъ, все изъ мастерового народа, снаряжаетъ возы съ дорогими мѣхами на продажу, а въ заднихъ возахъ вмѣсто товара запрятываются молодцы. Они отправляются въ какой-то городъ, различно именуемый въ различныхъ вариантахъ пѣсни. Такимъ способомъ они овладѣваютъ этимъ городомъ. По нѣкоторымъ же вариантамъ они просто продаютъ свой товаръ вмѣстѣ съ воза-

ми и волами. Пѣсня эта не составляет мѣстнаго сокровища, распространена повсюду и мнѣ была извѣстна уже лѣтъ сорокъ. Позволю себѣ не согласиться съ выводами достопочтеннаго изслѣдователя и укажу почему:

1) Намъ остается желательнымъ знать: былъ-ли грамотенъ Корній Валовый и не сообщилъ ли ему свѣдѣній о древнемъ Торчѣ кто-нибудь изъ печатной книжки, а объ этомъ, хотя бы кратко, можно найти въ любой русской исторіи, въ нѣкоторыхъ же и подробно съ мелочами лѣтописнаго разсказа. Вездѣ, гдѣ есть мѣстности, которыхъ названія почему-либо извѣстны въ исторіи, мѣстные грамотѣи любятъ читать и другимъ передавать прочитанное о своей мѣстности. Что-то уже слишкомъ близко къ лѣтописи знаетъ этотъ Корней Валовый о событіяхъ XI вѣка и притомъ такихъ, какъ неудача русскихъ при переправѣ черезъ Стугну и потопленіе ихъ. Какъ могло такое событіе, одно изъ многихъ, похожихъ въ главныхъ чертахъ другъ на друга, уцѣлѣть въ теченіи 800 лѣтъ въ народной памяти?!

2) О безыскусственности разсказа Омелька не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но въ немъ сходство съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ только то, что осажденные въ Торчѣ принуждены были къ сдачѣ города отведеніемъ воды и голодомъ. Такой конецъ обыкновенно полагается въ преданіяхъ обо всѣхъ старинныхъ городахъ. Въ псковской губерніи обо всѣхъ старинныхъ псковскихъ пригородахъ разсказываютъ на мѣстѣ одно и тоже: городъ былъ большой, церквей въ немъ было нѣсколько десятковъ, силенъ былъ городъ, да взяли его потому, что воду отвели изъ такой-то рѣки и подвозу съѣстнаго не стало; да вѣдь оно такъ всегда почти и бываетъ! Вѣрность въ сказаніи Омелька въ этомъ случаѣ зависитъ отъ естественности: все равно, есть ли въ лѣтописи о такомъ концѣ Торческа, или нѣтъ, въ разсказѣ о старомъ городѣ, взятомъ врагами, преданіе окончится именно такою чертою. Что касается до взятія Торческа посредствомъ введенныхъ туда повозокъ съ запряганными молодцами, Омелько здѣсь приурочилъ къ своему Торческу общую, извѣстную ему пѣсню. Мы готовы битися объ-закладъ, что въ другой мѣстности, гдѣ есть городище стариннаго города, непременно можно услышать такое же приуроченіе этой же самой пѣсни.

3) Что касается до самой пѣсни въ ея основѣ, то мы не сомнѣваемся причислить ее въ разрядъ древнихъ; замѣтимъ, что намъ она всегда казалась заимствованною изъ великорусскихъ, хотя уже отъ времени сильно притертою въ малорусскомъ народномъ обиходѣ, но это не уничтожаетъ въ ней колорита древности, напротивъ, еще болѣе придаетъ онаго: чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ близости въ ней можно найти больше съ другою единоплеменною народностью. Когда сложился въ ней образъ народного міровоззрѣнія, представляющій взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ,—мы сказать не въ состояніи; но вѣрно то, что онъ сложился и облекся въ пѣсню вслѣдствіе не какого нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ, и потому самъ былъ источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, происходившихъ въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ образъ составилъ часть народного міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Эти пятьдесятъ или двѣсти пятьдесятъ воевъ со скрытыми тамъ воинами—тотъ же деревянный конь хитроумнаго Одисея, введенный подъ дружелюбнымъ предлогомъ въ Трою, и тайно нагруженный воинами, которые съ наступленіемъ ночи встали изъ своего убѣжища и разорили всю Трою. Что этотъ деревянный конь въ свое время сдѣлался образомъ народного эллинскаго міросозерцанія, показываетъ то, что послѣдующая исторія греческихъ республикъ не скудна событиями, когда воюющія стороны брали верхъ посредствомъ хитраго введенія своихъ силъ и къ соперникамъ подъ дружелюбными предложениями. Въ исторіи другихъ народовъ можно также встрѣтить такой же образъ народного міросозерцанія, и подобнаго рода дѣйствительно бывшія событія, которыя безъ сомнѣнія возникали въ значительной степени отъ этого міро-созерцанія, укоренившагося прежде.

4) Наша пѣсня о введеніи воевъ съ воинами, подъ дружелюбнымъ предлогомъ привоза товара на продажу, вѣроятно носить въ себѣ зародыши разныхъ народныхъ вымысловъ и дѣйствительныхъ событій, порождаемыхъ силою обычнаго народного міросозерцанія; но напрасны будутъ усилія приурочить ее къ какому-нибудь опредѣленному историческому событію въ томъ или дру-

гомъ вѣкъ нашей исторіи. Ее уже, какъ видно, относили къ событіямъ XVII вѣка. Псевдо-Конисскій рассказываетъ подобное событіе по поводу освобожденія возаками Палѣя изъ польскаго плѣна; неизвѣстно, самъ ли псевдоисторикъ пригналъ тотъ рассказъ къ Палѣю или взялъ уже готовое приложение его въ народѣ. Во всѣхъ вариантахъ видно, что идетъ скорѣе дѣло о временахъ казацкихъ, а не о древнихъ княжескихъ. Города, упоминаемые въ разныхъ вариантахъ различно, все таки заимствованы изъ географіи позднѣйшей казацко-татарской эпохи, а не удѣльно-вѣчевой: Азовъ, Кремень (Иславъ—Кермень), Кишеневъ, Ростовъ, Щучинъ (?). Исследователь большое значеніе для себя видитъ въ томъ, что одинъ вариантъ кончается такъ, какъ будто орда захватываетъ и вводитъ въ городъ возы, что (говоритъ онъ) болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчаномъ (Кіевск. Стар., июль 1882 г., стр. 93). Дѣйствительно есть такой вариантъ, гдѣ говорится, что орда забрала волю и возы; но не говорится, что орда ввезла эти возы, овладѣвъ ими прежде, какъ бы хотѣлось достопочтенному г. Стоянову, желающему во чтобы то ни стало подогнать эту пѣсню къ подобію съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о вятіи Торческа половцами. По смыслу этого варианта выходитъ, что привезшіе товаръ говорятъ: завтрашній день увидимъ, братья, сами, что будетъ.

А по завтрашнемъ, братья,
Побачемо ще й сами...

Далѣе говорится, съ вечера орда городомъ овладѣла кругомъ (городъ объяла), къ полуночи—вошла въ городъ, а на разсвѣтъ—забрала возы и волю. Хотя, вообще, излагается событіе не ясно, но все-таки видно, что явленіе орды совершается уже послѣ того, какъ возы введены въ городъ, а не орда эти возы вводила, какъ хочется достопочтенному исследователю. Онъ увлекается въ желаніи непременно привязать эту пѣсню къ Торческу до того, что окончаніе вышеприведеннаго варианта: „кому недостаетъ сукогъ и золота; тотъ беретъ молодыхъ турчановъ“ толкуетъ такъ, какъ будто слово: туркени—турчанка, здѣсь значить—торкени—обитательница города Торческа, тогда какъ слово: туркени—самое употребительное до сихъ поръ и совершенно ужѣстно въ вариантѣ, гдѣ

дѣйствіе происходитъ въ городѣ Азовѣ, населенномъ турками. Больше правдоподобно гг. Рудченцо (Чум. пѣсни, 84) и г. Т—въ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 года) склоняются по этимъ чертамъ варианта, о которомъ идетъ рѣчь, видѣть здѣсь великорусскую разбойничью пѣсню, или же пѣсню о взятіи Азова донскими казаками при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; но это имѣетъ правдоподобіе только относительно особенностей одного этого варианта пѣсни, а не всей пѣсни. Вообще вариантъ этотъ не составляетъ единой и неизмѣнной редакціи всего народнаго произведенія; напротивъ, въ большей части другихъ извѣстныхъ намъ вариантовъ этой пѣсни вовсе не упоминается объ ордѣ, которой здѣсь въ заключеніе всего достаются привезенные вояы съ товарами. Пѣсни, какъ веѣмъ занимавшимся ими вѣдомо, въ текущемъ обращеніи среди народа видоизмѣняются; изъ одной отдѣляются части и образуютъ особыя пѣсни, одна пѣсня соединяется съ другою, изъ чужой заходятъ случайно стихи и даже большія части и придаютъ иной смыслъ содержанію, иногда даже вносятся части единственно по сходству или даже по отдаленному подобію напѣва, и притомъ пѣсни въ одномъ краѣ поются иначе, чѣмъ въ другомъ, подвергаясь вліянію и говоровъ и индивидуальныхъ особенностей поющихъ лицъ. Поэтому, чтобы понимать истинный смыслъ пѣсни и ея первоначальное бытіе, нужно имѣть въ виду только основныя черты ея, а не случайныя: отличать тѣ и другія составляетъ важнѣйшее искусство въ этнографіи.

5) Ничего не помогаетъ г. изслѣдователю и приведенный имъ рассказъ о томъ, что, по сообщенію Омелька, одинъ разъ дѣти на мѣстѣ древняго Торческа нашли яму и въ ней шолоховый клубочекъ. Когда они стали его мотать, вдругъ изъ подъ земли показалась церковная глава и стала выходить церковь. Но тутъ прибѣжала мать и церковь опять ушла подъ землю. Этотъ поэтический рассказъ не принадлежитъ исключительно одной какой нибудь мѣстности и даже одному какому нибудь краю. Онъ ходитъ по всей Руси, повторяется почти вездѣ, гдѣ есть преданіе объ ушедшей подъ землю церкви, которая иногда, хотя рѣдко, является людямъ. Такихъ преданій много.

Изъ всего изслѣдованія многоуважаемаго г. Стоянова одну только представляеть вкладъ въ науку: это опредѣленіе мѣстопо-

ложенія древняго Торческа на р. Стугнѣ, что и осталось у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Торча, какъ называютъ они до сихъ поръ бывшій городъ. Любопытно было бы, если бы археологи нашли возможнымъ поискать [въ глубинѣ земли остатки его бытія и жизни его обитателей.

Н. Костомаровъ.

Юля 11-го 1882 года.

ПОСЛѢДНІЙ ПИСАРЬ ВОЙСКА ЗАПОРОВСКАГО ГЛОБА.

Въ Русской Старинѣ 1875 года (ноябрь) была помѣщена мною статья: „Калнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи“, написанная мною по случаю истечения ста лѣтъ со времени уничтоженія „славнаго войска запорожскаго“. Въ этой статьѣ, между прочимъ, напечатаны собранныя мною въ 1862 году преданія бѣломорскихъ поморовъ о Калнишевскомъ, свѣдѣнія объ отправкѣ его изъ Архангельска для содержанія въ Соловецкій монастырь, заимствованныя изъ дѣлъ архангельскаго губернскаго архива, всеподанный докладъ кн. Потемкина о заточеніи кошеваго атамана въ Соловецкій монастырь, войсковаго судьи Головатаго и войсковаго писаря Глобы въ сибирскіе монастыри,—указъ св. синода архимандриту соловецкаго монастыря Досиѣю о способѣ содержанія Калнишевскаго въ заточеніи, надпись на евангелии, пожертвованномъ монастырю Калнишевскимъ и надпись на памятникѣ, устроенномъ надъ могилой Калнишевскаго архимандритомъ Александромъ. Въ указанной статьѣ мною мимоходомъ упоминается также о томъ, что войсковою писарь Глоба былъ сосланъ въ г. Туруханскъ, въ тамошній монастырь, гдѣ и умеръ около 1790 года. Это послѣднее извѣстіе сообщено было мнѣ въ г. Воронежѣ извѣстнымъ любителемъ русской литературы Н. Д. Мизко, родственникомъ Глобы по матери. Считаю великимъ сообщить все то, что было передано мнѣ г-мъ Мизко, а также что извѣстно о Глобѣ изъ другихъ источниковъ.

По свѣдѣніямъ, заключающимся въ „Исторіи Новой Сѣчи“ А. Скальковскаго, Иванъ Яковлевичъ Глоба первоначально служилъ писаремъ на запорожскихъ перевозахъ и въ паланкахъ; въ 1762

году онъ былъ выбранъ войсковымъ писаремъ и, въ качествѣ таковаго, въ томъ же году участвовалъ, вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Федоровымъ, въ поѣздѣ въ Петербургъ по дѣламъ войска. Подъ 1765 годомъ о немъ снова упоминается, какъ о войсковомъ писарѣ. Последнюю должность онъ, вмѣстѣ съ кошевымъ Калишевскимъ, сохранилъ въ теченіи 10 лѣтъ, до самаго уничтоженія Сѣчи, чего до того времени въ Кошѣ „изъ вѣку вѣковъ не бывало“. Въ 1765 г. онъ снова участвовалъ въ депутаціи, отправленной запорожцами въ Петербургъ. Затѣмъ встрѣчаемъ его принимающимъ участіе въ компаніи 1770 года, за которую онъ получилъ отъ государыни золотую медаль. Глоба отличался выдающимся умомъ, познаніями и сметливостью, такъ что прослылъ самымъ умнымъ козакомъ въ Сѣчи (т. II, стр. 290 и 303; т. III стр. 83). Объ его дарованіяхъ можно заключать, напримѣръ, по сочиненной имъ рѣчи, которая сказана была запорожскою старшиною Еватеринѣ II-й 9 сентября 1762 года въ петровскомъ дворцѣ, подъ Москвою, гдѣ императрицу поздравляли съ благополучнымъ восшествіемъ на престолъ „знатныя персоны обоего пола“. Рѣчь эта, напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1840 годъ (т. II, стр. 163), начинается словами: „Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворившій Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть“. Произнесенная запорожцами рѣчь произвела благопріятное впечатлѣніе на императрицу, такъ что она, по окончаніи рѣчи, „милостиво изволила кошеваго атамана и старшину о своемъ покровительствѣ обнадежить, и какъ атамана, такъ и старшину, припадшихъ къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, жаловать въ руки“.

Послѣ разоренія Сѣчи, Глоба, вмѣстѣ съ кошевымъ и генеральнымъ судьей, понесли на себѣ всю отвѣтственность за вини Запорожскаго войска. Они, какъ сказано выше, въ 1776 году были заключены въ монастыри. Заточеніе ихъ было строгое, такъ какъ въ указѣ св. синода предписывалось, „чтобы узники сіи содержаны были безвыпуску изъ монастырей и удалены-бъ были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія“. Кошевой Калишевскій находился въ заточеніи до 1801

года, когда онъ былъ освобожденъ по высочайшему повелѣнію, хотя и не оставляя уже соловецкаго монастыря до смерти, послѣдовавшей въ 1803 году. Но Глоба не дождался свободы; онъ умеръ въ заточеніи въ 1790 или въ 1791 году.

По смерти заключеннаго, изъ тобольскаго намѣстническаго правленія было сдѣлано сообщеніе екатеринославскому намѣстническому правленію, а изъ послѣдняго присланъ указъ новомосковскому нижнему земскому суду о розысканіи родственниковъ „умершаго секретнаго арестанта Ивана Яковлева Глобы“. Обращеніе екатеринославскаго намѣстническаго правленія къ новомосковскому земскому суду послѣдовало вслѣдствіе того, что родственники покойнаго жили возлѣ г. Новомосковска. Умершій имѣлъ родную сестру Авдотью Яковлевну, бывшую замужемъ за Василиемъ Бойко¹⁾). Родственники заточеннаго разыскивались по той причинѣ, что послѣ его смерти осталось нѣкоторое имущество и деньги. Вотъ реестръ этого имѣнія, составленный въ Туруханскомъ монастырѣ 7 сентября 1791 года и сообщенный тобольскимъ намѣстническимъ правленіемъ:

1) Сундукъ кедровой, окованный изрѣдка чернымъ желѣзомъ.

2—8) Кафтаны: в. штофной по голубой землѣ, съ разными травами, подложенъ черной выбойкой; в. штофной по бѣлой землѣ, съ разными травами, стеганный на красномъ кумачѣ; в. штофу краснаго, стеганный на хлопчатой бумагѣ, подложенный кумачемъ; в. алой обьяри съ травами, полы обложены тою-жъ обьярою; в.

¹⁾ По сообщенію Никол. Дм. Мизко, Василій Михайловичъ Бойко служилъ первоначально въ полтавскомъ магистратѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Котляревскимъ, отцомъ извѣстнаго автора передѣланной Энеиды и Наталки-Полтавки, въ бытность бургомистромъ Григорія Паскевича, дѣда фельдмаршала. Дочь Бойка, Елизавета (р. 1760 г., ум. 1820 г.) состояла въ замужествѣ за Федоромъ Мионовичемъ Легкоступомъ. Этотъ Легкоступъ сначала запорожецъ, а впоследствии капитанъ русской службы, былъ племянникъ и воспитанникъ заморожскаго старшины Якова Легкоступа, стронтедя новомосковской соборной церкви; онъ жилъ въ последнее время въ 17-ти верстахъ отъ г. Новомосковска, въ своемъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ 1793 г. (род. въ 1741 г.) отъ раны, полученной отъ напавшихъ на него гайдамаковъ. Дядя его Яковъ Легкоступъ родился въ 1700 г., построилъ новомосковский соборъ въ 1774 г., умеръ въ 1798 г. Дочь Федора Мионовича Легкоступа, Александра (р. 1790 г., ум. 1822 г.), была матерью Н. Д. Мизко.

алаго атласу, подложенъ красной пестрой выбойкой; в. бѣлой тонкаго сукна, полы подложены малиновой тафтой, вокругъ обложенъ узкимъ золотымъ поументомъ; в. синяго сукна безъ подклада, вокругъ обложенъ золотымъ шнуромъ.

9—12) Шубы: ш. лисьяго хребтоваго мѣха, покрыта голубымъ сукномъ, вокругъ обложена золотымъ узенькимъ поументомъ; ш. черныхъ мерлушекъ, покрытая алымъ сукномъ, по поламъ обложенная узенькимъ золотымъ газомъ; ш. краснаго сукна, мѣхъ лисій, черевій; ш. синяго сукна, мѣхъ бѣлій.

13) Кирейка песочнаго сукна, подложена каказой.

14) Тулубъ непокрытой, бѣлыхъ мерлушекъ.

15) Кушакъ персидской, краснаго шелку, на концахъ серебромъ тканый.

16) Кушакъ шелковой, краснаго цвѣту.

17) Пуховикъ, наволочка мѣховая.

18) Одѣяло стеганое, бахтовое.

19) Простыня льнянаго холста, простая.

20) Пологъ коноплянаго холста.

21) Коврикъ перетканой, небольшой, шерстяной.

22) Коверъ шерстяной полосатый, простой.

23) Коверъ простой, шерстяной-же.

24) Стаканъ серебрянъ, вѣсомъ 22 золотника.

25) Тарелокъ оловянныхъ 5, два блюда оловяные, большіе, плоскіе, два блюда глубокіе, одно изъ нихъ ветхое, одно небольшое.

26) Два чайника красные небольшіе; одинъ котель красной мѣди, въ полведра; кубикъ для двоенія воды, мѣдной четвертной.

27) Чугунка небольшая, на ножкахъ.

Все перечисленное имущество досталось Е. В. Байевой, племянницѣ И. Я. Глобы; деньги-же она оставила на монастырь (туруханскій).

П. Ефименко.

ВЗГЛЯДЪ НАРОДА НА ШЕВЧЕНКА.

Вездѣ въ Малороссіи можно услышать о Шевченкѣ разнообразныя разсказы и толки. Я часто разспрашивалъ о немъ нашихъ крестьянъ, чтобъ узнать, знаютъ-ли они своего поэта и какъ на

него смотреть. Оказалось, что имя Шевченка народу хорошо знакомо. Мало того, народъ представляетъ его и изображаетъ въ своихъ легендарныхъ разсказахъ героемъ, равнымъ другимъ любимымъ историческимъ лицамъ, каковы Морозенко, Нечай, Палій и друг. Обыкновенно малорусскій народъ всѣмъ своимъ любимымъ героямъ придавалъ чародѣйскій образъ, необыкновенную силу и другія качества, которыя опредѣляютъ „характерника“. Такимъ „характерникомъ“ въ глазахъ народа является и Шевченко.

Замѣчательно то, что народъ сумѣлъ понять и оцѣнить своего поэта, какъ нельзя лучше, что и выразилъ въ своихъ разсказахъ по своему. Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать, я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему „сермяжный людъ“; онъ протестуетъ противъ угнетеннаго и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за ихъ „волю“.

Что касается тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ личность Шевченка, какъ „характерника“, то они очень различны и передаются не вездѣ одинаково. О проводахъ его тѣла на Украину и о погребеніи я слышалъ самые разнообразныя разсказы, наполненные сверхъ-естественными приключеніями. Впрочемъ всѣ увѣрены, что Шевченко не похороненъ въ Украинѣ: одни говорятъ, что онъ остался живъ, а вмѣсто него былъ привезенъ кто-то другой, другіе—что его во время перевозки подмѣнили и украли, третьи—что онъ самъ, какъ „характерникъ“, помощью своей чародѣйской силы всталъ невидимо изъ гроба. Не знаю, что породило въ народѣ такія мысли и слухи.

Мнѣ указывали высокую „могилу“ не далеко отъ его родины (въ 25 верстахъ), въ которой какъ будто-бы зарытъ привезенный гробъ. „Могила“ эта находится вблизи густаго, непроходимаго лѣса и про нее ходитъ въ народѣ много чудесныхъ разсказовъ, связанныхъ съ именемъ поэта.

Не смотря на то, что Шевченко былъ еще не такъ давно, существованіе его относится народомъ къ давнему времени. О немъ говорятъ такъ-же, какъ и о Кармелюкѣ, существованіе котораго относится къ гораздо раньшему періоду, и разсказы о немъ ходятъ, какъ преданія.

Привожу дословный рассказ одного крестьянина, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ; въ немъ лучше всего и полнѣе выразился народный взглядъ на поэта.

„Бувъ собі колись-то такий великий характерникъ—Шевченко; та такий, шо зъ нимъ нихто не мігъ зривнятися. Издивъ вінъ, кажуть, скривъ цо світі та збиравъ одъ панівъ разні листы—бумагы. Кажуть, шо якъ вінъ умеръ, то ёго привезли въ домовині звіткиль-сь зъ дѣлека на Украину, бо якъ умиравъ, то сказавъ, шобъ ёго поховали въ степу на могилі, ніби-бъ-то въ риднімъ краю. Отъ ёго і привезли туди до Жидівського¹⁾, до теі роскопаной могили, де коло здорового шляху, стали здіймати зъ воза домовину, тай не здіймуть—така важка. Шо не робили, ніякъ не здіймуть, та мусіли приєливать зъ села двадцять дівокъ (чеснихъ), та ажъ ті зняли її. Але-жъ якъ після роскрили її, то вона була тілки повна разніхъ списивъ—бумагъ, а ёго самого не було; та такъ її зъ тими бумагами і закопали. Кажуть, шо після хтось-то хотівъ ту могилу роскопати та забрать списи (бо зъ ними можно було-бъ одібратъ назадъ у людей ту землю, шо у панівъ забрали після панщины), та у того чоловіка одібрало руки і ноги, то вінъ і покинувъ докопувати.

Та Шевченко цей дуже клопотався за людей, шо робили у панівъ панщину і дуже просивъ за нихъ царя, шобъ той давъ імъ волю. А царъ все таки волі не дававъ. Отъ разъ вінъ приходить до царя, ёго впустили въ палатеу; ввійшовши въ палатеу вінъ хапъ за шапку та объ землю трахъ, тай каже тоді цареві: „оце тілки й твоєі землі, шо підъ моею шапкою, а надъ всею землею паны царюють! Весь світъ я ізъиздивъ, а ні-де не бачивъ, шобъ такъ було гірко та важко жити людямъ, якъ въ твоімъ царстві!“...

Записано 1880 г. въ с. Гусаковой, звенигородскаго уѣзда.

А. Слютиій.

ИСЧЕЗНУВША И ИСЧЕЗАЮЩІЯ ЮЖНОЙ РОССИИ ЖИВОТНЫЯ.

Общезвѣстенъ фактъ, что съ увеличеніемъ населенія во всѣхъ странахъ начинается уменьшеніе числа дикихъ животныхъ, а нѣ-

¹⁾ Дѣсь недалеко отъ села Гусаковой, звенигородскаго уѣзда.

которыя породы ихъ даже совершенно исчезаютъ. Тотъ-же фактъ повторился и въ южной Россiи.

Самая интересная порода животныхъ, представители которыхъ попадались еще въ херсонской губ. менѣе 30 лѣтъ тому назадъ,— это были *дикiя лошади*, по мѣстному *тарманы*. Послѣднiй разъ въ херсонской губ. (какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, мнѣ же лично не приходилось ихъ видѣть) ихъ видѣли въ 1856 г. въ херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военнаго поселенiя *Новый Бузъ*. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ дикiя лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня“, близъ села Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона. Разказы очевидцевъ сходятся въ томъ, что эти лошади были вообще небольшого роста, сѣро-пепельной масти (мышастой), имѣли черныя гривы и хвосты и вдоль спины непременно была черная-же полоса. Дальше разказы объ нихъ нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были не красивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по разказамъ-же другихъ, дикiя лошади представляли собою въ миньютурѣ идеаль этого благороднаго животнаго: они были очень стройны, имѣли маленькiя сухiя головки съ большими выразительными глазами, тонкiя шеи и копыта крѣпкiя „стаканчикомъ“. М. Е. Шварцъ, начальствовавшiй долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселенiяхъ, и много разъ видѣвшiй дикихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ мнѣ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнiю, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсю съ простыми домашними лошадьюми, потому что дикiя жеребцы по временамъ подкрадывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и вводили съ собою кобылъ. По его словамъ, случалось даже издали видѣть (потому что дикiя лошади не подпускали къ себѣ на близкое разстоянiе) въ стадѣ дикихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи. Любимѣйшимъ мѣстопребыванiемъ ихъ была совершенно ровная степь, безъ всякихъ углубленiй, на которой малѣйшiй предметъ былъ-бы видѣнъ на большое разстоянiе. По словамъ Рубана (писателя проналаго вѣка) въ прошломъ вѣкѣ дикiе кони водились даже въ полтавской губ., по р. Орели.

Олени. Уже старожилы не помнят и отъ отцовъ своихъ не слышали, когда водилась въ лѣсахъ южной Россіи эта дорогая дичь. Покойный профес. А. С. Роговичъ (извѣстный знатокъ естественныхъ наукъ) говорилъ мнѣ, что еще въ прошломъ вѣкѣ олени водились даже въ полтавской губ. Помнится, что объ этомъ вспоминать и г. Рубанъ въ своемъ „Описаніи Малой Россіи“.

Лоси. Въ 1840 г., почти на моихъ глазахъ, былъ убитъ лось верстахъ въ 20 отъ Конотопа, близъ деревни Козацкой Дубровы, но теперь что-то про нихъ совершенно не слышно въ черниговской губ.; если немного и сохранилось, то развѣ въ мглинскомъ и сурожскомъ уѣздахъ. Въ кievской губ. еще въ недавнее время лосей было множество въ Бородянскихъ лѣсахъ (кiev. уѣз.) Тамъ было для нихъ пріюлье въ непроходимыхъ дѣвственныхъ чащахъ. Когда же до тѣхъ лѣсовъ добрался алчный еврей и принялся рубить ихъ на всемъ пространствѣ, то лоси всею массой эмигрировали оттуда. Очевидцы рассказывали мнѣ, что лѣтъ 10 или 15 тому назадъ огромное стадо лосей (нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысяча головъ) переправлялись чрезъ рѣку Тетеревъ по направленію на сѣверо-западъ; по всей вѣроятности они перешли въ минскую или гродненскую губ. Если и осталось нѣсколько экземпляровъ лосей въ кievской губ., то развѣ только въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ радомысльскаго уѣзда по надъ р. Припетью. Про существованіе ихъ въ волынской губ. тоже что-то мало слышно: тамъ евреи позабирали въ свои руки имѣнія, въ видѣ долгосрочныхъ арендъ,—а гдѣ прочно поселяется еврей, тамъ лѣса окончателно гибнуть, лоси же только и могутъ держаться въ прочныхъ старыхъ лѣсахъ.

Почти тоже самое, что про лосей, можно сказать и про *дикихъ кабановъ*: еще въ недавнее время въ радомысльскомъ уѣздѣ (кiev. губ.) и въ сѣверныхъ уѣздахъ Волыни дикія свиньи составляли довольно обыкновенную дичь, теперь-же представляютъ онѣ большую рѣдкость.

Медвѣди въ южной Россіи истреблены окончателно. Въ черниговской губ. они еще встрѣчались въ 40-хъ годахъ. Въ кievской губ. они, повидимому, были истреблены еще раньше, такъ какъ въ радомысльскомъ уѣздѣ я спрашивалъ стариковъ, и они медвѣдей уже не видѣли; тоже самое можно сказать и про Волынь. О множествѣ медвѣдей, водившихся въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ

можно судить по вкоренившемуся обычаю ставить ульи довольно высоко на деревья; это дѣлаютъ всѣ селяне кіевскаго и волынскаго полѣсья.

Бобры. Объ изобиліи бобровъ въ прежнее время во всей гѣлсистой полосѣ южной Россіи повазываютъ многочисленныя названія, напоминающія это животное—бобринь, бобровица, и т. п.; въ радомысльскомъ уѣздѣ есть даже рѣка Жеревъ, названіе которой указываетъ, что тамъ когда-то „жировали“ бобры, то есть просто водились тамъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ воротникъ изъ такъ называемаго *литовскаго* бобра стоилъ обыкновенно 3 руб. сереб. Этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что бобровъ водилось много. Въ изданной Лаваревскимъ „Румянцевской описи Малороссіи“ въ одномъ изъ селъ близъ г. Козельца (кажется въ Новомъ Быковѣ) упоминается, какъ объ особомъ сословіи, о „бобровникахъ“, обязанность которыхъ была—поставлять бобровые мѣха гетману. Впрочемъ, какъ величайшая рѣдкость, они еще существуютъ въ самыхъ неприступныхъ болотахъ кіевской губ.; по крайней мѣрѣ года три тому назадъ въ Кіевѣ на Бессарабскомъ базарѣ продавали живаго бобра.

Росомахи и рыси, о которыхъ, впрочемъ, жалѣть нечего, въ счастью тоже перевелись. Однако рысь была убита въ жиитомирскомъ уѣздѣ, какъ писали о томъ въ „Кіевлянинѣ“, года 4—5 тому назадъ. Въ радомысльскомъ уѣздѣ одинъ шляхтичъ рассказывалъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ росомаха сдѣлала нападеніе на его воловъ и одного вола загрызла на смерть.

Бабаки (*Arctomys bobac*) тоже составляютъ теперь величайшую рѣдкость, мнѣ извѣстно только одно урочище въ конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ они изъ года въ годъ водятся, а въ 30—40-хъ годахъ ихъ нерѣдко можно было встрѣтить прирученными въ частныхъ домахъ. У моихъ родителей нѣсколько лѣтъ жилъ одинъ экземпляръ. Въ прежнее-же время ихъ было такое множество, что польскій инженеръ Боцланъ, жившій въ 30-хъ годахъ XVII вѣка, въ своемъ „Описаніи Украйны“ говоритъ, что ночью опасно было ѣхать степью, такъ какъ лошадь могла легко поломать себѣ ноги вслѣдствіе множества байбачьихъ норъ.

Барсуки тоже довольно рѣдки, но еще не перевелись окончательно, такъ какъ полосатыя шкуры этого животнаго можно по

временамъ увидѣть, въ видѣ украшенія, на охотничьей сумкѣ ка-кого-нибудь полѣсовщика или вообще завязатаго охотника.

Сайги (*Antilopa saiga*) по украински „*Суаки*“ еще въ прош-ломъ вѣкѣ водились въ нынѣшней херсонской губ. по надъ р. Бу-гомъ, а теперь, какъ говорятъ, изрѣдка встрѣчаются только въ сте-пяхъ земли Войска Донскаго.

Даже *сарны* (*Сervus cargeolus*), еще недавно составлявшіе до-вольно обыкновенную дичь, теперь сильно уменьшились въ числѣ. Близъ г. Конотопа есть лѣсъ „Сарнавщина“. Помѣщикъ М. И. Ра-хубовскій, жившій близъ этого лѣса, рассказывалъ мнѣ, что въ на-чалѣ 50-хъ годовъ зимой сарны забѣгали по временамъ даже въ его дворъ; теперь-же и тамъ ихъ мало. Сильное истребленіе дичи, особенно сарнь, произвелъ въ черниговской губ. въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкій богатый самодуръ В—въ, который со свитою изъ 60 охотниковъ и огромнаго количества собакъ прошелъ чрезъ всю черниговскую губ., безсмысленно истребляя дичь.

Про *зубровъ*, живущихъ, какъ извѣстно, въ Бѣловежской пушчѣ, я вспомню здѣсь только ради того, чтобы подать мысль, что эту рѣдкую породу можно-бы, по моему мнѣнію, поддержать, если-бы достать живыхъ экземпляровъ на Кавказѣ, гдѣ они водятся по рѣчкѣ Зеленчуку.

Здѣсь къ слову упомяну о замѣчательномъ исчезающемъ животномъ, именно о *полозѣхъ* ¹⁾. Въ херсонской губ. я слышалъ объ нихъ довольно рассказовъ: напримѣръ, мнѣ показывали ста-ринную могилу, гдѣ въ норѣ жилъ полозъ, похищавшій ягнать, а въ одной брошюрѣ, чуть-ли не про торговлю въ Новороссіи въ на-чалѣ этого вѣка, разсказывается, что въ огромныхъ бурьянахъ на степяхъ Новороссіи, пока не стали разводить въ огромномъ коли-чествѣ шпанскихъ овецъ, водились такіе огромные полозы, которые будто-бы воловъ душили; но за вѣрность подобнаго указанія не ручаюсь.

Мнѣ разъ только въ жизни случилось видѣть живаго *полоза*; это было въ степи, въ ананьевскомъ уѣздѣ; змѣя лежала шагахъ въ 15 отъ дороги, по которой я ѣхалъ; проснувшись отъ стука

¹⁾ Большая змѣя изъ семейства *удавовъ* (*Peropoda*) родъ — *Eryx turcicus*, — такъ названъ въ зоологій видъ, водящійся вблизи Каспійскаго моря.

колесъ моего экипажа, она подняла голову на аршинъ отъ земли. Когда я приказалъ остановиться, чтобы ближе рассмотреть, то змѣя поползла, и въ это время я имѣлъ возможность хорошо разглядѣть: длиною она показалась, по глазомѣру, болѣе 5 арш.; голова величиною въ согнутую кисть руки взрослого человѣка; туловище толщиною въ руку. Цвѣту была сѣраго съ желтоватымъ отливомъ, какъ-бы вымазанная деревяннымъ масломъ. Попадаются подобныя змѣи чаще всего по-надъ Бугомъ, среди скалъ. Самые большіе экземпляры видѣли на островѣ Березани или Ада, лежащемъ въ Черномъ морѣ недалеко отъ Очакова.

Въ заключеніе вспомнимъ и о нѣкоторыхъ исчезающихъ породахъ домашнихъ животныхъ. Наибольшаго сожалѣнія заслуживаетъ, по незнанію и умѣлости, почти совершенно уничтоженная порода *запорожскихъ лошадей*. Порода эта, сформированная запорожцами, знавшими въ лошадяхъ толкъ, существовала въ теченіе не менѣе 200 лѣтъ; эти лошади были средняго роста, масти преимущественно темно-гнѣдой; имѣли всѣ достоинства татарскихъ лошадей, не имѣя пороковъ этихъ послѣднихъ. Какъ извѣстно, татарскія лошади отличаются своею неприхотливостью на пищу и выносливостью въ ѣздѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они чрезвычайно некрасивы: костисты, горбоносы, съ большими головами и, какъ выражаются коннозаводчики, очень „*строги*“, то есть ихъ трудно выѣзжать, и выѣзженные они легко могутъ побить. Запорожская-же лошадь, будучи такъ-же вынослива, хорошо держала тѣло, въ состояніи была сдѣлать въ жаркую пору въ одинъ перегонъ, безъ отдыха 70—80 вер., чрезвычайно доброѣзжа и голова довольно красивая, средней величины. Теперь этой породы въ Новороссіи не существуетъ; послѣдній заводъ (въ елисаветградскомъ уѣздѣ—вдовы Сагайдакъ) закупили цѣликомъ ремонтеры. Говорятъ, будто-бы существуютъ остатки этой породы гдѣ-то въ Черноморіи у потомковъ запорожцевъ.

Близка къ уничтоженію, или вѣрнѣе сказать—къ искаженію, драгоценная порода „*Черкаскаго*“ скота. Можно опасаться исчезновенія ея, благодаря стремленію новаторовъ къ безтолковымъ улучшениямъ породъ. Первый примѣръ къ искаженію этой породы подалъ бывшій помѣщикъ балтекаго уѣзда, нѣкій Подгорскій, который соблазнился важущимся, вслѣдствіе огромныхъ роговъ и сухощавости, огромнымъ ростомъ „венгерскихъ“ воловъ, выписалъ изъ

Венгріи племенныхъ быковъ этой довольно скверной породы. Этотъ маломолочный скотъ много уступаетъ черкасскому скоту въ силѣ и мясистости, такъ какъ у перваго сильно развиты кости и рога въ ущербъ мускуламъ. Подгорскій былъ очень богатый человекъ и считался отличнымъ хозяиномъ; онъ нашелъ себѣ массу подражателей, которые бросились покупать племенныхъ венгерскихъ быковъ, будто-бы для улучшения, а въ сущности—для порчи породы своего скота.

М. Левченко.

СОСТОЯНІЕ ПОЛИЦИИ ВЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ XVIII В.

Городъ Переяславъ, о которомъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ ниже отрывкѣ изъ современнаго документа ¹⁾, принадлежалъ къ числу полковыхъ, т. е. по нашему губернскихъ городовъ; рядомъ съ Кіевомъ, Черниговомъ, онъ пользовался важною привилегіею—магдебургскимъ правомъ; слѣдовательно, имѣлъ повидимому всѣ шансы для процвѣтанія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ вообще города лѣвобережной Украины къ половинѣ XVIII в. пришли въ состояніе крайняго упадка. Почти всѣ они крайне бѣдны: городскіе доходы ихъ были ничтожны; населеніе весьма незначительное,—въ Черниговѣ, наприимѣръ, было всего 400 домовъ, считая въ томъ числѣ и бездворныя хаты. Пожары были обыкновеннымъ явленіемъ, а средства для борьбы съ ними были ничтожны.

Торговля парализовалась разными неустройствами; мѣстные мѣщане, обложенные тяжелыми налогами, не могли конкурировать съ пріѣзжими великороссійскими торговцами, а также тѣми лицами ихъ собственнаго сословія, которыя, выйдя въ чиновники или записавшись въ козачи, продолжали заниматься торговлей, будучи свободны отъ всякихъ повинностей и налоговъ; не менѣе жалобмы видимъ и на отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, о которыхъ мѣщане писали, что они вопреки законамъ „шинкуютъ горячимъ, простымъ и двойнымъ, виномъ и другими напитками“, на крестьянъ, которые „въ городскихъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производить“. Нѣкоторыя случайныя обстоятельства также способ-

¹⁾ Взять изъ румянцевской описи Малороссіи; *поля перяславскій*.

ствоваѣли паденію городскаго быта. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить квартирную повинность, которая отличалась крайнею неравномѣрностью и несправедливостью; квартировали войска въ Малороссіи постоянно, число ихъ было всегда значительно, а число домовъ не велико, размѣщались-же они почти исключительно по дворамъ бѣднѣйшихъ обывателей. Великороссійскіе офицеры и чиновники относились съ пренебреженіемъ къ малороссійскимъ обывателямъ, что опять возбуждало справедливыя жалобы со стороны послѣднихъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи наказъ полтавскихъ гражданъ въ екатерининскую комиссію для составленія уложенія 1767 г. „А съ великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ мы частыя обиды и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ; и уже до того дошло, что если кто изъ нихъ чѣмъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смѣемъ и въ искательства входить; тѣмъ самымъ отъемлетса у насъ куражъ въ купеческой жизни и промысламъ, теряя отъ унынія все то, кто чѣмъ можетъ свой авантажъ, а казнѣ вашего императорскаго величества доходъ съискать“¹⁾. Такова въ общихъ чертахъ картина городскаго быта Малороссіи во второй половинѣ XVIII в.; но въ такомъ-же видѣ ее рисуетъ въ своей запискѣ и тогдашній правитель Малороссіи, преемникъ послѣдняго гетмана Разумовскаго, гр. Румянцовъ. Не удивительно потому, что магдебургское право, подрываемое въ самомъ корнѣ канцелярскимъ, бюрократическимъ, а болѣе всего военнымъ элементомъ, не могло поддержать благосостоянія городовъ лѣвобережной Украйны; здѣсь намъ приходится наблюдать тоже самое явленіе, которое еще раньше можно было наблюдать на правомъ берегу Днѣпра, въ польской Украйнѣ. Мѣстная администрація вмѣшивалась и нарушала свободу выборовъ; мѣщане ремесленники должны были даромъ производить разныя тяжелыя работы гетману и старшинѣ. Для того, чтобы избавиться отъ бремени всяческихъ поборовъ, мѣщане записывались въ чиновники и козаки, чѣмъ, конечно, положеніе оставшихся еще болѣе ухудшалось. У многихъ городовъ были отняты принадлежавшія имъ земли: у однихъ села и деревни, у другихъ сѣнокосы, у третьихъ мельницы; въ результатѣ являлось пониженіе городскихъ доходовъ и отсутствіе городского бла-

¹⁾ Авсѣнко. Малороссія въ 1777 году, стр. 93—94.

гоустройства. Во многихъ городахъ вовсе не было полиціи. Такъ граждане г. Глухова просятъ объ учрежденіи у нихъ городской полиціи, которая-бы заботилась о чистотѣ и о пожарной командѣ. Во время генеральной описи Малороссіи, произведенной гр. Румянцевымъ, рѣшили собрать свѣдѣнія о состояніи полиціи въ разныхъ городахъ и печатаемое ниже „Представленіе“ служить отвѣтомъ на вопросъ ревизоровъ. Вотъ его текстъ о полиціи пожарной.

„Высокоородному и высокопочтенному г-ву карабинерного полку майору Александру Якубовичу отъ магистрату переяславского.

Представленіе.

....Чтожь принадлежитъ до полиціи, о которой требуется исправки, въ какомъ она состояніи находится, то есть чилownicy, такъ же инструмента, какіе имѣются исправные и неисправные, и где содержатся, и сколько для оной всехъ и какихъ именно людей, и откуда опредѣленно, также съ мѣщанскихъ дворовъ, на лошадей для возки во время пожарное бочекъ зъ водою расположеніе, и съ которого году, и почему та полиція учреждена; то оной полиціи при магистратѣ содержать нѣ съ чего, для того, яко показаной магистратѣ, хотя искони утверждень королевскими привилегіями и государственными грамотами и чрезъ многие годѣ находился при своихъ правахъ и волностяхъ, вѣдая одну главную команду, бывшую генеральную войсковую канцелярію, почему тогда при ономъ магистратѣ, а не где инде и полиція содержалась; во какъ въ недавнихъ годахъ полковою переяславскою канцеляріею оной магистратѣ былъ (взятъ) въ (ея) ведомство, то съ того времени, будучи подъ темъ полковой канцеляріи ведомствомъ, всѣ мѣщане лишились своихъ волностей и находились въ волѣ и приказаніи той полковой канцеляріи; и полковая переяславская старшина разными образи завладѣвши людей изъ землями магистратскими, какъ въ городѣ, на подворгахъ, такъ и въ селахъ, магистрату переяславскому високомонаршою грамотою жалованныхъ и бывшими гетманами унѣверсалами наданныхъ, наконецъ всехъ того прошлаго 1759 году и бывшие при ономъ магистратѣ для пожарныхъ случаевъ инструменти, а именно круговъ желѣзныхъ четири, вилъ желѣзныхъ трое, щитовъ повстаныхъ, полотномъ подшитыхъ, зъ пятами деревянными, три, лѣтвиць деревяныхъ большихъ, саженой въ восьми, двѣ, бочекъ

зъ телегами добрыми для возни воды пять, въ оную полковую канцелярію отобрали и *содержали до сего юда ту полицію при полковой канцеляріи, а сего году оная полиція, невѣдомо почему, переведена била за городъ, за браму ялтицкую не за версту и препоручена была въ ведомство сотнику терехтемировскому Михайлу Гриневичу, и оной сотникъ на ту полицію, что учали были забирать силами образомъ людей магистратскихъ, то, на послѣдковъ того, каковъ объ оной полиціи зъ малороссійской коллегіи полученъ въ магистратъ здешнемъ указъ, съ оного точную копию къ надлежащему усмотрѣнію вашему высокоблагородію при семъ прилагаемъ“.*

Бурмистръ Кирило Іосифовъ.

Бурмистръ Димитрій Тимофѣевъ.

Писарь Артемъ Даценко.

Райця Николай Мищенко.

1765 году
октября 23.

Сообщилъ Дм. Багалій

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О САВВѢ ТУПТАЛѢ И ЕГО РОДѢ.

Къ іюльской книжкѣ „К. С.“ приложенъ портретъ, изображающій отца св. Димитрія Ростовскаго—*Савву Туптала*. Портретовъ его, писанныхъ масляными красками, намъ приходилось видѣть нѣсколько списковъ, но всѣ они позднѣйшаго времени и при томъ сдѣланы очень неудачно: кописты видимо подражали подлинникъ, стараясь изображать какого-то ветхозавѣтнаго патріарха. Такая копія находится напр. въ собраніи В. В. Тарновскаго. Приложенный „Кіевскою Старинною“ портретъ Саввы Туптала представляетъ снимокъ съ литографіи, изданной въ 30-хъ годахъ Снегиревымъ. Намъ кажется, что эта литографія передаетъ подлинникъ лучше всѣхъ копій, писанныхъ масляными красками. Имѣющаяся на портретѣ надпись, называющая Савву Туптала кіевскимъ сотникомъ, какъ современная его кончинѣ, даетъ, конечно, свѣдѣніе несомнѣнное, но другихъ положительныхъ о немъ данныхъ мы не встрѣчаемъ. Единственное извѣстное намъ документальное свѣдѣніе

мы нашли въ одномъ давнѣйшѣ изданіи¹⁾, именнѣ „Синбирскаго Сборника“, заключающемъ въ себѣ отписки кievскаго воеводы, кн. Трубецкаго, въ царю Алексѣю Михайловичу, за 1673—1674 г. Въ одной изъ этихъ отписокъ (№ 49) читаемъ:

„7182 С 1674 г., ноября въ 14 день, пришло въ Кіевъ выходець изъ полону; а въ роспросе боярину і воеводамъ князю Ю. П. Трубецкому съ товарищи сказался: бывалъ кievской житель, Савою зовуть, прозвище Туптула, а служилъ козацкую службу; тому ныне три года, взяли его въ полонъ Пивина полку поляки подъ местечкомъ Бышовымъ и привели въ Димеръ; а изъ Димера полковникъ Пиво отослалъ его въ Польшу къ гетману Яну Собескому. И изъ Польши Сабеской съ полскими войсками пошолъ къ Волоской земли войною противъ турецкого. А его де, Саву, гетманъ Янъ Сабеской отпустилъ изъ обозу на волю, и далъ къ Петру Дорошенку листы“.

Итакъ 75-ти лѣтъ отъ роду отецъ Ростовскаго святителя несъ еще дѣйствительную козацкую службу со всѣми тягостами похода, сраженій и плѣна. И послѣ такой жизни и службы онъ умираетъ лишь на 103 году.

Не лишено значенія и нѣкотораго отношенія къ жизни доблестнаго малороссійскаго сотника духовное завѣщаніе одной изъ трехъ дочерей его, „Параскевіи Тупталовны“, которая пережила прочихъ сестеръ и была игуменьей кievскаго іорданскаго женскаго монастыря. Это завѣщаніе²⁾, которое мы здѣсь встаети приводимъ полностью, указываетъ на мѣстонахожденіе *отческаго двора* завѣщательницы и вообще рисуеъ обстановку кievской монахини начала XVIII в. Текстъ его слѣдующій:

„Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Я Параскевія Тупталовна, игуменія монастыря іорданскаго, видячи себе ближшую ко смерти, неже ко животу, якъ на тѣлѣ скорѣлую, еднакъ же при разумѣ зуполномъ застаючи, напредъ поручаю себе милосердію Божому, а тѣло, якъ землю, землѣ и христіанскому обыклову погребовѣ. И кого колвекъ чимъ когда

¹⁾ Синбирск. Сборн. М. 1845. Стр. 51—52.

²⁾ Акты іорданскаго монастыря въ бібліотекѣ церк.-археол. муз. при кievск. дух. академіи, по каталогу Петрова, № 216, лт. Ж., № 16.

въ житіи оспорбѣла отъ мирскаго немирнаго пристрастія, отъ всѣхъ прощениі прошу и молю въ Богу превелебнаго господина отца ігумена святотроецкаго кievскаго, да по благоутробію своему позволить мѣстце въ церквѣ тѣлу моему грѣшному и изволить принять до обители святой дворъ отческій власній близъ Притискаго Николи стоячий, дабы за сіе поминано душу мою грѣшную. Еще извѣствую послѣднимъ тестаментомъ, ижъ zostaю винна долгу до обители святой іорданской золотихъ сто, господину свято-константиновскому священнику золотихъ сорокъ, старецъ Аняѣ зол. 20, наймиту золотихъ 10, уставницѣ таліровъ чотори, которіи довги, продавши раску песцову, луданомъ накритуу, и раску соболію, также луданомъ прикритуу, и цѣны (цинковую посуду): полумисковъ деветъ, талѣрокъ шѣстьнадцать, серебряный роструханъ и кубочковъ два келейниі мои и келію новую продавши, поотдавать повини. Келію, которая моя давная и въ которой умирзю, и съ пекарнею и зовѣмъ келейнимъ моимъ, полецаю, да и дитина моя съ ними, перебудеть до смерти; ложокъ одинадцать сѣбѣрихъ на памятку сыву моему Ілію, до обители монастыря іердавскаго зол. 10, а такъ распорядивши, и съ тѣхъ кубочковъ малихъ одинъ господину свято-константиновскому отдать всю диспозицію полецѣла келейнимъ моимъ и варюу при семъ, абы сія остатная тестаментова воля моя не была ни въ чомъ ни отъ кого нарушена, подъ неблагословеніемъ Божиимъ и подъ вѣтвою святыхъ отецъ бывшихъ на соборѣ никейскомъ, а для болшой вѣри, якъ неумѣющая писать, крестомъ святымъ ствержаю †. Еще келейнимъ и казанъ, що субно чернять.

Сей тестаментъ писался въ Богу превелебнаго господина отца ігумена Кириловскаго Евстратія, при битности многихъ сестеръ и намѣсницъ въ товремя Аноіи року 1710 мѣсяца іюня дни 16, отъ мене попа Григорія, попа святыхъ и равноапостолиныхъ царей Константина и Елени рукою власною.

А. Лазаревскій.

КУРТА*).

Сообщаемая пастушеская былина, подъ названіемъ *Курты*, еще отъ 60 годовъ получившая извѣстность отъ одного подолянина, любителя украинской народности, слышана мною въ урывкахъ отъ разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ и варіаціяхъ. Это самобытный и оригинальный памятникъ пастушескихъ былинъ, единственный, извѣстный мнѣ. Дѣлюсь имъ съ читателями „Кіевской Старины“. Трудно отыскать что либо лучше для представленія живой картины и эстетическаго облика природы съ степнымъ пошибомъ, степнымъ миражемъ, который выражается въ словахъ: „онъ-де мріють“. Напѣвъ пѣсни въ высокой степени мелодичный и хватающій за сердце. Картина, передаваемая пѣснію, проста, но высоко поэтична. Жаркій полдень; изнуренный зноемъ и отсутствіемъ какихъ либо впечатлѣній пастухъ—чабанъ вздремнулъ у могилы, а проснувшись не видитъ вокругъ себя ни своихъ овецъ, ни спутника одинокой своей жизни и стража стада—*Курты*. Кругомъ его безбрежная, какъ море, степь. Не на чемъ глазу остановиться и лишь тамъ, гдѣ оканчивается горизонтъ, едва примѣтна „мрява“—игра палящихъ солнечныхъ лучей. Чабанъ окидываетъ истомленнымъ взоромъ степь, и подъ давленіемъ истомы и страха за участь стада, обращается съ вопросомъ объ овцахъ въ орлу, что въ небѣ летаетъ, и вътру, что гуляетъ въ полѣ съ травой и въ морѣ съ волною, и тщетно выкликаетъ своего спутника. При воспоминаніи о вътрѣ, въ его воображеніи живо рисуется такъ не сходная съ однообразною пастушескою бурная козачья жизнь и онъ вспоминаетъ недобромъ Брюховецкаго и ласковымъ словомъ Кошеваго Сѣрка, то спрашивая объ овцахъ, то выкликая „Курту“. Напѣвъ этой части пѣсни глубоко заунывный и трогаящій, особливо когда пѣніе сопровождается игрою на бандурѣ. Вотъ эта наибольшая часть пѣсни.

Ой ишовъ чабанъ горою
А курта йшла долиною!..

*) *Куртою* называется собака—овчарка, нѣгьющая короткій хвостъ. *Курта* или *куртка* значить и короткое, до пояса, одѣяніе; но въ какомъ случаѣ это слово является собственнымъ и въ какомъ переноснымъ, рѣшить трудно.

Припѣвъ...

Ня-ня, курта, ня!
А дежъ моі вівці!..

Слѣдуетъ прираванье.

Ой заснувъ я на хвилинку,
А проснувся въ обідню годинку!
Ня-ня, курта, ня!..

Заснувъ чабанъ, заснувъ Степанъ,
Да не заснула курта,
Якъ кинется чабанъ-Степанъ,
А дежъ його юрта!

Припѣвъ...

Ой я думавъ, що то вівці,
Ажъ то явійсь, превражий сынъ,
Да поконавъ віщі!..

Припѣвъ...

Ой ты сизый орле,
Ты всюди літаєшь,
И на горахъ и на скеляхъ спочиваєшь,
Зъ высокости у ті бездны прозриваєшь,
И гадюку и казюку—усе бачишь,
Чи не бачивъ моіхъ овецъ?

Припѣвъ...

Ой ты, буйный вітре,
Ты всюди гуляєшь,
И по степу ту ковылу,
Ту билыну знай гойдаєшь,
Перекооти-поле—те качаєшь,
И те море розбиваєшь,
Сиві-гривы підіймаєшь,
И съ тимъ моремъ розмовляєшь,
И ті чайки, мовъ ті стружки, розметаєшь,
И ті люльки, ті бурульки розкурляєшь,
Шапки на бієъ заломляєшь,
И ті чубы розвиваєшь,

Горде дубѣ нагибаешь,
 Брюховецькихъ пидвергаешь
 И насъ бѣднихъ вызволяешь,—
 Чи не бачивъ моїхъ овецъ?
 Ня-ня курта, а дежъ мої вівці?

Ой зійду-жъ я на могилу,
 Да на саму вершину
 Да подивлюсь на долину,
 А дежъ мої вівці!

Ой ты, батьку-Сіреку,
 Козацькій барвінку,
 Та надівай шапку-бирьку,
 Та вызволяй чабана-товаришку.
 Ня-ня курта-ня!...

Вдругъ издалека несется лай курты. Услыхавъ курту, Чабанъ, увидѣвъ отару, переходитъ изъ плачевнаго „завывання“ въ радостный порывъ, начинается танецъ, приграванье и припѣвъ „козачка“: ня-ня, курта, ня-ня, курта.

Онъ де мріють,
 Онъ де вівці (2)
 Ня, курта-ня
 Ня, курта, ня!

Козачкомъ оканчивается эта оригинальная гѣсня-былина на томъ моментѣ, когда курта, какъ соучастникъ радости, появляется у ногъ своего хозяина.

Степанъ фонъ-Носъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ПАПЕРТИ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Древнѣйшая кіевская и всероссійская святыня—храмъ св. Софїи, въ теченїи долгаго своего существованїя, представлялъ постепенное отклоненїе отъ своего первоначальнаго вида и только въ послѣднїя сорокъ лѣтъ настало въ его судьбѣ обратное движенїе, далекое еще отъ полнаго его окончанїя. Воздвигнутый въ 1036 году великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, по образцу Софїи цареградской, кіево-софїйскій соборъ, въ теченїи вѣковъ, подвергался

много разъ наружнымъ и внутреннимъ передѣлкамъ, которыя во многомъ измѣнили его древнее величіе и красоту. Разновременно закрыты его наружныя галереи, обращенныя въ паперти, закрыта была драгоценная фресковая стѣнопись подъ нѣсколькими слоями обыкновенной живописи, измѣнена и верхняя часть его сокрытіемъ однихъ, надстройкою другихъ куполовъ. Самый входъ въ соборъ и подходъ къ нему съ западныхъ или главныхъ дверей сильно измѣненъ. Не говоримъ о значительномъ его углубленіи въ землю, о множествѣ контрфосовъ, которые вызваны тяжелыми надстройками, но изъ которыхъ иные, на простой даже взглядъ, оказываются лишними и своею неуклюжестью закрываютъ и безобразяютъ видъ древнѣйшаго нашего храма.

Уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаетъ не скоро и, развиваясь постепенно, служитъ показателемъ ихъ развитія. Подъ вліяніемъ этого чувства обратный ходъ въ исторіи софійскаго собора начался съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, приступлено было къ возобновленію собора для открытія и сохраненія его мозаики и фресковъ. Работы длились 10 лѣтъ, подъ наблюденіемъ академика Солнцева, и послѣдствіемъ ихъ было то, что теперь всякій, войдя въ храмъ св. Софіи, чувствуетъ себя въ храмѣ глубокой древности. Возстановленіе древняго наружнаго вида собора не входило въ планъ тогдашняго его обновленія, но уже тогда чувствовалась необходимость одного отступленія отъ обычая сѣдой древности, именно превращенія собора изъ холоднаго въ теплый, между прочимъ въ видахъ охраненія отъ сырости и порчи мозаическихъ и фресковыхъ изображеній. Было готово Высочайшее на то повелѣніе, но тогдашніе архитекторы не могли изыскать мѣста и способа для устройства отопленія: строить обыкновенныя печи съ пребивкою трубъ въ стѣнахъ, представляющихъ, по свойству и давности постройки, сплошную окаменѣлую массу, было дѣйствительно невозможно, устроить калориферы въ фундаментахъ, при небольшой ихъ глубинѣ, также не нашлись. Никому не пришло тогда на мысль, что западная сторона собора отъ главнаго входа, сама по себѣ требовавшая исправленія по древнему фасаду, служитъ наилучшимъ для этой цѣли мѣстомъ. Здѣсь, какъ на сѣверной и южной сторонѣ, была паперть, или древнѣе галерея, которой продольная стѣна входила въ связь

съ такими-же стѣнами сѣверной и южной галлерей. Стѣна эта со сводами, срубленными ее съ соборомъ, или иначе западная паперть, обрушилась 6-го сентября 1625 г., во время заступѣнія собора въ рукахъ униатовъ, длившагося 1610—1633 г. Митрополитъ Петръ Могила, возвративъ православію св. Софію; очистилъ лишь мѣсто разрушенія и, закрывъ слѣды онаго, устроилъ на прилегающихъ съ боковъ стѣнахъ и западной стѣнѣ собственно храма такіа-же наружныя украшенія, какія были на стѣнахъ сѣверной и южной. Такимъ образомъ въ фасадѣ собора образовалось продолжное углубленіе, впереди котораго по обѣимъ сторонамъ выдвигались закрытыя оконечности западной и южной папертей. Возстановить западную паперть пробовали еще въ XVII ст.,—слѣды этого открыты теперь въ наружныхъ частяхъ какъ главной западной, такъ и боковыхъ стѣнъ; но плохая, какъ видно по остаткамъ извести, постройка снова рушилась и съ тѣхъ поръ мѣсто бывшей паперти оставалось до сего года пустымъ и едва-ли кто зналъ о существованіи оной. Слѣды неудачныхъ работъ закрыты были новыми наружными украшеніями поверхъ могилинскихъ, а вся подпольная часть паперти завалена была щебнемъ отъ обрушившейся постройки; въ позднѣйшее время площадь паперти отгорожена была желѣзною рѣшеткою, существовавшею до 1843 г. и въ этомъ году разобранною.

Теперь такъ давно уничтоженная западная паперть, съ Высочайшаго соизволенія, возстановляется вновь, но не на старомъ, а на новомъ фундаментѣ, который углубляется до 5-ти аршинъ, вмѣсто трехъ. Это даетъ возможность устроить здѣсь, безъ всякаго опасенія для старыхъ стѣнъ, камеры для печей, посредствомъ которыхъ древнѣйшій нашъ соборъ въ первый разъ отъ времени своей постройки станетъ огрѣваться. Тяжелое ощущеніе и гибельное вліяніе производила температура въ соборѣ по прошествіи зимы. Вы точно входили въ глубокій, давно не открывавшійся погребъ, или ледникъ; на васъ вѣяло и холодомъ и сыростью. Далеко не всѣ посѣтители собора выдерживали такую атмосферу, почтенные-же предстоятели онаго платились нерѣдко здоровьемъ; сырость отзывалась на утвари, иконостасѣ и фрескахъ. Теперь всѣ эти невыгоды устранятся и соборъ подвинется еще на шагъ къ своему прежнему, хотя и не первоначальному, виду.

Само собою разумѣется, что при возстановленіи древней паперти сохраненъ будетъ прежній внѣшній ея видъ, и всѣ наружныя оной украшенія, за что ручается намъ археологическая опытность нмѣшняго настоятеля собора.

Съ начатиемъ работъ по возобновленію западной паперти собора признано нужнымъ въ южной стѣнѣ онаго открыть второй ходъ въ древней аркѣ, обращенной въ окно; при этомъ неожиданно на самой аркѣ открыты фресковыя изображенія двухъ святителей и такая-же большаго объема звѣзда. И такъ еще одна древность въ древнѣйшемъ храмѣ св. Софій.

Пожелаемъ, чтобы киево-софійскій соборъ на этомъ не остановился и сбросилъ съ себя еще нѣкоторыя, слишкомъ очевидныя и вовсе ненужныя наслоенія.

ПРОГРАММА
ЖУРНАЛА
„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозныя, правовыя и т. п., исчезающіе древніе нагѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КІЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Базальтъ Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бьлззерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронинъ А. Ѳ., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ѳ., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ѳ., Костомаровъ Н. И., Команичъ И. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лашкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Льсковъ Н. С., Мальшевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мацьевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потемня А. А., Праховъ А. В., Страшкевичъ Н. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій Ѳ. Я., Чальнъ М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее же годовое изданіе составитъ четыре тома, размѣромъ 35—40 печ. листовъ каждый.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ, съ приложениями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

Подписка какъ для городскихъ, такъ и для иногороднихъ подписчиковъ принимается въ редакціи журнала: Кіевъ, Софійская площадь, д. кап. Волкова противъ памятн. Хмельницкаго, (тамъ-же и контора редакціи) и въ книжныхъ магазинахъ г. Кіева, для иногородныхъ исключительно въ редакціи журнала „Кіевская Старина“.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городского на иногородный уплачивается пятьдесятъ копѣекъ; при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же доставляется въ редакцію четыре семикопѣечныя марки.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Цѣна съ пересылкою—безъ приложенийъ 8 р., съ приложениями—12 р. въ годъ.

Отдѣльныя книжки «Кіев. Старины» продаются по 1 р. с.

Редакторъ-издатель В. Г. Лебединцевъ.

15462

Digitized by Google

Y2 AUG 29

INDEXED

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ III.

СЕНТЯВРЬ.

1882 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчань-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. докъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Сентябрь, 1882 г.

- ✓ I. ССЫЛЬНЫЕ МАЛОРОССИЯНЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ (1708—1802) г. П. Ефименка 391
- ✓ II. ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ: О ВЗЯТИИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА. Ив. Новицкаго 413
- ✓ III. ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ. (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). М. Андріевскаго 436
- ✓ IV. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминаніямъ дѣтства) 457
- ✓ V. ДВА ДОКУМЕНТА ПО ДѢЛУ ПЕРЕДАЧИ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ИЗЪ ВѢДѢНІЯ УНИАТОВЪ ВЪ ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЕ 486
- ✓ VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЦИМА. Перев. В. А. (*Продолженіе*). 503
- ✓ VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 ГОДА 523
- VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.—б) Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранныя и изданныя археографическою комиссіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.—в) Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.—г) Русская историческая библиографія за 1865—1867 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.— 552
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).—б) Дополненіе къ пасхальной виршѣ.—в) Мнимо-найденный дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго.—г) Предостереженіе Д. Г. Бибикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кievской губерніи.—д) Старинныя малороссійскіе портреты.—е) Задувайскія народныя преданія: I) Про Палія та Мазепу: II) Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицу Катерину.—ж) Колинщина въ пѣсняхъ 560
- X. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III томѣ «Кievской Старины», 1882 г.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“. Новые подписчики получаютъ журналъ за весь годъ, начиная съ 1-го номера. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб. — Адресъ: Въ редакцію „Кievской Старины“, Кievъ, Софiевская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ III.

СЕНТЯВРЬ.

1882 г.

К І Е В Ъ .

Типографія Г. Т. Корчанъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
436513A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1929 L

Дозволено цензурою. Київъ, 26-го августа 1882 года.

436513A

Ссылные малороссіане въ архангельской губерніи

1708—1802 г. *).

«Презъ везоду всі пропали,
Сами себе звоёвали».

Дума Мазепы.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мнѣ нѣсколько разъ приходилось бывать въ Архангельскѣ, и я пользовался кратковременнымъ пребываніемъ въ немъ для того, чтобы познакомиться съ мѣстнымъ центральнымъ архивомъ, состоящимъ при губернскомъ правленіи. Доступъ въ архивъ былъ для меня легокъ, благодаря просвѣщенному отношенію къ дѣлу губернаторовъ Арендаренка, Гартинга и кн. Гагарина.

Въ такъ называемомъ губернскомъ архивѣ въ Архангельскѣ собрано громадное количество дѣлъ, какъ нынѣ существующихъ въ губерніи присутственныхъ мѣсть, такъ и давно упраздненныхъ, наприм. бывшей архангелогородской губернской канцеляріи, архангельскаго намѣстническаго правленія и др. Дѣла начинаются съ начала прошлаго столѣтія.

Разработкой губернскаго архива до меня никто не занимался. Послѣ меня разбиралъ дѣла и помѣщаль, болѣе интересныя изъ нихъ въ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ такой-же случайный обитатель далекаго сѣвера, какимъ былъ и я, А. С. Голубевъ, бывший редакторомъ упомянутыхъ вѣдомостей. Въ послѣдніе годы,

*) Читано 3 февраля 1881 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

какъ видно изъ научной хроники журнала „Древняя и Новая Россія“, дѣло разработки и обнаруженія богатствъ архангельскаго архива принялъ на себя вице-губернаторъ Подвысоцкій, который также помѣщалъ болѣе интересныя дѣла въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.

Въ архангельскомъ архивѣ я успѣлъ познакомиться лишь съ отдѣломъ, заключающимъ въ себѣ дѣла бывшей архангелогородской губернской канцеляріи. Этотъ отдѣлъ представляетъ очень много интересныхъ свѣдѣній для внутренней исторіи крайняго сѣвера. Здѣсь много дѣлъ, начиная съ царствованія Петра I-го, объ управленіи краемъ, о разнаго рода мѣстной промышленности: сельскомъ хозяйствѣ, морскихъ промыслахъ, кораблестроительствѣ, разработкѣ рудъ, торговлѣ, въ особенности заграничной, свѣдѣнія этого рода касаются, какъ состоянія промышленности, такъ и правительственныхъ мѣропріятій объ улучшеніи промысловъ сѣвернаго края, о чемъ правительство заботилось уже съ начала прошлаго столѣтія. Много данныхъ, касающихся другихъ сторонъ внутренней жизни края, напримѣръ, о разбойничествѣ, которое тамъ принимало такіе размѣры, что для уничтоженія его часто были отправляемы цѣлыя команды солдатъ, съ которыми разбойники вступали въ открытый бой, о нападеніяхъ на русскихъ обитателей печорскаго края самоѣдовъ Карачеевъ, о частомъ нарушеніи пограничными жителями порубежнаго мира съ Швеціей и т. п. Исторія поземельнаго владѣнія, которое на отдаленномъ сѣверѣ имѣло своеобразный характеръ (тамъ всѣ сословія владѣли землей на правахъ собственности), могла-бы быть прекрасно разработана по многочисленнымъ матеріаламъ архива. Для исторіи знаменитаго поморскаго раскола, его распространенія и правительственныхъ мѣропріятій противъ него также имѣется много данныхъ въ архивѣ; особенно большой интересъ представляютъ дѣла о самосоженіи раскольниковъ, которые цѣлыми деревнями сожигали себя для того, чтобы избѣжать насилій со стороны правительства. Но наиболѣе всего интересенъ отдѣлъ такъ называемыхъ секретныхъ дѣлъ; онъ состоитъ изъ дѣлъ о ссыльныхъ и изъ производствъ „въ сказываніи слова и дѣла государева“. Въ архангельскую губернію въ прошломъ столѣтіи было сослано не мало извѣстныхъ въ исторіи личностей, и о нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились разнаго рода производства; напримѣръ, по описямъ показаны дѣла о Степанѣ Лопуховѣ, кн. Семенѣ Щерба-

товѣ, кн. Иванѣ Долгорукомѣ, кн. Мышецкомѣ, Петрѣ и Иванѣ Толстыхъ, коломенскомѣ архіереевѣ Игнатіевѣ, воронежскомѣ епископѣ Лаврентіевѣ, о калмыцкихъ, кабардинскихъ и др. владѣтельныхъ лицахъ, польскихъ конфедератахъ и пр. Огромное количество дѣлъ, почти половина всего секретнаго отдѣленія, состоитъ въ производствѣ предварительныхъ дознаній по обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ или, какъ тогда выражались, въ сказываніи слова и дѣла государева. Это адское слово раздавалось также и на крайнемъ сѣверѣ, какъ и въ остальныхъ частяхъ Россіи, и навело ужасъ на мирныхъ обитателей. Быть можетъ тамъ его приходилось слышать еще чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, благодаря разнородному наплывному элементу на сѣверѣ. Стоило какому-нибудь негодяю, самому отверженному члену общества, произнести это слово на кого-бы то ни было, тотчасъ-же хватали послѣдняго и вмѣстѣ съ доносчикомъ отправляли сначала въ архангелогородскую губернскую канцелярію для предварительнаго допроса, а потомъ въ знаменитый преображенскій приказъ (впослѣдствіи тайную канцелярію). Тамъ, посредствомъ пытки, которая, по выраженію Екатерины II-й, „есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго“, достигали результатовъ, какихъ нужно было инквизиторамъ. Большая часть доносовъ принадлежитъ солдатамъ, монахамъ, ссыльнымъ и колодникамъ. Доносили они или на своихъ товарищей или на начальствующихъ и надзирающихъ лицъ. Побудительными причинами къ доносамъ чаще всего служили злоба, мщеніе, вслѣдствіе ссоры, строгаго обращенія начальствующихъ съ подчиненными, а иногда простое желаніе выйти изъ своего невыносимаго положенія. Въ тогдашнее время, когда общество отъ верху до низу было деморализовано покровительствомъ доносамъ, находились такія лица, въ особенности между ссыльными, которыхъ нельзя было удержать отъ доносовъ никакими мѣрами. Конечно, менѣе всего можно ставить въ вину доносы заточеннымъ и колодникамъ, такъ какъ они дѣлали ихъ просто ради того, чтобы выйти изъ заточенія, хотя на короткое время воспользоваться свободой или, вѣрнѣе сказать, хотя на минуту увидѣть свѣтъ Божій. Неудивительно, если человекъ, посаженный на всю жизнь въ какую-нибудь земляную тюрьму, т. е. погребъ, употребитъ всѣ усилія, чтобы по-

пользоваться кратковременнымъ измѣненіемъ своего положенія, если онъ даже знаетъ, что за этимъ можетъ послѣдовать самая смерть. Приведу примѣръ, взятый изъ дѣлъ архангельскаго архива:

По указу изъ преображенскаго приказа мошногогорскаго монастыря, игумень Іоасафъ по розыскному важному дѣлу былъ посаженъ въ 1722 г. въ соловецкомъ монастырѣ въ крѣпкую тюрьму. Въ 1725 г. за ложный доносъ онъ снова былъ взятъ въ преображенскій приказъ, битъ кнудомъ нещадно, а по учиненіи наказанія снова посланъ въ соловецкій монастырь. При отправкѣ внушено ему, что если онъ будетъ впредь затѣвать ложные доносы, то ему будетъ учинена смертная казнь безъ пощады. Не смотря на это, онъ въ 1728 г. снова сдѣлалъ доносъ, снова посланъ въ преображенскій приказъ и затѣмъ снова возвращенъ въ соловецкій монастырь, съ предписаніемъ держать его неисходно подь крѣпкимъ карауломъ и новыхъ его доносовъ не слушать.

Перечитывая описи секретныхъ дѣлъ и разсматривая самыя дѣла, я встрѣтилъ въ нихъ нѣсколько малороссійскихъ фамилій, и у меня явилась мысль собрать свѣдѣнія о своихъ соотечественникахъ, побывавшихъ на далекомъ сѣверѣ. Къ сожалѣнію оказалось, что нѣкоторыя изъ дѣлъ о сосыльныхъ малороссіянахъ въ сороковыхъ годахъ были отосланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ и только немногія уцѣлѣли. Пришлось пользоваться тѣмъ, что осталось. Собранныя изъ дѣлъ и описей свѣдѣнія пополнены по извѣстнымъ печатнымъ источникамъ: Исторіи Малороссіи Бантышъ-Каменскаго, Маркевича и др. Такимъ образомъ составила настоящая статья. Отрывокъ изъ нея (который здѣсь выпущенъ), касающійся заточенія въ соловецкомъ монастырѣ запорожскаго кошеваго атамана Кальнишевскаго, помѣщенъ въ журналѣ Русская Старина за 1875 годъ, № 11, подь заглавіемъ: „Кальнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи“.

Такъ какъ значительная часть малороссіянь, сосланныхъ въ прошломъ столѣтіи въ архангельскую губернію, подверглась этому наказанію за политическіе доносы и даже нѣкоторые изъ нихъ не переставали заниматься связываніемъ слова и дѣла государева въ ссылаѣ, то приходится предварительно сказать нѣсколько словъ объ историческомъ развитіи доносовъ въ Малороссіи, а затѣмъ уже

перейти собственно къ сообщенію свѣдѣній о ссыльныхъ малороссіянахъ въ архангельской губерніи.

Тотчасъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго въ Малороссіи начались интриги и борьба между старшиной за гетманскую булаву, и обнаружилось стремленіе гетмановъ возвратити Малороссію, вопреки волѣ народа, въ подданство Польши. Оба первые гетманы (Юрій Хмельницкій и Виговскій) преслѣдовали эту цѣль. Измѣна ихъ народному желанію вызвала междуусобіе въ Малороссіи и вторженіе въ нее войскъ, съ одной стороны польскихъ, съ другой московскихъ. Во время смуты, произведенной Виговскимъ и Юріемъ Хмельницкимъ, еще при жизни ихъ, явились новые искатели гетманства—слуга Юрія Хмельницкаго, Брюховецкій, затѣмъ Дорошенко, Нечай и Тетера. Одинъ думалъ получить гетманскую булаву при посредствѣ запорожцевъ, другой подъ покровительствомъ турокъ, третій при содѣйствіи поляковъ и т. д. Все это происходило до андрусовскаго договора, по которому московское правительство раздвоило Украину, отдавъ, тоже вопреки волѣ малорусскаго народа, западную ея часть полякамъ. Раздвоеніе Украины вызвало одновременное появленіе ряда гетмановъ, какъ въ восточной, такъ и въ западной Украинѣ. Затѣмъ послѣдовало отдѣленіе части правобережной Малороссіи подъ покровительствомъ турокъ и появленіе султанскихъ гетмановъ. Измѣны и борьба властолюбцевъ вызвали въ малороссіянахъ страсть къ доносамъ. Одни доносили на гетмановъ изъ преданности московскому правительству, другіе изъ своекорыстныхъ видовъ; сначала доносы были справедливые, а потомъ расплодился и лживые. Доносителей на гетмана, говоритъ лѣтописецъ, подобрать было не трудно, ибо отъ частыхъ перемѣнъ гетмановъ и другихъ чиновниковъ завелось въ Малороссіи столько ябедниковъ, сколько было охотниковъ подхватить что либо въ перемѣнѣ, то есть въ мутной водѣ рыбу ловить¹⁾.

На перваго гетмана, Виговскаго, доносилъ московскому правительству полтавскій полковникъ Пушкаръ, возставшій потомъ противъ Виговскаго съ оружіемъ въ рукахъ. Доносъ объ измѣнѣ Виговскаго былъ справедливый. Гетмана восточной Украины Много-

¹⁾ Маркевичъ II, 66, 298.

грѣшнаго, въ значительной степени умиротворившаго родину, сбросила съ уряда старшина и отправила въ Москву съ ложнымъ доносомъ, будто онъ имѣлъ тайное намѣреніе поддаться султану турецкому; въ числѣ доносчиковъ былъ и Иванъ Самойловичъ. Когда Самойловичъ сдѣлался гетманомъ, то на него было сдѣлано нѣсколько доносовъ: первый—полковниками Дмитрашкою, Горленкомъ и Рославцемъ въ томъ, что будто онъ хотѣлъ измѣнить Россію; въ пыткахъ эти лица признались въ ложности доноса и выдали заговорщиковъ. Второй доносъ былъ составленъ тайными кознями генеральнаго есаула Мазепы; въ немъ участвовали генеральная старшина и многіе полковники; въ числѣ прочихъ лицъ и Василій Кочубей. Самойловича обвиняли во многомъ справедливо, но политическая сторона доноса оказалась лживою, наприм., будто гетманъ былъ причиною неудачнаго похода въ Крымъ кн. Голицына.

На гетмана Мазепу также были ложные доносы, первый, въ видѣ подложнаго письма, или „пашквиля“, приписаннаго чернцу Соломону, второй — Данила Забѣлы; оба обвиняли Мазепу въ измѣнѣ. О второмъ доносѣ будетъ рѣчь впереди. Затѣмъ слѣдовалъ доносъ со стороны генеральнаго судьи Василя Кочубея и полтавскаго полковника Искры о намѣреніи Мазепы подчиниться полякамъ. Доносъ на этотъ разъ былъ справедливый, но побужденіемъ къ нему служила семейная обида.

Какъ извѣстно, Кочубей и Искра были казнены за доносъ, который слѣдователи признали лукавымъ. Соучастниками доносителей признаны: Иванъ Святайло, священникъ полтавской спасской церкви, бывший въ родствѣ съ Искрой и вмѣстѣ съ тѣмъ духовникомъ его и Кочубея, сынъ Святайла, также чернецъ Ниваноръ, сотникъ полтавскаго полка и племянникъ Искры Петръ Кованько, писаря Кочубея и Искры (переписывавшіе доносъ) Колчицкій и Глуховець и восемь слугъ Кочубея и Искры. Изъ числа поименованныхъ лицъ священникъ Святайло, сынъ его и чернецъ Ниваноръ отправлены были въ 1708 г. въ соловецкій монастырь съ повелѣніемъ никуда не выпускать ихъ изъ монастыря; относительно Святайла приказано, если онъ пожелаетъ, постричь въ монахи. Остальныя лица сосланы въ г. Архангельскъ съ тѣмъ, чтобы они были поверстаны въ солдаты или къ чему окажутся годными, по мнѣнію архангельскаго губернатора кн. Голицына. Замѣчательно

что Святайло и остальные лица были позабыты въ ссылкѣ, гдѣ они томились три года послѣ обнаруженія измѣны Мазепы и лишь въ 1712 г. возвращены на родину, и то благодаря ходатайству рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго ¹⁾).

Это были первые ссыльные малороссіяне прошлаго столѣтія въ архангельской губерніи, по крайней мѣрѣ, насколько можно судить по историческимъ свѣдѣніямъ и по отсутствію дѣлъ о ссыльныхъ изъ малороссовъ въ архангельскомъ архивѣ ранѣе указанного года. Послѣ измѣны Мазепы появляются въ ссылкѣ уже не доносители, а сторонники Мазепы. Въ 1709 г. отъ Мазепы первоначально отстало 10 человекъ изъ генеральной старшины, полковниковъ и низшихъ урядниковъ; они явились въ Малороссію. Тамъ, по силѣ царскаго манифеста, они должны были лишиться жизни отъ рукъ палача, но Петръ I замѣнилъ смертную казнь ссылкой ихъ въ Сибирь и въ Архангельскъ. Изъ дѣлъ архангелогородской губернской канцеляріи видно, что въ числѣ лицъ упомянутой категоріи сосланы были въ Архангельскъ, между прочими, генеральный есаулъ Дмитрій Максимовичъ, сердючій полковникъ Яковъ Покотило и какой-то Дубяга. По всей вѣроятности, Дубяга—это бывшій съ 1668 г. наказной полковникъ миргородскаго полка, въ которомъ онъ замѣнялъ Данила Апостола во время малолѣтства послѣдняго, такъ какъ Апостолъ былъ избранъ въ полковники за заслуги отца, будучи еще 10 лѣтъ отъ роду. Относительно полковника Якова Покотила мы не имѣемъ свѣдѣній. Но о Дмитріѣ Максимовичѣ мы нашли нѣкоторыя подробности, какъ въ архангельскомъ архивѣ, такъ и у извѣстнаго нашего писателя Максимовича. По этимъ извѣстіямъ Дмитрій Максимовичъ въ 1711 году былъ присланъ изъ Глухова въ Архангельскъ, гдѣ, по указу государя отъ 30 января 1713 г., опредѣленъ надсмотрителемъ коренной корабельной верфи, состоявшей подъ управленіемъ Ѳеодора Баженина; онъ отличался необыкновенной силой. Въ томъ же году присланы къ Дмитрію Максимовичу въ Архангельскъ сыновья его Ѳеодоръ и Иванъ. Изъ нихъ Ѳеодоръ въ царствованіе Елисаветы слу-

¹⁾ Маркевичъ. II, 441 и 541, Бантишъ-Каменскій, изд. 1822 г., ч. III, 32--119, IV, 43.

жилъ стародубскимъ полковникомъ и, подобно отцу, былъ чрезвычайный силачъ; Иванъ въ послѣдствіи служилъ поручикомъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка и убитъ турками подъ конецъ Румянцевской войны¹⁾.

Въ 1712 г. въ архангельскую губернію отправлена вторая партія малороссіянь, замѣшанныхъ въ измѣнѣ Мазепы, именно: батуринаго николаевскаго монастыря архимандритъ Гедeonъ Одорскій, монахъ Семень Остафьевъ, лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и челядникъ архимандрита Одорскаго Иванъ Видковскій, родомъ изъ Черкасъ. Всѣ эти лица, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, осуждены были къ ссылке въ соловецкій монастырь²⁾.

Въ одномъ изъ дѣлъ архангельскаго архива находится слѣдующее извѣстіе о Рогачевскомъ: въ прошломъ 1712 году ноября 28 дня въ грамотѣ Его Царскаго Величества изъ приказу Малыя Россіи къ бывшему вице-губернатору писано: „по Его Великаго Государя указу посланъ съ Москвы изъ приказу Малыя Россіи къ городу Архангельску лохвицкій протопопъ Иванъ Рогачевскій и велѣно его еослать отъ города Архангельскаго на житье въ соловецкій монастырь. Но Рогачевскій въ соловецкій монастырь не посланъ за зимнимъ временемъ, о чемъ писано въ приказѣ Малыя Россіи. По Его Великаго Государя указу (1713 года апрѣля 12 дня) и по приговору бывшаго вице-губернатора Курбатова велѣно ему Рогачевскому быть въ Архангельскѣ префектомъ во вновь учрежденныхъ школахъ“³⁾.

Авторъ историко-статистическаго описанія черниговской епархіи, архіеп. Филаретъ считаетъ Гедeона Одорскаго невиннымъ страдальцемъ. По его словамъ, Гедeонъ Одорскій былъ сначала ректоромъ кievской коллегіи, а за тѣмъ, съ 1695 по 1709 годъ, игуменомъ крупицкаго - батуринаго - николаевскаго монастыря⁴⁾. При немъ

¹⁾ Маріевичъ, II, 591; Бант.-Камен., IV, 29, Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1849 г., ч. 26.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, IV, 43. Дѣло архангельскаго архива 1712 г. о ссылкѣ колодниковъ въ соловецкій монастырь, архимандрита Гедeона Одорскаго, монаха Семена и лохвицкаго протопопа Рогачевскаго, — отправлено въ мин. вн. дѣлъ.

³⁾ Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и Забѣлѣ 1721 г. по генеральн. описи подъ № 60,689.

⁴⁾ Монастырь этотъ находился при р. Сеймѣ въ 10 верстахъ отъ Батурина.

Мазепа, послѣ того какъ утвердилъ за монастыремъ всѣ древнія его имѣнія, универсаломъ марта 14-го 1708 г. отнялъ у монастыря въ Обмачевѣ 15 монастырскихъ крестьянъ на томъ только основаніи, что ко двору его понадобились служители, тогда какъ предшественникъ его, гетманъ Самойловичъ, людей для двора нанималъ. Вдобавокъ, во время шведской войны, когда Меньшиковъ страшно опустошалъ Батуринъ, разрушеніе коснулось и батуринскаго монастыря, въ которомъ были разрушены до основанія колокольня, настоятельскія и братскія кельи и гостинный дворъ. Архимандрита Гедеона обвиняли въ связяхъ съ измѣнниками Россіи и въ 1712 г. сослали въ соловецкій монастырь. „Какъ по отношеніямъ Мазепы къ монастырю, такъ и по самому послѣдствію обвиненія очевидно, что архимандритъ Гедеонъ пострадалъ невинно, какъ и монастырь, страдавшій за то только, что назывался батуринскимъ; на все то была воля Меньшикова, и только“¹⁾. Интересно то обстоятельство, что въ монастырскихъ запискахъ относительно Одорскаго сказано, будто онъ „неизвѣстно куда скрылся“²⁾. Составитель записокъ, значить, или боялся сдѣлать даже указаніе на судьбу, постигшую игумена, или считалъ этотъ случай событіемъ чрезвычайно компрометирующимъ монастырь, такъ что нужно было о немъ умолчать.

Черезъ семь лѣтъ послѣ ссылки протопопа Рогачевского и архимандрита Одорскаго въ Архангельскѣ появляется бунчуковый товарищъ Данило Васильевичъ Забѣла, сынъ генеральнаго хорунжаго Василя, внукъ генеральнаго обознаго Петра Забѣлы, слѣдовательно лицо изъ велико-панской семьи. Данила Забѣлу можно считать типомъ тогдашнихъ доносчиковъ и сутягъ, а потому остановимся долѣе на этой интересной личности, пользуясь для ея характеристики, какъ указаніями нашихъ историковъ, такъ и дѣлами архангельскаго архива.

Данило Забѣла явился въ началѣ 1699 года въ Москву, гдѣ, обнаженный Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, представилъ ложный доносъ на Мазепу, будто-бы тотъ выслалъ съ умысломъ къ крымцамъ своего канцеляриста Петрика, опустошавшаго въ

¹⁾ Историко-статистич. описаніе черниг. епархіи. Черниговъ. 1873 г. кн. III, стр. 286.

²⁾ Черниг. Губ. Вѣд., 1852 г. № 3. Матеріалы для мѣстной старины П. Л.

1692 г. съ татарами Малороссію, и, намѣреваясь измѣнить Россіи, имѣлъ тайныя сношенія съ ханомъ. По желанію Мазепы и по повелѣнію Петра, доносчикъ отправленъ былъ къ гетману въ Батуринъ и, спрошенный въ войсковомъ судѣ, показалъ, что онъ говорилъ въ Москвѣ о гетманской измѣнѣ пьяный, безъ разума и памяти, не имѣя никакихъ наставниковъ. Когда его вели къ пыткѣ, онъ произнесъ: „меня погубила надежда на Шереметева“. По словамъ историка, „вели его взять на встряску, на которой съ полчаса будучи повѣшенъ, тоже говорилъ, что и передъ встряскою, потомъ отпущенъ былъ на землю на четверть часа, снова поднять и держанъ нѣсколько времени, гдѣ, вопія крикомъ великимъ, тѣже повнялъ рѣчи“. По постановленію суда, Забѣла былъ лишенъ всего имѣнія и приговоренъ къ смертной казни, но Мазепа освободилъ его отъ казни, приказавъ до времени держать его подъ карауломъ. Такъ говоритъ Бантышъ-Каменскій о судьбѣ Забѣлы. Маркевичъ-же полагалъ, что Забѣла томился въ неволи 26 лѣтъ (т. е. до 1724 г.) и что по неизвѣстной причинѣ позабыли о немъ въ то время, когда замыслы гетмана обнаружались. По предположенію Маркевича причиной предохранительной неволи Забѣлы было то обстоятельство, что отобранное отъ него Мазепой имѣніе досталось потомъ Анастасіи Марковнѣ Марковичевой и гетману Скоропадскому, который былъ женатъ на ней и которому было невыгодно освободить Забѣлу и въ его пользу отобрать села у своей жены. Слова Маркевича относительно двадцатилѣтнихъ страданій Забѣлы въ неволѣ за доносъ на Мазепу не вѣрны, но то, что захватившіе его имѣнія старались удержать ихъ въ своихъ рукахъ, справедливо, хотя и не относится къ одной Марковичевой ¹⁾.

Въ 1710 г. мы видимъ Забѣлу свободнымъ и ходатайствующимъ о возвращеніи ему имѣній. 30 сентября упомянутаго года гр. Гаврило Головкинъ писалъ къ Скоропадскому по поводу Забѣлы: „Пропедшаго августа 30 дня писалъ я къ вельможности вашей о Данилѣ Забѣлѣ, что челобитье его о нѣкоторыхъ маестностяхъ, особливо-жъ о селѣ Клишкахъ, было недѣльно, безъ всякихъ крѣпостей и явныхъ доводовъ, того для ему отказано и велѣно съ Москвы выслать на Украину. Нынѣ-же пріѣзжалъ тотъ шаленой

¹⁾ Маркевичъ II, 351; Бант. Камен. III, 40.

сюда и хотѣлъ еще о томъ-же докучать; но сколь скоро онъ здѣсь явился, взявъ его я передъ себя, гораздо за то словами наказывалъ, дабы онъ болѣе о томъ недѣльномъ своемъ запросѣ не докучалъ и, пригрозивъ ему гораздо, сказалъ, чтобъ онъ жилъ на Украинѣ подѣ regimentомъ вашей вельможности споконно, велѣлъ его за городъ вывести, такожь и къ Москвѣ писалъ, чтобъ изъ Москвы его выслали немедленно на Украину“¹⁾.

Только въ 1719 г. Забѣла появился въ ссылке въ г. Архангельскѣ. Въ одномъ дѣлѣ архангельскаго архива сказано, что „1719 году генваря 3 дня по грамотѣ Его Императорскаго Величества изъ Петербурга изъ государственной посольской канцелярїи черкасѣ Данило Забѣла присланъ къ г. Архангельскому на вѣчное житье за лживое его доношеніе на Его Царское Величество подданнаго, войска обѣихъ сторонъ гетмана Ивана Ильича Скоропадскаго, и велѣно его поставить въ солдатскую слободу за присмотромъ офицеровъ, чтобы онъ оттуда никуда не съѣхалъ“²⁾. Неизвѣстно, какого рода доносъ былъ сдѣланъ на Скоропадскаго, но что Забѣла не оставлялъ своей страсти къ политическимъ доносамъ, видно изъ его дальнѣйшей практики этого рода въ ссылкѣ. Въ 1721 г. Забѣла написалъ слѣдующее письмо архангельскому вице-губернатору Ладыженскому:

„Вельможный господинъ, господинъ губернаторъ Петръ Евѣиновичъ, мой премилостивѣйшій господине, и особливый добродѣю.

Презентую о семъ вельможности вашей, добродѣви моему, ижъ терпѣлемъ я, якъ-бы мощно знести до сихъ временъ, отъ Рогачевского попа, який другый певне въ злости на свѣте не взыщетца, и чи не ехидника токмо отъ рожденія. Я въ правдѣ словамъ Дмитрея Максимовича, Дубяги и протчимъ не вѣрилемъ, что говорили также злѣйшаго челоуѣка нѣтъ на свѣтѣ: „лютый и злый есть дьяволъ, але Рогачевскій еще лютѣйшій“; чего я теперь самъ дозналемъ. Лучилось мнѣ бити апрѣля 15 въ дому Якова Матвѣевича, подъячаго, на обѣдѣ, и презъ цѣлной обѣдѣ все мнѣ досаждалъ поганими слови, якіе не могу и выписати, а то ненавидячи за то, что зазванъ тутъ-же и я былъ кушать, а найпаче якъ врагъ

¹⁾ Матеріалы для отеч. исторїи, Судіенко. К. 1855 г. т. II, 160.

²⁾ Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г., № 60, 689,

ненавидяй добра, вѣмъ, же за мою вѣрность Царскаго Величества, на мя такъ повсталъ. Гдѣ былъ и Повотило зъ своею женою, и порвался было до мене Рогачевскій битъ за единый людской грѣхъ, а то все надѣючись на то, что за нимъ всѣ стали, яко единомысленники на мене одинаго, и я сказалемъ ему: „знаты, вороже царскій и всего воинства, за що ты имѣешь печать на своихъ плечахъ и разве хочешь еще своей погибели, когда тебѣ того не довлѣтъ“? И Рогачевскій припомнилъ мнѣ проклятого Мазепу, и за тое Яковъ Матвѣевичъ подъячій и всѣ на мене обурились за проклятого Мазепу и за ворога государева Рогачевского; сопхаль мене зъ избы своей Яковъ Матвѣевичъ подъячій. И радъ бимъ вѣдать, откуду воля имъ есть такая дана, что хотѣли мене убить; чому и Покотило змѣнникъ помогаль. И когда-бы было разсужденіе у Якова подъячаго, чтобъ ему за дѣло мене за ворога царскаго безчестити и что за дѣло, зъ кватери перезвавши, въ себѣ такого ташкаго подозрнаго челоуѣка Рогачевского, ворога царева, въ себе держать и кормить, отъ чого бѣгають мудрые люди. О чомъ доношу вельможности вашей, добродѣви, вѣдати и на разсужденіе себѣ въ такъ невивопѣдимыхъ и невноснихъ моихъ плачливыхъ обидахъ полагаю, понеже всякому надъ здоровье нѣчого нѣтъ милѣйшого; гди-жъ и такъ мало здоровья имѣю, вѣрной ради моеи прислуги Цорскому Величеству. Въ чомъ прошу покорне обороны, дабимъ безвременно не пострадалъ отъ ненавидящихъ мя правды ради и вѣрности своего Монархи, понеже и здѣсь невозможно прожить мнѣ, яко вѣрну рабу Государеву. Довлело-бы сихъ злобъ, что якъ живой zostалемъ зъ голодъ и холодъ и премногихъ неизреченныхъ досадъ и безчестія, что единому Богу оеѣрюю. Ниягѣ на вапе милосердіе себе отдаючи, прошу, дабы неукротимый тотъ, аки змій лють, наказанъ былъ и позналъ себе, аки овцу смиренну; понеже не смиривши оного ворога царева, можетъ онъ якъ отмстити, теди вѣдаючи насъ вѣрныхъ рабовъ, хочетъ на насъ поискати, когда таковимъ не будетъ страха и наказанія. О що и повторнѣ при доземномъ моемъ чолобитю прошу о разсужденіи. Нижайшій рабъ и всѣхъ благъ желатель, Данило Забѣла; писалъ своею рукою 1721 года, іюля 5 дня.

Того-же года и дня архангелородскому вице-губернатору, лейб-гвардіи капитану Петру Ефимовичу Лодыженскому малороссіецъ

Данило Забѣла словесно объявилъ: прошедшаго іюня мѣсяца 28 дня, въ навечеріе святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла, у города Архангельскаго въ соборной церкви во всенощное пѣніе стоячи въ той церкви, посадской челоуѣкъ Василій Ивановъ сынъ Дунинъ связывалъ ему Забѣлѣ: ссмыльной де протопопъ Иванъ Рогачевскій говорилъ ему Дунину: „нашъ де Мазепа святы и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“, да въ то-же всенощное бдѣніе онъ-же Дунинъ ему, Забѣлѣ, связывалъ, что де оной протопопъ Рогачевскій государя нашего проклинаетъ и онъ де Дунинъ его Рогачевскаго хотѣлъ бить и за волосъ драть и его де, Дунина, того Рогачевскаго бить и за волосъ драть не допустили, и гдѣ-е его, Дунина, все слова слышала присланной зъ де-нежныхъ дворовъ подъячій Петръ Никитинъ сынъ Егорювъ, а ежели онъ, Забѣла, въ семъ словесномъ извѣтѣ сказалъ ложно, и за то-бъ указалъ ему Забѣлѣ Великій Государь учинить смертную казнь. Къ подлинному словесному челобитью Данила Забѣла руку приложилъ“.

Началось дознаніе. На допросахъ холмогорець, посадскій челоуѣкъ Василій Дунинъ показалъ, что дѣло было на соловецкомъ подворьи у стряпчаго соловецкаго монастыря Ивана Патракѣва, въ присутствіи ссмыльнаго донскаго казака Василя Поздѣва. На слова его, Дунина, что у насъ Мазепу проклинають, протопопъ Рогачевскій отвѣчалъ: „онъ, Мазепа, погребенъ честно архимандритомъ; кающихся Богъ пріемлетъ“; болѣе-же ничего не говорилъ Рогачевскій. Въ соборной церкви, во время всенощнаго пѣнія, при бытности подъячаго Петра Егорюкова, онъ Дунинъ, будучи пьянъ, указывалъ на Забѣлу и говорилъ: это-де мазеповщина, протопопъ де Рогачевскій говорилъ, что Мазепа нашъ святы и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ. Егорювъ подтвердилъ слова Дунина такимъ образомъ: оной Дунинъ, указывая на Забѣлу, говорилъ: „это-де мазеповщина; протопопъ-де Рогачевскій связываетъ въ церкви къ людямъ поученіе и людей учить, а самъ добраго не чинить и за Государя нашего Бога не молить, а Мазепу называетъ святымъ и говорилъ-де онъ, Рогачевскій, что де онъ Мазепа умеръ въ волоской земли и погребенъ честно архимандритомъ и въ небѣ будетъ, а вашъ государь не будетъ въ небѣ“. Патракѣвъ далъ такой отвѣтъ, что онъ въ то время, о которомъ

идеть рѣчь, былъ рѣзанъ и отъ того рѣзанья былъ скорбенъ и поэтому не помнить, были-ли у него Рогачевскій и другіе и о чемъ они говорили. Казакъ Поздѣвъ также отозвался, что онъ неоднократно заходилъ къ Патракѣеву во время его болѣзни, заходили тоже Рогачевскій и другіе, но всѣ-ли вмѣстѣ или порознь, того онъ не помнить и ничего не слышалъ. На основаніи указа 1719 г. апрѣля 15, велѣно всѣхъ чиновъ людей и колодниковъ, оказывающихъ слово и дѣло о государевомъ здоровьи, чести, бунтѣ или измѣнѣ, заковавъ руки и ноги въ кандалы, присылать въ преображенскій приказъ подъ крѣпкимъ карауломъ. Вслѣдствіе этого, Рогачевскій, Забѣла и Дунинъ были отправлены въ приказъ въ оковахъ при одномъ капралѣ и десяти солдатахъ, вооруженныхъ ружьями ¹⁾. Дальнѣйшая судьба Рогачевского неизвѣстна, но Забѣла снова былъ возвращенъ въ Архангельскъ. На этотъ разъ уже ему самому пришлось испытать на себѣ послѣдствія доносовъ.

Въ слѣдующемъ, 1722 году, колодникъ Григорьевъ, судившійся за мошенничество, въ архангельской земской канцеляріи въ колоднической избѣ объявилъ, что онъ, будучи у рудокопателя Лодыгина, слышалъ отъ Забѣлы, какъ тотъ говорилъ ему, что знаетъ измѣну, а за кѣмъ и какая измѣна, того онъ Забѣла не выговорилъ; Забѣла оправдывался, что хотя онъ у Лодыгина дѣйствительно былъ, но объ измѣнѣ ничего не говорилъ, и ссылается въ томъ на свидѣтелей. Тѣмъ не менѣе онъ, вмѣстѣ съ Григорьевымъ, снова былъ отправленъ въ Москву въ тайную канцелярію, для розыска ²⁾.

Послѣ выдержанія узаконенныхъ пытокъ, Забѣла оправдался. Это видно изъ того, что въ 1724 году онъ былъ уже на свободѣ и началъ розыскивать конфискованныя у него за доносъ на Мазепу имѣнія, для чего подалъ въ судъ десять челобитень. Изъ этихъ челобитныхъ оказывается, что одни изъ бывшихъ его имѣній были отданы въ монастыри, другія брату его Ивану, села-же Евминка, Красуля, Рудковка и Бурки находились во владѣніи гетмана, а селомъ дѣда его Подтребія, Малою Красиловкою, завладѣли кіев-

¹⁾ Дѣло о протопопѣ Рогачевскомъ и о Забѣлѣ 1721 г. № 60689.

²⁾ Дѣло о посылкѣ москвитина Алексѣя Григорьева и черкашенина Даниила Забѣлы 1722 г., № 43.

скаго полка полчане. Но добиться возвращенія имѣній для Забѣлы было крайне трудно, такъ какъ каждый старался ихъ удержать за собою. Черезъ пять лѣтъ послѣ первыхъ челобитень, именно въ февралѣ 1729 г., послѣдовала высочайшая грамота на имя гетмана, въ которой предписывалось, чтобы гетманъ велѣлъ разсмотрѣть челобитныя Забѣлы въ генеральномъ войсковомъ судѣ, при разсмотрѣніи которыхъ „для доказательства быть сыну его Ивану, понеже онъ Забѣла обрѣтается здѣсь“, и по изслѣдованіи учинить рѣшеніе по указамъ и по малороссійскимъ правамъ. Но дѣло плохо двигалось, какъ можно судить изъ того, что подобныхъ первой царской грамотѣ было послано еще двѣ: одна 29 ноября 1730 г., другая 25 января 1732 г. Чѣмъ кончились всѣ эти тяжбы, намъ неизвѣстно, такъ какъ въ матеріалахъ для отечественной исторіи, изданныхъ Суденкомъ (II, 160), изъ которыхъ заимствованы приведенныя свѣдѣнія, дальнѣйшихъ указаній не имѣется.

Въ 1721 г. въ ссылкѣ является новая личность, писарь изъ Лубень, Захарій Петровичъ Патока. Приговоромъ правительствующаго сената 1721 г. рѣшено: Захару Патоку за неправо ево о великихъ дѣлахъ доношенія вмѣсто смерти учинить казнь—вырѣзать языкъ и сослать въ ссылку въ соловецкій монастырь въ заточеніе въ короженскую тюрьму вѣчно, безвыходно, за крѣпкимъ присмотромъ; бумаги и чернилъ ему не давать. Въ грамотѣ-же изъ иностранной коллегіи архимандриту соловецкаго монастыря Варсонофію отъ 10 іюня 1721 г. предписано: „ежели онъ, Патока, сидя въ тюрьмѣ, станетъ кричать и сказывать за собою какое наше государево слово и дѣло, и такихъ произносимыхъ отъ него Патоки словъ не слушать, для того, что онъ Патока, доносилъ о многихъ великихъ и важныхъ дѣлахъ, а потомъ предъ сенатомъ повинился, что то все затѣялъ напрасно, и показалъ онъ при томъ о себѣ, какъ и другіе о немъ при слѣдованіи дѣла показали, что онъ человекъ сумасбродный и многожды бываетъ въ безпамятствѣ и говорить то, чего и самъ не знаетъ, и для того онъ, по приговору сенатскому отъ смертной казни освобожденъ, и когда онъ по совершеніи дѣла приведенъ былъ къ казни и при томъ, паки крича, сказывалъ за собою великія дѣла, но того у него, по приговору сенатскому, ради вышеписаннаго же его сумасбродства и ложныхъ доношеній не принято; ежели-жъ приключится ему, Патоку, какая

болѣзнь и смерть или и безъ того, когда онъ пожелаетъ, велѣть его священнику по христіанскому закону исповѣдывать и по достоинству сообщать святыхъ таинъ, а когда умереть, покрестъ, гдѣ пристойно“. Черезъ три года послѣдовалъ доносъ соловецкаго монаха Дамаска, что Патока ему сказывалъ и хотѣлъ объявить Его Императорскому Величеству о злоумышленномъ дѣлѣ на здоровье Его Императорскаго Величества. Вслѣдствіе этого изъ преображенскаго приказа присланъ указъ допросить „гетманскаго генеральнаго писаря“ Патоку и, если онъ объявитъ слово и дѣло, прислать въ приказъ. При допросахъ содержащійся въ короженной башнѣ Патока показалъ, что онъ не генеральный писарь, а писарь изъ Лубенъ, а съ соловецкимъ монахомъ никакихъ словъ не говаривалъ, только 8 февраля послѣ святыя литургіи кричалъ всенародно слово и дѣло, именно о измѣнѣ и бунтѣ на господѣ графа Гавріила Ивановича Головкина и барона Петра Шафирова и того же дня то-же слово и дѣло кричалъ въ трапезѣ, а какое слово и дѣло, то явить самому Императорскому Величеству“¹⁾. Дальнѣйшая судьба Патоки неизвѣстна.

Въ дѣлѣ Патоки весьма интересно первое опредѣленіе сената. Съ какой стати сенатъ, признавъ Патоку за человѣка сумасброднаго, впадавшаго часто въ безпамятство, распорядился отрѣзать ему языкъ и посадить его въ самую ужасную тюрьму, короженскую башню, при чемъ велѣлъ не слушать произносимаго имъ слова и дѣла государева. Не раскрывалъ-ли Патока передъ сенатомъ какой либо тайны относительно гр. Головкина и барона Шафирова и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, о чемъ онъ заявилъ впоследствии. Заявленіе Патоки объ измѣнѣ Головкина и Шафирова служить нѣкоторымъ подтвержденіемъ предположенія мало-россійскихъ историковъ, что эти особы знали о подготовлявшейся измѣнѣ Мазепы и вообще дѣйствовали въ интересахъ этого гетмана, будучи имъ подкуплены. Не къ нимъ-ли относятся слова доноса Кочубея и Искры, что „кто-то изъ ближнихъ государевыхъ секретарей и князя Александра Даниловича ему (Мазепѣ) о всемъ царственномъ поведеніи доносить, и, если о семъ (т. е. доносѣ) увѣ-

¹⁾ Дѣло о ссыльномъ черкашенинѣ Патоки, который содержится въ соловецкомъ монастырѣ въ тюрьмѣ, 1724 г., № 84.

даютъ, тотчасъ дадутъ ему знать“. Къ нимъ могли относиться и предсмертныя слова Мазепы: „нехай одинъ я буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги моі мабуть и не мыслили, або и мыслить не смілы: злая доля усе переиначила для невідомого конца“¹⁾. Очень можетъ быть, что Патока, въ качествѣ канцеляриста, могъ въ свое время имѣть какія либо свѣдѣнія и документы, касающіяся измѣны Мазепы и пособничества ему Головкина и Шафирова. Вѣдь, по словамъ доноса Кочубея и Искры, болѣе другихъ зналъ всѣ тайны заговора Мазепинъ писарь (Орликъ), потому что чрезъ его руки шла вся гетманская переписка, равно какъ и о доносѣ Кочубея и Искры, не смотря на всю таинственность дѣла, знали ихъ писаря, Кожичицкій и Глуховець, просто потому, что переписывали доносъ. Также случайно могъ узнать тайны мазепинскаго заговора, при участіи русскихъ знатныхъ особъ, и Патока. По всей вѣроятности, этому несчастному былъ отрѣзанъ языкъ для того, чтобы онъ не разглашалъ извѣстныхъ ему тайнъ. Но этого инквизиторамъ нельзя было достигнуть вполне, такъ какъ Патока все-же не потерялъ возможности выговаривать слова. Что лица, которымъ отрѣзывали языкъ, сохраняли иногда способность выражать свои мысли, доказывается примѣромъ графини Анны Бестужевой. Бестужева, будучи сосланной въ 1743 г. въ Якутскъ, за участіе въ заговорѣ объ избраніи императоромъ Ивана Антоновича, говорила такъ вразумительно, что вполне можно было понимать ее, не смотря на то, что у ней былъ отрѣзанъ конецъ языка²⁾.

¹⁾ Маркевичъ II, 407, 506.

²⁾ Это указаніе находится въ статьѣ И. Сельскаго: «Ссылка въ восточную Сибирь замѣчательныхъ лицъ», помѣщенной въ 8 номерѣ Русскаго Слова за 1861 г. Въ указанной статьѣ, между прочимъ, сообщаются довольно интересныя свѣдѣнія о жизни въ ссылкѣ малороссянъ, бывшихъ гетмановъ Многогрѣшнаго и Самуйловича и другихъ лицъ, стр. 4, 7, 8, 25 и 26. Кстати привести здѣсь нѣсколько словъ, помѣщенныхъ въ газетѣ «Трудъ» въ № 3-й за 1881 г. о малороссянахъ, попавшихъ въ старыя годы въ Вятку. Между малороссянами, пребывавшими въ вятской губ., выдавался особенно Петро Дорошенко, бывшій гетманъ, высланный въ Вятку на воеводство и пробывшій тамъ около двухъ лѣтъ (1681—1683). Просилъ онъ постоянно объ освобожденіи, но выпросилъ лишь переводъ въ ярославскую губ., гдѣ и былъ надѣленъ землею. Но особенно памятенъ въ исторіи Вятки былъ воспитанникъ кievской академіи, епископъ Лаврентій Горка (1733—1737), переведенный туда изъ Рязани, «за нѣкія продерзости», какъ сказано въ указѣ. Это былъ первый насадитель «школьнаго ученія» въ вятской странѣ.

Послѣ Патоки является въ ссылкѣ монахъ кіево-печерской лавры Досифей. Какъ видно изъ дѣлъ архангельскаго архива, Досифей былъ присланъ въ генварѣ 1755 г. на жительство въ сійскій монастырь. За что его сослали,—не извѣстно; но можно думать, что за доносы, таеъ какъ онъ, не пробывъ въ ссылкѣ и одного мѣсяца, сдѣлалъ политическій доносъ на малоумнаго холмогорца, а въ октябрѣ того-же года кричалъ слово и дѣло государево на своихъ собратіи, двухъ монаховъ сійскаго монастыря. Для ознакомленія съ канцелярской перепиской тогдашняго времени по политическимъ дѣламъ между архангелогородской губернской канцеляріей и канцеляріей тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, приводимъ представленіе первой о доносѣ Досифея.

„Сего 1755 года, октября 6 дня, въ присланномъ въ архангелогородскую губернскую канцелярію съ троицкаго антоніева сійскаго монастыря отъ намѣстника Германа Яковлева да отъ казначея іеродіакона Мойсея доношеніи написано: присланной въ тотъ сійской монастырь изъ канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ въ генварѣ мѣсяцѣ сего 1755 года кіево-печерской лавры бывший іеромонахъ Досифей въ неисходное изъ того монастыря до кончины живота его жительство сего октября 3 дня кричалъ слово и дѣло государево по второму пункту, а за кѣмъ знаетъ, того не объявилъ. А оной іеромонахъ Досифей присланъ при томъ доношеніи, а въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ оной Досифей показалъ: сего октября 3 дня въ помянутомъ сійскомъ монастырѣ онъ, Досифей, слово и дѣло государево по второму пункту кричалъ и знаетъ то слово и дѣло государево того-жъ сійскаго монастыря за іеромонахами Аарономъ и Арсеніемъ, а Арсеній объявилъ за ростригою Федоромъ да за монастырскимъ служителемъ Яковомъ Бишкаркомъ, а оное слово и дѣло знаетъ онъ касающееся до персоны Ея Императорскаго Величества, котораго обстоятельно здѣсь объявить невозможно, а услышалъ онъ, Досифей, то слово и дѣло отъ іеромонаха Аарона іюля 24 числа, а отъ іеромонаха-жъ Арсенія сентября 2 да 8 чиселъ сего 1755 г., а за другими-же за кѣмъ онъ, Досифей, какъ по первому, таеъ и по второму пунктамъ, слова и дѣла не знаетъ и за собою не имѣетъ, и по тому его, Досифееву, показанію Яковъ Башкиръ сысканъ у города Архангельскаго, а іеромонахъ Ааронъ и Арсеній и рострига Федоръ взяты

въ сійскомъ монастырѣ и чрезъ нарочную посылку привезены въ губернскую канцелярію. А по состоявшемуся въ прошломъ 1730 году апрѣля 10 дня указу, по первому пункту велѣно доносителей и объявителей въ великихъ дѣлахъ, которые въ секретныхъ распросахъ скажутъ, что знаютъ и доказать могутъ по первому пункту, то ихъ самихъ и на кого они доносятъ и единомышленниковъ ихъ брать и подъ крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ, а по пятому пункту содержащихся колодниковъ и каторжныхъ невольниковъ и ссылочныхъ въ ссылки велѣно, ежели въ секретныхъ распросѣхъ такіа дѣла показывать будутъ по первому пункту, по силѣ указу 1726 года іюля 12 дня, прежде пытать и буде съ указныхъ трехъ пытокъ въ томъ утвердятся, то ихъ самихъ и на кого говорить будутъ, за крѣпкимъ карауломъ присылать въ правительствующій сенатъ. А по указу изъ бывшаго преображенскаго приказа 1727 года при распросѣхъ и розыскахъ о важныхъ словахъ, имянно выспрашивать не велѣно и хотя вышписанный ссыльный, бывший іеромонахъ Досифей, въ сійскомъ монастырѣ показанное слово и дѣло государево и объявлялъ по второму пункту и о томъ съ перваго увѣдомленія болѣе двухъ мѣсяцовъ, а со втораго и третьяго чрезъ мѣсяць и умедлил, но въ губернской канцеляріи въ секретномъ распросѣ о томъ словѣ и дѣлѣ точно показалъ и изъяснилъ касающееся по первому пункту, котораго де здѣсь обстоятельно и объявить ему невозможно. И для того онъ, Досифей, и сійскаго монастыря іеромонахи-жь Ааронъ и Арсеній и рострига Федоръ и монастырской служитель Яковъ Башкиръ, на которыхъ онъ, Досифей, показанную важность объявляетъ, скованы въ ножныхъ и ручныхъ желѣзахъ посланы въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ при семь доношеніи подъ крѣпкимъ карауломъ. А хотя-жь, по силѣ указу 1730 года, апрѣля 10 дня, по пятому пункту ссылочнымъ и велѣно въ сказываніи по первому пункту слова и дѣла слѣдовать пыткою, а вышписанной іеромонахъ Досифей числится ссыльнымъ, тоію онъ монашескаго чина еще не лишенъ; къ тому-жь и показанную важность онъ, Досифей, объявляетъ такую, которой ему здѣсь и объявить не возможно. И за тѣмъ губернская канцелярія съ нимъ, Досифеемъ, въ силу того пятого пункта такимъ образомъ, какъ въ ономъ напечатано, поступить и не можетъ. А по указу прошлаго 1727 года изъ быв-

шаго преображенскаго приказа о такихъ важностяхъ точно выпрашивать не велѣно, а онъ, Досифей, по первому въ нынѣшнемъ 1755 году въ февралѣ мѣсяцѣ на холмогорца малоумнаго Василья Еремѣева доносу о такой-же важности прежде въ губернской канцеляріи, а потомъ и въ тайной канцеляріи чрезъ свидѣтелей доказалъ, и за тѣмъ и нынѣ по его, Досифееву, доносу здѣсь никакого произвожденія чинить и не надлежитъ. А за оными, обще съ другими колодниками, посланы въ конвоѣ архангелогородскаго гарнизона солдаты, которымъ въ одинъ путь отъ города Архангельска на одинадцать подводъ даны прогонныя деньги“.

Интересна инструкція, данная прапорщику, сопровождавшему этихъ колодниковъ: „Съ оными колодниками ѣхать тебѣ отъ города Архангельскаго до С.-Петербурга денно и ночью со всякимъ скорымъ поспѣшеніемъ, не мѣшкаявъ нигдѣ ни за чѣмъ ни одной минуты, и, будучи въ пути, ихъ между собою не соединять и ничего ни съ кѣмъ говорить ихъ не допускать, бумаги, чернилъ тако-жъ и никакихъ принадлежащихъ къ человѣческому погубленію орудій, яко-то: топора, ножа, вилокъ, шила, иглы, крестовъ съ гойтанами, пуговиць, запонокъ, перстней и веревокъ, чѣмъ могутъ себя умертвить и прочаго, тако-жъ и хмѣльнаго питья и ничего въ руки не давать, и о томъ посланнымъ при нихъ караульнымъ солдатамъ накрѣпко приказать, и самому тебѣ и унтеръ-офицеру повсегда надзирать, пищу ихъ самому тебѣ напередъ отвѣдывать, и чтобы въ рыбѣ и мясѣ, въ протчей тому подобной пищѣ костей не было; найпримѣрнѣйше тебѣ того смотрѣть, чтобы они съ дороги никакимъ вымысломъ убѣжать не могли, а фюзен и штыки у конвойныхъ солдатъ взять и содержать тебѣ у себя въ телѣгѣ, только-бы они шпаги однѣ обнажа крѣпко въ рукахъ держали“¹⁾...

Въ 1765 году въ соловецкій монастырь присланъ былъ, не извѣстно за что, подъ видомъ безумнаго, малороссіянинъ Антонъ Любимскій. О немъ я нашелъ въ черниговскомъ архивѣ слѣдующее повелѣніе Екатерины 2-й гетману Кирилу Разумовскому отъ 2 іюня 1764 г.

¹⁾ Дѣло по доношенію троицкаго антоніева сіискаго монастыря отъ намѣстника іеромонаха Германа, прѣ которомъ присланъ бывшій кіевопечерской лавры іеромонахъ Досифей. 1755 г., № 11.

„Графъ Кирила Григорьевичъ.

Малороссіянца Антона Любимскаго извольте отправить въ малороссійской межигорской монастырь съ тѣмъ, дабы онъ, по усмотренному въ немъ поврежденію ума, отнюдь ни въ Великой, ни въ Малой Россіи не шатался, а жилъ-бы неисходно и пищею довольствованъ былъ безъ всякаго утѣсненія въ томъ монастырѣ. Что касается до его одежды, извольте выдавать ему изъ скарбу малороссійскаго по пятидесяти рублей на годъ, и при томъ прикажите смотрѣть накрѣпко, чтобъ онъ не имѣлъ при себѣ никакого орудія, которымъ-бы вредъ себѣ могъ причинить; чего ради и везти его до того монастыря подъ надежнымъ присмотромъ“.

Вскорѣ Любимскій былъ перевезенъ въ соловецкій монастырь. Въ вѣдомостяхъ о секретныхъ соловецкихъ колодникахъ за 1780 годъ противъ его фамиліи стоитъ лишь отмѣтка: „1775 года марта 6 дня, по имянному Ея Императорскаго Величества, и по присланнымъ изъ учрежденной о церковныхъ имѣніяхъ комисіи и изъ коллегіи экономіи и изъ святѣйшаго правительствующаго синода послушномъ (?) указѣхъ малороссіянца Антонія Любимскаго велѣно содержать, яко безумнаго, неисходно и предосторожность имѣть, дабы онъ и себя и кого другого какимъ орудіемъ не повредилъ и не допускать его имѣть бумаги, чернилъ и до письма“.

Стѣны соловецкаго монастыря заключали въ себѣ въ теченіи 25 лѣтъ (съ 1776 по 1801 г.) еще одного малороссіянина, на этотъ разъ личность выдающуюся въ исторіи юга, именно послѣдняго кошеваго атамана Запорожской Сѣчи, Петра Калнишевскаго. Въ упомянутой ранѣ моей статьѣ о Калнишевскомъ, напечатанной въ „Русской Старинѣ“ за 1875 г., помѣщены народныя преданія объ этомъ кошевомъ, записанныя мною отъ крестьянъ с. Ворзогоръ, у Бѣлаго моря, архивныя свѣдѣнія объ отпавкѣ Калнишевскаго въ соловецкій монастырь, отысканныя мною въ архангельскомъ архивѣ и документы о причинѣ ссылки Калнишевскаго, разысканные, по моей просьбѣ, въ архивѣ соловецкаго монастыря, гг. Гоздаво-Тышинскимъ и П. П. Чубинскимъ. Здѣсь-же, для полноты настоящей статьи, считаю нужнымъ сказать лишь нѣсколько словъ о положеніи Калнишевскаго въ заточеніи. Калнишевскій, какъ извѣстно изъ исторіи, заключенъ былъ въ соловецкій монастырь не за собственную вину, а за то собственно, что былъ представите-

лемъ запорожскаго войска, отжившаго свой историческій вѣкъ. Калнишевскаго содержали безвыходно много лѣтъ въ маленькомъ, сыромъ, холодномъ и полутемномъ чуланѣ въ одной изъ каменныхъ башенъ монастырской стѣны; въ послѣдствіи ему было отведено лучшее помѣщеніе, рядомъ съ поварней. Не смотря на свое долговременное ужасное заточеніе и на свою глубокую старость (онъ умеръ 112 лѣтъ отъ роду), Калнишевскій не потерялъ умственныхъ силъ, какъ то было съ большинствомъ заключенныхъ. Безвыходно заточенные обыкновенно или вскорѣ умирали, или, по словамъ крестьянъ, дѣлались *блаженными*, т. е. сходили съ ума, или впадали въ идиотизмъ, и тогда жили долго. Слова крестьянъ на счетъ послѣдняго обстоятельства подтверждаются ежегодными вѣдомостями архимандритовъ о монастырскихъ узникахъ прошлаго столѣтія. Въ нихъ противъ многихъ фамилій заточенныхъ стоятъ отмѣтки, въ родѣ слѣдующихъ: „находится въ несовершенномъ умѣ, въ разстроенныхъ мысляхъ, скорбень умомъ“ и т. п.

Въ вѣдомостяхъ о колодникахъ соловецкаго монастыря за 1802 годъ встрѣчается еще фамилія одного малороссіянина—Саввы Сирскаго. О немъ сказано, что Сирскій первоначально содержался въ шлиссенбургской крѣпости, а въ іюнѣ 1801 г. препровожденъ въ соловецкій монастырь при указѣ святѣйшаго синода, а за что—не дано знать. Присланъ онъ „для содержанія въ числѣ послушниковъ и употребленія въ монастырскихъ послушаніяхъ, которыхъ нимаго не можетъ по немолодымъ своимъ лѣтамъ носить. Но по причинѣ учиненнаго имъ къ побѣгу изъ монастыря покушенія, для отвращенія и впредь таковаго, содержится по силѣ указа свят. синода въ вѣдомствѣ и за стражею здѣшняго воинскаго начальника, впрочемъ, находясь въ несовершенномъ разумѣ и разстроенныхъ мысляхъ, жизнь свою препровождаетъ скромно и спокойно“.

Въ мой перечень внесены не все малороссіяне, томившіеся въ прошломъ столѣтіи въ неволѣ на далекомъ сѣверѣ. Какъ можно думать, были тамъ и многіе другіе. Такъ, въ описи черниговскаго архива, упоминается подъ 1717 годомъ о Яковцѣ Михайленкѣ, который бѣжалъ изъ ссылки изъ обители соловецкихъ чудотворцевъ, а въ описи уничтоженныхъ дѣлъ архангельскаго архива—о гайдамакахъ, поверстанныхъ въ солдаты, въ архангельскій гарнизонъ.

П. Ефименко.

ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ:

О ВЗЯТИИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ АЗОВА? *)

Въ іюльской книжкѣ „Кіев. Старины“ помѣщена статья А. И. Стоянова: „Южно-русская пѣсня о событіи XI вѣка“, въ которой авторъ приурочиваетъ пѣсню, напечатанную въ Сборникѣ чумацкихъ пѣсень И. Я. Рудченка подъ № I, въ четырехъ вариантахъ, ко взятію половцами Торческа въ 1093 году. Такое приуроченіе онъ основываетъ на совпаденіи многихъ чертъ лѣтописнаго разсказа объ этомъ событіи и мѣстнаго о немъ преданія съ отдѣльными мѣстами пѣсни, преимущественно по двумъ приводимымъ имъ ея вариантамъ, изъ которыхъ второй до сихъ поръ не былъ извѣстенъ въ печати ¹⁾. Здѣсь-же указаны и другія мнѣнія о значеніи этой пѣсни: одно г. Рудченка, видѣвшаго въ ней весьма древнія бытовья черты торговли мѣхами и мѣновой торговли, и второе, г. М. Т—ова („В. Евр.“, 1877 г., кн. III), о великорусскомъ происхожденіи пѣсни, составляющей перефразировку прозаическаго сказанія о взятіи донцами Азова, которому должна была отвѣчать великорусская пѣсня, до сихъ поръ никѣмъ не записанная. А. И. Стояновъ полагаетъ (стр. 94), что поводомъ къ послѣднему мнѣнію послужило упоминаніе въ одномъ изъ вариантовъ пѣсни о плѣ-

*) См. «Кіев. Старина», іюль, стр. 81; августъ, стр. 362.

¹⁾ Вариантъ изъ с. Вел. Снитинки васьильков. у. почти буквально совпадаетъ съ вар. Б. у г. Рудченка, помѣченнымъ «Васьильковъ», и былъ сообщенъ мною издателю чумацкихъ пѣсень; я даже полагаю, что это онъ и есть, а различія произошли только при перепискѣ и корректурѣ не подъ глазами издателя. Отсюда и пропускъ существенно важнаго примѣчанія пѣвца, указаннаго въ статьѣ г. Стоянова, которое находилось и въ моемъ спискѣ.

неніи, при взятіи разбойниками Азова, „молодыхъ черкесочокъ“. На самомъ-же дѣлѣ, такое мнѣніе, по болѣе вѣскимъ соображеніямъ, было высказано первоначально мною, въ 1874 году, въ рецензіи на Сборникъ г. Рудченка, причѣмъ я, конечно, отрицалъ всякую возможность *перепародировки* донскаго сказанія въ малорусскую пѣсню, а только указывалъ на ихъ замѣчательный параллелизмъ.

При этомъ мнѣніи я остаюсь и теперь, а потому и долженъ вновь повторить свои доводы, затерянные въ старой газетной статьѣ, и дополнить ихъ нѣкоторыми новыми данными. Къ этому обязываетъ меня какъ давнишнее сотрудничество съ А. И. Стояновымъ по занятіямъ малорусской этнографіей, о которомъ съ такой теплотою упомянулъ мой почтенный другъ, такъ еще болѣе—стремленіе въ исторической истинѣ, хотя мнѣ на этотъ разъ, по совѣсти, очень больно отрѣшиться отъ мысли о существованіи въ нашей современной пѣсенности прямыхъ слѣдовъ историческихъ событій до-татарскаго періода. Въ видахъ такого разрѣшенія вопроса, которое въ отношеніи даннаго случая должно-бы быть окончательнымъ, мнѣ придется разсмотрѣть каждое изъ положеній, высказанныхъ въ концѣ статьи г. Стоянова.

Прежде всего замѣчу, что г. Рудченко, интересуясь въ пѣсняхъ преимущественно ихъ бытовою стороною, и потому принимая ихъ въ слишкомъ буквальный и современный смыслъ, независимо отъ ихъ историческихъ наслоеній, важное значеніе которыхъ указано г. Стояновымъ (стр. 94—95), принялъ въ своемъ Сборникѣ основнымъ вариантомъ—искаженный и съ полузабытымъ концомъ. Г. Стояновъ считаетъ столь-же искаженными и остальные варианты этого Сборника, а наиболѣе цѣльнымъ—обнародованный имъ самимъ, —изъ м. Василівщины васильовскаго уѣзда. Не отрицая важности этой редакціи, особенно ея послѣдняго стиха, я нахожу, однако, гораздо болѣе первообразнымъ списокъ М. А. Кропивницкаго изъ с. Григорьевки елисаветградскаго уѣзда. Въ общемъ онъ очень близокъ къ василівцинскому, но отличается отъ него существенно важною чертою: въ послѣднемъ снарядившихся купцами бурлакѣ грабить въ Азовѣ орда, а въ григорьевскомъ—сами они грабятъ Азовъ, соотвѣтствуя этой „ордѣ“ (мы увидимъ ниже, какому историческому факту соотвѣтствуетъ и это упоминаніе объ ордѣ, т. е. татарахъ). Кромѣ того, здѣсь указываются подробности снаряженія

бурлакъ, изъ котораго видно, что число ихъ значительно превышаетъ число купеческихъ возовъ, т. е. они сами пользуются послѣдними для скрытнаго входа въ городъ, подъ видомъ товара, что поясняется спискомъ Н. И. Костомарова, примѣчаніемъ пѣвца къ снитинскому варианту и той именно подробностью преданія о Торческѣ, гдѣ оно расходится съ лѣтописью; въ спискѣ-же василівщинскомъ ея нѣтъ. Поэтому, прежде всего необходимо возстановить здѣсь вариантъ изъ Григорьевки, полный текстъ котораго таковъ:

1. Ой що то за крячокъ
2. Надъ моремъ крякае,
3. Гей и що жъ то за бурлакъ
4. Молодцівъ збірае:
5. — „А збірайтеся, хлопці,
6. Да й все народъ майстерный,
7. Да й зробимо, братця,
8. Півтора ста мы возівъ,
9. Да начепимъ-начепимъ
10. Півтора ста мы яремъ,
11. Да возьмемо, братця,
12. По семеро молодцівъ,
13. А по восьмому, братця,
14. За-для кашоварости,
15. А по дев'ятому, братця,
16. За-для осторожности,
17. А по десятому, братця,
18. Щобъ волыки поганявъ.
19. Та поїдемо мы, братця,
20. Ажъ въ той городъ у Азовъ;
21. Та й займемо мы місця
22. По широкимъ улицямъ,
23. Да поставляемъ возы
24. У три ряды у швадронъ.
25. Ой выйдуть до насъ, выйдуть
26. А два купці-молодці,
27. А спытають насъ, братця,
28. Що за товаръ у возахъ?

29. А мы скажемо, братця,
30. Що въ насъ товаръ дорогой:
31. Все лысці та кунці
32. Та чорные соболя“:

33. Гей учора изъ вечора
34. Такий приказъ оддали,
35. А такъ якъ о півъ-ночі—
36. Азовъ-городъ узяли.
37. Ой выйшовъ да выйшовъ
38. А знать бурлакъ—сильно пребагать,
39. А крикнувъ вінъ покривнувъ
40. Своімъ громкимъ голосомъ:
41. „Ой збірайтеся, хлопці,
42. Всі молодці на судно,
43. Та беріте-грабуйте—
44. Кому чого надобно:
45. Гей кому срібла, а кому злота,
46. Кому суконъ дорогихъ,
47. А кому мало, недостача,—
48. Черкесочокъ молодихъ“.

Перехожу теперъ въ изложенію Сказанія о взятіи донскими козаками Азова, помѣщеннаго въ 3-й книжкѣ „Чтеній моск. общ. ист. и древностей“ за 1864 годъ, все содержаніе котораго и многія мельчайшія подробности поразительно совпадаютъ съ приведенною пѣснію. Сказаніе это слишкомъ обширно, чтобы приводить его цѣликомъ, и я ограничусь краткимъ, но точнымъ пересказомъ его, приводя подлинникомъ тѣ мѣста, которыя имѣютъ существенное значеніе для цѣли настоящей статьи. Замѣчу, что связаніе мѣстами носятъ слѣды искаженій, языкъ его вовсе не современенъ событію, а по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣтіе поздне, признаки чего укажу ниже; разсказу о взятіи Азова предшествуетъ эпизодъ о захватѣ турецкихъ судовъ.

„Въ лѣта благочестиваго государя-царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея Россіи самодержца,—начинается сказаніе, —собравшееся военное вольное козачество изъ городовъ на тихой Донѣ, атаманъ у нихъ былъ Нижняго Новгорода, что на Волгѣ

рѣкъ, Наумъ Васильевичъ. Въ нѣкое время азовскій паша, по нашему воевода, отъ турецкихъ бояръ, отдаде въ замужство дочь свою за крымскаго хана, а по нашему ихъ царя старчева (т. е. старшаго). И тотъ азовскій паша, нагрузя четыре буса (судна) живота, отпустилъ на оныхъ дочь свою по Дону къ крымскому хану Старчеву (sic), а провожатыхъ съ нею послалъ семьсотъ человекъ¹⁾. Узнавъ объ этомъ, атаманъ съ товарищи изготовили легкіе струги, помолились Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу и отправились въ числѣ четырестотъ человекъ на добычу. „На Дону оставили для обереженія сто человекъ, да чернаго попа Серапіона, который къ нимъ пришелъ изъ Астрахани отъ архіепископа Макарія, по нѣкоей винѣ случившейся“. Изъ засады въ камышѣ напали добычники на турецкіе „бусы“, овладѣли ими и перебили всѣхъ бывшихъ тамъ турокъ и татаръ, кромѣ дочери пашы и ея прислужницъ, а тогда всю добычу перевезли на Донъ сухимъ путемъ на лошадяхъ. Паша выкупилъ свою дочь съ ея „дѣвками“, давши козакамъ драгоцѣнностей на десять тысячъ рублей. Козаки отослали всю добычу въ Астрахань и обмѣняли на русскіе товары.

Потомъ они собрались въ кругъ и стали совѣтовать о новомъ предпріятіи: какъ-бы Азовъ городъ взять. И держали рѣчь атаманъ Наумъ Васильевичъ и есаулъ Иванъ Федоровичъ: „Разумно говорите, козаки вольные, молодцы добрые! Какъ градъ Азовъ возьмемъ? Сдѣлаемъ стотридцать телѣгъ и покроемъ ихъ кожами красными и черными, и во сто телѣгъ положимъ по малу числу товаровъ, а въ тридцать ¹⁾ телѣгъ по четыре человекъ козаковъ съ ружьями и русскими товарами... И начаша готовить телѣги, и положили въ тридцать телѣгъ по малу русскихъ товаровъ и по четыре человекъ“. Изготовившись такимъ образомъ, „по совершеніи молебнаго гнѣнія, съ тихова Дону пошли во Азову граду, и взяли съ собою честныя иконы, и не доходя до Азова за день, стали въ камышникѣ и начали думать, какъ-бы Азовъ взять“. Атаманъ распорядился такимъ образомъ: „къ каждой телѣгѣ приставилъ по

¹⁾ Это мѣсто искажено: далѣе говорится, что изъ телѣгъ въ Азовѣ вышло *четыреста* козаковъ; слѣдовательно, распределение телѣгъ изложено здѣсь превратно: товарами должно быть занято тридцать, а засадою сто, что и болѣе соотвѣтствуетъ характеру употребленной хитрости.

человѣку, а триста человекѣ снарядилъ въ хорошее нѣмецкое платье и заготовилъ листъ къ азовскому пашѣ или коменданту, въ коемъ написано: Изъ астраханскаго царства отпущены товары съ торговыми людьми въ турецкую землю, въ городъ Азовъ. И козаки другими именами назвались, и о товарѣ на нѣсколько тысячъ объявили, таможенной откупъ за печатью атамана написали, и противу того точную копию списали, въ самую-же полночь пошли со всѣмъ обозомъ къ Азову“.

Встрѣченные нѣсколькими тамошними охотниками, козаки подарили имъ по три бѣлки и просили извѣстить въ городъ о своемъ прибытіи. Когда донесли объ этомъ пашѣ, онъ послалъ восемь человекъ для опроса пріѣзжихъ и осмотра ихъ товаровъ. „Татары и турки, видя на козакахъ платье долгое торговое“, спрашивали письма изъ астраханскаго царства отъ тамошняго воеводы и просили показать товаръ. Атаманъ велѣлъ развязать десять возовъ, въ которыхъ оказались: „котлы, порохъ, свинецъ, укладъ, холсты, сукна, добрые соболи, лисицы и бѣлки“. Козаки дали подарки досмотрщикамъ и заявили, что такой-же товаръ и въ остальныхъ возахъ, кромѣ двухъ, гдѣ хранятся дорогіе подарки для паши. Узнавъ объ этомъ и видя, что даже досмотрщикамъ подарено по дорогой лисицѣ въ пять рублей, паша разрѣшилъ впустить мнимыхъ купцовъ въ городъ, куда они и вѣхали по захожденіи солнца (т. е. на второй день по отходѣ изъ стана въ камышникѣ).

„И турки поставили ихъ на гостинной дворъ, сказавъ имъ, чтобъ товары вносили въ лавку; а козаки просили до утра оставить, а завтра, сказали, осмотримъ и перепишемъ, а оной товаръ просушимъ, и тогда въ лавки сносимъ“. Получивши согласіе турокъ, атаманъ, по требованію паши, отправляется къ нему съ „письменнымъ видомъ“ и несетъ въ подарокъ три сорока соболей, почему и встрѣчаетъ самый ласковый приемъ. Уходя отъ паши, атаманъ говоритъ слугѣ его: „завтра принесу ему другіе подарки, чтобы у нашихъ возовъ караула не было, понеже мы опасныхъ людей сего города не боимся“. По докладу слуги „паша караулу стоять не велѣлъ“, и козаки, поужинавъ, затворяютъ ворота гостиннаго двора на запоръ, „и мало приумоляли“.

Тогда атаманъ велѣлъ развязывать телѣги, и изъ нихъ вышло четыреста козаковъ. Ихъ тоже накормили, а потомъ собрались всѣ

въ кругъ. Атаманъ велѣлъ козакамъ раздѣлиться на партіи для одновременнаго нападенія въ разныхъ направленіяхъ, а самъ пошелъ ко двору паши; „у возовъ-же оставили чернаго попа Серапіона и съ нимъ десять челоувѣвъ, чтобы помолились Богу и святымъ угодникамъ Іоанну Предтечѣ и Николаю Чудотворцу“. На турокъ напали врасплохъ, началась рѣзня, продолжавшаяся съ полуночи до разсвѣта: „и всѣхъ турокъ, и татаръ, и старыхъ бабъ побивали, а молодыхъ женокъ и дѣвокъ къ себѣ взяли“.

Число убитыхъ было такъ велико, что едва за два дня успѣли вывезти трупы ихъ въ море. „Молодыхъ-же ребятъ, женокъ и дѣвокъ и со всѣхъ домовъ имѣніе собравъ, начали дѣлить, и по дѣлу на каждого козака досталось по три челоувѣка, а живота по двѣ тысячи рублей да по четыре коня. И взявъ съ собою иконы, несоша посредѣ града съ псалмопѣніемъ, и украсиша ихъ серебромъ и златомъ“.

Поселились затѣмъ козаки въ Азовѣ, „стали жить въ домахъ и создали церковь деревянную во имя Іоанна Предтечи и Николая Чудотворца и послали въ Астрахань къ архіепископу Макарію, чтобъ далъ имъ на освященіе церкви архимандрита, попа и діакона и антиминсъ. Преосвященный Макарій послалъ попа бѣлаго, и діакона, и антиминсъ, и грамоту, да живутъ тамъ въ Азовѣ. И многіе козаки на турчанкахъ женились, и въ христіанскую вѣру приведены (т. е. турчанки). Пронесошеса о семъ вѣсть въ русскіихъ странахъ и городахъ, и много людей къ нимъ въ Азовъ пришло, и собралось ихъ до пяти тысячъ челоувѣкъ“.

Изъ приведеннаго здѣсь краткаго изложенія Сказанія видно, что и само оно возбуждаетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Изложеніе его крайне неровно: языкъ мѣстами, какъ въ первой рѣчи атамана, разказъ объ избіеніи азовскихъ турокъ и дѣлежѣ добычи,—вполнѣ соотвѣтствуетъ эпическому складу народныхъ преданій; въ другихъ мѣстахъ, церковнославянскіе обороты и повсемѣстное упоминаніе о религіозно-обрядовыхъ подробностяхъ, какъ о попѣ Серапіонѣ, молебствіяхъ, псалмопѣніи послѣ побѣды, перенесеніи и украшеніи иконъ, созданіи церкви и посылкѣ въ Астрахань за духовенствомъ для нея и антиминсомъ,—заставляютъ думать, что славателемъ его, или по крайней мѣрѣ первымъ писателемъ, было лицо духовное; наконецъ, употребленіе такихъ словъ, какъ *комен-*

дантѣ, копія, письменный видѣ, упоминаніе о нѣмецкомъ платѣ у торговыхъ людей и т. под., служить указаніемъ, что напечатанная редакція Сказанія принадлежитъ свѣтскому грамотѣю и никакъ не старѣе второй четверти прошлаго столѣтія, а можетъ быть—и гораздо новѣе. Примирить эти противорѣчія можно единственно только предположеніемъ, что Сказаніе первоначально существовало въ видѣ народнаго преданія или даже и пѣсни, затѣмъ, подобно преданіямъ древнѣйшаго періода нашей исторіи, было облечено въ письменную форму какимъ нибудь книжникомъ изъ духовенства, и наконецъ подвергалось передѣлкамъ со стороны свѣтскихъ переписчиковъ. Насколько вѣрно такое предположеніе, покажетъ отчасти дальнѣйшій анализъ Сказанія.

По отношенію собственно къ нашей пѣснѣ, Сказаніе представляетъ замѣчательныя совпаденія, до полнаго тождества. Относительно мѣстности, изъ пяти извѣстныхъ вопліѣ вариантовъ Азовъ упоминается въ двухъ, равно какъ въ цитатѣ діда Омелька покойному П. И. Ревякину и въ „верзьянъ“ солдата на переяславской пристани; въ остальныхъ трехъ вариантахъ упоминаются „Ростовъ“ и „Щучинъ“,—мѣстности, тоже близкія къ Азову. Въ пѣснѣ подъ видомъ товара ввозятся въ городъ „бурлаки“, по Сказанію—вольные козаки. Въ перечисленіи товаровъ тамъ и здѣсь одинаково говорится о лисьихъ и соболяхъ мѣхахъ, которые, по Сказанію и согласно всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, служатъ предметами подарковъ, а показываютъ товары, въ приведенномъ здѣсь и костомаровскомъ спискѣ, по требованію мѣстныхъ городскихъ купцовъ, въ Сказаніи—азовскихъ досмотрщиковъ. Въ послѣднемъ вариантѣ „купецъ“ открываетъ рогожи съ воевъ, стоящихъ по темнымъ улицамъ, и тамъ открываются „добрі молодці“; примѣчаніемъ пѣвца къ лишенному окончанія снитинскому варианту поясняется иносказательный смыслъ его послѣдняго стиха о „продажѣ“ товара, состоящаго изъ „козаковъ“; въ григорьевскомъ прямо излагается результатъ такой продажи: взятіе и разграбленіе Азова, какъ и въ Сказаніи. Далѣе, тамъ и здѣсь идетъ раздѣлъ добычи, въ составъ которой входятъ и молодцы „черкесочки“, а въ обнародованномъ А. И. Стояновымъ спискѣ прямо сказано „туркени“,—турчанки Сказанія. Замѣчу, что предполагать здѣсь переходъ звука *о* въ *у*, туркена вмѣсто торкена, впрочемъ очень обыкновен-

ный въ Кіевщинѣ, мы имѣли-бы право только тогда, когда-бы не было въ виду указанія на правильность записанной формы. Въ малорусской рѣчи турченя именно и значить турчанка:

А на тому кораблі

Сидить *турчинъ* изъ *туркенею*.

Установивъ, такимъ образомъ, тождество нашей пѣсни и Сказанія, или, вѣрнѣе говоря, происхождение ихъ изъ одного общаго источника, необходимо затѣмъ, для точности изслѣдованія, разрѣшить слѣдующіе вопросы:

Весьма возможно, что существовало въ народѣ общее преданіе объ особомъ видѣ военной хитрости для взятія города, напоминающемъ троянскаго коня, которое затѣмъ и приурочивалось къ мѣстнымъ случаямъ, хотя-бы въ дѣйствительности такая хитрость и не въ каждомъ изъ нихъ употреблялась. Приурочить ее одинаково могло Сказаніе къ Азову, какъ и Омелько къ Торческу. Если, поэтому, отыщется достовѣрное историческое событіе, къ которому приурочивается безъ натяжекъ Сказаніе, а слѣдовательно и наша пѣсня, то слѣдуетъ разсмотрѣть, въ какой мѣрѣ обстоятельства этого событія допускають возможность дѣйствительнаго употребленія при немъ упомянутой военной хитрости.

Во вторыхъ, если на предыдущій вопросъ и получится утвердительное рѣшеніе, то необходимо еще указать путь, какимъ могла распространиться въ приднѣпровской Малороссіи пѣсня о событіи, имѣвшемъ мѣсто на отдаленномъ отъ нея Юговостовѣ.

Царствованіе Михаила Федоровича, къ которому само себя относитъ Сказаніе, было эпохою наибольшаго, какъ вѣжется, развитія удалства козаковъ по отношенію къ ихъ магометанскимъ сосѣдямъ; и донцы, и запорожцы громили ихъ въ ту пору пуще всего. Оставляя въ сторонѣ послѣднихъ, представимъ краткій перечень набѣговъ донцовъ на турокъ и ихъ владѣнія. Въ 1622 г. они ограбили въ устьяхъ Дона шедшіе въ Азовъ турецкіе караваны. Въ 1623 г. они взяли турецкій корабль близъ Керчи, а затѣмъ напали на ногайцевъ и нанесли имъ большой уронъ, захвативъ много женщинъ, дѣтей и животины. Въ 1626 г. донцы овладѣли монастыремъ Іоанна Предтечи недалеко отъ Цареграда. Въ 1628 году, послѣ неудачнаго похода подъ Трапезунтъ, ограбили и сожгли

Карасу и Манкупъ въ Крыму. Въ 1630 г. ими былъ разгромленъ Синопъ. Въ 1633 г. на двадцати пяти стругахъ сдѣлали набѣгъ на Кафу, а потомъ захватили Иконію. Въ 1634 г. донскіе козаки рѣшились напасть на такую сильную крѣпость, какъ *Азовъ*, повредили городъ пушечной пальбой, но приступъ ихъ окончился неудачею. Наконецъ, *козакамъ удалось овладѣть въ 1637 году Азовомъ*, который составлялъ для нихъ такое-же препятствіе къ свободному выходу въ море, какими были для запорожцевъ турецкіе „замки“ на Днѣпрѣ, на мѣстѣ нынѣшней Каховки и Берислава и на промежуточныхъ между ними островахъ, носившіе названія: Асламъ-вермень, Таванъ, Кызы-вермень, Муберекъ-вермень и Мустрить-вермень¹⁾.

Передадимъ главныя черты этого событія, отдѣляя тѣ ихъ особенности, которыми онѣ совпадаютъ съ пѣснею или Сказаніемъ. Задумавъ овладѣть Азовомъ и видя недостатокъ военныхъ припасовъ, донскіе козаки послали на Москву, съ просьбою о присылкѣ таковыхъ, атамана *Ивана Каторжнаго*, именемъ своимъ соответствующаго есаулу Ивану Федоровичу, о которомъ говорится въ началѣ Сказанія. Была-ли удовлетворена просьба донцовъ, мы не знаемъ. Тѣмъ временемъ они устроили общій съѣздъ со всѣхъ городковъ и рѣчекъ и затѣмъ выступили къ Азову, въ числѣ четырехъ тысячъ *четырехсотъ* человекъ; Сказанію, имѣвшему цѣлью прославить козацкіе подвиги, вполне естественно было умолчать о первой цифрѣ и оставить только вторую, какъ число воиновъ, скрытыхъ подъ видомъ товаровъ. Не доходя Азова, козаки *простояли* двѣ недѣли, конечно, скрываясь самымъ тщательнымъ образомъ, что вполне соответствуетъ стояннѣ ихъ въ камышникѣ, продолжительности которой Сказаніе не опредѣляетъ. Здѣсь прибыли къ нимъ на подмогу *астраханскіе* юртовые татары, послѣ чего они и овладѣли городомъ. Сказаніе нѣсколько разъ упоминаетъ о сношеніяхъ и связяхъ козаковъ съ Астраханью, да и въ Азовъ проникли они подъ видомъ астраханскихъ торговцевъ; тотъ-же фактъ, что вмѣстѣ съ ними, въ качествѣ союзниковъ, дѣйствовали татары,

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IX, стр. 273, 278, 282, 283, 285, 286, 291.

объясняетъ намъ упоминаніе объ *ордѣ* въ обнародованномъ г. Стояновымъ вариантѣ пѣсни и разрѣшаетъ *на-половину* высказанное имъ недоумѣніе (стр. 93): „Если-бы какая-либо татарская орда въ болѣе позднее время захватила турецкій Азовъ и стала грабить турокъ и брать въ плѣнъ турчанокъ, какимъ образомъ фактъ этотъ отразился-бы въ южнорусскомъ эпосѣ и на какомъ основаніи“? Идемъ далѣе: историкъ не говоритъ намъ о способѣ взятія Азова, но изъ простаго сопоставленія фактовъ ясно, что здѣсь была употреблена *какая-то* военная хитрость, та-ли, что въ пѣснѣ и Сказаніи, или какая-либо иная, на этомъ я не настаиваю, но во всякомъ случаѣ дѣйствовала не одна открытая сила. Козаковъ во взятіи города участвовало всего четыре тысячи четыреста, численность астраханскихъ юртовыхъ татаръ неизвѣстна, но послѣднихъ, какъ показываютъ намъ всѣ современные факты изъ исторіи югозападной Руси, при штурмѣ *крѣпости* можно почти не принимать во вниманіе. Азовская-же крѣпость была такъ сильна, что нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1641 году, подъ стѣнами Азова, защищаемаго *пятнадцатью* тысячами козаковъ, простояла все лѣто огромная турецкая армія, численность которой опредѣляютъ, хотя-бы даже съ большимъ преувеличеніемъ, въ *двѣсти сорокъ* тысячъ человекъ, съ сотнею орудій, — повторяла, но неудачно, приступы къ крѣпости двадцать четыре раза и наконецъ вынуждена была снять осаду. По взятіи города козаками, они, говоритъ историкъ, не упускаютъ живымъ ни одного человекъ, на степи и на морѣ, что вполнѣ согласно не только со словами Сказанія, но и со смысломъ пѣсни, такъ какъ прежде чѣмъ дѣлиться „черкесочками“ или „туркеними“, необходимо было истребить ихъ отцовъ, мужей, братьевъ, все взрослое мужское населеніе. Отмѣтимъ, наконецъ, еще одну черту совпаденія: въ Сказаніи неоднократно упоминается о молитвахъ козаковъ Іоанну Предтечѣ и Николаю чудотворцу, основаніи церкви во имя этихъ угодниковъ и т. д. На земскомъ-же соборѣ 1642 года, по вопросу о томъ, возвратить-ли туркамъ Азовъ, или удержать его за собою, жители многихъ городовъ говорили царю: „Если не изволишь Азова принять, то онъ будетъ за бусурманами, и образъ *Іоанна Предтечи* будетъ у бусурмановъ: не навѣсть-бы, государь, гнѣва Божія и гнѣва великаго свѣтильника *Іоанна Предтечи* и великаго святителя и *чудотворца Николая*, которыми поручилъ тебѣ Богъ такой

дальній крипкій украинскій городъ". Однако правительство, изъ соображеній политическихъ, т. е. не желая навлечь на себя войны съ могущественною тогда Турціею, порѣшило иначе, и донцы, про- владѣвъ Азовомъ шесть лѣтъ, въ 1643 году, добровольно, изъ одного угожденія московскому правительству, удалились оттуда, не оставивши впрочемъ и камня на камнѣ¹⁾).

Такимъ образомъ, между историческими фактами и донскимъ Сказаніемъ оказывается самая тѣсная связь; а такъ какъ ранѣе уже установлена мною подобная-же связь между послѣднимъ и разбираемою пѣснею, то и она должна быть исключена изъ числа бытовыхъ, чумацко-бурлацкихъ, куда помѣстилъ ее г. Рудченко, и отнесена къ историческимъ, но съ приуроченіемъ ея не ко взятію половцами Торческа въ 1093 году, какъ полагаетъ г. Стояновъ, а ко взятію козаками Азова, 18 іюня 1637 года.

Перейдемъ теперь къ вопросу, почему событіе на берегахъ далекаго Дона отразилось въ малорусскомъ пѣсенномъ эпосѣ? Ближайшимъ образомъ напрашивается отвѣтъ, что пѣсня эта, на ряду съ нѣкоторыми другими пѣснями, несомнѣнно донского происхожденія, могла быть занесена оттуда чумаками, имѣвшими впо- слѣдствіи съ Дономъ постоянныя сношенія, такъ какъ рѣка эта очень часто упоминается въ пѣсняхъ, преимущественно чумацкихъ. Но, допуская возможность занесенія этимъ путемъ пѣсни о взятіи Азова, я долженъ сказать что такое предположеніе оставляло-бы безъ отвѣта одинъ изъ аргументовъ г. Стоянова, а именно,—почему-же пѣсня эта извѣстна почти исключительно въ Приднѣпровьи, по крайней мѣрѣ, внѣ этой полосы существованіе ея до сихъ поръ констатировано только въ одномъ елисаветградскомъ уѣздѣ, хотя составъ пѣсенности губерній полтавской и черниговской изслѣдованъ несравненно лучше. Мнѣ кажется, что область распространенія этой пѣсни, поскольку она до сихъ поръ опредѣлена, т. е. съ елисаветградскимъ уѣздомъ включительно, лучше всего можетъ быть объяснена разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ историческихъ обстоятельствъ, современныхъ взятію Азова.

Между Дономъ и Запорожьемъ въ рассматриваемую эпоху, т. е. во второй четверти XVII столѣтія, существовали самыя близкія,

¹⁾ Соловьевъ, тамже, стр. 299 и слѣд.

можно сказать интимныя отношенія. „Мы до сихъ поръ отдѣляли; говорить П. А. Кулишъ, характеръ козаковъ запорожскихъ отъ характера козаковъ донскихъ. Изъ разсказовъ Ахія (царевичъ, мнимый или дѣйствительный сынъ Магомета III, христіанскій претендентъ на турецкій престолъ), подтверждаемыхъ и другими документами, оказывается, что одна вольница отличалась отъ другой только признаніемъ надъ собою власти разныхъ государей... Мы находимъ въ монастырскихъ сказаніяхъ о черноморскихъ буряхъ (у Кальнофойскаго) передовиками запорожскими—москвитянь, а на Дону героями, въ родѣ эпическаго Кішки Самійла, запорожскихъ полковниковъ, и знаемъ, какъ обѣ вольницы предпринимали общіе морскіе походы“¹⁾. „Тѣ и другіе составляли, можно сказать, нераздѣльное товарищество“²⁾. Положимъ, на слова г. Кулиша, изслѣдующаго факты всегда не иначе, какъ подъ угломъ зрѣнія извѣстной тенденціи, несовѣмъ удачно ссылаясь притомъ-же на слова Пушкина, что „только глупецъ не перемѣняетъ никогда своихъ убѣжденій“,—полагаться далеко не всегда можно. Но имъ обнаругованъ въ цитированномъ изданіи (стр. 290—294) подлинный документъ, который, конечно, гораздо важнѣе выводовъ издателя, просто и безыскусственно изображающій отношенія того времени (1626 годъ) между донцами и запорожцами. Полковникъ запорожскій Алексѣй Шафранъ попалъ въ турецкую неволю, гдѣ пробылъ „у каѳинскаго воеводы на каторге (галерѣ) семь лѣтъ“, а потомъ успѣлъ, съ другими узниками, освободиться и бѣжалъ на Донъ: Отправившись впослѣдствіи отсюда въ Кіевъ, Шафранъ и три его товарища—козака сбились съ пути и приبلудились къ городу Волуйкѣ. Тамошнему воеводѣ показались они людьми подозрительными и отправлены имъ на Москву. Здѣсь ихъ подробно обо всемъ спрашивали, и вотъ что, между прочимъ, записано въ показаніяхъ Шафрана: „живетъ онъ Олеша на Дону восемнадцать лѣтъ, а иные его товарищи живутъ лѣтъ по пяти и по шести; а всѣхъ де ихъ на Дону есть съ тысячу человекъ; а въ Запорогахъ де донскихъ козаковъ также много;... только живутъ переходя: они хо-

¹⁾ Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, стр. 152.

²⁾ Тамъ-же, стр. 286.

дятъ на Донъ, а зъ Дону казаки къ нимъ, и живутъ, сколько гдѣ кто хочетъ. А повелось де у нихъ то зъ донскими казаки изстари, что межъ себя сходятца и живутъ вмѣстѣ въ однихъ куреняхъ. Въ нынѣшнемъ де лѣте ходили они на море,... а старшина у нихъ былъ онъ Олексѣй, а съ нимъ были запороскіе черкасы и донскіе казаки смѣсно за одинъ; а пошли они зъ Дону на море... и взяли въ турецкой землѣ городъ Трапизонтъ“. Допрашивавшіе дѣяки, желая уличить Шафрана въ сокрытіи будто имъ истинной цѣли приѣзда въ Волуйку, указывали, что она лежала ему не по дорогѣ: „Вѣдомо подлинно, и знаютъ то многіе люди, что зъ Дону въ Запороги и изъ Запорогъ на Донъ ходятъ степью, не займудя Донца, на Кармию (Калміусъ) да на Мохъ, а Донца не лазятъ“. Очевидно, сношенія въ этомъ направленіи были достаточно оживлены и постоянны, если московскіе дѣяки могли указывать Шафрану надлежащій его маршрутъ. Противъ рѣчей Шафрана и товарищей были допрошены также случившіеся на Москвѣ донской атаманъ Федоръ Ханеневъ да донской козакъ Ивашка Гайдуковъ, которые съ своей стороны подтвердили: „на Дону люди многіе, и черкасъ бываетъ много, человѣкъ до пятисотъ, а иногда и болши... А то у нихъ ведетца: какъ зъ Дону поѣдутъ на Днепръ,—и они атаманомъ сказываютца, а на добродѣтели ихъ челомъ бьютъ. А ѣздить зъ Дону въ Запороги черезъ Миюсь да на Мохъ“.

Приведенный фактъ *предшествуетъ* взятію Азова; укажу аналогію и изъ времени, непосредственно за нимъ *послѣдующаю*. Въ дневникѣ ксендза Шимона Окольскаго ¹⁾, сопровождавшаго польское войско во время войны съ казаками 1638 года, находимъ нѣсколько указаній на сношенія запорожцевъ съ донцами и даже на прямое участіе послѣднихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, въ качествѣ запорожскихъ союзниковъ. Такъ, упомянувъ о началѣ возстанія, онъ говоритъ, что возставшіе, „обравши собѣ на Запорожу Острина за старшого, и при немъ Скидана, зъ посередь себе *до козакъ донскихъ, о помощь просячи, выправили*“. И дѣйствительно,

¹⁾ Не имѣя подъ рукою польскаго подлинника Окольскаго, цитирую по южнорусскому переводу Лукожскаго, 1770 года, въ приложеніи къ лѣтописи Величя, т. IV, стр. 193, 208, 214.

послѣ отступленія поляковъ отъ Голты къ Лубнамъ, Острианинъ получилъ вѣсти, „и жъ ему на помощь килка полковъ заразъ надходить: еденъ ему провадилъ Путивлецъ, и виборного правѣ въ своей-волѣ и въ бунтахъ, между которими *дунскій козакъ*, цвѣчоній на войну, приходилъ“. Впрочемъ, отрядъ Путивльца прибылъ къ Лубнамъ уже послѣ бѣгства оттуда Острианина, а потому былъ подавленъ превосходными силами поляковъ, вынужденъ выдать своего вождя и сдаться на капитуляцію, несмотря на которую поляки вырѣзали всѣхъ сдавшихся. О первомъ появленіи путивльцева полка, явившагося неожиданно для поляковъ, Окольскій сообщаетъ, что былъ высланъ на развѣдку о появившемся войскѣ польскій отрядъ. „Постаравшися теде о языкѣ (т. е. плѣннаго), привели до его милости пана полковника; которій (т. е. языкъ) повѣдалъ, же Путивлецъ, Мурка и Рѣпка вождове, людъ виборній, и добріи стрѣлци есть между ними; *донцовъ пятсотъ*, другіи суть отъ границъ запорожскихъ, идутъ Острианinovѣ на помощь“. Самъ Острианinovъ отрядъ бѣжалъ тогда въ нынѣшнюю харьковскую губернію и поселился на сѣверномъ *Донцѣ*, у Чугуева, и лишь впослѣдствіи эти козаки вернулись въ окрестности Полтавы: въ 1641 году, въ Путивлѣ, „въ роспросѣ густынскіе старцы сказыли: слышали де онѣ въ литовской землѣ, что де *Чюуевскіе Черкасы* и *Яцка Острианина сынъ* ѣздили къ гетману Концу Полскому (т. е. Конецпольскому) бить челомъ о указѣ и отъ гетмана де пріѣхали, и гетманъ де Конецъ-Полской велѣлъ имъ Червасомъ селитца слободою подъ своимъ городомъ подъ Полтавою“¹⁾.

И такъ мы видимъ, что сношенія и связи Дона и Запорожья были очень близки и до и послѣ 1637 года. Было-бы странно предположить, что запорожцамъ не былъ знакомъ Азовъ, что они не принимали участія въ предпріятіяхъ противъ этого города, и чтобы объ этомъ участіи не сохранялось у нихъ памяти. И точно, когда запорожскій кошевой Сѣрко писалъ въ 1675 г. отъ имени всего войска свое извѣстное письмо къ крымскому хану, объясняя причину своего недавняго похода на Крымъ и перечисляя при этомъ прежніе подвиги запорожцевъ противъ турокъ и татаръ, онъ

¹⁾ Акты Южной и Зап. Россіи, т. III, стр. 54.

не забылъ упомянуть и объ Азовѣ. „Року зась 1633, говоритъ Сѣрко, Сулима гетманъ войска низового запорозского, въ моноксилахъ отъ Сѣчи по Днепру, потомъ по Черному мору, чрезъ весь Босфоръ Кимерійскій въ Меотицкое заплинувши езеро, досталъ былъ прекрѣпкого турецкого въ Азій града Азова“ ¹⁾. Почти буквально извѣстіе это вошло въ „Собраніе историческое“ Лукомскаго, со ссылкой на какую-то „Русскую лѣтопись достовѣрную“ ²⁾ и съ прибавленіемъ извѣстія о послѣдовавшей казни Сулимы: „1633 году Сулима, гетманъ войска низоваго запорожскаго, въ моноксилахъ или въ судахъ веселныхъ (гребныхъ) морскихъ, изъ Сѣчи по Днѣпру, чрезъ Босфоръ Киммерійскій въ Меотическое или Азовское море запливши, прекрѣпкій въ Азій городъ Азизъ или Азовъ взялъ. Сему гетману Сулимѣ король Владиславъ IV голову отсѣсти повелѣлъ въ Аршавѣ по жалобѣ на него, за взятіе Азова, отъ турковъ“ ³⁾. Былъ-ли походъ Сулимы вполнѣ самостоятеленъ, или-же онъ имѣлъ связь съ попыткою овладѣть Азовомъ со стороны донцовъ, которая относится къ 1634 году, по неразработанности источниковъ этой эпохи разрѣшить трудно, хотя дѣйствительность этого похода въ 1630-хъ годахъ и казнь за него Сулимы не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ о нихъ упоминается у современника, кіево-печерскаго монаха Афанасія Кальнофойскаго ⁴⁾. Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ полагать, что самая крѣпость Сулимою взята не была, а только ограблены и опустошены окрестности и города. Иначе тѣсными

¹⁾ Лѣтопись Величка, т. II, стр. 381.

²⁾ Можно полагать, что эта лѣтопись, на которую Лукомскій ссылается и по отношенію къ гораздо болѣе раннему времени, отъ начала XVI вѣка, въ своемъ Собраніи Историческомъ, первая часть котораго напечатана въ приложеніи къ кіевскому изданію «Лѣтописи Самовидца», стр. 321—372, была не что иное, какъ южно-русская компилятивная лѣтопись XVII вѣка, извѣстная въ спискѣ конца XVIII столѣтія, іеромонаха Леонтія Боболннскаго. Отрывки изъ этого списка, 1699 года, напечатаны въ приложеніи къ лѣтописи Грабянки, стр. 273—327. Но у покойнаго М. А. Максымовича пѣталась лѣтопись, въ рукописи первой половины XVII вѣка, которую пользовался, какъ оригиналомъ, или какъ главнымъ источникомъ, Боболннскій. Что случилось съ этимъ важнымъ и интереснымъ памятникомъ южно-русской письменности и историографіи, мнѣ неизвѣстно.

³⁾ Лѣтопись Величка, т. IV, стр. 180.

⁴⁾ *Teratooruzyma lubo cuda, które były... w monastyrу pieczarskim kijowskim, etc., Кіевъ, 1638 г., стр. 271: «z hetmanem swym na ten czas Sulimem, niedawno za przestępkі swe przeciwko Rzeczy Pospolitey na gardle skaranym y z niemalą kupą woyska puścili się czółnem na morze».*

ею донцы не замедлили бы воспользоваться случаемъ и утвердиться здѣсь. Наконецъ, тотъ-же Лукомскій сохранилъ намъ и извѣстіе объ участіи запорожцевъ во взятіи Азова въ 1637 году, настолько мотивированное и любопытное, что его стоитъ привести здѣсь вполнѣ. Передавъ о возстаніи Павлюка и пораженіи козаковъ подъ Кумейками, Лукомскій продолжаетъ:

„Того-жъ 1637 году согласились 4000 человекъ храбрыхъ козаковъ, которіе часто помянутыхъ лядскихъ утѣсненій болѣе нести не могли, искать своего щастія въ другихъ краяхъ пошли къ персіанамъ, чтобъ на войнѣ противъ турковъ служить. Они пошли черезъ кримскіе и нагайскіе орды со всякою осторожностію къ Дону и имѣли на дорогѣ частой случай сражаться съ татарами, тамъ встрѣтились они съ 3000 человекъ донскихъ козаковъ, которіе приняли ихъ весьма пріятно и притомъ освѣдомились о ихъ намѣреніи и походѣ. Услышавъ причину онаго, представляли тамъ они имъ опасности похода чрезъ толь многіе народы и сомнѣніе свое, что найдутъ-ли они у персіанъ то, чего желаютъ. Они говорили имъ: мы де имѣемъ для васъ, браття, запасу довольно; чего вы такъ далеко искать намѣрены, то найдете вы у насъ,—будемъ другъ другу вѣрни. Вотъ Азовъ: когда мы возьмемъ этотъ городъ, то будемъ имѣть способной проходъ въ Меотическое или въ Черное море, гдѣ мы въ одинъ походъ можемъ столько взять добычи, сколько вы во всѣхъ кровопролитіяхъ... у персіанъ никогда не получите“. Запорожскіе козаки, посовѣтовавъ между собою, согласились на послѣдокъ на предложеніе донскихъ. Пошли они вмѣстѣ подъ Азовъ, гдѣ турецкій гарнизонъ, котораго отъ трехъ до четырехъ тысячъ человекъ было, ихъ предпріятію осмѣялись. Козаки начали тотчасъ въ землю вриваться и продолжали день и ночь свою работу съ такою ревностію, что они, при непріятельской стрѣлбѣ отъ яничаръ, въ городъ вошли и непріятеля принудили отступить въ замокъ. Яничари находились тогда въ столь великомъ страхѣ, что и замокъ немедленно здали, хотя козаки только четыре фалконеты при себѣ имѣли, которыми-бы никогда пролому учинить не могли. Они ограбили городъ и здѣлали тотчасъ надлежащее учрежденіе: донцы овладѣли Азовомъ, а запорожцы съ добычами въ Сѣчь возвратилися“¹⁾

¹⁾ Велячко, т. IV, стр. 181—182.

Я съ намѣреніемъ привелъ только здѣсь слова Лукомскаго, несмотря на ихъ категорическій смыслъ и рѣшающее значеніе въ вопросѣ объ участіи запорожцевъ при взятіи Азова. Какъ источникъ компилятивнаго характера, составленный слишкомъ черезъ сто тридцать лѣтъ послѣ событія, и притомъ почти безъ всякой критики, — „Собраніе“ Лукомскаго само по себѣ не могло-бы служить достаточнымъ основаніемъ для признанія этого участія, если бы ранѣе не были установлены, по источникамъ первой руки, факты о постоянныхъ сношеніяхъ и связяхъ Запорожья и Дона въ разсматриваемую эпоху. Но въ виду несомнѣнности таковаго рода фактовъ, свидѣтельство Лукомскаго, изъ какаго-бы источника онъ его ни почерпнулъ, получаетъ характеръ достовѣрности по отношенію къ событію, а вмѣстѣ съ тѣмъ важно и само по себѣ, какъ слѣдъ южнорусской традиціи объ участіи въ этомъ событіи запорожскихъ козаковъ.

Коль скоро же является доказаннымъ, что запорожцы въ 1620—30-хъ годахъ бывали на Дону въ большемъ или меньшемъ числѣ постоянно, что они участвовали и во взятіи Азова, то становится вполне понятнымъ и существованіе въ Малороссіи пѣсни объ этомъ событіи, и ея ограниченное распространеніе. Народная пѣсня историческаго содержанія вообще складывается по горячимъ слѣдамъ событія; наглядными примѣрами могутъ служить какъ пѣсня о корсунскихъ волненіяхъ 1855 года, вскорѣ послѣ того тамъ же записанная А. Г. Зайкевичемъ и переданная имъ А. И. Стоянову, такъ и записанная мною пѣсня объ избіеніи крестьянами банды польскихъ повстанцевъ 1863 года въ с. Соловиевѣ радомысльскаго уѣзда ¹⁾. Такъ и здѣсь: пѣсня о взятіи Азова могла быть сложена или немедленно, на мѣстѣ, — въ такомъ случаѣ она должна отыскаться и на Дону, гдѣ она, или прозаическое преданіе о томъ же событіи послужили источникомъ книжнаго Связанія; или же она могла быть сложена запорожцами уже по отходѣ ихъ съ Дона, на пути или по прибытіи въ Сѣчь. Въ томъ и въ другомъ случаѣ распространителями ея по Малороссіи могли быть только запорожцы. Если принять во вниманіе, что вслѣдъ затѣмъ наступило возстаніе Остринина и Гуни, а десять лѣтъ спустя страшный пожаръ надолго охватилъ всю южную Русь, то будетъ

¹⁾ Напечатана въ «Кіевлянинѣ» 1869 года, № 64.

ясно, что занесенная тогда запорожцами пѣсня о далекомъ по мѣстности и немѣющемъ непосредственнаго интереса для мѣстнаго населенія историческомъ эпизодѣ—не могла получить въ Малорос- сии повсемѣстнаго распространенія. Она могла удерживаться по преимуществу въ такихъ только мѣстахъ, которыя, какъ нынѣшній елисаветградскій уѣздъ, входили въ составъ запорожскихъ владѣній; или нерѣдко были посѣщаемы ими, какъ уѣздъ чигиринскій, съ его монастырями: мотренинскимъ, лебединскимъ, николаевскимъ въ Мед- ведовкѣ и онуфріевскимъ въ *Жаботиннѣ*; или же находились непо- далеку запорожскаго „шпитала“ — Терехтемирова, какъ большая часть мѣстностей, гдѣ до сихъ поръ подмѣчена эта пѣсня; вариантъ Н. И. Костомарова, мѣстность записи котораго не обозначена, нѣ- которыми особенностями языка обличаетъ свое харьковское проис- хожденіе, и было бы неудивительно, если бы пѣсня эта встрѣти- лась близъ Чугуева, куда спаслось изъ подъ Лубенъ ядро Остра- нинова войска, состоявшее преимущественно изъ запорожцевъ.

Хотя я старался говорить болѣе словами источниковъ, чѣмъ излагать свои личныя соображенія,—безпристрастный читатель мо- жетъ убѣдиться, что имѣются довольно вѣскія основанія приурочить разсмотрѣнную пѣсню ко взятію не Торческа, а Азова, и не къ 1093, а 1637 году. Имѣя въ виду сдѣлать еще кой-какія дополни- тельныя замѣчанія, обращусь еще къ заключительнымъ положеніямъ А. И. Стоянова, указывая, въ чемъ ихъ слѣдовало бы, по моему, измѣнить, и почему именно.

1) Что касается тождественности легенды, записанной на раз- валинахъ Торческа, съ лѣтописнымъ рассказомъ, то она, конечно, сомнѣнію не подлежитъ, мои замѣчанія ея вовсе не коснулись, и за П. И. Ревякинымъ остается вполнѣ заслуга отысканія несо- мнѣннаго историческаго мѣстнаго преданія дотатарской эпохи, слу- жащаго однимъ изъ существенно важныхъ доказательствъ непо- средственной преемственности населенія кievской Руси, т. е., что нынѣшніе ея жители представляютъ прямыхъ потомковъ полянъ. Съ своей стороны могу еще добавить, что попытки отыскивать древній Торчъ¹⁾ не на урочищѣ того же самаго имени, а въ другихъ мѣ-

1) Въ лаврентьевской лѣтописи «Торційскій градъ», но въ болѣе цѣнной для южнорусской исторіи лѣтописи Ипатской—«Торъчскій градъ»; въ устьчоч-

стахъ, по одному сходству названій, нельзя признать удачными. Сколько помню, нѣсколько лѣтъ назадъ въ обществѣ Нестора кѣмъ-то изъ членовъ была сдѣлана такая попытка приурочить лѣтописный Торческъ, по прежнему, къ с. Торчицѣ таращанскаго уѣзда, а В. Б. Антоновичъ замѣтилъ по этому поводу, что область поселенія торковъ была довольно обширна, а потому они могли дать свое имя и той, и другой мѣстности,—Торческовъ могло быть нѣсколько. Лѣтопись знаетъ ихъ только одинъ, мѣсто котораго и опредѣляется за Стугной, у с. Новыхъ Безрадичъ ¹⁾ кievскаго уѣзда, въ пользу чего говорятъ: тождество имени, характеръ мѣстности съ явными слѣдами древняго укрѣпленія, мѣстное преданіе, почти буквально совпадающее съ лѣтописью, и наконецъ близость этого мѣста къ Триполью, какъ должно быть и по лѣтописи. Что касается другихъ мѣстностей со сходными именами, то за нихъ, кромѣ созвучія, не говоритъ ничего больше, и основывать на одномъ этомъ признакѣ мнѣніе о *нѣсколькихъ* Торческахъ едва-ли возможно. Торчскому—граду, одному, далъ имя основавшій его народъ; но рядомъ съ тѣмъ существуетъ общеславянскій корень *трк*, отъ котораго могли происходить сходныя имена мѣсть совершенно независимо отъ имени народа торковъ. Дѣйствительно, мы находимъ такія имена по всей южной Руси, гдѣ о торкахъ, вѣроятно, и въ XI вѣкѣ вовсе даже не слышали. Такъ, кромѣ Торчицы таращанскаго уѣзда, находимъ еще: *Торчинъ*—въ радомысльскомъ, луцкомъ и литинскомъ; *Торкинъ*—въ стародубскомъ (списки насел. мѣсть, чернигов. губ., № 3334); *Торская*—въ купянскомъ (тоже, харьков. губ., № 2270); *Торско-Алексѣевское*—въ бахмутскомъ (екатеринослав. губ., № 930); *Торске*—въ Галиціи около Червонограда и т. д.

ной формѣ, какъ напр. кievскій монастырь св. Феодора «Вотчь», говорилось, конечно, Торчь, что сохранилось буквально и нынѣ, съ переходомъ имени въ существительное, Торчь.

¹⁾ Самое названіе этого села связано съ торческой легендой: «черезъ се и село наше называется Безрадичами, говорилъ П. И. Ревякину Омелько: тii (т. е. князья) радились та радились, а сі (половцы) *безъ рады* побили ихъ; на сміхъ, значить, зовуть Безрадичами» (цитирую изъ находящейся у меня подлинной рукописи П. И. Ревякина).

2) Взятіе города „чумакомъ“, посредствомъ хитрости, — подробность, не находящаяся ни въ лѣтописи о Торческѣ, ни въ историческихъ извѣстіяхъ о взятіи Азова, включая сюда даже и Лукомскаго, а только въ донскомъ Сказаніи о послѣднемъ событіи. Это-же Сказаніе связываетъ непосредственно пѣсню съ историческимъ фактомъ. Въ дѣйствительности, подробность эта могла имѣть мѣсто, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, но точно также могла въ обоихъ даже отсутствовать, а была лишь въ немъ приурочена изъ *общаго* народнаго преданія, которое, въ свою очередь, могло и создаться *безлично*, или, что гораздо естественнѣе, составляетъ отголосокъ какого-то забытаго факта времени незапамятныхъ, гораздо древнѣе не только Азова, но и Торческа. Отвѣтить на этотъ вопросъ можетъ только *сравнительное* изслѣдованіе сходныхъ преданій у другихъ арійскихъ народовъ.

3) Подробности пѣсни еще ближе совпадаютъ съ донскимъ Сказаніемъ, чѣмъ съ торческой легендою, для которой былъ-бы необъяснимъ, напр., товаръ, состоящій изъ лисицъ и соболей, а въ Азовѣ они вполне умѣстны.

4) Имя Азова въ пѣснѣ не позднѣйшее, а коренное; замѣна же его Ростовомъ, Щучиномъ и другими пунктами чумацкихъ дорогъ очень естественна, коль скоро самая пѣсня, потерявъ первоначальный историческій колоритъ, стала принимать характеръ пѣсни чумацкой.

5) Имена—орда, туркени, вполне на своемъ мѣстѣ, такъ какъ во взятіи Азова участвовали и татары, а въ плѣнъ были уводимы именно турчанки.

6) Какимъ образомъ могло отразиться это событіе въ южно-русскомъ эпосѣ, безъ „противорѣчія основнымъ законамъ народнаго творчества“,—отвѣтомъ служить участие въ событіи многочисленныхъ представителей южной Руси—запорожцевъ.

7) Несходство характера пѣсни съ общимъ типомъ южно-русскихъ чумацкихъ (и даже вообще малорусскихъ) пѣсень служитъ признакомъ происхожденія ея въ этнографически-смѣшанной средѣ. Конечно, замѣчаніе г. М. Т—ова о ея будто бы *великорусскомъ* происхожденіи не имѣетъ значенія, составляя только невѣрную передачу высказанныхъ первоначально мною замѣчаній.

8) Къ этимъ положеніямъ добавлю еще, что и область распространенія пѣсни, насколько она до сихъ поръ опредѣлена, можетъ быть объяснена безъ всякихъ натяжекъ въ виду происхожденія пѣсни отъ запорожцевъ, тогда какъ, если-бы она была происхожденія мѣстно-торческаго, трудно было-бы объяснить заносъ ея въ елисаветградскій уѣздъ и, какъ кажется, въ харьковскую губернію.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что вполне раздѣляю взгляды А. И. Стоянова относительно метода изслѣдованія народныхъ пѣсень. Различіе результатовъ, къ какимъ мы оба пришли, зависѣло вовсе не отъ различія метода, а только отъ неодинаковаго объема матеріаловъ, которыми каждый изъ насъ располагалъ въ данномъ случаѣ. Особенно цѣнными считаю я замѣчанія г. Стоянова относительно того, что пѣсни должны быть изучаемы, а слѣдовательно и записываемы, не нагишомъ, какъ ихъ дають намъ обыкновенно сборники, а въ связи съ обстоятельствами, при какихъ была пѣта (не по заказу, конечно) та или иная пѣсня, и особенно въ связи съ замѣчаніями пѣвцовъ и пѣвицъ, служащими для насъ единственнымъ указаніемъ, какъ понимается то или иное мѣсто въ самомъ народѣ.

P. S. Статья эта была уже окончена, когда появилась въ „Кіев. Старинѣ“ замѣтка Н. И. Костомарова о томъ-же предметѣ, въ отрицательномъ отношеніи вполне согласная и съ высказываемыми мною соображеніями. Нашъ маститый историкъ тоже не раздѣляетъ мнѣнія г. Стоянова и отвергаетъ возможность приуроченія пѣсни ко взятію Торческа; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не находитъ возможнымъ отнести ее и ко взятію Азова, а видитъ въ ней скорѣе отраженіе не одного какого-нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ; по его мнѣнію, и само оно потомъ могло быть источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, такъ какъ этотъ образъ, взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ, составилъ часть народнаго міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Нисколько не отрицая основательности и этой точки зрѣнія, тѣмъ

болѣе, что эпической подробности пѣсни и Сказанія о ввозѣ въ городъ подѣ видомъ товара козаковъ нѣтъ въ историческихъ свидѣтельствахъ ни о Торческѣ, ни объ Азовѣ,—я полагаю однако, что собственно разобранная нами пѣсня, въ которой эта подробность имѣетъ характеръ общаго мѣста, была приурочена въ свое время именно ко взятію послѣдняго города. Безпристрастному читателю остается рѣшить, достаточно-ли приведенныхъ въ моей статьѣ доказательствъ въ пользу такого мнѣнія. Мимоходомъ замѣчу, что г. Костомаровъ вполне основательно поясняетъ упоминаемый въ нѣкоторыхъ вариантахъ Кремень-городъ турецкимъ словомъ „кермень“, которое носилъ, впрочемъ, не одинъ Исламъ-городъ, а и многіе другія крѣпостцы, такъ какъ оно означаетъ вообще укрѣпленный городъ (см. выше, стр. 422; такъ и Ак-керманъ = Бѣлый городъ). При упоминаемомъ въ другихъ вариантахъ Щучинѣ г. Костомаровъ ставитъ знакъ вопроса; я полагаю, что это Щучья станица въ черкасскомъ округѣ земли войска донского, лежащая при самомъ Донѣ, и называемая также Елисаветовскою.

Ив. Новицкій.

ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ.

(Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты).

При занятіяхъ моихъ пѣснью, или, какъ чаще ее называютъ, „Словомъ“ о полку Игоря, мнѣ нерѣдко приходилось, то по тому, то по другому поводу, наталкиваться на лѣтописныя географическія имена, каковы имена городовъ, рѣчекъ, урочищъ и т. д., или вовсе не опредѣленныя топографически въ существующихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, или хотя и опредѣленныя, но по предположеніямъ, нерѣдко очень шаткимъ и стоящимъ, какъ мнѣ казалось, въ противорѣчьи съ положительными указаніями лѣтописей. Нѣкоторыя изъ такихъ проблемъ лѣтописной топографіи древней русской земли мнѣ посчастливилось рѣшить при помощи, какъ мнѣ казалось, положительныхъ и несомнѣнныхъ данныхъ и основанныхъ на нихъ соображеній и выводовъ. Данныя эти удобнѣе всего представляется группировать по мѣстностямъ (районамъ), въ которыхъ они относятся.

Для предлагаемой статьи я избираю мѣстность, находящуюся почти въ центрѣ кievской губерніи и извѣстную въ настоящее время на литературномъ языкѣ подъ именемъ „Бѣлоцерковской степи“, а на теперешнемъ языкѣ народномъ, въ которомъ слово „степь“ употребляется въ родѣ мужескомъ,—подъ именемъ „Бѣлоцерковского степа“. Это и есть лѣтописное *Перетово*, или *Перепетовское поле* (=Перепетовская степь), имя которой я и поставилъ въ заглавіи статьи.

Неоцѣнимую услугу при розысканіяхъ по топографіи лѣтописныхъ мѣстностей, находящихся въ предѣлахъ теперешней кiev-

ской губерніи, оказываютъ „Сказанія“ Л. Похилевича¹⁾). Въ этомъ почтенномъ трудѣ собраны свѣдѣнія не только объ именахъ такъ называемыхъ населенныхъ мѣсть: сель, деревень, хуторовъ, кутковъ и т. п., но также и о названіяхъ горъ, яровъ, долинъ, рѣчекъ, ручейковъ, кургановъ, урочищъ и т. п. Впрочемъ и у Похилевича, судя по нѣкоторымъ извѣстнымъ мнѣ фактамъ, далеко не все исчерпано въ этомъ отношеніи; о многихъ, напримѣръ, несомнѣнно существующихъ рѣчкахъ и урочищахъ не упомянуто вовсе. Довольно часто наталкиваешься у него на такъ называемыя „безыменныя рѣчки“, иногда съ прибавкою къ нимъ, какъ-бы въ оправданіе ихъ безыменности, свѣдѣнія: „лѣтомъ пересыхающія“; но на военно-топографической и специальной картахъ многія изъ нихъ имѣютъ таки свои собственные имена²⁾, и кажется, что этихъ „безыменныхъ“ стало-бы гораздо меньше, если-бы собрать о нихъ свѣдѣнія изъ тѣхъ мѣсть, гдѣ онѣ протекаютъ. А собрать, по возможности, всѣ такія названія очень важно для исторической топографіи, дорожащей каждою мелочью. Иногда оказывается, что какое нибудь лѣтописное географическое имя, неотыскиваемое при самыхъ тщательныхъ розыскахъ его въ такъ называемыхъ спискахъ населенныхъ мѣсть, и до настоящей минуты звучитъ въ народномъ словѣ, въ имени какой нибудь незначительной рѣчки, доносящемся до насъ изъ далекой стороны и свидѣтельствующемъ о томъ, что тутъ, у этой рѣчки, живутъ не пришельцы, а прямые потомки древнихъ ея обитателей³⁾).

¹⁾ Сказанія о населенныхъ мѣстностяхъ кievской губерніи Л. Похилевича. Кіевъ, 1864. Къ занимающей насъ мѣстности относятся также слѣдующія статьи Кіевскихъ Губ. Вѣдомостей: село Темберщина—1854 г., № 31; село Тростинка—1856 г., № 36; Воды васьковскаго уѣзда—1856 г., № 7.

²⁾ И изъ предлагаемой статьи, напр., видно, что у Похилевича вовсе не упомянуты: рѣчка *Холопъ*, впадающая въ Субодъ, р. *Ольшанка*, впад. въ Тростинку, или Раковку, урочища: *Третій Ротокъ*, *Васьковъ юнъ* и пр.; названа безыменной р. *Чернявка*, впад. въ Ротокъ и пр.

³⁾ Такъ, напр., и при моихъ розысканіяхъ имена рѣчекъ: *Узинъ* (Узень), *Узка*, и озера: *Гузино* дали возможность открыть лѣтописную *Взъяницю*; при помощи имени рѣчки *Жидь*, впадающей въ Днѣпръ немного ниже устья Тетерева, удалось мнѣ открыть лѣтописный *Жедьчевъевъ* (Ипат., 555) и пр.

Топографическія проблемы, относящіяся къ Бѣлоцерковской степи, заключаются въ слѣдующихъ пунктахъ: 1) не опредѣляется вовсе положеніе урочища: *Бзыница* (Ипат. 300)¹⁾; 2) неправильно понимается *лука моря* (Лавр. 342, Ипат. 381); 3) приблизительно и очень гадательно опредѣляется положеніе города *Михайлова* (Ипат. 376); 4) не устанавливается тождество рѣчки: *Руть* (Лавр. 316—7, Ипат. 301—3) съ рѣчкою *Ротъ* (Ипат. 356); 5) вовсе не опредѣляется рѣчка *Рутецъ* (Ипат. 301—3); 6) не особенно положительно опредѣляется рѣчка *Омшаница* (Ипат. 279); наконецъ, 7) не опредѣляется съ надлежащею ясностью общее представленіе о *Перепетовомъ* (Ипат. 278), или *Перепетовскомъ* (Лавр. 740, Ипат. 379, 380) *полѣ*.

Представимъ предварительно связанное описаніе мѣстности, которая извѣстна была въ древности подъ общимъ именемъ Перепетовскаго поля, руководствуясь военно-топографическими и специальными картами²⁾ и сказаніями Похилевича.

Рѣчка *Ротъ*, упоминаемая въ ипат. лѣтописи подъ 1162 годомъ, конечно, тоже, что и *Руть*, упоминаемая въ той-же и въ лаврской лѣтописи подъ 1151 годомъ. Въ лѣтописяхъ имя это встрѣчается обыкновенно въ формѣ мужскаго рода: *Руть*, *Ротъ* (въ Руту, бѣ бо грязокъ), и только изрѣдка, въ видѣ исключенія, оно принимаетъ и форму женскаго рода: *Руть* (въ Рутѣ, бѣ бо грязна)³⁾. Карамзинъ (II, 151 и прим. 341) поясняетъ: „Руть—нынѣ Ротокъ“. Рѣчка эта у Похилевича и въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова называется: *Ротокъ*, въ привилегіи Си-

¹⁾ Указанія на лѣтописи ипатскую и лаврентьевскую здѣсь сдѣланы по новому изданію: Лѣтопись по ипатскому списку, изд. археогр. комиссіи, Спб. 1871;— по лаврентьевскому—Спб. 1872 г.

²⁾ Здѣсь я ссылаюсь: 1) на военно-топографическую карту европейской Россіи, въ масштабѣ 3 версты въ дюймѣ, рядъ 23-й, листы 8-й и 9-й, и 2) на специальную карту европейской Россіи, изданную подъ редакціей полковника *Стрѣльбицкаго*, въ масштабѣ 10 версты въ дюймѣ, листъ 31-й.

³⁾ Лавр. 316; за Руть (вариантъ: заутра), 317; чрезъ Руть, въ Руту (вар.: въ Рутѣ), бѣ бо грязокъ. Ипат., 301; за-Руть, 302; къ Рутѣ, за Руть, за Руть, 303; черезъ Руть, въ Руту, бѣ бо грязокъ (вар.: въ Рутѣ, бѣ бо грязна), 356; по Руту.

гизмунда III жителямъ Бѣлой Церкви — *Рутекъ*, на военно-топографической и специальной картахъ: *Протока* (искаженіе, или лучше сказать позднѣйшая, напрасная и неудачная, попытка осмыслить ясное имя „Ротокъ“). Для нашей цѣли необходимо описать всю систему этой рѣчки до мельчайшихъ подробностей. Рѣчка Ротокъ, беретъ начало у деревни Марьяновки (на военно-топографической картѣ у верховья Ротка обозначено урочище: *Третій Ротокъ*, у Похилевича не упомянутое), протекаетъ въ южномъ направленіи и впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны при м. Бѣлой Церкви, большая часть котораго расположена на той-же лѣвой сторонѣ Роси. Въ Ротокъ впадаютъ съ лѣвой стороны двѣ рѣчки: 1) по Похилевичу, рѣчка безыменная, а по военно-топографической картѣ — рѣчка *Чернявка*, которая беретъ начало у села Средней Слободы, или Винницкихъ Ставовъ и протекаетъ въ юго-восточномъ направленіи; 2) безыменная рѣчка, которая беретъ начало у села Пологъ, протекаетъ въ восточномъ направленіи и впадаетъ въ Ротокъ ниже впаденія Чернявки ¹⁾. По моимъ соображеніямъ, лѣтописному Руту (Роту великому, Руту, Руті) соответствуетъ Ротокъ, а Рутцу (малому Руту) — Чернявка. При слияніи Чернявки съ Роткомъ, по нижнему теченію Чернявки и по среднему — Ротка, какъ это видно изъ военно-топографической и специальной картъ, образуется развѣтвляющееся озеро, о которомъ упоминается и въ лѣтописяхъ; другое озеро, меньшее, находится по теченію Чернявки, на разстояніи версты къ западу отъ большаго. Рѣчка Ротокъ съ ея притоками вообще, видно, болотиста. Въ лѣтописи о Рутѣ сказано, что онъ былъ *врязокъ*; упоминается *врязина* у Рутца; въ подложной копіи съ грамоты Андрея Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю упоминается *Ротокъ—болото*. Верстахъ въ девяти (по прямому направленію) выше впаденія Ротка впадаетъ въ Рось съ лѣвой стороны р. *Каменица*; верстахъ въ десяти выше ея впаденія впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны рѣчка, по Похилевичу, *Соботъ*, а

¹⁾ На военно-топографической картѣ эта рѣчная система представлена (конечно, ошибочно) въ иномъ видѣ, чѣмъ по свѣдѣніямъ, собраннымъ Похилевичемъ: главною является рѣчка, берущая начало у села Пологъ, до впаденія ея въ Ротокъ и, затѣмъ, Ротокъ до впаденія его въ Рось. Эта главная рѣчка и названа Протокой.

во военно-топографической и специальной картахъ—*Субодъ*; верстахъ въ трехъ выше впаденія послѣдней впадаетъ въ нее, по военно-топографической картѣ, р. *Холона* (у Похилевича не упомянуто, на специальной картѣ не надписана). По нижнему теченію Холона, на лѣвой его сторонѣ, расположено село *Милаймювка*, къ которому, по многимъ соображеніямъ, и можетъ быть приуроченъ лѣтописный городъ *Милаймювъ*. Верстахъ въ двѣнадцать ниже впаденія Ротка впадаетъ въ Росъ съ лѣвой стороны рѣчка, которая у Похилевича называется *Узинъ*, на военно-топографической и специальной картахъ—*Уземъ*, а въ привиллегіи Сигизмунда III—*Узянъ*. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки есть и село того-же имени (по Похилевичу—*Узинъ*, по военно-топографической и специальной картамъ—*Уземъ*), которое называется еще и *Темберщиной*, по имени помѣщичьяго управляющаго Темберскаго, заселившаго эту слободу въ 1773 году. Въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ истока *Узина*, верстахъ въ пяти, находится озеро, по Похилевичу (на картахъ не названо) *Гузино* (= *Узино*? Ср. имя народа *Узы* и *Гузы*, имя села *Уляники* и *Гуляники* и т. п.; начальный звукъ *г* является въ видѣ, такъ называемаго, придыханія), при которомъ расположена дер. *Людвиновка* (называется также и *Станиславкой*), основанная въ 1826 г. *Станиславомъ* *Проскурою* и названная по имени его жены *Людвики*. Ниже села *Узина* въ рѣчку *Узинъ*, при дер. *Блощинцахъ*, впадаетъ съ правой стороны р. *Узка* (сокращеніе: *Узинка*, *Узянка*?), текущая отъ села *Янковки*, или *Лопатынщины*, названнаго такъ по имени *Яна* *Лопатынскаго*, основавшаго это село. Р. *Узинъ* или, что еще вѣроятнѣе, *Узка* (сокр. *Узинка*) и есть лѣтописная *Бзяница* = *Взяница*, *Узяница* (ср. *Каменка* и *Каменица*, *Ольшанка* и *Ольшаница*). Верстахъ въ шести къ западу отъ истоковъ Ротка находится верховье безымянной рѣчки, текущей въ сѣверо-западномъ направленіи и впадающей съ правой стороны въ р. *Унаву* (лѣтописная *Уновъ*), правый притокъ *Ирпени*, а верстахъ въ пяти къ востоку отъ верхняго теченія Ротка находится верховье той рѣчки, которая въ *Ипат. рассказѣ* 1150 г. названа *Ольшаницей*. Она начинается у села *Тростинки* (прежде называвшагося *Чмелевымъ*), течетъ въ сѣверо-восточн. направленіи и впадаетъ съ лѣвой стороны въ *Стугну*. На лѣвой сторонѣ этой рѣчки расположено село *Большая*, или *Барахтянская*, а немного ниже, на

правой сторонѣ, Малая, или Германовская *Ольшанка*. Самая рѣчка эта называется теперь *Тростинкой*, или *Раковской*, но ея правый притокъ, ниже Малой Ольшанки въ нее впадающій, и теперь называется, какъ это обозначено на военно-топографической картѣ (у Похилевича онъ не упомянуть), *Ольшанкой*. Теперешней уменьшительной формѣ *Ольшан-ка* вполне соответствуетъ древне-русская: *Ольшан-ица*. По замѣчанію Похилевича, по ручью Тростинкѣ, при которомъ расположены села Ольшанки, по преданіямъ, были большія болота, заросшія *олхюю*, лозюю и тростникомъ; теперь отъ ольхи, давшей названіе селамъ Ольшанкамъ, осталось лишь нѣсколько деревъ. Село Тростинка лежитъ между крутыхъ *горъ*, въ глубокой долинкѣ, по коей струится упомянутый ручеекъ Тростинка. Изъ сказаннаго видно, что система р. Ротва съ сѣвера подходит, съ одной стороны, къ системѣ р. Ирпени, съ другой—къ системѣ р. Стугны ¹⁾. Рѣчки Рутекъ, Каменца и Узнянъ упоминаются въ привилегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году ²⁾. Въ этой грамотѣ сѣверная граница Бѣлоцерковщины обозначена такъ: „Рѣчка Рутекъ, яко ся въ соби маеть, ажъ до валу, що за *Перепетовымъ куряномъ*“. Курганы *Перепетовъ* и *Перепетовка* упоминаются и въ подложной копіи съ грамоты Андрея

¹⁾ Упомянемъ о слѣдахъ древности въ разсматриваемой мѣстности. На поляхъ села Лосятива, между дер. Соколовкой и Глушками, есть городище (по преданію—городъ Соколовъ), окруженное съ трехъ сторонъ рѣчкою Роткою и болотомъ, а съ четвертой—валомъ и ровомъ. Вблизи, съ западной стороны, на крутомъ берегу есть другое, меньшее земляное укрѣпленіе. Въ самомъ селѣ Михайловкѣ нѣтъ городища, но есть древнее квадратное городище у близъ лежащаго села Мазенинецъ (считающагося родиной гетмана Мазепы), надъ р. Каменкой. Вдоль рѣчки Узнян, при селеніи Блощинцахъ есть два древнія замкища, отстоящія одно отъ другаго на 2 версты. См. Обзорніе могилъ, валовъ и городищъ кievской губ. *Изв. Фундукля*. Кіевъ, 1848 г., а также у *Похилевича*.

²⁾ Помѣщена въ книгѣ: *Opis powiatu wasylkowskiego, E. Rulikowskiego*. Warszawa. 1853. Не имѣя въ настоящее время подъ рукой этой книги, я долженъ былъ дѣлать выдержки изъ упомянутой грамоты по Похилевичу, который, къ сожалѣнію, нашелъ нужнымъ передать эту грамоту русскимъ шрифтомъ на томъ основаніи, что Руликовскій будто-бы «затемнилъ смыслъ ея въ пѣкоторыхъ мѣстахъ употребленіемъ для русской рѣчи латинскаго шрифта» (Похилевичъ, стр. 493).

Боголюбскаго кіево-печерскому монастырю. На военно-топографической картѣ близъ истова Ротка, у дер. Марьяновки обозначенъ курганъ *Перепятиха*, а верстахъ въ 4 $\frac{1}{2}$, отъ него къ сѣверо-западу курганъ *Перепятъ*, въблизи безымянной рѣчки, у дер. Фастовца начинающейся. Это и суть лѣтописные *Перепетовы*. Въ лѣтописяхъ къ этому имени не прибавляется никакого существительнаго, слѣдовательно это самостоятельное общее имя какъ-бы четы (*Перепета* — *Перепетихи*)¹⁾. Что-же касается вала, „что за Перепетовымъ курганомъ“, то остатки и слѣды его сохранились болѣе или менѣе и до настоящаго времени въ томъ валѣ, который тянется по южной части кіевского уѣзда отъ м. *Триполья* къ западу черезъ село *Барахтянскую Омишанку*, мимо села *Кодакъ*, и проходитъ полями селъ *Парадовки*, *Большой Снетинки*, *Фастова* и *Писней* (называется также и *Пѣтухами*) въ сквирскій уѣздъ къ селу *Бѣлкамъ* на правомъ берегу Ирпени²⁾. Пространство, обнимаемое бассейнами рр. *Ротка* и *Узина*, извѣстно, по замѣчанію Похилевича, подъ названіемъ *Бѣлоцерковской степи* (=равнины). Въ географическо-статистическомъ словарѣ Семенова, въ статьѣ: „Васильевскій уѣздъ“, эта мѣстность описывается такъ: „кряжи возвышенностей переходятъ изъ кіевского уѣзда въ васильевскій и оканчиваются недоходя до Ротка (горы въ селѣ *Тростинкѣ*). Около м. *Бѣлой Церкви* простирается обширная равнина по направленію къ *Василькову*, *Фастову* и *Мировкѣ*. Ширина ея отъ *Мировки* къ *Фастову* 40 верстъ, а длина отъ м. *Бѣлой-Церкви* до р. *Стугны* 80 верстъ“³⁾. А я дѣлалъ измѣреніе по специальной картѣ, и у меня вышло отъ *Мировки* до *Фастова* 50 верстъ, а отъ *Бѣлой-Церкви* до *Стугны* у *Василькова* не болѣе 42 верстъ, и мнѣ казалось-бы болѣе естественнымъ длиною этой степи называть протяженіе ея отъ *Фастова* къ *Мировкѣ*, а шириною—отъ *Бѣлой-Церкви* къ *Стугнѣ* у *Василькова*.

¹⁾ Лавр., 316: у *Перепетовыхъ* (вар.: *Перепетоты*, *Перепетовы*), *Ипат.*, 301: у *Перепетовыхъ*.

²⁾ И. Фундуклея: *Обозрѣвіе...*, стр. 30. Объ этомъ валѣ упоминается и у *Похилевича* въ разныхъ мѣстахъ его книги. См. также статью: «*Земляной валъ въ васильевскомъ уѣздѣ*» въ «*Кіев. Губ. Вѣд.*» 1847 г., № 34.

³⁾ Географическо-статистическій словарь російской имперіи *И. Семенова*, т. I—IV и V-го тома вып. 1-3, Спб. 1853—75.

Вотъ эта-то бѣлоцерковская степь и есть, конечно, лѣтописное Перепетово, или Перепетовское поле ¹⁾, называвшееся такъ въ древности, конечно, по Перепетовымъ (Перепету и Перепетихѣ), на ней находившимся.

Теперь, послѣ предварительнаго описанія занимающей часть мѣстности, перейдемъ къ разсмотрѣнiю событiй, которыя, по упоминанiямъ и рассказамъ лѣтописей, на ней совершались въ до-монгольской періодъ.

1) Подъ 1150 г. (ипат. 279, лавр. 310) упоминается о *Перепетовомъ* (полѣ) и р. *Ольшаницѣ* по поводу похода Владимiрка галицкаго противъ Изяслава Мстиславича къ Киеву. Владимiрко шелъ изъ *Галича*, перешелъ *Болохово*, шелъ мимо *Мунаревъ* (Немировъ?) къ *Володареву* (теперь м. Володарка сквир. у. на лѣвой сторонѣ Роси), затѣмъ—черезъ *Перепетово* къ верху р. *Ольшаницы* и здѣсь, у *Тумаща* ²⁾, онъ и одержалъ побѣду надъ Изяславомъ. Если проведемъ прямую линiю отъ м. Володарки къ Киеву, то она пересѣчетъ бѣлоцерковскую равнину и пройдетъ у верховья Тростинки. Владимiрко шелъ, слѣдовательно, по той теперешней проселочной дорогѣ, которая, какъ это означено на военно-топографической картѣ, тянется отъ дер. *Самьвонекъ*, расположенной на восточномъ берегу рутскаго озера, черезъ село Тростинку къ селу Погребамъ. Крутыя горы села Тростинки и суть, вѣроятно, тѣ горы, о которыхъ упомянулъ Владимiрко: „быти Изяславу ту нѣгдѣ въ горахъ“ ³⁾.

¹⁾ Ипат. 278: черезъ Перепетово; Лавр. 340: на Перепетовскомъ поли (дважды); Ипат. 379: на Перепетовскомъ полѣ, 380: на Перепетовстемъ полѣ.

²⁾ Село Баракты, васильковского уѣзда, въ которомъ есть кутокъ *Тимошевка*?

³⁾ Есть мѣстечко *Ольшаница*, васильковского уѣзда, на лѣвой сторонѣ р. Гороховатки, притока Роси. Хотя имя этого мѣстечка и вполне совпадаетъ съ именемъ лѣтописной р. Ольшаницы, тѣмъ не менѣе, какъ это замѣчаетъ и Л. Похлевицъ, событiя, изложенныя въ лѣтописномъ рассказѣ подъ 1150 г., съ большею удобностiю приурочиваются къ селу Барактынской Ольшанкѣ. Р. Ольшаница, по смыслу Ипатскаго разсказа, сейчасъ-же за Стугною (по отношенiю къ Киеву); въ Лавр. лѣтописи Ольшаница не упоминается и вовсе, и даже то, что по Ипатскому разсказу относится къ р. Ольшаницѣ (перестрѣлка черезъ рѣку), отнесено прямо къ Стугнѣ. Если предположить даже, что Ольшаницей въ лѣтописи названа

2) Подъ слѣдующимъ, 1151 годомъ въ лѣтописяхъ (Ипат. 301, Лавр. 316) встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовыхъ*, *Бзыницѣ* (=Взыаницѣ), *Руть*, *Рутцѣ* и рутскомъ *озерѣ* по поводу отступления Юрія Долгорукаго, испытавшаго неудачу подъ Киевомъ, на встрѣчу Володимірку галицкому, котораго Юрій поджидалъ къ себѣ на помощь, и который, какъ это видно изъ лѣтописей, и на самомъ дѣлѣ двинулся къ нему на помощь, вѣроятно, по тому-же самому пути, по которому онъ шелъ къ Киеву въ предыдущемъ году. Онъ дошелъ уже было до *Божьскою* (вар.: *Вужьскою*), но, узнавъ о пораженіи Юрія на Руть, вернулся отъ Бужьскаго домой¹⁾. Изъ лѣтописнаго разсказа видно, что Юрій, отступивъ отъ Киева, пошелъ къ Бѣлгороду, оттуда черезъ *боръ*²⁾ къ *Верневу* (вар.: *Черневу*)³⁾, оттуда перешелъ *валъ* и пошелъ мимо *Перепе-*

теперешняя рѣчка Гороховатка, на которой стоитъ м. Ольшаница, все-же верховье ея будетъ въ сторонѣ отъ прямого пути отъ Володарки къ Киеву и будетъ не только за Стугною, но и за Красною.

¹⁾ Розысканія о положеніи *Болоховской земли*, *Божьскою* и проч. см. въ сочиненіи: «Болоховская земля» и пр., рефер. *Н. Дашкевича* (Труды 3-го археолог. съѣзда, бывшаго въ Киевѣ въ 1874 г., Киевъ, 1878 г., т. 2-й и отдѣльно).

²⁾ У Погодина (Изслѣдованія, замѣчанія и пр., т. IV, М. 1850 г.) замѣчено: «положеніе упомянутаго здѣсь *бора*, кажется, опредѣляется селомъ *Заборьемъ* къ югу отъ Бѣлгородки. Заборье, по свѣдѣніямъ Похилевича, село на лѣвой сторонѣ ручья, называемаго Святець, или Бобрица. Село окружено со всѣхъ сторонъ боромъ, только къ западу простираются песковатая поля. Черезъ село пролегаетъ значительная проселочная дорога въ село Плисецкое и Фастовъ.

³⁾ *Черневу* приурочиваютъ обыкновенно къ селу *Черногородки* васильковскаго уѣзда, расположенному на лѣвой сторонѣ Ирпени, выше владенія въ Ирпень р. Унавы. Но едва-ли понадобилось Юрію доходить до Черногородки, т. е. переходить на лѣвую сторону Ирпени съ тѣмъ, чтобы опять переходить на правую его сторону и чтобы, затѣмъ, переходить р. Унаву. Къ востоку отъ Черногородки у истоковъ р. Плисыя (по военно-топографической картѣ, у Похилевича не упомянуто), впад. въ Унаву, есть село Плисецкое (прежде—Песецкое, по объясненію Похилевича,—отъ песковъ его окружающихъ), въ которомъ есть замѣтка съ земляными валами. Изъ нихъ одно, среди села, называется *Чернечьимъ*. Жители говорятъ, что на этомъ мѣстѣ былъ когда-то монастырь, отъ чего и замковиче получило свое названіе. Къ сѣверу отъ Черногородки и Плисецкаго, на правой сторонѣ Ирпени, на военно-топографической картѣ обозначено урочище *Черничій лѣсъ*, которое, по Похилевичу, называется *Кладово*, и въ которомъ, по преда-

шовыхъ къ *Вязнищъ*, „потому что тутъ надѣялся галицкаго князя къ себѣ“. О положеніи упоминаемыхъ здѣсь *вала*, *Перепетовыхъ* и *Вязнищъ* было уже упомянуто выше. Рѣчка Узка и Узинъ какъ разъ и подходятъ къ пути, по которому долженъ былъ идти Владимірко къ Киеву. Кромѣ того, Юрій могъ желать расположиться на рр. Узкѣ или Узинѣ ради превосходныхъ пастбищъ по этимъ рѣчкамъ, такъ какъ все его войско, какъ объ этомъ говоритъ лѣтопись, состояло изъ конницы¹⁾. Село Узинъ, или Темберщина, по замѣчанію Похилевича, расположено среди обширныхъ тучныхъ степей, арендуемыхъ купцами подъ выпасъ скота. Между тѣмъ Юрія преслѣдовали Изяславъ Мстиславичъ съ союзниками, стараясь не допустить соединенія Юрія съ Владиміркомъ. Рать Изяслава съ Юріемъ на р. Рутѣ разсказана въ лѣтописяхъ съ мельчайшими подробностями относительно обстоятельствъ мѣста и времени, какъ-бы въ видѣ дневника, а потому и не будетъ лишено интереса для нашей цѣли послѣдовать за этимъ дневникомъ.

а) *Среда*. Изяславъ идетъ мимо Василева (теперь г. Васильковъ), къ востоку отъ него, переходитъ черезъ Стугну и, пришедши къ *валу*, останавливается на ночь.

б) *Ночь съ среды на четвергъ*. Когда Изяславъ остановился на ночь, Юрій въ это время былъ у *Перепетовыхъ* и, въ теченіе ночи, успѣлъ сдѣлать переходъ до р. *Узки* или *Узина*, не смотря на то, что его тревожила сторожа Изяславова.

в) *Четвергъ*. Изяславъ, перешедши валъ, вступилъ на *чистое поле* (=Перепетово поле), и здѣсь противники вели между собою переговоры до вечера. Вечеромъ Юрій перешелъ за *Рутъ* и тамъ остановился. Отъ р. *Узки* Юрій, по всей вѣроятности, перешелъ Рутъ между южною оконечностью рутскаго озера и устьемъ безыменной рѣчки, текущей въ Ротокъ отъ села Пологъ.

г) *Пятница*. Изяславъ пошелъ на Юрія, приперлись къ *озеру* оба войска, и раздѣлило ихъ озеро. Вечеромъ Юрій пошелъ за *шо-*

нію, находился въ глубокой древности монастырь. Положеніе села Плисецкаго и урочища Черничій лѣсъ гораздо болѣе, чѣмъ положеніе Черногородки, подходитъ къ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о движеніи Юрія на встрѣчу Владиміргу въ 1151 году.

¹⁾ Ипат. 295: «ратніи наши вси на конехъ суть».

ломя (шоломъ, племъ, верхъ, гора); Иязславъ пошелъ за нимъ на *верхъ озера*; Юрій передъ нимъ (въ виду его, передъ его глазами) зашелъ за *Рутецъ* и, перешедши *грязину*, тутъ и остановился на ночь, Иязславъ остановился также на ночь противъ него, „якоже стрѣлы не доходяхуть“. Изъ этого видно, что утромъ полки Иязславовы были на восточной сторонѣ рутскаго озера, гдѣ теперь расположена деревня Салывоньки, а полки Юрія—на противоположной. Юрій перешелъ съ правой стороны Рутца (Чернявки) на лѣвую, какъ это видно изъ хода разсказа, между двумя озерами, большимъ и меньшимъ, о которыхъ было упомянуто нами въ предварительномъ описаніи. Иязславъ, преслѣдуя Юрія, перешелъ съ лѣвой стороны Рута на правую, пошелъ вверхъ по Рутцу и расположился на ночь на южной сторонѣ меньшаго озера, противъ Юрія, который расположился на сѣверной сторонѣ того-же озера. И такъ утромъ Юрій былъ на правой сторонѣ Рута, а Иязславъ на лѣвой, а вечеромъ, вслѣдствіе диверсіи Юрія, Юрій очутился на лѣвой сторонѣ Рутца, а Иязславъ на правой. Утромъ ихъ раздѣляло ббльшее озеро, а вечеромъ—меньшее. Упоминаемое *шоломя*, конечно, та гора у села *Гребенокъ*, по западнымъ откосамъ которой проходитъ почтовая дорога изъ Василькова въ Бѣлую Церковь. Значеніе слова *Гребенки* (гребень горы) очень близко къ значенію слова *шоломя* (хлмья) ¹⁾. Что касается, наконецъ, *грязины*, то это, какъ можно предполагать, заливъ меньшаго озера, вдающійся узкою продолговатою полосою въ материкъ въ сѣверномъ направленіи.

д) *Суббота* (въ инат., по ошибкѣ, опать пятница). Юрій пошелъ на *верхъ Рутца* (вверхъ по лѣвой сторонѣ Чернявки къ теперешней Средней Слободѣ), отсюда поворотилъ полки къ *Рутцу* (отъ теперешняго села Средней Слободы къ селу Пенлчукамъ), потому что хотѣлъ зайти за Руть и тутъ ожидать Володиміреа. Увидѣвъ-же, что нельзя ему за Руть перейти, потому что противники наѣзжаютъ на задъ полковъ его и возы его отнимаютъ, „оборотаче полки своими“, сталъ противъ Иязслава, былъ разбитъ и бѣжалъ

¹⁾ Ср. имя села *Гребени* (Гребенки уменьшит. отъ Гребени) кievск. уѣзда, которое разбросано по *гребнямъ* возвышеннаго берега Днѣпра, отъ чего, по значаію Похилевича, и получило свое названіе.

через Руть, въ которомъ погибло много дружины, потому что онъ былъ грязокъ. Очевидно, что Юрій потерпѣлъ поражение въ пространствѣ между теперешними Средней Слободой и Пеньчуками⁴⁾. Такимъ образомъ, благодаря высоко-талантливому разсказу лѣтописца, всѣ перипетіи этой достопамятной рати воскресаютъ предъ нами съ поразительно отчетливыми подробностями обстоятельствъ времени и мѣста (*Руть, Рутецъ, верхъ Рутца, озеро, оверз озера, грязина, шоломя*)⁵⁾.

3) Подъ 1159 г. въ лѣтописи (Ипат. 342) встрѣчаемъ извѣстіе о томъ, что Изяславъ Давыдовичъ изъ Кіева шелъ въ Галичь на *Васильевъ*, дошелъ до *Мунарева*, потомъ воротился и былъ опять у Васильева. Очевидно, что рѣчь здѣсь идетъ о томъ-же пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ въ 1150 г. и по которому началъ идти и въ 1151 г. на помощь Юрію.

Очевидно, что Изяславъ шелъ отъ Васильева къ Мунареву и обратно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

4) Подъ тѣмъ-же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе (Ипат. 344) о томъ, что половцы бѣжали отъ *Бѣлгорода* на *Гюргева* „и много ихъ изоймаша Берендичи и Гюргевци, а оно ихъ во *Рси* истопе“⁶⁾. Хотя положеніе *Гюргева* и доселѣ остается не выясненнымъ, но, тѣмъ не менѣе, изъ лѣтописныхъ упоминаній о немъ, кажется, несомнѣнно, что онъ находился гдѣ-то недалеко отъ Рута и Роси. Очевидно, слѣдовательно, что половцы бѣжали отъ Бѣлгорода къ Роси не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле.

¹⁾ Приведемъ данныя для точнаго, по возможности, представленія пространственныхъ отношеній между мѣстностями, упоминаемыми въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ. Отъ села Плисецкаго (Черневь), по прямому направленію, до дер. Марьяновки—17 верстъ; отъ дер. Марьяновки до села Узина—29; отъ г. Василькова до дер. Марьяновки—16 верстъ; отъ сада Узина до рутскаго озера—19 верстъ; отъ этого озера до села Средней Слободы—8 верстъ; отъ Средней Слободы до Пеньчуковъ—7 верстъ.

²⁾ Встрѣчалъ я, какъ мнѣ помнится, гдѣ-то когда-то біографическое указаніе на какую-то, чуть-ли не журнальную, статью подъ заглавіемъ: «Битва на р. Руть»; по теперь, за неимѣніемъ подъ рукою всѣхъ бібліографическихъ указателей по русской исторіи (Ламонныхъ съ 1855—63 г. и Межова за 1865—76 г. включит.) лишень возможности навести надлежащую справку.

5) Подъ 1162 г. въ лѣтописи (Ипат. 356) упоминается о р. *Ротъ* по поводу половецкаго набѣга. „Придоша коловици къ Гюргеву и взяша вежи многи по *Роту* и пр. Черный-же Клобукъ ѣхаша по нихъ и постигоша я на *Рси* (вар.: *Рши*)“ и пр. Это извѣстiе съ совершенною ясностью указываетъ намъ на то, что по Ротку, слѣдовательно и вообще на такъ называемой бѣлоцервонской равнинѣ, славящейся и теперъ своими пастбищами, во 2-й половинѣ XII-го в. кочевали черные клобуки съ ихъ вежами¹⁾.

6) Подъ 1172 г. въ лѣтописи (Ипат. 376) мы встрѣчаемъ упоминанiе о городѣ *Михайловъ*, въ которомъ княжилъ Васильево Ярополчичъ по поводу нападенiя этого князя на половцевъ. Половцы за *Васильевомъ* со своими вежами у сѣдельниковъ (черныхъ клобуковъ) поджидали своихъ соплеменниковъ, которые, въ качествѣ союзнаго войска, пошли изъ Кiева къ Галичу и должны были воротиться отъ *Борохова* (вар. *Болохова*). Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ объ извѣстномъ уже намъ пути изъ Галича въ Кiевъ, слѣд. несомнѣнно, что эта мѣстность за Васильевомъ не что иное, какъ Перепетовское поле²⁾. На этихъ то половцевъ, остановившихся за Васильевомъ, напалъ Васильево Ярополчичъ изъ своего города *Михайлова*. Онъ выѣхалъ изъ города ночью, проплуталъ всю ночь, при восходѣ солнца ударилъ на половцевъ, былъ разбитъ и едва убѣжалъ до города. Очевидно изъ этого разсказа, что городъ Михайловъ былъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Перепетовскимъ по-

¹⁾ Очень можетъ быть, что и въ именахъ рѣчки *Чернявки* (Рутецъ) и гуртора *Чернылиски*, значащагося на военно-топографической картѣ къ востоку отъ рутскаго озера, верстахъ въ 4½ отъ него, если только это не какiя-либо позднѣйшiя и не случайныя имена, сохранилось воспоминанiе объ этихъ кочевникахъ, отличавшихся чернымъ цвѣтомъ своихъ клобуковъ (шапокъ, колпаковъ).

²⁾ Г. Н. Дашкевичъ (Болоховская земля, прил. 23) готовъ отличать *Борохова*, о которомъ упоминается подъ 1150 г., отъ *Борохова* (вар.: Болохова), о которомъ упоминается подъ 1172 годомъ. Второе Борохово (Болохово) онъ приурочиваетъ къ *Борушковцамъ* новоградволынскаго у. на лѣвой сторонѣ р. Деревички, впадающей съ лѣвой стороны въ Случь. Но, въ такомъ случаѣ, чего ради половцамъ пришлось ожидать своихъ соплеменниковъ, которые возвращались отъ Болохова, за *Васильевомъ* (по отношенiю къ Кiеву)? Къ *Борушковцамъ* изъ Кiева слѣдовало-бы ѣхать не васильевскимъ, а бѣлогородскимъ путемъ. Очевидно, слѣд., что Болохово 1150 и Борохово (Болохово) 1172 года тождественны.

лемъ. Карамзинъ (III, стр. 8) поясняетъ: „Михайловъ—близъ Кіева“. По моимъ соображеніямъ, какъ это было уже упомянуто въ предварительномъ описаніи, этотъ городъ приурочивается къ теперешнему селу Михайловкѣ, васьковскаго уѣзда, при впаденіи р. Холопа въ Субодь. Отъ этой Михайловки до верховья Ротка 22 версты, до средняго теченія еще меньше¹⁾.

7) Подъ тѣмъ-же 1172 г. въ ипат. лѣтописи мы встрѣчаемъ еще разъ упоминаніе о городѣ *Михайловъ*. Глѣбъ Юрьевичъ отомстилъ Васильку за его нападеніе на его союзниковъ, „городъ его ножгоша, греблю роскопаша“. Глѣбъ ходилъ въ Михайлову изъ Кіева, слѣдовательно не иначе, какъ черезъ Перепетовское поле²⁾.

8) По ипат. лѣтописи (379) подъ 1172, а по лавр. (339) подъ 1169 г. мы встрѣчаемъ упоминаніе о *Перепетовскомъ полѣ* и о какой-то загадочной *лукъ моря* по поводу половецкаго набѣга. Глѣбъ Юрьевичъ шелъ изъ Кіева въ Корсунъ на степь къ половцамъ и

¹⁾ Кстати замѣтить, что къ югу отъ теченія безыменнаго ручья, текущаго отъ села Пологъ въ Ротокъ, на военно-топографической картѣ обозначено урочище подъ названіемъ: «*Васьковъ юкъ*» (у Похилевича не упомянуто), поразительнымъ образомъ напоминающимъ имя *Васька* Ярополчича. Къ Михайлову, какъ городу Васька Ярополчича, легко приурочивается и извѣстіе подъ 1165 г. (Ипат. 359) объ из'явленіи этимъ княземъ половецвъ на *Роси*.

²⁾ Погодинъ (Исслѣдованія и пр., IV), перечисляя почти всѣ Михайловки кiev. губ., какъ разъ просмотрѣлъ Михайловку, наиболѣе подходящую къ лѣтописному Михайлову. Онъ указываетъ: 1) на село Михайловку черкаскаго уѣзда, ниже Канева, на правой сторонѣ Роси; 2) на село Михайловку каневскаго у., на Роси, между Богуславомъ и Таращю; 3) на село Михайловку сквир. уѣзда, при которой надъ Россю есть замковище. Но отъ первой Михайловки до рутскаго озера 93 версты, слѣд., далеко, въ теченіи ночи не дойдешь. Второе село, указываемое Погодинымъ, называется не *Михайловкой*, а *Мисайловкой*, и отъ него до рутскаго озера 57 верстъ. Третья Михайловка, указываемая Погодинымъ, не село, а деревня, въ которой дѣйствительно примѣтно древнее квадратное замковище, но дѣло-то въ томъ, что деревня эта названа по имени помѣщика Михаила Глебоцкаго, основавшаго ее въ 1750 году. Итакъ первое населенное мѣсто не подходитъ къ лѣтописному городу Михайлову по своему топографическому положенію, второе—и по названію, и по топографическому положенію, третье получило имя Михайловки въ позднѣйшее время. Чтобы покончить съ Михайловками, замѣчу, что въ кiev. губ. существуетъ еще одна Михайловка (часть села Рубежовки) въ кiev. у., на лѣвой сторонѣ ручья Мыслины, впад. съ лѣвой стороны въ р. Бучу, лѣвый притокъ Ирпени. Но отъ этой Михайловки до ближайшаго пункта теченія Роси 75 верстъ, до Василькова 39 верстъ.

былъ на *Перепетовскомъ полѣ*. Вѣроятно, онъ шелъ по той-же дорогѣ, по которой ходилъ Изяславъ противъ Владимірка въ 1150 г. и противъ Юрія въ 1151 году. Узнавши здѣсь, что корсунскіе половцы, не дождавшись его, пошли за *Кіевъ* воевать, Глѣбъ послалъ своего брата Михалка преслѣдовать ихъ. Идучи вслѣдъ за половцами, Михалко встрѣтилъ передовую партію половцевъ, возвращавшихся уже съ набѣга; произошла битва, и половцы были побѣждены. Затѣмъ Михалко отправился дальше и ожидалъ возвращенія главныхъ силъ половецкихъ; дождался, произошла вторая битва, въ которой былъ раненъ Михалко, и въ которой половцы потерпѣли опять пораженіе. Вслѣдъ за упоминаніемъ о томъ, что Михалка ударили половцы двумя копьями въ стегно, а третьимъ въ руку, изложеніе инат. лѣтописи (по печатной ея редакціи) нѣсколько отличается отъ изложенія лаврентьевской. Въ инат. читаемъ: „но Богъ молитвою отца его избави его отъ смерти. Якоже прежде *въ луцѣ моря*, бяхуса съ ними (половцами) крѣпко“ и пр. А въ лѣтописи лавр. читаемъ: „но Богъ отца его молитвою избави его отъ смерти, якоже (и прежде) *въ луцѣ моря*. И якоже бяхуться крѣпко“ и пр. И такъ по инат. списку, битва съ половцами, о которой разсказывается, сравнивается, по отношенію къ ея жестокости, съ битвою съ ними у луки моря, а по лавр. избавленіе Михалка отъ смерти въ битвѣ, о которой разсказывается, сравнивается съ избавленіемъ его отъ смерти въ битвѣ у луки моря. Такимъ образомъ тутъ упоминаются двѣ битвы. Половцы, по всей вѣроятности, дѣлали набѣгъ вверхъ по Ротку и внизъ по теченію Ирпени. Михалко отправился за ними въ погоню съ Перепетовскаго поля, но съ какого именно пункта поля, не сказано; по всей вѣроятности приблизительно отъ верховья Ольшаницы. Историки понимаютъ, въ этомъ лѣтописномъ разсказѣ, подъ *моремъ* настоящее море, море въ теперешнемъ значеніи этого слова, и подъ *лукоморьемъ* подразумѣваютъ здѣсь какой нибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря). Карамзинъ (III, прим. 2), слѣдуя чтенію лавр.

¹⁾ *Лука*—заливъ. Прол. XV в. мая 19: Иляше въ слѣдъ его до лоуць морськихъ (Словарь Востокова), лавр. 478: Загна по Дону и въ луку моря.—Авт.

Позволяемъ себѣ замѣтить, что въ живомъ употребленіи слово *лука* не прии́няется къ водѣ, но только къ сушѣ и означаетъ низменное, прибрежное мѣсто,

сниска, выражаетъ мысль, что здѣсь заключается косвенное (въ видѣ сравненія) упоминаніе о походѣ князей на половцевъ въ 1170 г. (Ипат. 368), въ которомъ дѣйствительно участвовалъ тотъ-же Михалко Юрьевичъ. Но дѣло то въ томъ, что въ 1170 году князья не доходили ни до береговъ Азовскаго, ни до береговъ Чернаго моря. Въ моемъ изслѣдованіи текста Пѣсни Игорю Святославичу я выяснилъ, что *вода*, въ которой были притиснуты русичи по лавр. лѣтописи (стр. 378), и *езеро*, вокругъ котораго они бились, или *море*, въ которомъ они были потоплены, по лѣтописи ипатской (стр. 433 и 434),—одно и тоже. Г. Потенія, въ запискахъ по русской грамматикѣ (II, 245), замѣчаетъ, что *море* въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря значитъ озеро. Море въ смыслѣ озера и воды вообще встрѣчается не рѣдко и теперь въ народномъ гѣсенномъ языкѣ, напр.:

„Тільки найшла у полі синеньке море“.

(Чубинскій, V, 552).

Итакъ, въ старинномъ языкѣ слово *море* имѣло болѣе обширное значеніе, чѣмъ теперь: оно прилагалось и къ морю, и къ озеру. Понятное дѣло, что если озеро называлось моремъ, то заливъ озера могъ называться *лукою* моря, а изъ этого слѣдуетъ, что подъ *лукою моря* въ занимающемъ насъ лѣтописномъ разсказѣ о битвахъ Михалка съ половцами вовсе нѣтъ никакой надобности подразумѣвать какойнибудь заливъ Азовскаго или Чернаго моря. Это море съ его заливомъ слѣдуетъ искать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили эти битвы. Первая битва происходила, вѣроятно, у того-же самаго лучистаго рутскаго озера, о которомъ упоминается въ разсказѣ о рати Изяслава съ Юріемъ въ 1151 году. Итакъ смыслъ приведеннаго лѣтописнаго разсказа такой: но Богъ отца его молитвою избави его (и на этотъ разъ, и въ этой второй битвѣ) отъ смерти, коже и прежде въ луцѣ моря (какъ и въ прежней, первой битвѣ, происходившей у залива озера). Очевидно, что редакція лаврентіев-

покрытое травой и удобное для пастбы. Въ такомъ смыслѣ это слово встрѣчается и въ польскомъ языкѣ: *лука*—отъ *лучить-ся*, *łuczyc się*, направлять-ся, соединяться, прилегать.—Ред.

скаго списка исправилъ редакціи ипатскаго списка. Итакъ, первая битва Михалка съ половцами была у рутскаго озера, а вторая гдѣ-нибудь выше по Ротку.

Вотъ и всѣ лѣтописныя упоминанія о событіяхъ, совершавшихся на Перепетовскомъ полѣ въ домонгольскій періодъ ¹⁾.

Теперь подведемъ итоги тѣмъ топографическимъ даннымъ и основаннымъ на нихъ соображеніямъ и выводамъ, которые служатъ въ разрѣшенію топографическихъ проблеммъ, обозначенныхъ нами въ началѣ статьи.

1) Лѣтописная *Взяница* (=Визаница)—теперешняя р. *Узга* (Узянка) или теперешняя р. *Узинь*, доказательствами чему служатъ: а) полное фонетическое соотвѣтствіе стариннаго имени Взяница и теперешнихъ: Узань, Узинь, Узень, Узга, Гузино; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этихъ рѣчекъ всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

2) *Море*, о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о рати Михалва Юрьевича съ половцами въ 1172 году, тождественно съ *озеромъ*, о которомъ упоминается въ лѣтописномъ разсказѣ о

¹⁾ Упоминанія, касающіяся мѣстности древняго Перепетовскаго поля, встрѣчаются въ письменныхъ памятникахъ и послѣ монгольскаго періода:

1) По свидѣтельству Стрыйковскаго, которое, впрочемъ, Карамзинъ считаетъ сомнительнымъ, въ 1311 году Юрій, князь случкій, съ Андреемъ Нежировичемъ на урочищѣ *Ротку* поразили на голову татаръ, потерявшихъ здѣсь 8000 убитыхъ.

2) Курганъ *Перепетовъ* и *Перепетозка* и *Ротокъ*—болото упоминаются въ подложной копіи, составленной въ 1592 году будто-бы съ подлиннаго списка грамоты Андрея Боголюбскаго киево-печерскому монастырю, хранившагося въ патриаршемъ архивѣ въ Константинополѣ. Подложность упомянутой копіи доказана преосв. Макаріемъ (Исторія церкви, т. III, по 2 изд. 1868 г., стр. 41).

Наконецъ, 3) о *Перепетовомъ курганѣ*, *Роткѣ* и *Узинѣ* упоминается, какъ мы видѣли, въ привилегіи, данной Сигизмундомъ III жителямъ Бѣлой Церкви въ 1597 году. По этой привилегіи вся эта равнина «ажъ до валу, що за Перепетовымъ курганомъ» предоставлялась въ пользованіе жителямъ *Бѣлой Церкви*, вслѣдствіе чего, вѣроятно, равнина эта и доселѣ слыветъ подъ названіемъ «*Бѣлоцерковской степи*».

рати Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этого озера съ обстоятельствами лѣтописныхъ разсказовъ объ упомянутыхъ ратахъ; б) употребленіе слова *море* въ значеніи озера въ другихъ мѣстахъ лѣтописи, напримѣръ, въ ипатскомъ разсказѣ о походѣ Игоря, и въ теперешнемъ народномъ пѣсенномъ языкѣ; в) то обстоятельство, что пониманіе подъ *лукою моря* какого нибудь залива Азовскаго или Чернаго моря въ упомянутомъ разсказѣ о рати Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году ни на чемъ не можетъ быть основано.

3) Лѣтописному городу *Михайлову* соотвѣтствуетъ теперешнее село *Михайловка* вас. у. на р. Холощѣ, при впаденіи ея въ Субодь, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе лѣтописнаго имени этого города съ именемъ упомянутаго села; б) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія теперешней Михайловки обстоятельствамъ лѣтописнаго извѣстія о нападеніи Василька Ярополчича на половцевъ въ 1168 году; в) несоотвѣтствіе всѣхъ другихъ населенныхъ мѣстъ кiev. губ. съ подобнымъ именемъ обстоятельствамъ упомянутаго разсказа; г) существованіе между Михайловкой и Роткомъ урочища *Васильковъ гонъ*, напоминающаго своимъ именемъ имя Василька Ярополчича ¹⁾.

4) Лѣтописные *Рутъ* (по польски Рутекъ) и *Ротъ* (теперь Ротокъ, Протока) тождественны, доказательствами чему служатъ: а) полное соотвѣтствіе этихъ именъ въ фонетическомъ отношеніи (ср. въ лѣтописи: *Рось* и *Русь*, *Торки* и *Турки* и т. д.) ²⁾; б) полное соотвѣтствіе, по отношенію къ обстоятельствамъ мѣста, лѣто-

¹⁾ Противъ приуроченія Михайлова къ Михайловкѣ васильк. у. можетъ быть приведено то обстоятельство, что въ этой Михайловкѣ нѣтъ остатковъ и слѣдовъ земляныхъ укрѣпленій (городища); но если ихъ дѣйствительно нѣтъ въ самой Михайловкѣ, въ такомъ случаѣ лѣтописный городъ Михайловъ долженъ быть приуроченъ къ ближайшимъ къ этой Михайловкѣ, сосѣднимъ съ нею мѣстностямъ съ остатками такихъ укрѣпленій, какъ, напримѣръ, какъ объ этомъ было упомянуто, къ селу Мазепинцамъ на лѣвой сторонѣ Каменки.

²⁾ *Рѣтъ*: 1) ротъ. Апост. XIV в. Тим. V, 18: не завяжеша рѣта волу врьхушю (вола моляща не обротяши), 2) вершина, маковка. Амарт. XVI в.: сущи искръ на рѣтъ града, 3) *Ргол*: рѣтъ кораблю (Словарь Востокова).

писнаго извѣстія, въ которомъ упоминается *Ромъ*, съ лѣтописнымъ извѣстіемъ, въ которомъ упоминается *Рутъ*.

5) Лѣтописному *Руту* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Черляка*, текущая отъ села Средней Слободы и впадающая въ Рогокъ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія ея всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Юрія съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1151 году.

6) Лѣтописной рѣчкѣ *Ольшаницѣ* соотвѣтствуетъ теперешняя рѣчка *Тростинка*, или *Раковка*, доказательствами чему служатъ: а) то, что на ней, по обѣимъ ея сторонамъ, расположены два села *Ольшанки*; б) то, что первый ея притокъ и теперь называется *Ольшанкой*; в) полное соотвѣтствіе старинной уменьшительной формы: *Ольшан-ица* съ теперешней: *Ольшан-ка* (ср. Камен-ица и Камен-ка); г) полное соотвѣтствіе топографическаго положенія р. *Тростинки* всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о рати Владимірка галицкаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ въ 1150 году; д) несоотвѣтствіе м. *Ольшаницы*, существующаго на р. *Гороховатѣ*, тому пути, по которому шелъ Владимірко изъ Галича въ Кіевъ.

7) *Перепетово*, или *Перепетовское поле*—это такъ называемая теперь бѣлоцерковская степь, или равнина, простирающаяся отъ м. Бѣлой Церкви къ Стугнѣ и отъ м. Фастова къ селу Мировеѣ, доказательствомъ чему служитъ полное соотвѣтствіе топографическаго положенія этой равнины всѣмъ обстоятельствамъ лѣтописнаго разсказа о походѣ Владимірка къ Кіеву въ 1150 году, о преслѣдованіи Изяславомъ Юрія въ 1151 году, наконецъ, о преслѣдованіи Михалкомъ Юрьевичемъ половцевъ въ 1172 году.

На древнемъ Перепетовскомъ полѣ, какъ это можно видѣть изъ представленнаго нами обзора событій на этомъ полѣ совершавшихся, не мало было въ разное время пролито крови, и русской, и не русской. У рутскаго озера, или *моря*, которое можно считать центральнымъ пунктомъ всей этой равнины, происходили воровопролитныя битвы Юрія съ Изяславомъ въ 1151 году и такіе же битвы Михалка Юрьевича съ половцами въ 1172 году. Кроме того, на самомъ полѣ или у окраинъ его происходила битва Владимірка съ Изяславомъ въ 1150 году, битва Василька Ярополчича съ половцами въ 1172 году, поражение половцевъ берендичами и

юрьевцами въ 1159 году, поражение половцевъ черными клобуками въ 1162 году и проч.

Очевидно, слѣдовательно, что Перепетовское поле принадлежитъ къ числу тѣхъ полей, типическій образъ которыхъ воспроизводится иногда въ народныхъ пѣсняхъ, въ родѣ:

Ой чого ты почорніло, зеленее поле?
 Якъ-же мені не чорніти,
 Що я кровью обийшло...

Въ заключеніе моей статьи скажу нѣсколько словъ о народномъ поэтическомъ преданіи, приуроченномъ къ Перепетовскимъ курганамъ, давшимъ въ древности имя цѣлой равнинѣ, въ сѣверо-западномъ углу которой они находятся, подобно тому, какъ въ позднѣйшее время дало ей имя знатное мѣстечко Бѣлая Церковь, на южной ея окраинѣ возникшее. Сущность этого преданія состоитъ въ томъ, что подъ упомянутыми курганами похоронены князь Перепеть и жена его Перепетиха, убившая нечаянно своего мужа, а потомъ, отъ горя, и самую себя. Въ видахъ разъясненія смысла этого преданія слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, обратить вниманіе на топографическое положеніе этихъ кургановъ. Курганъ *Перепетиха* находится, какъ было сказано, очень близко (меньше версты) отъ истоковъ Ротва, а *Перепеть*, на разстояніи $4\frac{1}{2}$ версты въ сѣверо-западу отъ Перепетихи, недалеко отъ истока безымянной рѣчки, впадающей въ Унаву, притокъ Ирпени. Это положеніе древнихъ могильныхъ кургановъ, въ которыхъ были погребены какіе-то доисторическіе знатные люди¹⁾, у истоковъ рѣчекъ, текущихъ въ противоположныхъ направленіяхъ, а также, можетъ быть, и кровопролитныя битвы, въ мѣстности этихъ кургановъ происходившія, и могли подать поводъ народной фантазіи приурочить къ этимъ курганамъ довольно распространенное и повторявшееся на разные лады мнѣстическо-поэтическое преданіе о происхожденіи рѣвъ отъ крови древнихъ богатырей. Таково, напр., содержаніе общеизвѣст-

¹⁾ Въ 1845 году Перепетиха была раскопана профессоромъ кіевскаго университета Иванішевымъ. Объ этой раскопкѣ см. «Древности, изданныя временною комиссією для разбора древнихъ актовъ», Кіевъ, 1846 г.

ной былины о Дунай-богатырѣ и Настасьѣ Королевичнѣ. Дунай печально убилъ свою жену Настасью и потомъ, отъ горя, и самого себя:

„Гдѣ пала Дунаева головушка,
Протекла рѣка Дунай-рѣка,
А гдѣ пала Настасьина головушка,
Протекла Настасья рѣка...

Изъ-подъ этого съ подѣ мѣстечка
Протекли двѣ рѣченьки быстрыхъ

И на двѣ струечки они расходилися ⁴⁾.

М. Андріевскій.

27 іюля 1882 года.

⁴⁾ Аванасьевъ, «Поэтическія воззрѣнія» II, 223. *Дунай*, какъ извѣстно, первоначально—нарицат. ния рѣчки. Что касается *Настасьи*, то это ния при дается нерѣдко разнымъ сказочнымъ красавицамъ. См. «Малорусскія народныя преданія», Кіевъ, 1876 г.: *Настіна могила*, стр. 224, *Настасья Прекрасная*, стр. 299. Кстати замѣтить, что въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ мѣстностью, служившей предметомъ нашей статьи, есть рѣчка *Насташка* (впадаетъ въ Рось съ правой стороны верстахъ въ девяти ниже устья Узина) и на ней село *Насташка*. По преданію, и рѣчка, и село получили свое ния отъ первой сельской красавицы Насташки, утонувшей въ рѣчкѣ (см. у Похилевича).

Р. Ирпень Черня

Р. Ирпень М. Ф. А. С.

Р. Ирпень

Р. Ирпень М. Ф. А. С.

Лит. Г. Т. Корна

ер-
вя-
он-
25
дѣ,
аго
же-
ш
ри-
но,
въ
ли-
ль-
на-
дый
учѣ
ому.
зен-
готъ
по-
лю-
овѣ-
бу-
и на
и и

4
1
1
1

1
1
1
1
1
1
1
1

Украинская деревня второй четверти нынѣшняго столѣтія

ПО ВОСПОМИНАНІЯМЪ ДѢТСТВА.

47. ?

Родился я въ 1831 году, въ одной изъ юго-западныхъ губерній, въ деревнѣ, гдѣ отецъ мой двадцать шесть лѣтъ былъ священникомъ. Ровно половину моей доселѣшней жизни, т. е. до окончанія образованія, я связанъ былъ съ деревней. Съ семи и до 25 лѣтъ я учился въ школахъ, проживая три четверти года въ городѣ, но чувствовалъ, что всею душею я жилъ въ деревнѣ, у роднаго очага. Проходилъ я, какъ и мои товарищи, столько наукъ „божескихъ и человѣческихъ“ (какъ тогда выражались—*gegum divina gum humana gumque scientia*), что нынѣшнее поколѣніе въ ужасъ пришло бы при взглядѣ на одинъ списокъ ихъ, и учился прилежно, но казалось только для того, чтобы развлечься, чтобы заморить въ себѣ тоску и томленіе по родной хатѣ, по роднымъ мѣстамъ и лицамъ. Сколько заботъ прилагали о нашемъ воспитаніи наши школьные начальники и наставники! Какая огромная куча правилъ, наставленій, требованій, совѣтовъ, приказаній сопровождала каждый нашъ шагъ, каждое душевное движеніе! На все въ этой кучѣ было руководство: думай, чувствуй, дѣлай, какъ по писаному. Сколько было у насъ искренне преданныхъ дѣлу, самоотверженныхъ и добрыхъ воспитателей и пѣстуновъ! Вотъ хотя бы этотъ старикъ—инспекторъ бursы, который, бывало, прикажетъ тебя пороть, топаетъ ногами, приговариваетъ: „вѣдь я порю тебя по любви къ тебѣ... мнѣ больно, а не тебѣ... хочу сдѣлать тебя человекомъ (гуманизмъ какой!)... вотъ попищи еще... еще... лучше будешь... довольно... больно? плачешь?“... а у самаго тоже слезы на глазахъ! Или этотъ смотритель бursы, архимандритъ, благая и

кроткая душа, который, отправляя на сѣвучію, предварительно перекрестить тебя нѣсколько разъ, да такъ любовно приговариваетъ: „Богъ тебѣ да поможетъ понести наказаніе... Прими его, какъ отъ самаго Бога... Многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное“...: а послѣ сѣвучіи такъ утѣшаетъ и ободряетъ не падать духомъ, но *воззрѣвать въ себѣ духа*“... Но—простите меня, добрые мои швольные пѣстуны (умалчиваю о жестокихъ, безчеловѣчныхъ), которыхъ я не мало имѣлъ въ трехъ бурсахъ, переходя изъ одной въ другую, до пятнадцатилѣтняго возраста; мнѣ противны были ваши любовныя заботы, а съ ними и всѣ ваши требованія и внушенія; душа моя всѣми порывами юнаго воображенія и чувства рвалась къ первымъ пѣстунамъ и учителямъ моего дѣтства, къ той завѣтной средѣ, которая вскормила и вырастила меня. Отсиживаешь бывало въ городѣ свой срокъ точно въ тюрьмѣ, въ оковахъ, рвется душа въ деревню точно на волю, точно тамъ все наилучшее въ свѣтѣ. И такъ до самаго окончанія образованія, до полной возможности, когда служба насильно прикрѣпила меня къ городу! Добро бы еще тогдашняя украинская деревня въ самомъ дѣлѣ была привольемъ, а то—деревня тяжело-рабская, закрѣпощенная полякамъ и жидамъ, забитая, пьяная, голая и босая! Въ домѣ убожество: большею частію проживаешь одними мочеными сухарями; отецъ трудится до изнуренія и насъ гонитъ въ поле на работу... Кругомъ народъ все изможденный,—въ будень пасмурный, *понурый*,—въ праздникъ пьяный; хаты на курьихъ ножкахъ, вокругъ большею частію ни кола, ни двора; товарищи дѣтства—ребятишки голодные, какъ собачата; въ воздухѣ вѣчно пахнетъ панскимъ *нагаемъ*, *жидовскимъ патычкомъ* и распаренными розгами *становаго*,—такъ и звенитъ постоянно въ ухахъ: „*psia wiaga! psia krew!*“, „ну, ты, музыкѣ, швина, Гав-рило“... Да, мрачная, гнетущая была сфера! А между тѣмъ гдѣ-то, въ незримыхъ для пана—жида—становаго слояхъ этой сферы крылось самое нѣжное, здоровое и животворное дыханіе жизни, которое бывало чувствуешь на себѣ на каждомъ шагу и которое разъ испытаетъ—никогда не забудешь!

Бывало—одно приближеніе срока отъѣзда „домой“ измѣняло весь нашъ обыденный, скучный и сонный настрой. Съ каждымъ днемъ тогда мы точно просыпались отъ долгой спячки, выросли, становились богатырями, „отчаянными“. Само начальство начинало

обходиться съ нами осторожнѣе. „За мной пріѣхали“, ореть счастливецъ, врываясь въ комнату, точно вихорь, и всѣ радостно улыбаются ему. Что за подавляющая тоска у тѣхъ, у кого не осталось въ деревнѣ ни родныхъ, ни присныхъ, осталось только одно неборимое влеченіе къ родной сферѣ! Но они знаютъ, что товарищи разберутъ ихъ по „своимъ домамъ“. Сироты убогіе, что въ первый разъ, въ 7—8 лѣтъ, за 200—300 верстъ приведены были пѣшкомъ въ бурсу своими матерями, оплаканные ими по дорогѣ съ ногъ до головы, залитые тѣмъ особеннымъ чувствомъ, которое дышало въ цѣломъ существѣ тогдашней убогой вдовицы, эти сироты—„бурсачки“ теперь весело мастеряютъ сумочки изъ выпрошеннаго тряпья, готовятъ длинные дорожные посохи и восхищаются мыслію о длинной дорогѣ, босикомъ, безъ гроша за душою, съ ночлегами по полямъ и лугамъ, въ ненастье по крестьянскимъ хатамъ или куренямъ, за краюхой хлѣба, которую теньетъ у иной хаты сердобольная старуха, приговаривая: „изъ бурсы? сирота? на, моя дитыночко, підпасись, онъ-якъ тобі живіть стягнуло“... Изступленіе какое-то нападаетъ, когда выѣдешь изъ города и очутишься среди спѣлыхъ, золотистыхъ нивъ, увидишь вблизи первую деревню и церковь съ тремя зелеными куполами въ рядъ. Долой шапка, обувь, сертучишко; прыгъ! съ воза,—босыя ноги тонуть въ теплой, пушистой пыли чернозема... Что за наслажденіе! На поляхъ вяло движутся загорѣлыя, потныя, запыленные лица; на межѣ стоитъ *хлопецъ съ близнюками*, свободный отъ шапки, сапоговъ и проч., ухмыляется намъ, кричитъ: „поповичі...“; по дорогѣ остановилась баба съ *банькою*, приложила руку ко лбу козырькомъ, добродушно привѣтствуетъ насъ: „оце, неначе мішокъ розв'язали!... якъ галычъ, посыпались“... Всѣмъ имъ весело кричишь: „добрыдень“, „помогайбі“, „щасті Боже“... Потянулась длинная дорога, знакомыя деревни, поля, лѣса, лужки, гребли, мосты... Какими живительными кажутся здѣсь палящіе лучи полуденнаго солнца, какими почтенными представляются эти нѣмые труженики на поляхъ, сердито поглядывающіе на торчащаго вблизи *панка съ нагаемъ!* Какъ уныло днемъ въ деревнѣ, въ ней все точно вымерло, все на панщинѣ! Съ какимъ благоговѣніемъ перекрестись, когда среди полей, залитыхъ тихимъ, золотистымъ свѣтомъ заходящаго солнца, теплыя волны воздуха издали донесутъ благовѣсть къ вечернѣ! А ночлеги

у „кринички“ подь вербою! Съ какимъ напряженіемъ вслушиваешься въ постепенное замираніе природы! Точно истома на всемъ легла: и воздухъ, и травы, и деревья — точно все пластомъ растянулось отъ усталости, какъ и тѣ *крѣпаки*, что вернулись съ полей домой и—кто какъ повалился—мертво спятъ. Какъ сладко и самъ уснешь, какъ бодро встанешь до восхода солнца, умоешься изъ кринички и тутъ-же помолишься, ставши лицомъ въ востокъ! Вотъ деревни за деревнями, все знакомые виды, знакомые типы, люди забытые, глуповатые, но добрые, ласковые. Бѣда-ли въ дорогѣ приключилась, увязнемъ въ болотѣ, опрокинемся съ косогора,—прохожій подойдетъ, посмотритъ, скажетъ: „бѣда... нехай вамъ Богъ помогаетъ“. Ось сломалась, *майстеръ* въ деревнѣ не водится, или на панщинѣ. „Дасте на кварту горілки (въ то время 10—12 грошей), *помагую*“. Тяпъ-ляпъ и что-то дѣйствительно похожее на ось появилось, и доѣдешь на ней домой. Лошадь заболѣла: „кровь треба пустить“, говорить одинъ, „занозу зробить“—совѣтуетъ другой. „Перегонъ, опой, збіла що небудь на паші“... Толкують—толкують и чѣмъ-то поправятъ лошадь. Самъ заболѣешь—„горілочки съ перцемъ або съ сілью выпий, полегчае“. Послушаешься—и *полегчае!*

Но вотъ и послѣдняя деревня, вотъ и лѣсъ, за которымъ откроются нивы родныя и за ними верхушки куполовъ родной церкви. И „погоньчъ“, и мы сосредоточенно и парадно настраиваемся, приодѣнемся, приведемъ все въ порядокъ на возу, тихо ѣдемъ лѣсомъ, заранѣе снявши шапки и вперивши очи впередъ. „Господи Іисусе Христе...“, набожно шепчетъ „погоньчъ“ и крестится, раньше насъ увидѣвъ завѣтные купола съвозъ прогалину въ чащѣ лѣса. У насъ и молитва замретъ на устахъ! Вотъ и „наше“ село, все знакомыя хаты, еще болѣе освѣшныя и покачнувшіяся, но тщательно выбѣленные. Вотъ старая, высокая „фигура“ среди села, съ которой, мнѣ всегда казалось, страждущій Спаситель глядитъ на страждущій въ тяжкомъ рабствѣ народъ, какъ-бы и самъ сострададая ему и одушевляя его своимъ примѣромъ. Какъ у мѣста здѣсь это святое изображеніе!—Хаты заколочены, по селу типшина, всѣ на панщинѣ. Только льготный мужикъ, Павло Старенькій, плуцаетъ ногами по дорогѣ изъ корчмы. „А, приехали, паньчи - поповичи! Бачите, якій я пьяный... Смійтесь на здоровье“... Вотъ всѣми въ селѣ признанная „золото-жінка“, Бондарчукъ, спѣшитъ съ пан-

щины домой, покончивши раньше всѣхъ свою копу, каждый снопъ въ поясъ,—въ одной руке *близюки*, на другой ребенокъ, за плечами свитка, серпъ, банька, колыска и еще что-то, но она весело здороваётся съ нами, крѣпко и шибко ступаетъ по дорогѣ, взбивая пыль подъ ногами. Спѣшить домой, чтобы все убрать, помыть, починить, добыть *кизяка* на топку, принести воды, приготовить мужу на вечеръ галушки, розыскать по деревнѣ свое *мятко* и *поросятко*. Вотъ и наша усадьба, вотъ отецъ на крыльчкѣ стоитъ, смотритъ намъ на встрѣчу, идетъ къ воротамъ, босой, неодѣтый, изможденный,—бѣжитъ къ воротамъ сестрѣнка наша, одиноко живущая про отцѣ-вдовцѣ, за плетнемъ торчитъ Иванько, старый солдатъ, сторожъ церковный, и видимо готовится брякнуть намъ: „здравія желаю... чово зволте“... Озираемся вокругъ,—тотъ-же убогій домикъ, тѣ-же комора, клуня, загороди, хлѣвы, садочекъ вишневый, тѣ-же собаки.. И все тутъ на мѣстѣ, ничто не перемѣнилось, и все такъ привѣтливо глядитъ на насъ, и такая въ душѣ благодать, такая въ сердцѣ теплота и радость!...

И пошла затѣмъ жизнь, ни съ чѣмъ несравнимая. Чувствуешь, что вырастаешь и крѣпнешь, что живешь полной жизнію, какъ этотъ буйный колосъ на крѣпкоколѣнномъ стеблѣ, какъ этотъ молодой дубнякъ съ его металлическими листьями, какъ эта стройная и сочная трава въ дубовомъ лѣсу. Шире и шире раздвигаются горизонты мысли, повсюду точно кто-то незримо за тобою бродитъ и нашептываетъ смѣлые замыслы, проекты, внушаетъ завѣтныя стремленія, священные обѣты и любовь—любовь безъ конца ко всему страждущему и обремененному, ко всякому нищему духомъ, къ своему темному и теплому народу, къ голой, и босой, и подъячасъ пьяной матери—Украинѣ...

Читатель, я вѣдь говорю о времени моего дѣтства, давно прошедшаго: не судите меня по-настоящему. Говорю о деревнѣ того страннаго теперъ и сказочнаго времени, когда городъ отдѣленъ былъ отъ деревни цѣлою бездною, когда въ городѣ жили все вольные люди, а въ деревнѣ—все крѣпаки, когда въ городѣ царилъ власть русская, а деревня стонала подъ игомъ польско-жидовскимъ, точно среди одного государства другое расположено было форпостами, бивуакомъ, и внѣ городовъ по деревнямъ власть русская появлялась только наѣздомъ, чѣмъ дѣйствительно признавали въ то

время поляки русскую власть въ украинской деревнѣ, да нельзя было съ этимъ и не согласиться. Говорю о деревнѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, о деревнѣ крѣпостной, когда, послѣ неудавшейся польской революціи 1831 года, польская сила, изгнанная изъ городовъ, изъ правительственныхъ сферъ, вся укрылась въ деревняхъ и, раздраженная неудачею возстанія, вся обрушилась на русскихъ своихъ „подданныхъ“, вымещая на нихъ свою неудачу, мстя имъ за ихъ „измѣну“ польской справѣ и вмѣстѣ торопясь руками крестьянъ поправить разстроенное революціей свое состояніе. Это былъ недолгій, но глубоко трагическій періодъ въ быту украинской деревни, когда повсюду слышенъ былъ одинъ тяжелый стонъ, когда деревенскіе старики со вздохомъ говаривали: „подъ Польшей было народу легче“, когда одни массажи бѣжали въ Бессарабію, въ Черноморье, въ Турцію, другіе ждали появленія Хмельницкаго, который вывелъ-бы ихъ изъ рабства полякамъ и жидамъ, или-же Гонты и Желѣзняка, чтобы по крайней мѣрѣ поглумиться надъ своими притѣснителями, къ которымъ наконецъ народъ сталъ причислять всѣхъ и все, кромѣ себя самаго. Тогдашній городъ тупо глядѣлъ на эту картину, судилъ и казнилъ „бунтовщиковъ противъ своихъ господъ“; становые и капитанъ-исправники точно для того только и существовали, чтобы именемъ русскаго государства удерживать русскихъ крестьянъ въ полномъ повиновеніи польскимъ помѣщикамъ. Крѣпачья деревня стонала, но упорно противустояла своимъ панамъ и ихъ охранителямъ, нѣмо и глухо, но неизмѣнно протестуя противъ чуждаго господства въ краѣ, пропивала съ горя послѣднюю овцу, курицу, но не теряла вѣры въ будущее и—довела свое дѣло до конца: отстояла свою духовную независимость, сохранила въ краѣ русскую народность. Едва уничтожено въ краѣ рабство, какъ народъ далъ почувствовать себя своимъ притѣснителямъ въ ихъ возстаніе, и, глядя на эту для многихъ какъ-бы изъ земли выросшую силу, мы съ увѣренностію могли противопоставить ее притязаніямъ поляковъ и вмѣшательству Европы ¹⁾).

¹⁾ Недавно въ одной корреспонденціи изъ Кіева (Нов. Вр., 31 мая 1882 г.) мы прочли сѣтованія на недостаточную оцѣнку заслугъ чиновниковъ въ юго-западномъ краѣ, прибывшихъ послѣ 1863 года. Корреспондентъ утверждаетъ, что «во время возстанія 1863 года обнаружилось съ полной очевидностію, что край этотъ былъ *русскимъ только по названію*» (!!), что набѣжавшіе затѣмъ чинов-

Что это за сила, которая, не смотря на свою темноту, вѣковое рабство, на долгія искушенія, принужденія и кары, спасла дорогое для государства достояніе, что это за чудесная должна быть сила!

Нѣтъ, читатель, не попрекайте насъ въ наивности. Недаромъ мы съ такою любовію вспоминаемъ деревню, насъ вспеленавшую и вскормившую, вложившую въ насъ первые завѣты жизни. Мы любимъ ее за ея страданія, терпѣніе и вздохи во имя любви къ роднымъ началамъ жизни, за крѣпкую вѣру въ спасительность этихъ началъ, за всѣ тѣ добрыя свойства, которыя выросли на почвѣ страданій въ соединеніи съ такою любовію и вѣрою. И чѣмъ ближе принимаемъ мы во временахъ нашего дѣтства, тѣмъ глубже и отчетливѣе сознаемъ въ себѣ біеніе народнаго пульса и необоримую силу гражданскую, тѣмъ полнѣе и живѣе становятся наши общественные и гражданскіе идеалы и наша вѣра въ Русь могущественную.

Подъ вліаніемъ новыхъ условій украинская деревня мѣняется теперь свой прежній видъ, въ ней происходятъ явленія, способныя, повидимому, охладить наши симпатіи къ ней, подорвать нашу вѣру въ нее. Городская жизнь вторгается въ нее, проникаетъ въ бывшія крѣпацкія хаты. Мужики, бабы, дѣвки, парни въ городѣ покупаютъ для себя уборы, часто тратя на нихъ послѣдній грошъ,—пьютъ чай, сантуринское, курятъ папиросы, учатся танцевать польку и кадрили... Семинаристы съ тросточками дѣлаютъ променады по деревнѣ, говорятъ дѣвкамъ: „мое почтеніе“. Дьячки читаютъ романы, поютъ чувствительные романсы, подъчасъ и куплетикъ изъ оперетки. Священники волнуются по поводу послѣдней книжки „Вѣстника Европы“, или передовой статьи „Голоса“. Въ деревнѣ появились даже свои чиновники—изъ тѣхъ-же „мужиковъ“ и изъ „благород-

ники «первые нанесли тяжелый ударъ польской справѣ въ этомъ краѣ», что «въ вѣнскомъ лѣтъ они совершенно перевоспитали крестьянъ въ ихъ отношеніяхъ къ русскому правительству», что «въ этомъ велика ихъ заслуга предъ русскимъ народомъ и государствомъ... Deus ex machina! И вся эта чепуха на- сказана единственно въ доказательство того, что щедрая раздача имѣній этимъ чиновникамъ недостаточно-де вознаградила ихъ за заслуги... Корреспондентъ однако признается, что «нѣкоторые изъ пріобрѣвшихъ въ краѣ имѣнія находятъ болѣе практичнымъ держаться пага и жида, считая мужика только стигійной силой»!..

ныхъ“, настоящихъ чиновниковъ, предъ которыми иной разъ самъ становой (выражаясь языкомъ Расплюева) „мальчишка и щенокъ“. И жидь, и панъ уже не тѣ: жмутся зачастую и заискиваютъ у „пана Гаврила“... Новое-ли городское, чиновничье крѣпацтво пытается утвердиться въ деревнѣ вмѣсто прежняго, или деревня, долго отдѣляемая отъ города бездной, хочетъ хлебнуть во всю глотку городскихъ благъ,дохнуть во всю грудь городскимъ воздухомъ, или то и другое вмѣстѣ,—рѣшить трудно. Есть много признаковъ, указывающихъ на то, что теперь, въ первый разъ, со времени раздѣленія Руси на двѣ половины, южно - русская деревня приступаетъ къ дѣйствительному, живому участию въ общерусской жизни. Каша, кутерьма, столпотвореніе вавилонское! Холодъ вмѣсто сердечности, пьяное веселіе вмѣсто пьянаго горя, расточительность вмѣсто убожества, разнузданность вмѣсто безправія, штундизмъ вмѣсто тихой преданности уставамъ церкви!.. Вопіютъ заѣзжіе публицисты! Но мы не смущаемся. На первыхъ порахъ, послѣ долгаго отчужденія и рабства, эта картина въ деревняхъ неизбежна. Та сила, что вынесла на своихъ плечахъ чуждое вѣковое иго и спасла народность и вѣру, не обманетъ, не загинетъ, не уронитъ края, дайте только ей оглядѣться кругомъ себя, ознакомиться съ условіями новаго быта, завести повсюду школы, вырастить новое поколѣніе...

Пока это станется, почтимъ благодарною памятью нашу крѣпостную деревню, помянемъ ея горести и печали, пьянныя радости и тихія мечты,—все то, чѣмъ она жила, крѣпилась, утѣщалась...

Мы желали-бы представить на страницахъ „Кіевской Старины“ рядъ очерковъ изъ быта украинской деревни тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ по воспоминаніямъ о нашемъ дѣтствѣ. Мы имѣемъ въ виду свою родную деревню, умалчивая только о названіяхъ, но всѣ украинскія деревни того времени такъ похожи одна на другую. Вездѣ однѣ и тѣже элементы и факторы жизни: *священникъ*—руководитель, воспитатель народа, *дьякъ* — его просвѣтитель, функція самостоятельная; *панъ* въ различныхъ видахъ, съ неограниченнымъ произволомъ и религіозно-національными тенденціями, и наконецъ самъ *народъ*—жертва чуждаго вліянія и господства, стоящій въ непрерывной съ ними оппозиціи. Вспоминая наше дѣтство, мы представимъ бытъ тогдашней деревни въ слѣдующихъ очеркахъ:

1) мой отецъ, 2) дядя—мой первый учитель, 3) польско-католическій, господствовавшій элементъ и 4) крѣпостной людъ.

I.

Мой отецъ и его родословная.

Я сказалъ уже, что отецъ мой былъ священникомъ. Первымъ священникомъ въ нашемъ роду былъ дѣдъ мой, отецъ отца моего. Такимъ образомъ, хотя наша фамилія очень распространена была въ юго-западномъ краѣ и въ частности въ духовенствѣ, однако родъ нашъ былъ новичкомъ въ средѣ духовенства, издавна сидѣвшаго въ краѣ родами своими.

Несомнѣнно, что древнѣйшій обычай замѣщенія приходоу на Руси былъ выборъ священниковъ самими прихожанами. Не видимъ въ древней Руси при архіерейскихъ домахъ правильно устроенныхъ школъ, а потому архіереи не имѣли возможности замѣщать приходы своими кандидатами. Вѣчевой порядокъ избавлялъ архіерея отъ обязанности заботиться о такихъ кандидатахъ. На югѣ Руси, въ литовскій періодъ ея, когда *громады* получили опредѣленный строй и право самосуда, учрежденіе отдѣльныхъ приходоу и выборъ священниковъ являются уже *правомъ* громадъ. Въ польскій періодъ южной Руси это право встрѣтило сильнаго соперника въ *колляторствѣ* помѣщиковъ, основанномъ на правѣ землевладѣнія, по которому они одни могли обезпечить священниковъ земельными угодыми, дозволить на своей землѣ постройку церкви, дозволить рубить лѣсъ на постройку ея. Помѣщикъ-ктиторъ, построившій церковь на свой счетъ и обезпечившій содержаніе ея и причта, считалъ за собою безусловное право на выборъ священника. Но громады вступили въ борьбу какъ съ колляторствомъ польскимъ, такъ, со времени появленія толковъ объ уніи, и съ ктиторствомъ православнымъ, къ которому теряли довѣріе. Постепенно, особенно при помощи козацкихъ возстаній, установился *modus vivendi* между громадами и помѣщиками - колляторами и ктиторами (послѣднихъ однако не видно среди ополяченнаго дворянства): выборъ священника остался за громадоу, но подъ условіемъ утвержденія его колляторомъ. Повятно однако, что для темной громады не легко было

приготовить своего кандидата на приходъ, а захожаго, напрашивающагося на приходъ достаточно оцѣнить—умѣеть-ли правильно совершать богослуженія и требы, тянетъ-ли онъ за панами или за народомъ. Кромѣ того, принявъ сторонняго человѣка, нужно помочь ему завестись домомъ, хозяйствомъ—расходъ не малый. Поэтому, для громады было весьма выгоднымъ, если священникъ, уважаемый ею, самъ себѣ приготовлялъ преемника въ лицѣ своего сына или зятя, хорошо извѣстнаго ей, за котораго при томъ самъ священникъ можетъ поручиться въ точномъ и правильномъ совершеніи церковныхъ службъ. Свой человѣкъ все таки лучше чужаго, можетъ быть и хорошаго. Для священника тѣмъ болѣе выгодно было оставить наслѣдникомъ своей хаты и хозяйства своего сына или зятя, вѣрнаго притомъ хранителя установленнаго имъ въ приходѣ духа и порядковъ. Такая обоюдная выгода рано развила въ священническихъ семьяхъ право на приходъ по наслѣдству. *Батьковщина* и здѣсь стала играть ту-же роль, что и въ народѣ, и становилась нравственно обязательною для громады. Не мало было приходоу, переходившихъ по наслѣдству въ теченіе 100—200 и болѣе лѣтъ, пока наконецъ или священникъ умиралъ бездѣтнымъ, или дѣти его оказывались ни къ чему негодными. Наслѣдственность стала казаться правомъ, а право избавляло кандидата отъ заискиваній и униженій предъ громадою, давало особый тонъ, гордость предъ собратами, получившими приходы отъ громадъ. Я хорошо еще помню случаи, когда священники, „сидѣвшіе на батьковщинѣ“, въ ссорѣ съ сосѣдомъ-новичкомъ въ околотѣѣ, корили ихъ: „я отъ дѣда-прадѣда панъ въ своей парафіи, а ты—заволока, громадскій наймитъ“... Но *заволоки* раздѣлялись на два разряда, рѣзко различавшіеся другъ отъ друга. Одни появлялись въ приходахъ не вѣсть отьуда, никто не зналъ роду-племени ихъ, спаивали громаду, унижались предъ нею, не скупились на всякія уступки и обѣщанія—и получали согласіе громады. Другіе или были лично знакомы громадѣ и получили отъ нея приглашеніе на приходъ, или были сыновьями или зятями почтенныхъ сосѣднихъ священниковъ, которые могли поручиться за нихъ, какъ за самихъ себя. Предъ такими новичками въ околотѣѣ прикусывали языкъ „родовитые попы“, особенно, если новичекъ сумѣлъ самъ утвердить свой авторитетъ въ приходѣ. Къ послѣдняго рода новичкамъ принадлежали и отецъ, и дѣдъ мой.

Фамильное наше преданіе гласило, что во время „великихъ руинъ“ козаки нашли по дорогѣ во рву однолѣтняго *хлопчика*, совсѣмъ умиравшаго отъ голода. Никто не могъ сказать, чье это дитя и гдѣ дѣвались его отецъ и мать. Козаки взяли съ собой этого *хлопчика*, отходили его и вырастили, предварительно окрестивши его, такъ какъ не были увѣрены, что онъ вращенъ по православному. Вышелъ изъ хлопчика бравый козакъ. Въ мирные годы запорожскіе козави, особенно молодые, расходились по деревнямъ цѣлаго края то для гуляновокъ, то для заработковъ. Въ одну изъ такихъ гуляновокъ молодой козавъ не выдержалъ козацкаго духа и женился. Жена оставалась въ деревнѣ при отцѣ, а онъ часто навѣщалъ ее. Это былъ мой прапрадѣдъ. Прадѣдъ, выросшій въ деревнѣ при семьѣ, не увлекся примѣромъ отца своего и предпочелъ мирную жизнь. Но, гордась своимъ козацкимъ происхожденіемъ, не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ, чтобы не закрѣпиться за ляхомъ—помѣщикомъ, такъ какъ вся земля по правую сторону Днѣпра принадлежала только польской шляхтѣ, и кто получалъ въ пользованіе кусокъ этой земли, тотъ рисковалъ закрѣпить себя за мѣстнымъ *паномъ*. Поэтому прадѣдъ мой, не имѣя постоянного мѣстопребыванія, оставлялъ свою жену и дѣтей у тестя, а самъ ходилъ на Донъ и въ Крымъ, откуда привозилъ и продавалъ по базарамъ рыбу, соль, рожки, фиги. Дѣдъ мой еще въ дѣтствѣ сопутствовалъ своему отцу въ далекихъ поѣздкахъ его и въ торговлѣ по базарамъ, а на всю зиму отправлялся съ нимъ, для прокормленія воловъ, въ степи. Степи-то были тогда привольныя, безконечныя, особенно за Винницей и Немировымъ. Располагайся, гдѣ хочешь, заготовляй сѣна, сколько хочешь. Зимую степи свободны отъ набѣговъ татарскихъ, набиралось тутъ изъ Украины не мало такихъ-же чумаковъ и *воловодовъ* (торговцевъ скотомъ), приготовлявшихъ для себя обширныя землянки, а для скота, на случай стужи, *загороды*. Кочевая, торговая жизнь нуждалась въ грамотности и потому дѣдъ мой въ дѣтствѣ обученъ былъ грамотѣ. Грамотность сближала его съ духовнымъ міромъ, онъ любилъ читать и пѣть на влиросѣ и въ знаніи церковнаго устава могъ спорить съ любымъ дякомъ. Наслѣдовавъ послѣ смерти отца его хозяйство и продолжая вести кочевую жизнь, онъ много разъ подвергался разнымъ несчастіямъ, терялъ все свое походное достояніе, но ни

за что не хотѣлъ прикрѣплять себя къ землѣ. Козацкая кровь и въ немъ отзывалась, волнуясь при напоминаніи о панахъ и уніатахъ. Сильно любилъ онъ мѣста своего рожденія, дѣтства, промысловъ, но не менѣе сильно дорожилъ своей волей и боялся брать землю у помѣщика, чтобы не попасть въ панскія лапы. Долгое время, поэтому, онъ не обзаводился семьей. Наконецъ, напоминаніе о томъ, что уже и старость не за горами, что некому будетъ оставить небольшое свое имущество, рѣшило его участь: на 45 году онъ женился на настоящей невѣстѣ того времени—на тринадцатилѣтней дѣвицѣ. Женитьба однако не много измѣнила образъ жизни его: не жилось ему среди террора, который продолжался по всей югозападной Руси послѣ *Колішчины* и перваго раздѣла Польши, когда вольный православный человѣкъ на каждомъ шагу подвергался оскорбленіямъ и подозрѣніямъ со стороны каждаго шляхтича и каждаго уніатскаго священника. По прежнему дѣдъ мой ѣздилъ на Донъ, по ярмаркамъ. Подходила третья турецкая война. По всей Украинѣ, Волыни и Подольи народъ встрепенулся. „Покончивъ съ туркомъ, *москамі* придуть въ Польшу, и тогда панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ“—шептались между собою крестьяне, дьячки и священники, православные и даже уніаты. У пьяныхъ срывались съ языка похвалбы и угрозы панамъ. Предъ панами всталъ грозный призракъ „Колішчичи“... Начались аресты, паны повсюду зывали: *do broni, panowie!* Православный епископъ (Викторъ Садковскій, только что рукоположенный) арестованъ, даже уніатскій епископъ на Волыни подвергся подозрѣніямъ въ измѣнѣ; множество священниковъ, дьячковъ томились въ тюрьмахъ, не мало изъ нихъ повѣшено; крестьянъ сѣкли, отрѣзывали имъ уши, отрубивали руки, многихъ повѣсили. Въ это время дѣдъ мой исчезъ, никто не зналъ, гдѣ онъ и что съ нимъ, считали его пропавшимъ. Прошло лѣто (1789 г.), прошла и зима, война окончена, русскія войска возвращаются со славою и снова встаютъ надежды русскихъ крестьянъ и духовенства въ Польшѣ. Вдругъ дѣдъ мой является въ семьѣ своей. При крикахъ радости сбѣжавшихся малыхъ дѣтей и родныхъ, онъ гордо вынулъ изъ-за пазухи какую-то бумагу, завернутую въ платокъ, и раскрылъ ее предъ всѣми на столѣ. На толстой бумагѣ было что-то написано, внизу большая печать и подпись. Указывая пальцемъ на подпись, дѣдъ торжественно про-

читаль: „Потемкинъ“. Всѣ разинули рты. „Теперь, прибавилъ дѣдъ, не боюсь ляхівъ, я—русскій дворянинъ“. То дѣйствительно была грамота на дворянство, данная дѣду за какія-то услуги его русскимъ войскамъ, при которыхъ онъ находился неотлучно во все время этого труднаго похода, въ качествѣ маркитанта. Въ чемъ именно состояла услуга дѣда, удостоенная такой награды, это осталось неразъясненнымъ въ потомствѣ. Толковалось про какую-то „кашу съ икрой“ (?), придуманную дѣдомъ для войскъ подъ Очаковымъ и очень понравившуюся Потемкину, про какія-то развѣдки въ турецкомъ станѣ, что очень возможно было со стороны дѣда, знавшаго по татарски и хорошо знакомаго съ татарскими обычаями, въ тому-же крѣпкаго и выносливаго человѣка. Какъ-бы то ни было, но завѣтная грамота долго хранилась въ семьѣ дѣда. Откуда-то появилось убѣжденіе, что изъ всей семьи тотъ только будетъ дворяниномъ, кому дѣдъ предъ смертію вручить эту грамоту. Но дѣдъ умеръ, хотя и въ глубокой старости, внезапно, отъ угара, никому не назначивъ грамоту. Съѣхались на погребеніе дѣти и взрослые внуки дѣда, *честно* похоронили его, а потомъ заспорили, кому должна принадлежать грамота. Долго спорили, стали вырывать другъ у друга злощастную грамоту, ратовала все женская половина. Вдругъ одна изъ внукъ, замужняя, наиболѣе проныкнутая честолюбиемъ, но наименѣе имѣвшая шансовъ на побѣду надъ прочими соперницами, схватила грамоту и—это было въ кухнѣ—швырнула ее въ печь, приговаривая: „нехай-же нікому не достанеця“. Прежде чѣмъ присутствовавшіе пришли въ себя отъ ужаса, отъ грамоты осталась только зола. Никому потомъ и въ голову не приходило добиваться возобновленія грамоты; всѣ были убѣждены, что пропала грамота—пропало и дворянство. Это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ, когда въ краѣ шла повѣрка документовъ на дворянство и огромная масса шляхты, затерявшей свои документы, лишена была дворянства и составила приниженный классъ однодворцевъ. Къ тому-же, южнорусское духовенство подчинено было общимъ имперскимъ законамъ *о духовномъ сословіи*.

„Но мы на прежнее возвратимся“... Ожиданія русскаго народа скоро стали сбываться: въ 1792 году послѣдовалъ второй раздѣлъ Польши, по которому вся Украина, часть Волыни и Подолья присоединены были къ Россіи. Дѣдъ мой съ своей семьей и

родственниками очутился въ чертѣ русскаго государства, подданнымъ *царицы*. Повсюду была радость безмѣрная; казалось, что сейчасъ „панъ станетъ хлопомъ, а хлопъ паномъ“. Прежде всего народъ сталъ изгонять униатскихъ священниковъ. Изъ послѣднихъ многіе принимали православіе, но многія бѣжали въ Бѣлоруссію, гдѣ униатскому духовенству жилось спокойнѣе, или пріючивались по панскимъ дворамъ при домовыхъ *капличкахъ*. Громады озабочены были присваніемъ кандидатовъ на вакантные приходы. Въ это время пріѣхали къ дѣду моему, имѣвшему уже болѣе пятидесяти лѣтъ, посланцы отъ громады, хорошо знавшей его, съ просьбой принять *парафію* ихъ. Послѣ недолгихъ колебаній, дѣдъ теперь рѣшился бросить скитальческую жизнь. Но явилось затрудненіе: селеніе, въ которомъ ему предложена была парафія, принадлежало базилианскому монастырю, находившемуся въ ближайшемъ городѣ и содержавшему извѣстныя въ краѣ школы, привилегіи которыхъ, какъ и другихъ школъ, русское правительство вполнѣ подтвердило. Монастырь владѣлъ въ этомъ селѣ церковію и приходомъ, присылая своихъ монаховъ какъ для управленія имѣніемъ, такъ и для богослуженій. Выжить базилианъ изъ прихода нельзя было, отнять у нихъ церковь трудно. Но всѣ старики живо помнили, что прежде у нихъ было *благочестіе* и священникъ былъ *благочестивый*, а потомъ богатый польскій вельможа, владѣлецъ обширнѣйшихъ имѣній въ краѣ, вызвавъ въ свой городъ базилианъ и устроивъ школы, отдалъ имъ во владѣніе и это село съ церковію, удаливъ *благочестиваго* священника. Прибывъ въ это село, дѣдъ мой увидѣлъ на косякѣ входной церковной двери рѣзную надпись, гласившую о времени построенія „*сею православнаго храма*“. Надпись на одномъ изъ церковныхъ колоколовъ гласила, что онъ пожертвованъ для того-же „*православнаго*“ храма. Недолго думая, громада рѣшила представить эти доказательства о принадлежности храма православному архіерею въ подлинникѣ и просить содѣйствія его къ возвращенію ей этого храма. Снарядили подводы, выломали дверь съ косякомъ, сняли колоколъ, то и другое уложили на подводы, усадили на нихъ моего дѣда и нѣсколько депутатовъ отъ громады и отправили ихъ въ Переяславль къ епископу (епископская кафедра впослѣдствіи перенесена изъ Переяславля въ Полтаву), которому издавна поручено было завѣдывать дѣлами право-

славныхъ въ польской Украйнѣ, части Волыни и Подолья. Доказательства оказались очень вѣскими: ходатаи являлись съ ними и къ архіерею, и въ консисторію, гдѣ всѣ писчики, повѣтчики и члены хототали, глядя, какъ впереди рослый и вѣрбкій дѣдъ мой несъ въ присутствіе семишудовый колоколь, а за нимъ депутаты тащили дверь съ рамой. Всѣ экзамены (на стихарь, на діаконство, на іерейство) дѣдъ сдалъ хорошо и въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прошелъ всѣ степени, отбылъ *обученіе* (практическое упражненіе въ богослуженіи подъ руководствомъ священника, назначеннаго архіереемъ) и вернулся въ свой приходъ, въ которомъ засталъ уже церковь въ рукахъ своихъ прихожанъ. Базиліане совсѣмъ присмирѣли, построили капличку и въ ней совершали свои богослуженія.

Базиліанскій монастырь въ городѣ и при немъ школы существовали до польской революціи 1831 года. До этого-же года оставалось во владѣніи монастыря и село, составлявшее приходъ моего дѣда¹⁾. Такимъ образомъ дѣдъ мой, жившій до 1837 года, постоянно имѣлъ сосѣдями базиліанскихъ монаховъ—управителей имѣнія, которые не могли равнодушно вспоминать о своемъ владѣніи церковію и приходомъ, о быломъ господствѣ уніи въ краѣ. Однако дѣдъ мой былъ человѣкъ миролюбивый и жилъ въ пріязни съ базиліанами, которые теперь не могли и думать объ интригахъ въ средѣ прихожанъ. Ссоры были рѣдки, совершенно домашняго свойства; обѣ стороны сору изъ избы не выносили и дружба продолжалась неизмѣнно. Зайдетъ бывало дѣдъ къ базиліанамъ отъ скуки побесѣдовать, или они зайдутъ къ нему. Приемъ, конечно, бываетъ по-хозяйски, по-сосѣдски. Выпьютъ по одной—любовно поговорятъ, по другой—повеселятъ, по третьей, четвертой—и разговоръ склоняется къ воспоминаніямъ о прошломъ, представлявшемъ теперь такую огромную разницу для обѣихъ сторонъ. Чарка продолжаетъ переходить изъ рукъ въ руки, жгучая боль поднимается въ сердцѣ

¹⁾ Въ 1831 г. огромныя владѣнія польскаго магната, за дѣятельное участіе его въ революціи, конфискованы. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, они составили особый отдѣлъ югозападныхъ военныхъ поселеній. Село, составлявшее приходъ моего дѣда, тогда-же уничтожено, жители разселены по сосѣднимъ селамъ, а усадьбы ихъ обращены въ пахатныя поля.

базиліанъ, злорадство подмываетъ дѣда. На сцену являються вопросы о папѣ, о схизмѣ, объ исхожденіи св. Духа, о чистилищѣ... Простакі были управители-базиліане, не былъ богословомъ и дѣдъ мой; споры держались все на разсказахъ, басняхъ, острогахъ, крѣпкихъ словахъ: стороны все разгорячались, и обыкновенно ованчивалось тѣмъ, что унія и православіе бросались другъ на друга, и началась потасовка. Обыкновенно побѣда оставалась на сторонѣ православія, потому что крѣпкій дѣдъ мой легко справлялся съ двумя базиліанами. Но однажды сильно досталось дѣду. Приѣхали изъ города для отдыха базиліане-профессоры. Дѣдъ стушевался: „ученые“... и не ходилъ къ базиліанамъ. Взяло однако дѣда любопытство посмотрѣть, послушать „ученыхъ“ и, какъ ни крѣпился, зашелъ въ *плеканію*. Конечно, приняли по старому, по-хозяйски. „Ученые“ пили одинаково съ неучеными, сыпали латинскими фразами, высокомѣрно относились къ дѣду. Какъ ни обидны были замѣчанія „ученыхъ профессоровъ“, но дѣдъ чувствовалъ полное свое безсиліе предъ ними на словахъ. Съ каждой чаркой нетерпѣніе его возрастало, руки чесались. Наконецъ, послѣ многихъ уже чарокъ, едва произнесъ одинъ изъ профессоровъ: „*ta przeklęta schizma*“, какъ дѣдъ ринулся на него и, ну!—тузить его, приговаривая: „ото тобі шизма, ото тобі папа“... Увы, кончилось тѣмъ, что базиліане еле живымъ привезли дѣда въ домъ его, гдѣ онъ долгое время отлеживался. Крѣпкая натура перенесла неожиданную катастрофу; у дѣда и у перепуганныхъ базиліанъ поубавилась охота къ богословскимъ спорамъ. Совсѣмъ уже старѣясь, дѣдъ, давно уже овдовѣвшій и выдавшій замужъ трехъ дочерей своихъ, взялъ старшаго сына своего изъ *риторики*, добылъ ему діакопскій санъ и поселилъ въ собственномъ домѣ, отдавъ при этомъ въ пользованіе его все свое хозяйство, какъ наслѣднику прихода, а вскорѣ совсѣмъ передалъ ему приходъ, оставаясь однако верховнымъ судьей въ домѣ и въ приходѣ до самой смерти своей. Умеръ мой дѣдъ въ томъ-же приходѣ предъ самымъ закрытіемъ его и уничтоженіемъ села, въ 1837 году, на 96 году жизни. Это былъ величественный патріархъ для своего рода, въ которомъ онъ видѣлъ много внуковъ и правнуковъ. Ничто въ этомъ родѣ не предпринималось безъ предварительнаго разрѣшенія его, слово его было для всѣхъ членовъ рода точно глаголъ Божій...

Отецъ мой родился въ 1798 году и былъ „мизинцемъ“ въ семьѣ своего отца, т. е. наименьшимъ, послѣднимъ дитятей. Спусти нѣсколько лѣтъ послѣ его рожденія, мать его умерла, и „мизинцу“ досталась горькая доля общаго „попыхача“ въ семьѣ, о нуждахъ котораго никто при томъ не заботился. Сестры одна по другой выходили замужъ, забирая въ приданое, что было лучшаго въ хозяйствѣ; наконецъ, все хозяйство перешло въ руки старшаго брата—діакона. Отецъ мой выросталъ какъ-бы на хлѣбахъ у брата и жилъ въ семьѣ, по любимому выраженію его, *аки оранъ на нырици*. Отецъ его уже не имѣлъ средствъ отдать его въ школы и довести его хотя-бы до *риторики*, подобно старшему брату. За то его отдали въ науку къ знаменитому тогда въ обширномъ околоткѣ дяку Яну. Этотъ Янъ считался на большомъ районѣ приходоѡвъ знаменитостью, дячковскимъ геніемъ. Цѣлыя поколѣнія священниковъ и дяковъ воспиталъ онъ въ большомъ числѣ приходоѡвъ; его метода славилась особеннымъ духомъ, тономъ, выдержкою. Еще на моей памяти говаривали о какомъ-либо священникѣ, отличавшемся достоинствами чтенія, служенія: „а, онъ учился у Яна!“ Во дни первой моей юности Янъ былъ въ средѣ духовенства какимъ-то идеомъ, идеаломъ дява, богомъ клироса. Рассказывали, что даже опытные въ богослуженіи священники, бывшіе ученики его, трусили, когда во время служенія ихъ вдругъ появлялся на клиросѣ Янъ, прибывшій на „храмъ“, или просто провѣдать бывшаго питомца. Не дай Богъ священнику сдѣлать ошибку въ чтеніи и служеніи или повести себя вало, нарушить *Яновскій* тонъ и таетъ,—Янъ безъ церемоніи тутъ-же могъ громко замѣтить: „э-э, мало я тебе за уха танувъ!“—или-же просто назвать *дурнемъ*. Никому и въ голову не приходило аппелировать на критику Яна, всякій считалъ за лучшее смириться, принять отзывъ его за шутку, иначе отзывъ ложился на него клеймомъ. Отецъ мой зналъ всѣ мѣстные налѣвы, владѣлъ обширнымъ теноромъ, слылъ превосходнымъ (по мѣстному, тогдашнему) пѣвцемъ, любилъ и хорошо зналъ церковную службу, во время богослуженія держалъ себя съ большою смѣлостью и свободою дѣйствій и всегда утверждалъ, что всѣми своими достоинствами онъ обязанъ Яну. Несложная дячковская наука у Яна получала разнообразныя формы, дрессировавшія умъ и характеръ, и распространявшіяся на все поведеніе дява-діакона-священника при

богослуженіи. Канва этой науки, на которой тогдашніе дьяки выводили свои узоры, была слѣдующая: обученіе чтенію и письму, чтеніе и пѣніе на влиросѣ, прислуживаніе въ олтарѣ священнику, хожденіе съ причтомъ по требамъ. Изъ разсказовъ отца можно было составить понятіе о тѣхъ узорахъ, которые Янъ выводилъ на этой канвѣ. 1) Чтеніе должно быть громкое, отчетливое, выразительное, пѣвучее въ *апостолахъ* и *парамеяхъ*, ровное, какъ струна, во всемъ прочемъ. Заставивъ адепта читать на влиросѣ, онъ постоянно покрикивалъ на него: „голоснѣше, не бѣжи такъ (медленнѣе), крѣпче выговляй“ (отчетливѣе). Совралъ что-нибудь чтець, Янъ останавливалъ его, заставлялъ повторять то-же слово, а за видимо разсѣянное ученіе тутъ-же бралъ чтеца „за чубъ“, причемъ тотъ долженъ былъ стойко выдерживать наказаніе, не прерывая чтенія. Если Янъ хотѣлъ кого-либо изъ учениковъ выслать на средину церкви для чтенія *апостола*, то предварительно дома самъ показывалъ ему и позу во время чтенія, и мѣста передышекъ, повышений и понижений голоса, тонъ, темпъ, финальный мотивъ и наконецъ повлонъ на три стороны,—нѣсколько разъ экзаменовалъ, поправлялъ, наказывалъ... 2) При пѣніи Янъ строго требовалъ смотрѣть „до Бога“, т. е. вверхъ, что и самъ строго соблюдалъ. Можетъ быть отъ этого нехитраго приѣма обученія произошло то, что отецъ мой до самой смерти своей при пѣніи вскидывалъ очи и голову вверхъ и всегда пѣлъ съ глубокимъ чувствомъ, часто со слезами. Въ кругъ пѣнія входили не одни церковныя пѣсни, гласы, ирмосы подобныя и т. д., но и разнообразныя домашнія духовныя пѣсни, которыхъ отецъ мой усвоилъ немало. 3) На домъ приносились всякія богослужебныя книги, по которымъ *школяръ* обязанъ былъ подыскать и „затвердить“ всѣ тропари, кондаки, стихиры, сѣдальны, канонъ и проч., что требовалось по уставу для наступающаго богослужебнаго дня: недѣли, святаго, праздника, поста и под. 4) Отправляясь на службу въ дома прихожанъ, Янъ бралъ съ собою *школарей*, требовалъ отъ нихъ держать себя здѣсь чинно, стоять во время чтенія и пѣнія, выдвинувъ одну ногу впередъ, „съ повагой“, умѣть повлориться, привѣтствовать хозяина, отвѣтить изреченіемъ изъ псалтыри и т. п. 5) Послѣ богослуженія, дома, Янъ дѣлалъ предъ своими *школярами* (старшими) отзывы о поведеніи священника въ церкви—какъ онъ читалъ, кадилъ, держалъ чашу, благословлялъ, раздавалъ антидоръ

и т. п., показывалъ, какъ-бы онъ все это дѣлалъ, какъ дѣлаютъ это другіе священники и т. д. При всемъ своемъ дарѣ, почетѣ и завидной славѣ, Янъ никогда не искалъ ни священства, ни діаконства, былъ поэтѣмъ, обожателемъ своей профессіи, умеръ въ глубокой старости тѣмъ-же дякомъ. Но и у Яна, какъ педагога, былъ одинъ недостатокъ, притомъ очень крупный, хотя и мало замѣченный современниками его, именно—онъ твердо писалъ, только *по старому*, т. е. уставомъ и полууставомъ, и не могъ хорошо обучить своихъ учениковъ „новому“ письму, т. е. скорописи. Не диво, въ теченіе восемнадцатаго вѣка православные причты Украйны, Подолья и Волыни, управляемые изъ-за кордона (Переяславля), свободные отъ личнаго надзора и руководства епархіальной власти, притомъ часто разгоняемые уніатами и надолго превращавшіеся въ частныхъ лицъ, не видѣли нужды и возможности въ правильной отчетности предъ громадою. Даже метрики не могли быть ведены ими исправно, а это были едвали не единственные документы, требовавшіе отъ причта умѣнья писать. Писались онѣ почти всюду полууставомъ, замѣтками то на церковныхъ книгахъ, то на клочкахъ бумаги, рѣдко въ особыхъ книгахъ. Записи были несложныя: „у Василя Козака родился сынъ, нареченъ Иванъ. Крестилъ и муромъ св. помазалъ іерей NN“; или: „N дня и мѣсяца умре (пре-ставился, скончалъ житіе) Омелько Довгій“. Правильныя записи и отчетность стали обязательными только съ 1792 года. Но еще на моей памяти дяки-искусники въ письмѣ были рѣдки: метрическія записи велись на клочкахъ бумаги. Подходить время отчетности—привозятъ со стороны дяка-писаку, тотъ впишетъ все по порядку въ книги, разыщетъ по селу пропущенные случаи крещенія, брака, смерти, составитъ вѣдомости и т. п. Такимъ образомъ Янъ, выросшій и окрѣпшій въ цѣломъ своемъ строѣ во времена Польши, впоследствии до самой смерти своей могъ не видѣть надобности для дяка и священника *въ новомъ письмѣ*, скорописи. Отецъ мой, свято чтившій науку Яна во всѣхъ ея подробностяхъ, такъ и остался при полууставѣ и до смерти своей не могъ твердо выводить буквъ *по новому*.

Разъ Янъ сказалъ отцу моему: „шукай собі долі, зъ тебе буде добрый дякъ“. Это было тогда для молодаго человѣка аттестатомъ зрѣлости. Не захотѣлъ отецъ оставаться въ дякахъ при

братѣ, тогда уже священникѣ: поклонился отцу своему въ ноги, получилъ отъ него благословеніе и пошелъ искать доли межъ людей. На первый разъ однако онъ присталъ у одного изъ своихъ зятѣй - священниковѣ. Но здѣсь вмѣсто дьячковаства онъ нашелъ долю *наймита*, да еще дароваго. Зять, по давнимъ уніатскимъ эреціямъ, пользовался большими земельными угодьями, велъ обширное хозяйство, посылалъ свою пшеницу прямо въ Одессу; вмѣсто любимаго клироса, отцу пришлось постоянно работать на поляхъ, при домѣ, проводить долгіе дни въ *чумачкѣ*, наравнѣ съ прочими наймитами зятя. Бросилъ отецъ этого зятя, пошелъ къ другому, имѣвшему скромное хозяйство. Тутъ стало легче, и отецъ сталъ часто показывать искусство свое на клиросѣ и на требохъ, въ качествѣ *поддячего* при старомъ дякѣ. Прихожане полюбили голосистаго поддячего и назначили ему опредѣленные приношенія за службу, такъ что отецъ уже былъ ни отъ кого независимъ въ одежѣ, даже въ пищѣ, сталъ „выбиваться на дорогу“. Но такое положеніе не могло долго служить: 1) въ компаніяхъ настоящіе дяки относились къ нему пренебрежительно, какъ незрѣлому, будто читающему еще по складамъ, и звали его: „эй, ты, покой-он-по добро-я-дя чер-і-чі й“ (поддячій), или сокращенно: „поко-он-по добро-я-дя“, что еще болѣе казалось обиднымъ, такъ какъ заключало въ себѣ намекъ, будто онъ не умѣетъ сложить слова до конца; 2) какъ ни любили его прихожане, но при размолвѣхъ могли сказать ему: „иди себѣ на всѣ четыре стороны“. О дьячествѣ рано еще и мечтать, совсѣмъ не тѣ времена стали! Нужно было или приобрести реноме въ околотѣхъ, чтобъ выбрали въ дяки, или добиться посвященія въ стихарь. Стихарь, архіерейская грамота давали тогда имя; предъ ними прикусывали языкъ самые главные дяки. Задался отецъ мой честолюбіемъ, потерпѣлъ еще съ годъ, заручился *одобрениемъ* отъ прихожанъ въ качествѣ поддячего и пошелъ въ далекій епархіальный городъ попробовать счастья.

Черезъ недѣлю пути пѣшкомъ, предъ глазами отца выросъ дивный городъ съ множествомъ золотоглавыхъ церквей. Но только въ городѣ сообразилъ онъ, что у него въ карманѣ всего нѣсколько пятаконъ, а между тѣмъ нужно здѣсь жить, въ консисторіи, что ни ступишь—плати... Но попробовать, не возвращаться же назадъ! Нѣсколько дней онъ перебивался по монастырскимъ дворамъ, гдѣ

вольно было всякому богомольцу располагаться на обширномъ дворѣ для отдыха и ночлега. *Слымаки* (послушники)—свой народъ, пускали голосистаго поддячего къ себѣ переночевать въ непогоду; на кухнѣ всегда можно было поживиться, даже попасть съ братіей въ трапезу. Но въ консисторіи—ни приступу! Уже и прошеніе написано услужливымъ и опытнымъ слымакомъ, подано архіерею... Но какъ узнать резолюцію? Долгія ожиданія въ сѣняхъ консисторіи, поклонны проходившимъ тутъ чинамъ, просьбы съ приговариваніемъ: „явите милость, я бідный, гроша не маю за душою“... ни къ чему не приводили, *писчики* и *канцеляристы* оставались нѣмы и глухи. Рѣшился отецъ пойти къ *повітчику* на домъ. „Явите милость, я бідный“... Выслушавъ просьбу, повітчикъ кивнулъ сторожа и велѣлъ назначить просителю работу. Началь отецъ мой чистить дворъ, лошадь, конюшню повітчиба, копаться въ огородѣ его, ходить за повітчицей съ корзиной на базаръ и т. п. Такъ прошла недѣля; отецъ рѣшился напомнить о своей просьбѣ, но услышалъ въ отвѣтъ: „якій скорый... послужи еще“... Прошла еще недѣля, прошла и другая—и конца не видно выслугѣ! Дерзнулъ отецъ мой бросить повітчика и пойти къ самому секретарю. Тутъ тотъ-же приѣмъ, только работы стало больше. Узналъ отецъ, что ректоромъ мѣстной бурсы состоитъ архимандритъ, однофамилецъ его. „Не родственникъ-ли далекій? Попытать счастья“. Но архимандритъ о родствѣ не заговаривалъ, дозволилъ отцу ночевать на сѣновалѣ и кормиться на бурсацкой кухнѣ, а о дѣлѣ сказалъ: „самъ хлопочи“. Два мѣсяца бился отецъ, не вѣдая, съ какой стороны подступить къ дѣлу удачно. Хотѣлъ уже поступить въ монастырь, въ которомъ такое чудное пѣніе было, да влеченіе къ роднымъ мѣстамъ взяло перевѣсъ надъ случайнымъ аскетическимъ порывомъ. Но вотъ однажды досидѣлся онъ подъ консисторіей на травѣ до вечера; на каедральной колокольнѣ ударилъ благовѣсть къ вечерни... Отцу вдругъ захотѣлось пробраться въ домовую архіерейскую церковь. Вошелъ... все ближе и ближе сталъ подвигаться къ клиросу, смѣлѣе и смѣлѣе подпѣвать, наконецъ очутился рядомъ съ дьячками и запѣлъ полнымъ своимъ, звучнымъ и гибкимъ, голосомъ... читалъ каѳизмы, стихиры... Понравилось ему здѣсь, на другой день онъ отправился сюда на литургію, читалъ часы, пѣлъ и выпросилъ позволеніе прочитать апостола. „И вшеваривъ-же тоді апостола“, въ простотѣ души

выражался отецъ мой, часто поминая про этотъ случай, имѣнный рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую его карьеру. На югѣ Руси, въ епархіальныхъ городахъ, только со времени посѣщенія импер. Еватериною II Кіева, начало прививаться чтеніе апостола и евангелія басомъ, начиная съ октавы и постепенно восходя до *nes plus ultra* басовой ноты. Это обычай—развившійся исключительно на сѣверѣ Руси, безъ сомнѣнія, благодаря суровому климату, и доселѣ нигдѣ, кромѣ Россіи, не существующій. Въ описываемое нами время и на югѣ Россіи стало уже чуть не закономъ, чтобы протодіаконъ былъ самый, что ни есть, свирѣпый басъ, отъ котораго стѣны дрожали-бы. Мѣстные діавоны и даже дяки уже увлекались этимъ мнимымъ величіемъ чтенія и, подобранные великорусскими купцами, переселявшимися въ южнорусскіе города, старались копировать своего протодіакона. Но въ деревняхъ оставался во всей неприкосновенности древній, принятый отъ грековъ обычай чтенія апостола и евангелія на распѣвъ. Греческія особенности его (чтеніе въ носъ, съ трелями и руладами), доселѣ господствующія въ православныхъ церквахъ Греціи, Сиріи, Болгаріи и Сербіи, на югѣ Руси измѣнены сообразно духу народному и излюбленнымъ его мотивамъ. Чтеніе держалось здѣсь на среднемъ теноровомъ *do*, повышаясь по мѣстамъ не болѣе, какъ на одну ноту, и понижаясь не болѣе, какъ на три ноты; все искусство состоитъ въ переходахъ отъ одной ноты къ другой; звуки должны идти мѣрно, плавно. Мнѣ, уже послѣ моего ознакомленія съ разными способами церковнаго чтенія и съ церковными напѣвами и партесами, всегда казалось въ этомъ чтеніи, какъ и въ пѣніи южнорусскомъ, что-то наболѣвшее, просительное, плачущее. Вся исторія южной Руси отражалась въ немъ. Грубо заблуждаются тѣ изъ нашихъ ревнителей чистоты православія, которые производятъ южнорусское церковное чтеніе и пѣніе изъ католическихъ востеловъ. Отецъ мой, рѣшившись отличиться при такомъ особенномъ случаѣ, предъ архіерейскими дьячками, призвалъ все свое искусство, вспомнилъ всѣ завѣты Яна; молодой, звучный голосъ его рѣвой разливался подъ сводами уютнаго храма. Когда онъ окончилъ чтеніе и, закрывъ книгу, глядя „до Бога“, выводилъ мотивы послѣдняго слова, вдругъ за стекляною дверью, направо у олтаря, приподнялась занавѣска и появился архіерейскій ликъ... Глянулъ отецъ на дверь, такъ и оборвался и едва дошелъ до кн-

роса отъ страху. Тогдашній архіерей былъ изъ малороссовъ и, хотя держалъ протодіакона, знаменитаго тогда въ южной Россіи баса, однако очень любилъ старинное деревенское чтеніе и пѣніе. Когда окончилась литургія, стеклянная дверь распахнулась, на порогѣ появился архіерей; всѣ по обыкновенію подходили къ нему за благословеніемъ. Подошелъ и отецъ мой и палъ ему въ ноги. „Кто ты, откуда?“—спросилъ архіерей. Такъ и такъ, едва помня себя отъ страху, рассказалъ отецъ мой. „Хорошо ты читаешь и поешь; готовься на слѣдующее служеніе мое къ стихарю“, сказалъ архіерей и прибавилъ, обращаясь къ стоявшему тутъ-же монаху: „скажи, чтобы для него все было готово“... Обыкновенно, когда отецъ мой вспоминалъ этотъ случай, голосъ его на этомъ мѣстѣ прерывался и на глазахъ появлялись слезы...

Дальнѣйшая карьера отца пошла какъ по маслу. Тотчасъ онъ нашелъ себѣ дьячковское мѣсто и зажилъ припѣваючи. Онъ любилъ поминать золотое время своей молодости въ званіи *стихарнаго дьяка*. Стихарный дьякъ, молодой и пѣвецъ, былъ настоящимъ львомъ въ тогдашнемъ русскомъ деревенскомъ обществѣ. Въ это время едва только намѣченъ былъ планъ перемѣны въ цѣломъ положеніи южнорусскаго духовенства. Въ 1819 году кіево-могилянская академія, бывшая дотолѣ всесословнымъ учрежденіемъ, заключившимъ въ себѣ по тогдашнему полный кругъ образованія, преобразована въ учрежденіе сословное, духовное, и распалась на три учебныя заведенія, составлявшія три степени духовнаго образованія: *бурсу* или низшее училище—для приготовленія причетниковъ и кандидатовъ для дальнѣйшаго образованія, *семинарію*—для приготовленія священниковъ и *академію* для высшаго духовнаго образованія. Реформа имѣла въ виду измѣнить старыя бытовые отношенія въ духовенствѣ и надѣлить всѣ приходы образованными священниками, болѣе свѣдущими діаконами и причетниками, предоставивъ архіереямъ назначать ихъ по своему усмотрѣнію, а не по выбору невѣжественной громады. Подъ вліяніемъ идей XVIII вѣка объ абсолютной силѣ просвѣщенія и абсолютномъ вредѣ невѣжества, которое воплощала въ себѣ „чернь непросвѣщенна“, забыта была необходимость нравственной связи священника съ приходомъ, забыты были историческія, народныя начала, нарушеніе которыхъ ведетъ за собою разобщеніе и нравственное безсиліе самого про-

свѣщенія,—не вѣдалось, что радикализмъ въ особенности вредно отзывается на религіозной нравственности. Но въ описываемое нами время планъ былъ только поставленъ, въ деревняхъ совершенно не знали о немъ, старыя отношенія продолжали здѣсь царить съ полнымъ своимъ авторитетомъ. Дьячкамъ не было еще соперниковъ въ лицѣ „богослововъ“. Никогда не были серьезными соперниками ихъ тѣ немногіе „латынщики“, которые дошли въ академіи (потомъ въ бурсѣ) до *инфимы*, *грамматики* и даже *риторики*, потому что они, принадлежа къ неуспѣвающимъ ученикамъ и проводя въ академіи время въ совершенной праздности, приносили съ собою въ деревню только полное ничегонезнаѣство и дурныя нравственныя качества и справедливо подвергались злымъ насмѣшкамъ въ кругу дьяковъ. Про нихъ сложено было не мало куплетовъ, въ родѣ напр. слѣдующихъ, которые и я въ раннемъ дѣтствѣ распѣвалъ:

Бувъ Грицько мудрый,
 Родомъ зъ Коломиі,
 Вчився винъ добре на філософіи:
 Въ шестнадцять лѣтъ письмо мимривъ,
 Та все по латыни ливривъ... (отъ *liber*, книга)
 А на семнадцатимъ перѣчитомъ
 Всю псалтырку винъ знавъ...

Не было соперниковъ дьякамъ-кавалерамъ и со стороны другихъ слоевъ населенія. То была странная, сказочная пора. На русской землѣ, въ русской державѣ русскій народъ непосредственно и почти безконтрольно владѣемъ, судимъ и рядимъ былъ пришельцами особаго племени, враждебнаго всему русскому. Польскіе вельможи, паны, *панки* и *підпанки*, составляли господствующій классъ въ краѣ, все интеллигентное, чиновное, строго отдѣлявшее себя отъ остальнаго населенія, съ которыми у него ничего не было общаго. Тѣмъ крѣпче жались другъ къ другу оба тогдашніе классы русскаго населенія, духовенство и крестьянство, представляя собою особый міръ въ краѣ, особую самодовольную общественность. Главный тонъ въ этой общественности давали священники и почетнѣйшіе въ приходахъ хозяева, жены и дочери тѣхъ и другихъ, а соль этой общественности, цвѣтъ молодежи ея составляли дьяки и поповичи—наслѣдники приходовъ, лучшіе женихи.

Сезонъ веселій въ тогдашней украинской деревнѣ — осень, точнѣе время отъ *Преображенія Господня* (6-го авг.), когда оканчивалась косовица и жатва, поспѣвали фрукты въ садахъ и въ огородахъ, значить начиналось въ домахъ обиліе благъ земныхъ, и до *зимняю Николая* (6 декабря), когда наконецъ необходимо было перестать продавать и расточать, но подумать о сбереженіи продуктовъ для новаго посѣва и о прокормленіи семьи и скота до слѣдующей жатвы. На это время доселѣ припадаютъ въ южно-русскихъ приходахъ всѣ храмовые праздники, всѣ свадьбы, поминки и т. п. Самымъ торжественнымъ случаемъ въ приходѣ былъ храмовой день. Вся околица приходила въ этотъ день въ движеніе, все званное и незванное ѣхало и шло „на храмъ“, у каждаго хозяина въ приходѣ были свои гости. Къ литургіи съѣзжались сосѣдніе и дальніе священники, дяки и поддьячіе, такая голосистая служба бывала въ приходѣ только разъ въ году, и мой отецъ въ такихъ случаяхъ бывалъ самымъ желаннымъ въ околицѣ гостемъ на клиросѣ. Невдали отъ церкви, на открытомъ воздухѣ, въ цѣломъ рядѣ выкопанныхъ въ землѣ печей первыя хозяйки въ приходѣ готовили громадскій обѣдъ. Разставлялись столы, со всѣхъ хатъ сносились миски, ложки, и тотчасъ послѣ литургіи за столы садились попы, дяки, почетные хозяева, свои и пріѣзжіе, прочіе группами располагались на травѣ — громада *честно* принимала всѣхъ своихъ гостей. Во время обѣда дяки и попы часто вставляли съ своихъ мѣстъ, за ними и вся громада, и пѣли то тропарь храмовому празднику, то „*Покой, Спасе нашъ, съ праведными*“...—въ память умершихъ въ приходѣ, а въ заключеніе—*Со души праведныхъ и спъчную память*. Послѣ обѣда, хозяева запрашивали къ себѣ пріѣзжихъ гостей, изъ коихъ каждый находилъ пріютъ и угощеніе до слѣдующаго дня. Всѣ пріѣзжіе священники и дяки, многіе изъ почетныхъ хозяевъ, предоставивъ женамъ и сыновьямъ принимать своихъ гостей, шли къ мѣстному священнику. Располагались въ комнатахъ, на *призбѣ* подь *стрихою*, въ саду и гдѣ попало. Всѣмъ разносилось вдоволь яствія и питія. Молодежь обыкновенно тянуло въ кухню, гдѣ свои и пріѣзжіе поповны и дочери дяковъ сутились по хозяйству, то для порядка, то для вида. Тутъ располагался и амуръ съ своими стрѣлами. Молодые дяки и поповичи помогали паннамъ лѣпить вареники, *скубать* куръ, подать, принести, выне-

сти, приче́мъ сыпали поговорками, намеками, изрече́ніями изъ пса-тыри и под., живое веселіе не прерывалось, сердца пламенѣли. А между тѣмъ въ *покояхъ* и за *покоями* шель оживленный говоръ, изъ рукъ въ руки непрерывно ходили чарки съ *варенухой*, медомъ, вишневкой, сливянкой и т. п., попадаѣи то тамъ, то самъ тихо заводили унылыя пѣсни. Вдругъ хозяинъ или благочинный закричитъ въ дверяхъ: „эй, паны-дяки, панычи“... и тѣ уже знаютъ, зачѣмъ зовуть ихъ. Всѣ дяки располагались у порога, къ нимъ присоеди-нялись всѣ, кто хорошо пѣлъ, всѣ вставали, какъ-бы ни были пьяны, у око́въ толпились гости, располагавшіеся на дворѣ, изъ со-сѣдней комнаты выглядывали панны—поповны. Авторитетный пѣ-вецъ зачиналъ—непремѣнно: *Хвалите Господа съ небесъ...* Изстари это была начальная пѣснь. За нею непосредственно шла также печальная духовная пѣснь—произведенія школьнаго:

Излій на мя, Боже, со небесе росу,
 Да сему пѣнію начало принесу.
 Туга мнѣ зѣла и сердце снѣдаетъ,
 Аки мечемъ обоюднымъ сквозѣ пробождаетъ.
 Ахъ, уподоблюся вранови ноцному,
 День и ноць во грѣсѣхъ (?) пребывающему...

И т. д.

Шли затѣмъ другія подобныя пѣсни, излюбленные грустные мотивы разнообразились, глубже и глубже отзывались въ душѣ. Гости молча слушали, подпѣвали, кто свѣсилъ голову, кто утиралъ слезы... „Призри на насъ, Боже, со святыхъ высотъ, дай утіху сирымъ отъ своихъ щедротъ“... полились одушевленные плачущіе звуки! При словахъ: „сиріткамъ маленькимъ, вдовицамъ убогимъ“... громко начинали рыдать вдовы и вдовцы, за ними всѣ женщины, у самыхъ стойкихъ выступали на глазахъ слезы, всякій вспоминалъ своего отца, мать, умершихъ дѣтей и родныхъ, всякому начинало казаться, что и онъ сирота. А пѣніе разливалось какъ рѣка и за-ливало душу мотивами историческаго горя! „Буде вже, годі“—кричалъ невыдерживавшій тоски хозяинъ—„дай намъ, Боже, весе-лыми та здоровыми бути“, и снова начиналось чествованіе, чарки ходили изъ рукъ въ руки, измученные нервы быстро переходили въ противоположное состояніе, начинался смѣхъ, веселіе...

Отецъ мой также считалъ себя тогда сиротою, выросшимъ въ бѣдѣ и горѣ. Тутъ-то давалъ себя всѣмъ чувствовать его обширный голосъ, сиротское чувство проникало его огнемъ, и онъ тогда рѣшительно покорялъ себѣ сердца поповенъ и участіе попадей. На одномъ изъ такихъ праздниковъ общимъ голосомъ порѣшили дать ему въ невѣсты поповну, дочь мѣстнаго священника, которая сильно занимала его и, не смотря на тринадцатилѣтній возрастъ, слыла первой пѣвуньей въ околотѣ. Скоро за симъ состоялась и свадьба. Это было въ 1821 году.

Живые, веселые, любившіе общество, обою пѣвцы, молодые супруги плохіе были хозяева. Пошли и дѣти, получилъ отецъ и діаконскій санъ (1824 г.), по душѣ пришелся новой громадѣ, мирно жилъ съ священникомъ, кидался на промыслы, много работалъ, а достатка не было. Отецъ мой никогда до самой смерти своей не выпивалъ рюмки водки самъ-на-самъ и ненавидѣлъ такихъ людей, хотя-бы пьющихъ *стомаха ради*. Но отъ компаніи онъ не отставалъ и для друга-пріятеля готовъ былъ и послѣднее отдать. Мать любила общество,—поговорить, попѣть, потанцовать, угостить варенухой, которую она хорошо приготавливала. Причина недостатка въ домѣ была такимъ образомъ ясна, только не для самихъ хозяевъ, которые, продолжая то предаваться житейской поэзіи, то горевать, напрягать силы, ждали завѣтнаго тридцатилѣтія жизни отца, какъ избавленія отъ всѣхъ бѣдствій. По церковнымъ канонамъ, никто не можетъ получить священническаго сана раньше тридцатилѣтняго возраста; исключеніе сдѣлано у насъ только для получившихъ богословское образованіе. Счастье улыбнулось горемыкамъ - супругамъ: едва минуло отцу тридцать лѣтъ, какъ умираетъ священникъ—ближайшій сосѣдъ тестя его, не оставивъ послѣ себя наслѣдника прихода. Тесть, хорошо знакомый въ этомъ приходѣ, тотчасъ вызвалъ зятя и съ нимъ явился къ громадѣ. Громада въ это время убирала въ стоги помѣщичье сѣно. На сѣнокося происходила первая рекомендація. Чтобы рельефнѣе показать достоинства зятя—кандидата, тесть просилъ у громады позволенія прослужить съ нимъ въ мѣстной церкви вечерню, утреню и литургію. Служеніе отлично зарекомендовало отца предъ громадою. Соперниковъ у него не было, потому что не могъ-же считаться соперникомъ хриплый и вялый сосѣдній діаконъ и другой, священникъ,

извѣстный въ околотѣ своимъ неспокойнымъ характеромъ. По литургии громада приглашена была во дворъ покойнаго священника для постановленія окончательнаго рѣшенія. Тутъ конечно ожидало громаду угощеніе на счетъ просителя. Тутъ-же производилось и испытаніе житейскихъ достоинствъ кандидата: умѣеть-ли онъ почитать хозяина, поговорить по душѣ, не драчунъ-ли въ пьяномъ видѣ и т. п. Послѣ сего уговаривались о платѣ за требы. На этомъ пунктѣ отецъ мой сдѣлалъ промахъ: „що ласка ваша, громада,—кто якъ може“, отвѣтилъ отецъ на вопросъ о количествѣ платы. Громадѣ отвѣтъ очень понравился, но въ послѣдствіи отецъ не разъ сожалѣлъ объ этомъ, такъ какъ отъ этой неопредѣленности возникало немало недоразумѣній для обѣихъ сторонъ и прихожане сами часто тяготились невѣдѣніемъ, что дать священнику за трудъ, чтобы и себя и его не обидѣть. Какъ-бы то ни было, составлено было *одобреніе*, съ которымъ отецъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ хозяевъ, отправился въ мѣстному помѣщику. Старикъ и простакъ панъ ласково принялъ отца, вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи содержателя корчемъ и мельницъ въ его имѣніи и фактора по дѣламъ его, еврея Азриля, принялъ одобреніе, подписалъ его и вручилъ отцу, сказавши: „jak będziesz dobrym, to i tobie będzie dobrze“ и затѣмъ даже выслалъ отцу рюмку водки, которую тотъ почтительно выпилъ за здоровье пана.

Съ *одобреніемъ* въ карманѣ, засвидѣтельствованнымъ и благочиннымъ, отецъ на радости продалъ послѣднее добро и отправился въ епархіальный городъ. Здѣсь все окончилось успѣшно. Но митарства, которыя прошелъ онъ въ консисторіи и въ каедральномъ соборѣ—отъ подачи прошенія до экзамена, отъ экзамена до рукоположенія, отъ рукоположенія до полученія ставленнической грамоты—такъ подѣйствовали на его впечатлительную натуру, что потомъ въ теченіе двадцати-семилѣтняго служенія своего онъ ни одного разу не былъ въ консисторіи и только два раза былъ у архіерея (оба раза неудачно), и то подъ конецъ жизни своей.

Посвященіе отецъ получилъ 4 августа 1828 г. — день свято чтимый имъ ежегодно, а къ храмовому празднику (8 сент.) онъ уже былъ въ своемъ приходѣ. Служеніе отца въ церкви очень понравилось громадѣ. Въ тотъ-же день полились приношенія: кто дарилъ яловку, бычка, овцу, свинью, кто курицу съ цѣтухомъ,

утку, гуся, кто мѣрку, а кто и корецъ жита, пшеницы, ячменя, овса и под. Тутъ-же пообѣщали достать для него—кто вербу, кто дубъ, ясень и под. на постройки, такъ какъ предшественникъ отца, не оставляя послѣ себя наслѣдника, не заботился о постройкахъ и оставилъ все въ разрушенномъ видѣ, а годное къ употребленію дерево изъ построекъ забрали родственники его. Усадьба для священника была церковная, но постройки на ней онъ долженъ былъ имѣть собственныя. Зиму прожилъ отецъ въ крестьянскомъ домѣ, а въ слѣдующее лѣто у него готовъ уже былъ свой домъ и хозяйственныя службы. По эрекціямъ, даннымъ мѣстнымъ униатскимъ священникамъ давнимъ владѣльцемъ имѣнія, знаменитымъ польскимъ магнатомъ, земельныхъ угодій въ пользованіи священника было достаточно для того, чтобы жить по тогдашнему въ довольствѣ. Народу жилось тогда довольно просторно. Панъ по долгу живалъ въ городахъ, занимая какія-то общественныя должности и исполняя какія-то выгодныя для него порученія магнатовъ; крестьяне имѣли вдоволь земельныхъ угодій, владѣли хуторами, занимались промыслами, ремеслами, ходили на Донъ, въ Крымъ въ степи на заработки и т. п., а потому жили въ довольствѣ даже въ обилии сельскихъ благъ. Все обѣщало отцу жизнь спокойную и довольную. Впослѣдствіи всю жизнь поминалъ онъ это первое время въ приходѣ, какъ время наибольшаго общаго довольства и спокойствія.

Польская революція 1831 года измѣнила все положеніе края.

xj^a?

(Продолженіе будетъ).

Два документа по дѣлу передачи почаевской лавры изъ вѣдѣнія уніатовъ въ вѣдомство православное.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» помѣщены воспоминанія кн. Голицына о посѣщеніи имъ въ 1855 г. почаевской лавры. Эти воспоминанія, хотя и необильныя фактами, дополняютъ «Сказаніе о почаевской успенской лаврѣ» архим. Амвросія (1878 г.) и вмѣстѣ съ нимъ служатъ почти единственными для публички источниками свѣдѣній объ одномъ изъ важнѣйшихъ религіозныхъ пріютовъ въ южной Россіи, имѣвшемъ огромное вліяніе на народъ, особенно въ періодъ уніатскій. Съ переходомъ въ православіе, шумная дѣятельность почаевской лавры замираетъ, громкая въ народѣ слава ея меркнетъ. Безъ сомнѣнія, эта мертвая тишь распростершаяся надъ знаменитою лаврою, только временная. Старинный народно-религіозный центръ Галичины, Волыни и Подолья тихо и медленно, но вѣрно исполняетъ свое призваніе, и вѣроятно недалеко то время, когда обновленная дѣятельность ея зацвѣтетъ среди обновленнаго народа.

Необходимо-бы изслѣдовать причины ослабленія дѣятельности почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе. Безъ сомнѣнія окажется, что это ослабленіе было неизбежно, но что причины его временныя. Одною изъ такихъ причинъ было прекращеніе церковно-издательской дѣятельности лавры. Кто однако не согласится, что оно неизбежно было для почаевской лавры съ переходомъ ея въ православіе, но что причина, вызвавшая его, теперь уже не существуетъ, что легко можетъ возобновиться эта дѣятельность ея и въ числѣ многихъ другихъ изданій, полезныхъ для народа, возвратитъ народу старинныя, любимыя имъ, пѣсни духовныя, сборники которыхъ съ такимъ успѣхомъ распространяли почаевскіе базиліане! Кто не знаетъ, съ какою любовію народъ слушаетъ эти пѣсни въ устахъ нищихъ, слѣпцовъ, лириковъ, искаженныхъ и схоластическими виршами базиліановъ, и самими пѣвцами, изучающими ихъ по наслышкѣ отъ своихъ братьевъ! Кто не видитъ, какъ сильно вліяетъ это простодушное пѣніе на народъ и какое подспорье въ этихъ пѣсняхъ, обновленныхъ и упрощенныхъ, нашли-бы для себя проповѣдники и пастыри сельскаго люда! Кіево-печерская лавра продолжаетъ свою почтенную старинную миссію по изданію богослужебныхъ церковно-обрядовыхъ книгъ. Синодальная типографія въ

послѣднее время сосредоточила свою дѣятельность на величайшемъ дѣлѣ распро-
страненія въ народѣ книгъ священнаго писанія. То, что такъ оживляетъ и укрѣп-
ляетъ домашнюю и частную жизнь христіанина, что съ такимъ успѣхомъ проводила
въ народѣ *уніатская* почаевская лавра, цѣлая область эстетическихъ и нравст-
венныхъ мотивовъ въ приложеніи ко всевозможнымъ случаямъ частной жизни хри-
стіанина, въ особенности простаго люда, въ видѣ сборниковъ молитвъ, духовныхъ
гѣсней, наставленій, религіозныхъ изображеній и т. п. ожидаетъ своихъ дѣятелей,
и, кажется, нѣтъ болѣе причинъ не возобновлять этой дѣятельности въ *право-
славной* почаевской лаврѣ. Съ другой стороны, невозможно было *православной*
почаевской лаврѣ продолжать, въ обновленномъ духѣ, историческое призваніе ея
въ народѣ въ то время, когда она еще окружена была почти сплошнымъ моремъ
уніатства. Но съ 1839, особенно съ 1875 года (возсоединеніе холмскихъ уніатовъ)
и эта причина устранена, и возсоединенный съ православною церковію народъ,
точно *земля жаждущая*, ждетъ росы небесной, освѣженія, подкрѣпленія и ру-
ководства своего религіознаго чувства, которое всегда было однимъ изъ самыхъ
сильныхъ двигателей его жизни. Если районъ давняго вліянія почаевской лавры
все еще не вполнѣ возстановленъ, если въ настоящую пору три милліона нашихъ
галицкихъ братьевъ, глубоко чтущихъ *свою* почаевскую лавру, могутъ пробираться
къ ней только тайкомъ, подѣ страхомъ обвиненія въ государственной измѣнѣ, за
то въ остальной части стариннаго района ея *жатва многа, а дѣлателей
мало!* Не разъ намъ приходилось въ средѣ возсоединенныхъ жителей Холмицины
и Подляся выслушивать вопрошающихъ, гдѣ можно купить «почаевскія книжечки»,
и читать на ихъ лицахъ глубокое недоумѣніе и смущеніе при отвѣтѣ, что такихъ
книжекъ нигдѣ нельзя теперь купить...

Но не объ этомъ у насъ здѣсь рѣчь, а объ одной изъ тѣхъ мнимыхъ при-
чинъ упадка дѣятельности почаевской лавры, послѣ обращенія ея въ православное
вѣдомство, о которыхъ въ свое время громко вопилъ уніатскій и польско-католи-
чeskій міръ какъ у себя дома, такъ и по Европѣ. Въ началѣ іюня 1831 г. въ
почаевскій монастырь прибылъ съ своимъ отрядомъ генералъ польскихъ мятежныхъ
войскъ Дверницкій. Базиліане радушно приняли его, угощали весь отрядъ, снаб-
дили всѣмъ нужнымъ. 13 іюня настоятель монастыря, казначей и еkkлeсiархъ
арестованы по распоряженію высшей власти и подѣ конвоемъ отправлены въ Кіевъ,
въ монастырѣ наскоро устроено было временное управленіе. Въ сентябрѣ уже по-
слѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ почаевского монастыря въ православ-
ное вѣдомство. Назначена была коммисія для приѣма монастыря. Эта коммисія, со-
стоявшая изъ самыхъ разнородныхъ лицъ, побуждаемыхъ самымъ составомъ своимъ
быть точными и аккуратными въ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія, не нашла
и слѣдовъ предполагавшихся огромныхъ суммъ монастыря, открыла безпорядочность
въ денежныхъ счетахъ, видимо произведенную нахѣренно, не нашла многихъ драго-
цѣнностей и т. п. Но вслѣдъ за окончаніемъ приѣма монастыря въ православное

вѣдомство, появилась молва, что въ лаврѣ накоплены были уніатами несметныя сокровища, давашія базилианамъ возможность широко распространять влияние ея, и что эти сокровища разграблены лицами, вторымъ поручень былъ приѣмъ лавры со всѣмъ ея имуществомъ въ православное вѣдомство. Мѣстные польско-католическіе языки распространяли эту молву повсюду, именуя главныхъ *зrabителей* и увеличивая цифру *заграбленныхъ* суммъ до баснословныхъ размѣровъ; бывшіе почаевскіе базилианскіе монахи злобно поддерживали эти толки, а польская заграничная печать размесла ихъ по Европѣ. На Волыни многіе еще помнятъ эти толки, которые дошли даже до императора Николая Павловича. По высочайшему повелѣнію, дѣло это изслѣдовано было житомирскою военно-судною комиссіей и документы о немъ имѣются въ разныхъ волынскихъ канцеляріяхъ. Желательно было извлечь эти документы на свѣтъ Божій и выяснить по нимъ темную исторію, имѣвшую въ свое время много шуму и теперь не утратившую своего значенія. Въ архивѣ яблочинскаго монастыря ¹⁾ мы нашли въ копіяхъ отзывъ военно-судной комиссіи въ волынскую духовную консисторію и черновую показанія игумена яблочинскаго монастыря Іоаннікія. Оба эти документы знакомятъ насъ съ весьма интересными сторонами этого дѣла, но далеко не даютъ о немъ полнаго и точнаго понятія. Сообщеніемъ этихъ документовъ на страницы «Кіевской Старинѣ» мы желали-бы вызвать на подражаніе намъ другихъ, владеющихъ большимъ матеріаломъ, и такимъ образомъ поднять изъ пыли архивной это дѣло, важное уже и потому, что оно осталось несмытымъ пятномъ на чести приѣмной комиссіи и не осталось, кажется, безъ влияния на судьбу тѣхъ изъ ея членовъ, которые мѣше всего могли-бы быть тутъ въ чемъ либо виновны.

№ 1.

Отношеніе комиссіи военнаго суда, въ г. Житомирѣ надъ мятежниками учрежденной, въ волынскую греко-россійскую духовную консисторію.

„По содержанію производимаго по высочайшему повелѣнію военно-суднаго дѣла о расхищеніи имущества бывшаго базилианскаго почаевского монастыря всендзами онаго при передачѣ

¹⁾ Яблочинскій монастырь находится въ сѣдлецкой губерніи, бѣльскаго уѣзда, на островѣ р. Буга, вблизи дер. Яблочной. Основанъ въ XVI вѣкѣ и извѣстенъ тѣмъ, что, будучи сплошь окруженъ уніей и подвергался всевозможнымъ нападеніямъ, онъ нраву не измѣнилъ православію. Нынѣ онъ возведенъ на степень первокласснаго монастыря, съ увеличеніемъ содержанія и числа братіи.

въ лѣво православія и къ приведенію обстоятельствъ дѣла въ положительную извѣстность, комиссія нужнымъ находить:

„*Первое.* Сообщить оной консисторіи слѣдующія показанія іеромонаха Вышатицкаго, что, за отъѣздомъ архимандрита Сквискаго въ г. Кіевъ 1831 года, іюля 13 дня, поручено ему жандармскимъ полковникомъ Яковлевымъ словесно 15 іюля 1831 года исправлять должность настоятеля въ монастырѣ, съ приказаніемъ смотрѣть, чтобы монахи безъ вѣдома его никуда не отлучались и исполняли бы неопустительно свои обязанности; — занимаясь симъ, не вмѣшивался онъ ни въ какія хозяйственные по монастырю распоряженія, ибо таковыя Сквискимъ поручены были другимъ іеромонахамъ (которые ниже будутъ поименованы), а равно (показанія) монаховъ: Шивурскаго, Галивскаго, Давилевича, Ильясевича и Дзелинскаго, что прошлаго 1831 года октября 8 дня вечеромъ прибыли въ почаевскій бывшій базилианскій монастырь: архимандритъ Флавіанъ, протоіерей Рафальскій и Новицкій¹⁾, говоря, что они ѣдутъ на встрѣчу митрополиту Евгенію, а какъ было уже поздно и шелъ сильный дождь, то, по приглашенію базилианъ, остались переночевать въ монастырѣ. На другой день, то есть втораго числа (часа?) поутру, кременецкій исправникъ Бульковскій, собравъ много крестьянъ, окружилъ оными монастырь и не велѣлъ никого пущать въ оный или изъ онаго, а послѣ обѣда, въ 4-мъ или 5-мъ часу, прибыли въ монастырь: корпуса жандармовъ поручикъ Кирѣевъ, полковникъ Вильяшевъ, исправникъ Бульковскій, засѣдатели: Сонцевъ, Горскій, секретарь греко-россійской духовной консисторіи Карашевичъ, игуменъ Іоанникій и іеромонахъ Маврикій, кои съ предъименованными лицами составили комиссію для принятія монастыря со всѣмъ его имуществомъ въ православное вѣдомство. Чиновники сіи того-же дня, объявя собравшимся по ихъ приказанію въ трапезѣ базилианамъ высочайшую волю о передачѣ того монастыря въ православіе, тотчасъ отобрали отъ нихъ всѣ ключи отъ церкви, казначейства, кладовыхъ, погребовъ и амбаровъ, опечатали оныя своими печатями, безъ приглашенія базилианъ, и поставили военный караулъ внутри и снаружи мо-

¹⁾ Архим. Флавіанъ—ректоръ волынской духовной семинаріи; протоіерей Рафальскій—внѣшнствіи Антоній, архіепископъ варшавскій и митрополитъ истербургскій; протоіерей Наркиссъ Новицкій умеръ въ должности кафедральнаго протоіерей житомирскаго собора въ 1850-хъ годахъ.

настыря, также при дверяхъ церкви, всѣхъ хранилищъ монастырскаго имущества и келій тѣхъ базилианъ, кои завѣдывали какою-либо частію монастырскаго имущества, а исправлявшаго должность казначея, іеромонаха Шивурскаго, держали подъ карауломъ восемь дней. Хотя же базилиане сихъ чиновниковъ просили обождать, покуда они получаютъ отъ своего начальства предписаніе о передачѣ монастыря въ лоно православія (о чемъ послѣдовалъ на имя Вышатицкаго указъ изъ литовской греко-уніатской консисторіи отъ 16 октября 1831 года, а имъ полученъ 29 октября того-же мѣсяца) или для исправной сдачи онаго со всѣмъ имуществомъ вытребовать въ Почаевъ архимандрита Скивскаго, казначея Постилькевича и экклезіарха Стародубовскаго, знавшихъ во всѣхъ подробностяхъ состояніе монастыря и при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ имъ ничего не сдавшихъ, но чиновники, не согласившись, отозвались, что они и сами будутъ умѣть принять все исправно, и начали такимъ образомъ: въ монастырской кладовой исправлявшій должность казначея Шивурскій подъ арестомъ отдавалъ имъ тѣ деньги, которыя были ему известны, а неизвѣстныя сами они нашли въ секретныхъ ящикахъ; тѣ и другія, пересчитавши, вложили въ мѣшки, привязали къ нимъ ярлыки и опечатали своими печатями. Въ первыхъ росписались: Вышатицкій и онъ, Шивурскій, а въ послѣднихъ не приказывали имъ подписываться чиновники. Потомъ описывали заставныя вещи, какъ-то: золотыя и серебряныя кольца, табакерки, серьги, часы карманные, мниство (мнисты?), соборій воротникъ, старопольскіе золотые и серебрянные поясы, серебряные подсвѣшники, столовыя и разныя ложки, ножи и вилки¹⁾. За симъ приступили къ осмотру церковныхъ вещей, которыя представлялъ іеромонахъ Ильясевичъ. Архимандритъ Флавіанъ съ чиновниками, по имѣвшейся у него описи, повѣрилъ каждое облаченіе, каждый сосудъ и каждую металлическую принадлежность церкви; назвавъ оныя прежде по той описи, приказывалъ подавать ему и прочимъ чиновникамъ для осмотру. Священническія облаченія не только оказались всѣ, но еще болѣе противъ описи; изъ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ нѣкоторыхъ не оказалось и, какъ помнитъ Ильясевичъ, монстранціи одной, чашъ и подсвѣчниковъ нѣсколько (впослѣдствіи отысканныхъ). Привѣсокъ

1) Отцы базилиане, очевидно, соперничали съ жидами — ростовщиками.

(вѣта) серебряныхъ вызолоченныхъ, взятыхъ изъ епископской кладовой, изъ пещерной церкви и изъ скарбца, не считали, но только перевѣсили и, не объявивъ базилианамъ о количествѣ вѣсу, уложили въ сундукъ, а висящихъ въ храмѣ на чудотворномъ образѣ Божіей Матери и вокругъ онаго до 600, а можетъ быть болѣе, также вокругъ распятія и св. Николая, тоже не считали и вовсе не вѣсили, и хотя Ильясевичъ просилъ о семъ архимандрита Флавіана и чиновниковъ, но они ему сказали, что видятъ тѣ привѣски и сего довольно. Послѣ того осматривали монастырскій архивъ, но не описывали бумага, — сказали, что много требуется на то времени, затѣмъ библіотеку, всѣ монастырскія заведенія, какъ то: типографію, восковой заводъ (блѣхъ), богадѣльню, повѣтовое училище, аптеку. О монастырской конюшнѣ, хлѣбномъ, желѣзномъ и строеваго дерева магазинахъ, мастерскихъ и пасѣкахъ іеромонахъ Даѣлинскій отдалъ имъ полные регистры, по фольварки съ людьми, скотомъ, хлѣбомъ и хозяйственными заведеніями, какъ не бывшіе въ его завѣдываніи, чиновники принимали и описывали сами, а Даѣлинскій только по приказанію ихъ только подписался подъ вѣдомостью о числѣ крестьянъ. Такъ равно у іеромонаха Данилевича приняты ими погребъ съ сыченымъ медомъ, кладовая съ полотномъ и сукномъ чернымъ на габиты монахамъ и хранившіяся въ сей кладовой въ запечатанныхъ сундукахъ вещи покойнаго провинціала Виликевича. Монастырскій буфетъ, погребъ съ виномъ и водкою, по показанію іеромонаха Галицкаго, чиновники описали въ два дня, подъ описку же онъ Галинскій не подписывался, ибо не имѣлъ отъ нихъ на сіе приказанія. Вышепоименованные чиновники не всѣ вмѣстѣ ревизовали одну какую либо часть монастырскаго имущества, но раздѣльно: одни повѣряли одну, а другіе другую отрасль достоянія, оставивъ въ бездѣйствіи базилианскихъ іеромонаховъ, завѣдывавшихъ монастырскимъ имуществомъ, такъ что они вовсе таковаго не передавали чиновникамъ, отъ правительства для сего назначеннымъ, но сіи послѣдніе сами собою забирали все, а базилиане были только зрителями и то тогда, когда къ тому приглашены были. Каковъ пріемъ безъ депутатовъ со стороны базилианъ, о которыхъ православные чиновники отозвались, что ихъ имъ не нужно, продолжался съ 9 октября до послѣднихъ чиселъ ноября, а къ сему времени они сами, безъ присутствія бывшаго въ должности настоятеля монастыря іеромонаха Вышатицкаго и другихъ должностныхъ

ксендзовъ, составили сдаточныя всему имуществу описи въ трехъ экземплярахъ и приказали съ угрозами оныя подписать базилианамъ, которые совершенно не знаютъ, что въ оныхъ заключалось, ибо таковыя ими не читаны, а сами не могли знать по неразумнiю російскаго языка; притомъ чиновники не объявляли имъ ни о какихъ недостаткахъ“.

„Архимандритъ Скивскій объяснилъ, что въ бытность его настоятелемъ, въ монастырѣ всѣ церковныя облаченія и дорогіе изъ камней и металловъ сосуды и украшенія были въ цѣлости, кромѣ что изъ первыхъ (одеждъ) по ветхости нѣкоторыя передѣланы изъ двухъ или трехъ на одну, но на мѣсто убылыхъ построены новыя, а изъ послѣднихъ нѣкоторыя по надобности передѣланы на другія, или проданы, а деньги употреблены на церковныя потребности, и часть оныхъ въ 1822 году неизвѣстно гдѣ украдена. Потомъ Скивскій продолжаетъ, что аптека при монастырѣ была домашняя и завѣдывалъ оною послушникъ Базилевичъ, у котораго были шнуровыя книги для записи прихода и расхода денегъ, лекарствъ и матеріаловъ. Дохода отъ оной деньгами не только не было, чтобы уплачивать ежегодно бывшему кременецкому лицу по 150 золотыхъ, но еще изъ монастырской суммы давались деньги по мѣрѣ надобности на покупку лекарствъ. Въ кладбищной церкви, какія были деньги 43 руб. сереб., онъ навѣрное не знаетъ, а полагаетъ, что или приходскаго монаха Павловскаго, или погребальщиковъ. Типографія была привилегированная, восковой заводъ (блѣхъ)—хозяйственное заведеніе; завѣдывали іеромонахи—первого Зиневичъ, второго Абрамовичъ. По двадцати и болѣе тысячъ золотыхъ удерживали они у себя съ вѣдома настоятеля для покупки матеріаловъ, платы работникамъ, поддержанія въ исправности строеній, въ коихъ помѣщались заведенія, машины и посуды. Привносили доходъ (типографія и свѣчной заводъ) деньгами въ разномъ числѣ и матеріалами, книгами и свѣчами. Въ сихъ заведеніяхъ были шнуровыя книги, данныя отъ него, Скивскаго, іеромонахамъ, кои по тѣмъ книгамъ были обязаны сдать чиновникамъ, принимавшимъ монастырь въ православіе, во всей исправности и безъ недостатковъ, а почему того не сдѣлали,—ему, Скивскому, неизвѣстно, причемъ онъ, архимандритъ, присовокупилъ, что если-бы высшее начальство соблаговолило возвратить изъ г. Кіева въ Почаевъ его, казначея Постилькевича, и епископа Стародубовскаго, хотя подъ стражайшимъ карауломъ, и велѣно имъ сдать

монастырь со всеѣмъ онаго имуществомъ, то бы они, какъ знавшіе въ подробности всеѣ достоянія монастыря и тѣхъ монаховъ, кои кто чѣмъ завѣдывалъ, сдали бы все въ исправности. Чиновниками, принимавшими сей монастырь въ православіе въ концѣ 1831 года, взято въ наличности болѣе 12 тысячъ руб. сереб. оттого, что въ предъидущихъ годахъ полученные не исполнѣ отъ должниковъ проценты и нѣкоторые капиталы, а равно весь приходъ за 1831 годъ не были записаны въ шнуровую книгу. Также чиновники забрали изъ всеѣхъ мѣсть суммы, которыя базилианами оставлялись тамъ по надобностямъ, какъ-то въ типографіи и въ блѣху, а потому, соединивши всеѣ деньги въ одну сумму, могъ быть наличный остатокъ болѣе 12 тыс. руб. сер.⁴.

„Показанія іеромонаховъ Стародубовскаго и казначея Постилькевича о вышеизложенныхъ предметахъ согласны съ архимандритомъ Сквискимъ, причемъ Постилькевичъ присовокупилъ, что, при выѣздѣ своемъ въ г. Кіевъ 1831 года іюня 13 дни, письменныя казначейскія и прочія дѣла оставилъ въ беспорядкѣ разбросанными, потому что бывшая въ томъ монастырѣ коммисія для изслѣдованія причинъ прихода туда мятежника Дверницкаго, всеѣ казначейскія письменныя дѣла заарестовавъ болѣе мѣсяца разсматривала и перемѣшавшыя возвратила ему Постилькевичу въ беспорядкѣ, а онъ, по краткости времени и за занятіями, не успѣлъ таковыхъ привести въ порядокъ до выѣзда въ Кіевъ; деньги же по полу были разбросаны вѣроятно отъ того, что мѣшокъ съ деньгами, отъ какого-либо движенія опрокинувшись, развязался“.

„Посему, для соображенія всеѣхъ вышеизложенныхъ предметовъ, коммисія имѣетъ честь покорнѣйше просить консисторію доставить въ поспѣшности слѣдующія свѣдѣнія:

а) „Увѣдомить, какіе именно чиновники принимали сказанный монастырь въ православное вѣдомство (ибо главнѣйшіе между оными были, по показанію базилианъ: архимандритъ Флавіанъ, протоіерей: Рафальскій и Новицкій, игумень Іоанникій, іеромонахъ Маврикій—нынѣшній экклезіархъ почаевской успенской лавры, также секретарь оной консисторіи Карашевичъ), какое они имѣли отъ высшаго начальства предписаніе или инструкцію, или же особыя наставленія (съ коихъ прислать копию) о порядкѣ принятія монастыря въ православіе, какими документами и визитою 1823 года епископа (уніатскаго) Мартушевича руководствовались при приѣмѣ онаго, съ какого числа, мѣсяца и

года начался пріемъ, какимъ порядкомъ оный былъ производимъ и когда именно совершенно оконченъ“.

б) „Были-ли при сдачѣ монастыря со стороны базилианъ депутаты: суперіоръ кременецкаго монастыря Климентій Гриневецкій и владимірскій деканъ Іоанць Абрамовичъ, или кто именно другіе, назначенные всаждствіе Высочайшей воли литовскою греко-унитскою консисторією, о чемъ она указомъ отъ 16 октября 1831 года дала знать управлявшему тогда почаевскимъ монастыремъ іеромонаху Вышатицкому, буде же они при этомъ не присутствовали, то по какой причинѣ, и на случай, если бы о устраненіи ихъ отъ сей обязанности послѣдовало отъ начальства распоряженіе, то съ онаго прислать копію“.

„Второе. Изложить подробные доводы противъ показаній базилианскихъ вседзовъ о немогшемъ якобы произойти недостаткѣ въ церковныхъ одеждахъ и драгоценностяхъ, обнаруженныхъ впрочемъ при пріемѣ монастыря и консисторією въ вѣдомостяхъ, доставленныхъ въ комиссію при отзывѣ отъ 17 февраля № 341 подъ литерою А и 7 апрѣля № 1349 подъ литерою І по казаныхъ: фелоневъ 15 и стихарей 10, о которыхъ архимандритъ Скивскій и епископъ Стародубовскій объявили, что отъ ежедневнаго употребленія таковыя портились, посему съ дозволенія перваго послѣдній дѣлалъ изъ двухъ, а иногда изъ трехъ ветхихъ одинъ аппаратъ годный, чрезъ что и могъ сдѣлаться упоминаемый недостатокъ, а хотя передѣланные убыли и измѣнились въ номерахъ описаніи, а можетъ быть и наименованіи, но на мѣсто убылыхъ поступили вновь сшитые изъ купленныхъ и пожертвованныхъ модельщиками матерій на ризы и на завѣси чудотворнаго образа, и потому въ общемъ счетѣ передѣланныхъ и вновь сшитыхъ не только число оныхъ не могло быть меньше противъ той визиты, но еще превышало. Въ дѣйствительности его подтвердилъ іеромонахъ Саллюстій Ільясевичъ, сдававшій сіи одежды и объяснявшій чиновникамъ такое измѣненіе одеждъ. Церковнаго серебра въ сосудахъ и прочемъ, въ церковной ризницѣ употребляемыхъ, сведенныхъ въ общія статьи по собственнымъ своимъ наименованіямъ каждой вещи означено по тѣмъ-же вѣдомостямъ недостающими подъ литерою А артикуловъ 26, по вѣдомости же подъ литерою І показано уже только 13 артикуловъ. Сіи вѣдомости учинены были въ монастырѣ: 1) съ 1-го февраля, изъ новой вѣдомости о недостающихъ вещахъ собственно рукою архимандритомъ Флавіаномъ отиѣченныхъ и подпи-

сомъ базилианскихъ монаховъ засвидѣтельствовавшихся, а послѣдняя подъ литерою I—29 марта. Изъ сего описывается, что въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ отыскано: корона одна, монстранція одна, потировъ 9, дисковъ 11, звѣздичъ 10, крестъ одинъ, ложецъ 10, подсвѣчниковъ вышиною въ аршинъ 4, до 7 вершковъ—2 и меньшихъ всего 12, чашъ 4 и сверхъ того изъ серебряныхъ привѣсокъ отыскано 4, но въ какихъ мѣстахъ всѣ еи вещи открыты, того не объяснено. Затѣмъ о послѣднихъ недостающихъ вещахъ, поименованныхъ въ той-же вѣдомости подъ литерою I, епископъ Стародубовскій и впослѣдствіи заступавшій его мѣсто Ильясевичъ показали: *дѣтъ золотыя короны*, ватиканскія на чудотворномъ образѣ Божіей Матери *дѣтъ короны серебряныя позолоченныя* съ дорогими камнями на намѣстныхъ иконахъ Спасителя и Божіей Матери въ пещерной церкви, *одна серебряная 4-ой (84?) пробы*, а *другая мѣдная*, обѣ позолоченныя, съ разноцвѣтными стеклами на подобіе камней, въ зимней церкви на намѣстныхъ иконахъ, *стаканчикъ* отъ стопы Божіей Матери давно еще во время монастырскаго храма (т. е. храмоваго праздника) украденъ, — *два реликвиара* (для храненія частицъ св. мощей?), *корзина* для пшеницы, *вѣночки*, *лампадки*, *подносъ* — были въ скарбцѣ, а оловянные подсвѣчники на престолахъ въ наличности, и всѣ оныя іеромонахъ Салюстіей показывалъ чиновникамъ, принимавшимъ монастырь, они ихъ описывали и не говорили ему, что еще такихъ вещей не достаетъ, кромѣ нѣтъ только не оказалось, сколько онъ помнитъ, монстранція одной, чашъ и подсвѣчниковъ вѣскольکو, вѣроятно тѣхъ, кои отысканы при гробѣ Каневскаго ¹⁾ и въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ. Серебряныхъ привѣсокъ вокругъ чудотворнаго образа Божіей Матери на стѣнѣ и столбахъ висящихъ до 600 штукъ, а можетъ быть и болѣе, равно вокругъ Распятія и подъ иконою св. Николая архимандритъ Флавіанъ и чиновники не считали, хотя ихъ Ильясевичъ о томъ просилъ, но они свазали, что видать тѣ привѣски и сего довольно. Тѣхъ же привѣсокъ, кои были за излишествомъ сложены въ бискупской кладовой, въ скарбцѣ и въ пещерѣ, также не считали и не говорили, сколько оныхъ должно быть, но только перевѣсили и не объявили количества

¹⁾ Т. е. старосты каневского — Николая Потоцкаго, строителя главнаго собора и монастырскихъ зданій (1771—1772 г.), умершаго въ 1782 г. и похороненнаго въ подвалѣ собора.

вѣсу. Архимандритъ Скивскій, равно іеромонахъ Стародубовскій добавили къ тому еще слѣдующее: что изъ числа сихъ привѣсокъ, не могшихъ помѣщаться вокругъ чудотворнаго образа и другихъ, были сдѣланы двѣ или три чаши, шата на образъ Божіей Матери въ (слово неразборчиво написанное) на престолѣ стоявшей, напрестольный крестъ, а какъ еще предполагалось сдѣлать шесть подсвѣчниковъ вышиною въ локоть, то изъ тѣхъ же привѣсокъ значительное число оныхъ разной величины и пробы для уравненія качества металла стоилъ Стародубовскій въ слитѣхъ вѣсомъ *до полтора пуда*, которые и были скрыты въ столбѣ подъ чудотворнымъ образомъ (а послѣ найданы тамъ), также употреблено оныхъ на посеребреніе мѣдныхъ рамъ на антипедіи главнаго престола. Слѣдовательно, посчитавши сіи подѣлки и слитки серебра со всѣми наличными привѣсками въ храмѣ на иконахъ висящими и съ излишними, бывшими сгоревшими въ сказанныхъ мѣстахъ, не можетъ оказаться недостатка“.

Относительно того, что консисторія въ отзывѣ своемъ отъ 17 февраля № 341 упоминала, что значущихся въ книгѣ приношеній (офяръ) драгоценныхъ вещей вовсе не оказалось, но въ доставленной при отзывѣ оной-же отъ 7 апрѣля, № 1394, вѣдомости подъ литерою К. показано довольно количество вещей по наименованіямъ въ книгѣ офяръ значущихся и по счисленіи (сличеніи?) съ оною духовный соборъ сдѣлалъ отмѣтку: „тѣ ли самыя вещи, какія помѣщены въ сказанной книгѣ, неизвѣстно“. Далѣе въ первомъ отношеніи, № 341, продолжаетъ, что самый приходъ тѣхъ пожертвованій базиліаннами показанъ только по 6 число іюля 1827 года, и съ сего времени дальнѣйшаго слѣда о подобныхъ приношеніяхъ, которыя не могли не быть и въ послѣдовавшихъ годахъ, ни по сей книгѣ, ни по другимъ монастырскимъ актамъ не имѣется. Но архимандритъ Скивскій и бывшій епископъ іеромонахъ Стародубовскій, на запросъ о семъ и по предъявленіи имъ вышесказанной вѣдомости подъ литерою К., объяснили, что показанныя въ оной вещи суть тѣ самыя, которыя были молебниками приносимы въ даръ церкви и записаны въ регистръ офяръ, недостающія-же противъ онаго многія были украдены въ 1822 году, а червонцы, золотыя медали и кольца употреблены на позолоту чашъ, крестовъ и другихъ сосудовъ церковныхъ и антипедіи, а нѣкоторыя по ненадобности проданы и деньги издержаны на потребности монастырскія, и что сіи добровольныя приношенія не

были болѣе дѣлаемы послѣ 6-го іюли 1827 года, а Стародубовскій добавилъ, что сіи вещи также суть тѣ самыя, которыя онъ скрылъ въ столбѣ подѣ чудотворнымъ образомъ Божія Матери и при гробѣ Каневского. А какъ епископъ Мартусевичъ при ревизіи не свидѣтельствовалъ книги ояръ, ибо нѣтъ его въ оной подписи, какъ таковыя дѣлали провинціалы, консисторія же и лаврскій соборъ не упоминають, чтобы сіи вещи были Мартусевичемъ показаны въ общей его визитной описи, то вѣроятно, что сіи вещи суть тѣ самыя, кои записаны въ книгѣ ояръ. Но для достовѣрности консисторія не оставитъ аккуратнѣйшую выpravку касательно недостатка въ церковныхъ вещахъ и затѣмъ доставитъ въ комиссію для соображенія самовѣрнѣйшій вѣдомости:

а) полную всему монастырскому имуществу, поступившему отъ базилианъ въ православное духовенство, въ суммахъ, вещахъ и недвижимостяхъ заключающемуся; б) сколько суммъ и вещей и какихъ наименованій, за вѣтми отысканными, не достаетъ противъ визиты 1823 года и другихъ документовъ, коими руководствовались при приѣмѣ православные; в) сколько оказалось противъ тѣхъ же, визиты и документовъ, излишними суммъ и вещей и какихъ наименованій. При томъ изъяснить, отчего въ отзыхъ оной и вѣдомостяхъ произошла вышеписанная разница въ недостаткѣ церковныхъ вещей, наименовавъ тѣ мѣста, въ коихъ впоследствии открыто 13 артикуловъ церковнаго серебра и 4 привѣскя⁴.

Третье. По вѣдомости, приложенной консисторіею при отношеніи отъ 7 апрѣля, № 1349, о суммахъ, поступившихъ отъ базилианъ въ православіе, показано: а) что въ казначейской кладовой отыскано въ скрытыхъ мѣстахъ до 6 тысячъ руб., серебромъ, а завѣдывавшій сямъ монастыремъ іеромонахъ Вышатицкій показалъ (можетъ быть ошибочно), что при открытіи потаенныхъ ящиковъ въ шкафахъ вынута оттоды въ шести мѣшкахъ серебряными рублями 6250 р. с., которые привявъ, православные не позволили ему подѣ итогомъ подписаться. б) Въ ризницѣ соборной церкви взято 127 руб. 82 $\frac{1}{2}$ коп. серебромъ и 42 р. 52 коп. мѣдью, безъ книги приходо-расходной. Но архимандритъ Сквевскій іеромонахи Постилькевичъ и Стародубовскій отозвались, что деньги сіи давались модельщиками и на записку оныхъ, а равно и вырученныхъ за продажу бутылочекъ на святую воду была тамъ всегда книга не шууровая, выданная изъ монастырскаго казначейства, которая, какъ объявилъ помощникъ еклезіарха іеромонахъ Ильясевичъ, находилась на столѣ и въ то время, когда архимандритъ Флавіанъ

и іеромонахъ Маврикій принимали упомянутыя деньги, но по той книгѣ, означающей приходъ оныхъ, не повѣряли и просьбы о томъ Ильясевича не уважали. Книга же сія величиною была въ листъ сложенный въ длину пополамъ, толщиной въ полторы деста, выдана въ закрытіи епископомъ Стародубовскимъ. с) Въ великссендза Шавурскаго принято 159 руб. 80%, коп. серебромъ то же безъ всякой отчетности, напротивъ того Вышатицкій увѣряетъ, что при немъ архимандритъ Флавіанъ отобралъ у Шавурскаго деньги, бывшія на ежедневные расходы, съ расчетомъ онымъ, а послѣдній, утверждая сіе, говоритъ, что таковой поданъ имъ написанный его рукою, но неподписанный. d) Подобно сему въ монастырской типографіи и лаврской аптекѣ, въ коихъ такъ же найдены и приняты суммы, означеныя въ упомянутой вѣдомости безъ всякихъ свѣдѣній, по объявленіямъ же архимандрита Сквискаго и казначея Постилькевича въ означенныхъ мѣстахъ имѣлись на записку денегъ, а въ послѣдней и лекарьствъ, книги, но почему православными чиновниками таковыя не приняты и не общитаны, имъ неизвѣстно. e) Касательно оказавшагося недостатка при учетѣ книги въ свѣчной лавкѣ и восковомъ заводѣ (блѣхъ) денегъ 4758 золотыхъ 19½, грошей или 714 руб. 79%, коп. серебромъ, не видно, чтобы завѣдывавшій онымъ іеромонахъ Абрамовичъ, который сдавалъ всю о томъ отчетность, былъ опрошенъ православными чиновниками о происшедшемъ у него недостаткѣ, а потому консисторія не оставитъ также распорядиться, чтобы въ послѣдствіи были учинены исправки объ отысканіи упомянутыхъ денежныхъ документовъ и если таковыя окажутся, то сдѣлать по онымъ надлежащую тѣмъ суммамъ повѣрку и о послѣдующемъ почтить комисію извѣщеніемъ, добавя притомъ, отчего меньше показаво суммы, отысканной казначейской кладовой въ секретныхъ ящикахъ шкафовъ противъ показанія Вышатицкаго, и былъ ли, какъ выше означено, членами принимавшими въ православіе монастырь запрашивалъ іеромонахъ Абрамовичъ о вышеобъясненномъ недостаткѣ у него денегъ, и буде имѣется о семъ его объясненіе, то прислать оное въ комисію⁴.

И наконецъ *четвертое*. Присланная при отзывѣ духовнаго собора почаевской лавры на имя консисторіи отъ 5 апрѣля № 152 книга, или опись всему монастырскому имуществу безъ конца была предъявляема архимандриту Сквискому, коимъ признава тою самою, которая составлена 1824 года провинціаломъ Милинкевичемъ и ему Сквискому вручена при постановленіи его суперіоромъ

бывшаго почаевского бавиліанскаго монастыря, для руководства при принятіи и въ случаѣ сдачи монастырскаго имущества, и что оная книга, при выѣздѣ его въ Кіевъ, оставлена въ келіи его съ концемъ и утверждена подписомъ того провинціала. Судебная коммисія имѣеть честь просить покорнѣйше консисторію приказывать вновь сдѣлать вѣрнѣйшую выpravку по дѣламъ бывшимъ въ келіи Сквискаго, ноторые, какъ видно изъ производимаго дѣла, православными чиновниками, бывъ взяты, сложены въ мѣшки и положены въ кладовой, не окажется-ли окончанія сказанной книги, необходимо для соображенія нужной, и буде отыщется, то прислать въ коммисію^а.

„Подлинное подписали: Презусъ подполковникъ Македонскій, аудиторъ 13-го (?) класса Михайловъ“.

„Съ подлиннымъ вѣрно: за секретаря титулярный совѣтникъ Михаилъ Правосудовичъ“.

Г. Житомиръ

10 декабря 1833 года

№ 219.

№ 2.

Въ в(олынскую) д. консисторію яблочнскаго св. Онуфріевскаго монастыря настоятеля, игумена Иоанникія.

Репортъ.

„Въ исполненіе Его Императорскаго Величества указа изъ волынской духовной консисторіи отъ 30 декабря истекшаго 1833 года за № 6947, съ приложеніемъ копіи отношенія коммисіи военнаго суда, въ г. Житомиръ надъ мятежниками учрежденной, отъ 10 числа того-жъ декабря за № 219 ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною 22 сего генваря полученнаго, долгу имѣю покорнѣйше донести волынской духовной консисторіи: острожско дерманскаго первокласснаго монастыря настоятель о. архимандритъ Іеросей 5 октября 1831 года, получивъ отъ преосвященнѣйшаго Амвросія, бывшаго епископа волынскаго-житомирскаго и кавалера, предписаніе выслать немедленно меня, бывшаго въ то время намѣстникомъ острожско-дерманскаго монастыря, и діакона Михаила Билецкаго, что нынѣ почаевской успенской лавры келарь іеромонахъ Мееодій, въ загаецкій монастырь въ распоряженіе волынской семинаріи ректора, загаецкаго монастыря настоятеля, о. архиманд-

рита Флавіана, того же дня насъ туда высласть. Приѣхавъ съ прописаннымъ діакономъ въ загаецкій монастырь 6 октября, я не засталъ о. архимандрита Флавіана, а только получилъ отъ него письменное повелѣніе слѣдовать за нимъ чрезъ г. Кременецъ въ Почаевъ. Въ почаевскій бывшій базилианскій монастырь прибылъ я съ іеромонахомъ Маврикіемъ, что нынѣ еkkлезіархъ почаевской успевской лавры, и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ 9 октября въ 12 часовъ дня, гдѣ засталъ о. р. архимандрита Флавіана, протоіереевъ: Рафальскаго и Новицкаго, а такъ же кременецкаго исправника Бульковскаго и засѣдателей: Горскаго и Солицева, куда затѣмъ въ скоромъ времени еще прибыли петербургскіе чиновники Войцеховичъ и Вильшевъ или Вильяменовъ, корпуса жандармовъ поручикъ Кирѣевъ и кафедральный протодіаконъ Вас. Красицкій. Гражданскіе чиновники, призвавъ исправлявшаго въ монастырѣ должность настоятеля, іеромонаха Вышатицкаго, просили его, чтобы привазаъ всѣмъ базилианамъ собраться въ трапезу для выслушанія высочайшей Его Императорскаго Величества воли. Православные духовные и гражданскіе чиновники въ 3, кажется, часа пополудни, когда базилиане всѣ собрались, пришли къ нимъ въ трапезу. По объявленіи гражд. чиновниками базилианамъ высочайшей Его Императорскаго Величества воли, о передачѣ почаевского ихъ монастыря со всѣмъ имуществомъ и капиталами въ вѣдомство православнаго духовенства, базилиане, будучи почти всѣ пьяны, вмѣсто изъявленія покорности высочайшей волѣ, шумѣли, грубили, говорили негѣпцыя и непристойныя слова, такъ что гражданскіе чиновники, посовѣтовавшись съ о. р. а. Флавіаномъ, разсудили оставить ихъ въ покоѣ и, вышедши изъ трапезы, запечатали всѣ три церкви, казначейство, свѣчную лавку, типографію, погребъ и всѣ кладовыя и при каждахъ дверяхъ поставили караульнаго, но ключей ни отъ чего не требовали и не отбирали. На другой день, т. е. 10 октября, который былъ суббота, въ 12-мъ часу коммисія получила отъ исправлявшаго должность настоятеля іеромонаха Вышатицкаго отзывъ съ уведомленіемъ о его готовности сдать монастырь и съ наименованіемъ лицъ, кто какую часть имѣетъ сдавать. Итакъ того-же дня въ 2 часа пополудни онъ Вышатицкій съ іеромонахомъ Салюстіемъ Ильшевичемъ и монахомъ Богушемъ отперши соборную Успенія пресвятыя Богородицы церковь, ввелъ въ нее православныхъ духовныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. По окропленіи сей церкви святою водою и по отпѣвнн нами вечерней службы, іеромонахъ

Саллюстій Ильишевичъ и монахъ Богущъ заперли церковь и ключи взяли къ себѣ, а іеромонахъ Маврикій, нахется, приложилъ по повелѣнію комисіи къ дверямъ печать. Такимъ образомъ всегдѣ, за каждымъ богослуженіемъ, Ильишевичъ и Богущъ отпирали и запирали соборную, пещерную и теплую церковь, пока тѣ церкви съ имуществомъ отъ нихъ приняты не были, и такимъ образомъ отъ воѣхъ кладовыхъ и мѣстъ ключи держали базилиане у себя, а печать находилась у о. р. архимандрита Флавіана, пока все по порядку не было описано и сдано. Приѣмщиками-же со стороны православнаго духовенства были: волынской семинаріи р. архимандритъ Флавіанъ и протоіереи: Рафальскій, что нынѣ почаевской успенской лавры намѣстникъ архимандритъ Антоній, и Новицкій, а съ котораго числа они начали производить приѣмъ и какимъ образомъ оныя производили, мнѣ, такъ какъ я притомъ не находился, не извѣстно. Ибо я съ іеромонахомъ Маврикіемъ и діакономъ Михаиломъ Билецкимъ цѣлую седмицу исключительно занимался богослуженіемъ, а потомъ занимался внутренними по лаврѣ распоряженіями, по объявленіи мнѣ о томъ о. ректоромъ архим. Флавіаномъ архипастырскаго повелѣнія. Правда, комисіи поручала и мнѣ, во время моихъ по монастырю занятій, привести въ извѣстность и описать нѣкоторые предметы, и я такую порученность на досугъ исполнялъ, но не рѣшительно и не окончательно: ибо комисіи послѣ все повѣряла и, удостовѣрившись въ точности сдѣланнаго мною описанія, вносила таковое въ генеральную опись. Описывалъ-же я слѣдующіе предметы: 1) трапезу съ разною посудой и всѣми ея принадлежностями, которыя показывалъ имѣвшій оную въ своемъ завѣдываніи послушникъ Оерапонтъ Куликовскій; 2) кухню съ кухенною посудой и двѣ кладовыя съ припасами съѣстными, которыя показывалъ послушникъ Пентрицкій; 3) буфетъ или, такъ называемую, канафарню, которую показывалъ іеромонахъ Гервасій Галинскій; 4) конюшню съ лошадьми, упряжью и экипажами, анбаръ съ желѣзомъ и мѣдью и мастерскія, которыя показывалъ по приватному, не урядово, а келейно составленному и безъ всякаго подписа бывшему регистру прокураторъ іеромонахъ Павлинъ Дзелинскій, и 5) двѣ кладовыя съ холстомъ и сукномъ для монаховъ и съ волною (шерстью), которыя показывалъ іеромонахъ Данилевичъ. Всѣхъ вышеназванныхъ предметовъ я самъ безъ базилианъ не описывалъ и ключей отъ нихъ не бралъ, а только печать къ дверямъ приглядывалъ, пока все описано, комисіей повѣрено и сдано не было.

Назначенныхъ литовскою греко-унитскою консисторією депутатовъ при дѣланномъ мною описаніи не было, потому что о назначеніи ихъ тогда никто еще не зналъ, и они не явились въ монастырь. Котораго именно числа и мѣсяца началъ и дѣлать показаннымъ предметамъ описаніе и когда кончилъ, а равно когда вообще конченъ пріемъ монастыря, не помню. Знаю только, что базилиане, по мѣрѣ сдачи бывшаго на ихъ рукахъ церковнаго и монастырскаго имущества, были снабжаемы отъ монастыря довольномъ количествомъ денегъ на провѣздъ въ назначенные имъ монастыри и на путевое содержаніе и безъ всякаго притѣвленія и осмотра съ письменными видами были отпускаемы⁴. „1834 года, генваря 24 дня № 14“.

Дневникъ Станислава Освѣцима

(въ извлеченіи и переводѣ).

1643—1651 г.

(Продолженіе). *)

Вечеромъ въ тотъ-же день (23 іюня) получено было въ лагерь письмо краковскаго епископа Петра Гембицкаго, которое причинило всѣмъ сильное безпокойство. Епископъ сообщилъ, что вѣсте Александръ-Левъ изъ Штемберка Костка¹⁾, иначе называемый Наперскимъ, составилъ на свое имя подложные королевскіе универсалы, будто уполномочивающіе его набирать войско и, на ихъ обнованіи, идти предлогомъ королевской службы, отагъ возбуждать къ мятежу крестьянъ въ краковскомъ Подгоріи; онъ успѣлъ притомъ овладѣть замкомъ Чорштыномъ, лежащимъ на венгерской границѣ на высокой скалѣ, доступной только съ одной стороны. Въ Чорштынѣ онъ устроилъ себѣ резиденцію и черезъ посланныхъ людей вербуетъ иностранныхъ солдатъ въ Силезіи; между тѣмъ, ожидая ихъ прихода, онъ призываетъ къ возстанію крестьянъ окрестныхъ какъ посредствомъ разосланныхъ агентовъ, такъ и разсылкою частныхъ писемъ и универсаловъ; онъ призываетъ крестьянъ образовать свопища, утверждая, будто онъ дѣйствуетъ на основаніи королевскаго приказа; такимъ образомъ онъ уже многихъ привлекъ на свою сторону, а еще болѣе побуждаетъ къ своеволію обѣщаніями богатой добычи. Всякій легко могъ сообразить, прочитавъ присланные универсалы и письма Наперскаго,

*) См. январь, февраль, май и іюнь „Кіев. Ст.“.

¹⁾ Истинное названіе этого лица было—Симеонъ Бзовскій; онъ былъ побочный сынъ короля Владислава IV и получилъ весьма хорошее воспитаніе въ домѣ дворянъ Костковъ изъ Штемберка, которыхъ фамилію и принялъ, задумавъ стать во главѣ крестьянскаго возстанія. Наперскимъ онъ назывался потому, что въ распоряженіи его находились открытые листы короля, поручавшіе какому-то офицеру Наперскому вербовать солдатъ въ королевскую службу. (Кубала—Szkice, т. I, стр. 312).

своль большая опасность угрожала Рѣчи Посполитой. Прежде всего заботясь о благочестіи и желая, такимъ образомъ, приобрести популярность, онъ распорядился о сохраненіи безопасности церковной и надавъ на этотъ счетъ универсалы. Какъ образецъ таковыхъ доставлены универсалы, данные имъ Тынецкому монастырю: одинъ писанъ по нѣмецки, ради иностраннаго войска, котораго онъ ожидалъ изъ Силезіи, и такого содержанія: „Я, нижеподписанный, начальникъ войскъ, конницы и пѣхоты, приказываю сохранять въ покоѣ монастырь Тынецъ и его имущество, подъ угрозой смертной казни“¹⁾ Другой универсалъ, писанный по польски и предназначенный для возставшихъ крестьянъ, слѣдующаго содержанія: „Я, нижеподписанный, поручаю и накрѣпко приказываю солдатамъ, находящимся подъ моею командою, чтобы они сохраняли въ цѣлости и неприкосновенности монастырь Тынецъ и принадлежащія ему села, подъ опасеніемъ смертной казни всякому, неповинующемуся сему военному, выданному для охраны монастыря, приказу, который скрѣплю моею подписью и печатью. Давъ въ Тынецъ 8-го мая 1651 года. Александръ-Левъ изъ Штембарна“.

Конія письма отъ того-же Костки къ Лентовскому, салтысу²⁾, проживающему въ новоторжскомъ округѣ, одному изъ важнѣйшихъ мятежниковъ и разбойниковъ въ той мѣстности:

„Милостивый государь, господинъ Лентовскій, любезный мой другъ! Освѣдомившись о доблестныхъ и рыцарскихъ подвигахъ вашихъ, я воздаю имъ должную хвалу и благодарю за нихъ Господа; притомъ покорно прошу васъ именемъ короля, его милости, чтобы вы съ вашимъ полкомъ приходили какъ можно скорѣе и старались собрать какъ можно больше людей. Пусть они вспомнятъ всѣ обиды, претерпѣваемыя отъ пановъ, пусть подумаютъ о томъ, до какой степени бѣдный народъ угнетенъ и обремененъ и что теперь представляется имъ прекрасный случай къ освобожденію,— пусть они имъ пользуются, ибо если теперь пропустить удобную

¹⁾ Въ подлинникѣ на нѣмецкомъ языкѣ.

²⁾ Солтыстами назывались села, жители которыхъ были свободные хлѣбопашцы, землевладельцы, обязанные лишь военною службою въ пользу государства. Въ Подгоріи краковскомъ много было такихъ селъ, напоминавшихъ собою до нѣкоторой степени козачество. Лентовскій былъ маршалкомъ, т. е. предводителемъ (головомъ) солтысовъ; названъ онъ мятежникомъ потому, что еще въ 1628 году онъ предводительствовалъ въ возстаніи солтысовъ противъ краковского старосты Комаровскаго, посягавшаго на ихъ права (Кубала, Szkice, стр. 314).

минути и не сбросить тяжелаго яра, то останутся навсегда въ рабствѣ у пановъ. И такъ приходите носкорѣ сами и всѣмъ, кому сочтете нужнымъ, сообщите это распоряженіе. Папа Здановскаго оставьте въ покоѣ, всѣхъ-же другихъ шляхтичей пусть крестьяне берутъ и пусть дѣлаютъ съ ними, что угодно. Слѣдующій знакъ пусть служатъ для взаимнаго опознанія: вѣнокъ, привѣшенный на зеленой сосновой вѣтви; знакъ этотъ пусть въ походѣ несутъ и при вашемъ полку. Распорядитесь, чтобы люди ваши захватили съ собою топоры и заступы. Мы пойдемъ къ Кракову и дальше; съ Божіею помощію, пройдемъ всю Польшу. У насъ прочиный договоръ съ Хмельняцкимъ и съ татарами, и нѣмецкое войско придетъ намъ въ помощь. О всемъ вышеписанномъ извѣстите другихъ и сами отправляйтесь къ намъ; подробности раскажетъ вамъ изустно податель этого письма. Ожидая васъ съ нетерпѣніемъ, пребываю вашей милости братомъ и слугою—Александръ-Левъ. Изъ Чорштына, 18 іюня, 1651 года. Всей братіи нашей, принявшей нашу сторону, бью челомъ. Слѣдуетъ вручить поспѣшно моему любезному другу, пану Станиславу Лентовскому, маршалку братіи нашей⁴.

Копія письма отъ ректора ¹⁾, правильнѣе школьнаго учителя, въ селѣ Пцимѣ, Мышеницкой волости, отчаяннаго разбойника и постоянного бунтовщика противъ всѣхъ краковскихъ вассалловъ, пановъ своихъ, писаннаго къ тому-же Косткѣ:

„Милостивый государь мой! Извѣстія, полученные мною въ письмѣ вашей милости, буду, какъ можно поспѣшнѣе и точнѣе, распространять среди крестьянъ, пользуясь для этого содѣйствіемъ вѣрныхъ послѣдователей Христовой истины ²⁾, искренно преданныхъ его величеству, милостивому государю нашему, Іоанну Казимиру, королю польскому. Поспѣши, ваша милость, вновь разослать циркуляръ къ крестьянамъ нашей мѣстности, который-бы усилилъ ихъ довѣріе и побудилъ ихъ скорѣе собираться въ отряды. Многие изъ нихъ давно уже заявляютъ, что если-бы получили разрѣшеніе короля, то охотно отправились-бы въ походъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о нѣкомъ Мартинѣ Радецкомъ, бывшемъ школьнымъ учителемъ въ одномъ изъ солтисскихъ школъ—Пцими, въ теченія 40 лѣтъ. Радецкій былъ послѣдователемъ ученія анабаптистовъ; остатки этой секты пріютились въ краковскомъ Подгориі (ibid, стр. 313).

²⁾ Авторъ вѣроятно разумѣетъ анабаптистовъ.

противъ шляхтичей и принялись-бы истреблять ихъ дворы, дабы прекратить господство на землѣ шляхетской гордости, злобы и тиранства. Затѣмъ поручаешь себя покорно вниманію вашей милости. Въ Пцимѣ, 20 Іюня, 1654 года. Вашей милости покорный слуга—Мартинъ, ректоръ школы пцимской. Слѣдуетъ вручить моему милостивому государю, господину Льву, вѣрному подданному его королевской милости².

Копія универсала того-же Костки, отправленнаго, согласно желанію, выраженному въ вышеприведенномъ письмѣ, на имя того же ректора: „Миръ Христовъ! Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности вѣрнымъ подданнымъ его королевской милости желаю добраго здравія и ниспосланія отъ Всевышняго святой воли и свободы. Извѣщаю васъ симъ отъ имени Господа Бога и короля его милости, что шляхтичи намѣрены провзвести мятежъ противъ короля и потому всѣ, расположенные къ королю, пусть сбѣгать соединиться подъ моимъ начальствомъ въ Чорштынѣ и пусть отправляются туда подъ командою господина ректора Пцимскаго, назначеннаго королевскимъ полковникомъ. Онъ приметъ надъ вами начальство, приведетъ васъ ко мнѣ и будетъ во всемъ руководить вами. Король, его милость, обѣщаетъ полную волю всѣмъ тѣмъ, которые теперь примутъ его сторону, притомъ онъ предоставляетъ въ ваша распоряженіе шляхетскіе дворы и всякое обрѣтающееся въ нихъ имущество. Держайте освобождаться отъ тяжкой неволи, пользуясь благоприятнымъ временемъ. Лучше вы ихъ истребите, чѣмъ они васъ до конца будутъ угнетать; достаточно паны надѣвались надъ вами и плачь вашъ вопіеть предъ Господомъ и требуетъ имъ кары. Посылая второе мое письмо господину ректору, присоединяю къ нему сей универсаль; притомъ предостерегаю васъ, согласно съ королевскою инструкціею, чтобы вы не довѣряли никакимъ другимъ универсаламъ, хотя-бы они и были сверѣплены королевскою печатью и подписью, ибо онъ можетъ разослать ихъ вслѣдствіе принужденія отъ шляхтичей. Мы должны поскорѣ дѣлать свое дѣло. Ко дню святого Іоанна мы пойдемъ на Краковъ,—туда я уже повсемѣстно разослалъ универсалы къ крестьянамъ, и они лвятся охотно; изъ области новоторжской придутъ всѣ поголовно и господинъ Станиславъ маршалокъ будетъ у нихъ полковникомъ. Прошу васъ, когда будете проходить черезъ Новый Торгъ, не трогайте пана Здановскаго и оставьте въ покоѣ всѣ села, въ которыхъ увидите вѣнки, вывѣшенные на вѣтвяхъ; также прошу

вась охранять церкви, ибо мы отправляемся на войну за Господа, за кривду людей и за достоинство короля. Выданъ въ Чорштынѣ, 22 іюня, 1651 года. Александръ Левъ изъ Штемберка Костка, староста чорштынскій“.

Копія письма отъ того-же Костки, писаннаго изъ Чорштына къ подстаростѣ новоторжскому ¹⁾, а также сочиненные имъ стихи, въ которыхъ онъ насмѣхается надъ Михаиломъ Іорданомъ. Последній по порученію краковскаго епископа и шляхтичей, оставшихся дома, съ отрядомъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ подступилъ къ Чорштыну и хотѣлъ овладѣть имъ, не долженъ былъ отступить безъ усилія, по поводу недостатка въ осадномъ матеріалѣ:

„Милостивый отецъ и благодѣтель! Скорблю всѣмъ сердцемъ о томъ, что вы изъ-за меня потерпѣли столь много и невинно. Прошу васъ: отправьте ко мнѣ поскорѣе ваше имущество и сами привѣжайте ко дню св. Іоанна; къ тому сроку ко мнѣ соберется большое войско. Воля Господня требуетъ, чтобы страшныя беззаконія были усмирены; дай Господи этого достигнуть безъ пролитія крови христіанской. Я намѣренъ, оставивъ васъ здѣсь хозяиномъ, выступить въ походъ съ войскомъ туда, куда Господу будетъ угодно. Я сообщилъ-бы вамъ извѣстія о добычѣ, но надѣюсь васъ вскорѣ лично увидѣть, тѣмъ болѣе, что вскорѣ будетъ уже не безопасно бѣжать и притомъ тревожусь мыслью, чтобы епископъ не предпринялъ чего-либо противъ васъ. Во всякомъ случаѣ привѣсьте вѣнецъ на обожженномъ шестѣ. Больше писать къ вамъ не буду. Всѣмъ вамъ бью охотно челомъ и ожидаю васъ. Посылаю вамъ стихотворное повѣтствованіе о моей осадѣ и перстень съ рубиномъ для иконы Богородицы въ городѣ или въ Шаолѣ. Вашъ благорасположенный слуга Александръ Левъ изъ Штемберка. Сдѣдуетъ поспѣшно вручить многоуважаемому благодѣтелю моему, господину Викторину Здановскому, подстаростѣ въ Новомъ Торгѣ“.

¹⁾ Когда Бзовскій рѣшился организовать народное возстаніе, то онъ прежде всего явился въ городъ Новый Торгъ (Nemavent), лежащій въ центрѣ Подгорія; онъ нашелъ здѣсь радушій пріемъ у мѣстнаго подстаросты Викторина Здановскаго; который искренно интересовался, что Бзовскій дѣлаетъ въ силу королевскаго порученія и потому оказывалъ ему полное содѣйствіе и заключилъ съ нимъ личную дружбу.

Затѣмъ слѣдуетъ въ рукописи стихи сатирическіе, содержащіе описаніе осады Чорыттына рогинистрогъ Юрдавогъ. Мы не приводимъ этихъ стиховъ, такъ какъ они напечатаны въ сочиненіи Кубали: «Szkice historyczne» т. I, стр. 328—329.

Получивъ эти точныя извѣстія о предстоящихъ опасностяхъ, всѣ въ лагерѣ были крайне смущены, но такъ какъ было уже поздно, то совѣтъ о принятіи необходимыхъ мѣръ былъ отложенъ до слѣдующаго утра.

Юня 24. Часть войска, которая еще оставалась на той сторонѣ, переправилась къ Берестечку въ королевскій лагерь и расположилась на назначенныхъ для нея мѣстахъ. Мѣстоположеніе лагеря выбрано прекрасно: передъ его фронтомъ къ востоку простиралось обширное ровное поле, тянувшееся въ необозримую даль и только въ средней своей части возвышавшееся въ видѣ незначительныхъ холмовъ; на немъ удобно могли развернуться для сраженія громаднаго войска. Съ правой стороны оно было окаймлено большимъ лѣсомъ, простирающимся по направленію къ Десневу и Щуровидамъ; лѣсъ этотъ приказано было занять для того, чтобы послѣ прихода враговъ, они не могли въ немъ скрываться и устраивать засады. Левая сторона поля прилежала къ рѣчкѣ Пешовой, текущей отъ Кременца и впадающей въ Стырь; рѣчка эта, начиная отъ села Пешовой, образуетъ со стороны, обращенной къ лагерю, большіе разливы и непроходимыя болота. Позади лагеря находилось мѣстечко Берестечко и рѣка Стырь, текущая среди болотъ, занимающая оба ея берега; на ней расположены съ одной стороны мѣстечко Стустълець, славящееся въ той мѣстности отличнымъ пивомъ, съ другою — Перемысль, съ крѣпкимъ замкомъ; оба мѣстечка въ разстояніи одной мили отъ Берестечка. Въ описанной мѣстности разбитъ былъ лагерь весьма безпорядочно и занялъ слишкомъ много пространства по причинѣ страшной безурядицы, ибо каждый располагался тамъ, гдѣ ему было угодно, а не тамъ, гдѣ ему назначена была стоянка.

Между тѣмъ, пока мы размѣщались въ лагерѣ, поголовное дворянское ополченіе, основанное по той сторонѣ рѣки, было вечеромъ сильно встревожено ложнымъ извѣстіемъ, будто татары переправляются на ту сторону рѣки; дворяне подняли страшный шумъ, стали стрѣлять изъ ружей и долго простояли въ строю на лошадяхъ. Вечеромъ возвратился изъ развѣзда двухдневнаго Середя; онъ не могъ ничего разузнать по причинѣ непоминовенія своей команды, составленной изъ сборной дружины.

Въ тотъ же день получено новое письмо отъ краковскаго епископа съ извѣстіями о вышеупомянутомъ Костѣ и о сильномъ волненіи крестьянъ въ окрестностяхъ Бракова; епископъ просилъ прислать какъ можно скорѣе подтвержденія, указывая на то, что въ противномъ случаѣ Краковъ и вся та мѣстность подвергнутся большой опасности по причинѣ полного отсутствія военныхъ силъ, такъ какъ всѣ шляхтичи ушли въ поголовное околоченіе, что открывало свободное поле своеволю и мятежнымъ замысламъ. Немедленно состоялся совѣтъ: разсуждали, кого куда слѣдуетъ отправить, но въ этотъ вечеръ не пришли ни къ какому рѣшенію.

Ночью получено извѣщеніе отъ подстаросты изъ Бродъ, котораго лазутчики извѣстили, что орда уже соединилась съ Хмельницкимъ, хотя неизвѣстно, пришелъ-ли лично ханъ, или нѣтъ. Тотчасъ отправили въ разѣздъ двѣ козацкія хоругви изъ полка маршала короннаго (Юрія Любомирскаго), занимавшаго въ ту ночь караулы. Хоругви эти отправились къ Лесневу, но возвратились, ничего не провѣдавши.

Юня 25. Опять собраць былъ совѣтъ для обсужденія, какой отрядъ войска слѣдовало отправить въ Краковъ какъ для защиты границы, такъ и для предупрежденія своеволия. Сначала упрасивали маршала короннаго, чтобы онъ принялъ на себя это бремя; но когда онъ скромно отказался, утверждая, что предпочитаетъ оставаться при королѣ (правдоподобно онъ желалъ теперь возстановить подвигами на глазахъ короля свою репутацію, нѣсколько вострадавшую въ дѣлѣ у Пилявецъ), то возложили защиту той области на мечника короннаго Михаила Зебржидовскаго; его отрядили подѣ Краковъ съ нѣсколькими сотнями, находившимися подѣ его начальствомъ, присоединивъ къ нимъ четыре наемныя козацкія хоругви и четыре эскадрона драгунъ пана Мартина Чернецкаго и давъ ему полномочіе противудѣйствовать опасности по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами. Къ отряду этому былъ прикомандированъ и кочюшій коронный (Александръ Любомирскій), который хотя и охотно остался-бы съ своимъ отрядомъ при королѣ, но сообразивъ, что здѣсь ему почти нечего дѣлать и предполагая, что война затянется на долго, охотно согласился отправиться въ походъ и сталъ немедленно собираться. Онъ былъ введенъ въ заблужденіе ложными показаніями языковъ, будто Хмельницкій рѣшилъ отступить въ Урайву; иныіе это подтверждало и извѣстіе, прислан-

ное Стефаномъ Чарнецкимъ; будто видѣнъ Хмельницкаго у Ямполя, занятаго выборомъ и устройствомъ переправы для отступления своего войска. Вслѣдствіе этого въ лагерь нашъ распространилось мѣвнѣе, что съ козаками придется вступиться развѣ у Кіева; потому Александръ Любомирскій рѣзчитывалъ скорѣе отличиться въ Подгоріи; притомъ-же онъ безпокоился за свои помѣстья, которыя всѣ почти были расположены въ окрестности Бракова и опасался, чтобы они не были разорены мятежниками. Передъ выходомъ изъ лагера онъ получилъ слѣдующій универсалъ отъ короля и аттестацію отъ маршала короннаго:

„Іоаннъ-Казимиръ, Божіею милостію король польскій, великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазовецкій, жемондскій, лифляндскій, смоленскій и черниговскій, наслѣдственный король шведскій, датскій и вандалскій.

Всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому сіе пѣдать надлежитъ, особенно-же любезнымъ намъ сановникамъ, урядникамъ, старостамъ и всему рыцарству и обывателямъ нашей короны симъ оповѣщаемъ, что для усмиренія бунта и мятежа, произведеннаго въ браковскомъ воеводствѣ и во всемъ Подгоріи нѣкимъ разбойникомъ, Александромъ Костаю, мы отправили изъ нашего лагера съ отрядомъ войска благороднаго Александра Любомирскаго, конюшія короннаго, старосту сандомирскаго, совиѣтно съ мечникомъ короннымъ, благороднымъ Миталомъ Зебржыдевскимъ, старостою ланцкоронскимъ и снятискимъ. Посему мы вышепоименованныхъ лицъ, равно какъ и товарищей и челядь дворянскаго происхожденія, которые принимаютъ участіе въ этой командировкѣ и перечислены въ списокъ, подписанномъ великимъ герцогнымъ маршаломъ, освобождаемъ отъ поголовнаго ополченія, подъ условіемъ, что никто изъ нихъ не будетъ отлучаться отъ своей хоругви и они до того времени будутъ оставаться подъ начальствомъ упомянутаго короннаго конюшія, занимающаго исключительно усмиреніемъ крестьянскаго возстанія, пока ихъ самъ конюшіи не отпуститъ и не выдастъ о томъ аттестаціи, которую они обязаны будутъ хранить. Посему, еслибы кто либо изъ числа товарищей или челяди изъ отряда короннаго конюшія кто либо пожелалъ обещать за неяву, въ поголовное ополченіе, то послѣ предъявленія упомянутой аттестаціи каждый изъ нихъ освобождается отъ всякой дальнейшей отвѣтственности. Въ удостовѣреніе чего, при подписи руки нашей, мы приказали

приложить печать великую коронную. Дано въ лагерѣ у Перестечна дня 26 июня, 1654 года: Иоаннъ Казимиръ король (М. П.)“

Затѣмъ въ рукописи Освѣдима приложена копия аттестациі, выданной великимъ маршаломъ короннымъ, въ которой поименно перечислены 56 дворянъ, находившихся въ отрядѣ Любомирскаго и освобожденныхъ отъ участія въ поголовномъ ополченіи. Въ числѣ ихъ на первомъ мѣстѣ названъ Станиславъ Освѣдичъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ лагерь князь Доминикъ Заславскій, воевода краковскій, и представилъ королю нѣсколько сотъ прекраснаго, навербованнаго имъ войска, а именно: двѣ хоругви гусарскія, шесть козацкихъ и одну драгунскую; вмѣстѣ съ нимъ Бруванъ доставилъ одну хоругву охотниковъ.

Юня 26. Получивъ вышеприведенные королевскій универсалъ и аттестацию отъ маршала, освобождавшіе насъ отъ взысканій за неявку въ поголовное ополченіе, мы выступили въ походъ изъ лагеря въ походъ на Подгоріе для усмиренія мятежниковъ. Переночевавши первую ночь въ таборѣ у села Галичанъ, мы затѣмъ шли, подвигаясь настолько быстро, насколько это возможно было для пѣхоты, по тому же пути, по которому прибыли въ лагерь. Между тѣмъ король, не видя приближенія непріятеля и не имѣя точныхъ извѣстій о его движеніяхъ и введенный въ заблужденіе ложными показаніями ясыковъ, будто онъ отступаетъ въ Украйну, рассчитывая захватить его раньше отступленія или застичь его гдѣ-либо на передравѣ, приказалъ всему войску приготовиться къ выступленію въ дальнѣйшій походъ на слѣдующій день.

Юня 27. Согласно постановленію военнаго совѣта, состоявшемуся наканунѣ, воины всего войска тронулись къ развѣдкѣ въ предположенный путь къ Дубну, и само войско построилось въ походной порядоѣ. Король основывался главнымъ образомъ на извѣстія, полученномъ отъ Стефана Чарнецкаго (который недавно, какъ было упомянуто, отправился на рекогносцировку съ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человекъ), утверждавшаго, что татары не соединились съ козаками и что послѣдніе не только не думаютъ о наступленіи на насъ, но, напротивъ, весьма усердно заняты устройствомъ передравъ для своего отступленія. Но въ ту минуту, по чудесному изволенію Божію промысла, сообщена была вѣсть отъ Забужскаго, находившагося въ развѣдкѣ, что ханъ несомнѣнно соединился съ Хмельницкимъ, и что они наступаютъ на наше войско, съ намѣреніемъ овладѣть передравою черезъ рѣчку, что Хмельницкій отправилъ передовой отрядъ, числомъ около

15,000, подъ начальствомъ Ботуна въ село Горыниѣ для того, чтобы занять нужную дорогу. Хотя подобнаго рода извѣстія часто насъ обманывали и отклонили отъ полезныхъ намѣреній, но, къ счастью, въ этомъ случаѣ извѣщенію повѣрили, и король, по представленію кастеляна краковскаго (гетмана Николая Потоцкаго), воздержался въ этотъ день отъ выступления и обозу приказалъ возвратиться. Вслѣдъ затѣмъ стали получаться одно за другимъ извѣщенія совершенно достоверныя о приближеніи непріятеля и о томъ, что онъ, узнавъ, что войско наше выступаетъ въ походъ, сталъ, по мѣрѣ возможности, ускорять свой путь. Не встрѣчая однако нашего войска (которое, лишь благодаря волѣ Провидѣнія, осталось у Берестечка), онъ остановился въ недоумѣніи въ полуторѣ миль отъ насъ и ночью, со вторника на среду, сталъ переправлять свое войско и обозы, устроивъ переправы въ двухъ мѣстахъ. На одной изъ нихъ на него наткнулся разъѣздъ князя Вишневецкаго, бывшій подъ начальствомъ пана Бейдковскаго, и былъ совершенно разгромленъ; бѣглецы принесли самое точное извѣстіе о врагахъ. Въ то-же время возвратился изъ разъѣзда Степанъ Чарвекій; но онъ вмѣсто того, чтобы снискать себѣ славу и посрамить короннаго хорунжія (Александра Коцецпольскаго), напротивъ, уронилъ свою репутацію; ибо, вмѣсто того, чтобы добыть непріятельскаго языка и доставить точныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ враговъ, онъ пригналъ лишь нѣсколько тысячъ головъ скота, захваченнаго имъ на Волянн, чѣмъ помогствовалъ лишь разоренію края, и едва не подвергъ все войско величайшей опасности, подавъ ложное извѣстіе объ отступленіи непріятеля, чѣмъ едва не вызвалъ несвоевременнаго нашего похода.

Іюня 28, въ среду, въ 8 часовъ утра получено извѣстіе, что враги уже переправились и приближаются къ намъ и что орда уже столкнулась съ нашими разъѣздами около переправы. Король немедленно приказалъ войску выступить въ поле и непосредственно передъ лагеремъ поставилъ его въ строй гораздо лучшей, чѣмъ тотъ, который прежде былъ начерченъ на бумагѣ. Два часа спустя, появилась конница татарская и нѣсколько козацкой. Они зажгли во всей окрестности дворы, села, а также мѣстечко Лесневъ, желая устрашить насъ огнемъ и дымомъ. Захвативъ много нашей челяди и лошадей на пастбищахъ, взяли ихъ въ добычу. Герцовники съ обѣихъ сторонъ состязались, но такъ какъ наши полки стояли благоразумно у лагеря и батарей, то враги не особенно сильно налегали. Войско наше стало наконецъ слушать

вслѣдствіе долгаго пребыванія въ строю безъ всякаго дѣла, во-
чему около 5 часовъ вечера хорунжій коронный обратился къ
кастеляну краковскому съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ испро-
бовать очастія. Гетманъ предложилъ ему самому отправиться въ
атаку; хорунжій весьма охотно принялъ это предложеніе и про-
силъ лишь, чтобы ему даво было подкрѣпленіе. Совмѣстно съ
нимъ былъ отряженъ маршалъ коронный; оба полка двинулись
стремительно къ то мѣсто, гдѣ видѣлась орда и удалились отъ
лагеря на такое разстояніе, что невозможно было скоро поддер-
живать ихъ подкрѣпленіями. Враги, воспользовавшись этимъ, на-
легли на нихъ всѣми силами; но хорунжій коронный, не обращая
вниманія на численность враговъ, бросился на нихъ съ рѣши-
мостью; за нимъ послѣдовалъ съ полкомъ своимъ маршалъ ко-
ронный; вскорѣ въ подмогу имъ пришли шесть козацкихъ хо-
ругвей князя Вишневецкаго, воеводы русскаго, и Стефанъ Чар-
нецкій, поручая гетмана великаго съ ротою гусарь. Они смѣ-
шались съ врагами и почти цѣлый часъ продолжалась стычка
среди криковъ и замѣшательства. Наконецъ Господь помогъ на-
шимъ; непріятель не выдержалъ рукопашнаго боя на сабляхъ и
обратился въ бѣгство столь стремительное, что умчался всякъ,
не останавливаясь и безъ оглядки; наши, также всякъ, преслѣ-
довали его на разстояніи миль до болота переправы, гдѣ должны
были удержаться отъ дальнѣйшей погони по причинѣ прибли-
женія ночи. Уронъ непріятеля былъ незначителенъ, ибо они
имѣли весьма быстрыхъ коней и убѣгали во всю прыть, наши-же
преслѣдовали ихъ, сохраняя правильный строй своихъ хоругвей.
Впрочемъ и то было утѣшительно, что въ первой встрѣчѣ, по
милости Божіей, враги не только не имѣли успѣха, но, напро-
тивъ того, были посрамлены и прогнаны съ поля битвы за пере-
праву. Взаты въ плѣнъ: болѣе 20 всадниковъ и одинъ мурза;
они показали, что этотъ передовой отрядъ состоялъ изъ 12,000
отборной конницы изъ татаръ бѣлгородскихъ, крымскихъ и урум-
бейскихъ, отправленной для предварительнаго испытанія нашихъ
силъ. Нѣкоторые утверждали, что съ ними находились ханъ и
Хмельницкій, но что они заблаговременно удалились. Убито было
татаръ только немного больше сотни, по причинѣ весьма быст-
раго ихъ бѣгства. Въ нашемъ войскѣ не погибъ ни одинъ почти
товарищъ, такъ что, одержавъ безкровную побѣду, наши воз-
вратились въ лагерь въ часъ ночи. Коронный хорунжій приобрѣлъ
въ этомъ дѣлѣ большую славу, такъ какъ онъ первый погрузился

въ это море и въ глазахъ всего войска разыгралъ первую сцену военной драмы. Не менѣе доблестно поступилъ и маршалъ коронный, пославшій своевременно съ своимъ полкомъ и отборною хоругвью въ 200 человекъ въ подмогу коронному хорунжію; онъ поступилъ, какъ слѣдовало хорошему воину, не увлекся личною завистью и оказалъ поддержку сыну великаго полководца (Конецпольскаго). Наши сочли успѣхъ этого дня хорошимъ предзнаменованіемъ и какъ-бы предвѣстникомъ полной побѣды надъ врагами.

Іюня 29, въ четвергъ. Мы испытали, что военное счастье весьма измѣнчиво: послѣ удачной вчерашней стычки съ татарскою конницею случилась перемѣна. Съ раннего утра ханъ и Хмельницкій стали приближаться; кастелянъ краковскій вывелъ войско въ поле и построилъ его нѣсколько дальше отъ валовъ (которыя окруженъ былъ лагерь непосредственно послѣ полученіи извѣстія о приближеніи враговъ), опираясь сзади лишь на одну батарею. Долго съ обѣихъ сторонъ занимались только джигитовкой; татары, поддразнивая нашихъ, старались вовлечь ихъ въ засаду, устроенную козаками среди лозовыхъ зарослей; но наши, руководясь болѣе осмотрительностью, чѣмъ храбростью, ограничивались тѣмъ, что прогоняли татаръ съ поля, но въ засаду не бросились. Потомъ на правомъ флангѣ вступили въ бой полки воеводъ: брацлавскаго (Станислава Ланцкоронскаго) и подольскаго (Станислава Потоцкаго) столь усильно, что татары были прогнаны, и вся орда едва не обратилась въ бѣгство, подобно вчерашнему. Но въ полдень они опять наступили со всѣми силами и подошли такъ близко, что постепенно заняли все поле; уже нашимъ трудно было и выступить изъ строя въ свободное пространство. Послѣ продолжительной джигитовки кастелянъ краковскій отразилъ въ бой три полка: свой собственный, маршала короннаго и подкоморія литовскаго. Они бросились храбро впередъ и такъ сильно напали на непріятеля, что сразу принудили его отступить, но вскорѣ враги, замѣтивъ, что наши слишкомъ далеко увлеклись отъ своего войска и что подкрѣпленія къ нимъ не подходятъ, оправились и стали вновь наступать; наши, не теряя мужества, не отступали и сшибались съ ними до того, что трудно было различить поляковъ отъ татаръ, которые въ тотъ день выѣхали въ нарядныхъ одеждахъ; наши не могли почти сообразить, кому наносить удары; ибо татарскіе бунчуки и польскія знамена развѣвались рядомъ; только турковъ

(которыхъ среди нихъ было до 5,000) можно было отличить по турбанахъ. Въ такомъ видѣ уморная схватка продолжалась почти два часа, съ значительными для насъ ураномъ вслѣдствіе того, что наши увлекались дальше, чѣмъ слѣдовало; отъ войска и не получали подкрѣпленій. Многие легли въ битвѣ, а именно: Казановскій, кастелянъ галицкій, Юрій Осоелиискій, староста люблинскій, Дигемза, мечникъ жеремышльскій, Николай Ржечицкій (оба послѣдніе охраняли маршала короннаго, который также находился въ большой опасѣности), Козака, богатый дворянинъ, единственный сынъ у матери; ротмистръ Ермолай Юрданъ погибъ съ цѣлою хоругвью; Янъ Собѣсскій, староста яворовскій (будущій король), уже былъ окруженъ татарами и почти чудомъ спасся. Раны были выстрѣлами: обозный литовскій Янъ Сапѣга, хорунжий галицкій Станиславскій и многіе другіе. Знамя кастеляна краковского взято врагами неизвѣстно по чьей винѣ; говорить однако, что по нерадѣнію самаго знаменосца, который самъ бѣжать не рѣдимо, но не хотѣлъ передать знамени другому товарищу. Пока битва эта происходила на одномъ флангѣ, на другомъ непріятель попалъ съ равнищью жесточеніемъ на полкъ воеводы Брацлавскаго; трижды онъ былъ оруженъ многочисленною толпою враговъ и каждый разъ храбро пробивался; при этомъ палъ ротмистръ Сигизмундъ Лыцкороисскій и многіе товарищи. Въ помощь ему пришли отряды дворянскаго поголовнаго ополченія изъ новѣтовъ: перемишльскаго, саноцкаго, сѣрадскаго, вѣлюнскаго и другихъ, но и они потеряли въ стычкѣ очень многихъ шляхтичей; въ томъ числѣ погибли: Янъ-Адамъ Стадницкій, подкоморій саноцкій, Юрій Ставо и другіе. Отъ опасности этой освободились наши полки только тогда, когда воевода подольскій быстрымъ и своевременнымъ движеніемъ ударилъ на враговъ и заставилъ ихъ отступить. И такъ этотъ день былъ для насъ несчастенъ вслѣдствіе гибели многихъ знатныхъ людей и хорошихъ воиновъ; но и для татаръ онъ былъ чувствителенъ: по крайней мѣрѣ 1000 убитыхъ и раненныхъ они насчитывали, въ томъ числѣ пало много знатныхъ мурзъ, между ними: Мехметъ-Гирей-мурза и Тугай-бей. Взятъ бунчукъ Асланъ-мурзы и въ плѣнъ попалъ молодой знатный Муфракъ-мурза, въ то время, когда онъ налетѣлъ на старосту яворовскаго (Яна Собѣскаго). Сабля Тугай-бея досталась на долю старосты красноставскаго (Марка Собѣскаго), который весьма храбро сражался въ этой битвѣ и потерялъ семь товарищей изъ своей хоругви. Послѣ

столь значительныхъ обоеднихъ потерь непріятель сошелъ съ поля въ четыре часа, наши-же въ совершенномъ порядкѣ отступили къ лагерю только вечеромъ. Загнѣ прекратились непріятельскія дѣйствія, и обѣ стороны занялись уборкою мертвыхъ тѣлъ съ поля сраженія.

Король нисколько не падалъ духомъ вслѣдствіе гибели столькихъ знатныхъ лицъ, напротивъ того, онъ утѣшалъ и укрѣплялъ духомъ раненныхъ; но войско послѣ этого кроваваго дѣла потеряло самоувѣренность, такъ что вечеромъ только немногіе оставались у знаменъ. Видя значительный упадокъ духа нашихъ солдатъ, происшедшій еще до возвращенія въ полъ непріятельской пѣхоты и табора, можно было съ вѣроятностью предполагать, что они-бы не сдержали натиска враговъ, если-бы послѣдніе въ тотъ-же день валегли всѣми силами, какъ они это сдѣлали на слѣдующій; но Господь отвратилъ отъ насъ это бѣдствіе. Когда на закатѣ дня войско возвратилось въ лагерь, король, опасаясь, чтобы солдаты, встревоженные неудачею, не потеряли мужества, дисциплины и окончательно не пали духомъ и не сдѣлались негодными для битвы, объявилъ приказъ военнаго совѣта, чтобы сейчасъ послѣ полуночи, оставивъ только челядь въ лагерь, все войско конное и пѣшее выступало съ цѣлью атаковать непріятеля и вступить съ нимъ въ рѣшительную битву. Мѣра эта показалась весьма рискованною и вызвала сильное смутеніе, но иначе и не возможно было поступить, ибо всякое промедленіе усилило-бы напрасно утомленіе людей и лошадей и наводило-бы болѣе страхъ. Впрочемъ намѣреніе рѣшительной битвы не исполнилось, ибо Господь указалъ намъ иное, болѣе безопасное средство для разгрома непріятеля.

Іюня 30, въ пятницу. Господь избралъ этотъ день для укрощенія гордости враговъ и для избавленія отечества нашего отъ угрожавшей ему очевидной опасности. Ночью опустился густой туманъ, продолжавшійся до 8 часовъ утра; казалось, что обстоятельство это слагается въ пользу татаръ и козаковъ, которымъ такая погода болѣе благоприятна. Между тѣмъ король, не смотря на туманъ, приказалъ войску выступать въ поле, и оно въ правильномъ строѣ расположилось на мѣстѣ, удобномъ для битвы. Непріятель въ теченіи всей ночи занятъ былъ переправою войска и табора черезъ болото; съ утра онъ показался на возвышенностяхъ въ огромномъ количествѣ и послѣ того, какъ туманъ поднялся, онъ увидѣлъ неожиданно войско наше въ боевомъ порядкѣ.

Оне расположено было слѣдующимъ образомъ: въ серединѣ стояла пѣхота, рейтары, артиллерія и гусарскій королевскій полкъ; на лѣвомъ флангѣ: впереди кастелянъ краковскій (гетманъ великій Николай Потоцкій) съ своимъ полкомъ, и маршалъ коронный (Юрій Любомирскій); за ними въ резервъ полки: воеводы брацлавскаго (Станислава Дандворонскаго), хорунжія короннаго (Александра Конецпольскаго) и подилицлера литовскаго (Дьва Сапѣги), а также поголовное дворянское ополченіе—воеводства Великой Польши и Мазовіи. На лѣвомъ флангѣ стояли полки: воеводы подольскаго (Станислава Потоцкаго), воеводы черниговскаго (польнаго гетмана Мартина Калиновскаго), который и начальствовалъ этимъ флангомъ, воеводы брестскаго (Симона Щавинскаго), воеводы русскаго (князя Іереміи Вишневецкаго), кастеляна черниговскаго (Яна Оджимольскаго) и старосты калусскаго (Замойскаго); въ резервъ за ними дворянское ополченіе воеводствъ: краковскаго, самодырскаго, ленчицкаго, сѣраднанаго и другихъ. Лагерь защищали пѣхота и челою. Непріятель покрывалъ все поле на мѣлю разстоянія; на лѣвомъ его флангѣ (противъ нашего праваго) стоялъ ханъ со всеми ордами; на правомъ—Хмельницкій съ козаками, желавшій отличиться въ глазахъ хана.

Въ такомъ порядкѣ оба войска придвинулись другъ къ другу; наши остановились у послѣдняго полеваго редута. Хмельницкій выдвинулъ свой таборъ на гору, но, не желая первымъ вступать въ дѣло, онъ съ утра до полудня медлялъ. Непріятели ограничивались тѣмъ, что вызывали нашихъ герцовниковъ; но король запретилъ принимать вызовъ подъ опасеніемъ смертной казни; король въ свою очередь не желалъ идти въ атаку и ограничился артиллерійскимъ огнемъ, который производилъ въ рядахъ непріятеля нѣкоторое смущеніе. Такое положеніе продолжалось до трехъ часовъ по полудни. Наконецъ король, убѣдившись, что непріятель не хочетъ начинать дѣла, собралъ на совѣтъ начальниковъ, болѣе близко къ нему расположенныхъ отрядовъ и предложилъ вопросъ о томъ, что слѣдовало предпринять. Нѣкоторые, не безъ основанія, высказали мнѣніе, чтобы отложить битву на слѣдующій день, такъ какъ время уже клонилось къ вечеру и вѣтеръ дулъ въ лице нашему войску; но когда мнѣніе это было высказано, князь Вишневецкій, отъ имени всего войска, стоявшаго на лѣвомъ флангѣ, заявилъ желаніе, чтобы тотчасъ начинать битву и прислалъ Денгофа, старосту быдгоскаго, къ королю съ заявленіемъ отъ имени своего и всего войска полной го-

товности вступить въ бой и съ просьбою подать знамя къ атака. Король возрадовался въ сердцѣ своемъ, узнавъ о таковомъ рѣшеніи войска, и, принявъ свое казѣ кѣрное предназначеніе будущей побѣды, охотно склонился къ ихъ просьбѣ и выдалъ старостѣ быдгоскому приказъ къ наступленію, сообщивъ ему притомъ свое монаршее благословеніе. Дашь только поспѣвѣй сообщилъ князю этотъ приказъ; тотчасъ грянули трубы и барабаны, и самъ князь тронулся съ лѣвымъ флангомъ, ставъ впередъ его съ 18-ю хоругвами кварцянскаго войска. Непривели также давулись впередъ всю массую конницы и табора; они приступали быстро, особенно Хмельницкій съ козаками, такъ что онъ опередилъ лѣвый свой флангъ, на которомъ стояли татары, и первый началъ битву. Съ нимъ столкнулся князь Вишневецкій, которому въ поддержаніе пошли дворяне воеводствъ: краковскаго, сандомирскаго, ленчицкаго и другихъ. Весь этотъ флангъ исчезъ вскорѣ въ толпѣ непріятелей и долгое время ихъ не было видно; только раздавался гулъ отъ выстрѣловъ пушечныхъ и ружейныхъ; наши полагали, что никто изъ нихъ болѣе не возвратится. Оказалось однако, что эта атака увѣчалась успѣхомъ; стремительнымъ и быстрымъ движеніемъ они заставили попытаться все козацкое войско и разорвали таборъ, хотя при этомъ и сами понесли чувствительныя потери. Въ помощь козакамъ пришли татары отъ лѣваго фланга и тогда ряды наши, не будучи въ состояніи удержать напора слишкомъ численнаго врага, стали ослабѣвать и отступать къ редутамъ; но премыслу Божию угодно было поддержать ихъ; они оправились и возобновили наступленіе столь успѣшно, что непріятель, побѣжденный нашею рѣшимостью, долженъ былъ наконецъ податься. Козаки отступили въ свой таборъ (хотя онъ въ началѣ и былъ разорванъ, но они успѣли его возстановить), орда же удалилась на близъ лежащую гору. Когда лѣвый флангъ, которому принадлежитъ вся слава этого дня, столь храбро сражался, король съ ореднимъ корпусомъ двигался также впередъ въ большемъ порядкѣ; на него налетѣли большіе отряды татаръ, издавая, по своему обычаю, громкій крикъ: „Аллахъ! Аллахъ!“ Тѣмъ не менѣе полки наши наступали неустрашимо; впереди полковъ королевской гвардіи, князя Богуслава Радзивилла и Гоффальда, находившихся въ первомъ ряду корпуса, расположены были пушки, которыми весьма искусно управлялъ генералъ артиллеріи Сигизмундъ Пржыемскій; артиллеристы, дѣйствуя безъ усталы мѣткими выстрѣлами, до того

смутили врага и нанесли ему столь чувствительныя потери, что онъ не былъ въ состояніи выдержать нашего напора и, наконецъ, позорно обратился въ бѣгство; всѣ татарскія орды, какъ-бы ослабленныя, бросились бѣжать по направленію къ Лесневу, оставивъ лишь нѣсколько отрядовъ конницы для прикрытія; конница эта съ кривами „Аллахъ“ старалась скрыть отступленіе, но, когда подошелъ нашъ правый флангъ, арьергардъ татарскій отступилъ и бросился въ бѣгство вслѣдъ за своимъ войскомъ; въ погоню за ними отправилась полка праваго фланга, но настичь ихъ удалось только одному полку короннаго хорунжія; вскорѣ наступила ночь и, вслѣдствіе строгаго королевскаго приказа, они должны были возвратиться къ войску. Впрочемъ и помимо этого трудно было настичь татаръ, ибо они бѣжали съ неимоверною быстротою, сбрасывая для облегченія: сѣдла, бурки, казаны и другія тяжести. Палатки свои они бросили въ кошъ: ханскую палатку и его экипажъ получилъ въ добычу хорунжіи коронный. Ханъ со всѣми ордами остановился въ ту ночь лишь за четыре мили въ мѣстечкѣ Козинѣ, жителей котораго онъ приказалъ перебить поголовно. Козаки и хлопы послѣ пораженія затворились въ таборѣ, который они кое-какъ сомкнули, и стали отступать; когда они наткнулись на рѣчку Пляшовую, то, опасаясь, чтобы во время переправы наши не разорвали ихъ табора, остановились на берегу болота и стали лагеремъ въ долині. Наши, пользуясь побѣдою, безпрестанно на нихъ напирала, пока темнота ночи не заставила ихъ прекратить нападеніе въ виду столь осторожнаго и предусмотрительнаго противника. Войско наше расположилось на возвышенностяхъ, господствовавшихъ надъ козацкимъ таборомъ, и, благодаря Господа за столь важную побѣду, пропѣло гимнъ: „Тебе, Бога, хвалимъ!“ Оно простояло на этомъ мѣстѣ подъ знаменами, въ строю, не сходя съ лошадей, всю ночь, не смотря на сильный дождь, услаждая эту невзгоду воспоминаніемъ о побѣдѣ и присутствіемъ короля, которое воспомоществовало ободренію его духа.

Разсматривая подробности этого сраженія, всѣ единогласно были того мнѣнія, что война могла бы быть кончена однимъ ударомъ и отечество освободилось бы отъ дальнѣйшихъ невгодъ, если бы битва была начата раньше, такъ чтобы дневнаго свѣта хватило для истребленія врага, и, особенно, если бы правый флангъ дѣйствовалъ также энергично, какъ лѣвый, по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже орда обратилась въ неукротимое бѣгство и

козацкій таборъ былъ разорванъ лѣвымъ флангомъ; но правый флангъ сильно опоздалъ и отсталъ на полъмили отъ средняго корпуса, вслѣдствіе чего и орда имѣла время убѣжать, прикрывъ свое бѣгство, и казаки, утомивъ лѣвый флангъ, не получавшій подкрѣпленія отъ праваго, успѣли возстановить свой строй, сомкнули таборъ и отступили къ болотамъ, гдѣ уже труднѣе было съ ними сладить. Король нѣсколько разъ посылалъ настоятельный приказъ воеводѣ брацлавскому, который въ тотъ день командовалъ правымъ флангомъ (за отсутствіемъ великаго гетмана Потоцкаго) и маршалу коронному, требуя, чтобы они успѣшили занять мѣсто во фронтѣ на одномъ уровнѣ съ другими частями войска, и даже угрожая смертью за ослушаніе; но тѣ отвѣтили, что предпочитаютъ смерть гибели отечества и короля, оправдывая свою медленность тѣмъ, будто въ прилегавшемъ къ нимъ лѣсу устроена засада, и требовали, чтобы король прислалъ имъ нѣсколько пушекъ, обѣщая, обстрѣлявъ лѣсъ и удаливъ изъ него засаду, двинуться впередъ и выровняться съ общимъ фронтомъ. Впослѣдствіи, въ оправданіе этого опасенія, они утверждали, что когда regimentъ Крейца съ двумя эскадронами конницы и двумя пушками, присланными королемъ, проникъ наконецъ въ тотъ лѣсъ, то заставилъ удалиться бывшихъ въ засадѣ непріятелей. Странно, что они такъ долго сторожили засаду и дозволили ей отступить невредимо. Впрочемъ многіе, даже изъ числа находившихся на томъ флангѣ, утверждали, что никакой засады и не было и что это была лишь пустая выдумка, придуманная для того, чтобы уклониться отъ опасности, предстоявшей при штурмѣ козацкаго табора. Какъ-бы то ни было, несомнѣнно однако, что это замедленіе было причиною, воспрепятствовавшее окончателю истребить врага и положить такимъ образомъ конецъ этой несчастной войнѣ. Пришлось намъ удовлетвориться хотя неполною, Богомъ намъ ниспосланною, побѣдою. Она, тѣмъ не менѣе, была весьма знаменита: мы побѣдили народы варварскіе, безчисленные, сбѣжавшіеся съ отдаленнѣйшихъ странъ. Передъ саблею короля преклонились и въ паническомъ страхѣ бѣжали дикія татарскія орды: силистрійская, урумельская, добруджская, также турки, волохи, урумбеки, пятигорцы—полчища, созванныя отъ береговъ Ледовитаго моря, отъ подножія гиперборейскихъ горъ и отъ моря Каспійскаго; важнѣе же всего то, что мы сломили въ полѣ зловреднаго звѣря—Хмельницкаго и безчисленную запорожскую сараву, загнали ихъ съ

большимъ урономъ въ таборъ и предоставили дальнѣйшей мести побѣдоноснаго королевскаго оружія. Вѣроятно, со времени битвы подъ Грюнвальдомъ, отечество наше, а можетъ быть и весь міръ, не видали столь знаменитаго сраженія; съ обѣихъ сторонъ въ ней принимало участіе, по меньшей мѣрѣ, 500,000 человекъ. Этому не повѣрять ни иностранцы, ни, можетъ быть, даже наши потомки. Очевидцы сами болѣе изумлялись, чѣмъ вѣрили. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ случилось то, что мы считали невозможнымъ, именно—произошелъ разрывъ орды съ Хмельницкимъ; правда, съ нашей стороны шагъ былъ отчаянный: мы бросили все, поставивъ въ одинъ разъ на рискъ существованіе нашего отечества. Но Господу не угодно было допустить посрамленія своего помазанника, святой католической вѣры и находившихся подъ его охраною церквей.

Въ трехдневной этой битвѣ мы потеряли до 700 человекъ, главнымъ образомъ, изъ числа товарищей и дворянъ вѣдомствъ: раковскаго, сандомирскаго и ленчицкаго; козаковъ легло безсрочно больше, татары-же своихъ убитыхъ тотчасъ подбирали, стараясь даже не допустить ихъ падать съ лошадей. Объ этой битвѣ можно сказать то, что сказано о битвѣ римлянъ съ Югурою: „никогда мы не сражались съ такимъ успѣхомъ и съ столь жалымъ пролитіемъ нашей крови“. Козаки также никогда не держивали большей побѣды съ столь незначительными потерями. Вся слава этой побѣды должна быть отнесена королю, хотя должны быть упомянуты имена и тѣхъ лицъ, которые ему въ начителной мѣрѣ помогли, а именно: гетмана Николая Потоцкаго, князя Іереміи Вишневецкаго, хорунжія короннаго Конецпольскаго, писаря польскаго Пржыемскаго, генерала Губальда, которому король публично заявлялъ благодарность, и многихъ другихъ, прилагавшихъ всевозможныя усилія для того, чтобы доставить королю эту побѣду, за которую да прославится имя Господне.

Ханъ бѣжалъ постыдно, не испробовавъ надлежаще своихъ силъ и не сразившись серьезно съ нами какъ потому, что Божіею милостію сердца непріятелей поражены были страхомъ, такъ, главнымъ образомъ, потому, что Хмельницкій представилъ ему наше войско весьма слабымъ, составленнымъ изъ остатковъ раньше разбитыхъ армій; но, когда ханъ увидѣлъ, что вся сила таборъ Хмельницкаго не только не имѣютъ успѣха, но должны позорно отступать, когда при томъ самъ испыталъ наши силы въ

трехдневныхъ стычкахъ, при чемъ въ среду его отборная конница была двумя нашими полками прогнана за переправу, а въ четвергъ онъ потерялъ въ битвѣ болѣе 1,000 всадниковъ изъ своей гвардіи,—онъ предпочелъ, не ожидая конца битвы, и не подвергая себя и своей орды дальнѣйшей опасности изъ-за козаковъ, уклониться благовременно отъ пораженія и удалиться въ свои кочевья. Наши, впрочемъ, не вполне доверяли его бѣгству, полагая, что татаре, по скиѣскому обычаю смѣняющіе бѣгство нападеніемъ, могутъ еще возвратиться или, по крайней мѣрѣ, прислать часть орды для того, чтобы испробовать счастья; но вскорѣ убѣдились въ неосновательности этихъ предположеній, ибо наши разъѣзды, ходившіе за ними въ погоню, возвратились съ извѣстіемъ, что они по дорогѣ не только сожигаютъ города и села и истребляютъ ихъ жителей, но даже, встрѣтивъ небольшой таборъ козацкій, шедшій къ главному войску и не знавшій о его пораженіи, напали на него и перебили всѣхъ козаковъ; наши же солдатамъ, гнавшимся за ними, они кричали: „не бѣги!—татаръ утикаешь—Хмельницка застаешь!“

Хмельницкій, соображая дурной исходъ дѣла, видя, что его таборъ осажденъ, и опасаясь, чтобы козаки не были принуждены выдать его, въ случаѣ если онъ останется въ таборѣ, заблаговременно озаботился о своей безопасности и спасеніи. Онъ, вѣсть съ совѣтникомъ своимъ Выговскимъ, помчался за ханомъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто онъ нахвренъ упросить хана возвратиться съ ордою къ табору и не оставлять козаковъ на произволь судьбы. Но все это былъ лишь предлогъ, придуманный для того, чтобы отдѣлаться отъ осажденныхъ козаковъ и хлоповъ, которые безъ того навѣрно бы его не отпустили и, выдавъ его головою, могли бы обезпечить собственное спасеніе; потому онъ и былъ принужденъ обмануть ихъ подъ благовиднымъ предлогомъ.

(Продолженіе будетъ).

Переписка гр. П. А. Румянцева о возстаніи въ Украинѣ 1768 года.

Въ то время, когда достоуважаемый Н. И. Костомаровъ сообщилъ намъ 14-ть документовъ относительно «Колівщины», помѣщенные въ августовской книжкѣ «Кіевской Старины», въ нашешъ распоряженіи было больше чѣмъ въ три раза документовъ той-же категоріи, имѣющихъ одно общее съ ними происхожденіе, находившихся въ одномъ и томъ-же архивѣ, но, по случайностямъ архивной судьбы, попавшихъ въ нныя руки. Ихъ слѣдовало снова соединить въ одну коллекцію, распредѣлить хронологически и въ такомъ видѣ предложить вниманію читателей. Мы не слѣдали этого ради цѣннаго предисловія почтеннаго историка нашего, которое обнимало содержаніе лишь одной части документовъ, ему доставшихся; мы имѣли притомъ въ виду, что, кромѣ тѣхъ и другихъ документовъ, могутъ быть открыты, пожалуй даже скоро, новые, къ тому-же событію относящіяся и изъ того-же источника заимствованные, и—каждая новая серія ихъ будетъ требовать новаго поясненія.

Документы, которыхъ печатаніе мы теперь начинаемъ, составляли отдѣльный сборникъ, начатый еще въ 1851 году извѣстнымъ изслѣдователемъ нашей старины М. А. Максимовичемъ и предназначавшійся имъ для кіевской археографической комисіи, его налюбленнаго дѣтяца, ему главнымъ образомъ обязаннаго своимъ рожденіемъ. По смерти его, эта коллекція, очевидно далеко неполная и неоконченная, досталась достойнѣйшему продолжателю его трудовъ, Вл. Б. Антоновичу, предоставившему ее въ наше распоряженіе. Общее число переданныхъ намъ документовъ простирается до 50-ти и обнимаетъ собою время 1768—1779 г., а наибольшее ихъ число принадлежитъ къ 1768 году. Всѣ они извлечены покойнымъ Михаиломъ Александровичемъ изъ архива военно-походной канцеляріи бывшаго президента малороссійской коллегіи и малороссійскаго генераль-губернатора, гр. П. А. Румянцева, впоследствии получившаго титулъ Задунайскаго. Собственно это есть переписка гр. П. А. Румянцева, веденная имъ по дѣлу народнаго возстанія въ сопредѣльной съ райономъ его управленія тогдашней польской области, нынѣшней юго-западномъ нашешъ краѣ, и главнымъ образомъ въ предѣлахъ нынѣшней кiev-

ской губернии, и представляет ряд всеподданнейших и других его писем и реляций, отношений, ордеров или приказов и т. под., но рядом с исходившими от Румянцева бумагами, есть (къ сожалѣнію, не многія) бумаги, къ нему поступавшія, каковы нѣкоторые сообщенія кievскаго генералъ-губернатора М. Воейкова, донесенія подчиненныхъ ему лицъ и другія частныя сообщенія. Переписка касается не одного только возстанія украинскаго, но и возникшаго почти одновременно съ нимъ и стоящаго съ нимъ въ тѣсной связи польскаго бунта, окрещеннаго отъ современной шляхты деликатнымъ именемъ конфедераціи, и это увеличиваетъ ея интересъ. Въ ней, кромѣ множества другихъ второстепенныхъ лицъ, выступаютъ главнѣйшіе наши государственные дѣятели того времени: президентъ коллегіи (министерства) иностранныхъ дѣлъ, заправитель нашей иностранной политики, гр. Н. И. Панинъ, чрезвычайный нашъ посолъ при варшавскомъ дворѣ, кн. Н. В. Репнинъ, въ кругъ обязанностей котораго входила защита угнетаемыхъ православныхъ обитателей королевства польскаго, гр. П. А. Румянцевъ, управлявшій лѣвобережною Украиною и Запорожемъ, на обязанности котораго естественно лежало охраненіе спокойствія и безопасности со стороны правобережной, тогда польской Украины, и кievскій генералъ-губернаторъ Ѳ. М. Воейковъ, управлявшій небольшою частію нынѣшней кievской губерніи по Васильковъ и такъ называемую Ново-Сербію, т. е. поселенными между границею польской Украины и Запорожья пикнерными и компанейскими полками, и вѣдавшій всѣ пограничныя сношенія съ Польшою и Крымомъ. Къ сожалѣнію, переписка эта открываетъ намъ волюгъ взгляды и отношенія къ событію 1768 г. лишь одного Румянцева, относительно-же остальныхъ лицъ мы узнаемъ лишь по отвѣтнымъ его письмамъ и разбросаннымъ въ нихъ намекамъ и указаніямъ. Тѣмъ не менѣе печатаемые теперь документы въ значительной степени освѣщаютъ мрачную драму «Коліивщины», опредѣляютъ съ большею точностію обстоятельства, ближайшимъ образомъ ее вызвавшія, устанавливаютъ истинный характеръ этого событія и обнаружившіяся въ немъ завѣтныя стремленія украинскаго населенія, показываютъ дѣйствительныя отношенія къ нему русскаго правительства, указываютъ мѣста и дѣйствія главныхъ предводителей возстанія и рисуютъ, согласно съ народнымъ мѣстнымъ преданіемъ, характеръ и значеніе пресловутой польской конфедераціи, вообще-же открываютъ не мало новыхъ историческихъ данныхъ.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ указанію содержанія помянутыхъ документовъ, коснемся для ясности дѣла обстоятельствъ, предшествовавшихъ событію, о которомъ они говорятъ.

Мы не станемъ повторять извѣстныхъ уже въ нашей наукѣ положеній, что гайдамачество было видоизмѣненною формою козачества и что оно представляло изъ себя протестъ противъ тогдашняго общественнаго строя; но мы не можемъ не замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ положеніи есть значительная доля неопредѣленности и даже невѣрности исторической, вслѣдствіе чего и самое событіе, котораго касаются предлагаемые документы, такъ называемая Коліивщина, получаетъ

не точную окраску. Когда говорят, что гайдамачество являлось протестом против тогдашняго строя жизни, то разумеют преимущественно строй гражданскій, положеніе социальное, условия экономическія. Не на этой почвѣ выросла Колівинщина, — вотъ что мы хотимъ сказать, съ документами въ рукахъ. Заселеніе Украины, обезлюдившейся по волѣ Петра I, случилось такъ недавно, что экономическія отношенія новыхъ поселенцевъ на земляхъ, какъ-бы арендуемыхъ ими, за извѣстную, сравнительно легкую работу въ пользу ихъ владѣльцевъ, еще не могли обостриться; пользованіе землею продолжало быть болѣе или менѣе льготнымъ, закрѣпленія, какое было въ другихъ русскихъ областяхъ Польши, не было здѣсь и долгое время послѣ Колівинщины, и не экономическія нужды вызвали кровавую расправу украинцевъ съ владѣтелями ихъ родной земли. Тотъ общій въ тогдашней Польшѣ порядокъ, что помѣщикъ являлся полновластнымъ господиномъ поселившагося на его землѣ крестьянина, и могъ лишить его всего, самой жизни, не отвѣчая предъ закономъ, не могъ зародить борьбы на жизнь и смерть въ сферѣ чисто экономическнхъ отношеній, которыя не давали къ тому ни повода, ни причины: населеніе было рѣдкое, земли было вдоволь, богатѣйшая, много лѣтъ гулявшая почва кипѣла, можно сказать, медомъ и млекоу и сторицею вознаграждала трудъ земледѣльца, самые-же помѣщики и ихъ многочисленные агенты должны были дорожить рабочею силою. Современные акты мало или вовсе не представляютъ указаній на существованіе тогда въ Украинѣ гнета экономическаго. Борьба между шляхетствомъ и подвластнымъ южнорусскимъ крестьянствомъ возникла и выросла на почвѣ религиозныхъ гоненій и мученій въ буквальномъ и самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Начало ихъ одинъ изъ современныхъ документовъ относитъ къ 1736 г., т. е. къ первымъ временамъ заселенія Украины, но усилились они и приняли систематическій характеръ съ 60-хъ годовъ и особливо съ 1764 г., когда на сеймѣ этого года всѣ диссиденты, въ томъ числѣ и православные, лишены были свободы вѣроисповѣданія, съ воспрещеніемъ имъ доступа къ общественнымъ и гражданскимъ должностямъ. Въ короткое время большая часть православныхъ церквей была обращена въ унию, такъ называемые благочестивые священники изгнаны изъ своихъ приходоу, дома и имущества ихъ разорены, сами они и защищавшіе ихъ прихожане подвергались самымъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ насиліямъ. Всѣмъ этимъ дѣломъ управляла радоуысльская униатская консисторія; исполнителями ея распоряженій являлись униатскіе священники въ особыхъ должностяхъ инструктороу и инстигатороу, а ревностѣйшимъ пособникомъ — разсыпанная по имѣніямъ польскихъ паноу польская шляхта, въ видѣ губернатороу, комиссароу, посесороу, арендатороу, экономоу, лѣсничихъ и т. под. Религиозный фанатизмъ проникалъ тогда всѣ слои польскаго общества, пропаганда униі не одно столѣтіе была душоу онаго, ова всасывалась съ молокомъ матери, усиливалась воспитаніемъ, проповѣдью и исповѣдію ксендзоу, поддерживалась всѣмъ строемъ правительственной и общественной жизни; всякій шляхтичъ считалъ себя миссіонеромъ. Ближайшимъ по-

дожъ къ релігійознымъ насиліямъ надъ православнымъ украинскимъ населеніемъ служило то обстоятельство, что на обширномъ пространствѣ всего юго-западнаго края давно не было ни одного православнаго епископа и никакой іерархической власти, а власть заграничнаго епископа переяславскаго, къ которому, съ разрѣшенія св. синода, относилось по дѣламъ вѣры православное населеніе Украины, не считалась здѣсь законною. Уніатскіе митрополиты считали Украину своею діоцезією и не могли равнодушно смотрѣть на появленіе въ ней, вмѣстѣ съ ея заселеніемъ, *имамъ*; напротивъ, они вслѣдствіи старались о насажденіи здѣсь уніи, въ чемъ дѣятельно помогала имъ шляхта, пользуясь своимъ соціальнымъ господствомъ и употребляя въ дѣло учрежденное не задолго предъ тѣмъ для противоудѣльствія гайдамакамъ и содержавшееся въ городovýchъ и помѣщичьихъ замкахъ миллионное войско, съ именованіемъ козаковъ.

Сильное, энергическое ходатайство за угнетенный украинскій народъ назначеннаго отъ переяславскаго архіерея правителемъ украинскихъ монастырей и церковей игумена мотренинскаго монастыря Мелхиседека Значко-Яворскаго, его побѣдка въ Петербургъ, гдѣ онъ милостиво былъ принятъ имп. Екатериною, а оттуда въ Варшаву съ рескриптомъ императрицы на имя нашего посла кн. Репнина, и вмѣстѣ съ симъ посланка особой ноты или письма Екатерины къ самому польскому королю дали дѣлу православія въ Украинѣ неожиданный оборотъ. Особымъ привилеемъ король Станиславъ-Августъ дозволялъ свободу исповѣданія православнымъ жителямъ Украины. Отъ имени короля и по его приказанію, вице-канцлеръ коронный Млодзѣбовскій писалъ внушительныя письма уніатскому митрополиту и епископамъ, а также главнѣйшимъ украинскимъ помѣщикамъ Яблоновскому, Любомірскому и Сангушкѣ, требуя прекращенія гоненій на православныхъ и законнаго съ ними обращенія. Независимо отъ того Мелхиседеку выданы были изъ коронной метрики за королевскою печатю копиі грамотъ прежнихъ королей на свободное исповѣданіе православной вѣры. Это было въ февралѣ 1766 г. Гоненія между тѣмъ на православныхъ не прекращались во все время путешествія Мелхиседека, продолжавшагося около года. Когда же съ возвращеніемъ его началось въ украинскіхъ церквахъ чтеніе королевскаго привилея, ограждавшаго свободу православія, это, съ одной стороны, высоко подняло духъ народный и массы приневоленныхъ предъ тѣмъ къ уніи снова возвратились къ православію, съ другой — довело до изступленія ихъ враговъ и вызвало этихъ послѣднихъ на новыя жесточайшія преслѣдованія иновѣдниковъ православія. Польша находилась тогда въ періодѣ полнаго разложенія; то была пора полнаго безсилія закона и всякой власти, не исключая и королевской. Распущенная шляхта цинично глумилась надъ выдавнымъ королевскимъ привилеемъ, указывая для него самое непристойное назначеніе; шляхтичъ Хойновскій азартно кричалъ: «я королю отрубятъ голову за то, что схизматикамъ выдалъ привилей». Возвращеніе къ православію только что приневоленныхъ «бѣснъ нещаднымъ» къ уніи сочтено было бунтомъ, ходатайство Мелхиседека предъ импера-

трицею и королею — тяжкимъ преступленіемъ, самъ онъ объявленъ бунтовщикомъ, достойнымъ самой тяжкой кары. Такой декретъ выданъ былъ на него и на всѣхъ непокоряющихся униі отъ радомысльской униатской консисторіи. Видно, упомянутыя письма вице-канцлера цѣнились еще менѣе, чѣмъ королевскій привилей. Этимъ декретомъ отпавшіе отъ униі священники объявлялись лишенными своихъ мѣстъ и подлежащими строгому тѣлесному наказанію и изгнанію, на непокорныя громады налагались огромные денежные штрафы, съ обращеніемъ ихъ на постройку миссіонерскаго дома и содержаніе миссіонеровъ униі. И все это должны были привести въ исполненіе агенты помѣщичьей власти, подъ опасеніемъ суда латинской консисторіи... Самъ Мелхиседекъ потребованъ былъ къ суду униатскаго офиціала Мокрицкаго. Командамъ пограничныхъ форпостовъ на Дятлѣ отданъ былъ строжайшій приказъ не пропускать никого въ Переяславъ, сношенія внутри въ такой степени были стѣснены, что, по выраженію Мелхиседека, никуда не пускали «а ни человекъ, а ни жидъ». Всякая попытка пробраться къ епископу для рукоположенія, полученія антииниса или иной надобности наказывалась самымъ жестокимъ, кievъ въ триста, боемъ. На одномъ изъ такихъ форпостовъ схваченъ былъ и Мелхиседекъ, возвращавшійся изъ Переяслава, и, послѣ всевозможныхъ личныхъ надъ нимъ насилій и издѣвательствъ, завезенъ былъ въ кандалахъ на Волинь и тамъ, въ м. Грудкѣ, замурованъ въ каменной тюрьмѣ, гдѣ едва не лишился жизни. Вступившее предъ тѣмъ въ Украину польское войско, такъ называемая украинская партія, подъ командою Воронича, навела ужасъ на все живущее. Начались страшные побои на войско, народъ массами стогнали на работы въ обозъ подъ м. Ольшаной. Вороничъ рассылалъ летучіе отряды для усмиренія бунтующихся, т. е. не желающихъ принять униі, и каралъ жестоко. Сопровождавшему Мелхиседека въ Переяславъ сотнику жаботинскому Харьку отрублена голова въ конюшинѣ, млевскій ктиторъ Даніилъ Кушниръ всенародно сожженъ въ обозѣ подъ м. Ольшаной. Въ то же время униатскій офиціалъ Мокрицкій, утвердивши свою резиденцію въ Корсунѣ, съ толпою инструкторовъ и инстигаторовъ, съ отрядами вооруженныхъ козаковъ, разъѣзжалъ по Украинѣ, бралъ съ бою церкви, ловилъ монаховъ и священниковъ, билъ ихъ смертно, заковывалъ въ желѣза, забивалъ въ кандалы и подъ карауломъ отправлялъ въ Радомысль, гдѣ ихъ снова давали по 600 и 800 ударовъ, бросали въ срадные ямы, заставляли тачками возить землю. Не лучше было и положеніе мірянъ: надъ ними производили неизобразимыя и нечислимыя насилія, — нныхъ до смерти забивали, другимъ рты разрывали, руки и ноги выворачивали. Шляхта и духовенство униатское шеголяли другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи мукъ и казней; буйство, распушенность, необузданное своеволие спорили съ фанатизмомъ и непримиримою злобою. Такъ называемыя «похвалки», или угрозы безумствовавшей шляхты, довершали смятеніе и ужасъ народа. Нерѣдко цѣлымъ громадамъ объявлялся смертный приговоръ, назначался день и часъ казни, или-же безъ означенія срока грозили всѣхъ истребить поголовно. «Людямъ смертнымъ

страхъ мечтался, и всё лишенія имущества и живота ожидали». По мѣстамъ дѣйствительно готовились къ смерти, надѣвали чистыя рубахи, исповѣдывались, прообщались, на вѣки прощались; въ другихъ мѣстахъ поголовно оставляли жилища, уходили въ лѣса, горы и дебри. Въ глуменіяхъ, издѣвательствахъ шляхты и причтаніяхъ при совершеніи истязаній ясно слышалось, противъ кого и чего и за что направлялась эта адская, непримиримая злоба и неистовство: «ото тебе бьетъ благочестіе твое»; «о то тобі за государыню, за короля, за св. правительствующій синодъ, за архіерея и за вся православныя хрістіане»; «а му-те-жь, нуте лучше того *зрѣка*». Били «смертно розками, дисциплинами, барбарами», били нагаями и кіями, списами и ружейными присошками, руками и ногами, били, пока прочитывалось: *Помилуй мя, Боже и Блаженіи непорочнии*, били «духу послушаючи», т. е. пока душа въ тѣлѣ держалась. А со стороны народа одинъ былъ отвѣтъ: «отнимите у насъ жизнь, но мы не хочемъ быть въ униі». «Пристань, всіенже, на єдність, то велю сейчасъ изъ пушекъ палить», — говорилъ комиссаръ Каменскій Мелхиседеку, попавшему въ руки униатовъ и не разъ бывшему уже на волость отъ смерти; но тотъ отвѣчалъ: «хотя и безвременно пропаду, но за вѣру постражаю; на унию-жь не пристану».

Эта страшная картина народныхъ страданій не измѣнялась ни на іоту до конца 1766 г., удерживалась въ теченіе всего слѣдующаго и въ началѣ роковаго 1768 г. Мѣнялись мѣста, лица, дѣйствія, но раздражающая душу драма оставалась неизмѣнною вплоть до того момента, когда многострадальный и многотерпѣливый, но разъяренный народъ возсталъ, какъ левъ, въ неумолимой мести своей. Любопытствующимъ подробностями этой драмы отсылаемъ къ изданнымъ кievскою археографическою комиссіею актамъ (Архивъ юго-запад. Россіи ч. 1, т. II и III), мы-же доскажемъ вкратцѣ лишь конецъ оной.

Тщетно Мелхиседекъ, еще до заключенія своего сперва въ гродской, потомъ въ дерманской тюрьмѣ, и добродѣтельнѣйшій 84-лѣтній старецъ Гервасій Линцевскій, епископъ переяславскій, старались остановить мучителей, оградить мучимыхъ посредствомъ жалобъ и протестовъ, ссылаясь на королевскій привилей, на мирныя трактаты, на грамоты прежнихъ королей. Самыя напряженныя ихъ усилія не приводили ни къ чему. То была пора крайняго релігіознаго возбужденія въ Польшѣ. Сеймы слѣдовали за сеймами; на нихъ шли бурныя, ожесточенныя пренія, а главнымъ предметомъ ихъ, злобою, такъ сказать, дня былъ вопросъ о диссидентахъ, или не согласныхъ съ ученіемъ католической церкви. Въ предсмертной агоніи своей Польша силилась остаться ультра-католической и не хотѣла допустить существованія въ ея предѣлахъ еретиковъ, къ которымъ прежде всего относима православныхъ. Папа особю буллою на имя принаса королевства разжигалъ страсти и безъ того фанатическаго духовенства. Сеймъ 1766 г. отвергъ всё домогательства иностранныхъ дворовъ о правахъ диссидентовъ; всё протесты и жалобы ихъ были отвергнуты, въ частности жалобы украинцевъ сочтены были бунтомъ. Сеймъ слѣ-

дующаго года былъ благопріятнѣе для дѣла диссидентовъ; въ виду рѣшительнаго настоянія иностранныхъ государей, особливо Екатерины, имъ возвращена была свобода вѣроисповѣданія, дарованы гражданскія и общественныя права наравнѣ съ католиками. Въ общей судьбѣ ихъ рѣшено было и дѣло украинцевъ, а для разбора жалобъ ихъ на униатовъ и поляковъ назначался смѣшанный судъ. Но такое вынужденное постановленіе, еще до ратификаціи онаго на сеймѣ слѣд. 1768 г., вызвало страшное волненіе въ Польшѣ. Раздраженная уступками въ пользу иновѣрцевъ шляхта возстала открыто противъ короля, называя его *наимитомъ московскимъ*. Король призвалъ русскія войска; главные зачинщики движенія были арестованы Репниннымъ и отправлены въ Калугу, сеймъ отложенъ до половины февраля и хотя на немъ утверждено постановленіе предъидущаго сейма, но это не только не предотвратило готовившагося взрыва, а напротивъ ускорило развязку событій въ Украинѣ.

Народъ жилъ своею логикою; всего менѣе ему могли быть извѣстны дѣйствія дипломатіи, направленіе внутренней политики; онъ поступалъ, какъ требовали совершавшіяся предъ глазами его событія. А въ Украинѣ, какъ мы уже говорили, творились неизобразимые ужасы. «Ярости и свирѣпства униатовъ не утишались, но паче вставали, за пособленіемъ губернаторовъ и придворскихъ людей», «народъ находился въ такой тѣснотѣ и нуждѣ, каковы были развѣ во времена апостольскихъ». «Губернаторы и другіе паны, кто вырвется, мучили безъ уваги».

Зловѣщіе признаки готовившагося общаго взрыва носились то тамъ, то здѣсь гораздо прежде сего. «Будетъ война», говорилъ Мелхиседекъ, возвратясь изъ Петербурга и Варшавы два года назадъ. «Берегись, писалъ онъ потомъ лютому мучителю Мокрицкому, бо то не съ жидами справа». «Коли лихо тихо, то надо-бъ его и кожухомъ укрывать», — замѣчалъ предѣстникъ Мокрицкаго. Мирные разныхъ оттѣнковъ протестанты еще въ декабрѣ 1766 г. образовали конфедерацію въ Слуцкѣ и рѣшили защищать свою свободу съ оружіемъ въ рукахъ, призывая къ тому-же и православныхъ. Въ мартѣ слѣдующаго года, въ обители иотреннинской козацъ Иванъ просилъ у намѣстника благословенія «выкрикать на затыгъ», но яличныя силы признаны были недостаточными и моватъ Филостервъ Самбекъ повезъ письмо «до Гарду (въ Сѣчь), щобъ голота прибула». Весь однако 1767 и начало 1768 г. прошли безъ взрыва; только стонъ стоялъ по всей Украинѣ отъ невыносимыхъ страданій «благочестиваго священства и народа». Конфедерація, зародившаяся въ Барѣ и глынувшая въ Украину, переполнила чашу народныхъ страданій и была непосредственною причиною «Коліивщины», какъ вѣрно, по живому преданію, опредѣлилъ народный поэтъ:

Руйнували, мурдували,
Церквами топили,
А тимъ часомъ гайдамаки
Ножи освятили...

Свергнуть преданнаго Россіи короля, выгнать русскія войска изъ Польши, возстановить во всей широтѣ вольность шляхетскую, — таковы были стремленія конфедератовъ, но ихъ конечная цѣль — разорить церкви православныя, истребить схизматиковъ-еретиковъ. Все это польско-шляхетское движеніе имѣетъ религіозную окраску; самъ папа руководить имъ, даетъ денежное вспоможеніе. Конфедераты, вступивъ въ Украину, чтобы подкрѣпить себя тѣми военными силами, какія находились тамъ въ помѣщичьихъ дворахъ и городскіихъ замкахъ, остались вѣрными основному характеру движенія и начали съ того, чѣмъ должны были кончить. Запылала Украина, начались неслыханныя неистовства надъ беззащитнымъ народомъ. Шляхта открыто хвалилась, что въ ничто обратитъ страву. Народъ не вытерпѣлъ, призвалъ запорожцевъ. Въ апрѣлѣ разлилась конфедерація, въ маѣ вспыхнуло народное возстаніе. Тутъ связь ближайшая, непосредственная, очевидная, а это измѣняетъ взглядъ на самое возстаніе. То не былъ бунтъ противъ власти помѣщичьей или государственной изъ-за гнета экономическаго, во имя независимости и свободы гражданской, не было принципиальное непризнаніе польской власти и господства и, если эти чувства и убѣжденія были воспитаны въ украинскомъ народѣ всею предшествовавшею исторіею, если они лежали въ глубинѣ души его и проявлялись теперь въ рѣшительномъ намѣреніи перейти въ подданство русской царицы, то не ими вызвано настоящее изступленное возстаніе и не они были движущею его силою. Нѣтъ, то было великое движеніе во имя вѣры, которое, какъ огонь, охватываетъ массы народныя (простое усердіе къ вѣрѣ благочестивой, какъ писалъ Румянцевъ), вопль крайняго отчаянія, инстинктъ самосохраненія, самозалита въ глаза неминуемой смерти. Не воры, разбойники и грабители были возставшіе, не изъ своеволія и не для наживы возстали они, но для защиты отъ конечнаго своего истребленія и — за вѣру отеческую, поруганную и погубляемую. Годы предшествовавшіе возстанію были въ собственномъ смыслѣ временами мученичества, ничѣмъ не уступавшими временамъ Нерона и Діоклитіана, и если они явили намъ страсто-терпцевъ и мучениковъ, то возстаніе дало намъ такихъ безстрастныхъ и самоотверженныхъ защитниковъ народныхъ, предъ которыми блѣднѣютъ швейцарскіе защитники свободы. Тѣ однако давно нашли своихъ историковъ, поэтовъ, а наши доселѣ не вышли изъ названій «разбойниковъ, гультаевъ, ватажковъ». Пора, по крайней мѣрѣ, приступить къ собранію и обнародованію памятниковъ этой кровавой эпохи, которая спасла намъ нашу вѣру и народность. Помѣщаемая теперь переписка пусть послужитъ тому началомъ.

Она начинается тремя сообщеніями (четвертаго не достаётъ) кіевскаго генералъ-губернатора Ѳ. М. Воейкова гр. П. А. Румянцеву о первыхъ движеніяхъ конфедератовъ для разоренія оставшихся въ польской Украинѣ православныхъ церквей и изгнанія оттуда русскихъ войскъ (№№ I, II, III и IV). Добытыя Воейковымъ свѣдѣнія удостовѣряютъ несомнѣнное участіе въ этомъ польскомъ бунтѣ какъ папы съ его казною, такъ и польско-католическаго духовенства. Но папѣ какая

нужда до вольностей шляхетских? Следовательно это, въ некоторомъ родѣ, крестовый походъ для истребленія еретиковъ, для разоренія ихъ церковей. Дѣйствія конфедератовъ въ такомъ направленіи, очерченныя въ сообщеніяхъ Воейкова лишь нѣсколькими штрихами, составляютъ первый актъ начавшейся драмы.

Первыя указанія на открывшееся народное возстаніе въ Украинѣ находимъ въ донесеніяхъ Румянцева коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или чрезъ нее имп. Екатерины, равно въ приказахъ его полковнику Протасьеву и кошевому войска запорожскаго (№№ V—IX). Неистовства конфедератовъ вызываютъ отпоръ; идетъ междоусобіе и взаимное самоистребленіе. Призываются запорожцы, берутъ Каневъ, выгоняютъ и частію истребляютъ поляковъ, жидовъ-же не оставляютъ въ живыхъ ни одного. Нѣсколько польскихъ семействъ и самъ староста каневскій Потоцкій бѣгутъ въ Переяславъ, подъ защиту Румянцева, но туда-же является и нарочный отъ жителей Канева. Происходитъ удивительное общее недоразумѣніе. Румянцевъ представленія не имѣетъ о тѣхъ ужасахъ, какіе слишкомъ два года совершались у него предъ глазами, по другую сторону Днѣпра, и свѣдѣнія о которыхъ сосредоточивались въ Переяславѣ; даже недавнія сообщенія Воейкова совсѣмъ какъ-бы забыты. Никакой исходной точки, никакихъ предварительныхъ свѣдѣній ни у него, ни у подвѣдомственныхъ ему учреждений нѣтъ, какъ и у сосѣда его Воейкова, на которомъ лежали всѣ заграничныя корреспонденціи. Поляки просятъ защиты, каневцы доносятъ, что съ помощію запорожцевъ покончили съ ляхами и жидами и простодушно спрашиваютъ, что дальше имъ дѣлать; тѣ и другіе заявляютъ, что все совершено по указу ея императорскаго величества, предъявленному пришедшими въ Каневъ запорожцами въ копіи, завѣренной подписью куреннаго и печатью кошеваго. Румянцевъ въ недоумѣніи; онъ даже допускаетъ возможность подобнаго указа, посылаетъ въ Каневъ и Кошъ развѣдать, подлинный-ли то указъ, или подложный. Запорожье въ его командѣ, и—вдругъ указъ, о которомъ онъ, какъ и о всемъ начинающемся смятеніи, ничего не знаетъ;—онъ спрашиваетъ коллегію, проситъ самую императрицу разъяснить ему его недоумѣніе, и какой стороны ему держаться, и какъ поступать. Удивляться-ли, что народъ вѣрилъ указу?—Тѣмъ не менѣе Румянцевъ отводитъ квартиры бѣглымъ полякамъ, чинитъ имъ теперь и потомъ всякое вспомошествованіе, а относительно возставшихъ «по ихъ поступкамъ» скоро приходитъ къ такому заключенію, что это должна быть разбойническая партія, которую онъ, какъ поставленный охранять спокойствіе въ пограничныхъ мѣстахъ, обязанъ ловить и истреблять. Любопытно однако это желаніе подловить и задержать запорожцевъ въ Каневѣ, подъ видомъ помощи каневцамъ,—извѣстное обыкновенно подъ названіемъ военной хитрости. Не менѣе любопытно и это указываемое Румянцевымъ и принятое имъ за крайнюю простоту объясненіе со стороны кошеваго тѣмъ движеніямъ и приготовленіямъ, которые примѣчены были теперь въ запорожскомъ войскѣ: «слышно-де, яко подъ и. Васильевымъ сто тысячъ прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, такъ надо быть въ готовности»... Донесеніе Румянцева отъ 23 іюня представляетъ

обнаружившіяся по сообщеніямъ Воейкова планъ и театръ дѣйствій возставшаго народа и мѣры противъ него принятыя. Главныя силы его сосредоточены въ мотреннскомъ лѣсу; онѣ окопались и имѣютъ пушки, отбитыя въ польскіяхъ замкахъ. Отсюда выходятъ партіи, которыя разграбляютъ мѣстечки и деревни (нижня и дома поляковъ), жидовъ крестятъ, а несогласныхъ креститься убиваютъ. Подкрѣпленія идутъ изъ Запорожья чрезъ Новосербію. Идущіе всенародно объявляютъ, что отправляются въ Польшу (Украину, подвластную Польшѣ) для *заступленія вѣры*. Возстаніе охватило Чигиринщину, Смѣлянщину и всѣ тамошнія «околичности». Неся съ собой указъ царицы, въ подлинности котораго никто не сомнѣвался, возставшіе такъ твердо увѣрены въ законности своихъ дѣйствій, въ святости своей миссіи, что и командиры (русскіе) объявляютъ, что никакая команда препятствія имъ сдѣлать не можетъ и, подѣ угрозами, требуютъ не впускать въ русскія владѣнія поляковъ и жидовъ. Всѣ они идутъ подѣ именемъ запорожцевъ, хотя отряды ихъ пополняются всякаго рода людьми изъ среды возставшаго народа. Румянцевъ трактуетъ ихъ, какъ простыхъ разбойниковъ, и самъ, по своему собственному соображенію, рѣшается подавить бунтъ въ чужомъ государствѣ. Онъ двинулъ въ Украину московскій карабинерный полкъ, подѣ командою полковника Протасьева, и 150 малороссійскихъ козаковъ «на истребленіе разорителей». Въ то-же время и для той-же цѣли Воейковъ со стороны Новороссіи двинулъ харьковскій гусарскій полкъ, подѣ командою полковника Чорбы, а со стороны Кіева часть елецкаго полка для защиты бѣлоцерковскаго замка, по просьбѣ польскаго команданта Карбовскаго; полкъ козловскій оставленъ былъ въ пограничномъ елисаветинскомъ укрѣпленіи для подкрѣпленія. Протасьеву приказывалось войти съ ними въ сообщеніе и о происходящемъ доносить Воейкову и стоявшему близъ Бердичева ген. Кречетникову. Донесеніе 3 іюля (№ X) повторяетъ извѣстныя уже изъ сообщенныхъ Н. И. Костомаровымъ документовъ свѣдѣнія о сожженіи гайдамаками Умани (Голты?) и Палѣва Озера, о нападеніи на Балту, о движеніи по сему случаю татаръ и посылкѣ изъ Сѣчи отряда къ Умани. По послѣднему извѣстію Румянцевъ требуетъ чрезъ курьера объясненія отъ кошеваго, а пограничнымъ командамъ посылаетъ строжайшій приказъ о прегражденіи пути идущимъ чрезъ Новороссію гайдамацкимъ партіямъ. Донесеніе 15 іюля (№ XI) даетъ свѣдѣнія о первыхъ результатахъ мѣръ, принятыхъ противъ гайдамакъ, равно опредѣляетъ главные пункты дѣйствій этихъ послѣднихъ. Въ селѣ Блощинцахъ, въ 15-ти верстахъ отъ Бѣлой-Церкви, дѣйствовали съ тремя стами товарищей, Журба, близъ Богуслава Швачка. Неживый, начавшій съ Канева и быстро перешедшій къ Палѣву Озеру и Балтѣ, находится теперь въ Чигиринщинѣ. Посылалъ ихъ Желѣзнякъ, онъ-же и указъ объявлялъ. Самъ Желѣзнякъ съ большою партіею въ Умани. Протасьевъ безъ труда разбилъ, полонилъ и разсѣялъ отряды Журбы и Швачки. Лишь первый оказалъ нѣкоторое сопротивленіе, но на столько слабое, что ни одинъ солдатъ русскій не былъ раненъ. Въ его отрядѣ взято четыре знамени, двѣ мѣдныя пушки, одна черная (чугунная?) и пять желѣзныхъ гаковницъ.

Протасьевъ двинулся къ Умани, приказавъ «подданнымъ» (крестьянамъ), чтобы они «отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ». До другаго взгляда на происходившее народное движеніе не додумались пока ни Протасьевъ, ни Румянцевъ; и послѣдній надежду питалъ, что «взбунтовавшіеся подданные обратятся, конечно, къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе, истребляются, какъ злодѣи». Одно получилось еще въ результатъ: народное движеніе смело конфедератовъ; объ нихъ, по донесенію Протасьева, не было и слуху. 137 человекъ взятыхъ ихъ гайдамакъ за карауломъ отправлены имъ въ Кіевъ—въ крѣпость.

Этотъ заканчивается второй актъ кровавой драмы 1768 года.

(Продолженіе будетъ).

I.

Письмо кіевскаго генералъ-губернатора Федора Воейкова къ графу П. А. Румянцеву съ сообщеніемъ первыхъ слуховъ о начинающихся въ польской Украинѣ сборищахъ конфедератовъ для разоренія православныхъ украинскихъ церквей и принятыхъ имъ Воейковымъ по сему случаю мѣръ. 3 апрѣля, 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ аншефъ, малороссійскій генералъ губернаторъ, малороссійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Съ нѣкоторыхъ уже дней доходятъ до меня разныя изъ Польши разсѣваемые разглашенія, якобы въ польской Украинѣ войска польскія у Бара, Бѣлой-Церкви и Клецка дѣйствительно собираются; а отъ 18-го теперешняго, командующій елисаветградской провинціи полками господинъ полковникъ Чорба рапортомъ представилъ: стоящій-де на Сентовскомъ форпостѣ поручикъ Мѣріяновичъ къ нему рапортовалъ, что слышалъ онъ заподлинно отъ польскаго шляхтича Франциска Радшевскаго, что въ Барѣ уже до нѣсколькихъ тысячъ поляковъ собралось и еще повседневно прибавляется, которые якобы не далѣе, какъ чрезъ двѣ недѣли, къ границамъ сближаться имѣютъ, для разоренія оставшихся въ польской сторонѣ по границѣ православныхъ церквей. А хотя я прямо отъ обрѣтающагося въ Варшавѣ посла князя Репнина и отъ другихъ нашихъ воинскихъ въ Польшѣ командировъ никакого о томъ преувѣдомленія не имѣю, слѣдовательно и причина

есть о подлинности сихъ разглашеній сомнѣваться, паче-же по извѣстной польской привычкѣ, кои, упирая на свою вольность, всякіе несостоятельные распускаютъ слухи; однако по должности моей, признавая предосторожность во всякомъ случаѣ, паче же при границахъ, весьма необходимою, нарочнаго искуснаго офицера въ Польшу, подъ приличнымъ претекстомъ, отправилъ, для развѣдыванія о сей подлинности, а между тѣмъ кому надлежало отъ меня въ новороссійской губерніи найсильнѣйше подтверждено: непримѣтнымъ образомъ, безъ малѣйшаго встревоженія, быть всѣмъ вѣдомства моего воинскимъ командамъ въ надлежащей воинской исправности и осторожности, къ отвращенію всякихъ случитися могущихъ шалостей и набѣговъ, и для осторожности имѣть по границѣ непрестанныя развѣзды, такожь надежныхъ людей подъ разными претекстами въ Польшу посылать для вывѣданія настоящей причины таковому собранію и обращенію. Я за потребно разсудилъ о семъ обстоятельстве нашему сіятельству чрезъ сіе сообщить. А что отъ время до времени нарочно посланные въ Польшу развѣдаютъ, то о всемъ томъ ваше сіятельство предувѣдомить не удушу. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и истинною преданностію вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Федоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 апрѣля 1768 года.

II.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ объ усиленіи сборищъ конфедератовъ, ихъ угрозахъ и надеждахъ и необходимости принятія мѣръ предосторожности. 20 апрѣля 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малороссійской коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Отъ 3-го и 10 го *) сего имѣлъ я честь о начавшемся въ Польской Украинѣ замѣшательствѣ ваше сіятельство для предосторожности предупредить, а теперь за потребное нахожу и слѣдующее присовокупить: что дошедшія, между тѣмъ, до меня изъ заграницы извѣстія согласно подтверждаютъ, яко число злонамѣ-

*) Письма отъ 10-го апрѣля въ нашемъ сборникѣ нѣтъ.

ренной, подъ предводительствомъ графа Красинскаго, партіи, добровольно присоединяющимися и насильно захваченными всякаго званія людьми, отъ дня въ день прибавляется, и уже болѣе десяти тысячъ всякой сволочи собрано, которые съ крайнимъ прилѣжаніемъ всѣми воинскими збруями снабждаются, и что дѣйствительно уже противъ російско императорскихъ въ Польшѣ находящихся войскъ непріятельски поступать начали, разглашая всякія по польскому обычаю угрозы и хвастовства къ истребленію всѣхъ, ихъ намѣренію сопротивляющихся, мечемъ и огнемъ, въ чемъ они вспомогательными *нами римскою дѣлами* и обнадеженнымъ якобы подрѣпленіемъ другихъ областей безъ сумненія успѣть надѣются. Я примѣчаю, что сіи польскія обстоятельства ото дня въ день серіознѣе становятся, слѣдовательно и немалаго заслуживаютъ уваженія, ибо искусство намъ доказало, что отъ малой иногда искры великій воспламеняться можетъ пожаръ, если благовременно способъ къ утушенію оной употребленъ не будетъ; разсуждаю, что и въ семь случаевъ предосторожность отнюдь ни ранноременною, ни же излишною предпочтена быть можетъ. И для того подчиненнымъ мнѣ новороссійской губерніи полкамъ найсильнѣйше подтвердилъ: быть во всякой воинской исправности, посылая безпрестанные по границѣ развѣды и подъ разными претекстами въ ближніе польскіе и татарскіе мѣста надежныхъ и проворныхъ людей для развѣдыванія, о которыхъ въ свое время вашему сіятельству сообщить не оставлю. А между тѣмъ за нужно признаю вашему сіятельству о имѣніи для курьеровъ по прямому отсюда до Кременчуга тракту во всякомъ мѣстечкѣ по нѣскольکو почтовыхъ лошадей въ готовности—вновь напаятовать, ибо всѣ оттуда прѣзжіе жалуются, что вездѣ по нѣскольکو часовъ за лошадьми стоять должны, и потому немалая онымъ чинится остановка. Впрочемъ съ совершеннѣйшимъ моимъ почтеніемъ и съ истинною преданностію пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Феодоръ Вайковъ. Кіевъ, 20 апрѣля 1867 года.

III.

Письмо того-же Воейкова къ тому-же гр. Румянцеву съ сообщеніемъ экстракта полученныхъ имъ о событіяхъ въ Польской Украинѣ извѣстій и принимаемой имъ-же предосторожности. 3-ю мая 1768 года.

Сіятельнѣйшій графъ, высокопревосходительнѣйшій господинъ генералъ-аншефъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, малорос-

сійской-же коллегіи президентъ и кавалеръ, милостивый государь мой!

Ваше сіятельство изъ слѣдующаго при семъ экстракта разныхъ изъ за границы полученныхъ извѣстій усмотрѣть изволите, что польскія замѣшательства, съ часу на часъ во всей Польской Украинѣ распространясь, наиблажнѣйшими становятся, и въ разсужденіи умножающагося войска немалого заслуживаютъ примѣчанія, тѣмъ паче, что угадать нельзя, какое сія возмутительная шайка имѣетъ намѣреніе, когда она уже явныя противъ войскъ и подданныхъ ея императорскаго величества въ Польшѣ непріятельства оказывать начала. Что до меня принадлежитъ, то я по должности моей на всѣхъ въ моемъ вѣдомствѣ по здѣшней и новороссійской губерніи состоящихъ форпостахъ, сколько число подчиненныхъ мнѣ войскъ того дозволило, удобовозможную предосторожность взять и онымъ во всякой исправности быть наисильнѣйше подтвердить не приминулъ; а что впредь до меня о томъ же дойдетъ, вашему сіятельству безъ упушенія времени сообщить не оставлю. Имѣю честь быть съ совершеннѣйшимъ высокопочтеніемъ, вашего сіятельства, милостиваго государя моего, всепокорнѣйшій слуга Федоръ Воейковъ. Кіевъ, 3 мая 1768 года. Его сіятельству графу П. А. Румянцову.

IV.

Приложенное къ сему письму извлеченіе изъ отчета поручика Раде и другихъ мизъ, развѣдывавшихъ, по порученію Воейкова, о движеніи и намѣреніяхъ барскихъ конфедератовъ.

Экстрактъ изъ рапортовъ отправленныхъ для развѣдыванія о польскихъ обстоятельствахъ въ Польскую Украину чернаго гусарскаго полку поручика Раде и другихъ чиновъ.

Въ мѣстечкѣ Умани видѣлъ онъ Раде четырехъ товарищей украинской противной партіи, кои прибыли туда будто для занятія квартиръ и приуготовленія фуража, а главная ихъ коммисія въ томъ состоитъ, чтобъ приклонить тамошній гарнизонъ графа Потоцкаго, со всею артиллерією и амунициєю, равно какъ и находящихся въ службѣ его козаковъ, купно съ прочими подданными, на соединеніе съ конфедератнымъ подъ командою маршала Пулавскаго, старосты vareцкаго, войскомъ, которое въ Барѣ собирается. Тамошній губернаторъ Младановичъ предостерегъ

его, что онъ съ своимъ паспортомъ свободно далѣе проѣхать не можетъ, для того что всему войску украинской партіи повелѣно россійскихъ подданныхъ, не взирая на паспорта россійскихъ генераловъ, вездѣ ловить и командѣ представлять. Въ Уманѣ онъ самъ видѣлъ, что кузнецы готовятъ пушечныя ядра, картечи и другіе до артиллеріи принадлежащіе снаряды, разглашая, якобы по прибытіи украинской партіи они противиться намѣрены и отнюдь съ оною соединяться не намѣрены; однако онъ видѣлъ тамо нѣсколькихъ польскихъ законниковъ (монаховъ), кои по папскому повелѣнію отъ польскихъ епископовъ приславы для увѣщанія всего въ уманскомъ повѣтѣ живущаго шляхетства на соединеніе съ украинскою партією, въ чемъ многіе уже секретно къ присягѣ приведены.

Прибывъ въ село Ягубецъ, заѣхалъ онъ по знакомости къ знатному тамошнему шляхтичу, подчашему Костѣ-Ордынскому, который ему въ довѣренность объявилъ, что маршалъ конфедераціи графъ Красинскій къ нему ласковое письмо прислалъ, увѣщевая его пристать къ войску партіи украинской и принять главную команду надъ побережскими, бершадскими и уманскими шляхтичами и козаками, но онъ де Ордынскій, яко благонамѣренный сынъ отечества, хотя отъ того отказался, извиняясь старостию и слабостию здоровья, однако сумѣвается, чтобы по его желанію сдѣлалось, а въ противномъ случаѣ принужденъ будетъ противъ воли своей къ нимъ пристать и присягу учинить, присовокупивъ къ тому, что сія конфедерація сдѣлана единственно въ такомъ намѣреніи, чтобъ, собравъ довольно число войска, итти противъ россійскаго въ Польшѣ находящагося корпуса, для вынужденія онаго якобы за учиненную въ отечествѣ ихъ обиду взятіемъ четырехъ магнатовъ подъ караулъ, и что де въ великой постѣ, подъ Новымъ Константиновымъ, партія польская съ россійскими карабинерными и донскихъ козаковъ полками уже непріятельства начала, гдѣ четыре человекъ знатныхъ польскихъ шляхтичей и до тридцати человекъ рядовыхъ побито, а россійскіе также не безъ урону оттуда ретировались. Почему онъ поручивъ Раде его Ордынскаго просилъ для свободнаго далѣе проѣзда паспортъ его надписать, что имъ Ордынскимъ и учинено. Съ которымъ паспортомъ онъ, переправясь чрезъ рѣку Бугъ, прибылъ въ мѣстечко Ладыжинъ, котораго губернаторъ, прозваніемъ Кастеля, ему объявилъ, что за два дни предъ пріѣздомъ его прислано было немалое число войска украинской партіи, ко-

торое разными угрозами его принудили присягать на соединеніе съ оною, и взявъ нѣсколько человекъ изъ его козаковъ вооруженныхъ и сколько нашли ружей, пороху и свинцу, уѣхали, а ему приказали съ остальными въ вѣдомствѣ его состоящими козаками во всякой быть готовности, куда повелѣно будетъ слѣдовать. Но въ самое это время, какъ сей разговоръ продолжался, прибыли къ нему поманутой партіи два товарища съ тридцатью человекѣми козаковъ, отъ коихъ губернаторъ его, Раде, въ удобномъ мѣстѣ скрылъ, а какъ тѣ товарищи уѣхали, губернаторъ ему сказывалъ, что въ первый день пасхи поляки напали на стоящихъ въ мѣстечкѣ Винницѣ донскихъ козаковъ, кои ретировались къ мѣстечку Яневу, но не доходя до онаго сразились, гдѣ донцами побито и ранено не малое число гусаръ поляковъ, козаковъ и липканъ украинской партіи. Между убитыми находится одинъ липканской полковникъ, а другой, прозваніемъ Муха, съ прочими поляками плѣненъ.

Слѣдуя къ мѣстечку Тульчину, наѣхалъ онъ въ селѣ Михайловкѣ на партію польскую, которая, его остановивъ, спросила, куда ѣдетъ и за чьимъ паспортомъ; а какъ усмотрѣла надпись вышереченнаго Ордынскаго, его отпустила.

Въ Томашполѣ жидъ арендарь ему объявилъ, что онъ предъ его туда пріѣздомъ изъ Могилева возвратился, къ которому городу, въ бытность его тамъ, маршалъ конфедераціи графъ Красинскій съ нѣсколькими тысячами войска прибылъ, но находящійся въ Могилевѣ съ гарнизономъ и артиллерією графа Потопкаго майоръ Мейсенъ онаго въ городъ пустить не хотѣлъ, однако, увидя, что приказано городъ зажечь, сдался и на соединеніе присягу принесь. И такъ графъ Красинскій, взявъ майора съ гарнизономъ и съ артиллерією къ себѣ, и отобравъ изъ своего корпуса три тысячи человекъ, при Могилевѣ остался, а прочее войско послалъ въ Немировъ, Житомиръ, Летичевъ и Прилуку. Послѣ чего будто онъ Красинскій не малое число денегъ къ татарамъ отправилъ изъ той суммы, которая *отъ папы римскаго* на вспоможеніе дана, прося татаръ на соединеніе съ нимъ, гдѣ онъ ихъ и ожидать имѣеть. Что онъ королевскаго таможеннаго управителя всю наличную казну забравъ, и что заподлинно весь Каменца-Подольскаго гарнизонъ и прочее регулярное и нерегулярное польской республики въ Украинѣ находящееся войско уже къ конфедератамъ пристало, чѣмъ число сего войска знатно умно-

жилось, отъ котораго немалую часть въ городъ Полонное отправить намѣрены для поиску надъ стоящимъ тамо россійскимъ войскомъ.

Прочихъ-же извѣстїя, хотя съ нимъ нѣсколько и согласны, однакъ съ немалымъ увеличиванїемъ числа войскъ украинской партїи наполнены. Въ разсужденїи того, что будто уже вся Польская Украина, исключая только уманскую губернію, къ конфедерациі приступила и присягою согласно дѣйствовать утвердила, почему многіе изъ поляковъ заподлинно увѣряють, якобы не въ продолжительное время конфедераты на новороссійскую губернію нападеніе сдѣлать намѣрены.

Секретарь Василїй Чернявскїй.

V.

Донесеніе гр. П. А. Румянцова коллегїи иностранныхъ дѣлъ о разрѣшенїи имъ переяславской полковой канцеляріи принимать поляковъ, перебѣгающихъ въ русскія владѣнія, по поводу волненїй въ польской Украинѣ, и оказывать имъ защиту и покровительство.

1768 года, іюня 15 дня, Глуховъ. № 629.

Реляція въ коллегїю иностранныхъ дѣлъ.

Представлены мнѣ два доношенїя, поданныя въ полковую переяславскую канцелярію отъ поляковъ: Луки Гоздава - Вилуцкаго, пограничной королевской трехтемировской камеры писаря, и Яна Малчевскаго, лѣсничаго староства наневскаго, которые намъ показываютъ, что, спасая свою жизнь отъ суровости безчеловѣчной, дозванной уже (въ?) умерщвленїя надъ многими въ ихъ странѣ жителями отъ своихъ собратьевъ, перешли съ своими семействами въ имперїю вашего величества, и просятъ покровительствовать ихъ въ безопасномъ здѣсь пребыванїи. Я предложилъ означенной канцеляріи, чтобъ не только симъ пришедшимъ, но ежели и еще съ ихъ стороны съ таковыми-жъ прибѣгнутъ просьбами, не препятствовать какъ жить покудова угодно, такъ и всякія благодѣянїя, какъ сосѣдней державы жителямъ, являть благосклонно. Слабымъ моимъ разсужденїемъ возмня, что сія просьбы могутъ иногда (быть?) потребнымъ инструментомъ въ дѣлахъ, которыхъ они касаются, подношу для того при семъ оныя въ оригиналѣ. — *Слѣдуетъ подпись: Графъ Румянцовъ.*

VI.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева командиру карабинернаго полка Протасову объ отправкѣ въ Каневъ небольшого отряда съ цѣлію развѣдать, имѣютъ-ли овладѣвшіе этимъ городомъ запорожцы на то указъ и, если не имѣютъ, то переловить и представить ихъ.

1768 года, іюня 19 дня. № 1637.

Ордеръ господину полковнику карабинернаго полку Протасову.

По извѣстіямъ, которыя имѣю отъ полковой переяславской канцеляріи, что тридцать человекъ козаковъ запорожскихъ въ польскомъ мѣстечкѣ Каневѣ выжгли тамошній замокъ, умертвили многихъ поляковъ и, произведъ замѣшательства и немалыя разоренія, находятся и по днесь въ томъ же мѣстечкѣ, я велѣлъ прежде полковой той канцеляріи секретно послать нарочнаго и чрезъ оного навѣдаться о бытности ихъ запорожцевъ, и ежели при своихъ предпріятіяхъ въ тѣхъ мѣстахъ обрѣтаются, то ваше высокоблагородіе имѣете, по извѣстію о томъ, тотчасъ командировать туда, для поимки оныхъ запорожцевъ, своего полку пятьдесятъ человекъ карабинеровъ при одномъ исправномъ офицерѣ, которому препоручить въ команду и сто человекъ козаковъ малороссійскихъ, далъ я ордеръ полковой переяславской канцеляріи. При семъ случаѣ вы извольте отправленному офицеру предписать въ постановленіи, чтобъ съ командою пришедъ къ тому мѣсту, гдѣ будутъ объявленные запорожцы, показавъ имъ такой видъ, яеобы онъ присланъ на вспоможеніе, по просьбѣ каневскихъ козаковъ и жителей, и старался-бы непримѣтнымъ образомъ овладѣть ими, и тогда требовать у нихъ того указа, который они тамъ объявляютъ о присылкѣ своей; а когда-бъ такое сходственное письмо вѣроятно бы они предъявили, то оное подлинное заразъ отправилъ бы, при своемъ рапортѣ, чрезъ полковую канцелярію штафетомъ ко мнѣ по почтѣ, держа до резолюціи подъ рукою запорожцевъ. А когда таковаго письменнаго вида не покажутъ, или явится сомнительнымъ, или видимо ложный, то ихъ всѣхъ запорожцевъ токмо перехватывъ, возвратиться съ оными, пріемля къ тому способы, чтобъ безъ всякаго кровопролитія обойтись, а буде бы они не сдались и что дерзкое предпріяли противъ посланной команды, въ такомъ уже случаѣ брать ихъ силою. Сей же командѣ, кромѣ должности, по

которой она посылается, ни въ какія больше дѣла въ тѣхъ мѣстахъ не мѣшаться и обывателямъ тамошнимъ ни малѣйшихъ обидъ не причинять, подъ опасеніемъ строгаго отвѣта.—*Слѣдуетъ подпись.*

VII.

Донесеніе гр. П. А. Румянцова императрицѣ Екатеринѣ II о происходящихъ въ Польской Украинѣ смятеніяхъ и междоусобіяхъ, съ испрашиваніемъ указа, какъ ему въ этихъ обстоятельствахъ поступать и какую сторону поддерживать.

Іюня 19 дня 1768 года.

Всемилоствѣйшая, державнѣйшая, великая государиня императрица и самодержица всероссійская, государиня всемилоствѣйшая!

Вашему императорскому величеству всеподданнѣйше я доносишь, отъ 15 числа текущаго мѣсяца, о вышедшихъ въ Переяславъ изъ Польши полякахъ: Дубъ Вилуцкомъ и Янъ Малчевскомъ, которые, по возмущенію въ своей сторонѣ, ищутъ, до успокоенія того, чтобъ имъ не возбранено прожить подъ покровительствомъ въ имперіи вашего величества. А отъ 12 іюня репортуетъ ко мнѣ полковая переяславская канцелярія, что въ тотъ день съ такими-жъ просьбами прибыли въ оной-же городъ: старосты каневского Потоцкаго губернаторъ Игнатій Новицкій, губернаторъ-же корсунскій Семень Носачевскій, да каневскій козацкій полковникъ Антовъ Зеллеръ и порутчикъ Петръ Мадерашъ, капраловъ два и рядовыхъ жолнеровъ двадцать три, первые со многими своими фамиліями. И при семъ случаѣ означенный губернаторъ Новицкій, который еще до прибытія своего въ Переяславъ прислалъ сюда съ преждевышедшимъ полякомъ Малчевскимъ дѣтей своихъ, отчощеніемъ полковой канцеляріи объявилъ: 9-го числа сего іюня вооруженныхъ тридцать человекъ козаковъ, вѣхавши въ городъ Каневъ, прислали одного къ нему козака, объявляя, что они, въ силу указа вашего императорскаго величества, отъ кошеваго войска запорожскаго туда посланы и требовали, чтобъ оный губернаторъ у нихъ явился для принятія повелѣнія, и когда оный просилъ показать себѣ указъ, то они письмо ему и показали подъ титуломъ вашего императорскаго величества, подписанное запорожскимъ атаманомъ Куреня уманскаго, котораго прозваніе оный по-

забылъ, съ приложеніемъ печати запорожской, и въ то-же время напали на замокъ, зажгли городъ и умертвили многихъ изъ шляхетства и служащихъ; и когда видѣлъ, что, къ ихъ-же сторонамъ преклоняся, такъ сами полскіе козаки, яко и обыватели тамошніе, содѣйствовали разоренію замка, онъ, послѣ недолгой обороны, принужденъ былъ бѣжать, спасая жизнь свою, черезъ Днѣпръ въ границы державы вашего императорскаго величества. Вслѣдъ за прибытіемъ въ Переяславъ означенныхъ поляковъ, прислано въ тамошнюю полковую канцелярію отъ жителей мѣстечка Канева, козацкихъ атамановъ съ товариствомъ, съ нарочнымъ того-жъ мѣстечка обывателемъ Сергѣемъ Споришемъ доношеніе, показуя, что они, предваря намѣренія господъ своихъ, яко-бы на погубленіе ихъ ваяться, и видѣвъ, что и попы свои за одно съ тѣми сдѣлались на нихъ гонители, призвали къ защищенію своему запорожскихъ козаковъ, которые, когда отъ послушанія имъ отрекся губернаторъ, сожгли замокъ, и требуя, какъ имъ поступать дальше, отъ той канцеляріи совѣта и наставленія. А и присланные съ симъ нарочные своимъ также допросомъ согласово, какъ и губернаторъ Новицкій показалъ о вышенисанномъ происшествіи, и что когда изъ мѣстечка Канева полковникъ Зеллеръ съ жолнерами бѣжали за границу россійскую, то запорожцы гнались за ними по Днѣпру лодками и настигъ нѣкоторыхъ предали смерти, и возвратясь живуть и до днесь въ мѣстечкѣ Каневѣ, учреждая тамъ порядки экономическія, къ чему уже и опредѣленъ отъ нихъ экономомъ изъ тамошнихъ жителей городской писарь греческаго исповѣданія. Жиды-жъ де, какъ въ Каневѣ, такъ и въ другихъ тамошнихъ мѣстечкахъ, всѣ при семъ случаѣ умерщвлены и ни единого нигдѣ уже не осталось. Я не будучи снабденъ ни отсюда никакимъ повелѣніемъ на нынѣшній случай обстоятельствъ польскихъ, слѣдственно и свѣденія прямого не имѣю о томъ, что до сихъ дѣлъ касается; а зная, что корпусъ войскъ вашего величества, въ Польшѣ находящейся, дѣйствуетъ оружіемъ противъ злонамѣренныхъ конфедератовъ, то какъ изъ увѣдомленій, въ Малую Россію присылаемыхъ, открывается, что во всей окружности мѣстечка Канева взаимное мщеніе между собою польскихъ жителей распространяется до того, что сами подданные, ревнуя по вѣрѣ православія греческаго, встаютъ противъ владѣльцевъ своихъ, и въ своемъ возмущеніи приняли тутъ средства жесточайшія, а напротивъ другіе, поборники римскаго исповѣданія, нападаютъ на церкви и монастыри православныя, и наглыя мучительства производятъ

надъ духовными и мірскими людьми, какъ недавно полученъ протестъ въ полковой переяславской канцеляріи отъ игумена монастыря Андрушевскаго, близъ сихъ же мѣстъ состоящаго, о разграбленіи сей обители собравшимися поляками и дѣйствіяхъ при томъ ихъ безчеловѣчныхъ. Самъ-же староста каневскій Потоцкій не кажется мнѣ, чтобъ когда былъ усердно преданъ интересамъ вашего императорскаго величества, по разсужденію сего, что какъ объ немъ теперь, такъ и о другихъ, вѣдать нельзя, съ которой стороны находятся. И не имѣвши себѣ наставленія, кого въ сихъ близъ границы лежащихъ мѣстахъ, при нынѣшнемъ смятеніи защищать должно, но если-же на мнѣ, по высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, лежитъ должность охранять цѣлость границъ и жителей, дабы иногда въ невѣденіи не причинить досады добронамѣреннымъ и не попустить-бы недоброжелательствующимъ распространять свои озорничества не только надъ доброжелательными поляками, но и на самихъ подданныхъ на границахъ живущихъ, осмѣливаюсь при донесеніи о вышеписанномъ вашему императорскому величеству всенижайше просить на все то высочайшаго указу, дабы я по тому все точно соблюлъ, что къ преуспѣнію высочайшихъ интересовъ вашего величества нужно, и какъ поступать по вышеписаннымъ (?) каневскихъ жителей и тому подобнымъ, если произойдутъ. Но теперь, поелику не знаю, чтобъ отъ вашего императорскаго величества даны были на сей случай какія особенныя повелѣнія запорожскимъ козакамъ, въ моей командѣ находящимся, а по поступкамъ ихъ считая быть каковой либо разбойнической партіи, воспріялъ сія мѣры, что навѣдавшись, если они въ показанномъ мѣстечкѣ польскомъ и нынѣ находятся при своихъ предпріятіяхъ, предосторожно бѣ туда, дабы они подъ видомъ повелѣнія вашего императорскаго величества не произвели собою вредныхъ слѣдствій, отправить команду, состоящую въ пятидесяти человекъ карабинеровъ и ста козаковъ малороссійскихъ, при офицерѣ, для взятія оныхъ пристойнымъ и тихимъ образомъ, прежде однакожъ освѣдомясь, для какихъ причинъ туда они пришли. Вышеобъявленнымъ-же чинамъ съ фамиліями и жолнерамъ польскимъ даны въ Переяславѣ квартиры, и приличное благодѣяніе велѣлъ я оказывать.—*Слѣдуетъ подпись.*

VIII.

Предписаніе гр. П. А. Румянцева кошевому запорожскому Калнишевскому о доставленіи свѣдѣній относительно показавшихся въ Каневѣ запорожцевъ и наблюденіи, дабы запорожцы не проникали въ Украину и не производили тамъ насилій.

Іюня 23 дня. № 649.

Ордеръ господину атаману кошевому Сѣчи запорожской Калнишевскому съ войсковою старшиною и товариствомъ.

Я весьма похваляю вашу осторожность и примѣчавія на дѣйствиіа сосѣднихъ вамъ областей; о чемъ сего числа мнѣ дошли мая отъ 15-го, 27-го и 31-го ваши представленія, рекомендуя и напредъ то чинить, а только о приближеніи прусскихъ и саксонскихъ войскъ меньше имѣть опасности¹⁾.

Между прибывшими подъ защиту въ Малую Россію польскими чинами, губернаторъ каневскій Новицкій доношеніемъ въ полковую переяславскую канцелярію представилъ, что противъ 9-го числа, сего іюня, человекъ тридцать козаковъ запорожскихъ пришли въ мѣстечко Каневъ, сказывая (что?) о приходѣ своемъ имѣютъ указъ, который и показывали означенному губернатору, и онъ видѣлъ, что онъ написанъ подъ титулой ея императорскаго величества, за подписомъ атамана куреннаго уманскаго, котораго имени не помнилъ, и за печатью кошеваго; и когда ихъ повелѣній не принялъ губернаторъ Новицкій, они сожгли замокъ и многіе прогрессы въ тамошнихъ мѣстахъ учинили. А какъ мѣстечка Канева жители прислали также полковой канцеляріи доношеніе съ объявленіемъ, что они тѣхъ запорожцевъ вызвали сами изъ Сѣчи къ своей защитѣ, и присланный съ тѣмъ нарочный показалъ, что атаманомъ былъ у тѣхъ козаковъ курени Мглинскаго запорожскаго Семеня Неживой.

Вы посему тотчасъ мнѣ дайте, по выправкѣ, отвѣтъ, были-ль какія къ вамъ просьбы отъ каневскихъ жителей, отъ Коша ли

¹⁾ Графъ Румянцевъ, въ сообщеніи своемъ, отъ 23 іюня 1768 г., № 644, къ кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, между прочимъ, пишетъ: „въ окончаніе хочу упомянуть, сколько къ удивленію простоты запорожцевъ, получилъ я, между нѣсколькими отъ кошеваго атамана сего дня секретными рапортами, изъ сказовъ людскихъ, о томъ, что они слышатъ, яко подъ мѣстечкомъ Васильковымъ сто тысячъ прусскихъ и саксонскихъ войскъ идетъ, и въ разсужденіи сихъ предпріятій онъ также своимъ козакамъ велѣлъ быть въ готовности“. — Примѣч. М. А. Максимовича.

подлинно сіи козаки посланы туда, и не даво-ль письменнаго каваго приказанія, или самовольно и злодѣйскимъ образомъ такая шайка вышла. Возьмите притомъ найстрожайшее наблюденіе, дабы изъ вашихъ козаковъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ польскихъ, не могли уходить въ Польшу и производить тамъ наглости и разоренія, чтобъ вамъ самимъ за слабое надъ подчиненными смотрѣніе въ семъ случаѣ не дошло иногда не въ предосужденіе отвѣтствовать.—*Слѣдуетъ подпись.*

IX.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ императрицѣ Екатеринѣ II объ открывшихся въ Украинѣ дѣйствіяхъ гайдамакъ и принимаемыхъ имъ противъ нихъ мѣрахъ, съ испрошеніемъ особаго, по поводу этихъ обстоятельствъ, Высочайшаго повелѣнія.

Іюня 23 дня.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

Послѣ отправленныхъ отъ меня къ вашему императорскому величеству отъ 15-го и 19-го чиселъ сего мѣсяца двухъ всеподданнѣйшихъ реляцій о прибытіи въ городъ Переяславъ многихъ польскихъ чиновъ съ фамиліями, ищущихъ покровительства по смятеніямъ въ ихъ землѣ, и что я для поимки шайки разбойнической запорожской, разорившей мѣстечко Каневъ, велѣлъ отправить пятьдесятъ человекъ карабинеровъ и сто козаковъ малоросійскихъ, при одномъ офицерѣ, къ тому мѣстечку;—въ прибавокъ получилъ вчерась отъ господина генералъ-аншефа и кievскаго генералъ-губернатора Воейкова сообщеніе, которымъ онъ, по извѣстіямъ къ нему дошедшимъ, упоминаетъ, что гайдамацкія толпы въ Уманщинѣ, Чигиринщинѣ, Смѣлянщинѣ и во всей тамошней околичности, не только весь тотъ край грабятъ и разоряютъ, но и самыя свирѣпыя тиранства надъ польскими шляхтичами, безчеловѣчно оныхъ муча и умерщвляя, производятъ, и съ отважностію по самой границѣ мимо форпостовъ развѣзжая, стоящимъ при редутахъ командамъ грозятъ о невпущеніи польскаго шляхетства въ границы подъ защиту вашего императорскаго величества. Между тѣмъ и бѣлоцерковскій комендантъ Карбовскій испрашивалъ у него господина генералъ-губернатора, для защиты той крѣпости, по малолюдству гарнизона, подерѣпленія воинскими людьми, куда онъ пятьдесятъ человекъ елец-

наго полка съ офицеромъ отправилъ; да находящійся въ крѣпости Елисаветы полковникъ Корѣ въ согласіе сему же прибавляетъ дошедшія извѣстія, что мая 28-го, пришедъ въ поселенную Макара Черныкова слободу, пятьдесятъ человекъ гайдамаковъ вооруженныхъ объявили жителямъ оной, что они идутъ въ Польшу для заступленія вѣры, и чтобъ сіи сказывали всѣмъ своимъ командирамъ о такомъ ихъ намѣреніи, и яко имъ никакая команда въ томъ препятства сдѣлать не можетъ. А таковыя де всѣ партіи гайдамацкія, какъ сообщаютъ выходцы на поселеніе сюда изъ Польши, соединясь въ одно мѣсто человекъ до тысячи, въ мотронинскомъ лѣсу сдѣлали себѣ засѣку, разстановивъ отбитыя въ польскихъ мѣстечкахъ пушки, и выходи изъ того убѣжища партіями, польскія мѣстечки и деревни разграбляютъ и награбленные пожитки тамъ складываютъ; жидовъ окрещиваютъ, а не хотящихъ того чинить предають смерти. И требовалъ онъ, господинъ генераль-губернаторъ Воейковъ, чтобъ и я съ моею командою, ко истребленію тѣхъ разорителей, въ показанныя мѣста отправилъ нѣсколько эскадроновъ карабинерныхъ полковъ на встрѣчу командированнымъ отъ него гусарскихъ и новороссійской губерніи тремъ эскадронамъ. По симъ обстоятельствамъ я призналъ за нужно велѣть тотчасъ съ московскаго карабинернаго полку полковнику Протасову съ своимъ полкомъ и ста пятьюдесятью козаковъ малороссійскихъ выступить въ Польшу и расположиться въ округахъ: каневскомъ, бѣлоцерковскомъ, уманскомъ, чигиринскомъ и смѣлянскомъ, и поимкою истреблять разорителей, предписавъ притомъ, чтобъ онъ, будучи съ командою въ Польшѣ, тамошнимъ жителямъ обидъ и озлобленій ни малѣйшихъ не чинилъ, подъ опасеніемъ военнаго суда, и старался бы и самыя разбойническія партіи брать безъ всякаго кровопролитія, паче увѣщаніями и способами искусствъ, развѣ они предпріяли бы что-либо дерзкое, и тогда остается употребить силу, о происхожденіи-же репортовалъ мнѣ, генераль-губернатору Воейкову и находящемуся въ Польшѣ генераль-майору Кречетникову, и ихъ повелѣнія въ разсужденіи высочайшихъ вашего императорскаго величества намѣреній, если какія имѣть будетъ, исполнялъ-бы; также поелику слободской гусарскій харьковскій полкъ нынѣ туда-же въ Польшу слѣдуетъ, то и съ онымъ держалъ бы онъ сообщеніе, соображаясь наставленію, данному того полку полковнику Чорбѣ, къ чему касающійся 2 й пунктъ, изъ указа государственной коллегіи выписанный, при томъ ему

приложенъ. Потребно также я разсудилъ, дабы удобнѣе подавать было въ нужномъ случаѣ, на поимку умножившихся партій гайдамаковъ, помощь, назначенный къ лагерю козловскій полкъ осгавить въ крѣпости св. Елисаветы, гдѣ онъ нынѣ стоитъ. Поелику всѣ сии партіи разбойническія, какъ я вижу, переходятъ въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію, то я сообщилъ господину генералъ губернатору Воейкову, чтобъ предложено отъ него содержащимъ форпостные команды чинамъ о наблюденіи строжайшемъ въ пресѣченіи переходу чрезъ тѣ мѣста гайдамакамъ въ Польшу; а кошевому атаману послалъ ордеръ—дать мнѣ тотчасъ отвѣтъ, извѣстно-ль ему, что изъ запорожскихъ козаковъ подлинно вызваны жителями мѣстечка Канева для вспоможенія къ разоренію города? и чтобъ онъ насторожайше въ своемъ войскѣ наблюдалъ, дабы разбойническія партіи при нынѣшнемъ случаѣ не могли выходить изъ ихъ мѣсть въ Польшу и тамъ чинить разбой. Въ примѣчаніи-же на пынѣшнія смятенія польскія, коль тѣхъ мѣсть, паче при границѣ лежащихъ, жители подъемяютъ теперь руку и оружіе въ междоусобіи одинъ противъ другаго, чтобъ сии обстоятельства не могли родить неприятныхъ слѣдствій для живущихъ на границахъ вашего императорскаго величества подданныхъ, я представилъ, отъ 21 числа сего мѣсяца, въ государственную военную коллегію мое мнѣніе, чтобъ поелику повелѣно мнѣ въ нынѣшнее лѣто собрать въ лагерь, для показанія военной полевой службы, всѣ полки моей дивизіи, то часть изъ оныхъ оставя въ назначенномъ уже къ тому мѣсту при Полтавѣ, прочимъ собраться въ другой лагерь близъ Переяслава. Симъ средствомъ можно устроить дальнія и успокоить всѣ нынѣ близъ границы въ Польшѣ происходящія худыя начинанія; для чего я уже и повелѣлъ нѣкоторымъ полкамъ къ той сторонѣ для лагеря склонять свой маршъ. Но какъ я распоряженія сии дѣлаю только по лучшему моему разумнію и усердію въ соблюденію интересовъ высочайшихъ вашего императорскаго величества, не будучи снабденъ никакимъ повелѣніемъ на случай тѣсныхъ обстоятельствъ польскихъ, такъ, чтобъ мнѣ иногда отъ невѣденія не учинить при томъ въ чемъ либо упущеніе, осмѣливаюсь повторить всеподданнѣйше и при семъ о снабденіи меня на то высочайшимъ повелѣніемъ. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ.—*Смѣдуетъ подпись.*

X.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатерины II о разореніи гайдамаками Умани (?) и Палъева Озера, истребленіи поляковъ и жидовъ, нападеніи на Балту и проч. и принятыя имъ поэтому мѣра.

Юля 3 дня. № 678.

Реляція въ иностранныхъ дѣлъ коллегію.

Доносилъ я вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею реляціею, прошедшаго іюня отъ 23 числа, каковы по лучшему моему разумнію воспріаты мѣры къ истребленію разбойническихъ партій, которыя, при нынѣшнемъ смятеніи въ Польшѣ, лютыя безчеловѣчія производять; но отъ времени еще болѣе прибавляться стало о ихъ злодѣйствѣхъ увѣдомленіе.

Я подношу при семъ въ копіи вчера полученный репортъ съ приложеніемъ козловскаго пѣхотнаго полку отъ полковника Корфа, что сихъ гайдамакъ умножившееся число, подъ именемъ запорожскихъ козаковъ, не только два польскія мѣстечка Умань (?) и Палъево Озеро разорили, умертвивъ въ оныхъ до нѣсколькихъ тысячъ поляковъ и жидовъ, но и турецкой области въ мѣстечкѣ Балтъ нападеніемъ на оное ушедшихъ отъ ихъ мученій жидовъ и поляковъ убили, сражавшись съ турками давшими имъ убѣжище.

Всего больше, что сіи злодѣи, какъ въ Польшѣ, такъ и въ пограничныхъ мѣстахъ турецкихъ, при таковыхъ случаяхъ объявляютъ, что они посланы и все дѣлаютъ по указу вашего императорскаго величества, чѣмъ подвергнули татаръ къ приуготовленіямъ съ своей стороны, которые уже надъ подданными вашего императорскаго величества, крѣпости св. Елисаветы кулцами, и начали производить свои мщенія, разграбивъ нѣкоторыхъ и одного подстрѣивъ. О таковыхъ обстоятельствахъ я тотчасъ увѣдомленіями господина генераль-аншефа и кievскаго генераль-губернатора Воейкова подалъ ему совѣты, что какъ на его возложена пограничная вся корреспонденція, то бы онъ немедленно предварилъ сообщеніями своими, кого онъ знаетъ, что дерзнувшіе причинять нападенія въ турецкой области суть своевольные разбойники, а ваше императорское величество высочайшими повелѣніями въ томъ нимало не участвуете, и потому съ ними поступаемо-бъ было такъ, какъ съ злодѣями покусив-

шимись отъ себя на таковыя наглости, а равномерно ко истребленію оныхъ и отъ вашего величества взяты потребныя мѣры. И поелику сіи всѣ разбойники называются запорожцами, а притомъ и въ репортѣ прилагаемомъ маіора Вульфа находится, что въ гарду запорожскій писарь Быстрицкій объявилъ, что отъ Сѣчи команды посланы въ Умань, такъ я отправленнымъ теперь же курьеромъ потребовалъ отъ кошеваго атамана Калвишевскаго (не думая, чтобъ ему даны были повелѣнія о поискахъ каковыхъ либо, о коихъ-бы мнѣ для вѣдома не предложено, яко несущему должность, по волѣ вашего императорскаго величества, охраненія цѣлости и безопасности въ сихъ мѣстахъ имперіи вашего величества границъ) отвѣта: какъ и для чего команда отъ Сѣчи послана въ Умань? и чтобъ онъ воспріялъ строжайшія мѣры къ истребленію разбойниковъ, производящихъ наглости въ Польшѣ и по границѣ турецкой, и увѣдомилъ-бы, съ запорожскихъ-ли оныя козаковъ. Содержащимъ-же команду по форпостамъ найвыщше подтвердилъ о наблюденіи, чтобъ сіи разбойническія партіи не могли пробираться въ Польшу чрезъ новороссійскую губернію обыкновенною себѣ дорогою. Хотя средствами сими, мнѣ кажется, удобно утушить малыя искры въ началѣ ихъ рожденія, могущія иногда возжечь пламя великаго неспокойства, но поелику дикость сихъ народовъ намъ пограничныхъ заставляютъ и въ самомъ лучшемъ времени мирномъ взирать на ихъ недреманнымъ окомъ и мало надѣяться на ихъ благоразсужденіе, я не могу обойтись, чтобъ и при семъ не возобновить моей всеподданнѣйшей просьбы о снабденіи меня, на нынѣшнія обстоятельства и послѣдствія ихъ быть могущія, полнымъ высочайшимъ вашего императорскаго величества повелѣніемъ.—*Подпись.*

XI.

Донесеніе гр. П. А. Румянцева чрезъ коллегію иностранныхъ дѣлъ имп. Екатеринѣ II объ истребленіи посланнымъ отъ него въ Украину полковникомъ Протасьевымъ айдамацкихъ отрядовъ Журбы и Швачки, движеніи его къ Умані и проч.

Юля 15 дня. № 703.

Реляція въ коллегію иностранныхъ дѣлъ.

При распоряженіяхъ, кои могъ я учинить на случай дошедшихъ ко мнѣ извѣстій о смятеніяхъ пограничныхъ польскихъ,

произведенныхъ отъ вторгнувшихся туда своевольныхъ запорожскихъ гайдамаковъ, донесено уже отъ меня вашему императорскому величеству всеподданнѣйшею моею реляціею отъ 23 іюня, что я принужденъ былъ, получая всечасно жалостныя извѣстія о умноженіи силы и безчеловѣчныхъ тиранствахъ сихъ разорителей надъ поляками и жидами, командировалъ въ Польшу полковника Протасьева съ его полкомъ московскимъ карабинернымъ для истребленія шайки разбойничей. Теперь, долженствуя поднести увѣдомленіе о успѣхѣ отправленной команды, отъ 9 числа текущаго мѣсяца тотъ полковникъ Протасьевъ прислалъ ко мнѣ репортъ, что онъ, вступивъ въ Польшу, развѣдавши, что собранія таковыхъ разбойниковъ, одно въ числѣ трехъ сотъ человекъ въ селѣ Блощинцахъ, въ растояніи отъ Бѣлой Церкви въ пятнадцать верстахъ, а другое вблизи мѣстечка Богуславля, также въ нѣсколькихъ стахъ человекъ, и руководствуютъ оными атаманы: въ первомъ Журба, во второмъ Швачка, учинилъ на ихъ нападенія въ обоихъ мѣстечкахъ и разбилъ сіи обѣ партіи. Въ помянутомъ селѣ Блощинцахъ хотя сіи разбойники покусились было воспротивляться оборонительно, однакожъ не имѣли въ томъ успѣха и ни одного не повредили человека; на мѣстѣ ихъ убито до тридцати, да поймано 64 человека, прочіе-же разбѣжались; при чемъ взято четыре знамя, двѣ мѣдныхъ пушки и одну черную, да гаковницъ желѣзныхъ пять. Тоже недоѣзжая мѣстечка Богуславля настигнутыхъ другой партіи злодѣевъ взято 68 человекъ съ двумя знаменами при упомянутомъ атаманѣ Швачкѣ, который послѣ допросовъ показалъ, что они будто отъ запорожскаго полковника Максима Желѣзняка съ атаманомъ Неживымъ посланы по всей польской Украинѣ для истребленія поляковъ и жидовъ, которыхъ они во многихъ мѣстахъ и попередили; а Желѣзнякъ сію-же посылку чинилъ якобы по указу; въ ватагу-же ихъ приставали польскіе разнаго званія люди и козакъ. Третья-же партія, по показанію сего пойманнаго атамана, съ атаманомъ Неживымъ нынѣ находится въ Чигиринщинѣ, а самъ полковникъ съ большою партіею въ Уманѣ, куда реченный полковникъ Протасьевъ, съ отправленіемъ ко мнѣ репорта, и взялъ походъ, а я еще ему найвыяще подтвердилъ, чтобъ онъ преслѣдовалъ сихъ своевольныхъ злодѣевъ до послѣднаго оныхъ искорененія. Тутъ-же, поелику онъ требовалъ отъ меня резолюціи, что чинить съ отобранными пожитками, которыя опознавши поляки ящутъ, такъ какъ и усмирить собственныхъ

ихъ подданныхъ, дѣлающихъ мучительства и смертное убійство своимъ владѣльцамъ,—я предписалъ: если кто удостовѣритъ истинными доводами, что у него то пограблено, таковымъ опознанное все отдавать за росписками ихъ и свидѣтелей, а во всѣхъ деревняхъ подтверждать объявленія, которыя уже отъ его Протасьева тамъ и учинены, чтобъ подданные отложили взятый мятежъ съ причины разныхъ внушеній отъ людей своевольныхъ, при чемъ и ожидать можно, что взбунтовавшіеся подданные обратятся конечно къ прежнему послушанію, увидѣвъ, что ободрившіе ихъ на возмущеніе истребляются, какъ злодѣи погубленія достойныя. Кромѣ же объявленныхъ разбойническихъ партій, въ той окружности противныхъ конфедератскихъ сборищъ онъ полковникъ ни собою, ни по слуху, не примѣтилъ; а пойманныхъ разбойниковъ, числомъ 137 человекъ, отправилъ онъ, Протасевъ, всѣхъ за карауломъ въ Кіевъ къ господину генералъ-аншефу и кіевскому генералъ-губернатору Воейкову. О чемъ всеподданнѣйше доношу. Вашего императорскаго величества всеподданнѣйшій рабъ. — *Смѣдуетъ подпись.*

(Продолженіе будетъ).

Библіографія.

Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.

Задачею почтеннаго автора настоящаго труда было, по его объясненію, „изложить въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ послѣдовательный ходъ событій исторіи западно-русской церкви“. Разумѣется здѣсь исторія русской церкви въ предѣлахъ юго-западной и западной Руси, начиная со времени первоначальнаго отдѣленія этой части ея отъ единства съ остальною русскою церковію до послѣдовавшаго разновремененно возсоединенія ея съ нею. Выясняя свой взглядъ на судьбы и характеристическія черты отдѣльной исторической жизни западно-русской церкви и останавливаясь на фактѣ отдѣленія южно-русской митрополіи отъ сѣверной, авторъ основательно замѣчаетъ: „но существенныя особенности, отличающія западно-русскую церковь отъ сѣверо-восточной, заключались не въ отдѣльной митрополіи, которая сама по себѣ образовала бы только другой центръ церковнаго управленія въ Россіи, не изменяющаго общаго положенія дѣлъ, а въ тѣхъ формахъ церковной жизни, которыя развились въ ней подъ вліяніемъ ея особенныхъ условій и отношеній политическихъ и религіозныхъ. Важнѣйшими изъ этихъ условій были: въ политическомъ отношеніи — подчиненіе западно-русскихъ земель, послѣ короткаго владычества князей изъ русскаго княжескаго рода Владиміра Великаго, власти литовскихъ князей и затѣмъ литовско-польскому и польскому владычеству, въ церковно-религіозномъ отношеніи тѣ многочисленныя и разнообразныя вліянія со стороны римско-католической церкви, подъ которыя подпала южно-русская церковь, находясь подъ государственнымъ управленіемъ властей римско-католическаго исповѣданія

и затѣмъ, со времени уніи, въ самой большей части ея подъ управленіемъ іерархіи, признавшей надъ собою власть римскаго первосвященника. Въ это время въ той части ея, которая осталась вѣрною православію, особенно развилось чувство *народной* силы и вмѣстѣ такіе способы ея защиты, какіе были не извѣстны сѣверо-восточной Руси. Проходящая чрезъ всѣ эти историческіе фазисы народной южно-русской жизни борьба за народность и существенный элементъ ея, вѣру, соединенныя съ борьбою страданія, паденіе или измѣна однихъ, стойкость, величіе духа или терпѣливость другихъ—все это принадлежитъ къ особенностямъ, вываннымъ въ религиозной жизни южно-русскихъ областей ихъ особенными историческими обстоятельствами.

Сообразно съ такимъ взглядомъ на судьбу исторической жизни западно-русской церкви, поясненнымъ у автора еще нѣкоторыми замѣчаніями относительно главнѣйшихъ опредѣляющихъ событій въ этой жизни, содержаніе „Очерка исторіи“ ея представляется въ слѣдующемъ видѣ:

I. *Галицко-владимірское княжество и галицкая митрополія.* Соединеніе владиміро-волынскаго и галицкаго княжествъ въ одно и образованіе перваго значительнаго южно-русскаго княжества. Первые попытки къ образованію отдѣльной митрополіи въ галицко-волынскомъ княжествѣ. Стремленія дома къ подчиненію себѣ южно-русской церкви.

II. *Литовско-польское владычество въ южной и западной Руси.*

1) Литва и Польша: знаменитые князья литовскіе: Гедиминъ, Ольгердъ, Витовтъ. Православная вѣра въ Литвѣ. Политическій составъ коренной Польши. Начало христіанства въ Польшѣ. 2) Южно-русскія и западно-русскія земли, вошедшія въ составъ Литвы и Польши. 3) Распространеніе латинства въ южной Руси и основаніе латинскихъ епископскихъ кафедръ. 4) Соединеніе Литвы съ Польшою при Ягайлѣ. Великіе князья литовскіе. Ягеллоны на престолѣ польскомъ и великаго княжества литовскаго: Казиміръ, Александръ, Сигизмундъ 1, Сигизмундъ-Августъ. Люблинская унія. Избирательное правленіе. 5) Реформація въ Литвѣ и южной Руси. 6) Образованіе въ литовско-польскомъ государствѣ до іезуитовъ и при іезуитахъ. Краковская академія. Виленская іезуитская академія. Замойская академія.

III. *Западно-русская митрополія.* 1) Бывшіе въ XIV в. попытки къ учрежденію въ Литвѣ и галицкой Руси особыхъ митрополій. Образованіе западно-русской митрополіи. 2) Составъ ея и епархіи.

Митрополичья епархія, составъ ея, преемство митрополитовъ. Епархїи: смоленская, черниговская, полоцкая и пинско-туровская. Православныя епархїи на Волини: владими́ро-брестская и луцко-острожская. Православныя епархїи въ русскихъ областяхъ подъ польскимъ владычествомъ: холмская, галицкая и перемышльская. 3) Управление западно-русской церкви до брестской уніи: охраны церковнаго управленія; церковный судъ; неприкосновенность свѣтительскаго суда. Патронатъ. Соборы западно-русской церкви въ XVI в. Недвижимыя имущества ея. 4) Состояніе просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Училища, типографіи и печатаніе книгъ. Памятники духовнаго просвѣщенія. Труды князя Курбскаго. Полемическія сочиненія старца Артемія. Библия Скорины. Острожская библия.

Новый трудъ г. Чистовича имѣетъ несомнѣнное значеніе прежде всего по своей задачѣ. У насъ вѣтъ недостатка въ монографіяхъ и изслѣдованіяхъ, посвященныхъ тѣмъ или другимъ частямъ и сторонамъ, лицамъ и событіямъ западно-русской церковной исторіи. Но трудъ г. Чистовича, предположившаго въ краткомъ и сжатомъ очеркѣ изложить весь послѣдовательный ходъ событій этой исторіи въ цѣломъ объемѣ ея, будетъ первымъ этого рода опытомъ. Въ связи съ такимъ характеромъ его, какъ „краткаго и сжатаго очерка“ находится и учено-литературное и научно-педагогическое достоинство его. „Если предлагаемый очеркъ, говоритъ авторъ, не заключаетъ въ себѣ результатовъ изученія всѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ источниковъ и памятниковъ западно-русской исторіи и относящихся къ ней ученыхъ изслѣдованій, то во всякомъ случаѣ онъ представляетъ, основанное на изученіи этихъ памятниковъ, довольно полное изображеніе исторической судьбы западно-русской церкви“. Почтенный авторъ имѣетъ полное основаніе для такой характеристики своего труда. Достоинство его, какъ краткаго и сжатаго очерка, восполняется отчетливымъ обозначеніемъ и опредѣленіемъ важнѣйшихъ условій и отношеній, подъ влияніемъ которыхъ своеобразно слагалась, и важнѣйшихъ историческихъ фазисовъ, чрезъ которые проходила отдѣльная историческая жизнь южно—и западно-русской церкви. Цѣльными описаніями и живыми характеристиками отдѣльныхъ событій, явленій и лицъ не могутъ быть повсюду обязательны въ такомъ сочиненіи, какъ настоящее. Но мѣстами они есть и здѣсь, то въ самомъ текстѣ, то въ примѣчаніяхъ. Не всегда авторъ ссылается на первые источники или лучшія и болѣе подходящія изданія ихъ,

во во многихъ случаяхъ онъ самостоятельно провѣряетъ какъ свидѣтельства памятниковъ, такъ и мнѣнія изслѣдователей, выражая впрочемъ не самый процессъ, а только результатъ таковой провѣрки, говоря вообще, основательной. Осторожный на предположенія, авторъ позволяетъ себѣ ихъ только изрѣдка, напримѣръ относительно названія „Бѣламъ Русь“, какъ на часть Руси, которая никогда не подпадала татарскому владычеству, оставаясь за все время его свободною или „бѣлою“. Авторъ принимаетъ предположеніе о раннемъ, еще въ XII в., появленіи въ Полоцкѣ, вѣкогда главнымъ городѣмъ Бѣлоруссіи, династіи литовскихъ князей. Но, говоря о полоцкой епархіи, онъ удержался отъ объясненія факта равнаго возвышенія здѣшней епископіи на степень архіепископіи и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышенія полоцкаго іерарха до степени перваго, послѣ митрополита, іерарха въ ряду южно—и западно-русскихъ епископовъ, а также факта сильнаго умноженія здѣсь монастырей и широкихъ притязаній полоцкаго земства и горожанъ на участіе въ церковныхъ дѣлахъ. Въ концѣ „Очерка“ полнѣе могъ-бы быть, по нашему мнѣнію, отдѣлъ о состояніи просвѣщенія въ южной и западной Руси въ XV и XVI в. Между прочимъ, болѣе вниманія заслуживалъ-бы и фактъ непрерывнаго существованія начальнаго школьнаго обученія при многихъ приходскихъ, особенно патронатскихъ, церквяхъ, также городскихъ и монастырскихъ. Не лишни были-бы также указанія на нѣкоторые религиозно церковные обычаи, усматриваемые въ западной Руси въ XV и XVI в., какъ продолжавшееся развиваться или формироваться наслѣдіе прошлаго, перешедшее въ тѣхъ же или видоизмѣненныхъ формахъ и въ послѣдующее время. Впрочемъ эти и подобныя требованія выходятъ отчасти уже за предѣлы задачи, принадлежавшей „Очерку“. Въ предѣлахъ своей задачи, онъ обработанъ такъ основательно и удачно, что возбуждаетъ желаніе видѣть продолженіе этого очень почтеннаго и полезнаго труда.

И. М.

Акты, относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранныя и изданныя археографическою комиссіею. Томъ двенадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.

Мы считаемъ излишнимъ говорить о значеніи и научной важности для исторіи юго-западной Руси этого прекраснаго изданія: оно слишкомъ извѣстно всѣмъ занимающимся исторіею

этого края. Вышедшій нынѣ томъ обнимаетъ документы относящіяся только къ исторіи двухъ лѣтъ, 1675—1676; въ составъ его вошли 224 документа, извлеченные изъ архивовъ министерствъ: иностранныхъ дѣлъ и юстиціи и редактированные Н. И. Костомаровымъ. Документы эти относятся къ двумъ послѣднимъ годамъ гетманства Петра Дорошенка и серія ихъ заканчивается сдачею и выселеніемъ изъ Чигрина этого гетмана. Впрочемъ содержаніе изданныхъ актовъ до нѣкоторой степени извѣстно лицамъ, занимающимся исторіей южной Руси, такъ какъ они послужили главнымъ матеріаломъ при составленіи Н. И. Костомаровымъ его монографіи, изданной подъ заглавіемъ: „Руина“. Для исторіи города Кіева имѣетъ спеціальное значеніе документъ, помѣщенный подъ № 102. Это дѣло относящееся къ утвержденію въ должности царемъ кіевскаго войта Ждана Тадрины и списокъ статей, поданныхъ въ приказъ малороссійскій этимъ войтомъ отъ имени города, въ которыхъ изложены обиды, претерпѣваемыя городомъ отъ ратныхъ людей и воеводъ и просьба о ихъ воздержаніи.

В. А.

Разысканія о началѣ Руси, Д. Илювайскаго, изданіе второе, исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ.
Москва, 1882.

Книга имѣетъ цѣлю опровергнуть норманское происхожденіе русскаго государства и доказать славянское происхожденіе Руси, дунайскихъ болгаръ и гунновъ. Туземное происхожденіе Руси, между прочимъ, доказывается „тяготнѣмъ нашей первоначальной исторіи и самаго имени Русь къ югу, а не къ сѣверу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднѣпровья, а новгородцы называли себя славянами. Русскимъ называлось Черное море, а варяжскимъ Балтійское, что прямо указываетъ на совершенно различное географическое положеніе варяговъ и руссовъ. Изъ иностранныхъ извѣстій IX и X вѣковъ чаще другихъ названіе Русь встрѣчается именно на юго-востокъ, т. е. у арабскихъ писателей“. Но не всѣ доказательства, приводимыя г. Илювайскимъ въ опроверженіе теоріи норманизма и въ подтвержденіе того, что Русь была искони народомъ туземнымъ и что она сама основала свое государство, имѣють одинаковую твер-

дость. Норманисты обыкновенно указывают на *русскія* названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго и объясняютъ эти названія изъ нарѣчій скандинавскихъ. Противъ нихъ г. Яловайскій старается доказать только, что эти названія *могутъ быть объясняемы* изъ языка славянскаго. Почему-то авторъ не хотѣлъ воспользоваться и *археологическими* доказательствами исконнаго существованія русскихъ славянъ на вѣнѣшнемъ югѣ Россіи. Въ заключеніе, считаемъ не лишнимъ указать здѣсь на мало извѣстную попытку К. Шейковскаго объяснить названія пороговъ днѣпровскихъ у Константина Багрянороднаго изъ славянскихъ нарѣчій. Попытка эта сдѣлана въ недавней диссертациі *pro venia legendi* К. Шейковскаго и извѣстна только по официальному отзыву о ней въ протоколахъ кievской духовной академіи 19 марта, 1871 года. По словамъ г. Шейковскаго, славянскій міръ еще въ доисторическую эпоху распался на двѣ группы. Характеристическимъ лингвистическимъ признакомъ первой былъ консонантизмъ, а второй—вокализмъ. Первую составляли славяны, а вторую анты. Тѣ и другіе развѣтвились изъ одного народа, называвшагося спорами. Изъ русскихъ племенъ къ первой группѣ принадлежали поляне и древяне, у коихъ, равно какъ и у новгородцевъ, и теперь преобладаетъ консонантизмъ; къ типу антовъ, въ языкѣ которыхъ былъ вокализмъ, принадлежала Русь при Червомъ морѣ, откуда она дѣлала нападенія на Константинополь. Этимъ двумъ группамъ славянскихъ племенъ, славянамъ и антамъ, соответствуютъ и двойныя названія днѣпровскихъ пороговъ у Константина Багрянороднаго. Онъ приводитъ русскія и славянскія названія этихъ пороговъ. Славянскія названія отличаются неполногласіемъ или консонантизмомъ, а русскія полногласіемъ или вокализмомъ. Тѣ и другія Багрянородный переводитъ на греческій языкъ, какъ тождественныя по значенію, но отдастъ предпочтеніе русскимъ названіямъ пороговъ, какъ настоящимъ названіямъ. А Русь, жившая у береговъ Чернаго моря, это-де южноруссы, принадлежавшіе къ антской отрасли славянъ, отличавшихся полногласіемъ или вокализмомъ; слѣдов., къ объясненію названій пороговъ днѣпровскихъ должно быть призвано и южнорусское нарѣчіе. Константинъ Багрянородный приводитъ и объясняетъ названія семи днѣпровскихъ пороговъ: 1) *Ессуни*, что значитъ „не спи“; 2) по-русски *Ульворси*, а по славянски *Островунипрахъ*, что значитъ „порогъ острова“; 3) *Гелландри*, что значитъ „звукъ порога“; 4) по-русски *Айфаръ*, а по сла-

вянски *Нелсытъ*, „потому что въ скалахъ его водятся пеликаны“; 5) по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Вульнипрахъ*, что значить „кишѣніе жидкости“; 6) по-русски *Леанти*, а по славянски *Веручи*, и 7) по-русски *Струбунъ*, а по-славянски *Напрези*, что толкуется „малый порогъ“. Для объясненія русскихъ названій всѣхъ этихъ пороговъ г. Шейковскій употребляетъ полногласныя формы южнорусскаго нарѣчія, а для объясненія славянскихъ названій ихъ, неполногласныя формы славянскаго, притомъ онъ подбираетъ для объясненія русскихъ названій пороговъ такія южнорусскія слова, которыя-бы не только были созвучны приводимымъ у Багрянороднаго названіямъ, но и по значенію своему соотвѣтствовали-бы даваемому Багрянороднымъ толкованію ихъ. Такимъ образомъ, первый порогъ, называемый у Багрянороднаго *Ессуни* объясняется южнорусскимъ словомъ *не сопи* (отъ сопѣтъ); второй порогъ, называемый по-русски *Ульворси*, а по-славянски *Островунипрахъ*—южнорусскимъ *Гуль-поріъ* и славянскимъ *порогъ острова*; третій порогъ *Галландри* южнорусскимъ *халландра*, означющимъ родъ пѣсни и танца подъ пьяную руку; четвертый порогъ, называемый по-русски *Айфоръ*, а по-славянски *Нелсытъ*, южнорусскимъ *айваронъ* или *айворонъ*; пятый порогъ, называемый по-русски *Варуфоросъ*, а по-славянски *Веручи* (съ перестановкою славянскаго названія съ пятого мѣста на шестое, и наоборотъ) южнорусскимъ *варипорогъ*, т. е. такой порогъ, при которомъ вода какъ-бы кипитъ, славянскимъ *връюць*, вѣрющій; шестой порогъ, называемый по-русски *Леанти*, а по-славянски *Вульнипрахъ* объясняется южнорусскимъ *ляньчъ*, *ляльчъ*, т. е. льющій, и славянскими *волна* и *порогъ*; седьмой порогъ, называемый по-русски *Струбунъ*, а по славянски *Напрези*, объясняется южнорусскимъ *Стрибунъ*, т. е. прыгунъ, и славянскимъ *Напражинъ*.

Предоставляемъ специалистамъ судить объ этой теоріи г. Шейковскаго, намъ-же она представляется если и не лишненною въ некотораго основанія, то во всякомъ случаѣ недостаточно выясненною и не чуждою натяжекъ, иногда совершенно излишнихъ и довольно странныхъ, каковы напримѣръ объясненія слова *Айфоръ* словомъ *айворонъ*, или названія *Леанти* едва-ли существующими южнорусскими словами: *ляньчъ*, и *ляльчъ*. Не говоримъ о такихъ промахахъ, какъ упущеніе известнаго названія четвертаго порога словомъ *Неласытець* и названіе цыганской *халландри* южнорусскимъ танцемъ.

Н. П.

*Русская историческая библиографія за 1865—1876 г. включительно.
В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.*

Настоящій трудъ извѣстнаго русскаго библиографа В. И. Межова составляетъ отчасти предисловіе „Исторической библиографіи“ гг. Ламбиныхъ, состоящей изъ 9-ти томовъ и обнимающей время съ 1855 по 1864 годъ. Появившіеся два тома „Русской исторической библиографіи“ г. Межова составляютъ только часть огромнаго труда, долженствующаго состоять изъ семи объемистыхъ томовъ. Въ первый томъ вошли: источники и матеріалы (историческіе акты и документы), исторія Россіи вообще и по царствованіямъ въ особенности, исторія областей и губерній, историческая этнографія и исторія инородцевъ; во второй томъ вошли—жизнеописанія русскихъ дѣятелей и матеріалы для біографическаго словаря. Заключая въ себѣ общій научный интересъ, „Русская историческая библиографія“ г. Межова имѣетъ близкое отношеніе и къ исторіи южной и юго-западной Россіи. Кромѣ отдѣльныхъ №№, у г. Межова есть цѣлые отдѣлы, посвященные исторической библиографіи южной и юго-западной Россіи, напр., „сборники актовъ, относящихся къ губерніямъ и областямъ Россіи“, „исторія составныхъ частей Россіи—областей и губерній“, напр., виленьской, витебской, волынской, кievской, подольской, полтавской, харьковской, черниговской и др. Особеннаго же вниманія заслуживаютъ два отдѣла: „Малороссія, Запорожье, козачество и южная Русь“ и „Литва, Бѣлоруссія, сѣверо-и юго-западный край“.

Н. П.

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ТАРАСЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ШЕВЧЕНКО.

(Нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).

Въ прошломъ мѣсяцѣ вышла въ Кіевѣ книга: *Жизнь и произведенія Тараса Шевченка*, М. К. Чалаго, обратившая уже на себя вниманіе читающей публики богатствомъ сообщаемыхъ ею новыхъ матеріаловъ для біографіи и характеристики поэта. На нашъ взглядъ и въ этой книгѣ, какъ и во всемъ, что писано было о нашемъ поэтѣ, начиная съ его автобіографіи, помѣщенной когда-то въ „Народномъ Читеніи“, есть еще довольно пробѣловъ и неточностей; ихъ-то мы и хотимъ дополнить и поправить нашими личными воспоминаніями о покойномъ Тарасѣ Григорьевичѣ, нашемъ ближайшемъ землякѣ, который былъ извѣстенъ намъ въ то еще время, когда никто не могъ прозрѣть въ немъ великаго поэта и когда онъ былъ просто „наймитчукомъ“ у о. Григорія Кошица, приходскаго своего пастыря, и погонялъ его буланую кобылу.

С. Кирилловка, въ которомъ родился Т. Г. Шевченко, принадлежало къ составу ольшанскаго имѣнія, доставшагося племяннику свѣтлѣйшаго князя Гр. А. Потемкина-Таврическаго, дѣйстви. тайному совѣтнику Василью Васильевичу Энгельгарту. Последніе годы своей жизни В. В. Энгельгартъ провелъ въ м. Ольшаной, гдѣ у него былъ большой деревянный домъ съ тѣнистымъ паркомъ, цесовая охота и оркестръ, для помѣщенія коего построенъ былъ цѣлый рядъ домиковъ, выходившій на базарную площадь, противъ помѣщичьяго дома.

Баринъ жилъ и умеръ холостякомъ, но имѣлъ двухъ сыновей отъ нѣкоей метрессы польки или нѣмки, которая похоронена въ с. Кирилловкѣ, съ сѣверной стороны приходской православной церкви. Ольшана съ Тарасовкой, Зеленой, Вербовкой, Вороновкой и Сигидинцами, перешла къ В. В. Энгельгарту по наслѣдству отъ Потемкина, а Кириловка, Гнилецъ, Петрики, Моринцы и Пединовка имъ куплены. По смерти Василя Васильевича, въ 1830 г., ольшанское имѣніе перешло къ родной его сестрѣ Александрѣ В. Браницкой, а Кириловка, Моринцы и другія благопріобрѣтенныя села вмѣстѣ съ капиталами покойнаго, составили собственность незаконнорожденныхъ его сыновей, изъ коихъ полковникъ гвардіи Павелъ Васильевичъ Энгельгартъ сталъ владѣльцемъ Кириловки и помѣщикомъ Тараса Шевченка.

При жизни В. В. Энгельгарта управляющимъ всего ольшанскаго имѣнія былъ нѣкто Дмитренко, православный, а конторщикомъ или секретаремъ его канцеляріи въ Ольшаной—Федоръ Штанько, огромнаго роста басъ; дѣлопроизводство все велось на русскомъ языкѣ. По смерти В. В. Энгельгарта, управляющими являлись уже поляки, которые привели съ собою цѣлую фалангу своихъ соплеменниковъ, получившихъ должности экономовъ, лѣсничихъ, писарей и т. под., вмѣстѣ съ тѣмъ въ экономическомъ управленіи введено дѣлопроизводство на польскомъ языкѣ, что продолжается и нынѣ. Кириловка, Моринцы, Сигидинцы и Пединовка представляютъ изъ себя и нынѣ обширный лѣсъ садовъ, наполненныхъ большими яблоневыми, грушевыми, сливными и черешневыми деревьями. Ольшана, Зеленая и Тарасовка менѣе богаты садами. Крестьяне Энгельгарта жили въ полномъ достаткѣ, пользуясь своими большими садами, ливадами и прудами и отбывая нетяжелую барщину, введенную Энгельгартомъ. Хаты крестьянскія были построены въ замки изъ дубовыхъ, липовыхъ и берестовыхъ брусевъ, съ хорошими при нихъ клунями, дворами, которые обнесены были высокимъ дубовымъ частоколомъ. Тяжесть барщины и обѣдненіе крестьянъ появились съ переходомъ ольшанскаго имѣнія во владѣніе А. В. Браницкой, подъ управленіемъ поляковъ.

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился на свѣтъ при В. В. Энгельгартѣ, когда въ ольшанскомъ имѣніи польскаго духу и польской рѣчи не было и въ поминѣ и когда живы были еще воспо-

минанія о гайдамачинѣ, о набѣгахъ крымскихъ татаръ, о сожженіи въ Ольшаной Данила Купнира и другія. Въ раннемъ дѣтствѣ разстался онъ съ сестрой Катериной, которая вышла замужъ въ с. Зеленую за крестьянина Антона Крисицеаго, високаго и стройнаго мужчину, бывшаго сосѣдомъ моего отца. По ея рассказамъ не разъ Тарасъ прибѣгалъ къ ней и въ Зеленую пѣшкомъ, босой и полунагой, со всякой нечистью въ головѣ, бродя изъ села въ село, почему она называла его „приблудой“.

Первый учитель Тараса Г. Шевченка, стихарный дьячекъ с. Кириловки, Петръ Θεодоровичъ Богорскій, былъ сынъ священника с. Верещака, учился въ бывшей кievской академіи до средняго класса риторики, а, по изученіи при архіерейскомъ хорѣ церковнаго устава и нотнаго пѣнія, въ 1824 г. опредѣленъ дьячкомъ въ с. Кириловку; въ 1827 г. онъ имѣлъ отъ роду 27 лѣтъ. Онъ-то пріютилъ и просвѣтилъ внижною мудростію блуждавшаго по селу Тараса и ввелъ въ связь съ діакономъ м. Лысянки маляромъ, дьячкомъ с. Тарасовки, маляромъ с. Хлиповки и другимъ грамотнымъ людомъ, стоявшимъ выше крестьянской среды. По свидѣтельству покойнаго священника с. Кириловки, о. Григорія Кошица, Богорскій самъ добровольно принялъ къ себѣ Тараса и никто ему за него ничего не платилъ. Какимъ нибудь горькимъ пьяницей онъ не былъ, хотя на требохъ и въ обществѣ не отставалъ въ выпивкѣ отъ своихъ прихожанъ. И потому Тарасъ Григорьевичъ, оставившій своего учителя по сей части далеко позади себя, излишне рисуеть его въ своихъ воспоминаніяхъ отчаяннымъ пьяницей и напрасно не помянулъ его хотя однимъ словомъ благодарности. Не возьми его Богорскій къ себѣ въ науку, Тарасъ вѣрно затерялся-бы въ числѣ другихъ сельскихъ дѣтей. Что дьячекъ посылалъ Тараса читать псалтырь надъ покойниками, за это нельзя его осуждать: таковъ былъ общій въ церковныхъ шелоахъ обычай, чрезъ который мальчики пріобрѣтали навыкъ въ чтеніи; обычай этотъ нравился самымъ родителямъ дѣтей, а дьячка облегчалъ въ исполненіи лежавшей на немъ обязанности, служа нѣкоторымъ возмездіемъ за даровое обученіе. А если вспомнить обычай и городскихъ училищъ того времени, гимназій и пансіоновъ, въ которыхъ не падали лозы для шалуновъ дѣтей, то нечего удивляться, что дьячекъ Богорскій не особенно

и́женъ былъ съ мальчикомъ такъ прѣдѣрзливаго и не постояннаго нрава, какииъ былъ Тарасъ Шевченко во время своего дѣтства.

Въ домѣ священника Іоанна Нестеровскаго Тарасъ не жилъ и ничему не учился у него, да и не могъ учиться, такъ какъ Нестеровскій былъ уже старъ для того, чтобы учить грамотѣ, а жилъ онъ нѣкоторое время у другаго священника той-же кирилловской церкви о. Григорія Кошица, исполняя обязанности хлопца-погоняча, присматривавшаго за скотинкой и запрягавшаго буланую и пирокхвостую кобылу его, что вспоминалось и впоследствии, во время двухъ прѣздовъ Тараса Гр. въ Кирилловку въ 1845 и 1858 г. Покойная жена о. Григорія передавала намъ, что, находясь въ ея домѣ, Тарасъ въ зимніе вечера всегда въ кухнѣ что-нибудь читалъ про себя, какъ грамотный мальчикъ, а, по словамъ о. Григорія, Тарасъ въ кухнѣ его выучилъ двѣ каѳизмы изъ псалтыря. Полагаемъ, что въ домѣ о. Григорія Тарасъ Гр. не былъ ничѣмъ обиженъ, какъ какъ о. Григорій былъ человекъ весьма достаточный, имѣвшій корошее хозяйство и два большихъ сада при домѣ, а жена его была очень добрая женщина,—оба-же они вели жизнь довольно патриархальную, проводя дни и вечера вмѣстѣ съ своею прислугою въ большой чистой кухнѣ, занимавшей половину дома, и только для отдыха и приема гостей отдѣлялись отъ своихъ слугъ въ свои свѣтлицы, состоявшія изъ двухъ небольшихъ комнатъ на другой половинѣ дома. Впрочемъ, отзывы о. Григорія были не въ пользу Тараса Григорьевича: онъ и въ послѣдствіи называлъ его все-таки „ледащимъ“, т. е. неспособнымъ къ какому-либо хозяйственному дѣлу. Хотя я бывалъ часто въ домѣ о. Григорія Кошица, сынъ котораго, Иванъ, учился вмѣстѣ со мною и моими братьями въ богуславскомъ училищѣ и ѣздилъ туда на оной буланой кобылѣ, но, къ сожалѣнію, не примѣтилъ я тогда ея погоняча, въ душѣ котораго таился поэтическій гений. Отъ о. Григорія Тарасъ взятъ къ управляющему въ прислугу и вскорѣ отправленъ въ Вильну къ Энгельгарту.

Жители селъ смежныхъ съ Ольшаной, особенно женщины, предпринимаютъ иногда путешествіе въ лебединскій „паняевскій“ (дѣвичій) монастырь, отстоящій отъ Кирилловки на 35 верстѣ. Монастырь этотъ, съ церковью во имя св. Николая, основанъ въ 1779 г. тремя вышедшими изъ Молдавіи монахинями Трифиллією, Дарьей и Февроніей, а церковь устроена при участіи перваго ктителя изъ

крестьянъ, Николая; мужскимъ онъ никогда не былъ, въ 8-ми-же верстахъ отъ него, въ концѣ с. Лебедина, существовалъ до 1840 г. отдѣльный мужской лебединскій георгіевскій монастырь, основанный въ 17 вѣкѣ и упраздненный въ 1845 году при митрополитѣ кievскомъ Филаретѣ. Съ событіями 1768 года ни тотъ, ни другой монастырь ни въ какой связи не состояли. Мотренинскій монастырь, называемый у г. Чалаго лебединскимъ, гдѣ по преданію гайдамаки освятили свои ножи предъ Коливщиной 1768 г., находится въ 40 верстахъ далѣе лебединскаго монастыря, близъ м. Жаботина, въ мотренинскомъ лѣсу. Такимъ образомъ въ разсказѣ о путешествіи Тараса въ лебединскій монастырь г. Чалый смѣшалъ три монастыря въ одинъ. Неудивительно, онъ говоритъ по преданію, или по слуху...

И. М. Сошенко, открывшій Тарасу Гр. дорогу къ высшему образованію, былъ родомъ изъ мѣстечка Богуслава кievской губерніи, отстоящаго на 40 верстъ отъ с. Кирилówki, сынъ мѣщанина, и до поступленія въ академію художествъ учился живописи въ м. Ольшаной у шляхтича Превлоцкаго, довольно хорошаго живописца, котораго не нужно смѣшивать съ маляромъ Исидоромъ Превлоцкимъ, жившимъ въ с. Тарацѣ каневского уѣзда и украшавшимъ церкви и дома священниковъ всего околотка своею весьма немудрою кистью. Ольшана для Сошенка была особенно близкимъ и памятнымъ мѣстомъ, гдѣ, по порученію Превлоцкаго, имъ написана была псовая охота на заборѣ и воротахъ Энгельгартовой царни, — по улицѣ, которою проѣзжаютъ изъ с. Зеленой въ м. Ольшану; видомъ этой охоты всякій разъ любовался и я въ дѣтствѣ. О своемъ первомъ знакомствѣ съ Тарасомъ Гр. Сошенко передавалъ мнѣ иначе, чѣмъ сказано у г. Чалаго. Лѣтомъ, въ одинъ изъ лунныхъ петербургскихъ вечеровъ, прогуливаясь въ лѣтнемъ саду, Сошенко замѣтилъ, что какой-то оборвышъ, въ затрапезномъ пестрядиномъ халатѣ, босой и безъ шапки, копируетъ карандашемъ одну изъ статуй, украшающихъ аллеи сада. Замѣтивъ южный типъ физиогноміи, Сошенко полюбопытствовалъ взглянуть на его работу. Зайдя сзади, онъ увидѣлъ, что рисункъ весьма не дуренъ; тогда ударивъ юнаго художника по плечу, Сошенко, спросилъ: „звидѣль, земляче“? — „Зъ Вилшаной“, отвѣтилъ халатникъ. „Якъ — зъ Вилшаной? Я самъ зъ Вилшаной“, сказалъ Сошенко и, заинтересовавшись землякомъ, узналъ въ этомъ халатникѣ Тараса Шевченка, крѣпостнаго

Павла В. Энгельгарта, законтрактованнаго Ширяеву въ работники для окраски крыши и заборовъ. До настоящаго случая онъ о Тарасѣ ни отъ кого не слышалъ. Землячество, несомнѣнный талантъ и жалкая обстановка Тараса тронули Сошенка, и онъ рѣшился собрать о немъ сначала свѣдѣнія, а потомъ представить его своему профессору, чрезъ котораго позволено было Тарасу Гр. посѣщать частно академію художествъ, а въ послѣдствіи онъ представленъ былъ В. А. Жуковскому, воспитателю покойнаго Государя Императора Александра Николаевича.

О погребеніи Т. Г. Шевченка хлопоталъ въ Кіевѣ названный его братъ Варооломей Г. Шевченко. Совѣщанія по сему предмету шли у М. К. Чалаго, исправлявшаго тогда должность директора 2-й кіевской гимназіи. Въ виду начинавшихся тогда польскихъ и украинофильскихъ движеній признавалось затруднительнымъ выполнить желаніе Петербурга или громады похоронить Тараса Г. на берегу Днѣпра, за г. Каневомъ, гдѣ предполагалъ поэтъ устроить свою усадьбу. Высказаны были и другія основанія, по которымъ не слѣдовало лишать народнаго поэта погребенія на общемъ христіанскомъ кладбищѣ. Поэтому полагали похоронить его тѣло на Щекавицкой горѣ. Наконецъ принято, для избѣжанія всякихъ демонстрацій при этомъ погребеніи со стороны учащейся молодежи, приготовить могилу въ выдубецкомъ монастырѣ и препроводить туда гробъ покойника въ большой лодкѣ прямо съ черниговскаго берега, по прибытіи къ цѣпному мосту. В. Г. Шевченко уже вошелъ было въ соглашеніе по сему предмету съ настоятелемъ монастыря. Но случилось иное. Мая 6, въ субботу, около 4-хъ часовъ по полудни, явился ко мнѣ въ квартиру, на Хоревой улицѣ Подола, В. Г. Шевченко съ пономаремъ кіево-подольской христорождественской церкви за разрѣшеніемъ моимъ, какъ благочиннаго, внести гробъ Т. Г. Шевченка въ эту церковь, заявивъ, что гробъ уже слѣдуетъ въ городъ по цѣпному мосту, но что настоятель церкви не считаетъ себя въ правѣ принять его въ церковь безъ разрѣшенія духовнаго начальства; при этомъ названный братъ объявилъ мнѣ твердое намѣреніе уполномоченныхъ петербургскаго общества выполнить точно волю покойника относительно погребенія его на горѣ между г. Каневомъ и Пекарями.

Согласно существующимъ законоположеніямъ, своею благочинническою властію я не могъ разрѣшить внести въ церковь тѣло покойника, о препровожденіи коего изъ Петербурга въ кievскую губернію не было получено епархіальнымъ начальствомъ увѣдомленія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и потому предложилъ В. Г. Шевченкѣ ѣхать со мною въ митрополиту Арсенію для предьявленія открытаго листа, выданнаго министерствомъ на перевезеніе тѣла, а чтобы задержать шествіе съ гробомъ, мы отправились въ лавру набережнымъ путемъ по шоссе. Предъ башенными воротами на шоссе мы встрѣтились съ гробомъ, который везли студенты и другая молодежь, снявши шапки. Тяжелый свинцовый гробъ былъ въ деревянномъ ящикѣ, на дрогахъ, и покрытъ большимъ покрываломъ изъ червонной китайки, на которой виднѣлось множество вѣнковъ и цвѣтовъ. По предложенію нашему юношество обѣщало остановиться здѣсь и ждать разрѣшенія на дальнѣйшее слѣдованіе въ городъ, что и исполнено. Митрополитъ былъ уже въ своей модельной для слушанія всенощной, начавшейся въ крестовой церкви при его покаяхъ, но по докладу объ особенномъ дѣлѣ, по которому явился благочинный, принялъ меня. Просмотрѣвъ открытый листъ и выслушавъ мой докладъ, владыка сказалъ: „повѣжайте въ генералъ-губернатору и доложите, что съ моей стороны нѣтъ препятствій“, но при этомъ велѣлъ мнѣ быть въ христорождественской церкви безотлучно, возложъ на меня отвѣтственность за всякій могущій произойти безпорядокъ. Князь Васильчиковъ встрѣтился со мною на крыльцѣ, при выходѣ его съ семействомъ для прогулки. Послѣ краткаго моего доклада о дѣлѣ, по которому я прибылъ, князь отвѣтилъ еще короче: „стало, пусть внесутъ въ церковь“. Съ этимъ отвѣтомъ В. Г. Шевченко отправился къ гробу на шоссе, куда спустился отъ николаевскихъ воротъ, а я—на Подоль въ христорождественскую церковь, гдѣ облачился въ ризы и съ настоятелемъ церкви, о. Иосифомъ, и его причтомъ встрѣтили привезенный гробъ, отслуживши краткую литію надъ нимъ въ самой церкви. Къ вечеру къ этой церкви приставлена была уже полиція, а утромъ присланы и конные жандармы, чѣмъ подстрекнуто было любопытство всѣхъ проезжающихъ и проходящихъ по Александровской улицѣ. Въ то же время утромъ гробъ подъ китайкою вынесенъ былъ на улицу для снятія фотографіи и обставленъ братьями Тараса и родичами, жив-

шимися изъ толпы въ своихъ свиткахъ. На вопросъ: кто покойникъ? получался отвѣтъ: „мужикъ, но чинъ на немъ генеральскій“. Къ 4-мъ часамъ, когда назначена была панихида и выносъ изъ церкви къ пароходу, стоявшему у цѣпнаго моста, *не только* церковь, но и дворъ оказались биткомъ набиты; по Александровской улицѣ, по шоссе, на горахъ Андреевской и Михайловской и на горѣ у царскаго саду стояло народа не меньше, какъ бываетъ 15-го іюля, во время Владимірскаго крестнаго хода. Литургія въ христорожественской церкви совершена, по случаю воскреснаго дня, въ обычное время настоятелемъ церкви о. Іосифомъ Жолтоножскимъ, а панихида по покойномъ Тарасѣ Гр. отслужена мною въ 4 часа, совмѣстно съ о. Іосифомъ, при многочисленномъ собраніи предстоящихъ, между которыми изъ извѣстныхъ лицъ можно было видѣть М. В. Юзефовича и Гр. П. Галагана. Пѣли панихиду почитатели таланта покойнаго съ участіемъ нѣкоторыхъ студентовъ духовной академіи и воспитанниковъ духовной семинаріи, такъ какъ пригласить хоръ академическій или семинарскій почему-то оказалось невозможнымъ. Никакихъ рѣчей въ церкви не было по условію съ распорядителями процессіи. Но лишь вынесли гробъ изъ церкви на набережное шоссе, явилось столько всякихъ ораторовъ изъ молодежи, что пришлось останавливаться съ гробомъ чуть не чрезъ каждые 5 шаговъ, и нужно сознаться, что нѣкоторые ораторы молили ужасную чепуху, называя покойника освободителемъ народа и даже спасителемъ. Пройдя за гробомъ до крещатицкой часовни, дальнѣйшіе проводы я предоставлялъ одному о. Іосифу, такъ какъ въ городскихъ церквяхъ начался уже звонъ ко всеобщей наступавшаго праздника св. Іоанна Богослова и тезоименитства митрополита Арсенія, къ которой я долженъ былъ поспѣшить въ свою успенскую церковь.

Пр. П. Л—въ.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ПАСХАЛЬНОЙ ВИРШѢ.

Мы получили изъ Тифлиса отъ Д. К. Мороза слѣдующее, какъ онъ полагаетъ, *окончаніе* пасхальной вирши, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Кіевской Старины“.

Веди къ саду всю громаду, веди, щобъ селилась

Тутъ въ покою и зъ тобою вѣчно веселилась.

Заразъ тая середъ рая свобода засіла:
 Тутъ тишина, вся старшина не мае къ имъ діла;
 Тутъ сіпуга, вїйтъ—пьянюга вже не докучае,
 И въ подводу тутъ изъ роду нікто не хапае.
 Всі подубли, що ихъ скубли, сільскіи нахалы,
 Подеречи, колотнечи всі уже пропали.
 Зникли зборы, вже позоры (?) не правлять кварталу—
 Сказавъ Адамъ, що не подамъ людей на поталу.
 Утівъ куражъ, здирства нема-жъ, пропали всі драчи,
 Счезло лихо, живуть тихо, не дають подачи,
 Погибла власть и вся на рясть вилізла голота,
 Вїйтъ не ворчить и не стучить десятчикъ въ ворота,
 Тамъ... іде... ¹⁾ ні вже не журися:
 Манна зъ неба, все що треба—їжъ, пий, веселися.
 Райскі птиці ластовиці весело співають,
 Жайворонки, соловейки якъ въ органъ играють.
 Всякихъ музыкъ ни чїй языекъ не може сказати,
 Мудрий писаекъ и перомъ такъ не може списати.
 Дай, Боже, намъ, щобъ сїі тамъ музики играли,
 Щобъ бїльше насъ, хоть у той часъ, сіпаки не брали.
 Ты, Боже, бачъ, кровавий плачъ и горке рыданье,
 За тее намъ покажи тамъ вічне пануванье!

Г. Морозъ считаеъ приведенные стихи существенною и самою интересною частію вирши и на основаніи заключающихся въ ней указаній на нѣкоторыя особенности соціального склада населенія (малороссійскаго) придаеъ виршѣ болѣе древнее происхождение и готовъ отнести ее даже ко временамъ Хмельницкаго.

„Изъ этой части, говоритъ онъ, видно, что во время сочиненія вирши взимался „кварталь“, т. е. такая подать, которая не могла долго существовать въ Малороссіи со времени присоединенія ея къ Россіи и никогда не существовала на Запорожьѣ; существовали неизвѣстныя запорожцамъ должности войтовъ; взимались подводы, утѣснялось сельское населеніе „нахалами“ и пр. Давность вирши подтверждается еще и значительными измѣненіями въ имѣющихся

¹⁾ Выраженія эти не разобраны въ рукописи.

спискахъ и не только текста, но и названія, что не могло имѣть мѣста въ сравнительно небольшой промежутокъ времени. Весьма вѣроятно, что черноморцы воспользовались этою виршею въ 1786—87 г., какъ готовымъ уже матеріаломъ и при этомъ опустили весьма существенный конецъ ея, который являлся, по тому времени, не соотвѣтствующимъ. Что она сочинена не запорожцемъ, это видно отчасти и изъ того, что въ ней не заключается никакихъ мѣстныхъ запорожскихъ особенностей и что она составляетъ какъ-бы общее достояніе всей страны. Кромѣ того, сочиняя виршу для князя Потемкина, авторъ ея употребилъ-бы скорѣе книжный, какъ болѣе понятный языкъ для гетмана, и не преминулъ-бы коснуться, такъ или иначе, личности амфитріона, чего, однако, мы не видимъ. Безспорно, авторъ вирши не принадлежалъ къ средѣ духовенства и не получилъ духовнаго образованія. Духовное лицо не рѣшилось-бы изображать сказанія изъ области религіи въ юмористической формѣ, а воспитанникъ духовнаго (?) училища внесъ-бы въ языкъ вирши латынизмы. Между тѣмъ языкъ ея является вполне народнымъ безъ малѣйшихъ постороннихъ примѣсей, а сравненія и образы прямо указываютъ на принадлежность автора къ народной средѣ. Помимо этого, только посполитый могъ указывать въ такой формѣ положеніе народа и изображать идеалы свободы. По представленію автора, идеалы эти выражаются въ томъ, что старшина не имѣетъ дѣла къ народу; пьяный войтъ не надобѣдаетъ ему и не беретъ подводу, „подеречи и колотнечи“ пропали; населеніе живетъ тихо, не даетъ взятокъ; десятникъ не стучитъ въ ворота; нѣтъ кроваваго плача и горьваго рыданія; нѣтъ печалей—сошла небесная манна—ѣшь, пей и веселися.

Всѣ эти данныя указываютъ, что пасхальная или, по нашему мнѣнію, точнѣе—воскресная вирша является стариннымъ памятникомъ народнаго творчества и при томъ весьма цѣннымъ, какъ по формѣ, такъ и по содержанію. Въ 50-хъ годахъ намъ лично приходилось слышать отъ одного стародавняго панка - хуторянина въ черниговской губерніи устное привѣтствіе отрывками этой вирши въ день свѣтлаго праздника. Мы живо помнимъ и до сихъ поръ то пріятное впечатлѣніе, которое, производили вирши на слушателей. Отвѣчая вполне складу міровоззрѣнія малороссіянъ, памятникъ этотъ легко могъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе и дошелъ,

наконецъ, хотя и въ извращенныхъ спискахъ, до настѣ, не утративши ни своей свѣжести, ни своего интереса“.

Не сомнѣваемся, что списковъ вирши съ такою прибавкою, какая приведена выше, найдется довольно и что списокъ г. Мороза не единственный уже потому, что, по его словамъ, составляетъ копію 60-хъ годовъ съ рукописи 1839 г., являвшейся также копіею съ копіи. Мы не можемъ однакожь согласиться съ доводами уважаемаго г. Мороза и потому именно и помѣщаемъ сообщенную имъ прибавку, чтобы она не вводила въ недоумѣніе тѣхъ, у кого окажутся подобныя морозовскому списки. Никто не откажетъ этой прибавкѣ въ нѣкоторомъ ея интересѣ; но на основаніи тѣхъ-же ея особенностей, на которыя указываетъ г. Морозъ, можно относить именно эту часть вирши къ тому времени, къ которому мы отнесли самую виршу и считать ее не существенною частію, а только приставкою, сдѣланною въ то время, когда изъ Запорожья она перешла въ народъ. Тотъ строй жизни малороссійскаго народа, на который въ этой приставкѣ есть нѣкоторыя указанія, въ правобережной Украинѣ сохранялъ свою силу до 1793 г., а въ нѣкоторыхъ сторонахъ и позже того. *Кварталъ*, или сборы по четвертямъ года, существовали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были такъ называемыя староства. Получавшіе ихъ изъ рукъ короля должны были вносить въ его казну часть доходовъ съ полученныхъ ими донацій; но, внося сами, они собирали вносимое съ крестьянъ и такой порядокъ держался до послѣднихъ дней Рѣчи Посполитой. Войтъ былъ должностнымъ лицомъ самихъ помѣщиковъ и перешелъ съ ними въ подданство Россіи. Должности *сіпузъ* или *сіпакъ* и *десятниковъ*—тѣ-же органы помѣщичьей власти и удерживаются гораздо долѣе войтовъ. Взиманіе подводъ, утѣсненіе населенія, „всякія побережи и колотнечи“—явленіе столько-же начала XIX, какъ и XVIII в. Выраженные въ виршѣ идеалы народные—такого общаго свойства, что годятся для всякаго времени. Измѣненія въ спискахъ также не говорятъ о болѣе древнемъ происхожденіи вирши, чѣмъ обыкновенно ей приписывается: и со времени учрежденія черноморскаго войска протекло уже около ста лѣтъ. Кто писалъ виршу,—вопросъ не важный: въ Запорожье сходились люди разныхъ профессій, а въ числѣ ихъ бывали и грамотѣи. Что она писана кѣмъ либо изъ членовъ запорожской общины, это, кромѣ сохранившагося преданія, которое мы

слышали болѣе сорока лѣтъ назадъ, доказывается рѣзкостью и грубостью ея красокъ, доходящею по мѣстамъ до цинизма и не имѣющею ничего общаго съ изяществомъ народныхъ думъ и пѣсень. Изъ запорожскихъ особенностей можно указать въ ней на сравненіе силы смерти съ силою „пруса и крымскаго хана“. Чего либо относящагося къ личности амфитріона—Потемкина, вирша *насмѣльная* и не могла заключать; при томъ черноморцы-запорожцы не отличались побезностію, на лесть-же и вовсе не способны были. Въ то время не они заискивали въ Потемкинѣ, а онъ въ нихъ. Пресыщеннаго до тошноты временщика забавляла всякая оригинальность и авторъ вирши просто хотѣлъ позабавить вельможу одною изъ такихъ оригинальностей. Тутъ не требовалось быть особенно понятнымъ, а съ оригинальнымъ бытомъ запорожцевъ и ихъ языкомъ Потемкинъ давно былъ знакомъ, теперь-же и позже онъ особенно съ ними заигрывалъ и приближалъ ихъ къ себѣ. Наконецъ самый размѣръ стиха вирши не позволяетъ приписывать ей происхожденіе болѣе древнее. Тѣмъ не менѣе мы очень признательны г. Морозу за сообщеніе не достававшаго у насъ конца вирши, который самъ по себѣ имѣетъ историческое значеніе. Сообщенные имъ нѣкоторые варианты не имѣютъ, по нашему мнѣнію, интереса и значенія, по тому и не приводятся. Не помѣщаемъ также и описанія мушкетера смерти и сатаны, пропущеннаго нами и въ спискѣ Гоголя, — по тому соображенію, что такія картины претятъ даже не особо взыскательному вкусу.

МНИМО-НАЙДЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ СВЯТИТ. ДИМИТРІЯ РОСТОВСКАГО.

(по поводу газетныхъ извѣстій)*).

Въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ недавно помѣщена была корреспонденція г. Кулжинскаго, изъ Чернигова, въ

*) Мы весьма признательны уважаемому С. І. К.—чу за разъясненіе невѣрнаго и послѣдшаго извѣстія, получившаго такую широкую огласку. Мы были въ большомъ недоумѣніи, читая это извѣстіе во многихъ газетахъ. Извѣстнѣе, что

которой оповѣщалось о томъ, будто онъ, Кулжинскій, въ библіотекѣ елецкаго монастыря отыскалъ собственноручный дневникъ бывшаго настоятеля и архимандрита этой обители, впоследствии святителя и всея Россіи „чудотворца Димитрія Ростовскаго“. Въ этомъ дневникѣ, говоритъ Кулжинскій, изображена внутренняя жизнь монастыря.

Изъ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ это извѣстіе перепечатано въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, „Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, „Кіевлянинѣ“, „Зарѣ“, „Новомъ Времени“, „Голосѣ“, „Газетѣ Гатцука“ и другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Послѣ такой огласки, не только желательно, но и нужно знать, правду-ли сообщилъ г. Кулжинскій въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“.

Въ прошломъ іюнѣ мѣсяцѣ сего 1882 года, г. Кулжинскій былъ въ Черниговѣ и осматривалъ библіотеку черниговскаго елецкаго монастыря. Въ ней, подъ № 1-мъ, дѣйствительно находится книга въ переплетѣ, на которомъ значится слѣдующее заглавіе: *Черновыя*

«Дневныя Записки» или Діаріушъ св. Димитрія не разъ были напечатаны въ полномъ собраніи его сочиненій, имѣвшемъ нѣсколько изданій, хотя они и не представляютъ дневника въ собственномъ смыслѣ, а только замѣтки о главнѣйшихъ переменахъ и случаяхъ въ его жизни. Какой-же могъ быть еще другой его дневникъ? При свиданіи нашемъ съ многоуважаемымъ А. И. Ханенкомъ, сообщившимъ намъ дневникъ своего прадѣда, котораго печатаніе, надѣмся, вскорѣ начнется, мы обращались за разъясненіемъ нашего недоразумѣнія къ этому столь почтенному мѣстному дѣятелю, такъ близко притомъ знакомому съ исторіею той мѣстности и мѣстными архивами, и получили въ отвѣтъ, что за новый, якобы, дневникъ святителя могъ быть принятъ одинъ изъ списковъ его Діаріуша, которые встрѣчаются на мѣстѣ не рѣдко и теперь: «Возможно-ли допустить, говорилъ намъ А. И., чтобы какая либо цѣнная рукопись св. Димитрія, находящаяся въ мѣстномъ монастырскомъ архивѣ, не была извѣстна славному историкъ вашему, пр. Филарету черниговскому, столько лѣтъ пробывшему въ Черниговѣ, такъ неутомимо работавшему подъ мѣстною исторіею до самой смерти своей и не оставившему безъ пересмотра ни одного мѣстнаго архива, ни одного, можно сказать, клочка его бумагъ?» Теперь не только подтверждается справедливость этого замѣчанія, но и объясняется, что именно г. Кулжинскій принялъ за дневникъ св. Димитрія Ростовскаго. Въ перепечаткѣ сего невѣрнаго извѣстія большинствомъ нашихъ газетъ нельзя однако не видѣть, съ какимъ уваженіемъ наша печать относится къ произведеніямъ великаго святителя.—*Ред.*

бумаги, писанныя рукою святителя Димитрія Ростовскаго. Открывъ эту книгу, на первомъ ея листѣ читаемъ слѣдующее: „Опись 1697 года мѣсяца іюня, бывшаго архимандрита монастыря елецкаго, черниговскаго, Димитрія Савича, нынѣ святаго усопшаго святителя Ростовскаго, его саморучная какъ экономическихъ, такъ и другихъ дѣлъ монастыря разныхъ, по отъѣздъ его зъ монастыря елецкаго, 1699 года, сентября 17 дня. № 136“. Въ книгѣ этой переплетено всего 10 листовъ и 1 четвертка.

Первый листъ есть собственноручная записка святителя Димитрія о приѣмѣ монастыря 1697 г. Затѣмъ слѣдуютъ его-же записи, когда, сколько и для чего взято денегъ изъ „схринки“, и о назначеніи новаго шафара Иннокентія. На оборотѣ этого листа расходъ 1698 г.

На 2 и 3 листахъ рукою св. Димитрія переписанъ „Декретъ Лизогуба, полковника черниговскаго, колчевцомъ на онисовцовъ о разграниченіи грунтовъ даный“. Оборотъ 3-го листа исписанъ не рукою св. Димитрія, но другими почерками (замѣтки) четырехъ различныхъ лицъ.

4 и 5 листы составляютъ собственноручную записку святителя Димитрія о сдачѣ монастыря съ точными перечисленіями монас ырской собственности.

6 и 7 листы заключаютъ опись монастырскихъ имуществъ. Опись эта писана не рукою св. Димитрія, но по мѣстамъ исправлена его рукою и въ концѣ приписка его-же рукою.

На 8 листѣ содержаніе прошенія архимандрита Димитрія съ братією до ясновельможнаго, т. е. до Гетьмана, о притѣсненіи онисовцевъ черниговскими людьми и о вдирательствѣ въ монастырскій сѣнокосъ Шабѣльника.

На 9 листѣ содержаніе прошенія о томъ-же до полковника черниговскаго.

10 листъ составляетъ исписанную неизвѣстно кѣмъ четвертку бумаги, почему-то попавшую, въ эту книгу.

11 листъ исписанъ рукою св. Димитрія о томъ, „какъ Шабѣльникъ завладѣлъ монастырскимъ сѣнокосомъ“.

Какъ видимъ изъ содержанія рукописи елецкаго монастыря, подъ № 1-мъ, она не есть дневникъ святителя Димитрія Ростовскаго, но сборникъ различныхъ бумагъ, писанныхъ и рукою свя-

тителя Димитрія и другими лицами. Г. Кулжинскій сдѣлалъ поспѣшное заключеніе объ этой рукописи, назвавъ ее дневникомъ святителя, вѣроятно, не прочитавъ ее. По почерку письма, она очень трудна для чтенія. Чтобы правильно и свободно читать эту рукопись, нужно имѣть навыкъ и хорошее знакомство съ древними манускриптами.

Въ упомянутомъ сообщеніи своемъ въ „Харьковскія Губернскія Вѣдомости“, г. Кулжинскій выражается, что онъ *отыскалъ* эту рукопись святителя Димитрія Ростовскаго. Выходитъ, что до того времени, т. е., до времени отысканія означенной рукописи г. Кулжинскимъ, она никому не была извѣстна. Но такъ-ли и это? На самой рукописи есть подпись: „смотряно, 1830 года, сентября 24 дня, профессоромъ церковной исторіи и французскаго языка въ черниговской семинаріи и секретаремъ правленія сей семинаріи, магистромъ Алексѣемъ Лукіановымъ сыномъ Минервинымъ“¹⁾. Въ историко-статистическомъ описаніи черниговской епархіи преосвященнаго Филарета, книга третья, а) на стр. 19, говорится: „Въ елецкой обители есть собственноручная записка Димитрія Савича Туптало о приѣмѣ монастыря“ и дѣлается выписка, въ 11 строкъ, изъ этой записки; б) на страницѣ 21-й говорится: „Въ монастырѣ елецкомъ дѣло собственноручной записки его (св. Димитрія) о сдачѣ монастыря“ и затѣмъ дѣлается въ семь строкъ выпись изъ этой записки; в) на страницѣ 6-й говорится: „Въ описи монастырскихъ имуществъ, написанной при св. Димитріѣ Савичѣ и по мѣстамъ исправленной его рукою объ Ивановѣ и Горбовѣ сказано“... и затѣмъ дѣлается выпись въ 14 строкъ, которыя переходятъ на 7-ю страницу. Значитъ, преосвященный Филаретъ зналъ эту рукопись святителя Димитрія, читалъ ее и пользовался ею. Мы знаемъ достоверно, что объ ней знаютъ многіе и читали ее многіе въ разное время. Послѣ этого, можно-ли было писать г. Кулжинскому, что онъ *отыскалъ* собственноручную эту рукопись св. Димитрія? По нашему мнѣнію, или г. Кулжинскій не знакомъ съ историко-статистическимъ описаніемъ черниговской епархіи, или всѣхъ онъ считаетъ такими людьми, которые повѣрятъ ему на слово. Если-бы

¹⁾ Вслѣдствіи профессоромъ кievской академіи, ум. въ 1853 г.

г. Кулжинскій поговорилъ объ этомъ съ кѣмъ нибудь изъ людей свѣдущихъ, то онъ не сдѣлалъ-бы такой грубой ошибки. Онъ, какъ должно полагать, пожелалъ присвоить себѣ честь открытія этой рукописи святителя Димитрія, а на самомъ дѣлѣ отерылъ только свое невѣденіе.

Нѣкоторыя извлеченія изъ записки святителя Димитрія о приемѣ и сдачѣ имъ черниговскаго елецаго монастыря и описи монастырскаго имущества, исправленной его рукою, могущія имѣть общій интересъ, мы сдѣлаемъ впоследствии.

С. I. К—чь.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ Д. Г. БИБИКОВА ОДНОМУ ИЗЪ РУССКИХЪ ПОМѢЩИКОВЪ КІЕВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Всевластный правитель юго-западнаго края 40—50-хъ годовъ, Д. Г. Бибиловъ извѣстенъ былъ своею беспощадною строгостію въ отношеніи къ польскимъ помѣщикамъ края. Приводимое здѣсь письмо его показываетъ, что онъ не смотрѣлъ сквозь пальцы и на русскихъ помѣщиковъ, если кто-нибудь изъ нихъ шелъ въ разрѣзъ съ установленнымъ имъ въ край порядкомъ и духомъ.

Русскихъ помѣщиковъ въ юго-западномъ крайѣ было тогда весьма немного; но это были большею частію богачи, люди знатныхъ родовъ, владѣвшіе громадными имѣніями, пресыщенные доикотки и потому благодушествовавшіе. Назовемъ для примѣра Браницкую, Энгельгардта, Бобринскихъ, Лопухинныхъ, Голицыныхъ, Орловыхъ, Давыдовыхъ, Скородулей и пр. У нихъ и крестьянамъ жилось легче, особливо, если они для вящшаго благоустройства своихъ имѣній не обзаводились, подобно Браницкой и другимъ, польскими управителями и экономами. Помѣщикъ, къ которому пишетъ Бибиловъ, жилъ въ сѣверной части губерніи, на песчаномъ грунтѣ и ни самъ, ни въ лицѣ предковъ своихъ не получалъ ни тысячами душъ крестьянъ, ни десятками тысячъ десятинъ земель. Отсюда, вѣроятно, его озлобленіе, какъ у тѣхъ благодушіе и преданность. Что касается пренебреженія къ православному духовенству, то это черта общая помѣщиковъ того времени, одинаково русскихъ, какъ и польскихъ, и занесена первыми оттуда, гдѣ въ теченіи

вѣковъ выработались представленія о „жеребачьей породѣ, иго-го, козлахъ, кутьѣ“ и т. под. Православное духовенство переступало порогъ залы помѣщичьей лишь въ Пасху и Рождество, чтобы пропѣть праздничныя пѣсни, а за тѣмъ отсылалось на кормленіе въ переднюю; кухню, контору и т. п. помѣщенія, въ то время, когда официалисты и челядь разныхъ названій пиروвали въ покояхъ своего патрона. Самъ свѣтлѣйшій князь Лопухинъ, *случайный* владѣтель Корсуна, справлявшій у себя храмовый праздникъ Петра и Павла на манеръ средневѣковыхъ германскихъ придворныхъ празднествъ, видѣлъ собиравшееся тамъ почетнѣйшее духовенство только въ церкви, откуда оно посылалось въ контору, и, дѣлая въ праздники визитъ становому приставу, не находилъ приличнымъ для себя посѣтить тутъ-же рядомъ жившаго своего духовнаго отца. Одинъ дерзостный протоіерей, сопровождавшій митрополита при обзорѣніи епархіи въ 60-хъ годахъ, получая отъ князя приглашеніе къ обѣду, осмѣлился спросить: „а духовенство“ (уѣздный протоіерей, благочинный, мѣстный и другіе священники, служившіе съ митрополитомъ)? и получилъ въ отвѣтъ: „а они въ конторѣ, они у меня никогда не бывають“. „Какъ?“ возразилъ неугомонный протопопъ; „раздѣляющіе съ владыкою трапезу Господню недостойны раздѣлить съ нимъ вашу трапезу?“ и—побѣдилъ. Смущенный престарѣлый князь уступилъ напору новыхъ понятій и отношеній, хотя на этотъ только разъ. Не сомнѣваемся, что самъ многопопечительный Д. Г. Бибиковъ раздѣлялъ въ этомъ отношеніи понятія и привычки того времени и его потревожило въ данномъ случаѣ не то, что православное священство угощается въ помѣщичьей кухнѣ, а то, что одновременно съ этимъ польскіе ксендзы возсѣдаютъ за столомъ русскаго помѣщика. Впрочемъ, какъ къ дворянину русскому, при томъ полковнику, онъ пишетъ, по своимъ пріемамъ, весьма сдержанно и не непочтительно.

Милостивый государь

Аврамъ Ивановичь!

До меня доходятъ слухи, что будто-бы ваше высокоблагородіе весьма часто, въ присутствіи польскихъ помѣщиковъ, осуждаете дѣйствія правительства, распоряженія начальства, дерзко отзываетесь вообще о правленіи, и кромѣ сего будто-бы пренебрегаете православною религіею, презираете русское духоуен-

ство и всегда даете преимущество католическимъ ксендзамъ, которыхъ болѣе уважаете, даже предпочтенія сего не скрываете и предъ вашими людьми, ибо въ одно и тоже время католическихъ ксендзовъ сажаютъ за столъ вмѣстѣ съ вами, а нашихъ священниковъ отсылаете обѣдать на кухню.

Я долженъ вамъ признаться, что, несмотря на то, что слухи эти доходятъ до меня съ давнихъ поръ и всегда постоянно обь однихъ вашихъ дерзостяхъ, но я не могу вѣрить, чтобы престарѣлый русскій полковникъ, православный подданный нашего Царя, рѣшился позволить себѣ подобныя вещи, — особенно въ глазахъ еще иновѣрнаго духовенства и польскихъ уроженцевъ, для коихъ каждый русскій долженъ быть примѣромъ благоговѣйнаго почитанія нашей вѣры, преданности Государю и уваженія властей.

Обо всемъ этомъ, чтобы предостеречь васъ и честь заслуженнаго русскаго офицера, я почитаю своимъ долгомъ сообщить вамъ, имѣя честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію, вашъ, милостивый государь, покорнѣйшій слуга

Дмитрій Бибиковъ.

3 декабря 1840 г.

Кіевъ.

Вверху поимѣта: получ. 11 дек. 1840 г.

Сообщ. В. В. Борисовымъ.

СТАРИННЫЕ МАЛОРОССІЙСКІЕ ПОРТРЕТЫ *).

Списокъ старинныхъ малороссійскихъ портретовъ, помѣщенный глубокоуважаемымъ А. М. Лазаревскимъ въ майской книжкѣ „Кіевской Старины“, съ своей стороны, могу дополнить двумя нумерами.

Въ дер. Мармиловкѣ лохвицкаго уѣзда, полтавской губерніи, въ усадьбѣ помѣщика Ильи Яковлевича Стороженка хранятся два старинныхъ портрета представителей рода Стороженковъ:

*) Съ признательностію помѣщая настоящую замѣтку, сообщенную намъ многоуважаемымъ А. С—ко, питаемъ надежду, что и другіе представители малорусскихъ родовъ не откажутъ намъ въ пополненіи этого отдѣла извѣстій — Ред.

28) ¹⁾ Иванъ Стороженко. Въ креслѣ у стола сидитъ глубокій старикъ съ небольшою, совершенно бѣлою, бородой. На столѣ стоять—Распятіе и Евангеліе въ зеленомъ переплетѣ. Одѣтъ старикъ въ красный кафтанъ и опоясанъ чернымъ, повидимому, бархатнымъ, поясомъ, съ золотыми мушками; на плечи накинутъ плащъ розоваго цвѣта съ голубой подкладкой, застегнутый подъ бородой золотымъ аграфомъ. Въ лѣвой рукѣ полковничья булава.

Внизу надпись:

„Року Божого 1727 (1693) ²⁾ февруарія 6¹ (15) преставился рабъ Божій Іоанъ Стороженко, полковникъ В. И. Ц. П. В. З. прилуцкій“.

29) Григорій Стороженко, сотникъ ичанскій (Ичня — мѣстечко борзенскаго уѣзда, черниговской губерніи). Когда миргородскій полковникъ Данилъ Апостолъ былъ избранъ гетманомъ (1 октября 1727 года), Григорій Стороженко былъ повышенъ въ званіе генеральнаго бунчужнаго. Затѣмъ онъ былъ посланъ вмѣстѣ съ Михаиломъ Забѣлю, Лукашемъ Переяславскимъ и Мартиномъ Штишевскимъ въ С.-Петербургъ ко двору съ извѣстіемъ объ избраніи гетмана ³⁾. Женатъ онъ былъ на одной изъ Лизогубовыхъ— Евдокии, бывшей въ первомъ бракѣ за бунчуковымъ товарищемъ Кулябкою.

На портретѣ, который сдѣланъ до 1727 года, такъ какъ Григорій Стороженко названъ на немъ еще сотникомъ ичанскимъ, изображенъ молодой мужчина— „білолицій, чорный усъ“, какъ поетъ пародная пѣсня. Одѣтъ онъ въ зеленый парчевый кафтанъ; на плечи накинутъ синій плащъ, подбитый мѣхомъ; возлѣ, на креслѣ лежитъ высокая мѣховая шапка съ султаномъ. Въ верхнемъ лѣвомъ углу портрета изображенъ гербъ Стороженковъ: крестъ на красномъ полѣ, съ полумѣсяцемъ внизу, короной на верху, зеленымъ вензелемъ по полю, сіяніемъ вокругъ и по угламъ буквами Г, С, Ъ, Н, что значить Григорій Стороженко, Сотникъ Ичанскій.

¹⁾ Продолжаю нумерацію г. Лазаревскаго.

²⁾ 600 неправильно обозначено буквою кси, имѣющею обыкновенно значеніе 60-ти. 600 обозначается буквою ха (X̄).

³⁾ См. Записки Марковича, 1859, ч. I, стр. 246—47.

Подъ изображеніемъ герба подписаны слѣдующіе стихи:

„Луна въ нощи свѣтитъ, волеъ туне блудить зряць.
Креста Христова вѣрнымъ свѣтъ есть въ нощи и во дни
свѣтящъ.“

Григорій Стороженко, мужъ сей знаменитый,
Имѣлъ тѣ въ гербѣ своемъ знаки родовиты.
Безвредно ему убо за сими свѣтили
Шествовать въ небеснаго отчества предѣлы“.

Прекрасныя копіи съ этихъ двухъ старинныхъ портретовъ хранятся въ с. Великой Кручѣ, пирятинскаго уѣзда, полтавской губерніи, у помѣщика Владиміра Андреевича Стороженка.

А. С.—но.

Кіевъ 29 іюня 1882 г.

ЗАДУНАЙСКІЯ НАРОДНІЯ ПРЕДАНІЯ.

1.

Про Палія та Мазепу.

Бачте, якъ се воно було: їхъ було два великіхъ военныхъ—Мазепа и Палій... вони собі були малороссіяне. Та Мазепа якусь злобу мавъ на Палія, отъ вінъ знайшовъ якусь-то причину, та якось-то щось и сказавъ Білому Цареві, а Царь и оддавъ Палія у тюрму на заточеніе, та вінъ и сидівъ уже 12 годѣ. А Мазепа якъ увірився, що вже Палій не вырветься, та поїхавъ тимъ часомъ до шведа, та й каже: „підемо Россію воювати!“ А шведъ забравъ свою армію, та й пішовъ на Білого Царя. Довго вони билися, коли бачить Білий Царь, що Мазепа ёго побіждає—отъ-отъ вже одоліе зовсімъ, сівъ да й задумавсь. А далі попросивъ на три дни одпочинку, передаясь за купца, та й пішовъ куди очі... Таке-то було, такого наробивъ ёму отой Мазепа! Тільки ото йде Білий Царь такъ по надъ річкою, коли дывиться—куринь стоить, а коло куріня й рыбаля старый. „Здрастуй, старичокъ!“, каже, а той каже: „доброго здоровья, господинь купецъ“. — „А чи не маешъ ты, каже, чого попоісты?“ — „Якъ-би то не маю!“, узявъ заразъ казанокъ и на-

варивъ доброї юшки зъ рыбою. Сілы вони й ідять. А Білий Царь и каже: „и що се, каже, нашъ царь собі думає, що шведъ оце вже скоро усю Россію забере зъ Мазепою?!—„Бо нашъ царь дурний, рыбалка каже, не знає, каже, самъ, що вінъ робить! На що вінъ Семена Палія давъ на заточеніє?... отъ уже 12 годъ сидить, а якъ-бы вінъ випустивъ Палія, то досі-бъ уже й Мазепу й шведа побивъ!“—„Какъ, какъ, старичокъ?!“—ото вже схопивсь Білий Царь, та давай рыбалку старого распитувать, а самъ выйнявъ карандашъ, та усе записує, та записує на халяві (бо на ёму чоботы були зъ довгими халявами), щобъ не забуть, значить. Далі попрощавсь и пішовъ собі до дому и заразъ-же звелівъ, щобъ розшукати и приставити ёму Семена Палія. Послали штахвету (тоді ще телеграфу й машини циеі не було й Россія мала ще тоді була), нашли Палія, а вінъ вже тильки що дыше. Заразъ-же ёго обмыли, оділи—стільки годъ сидівъ—посадили на бричку й привезли до Царя. А Семень Палій здалека шапку знявъ, излізъ изъ брички и навколішки полізъ до Царя. Царь підійшовъ до Палія, піднявъ ёго, та й питає: „що будемъ робити—уже шведы візьмуть Россію!“ А Палій каже: „або не візьмуть!“—„А можешъ ты звоювать Мазепу?“ „Можу, каже, ваше императорське, чи якъ тамъ, величество, тильки, каже, просить ще на 3 дни одпочинку!“ „Добре, каже Царь, ну вже, каже, коли ты звоюешъ Мазепу, проси у мене, що завгодно, хочъ півцарства!“—„Нічого мені, каже, ваше царское величество не треба, а отъ звеліть тильки, щобъ дітей більше лавами не выбивали“. (А то, бачте, царь якъ розсердивсь на Мазепу, то давъ приказъ выгубляти малороссіянскихъ младенцівъ: одсунуть було лаву, та по підъ стінкою й постановлять дітей, рядкомъ, а тоді лавою й придавлять до стіны—такъ по усій України робилося!) Царь заразъ-же видавъ указъ, щобъ никто не смівъ младенцівъ выгубляти. А тимъ часомъ вже й други три дни на сході. Палій ото вже отдыхавъ й каже, щобъ ёму коня дали. Приводять до ёго самихъ найкращихъ царськихъ коней, тильки вінъ якому коневі не положить руку на шию, то кінъ заразъ навколішки й упаде. А на те время тутъ саме водовозъ іде, а вінъ у ёго якъ побачивъ Палія, то й заржавъ.—„А, каже Палій, и ты ще живий, товаришу!“.. „Оціого коня мені, каже, дайте, що саву¹⁾ возить!“ А на

¹⁾ Сака (тур.) = бочка.

ѣму одна шкура та кістки. Выпрягли того коня, підвели, узявъ Палій єго за гриву, а вінъ тільки головою повернувъ. Тоді Палій узявъ два pistols, сівъ на того коня та й счезъ, якъ той вихорь! Обѣхавъ тричі Мазепине військо, піднявся у гору—коли дивиться, Мазепа изъ шведомъ саме обѣдають, вінъ стрельнувъ зъ pistols, а пуля якъ разъ и впала до Мазепи у ложку. Мазепа тоді подививсь у гору, та й каже до шведа: „тікаймо, брате, пропали мы, бо Палій уже на валі“, та й показавъ єму у гору на Палія.—„Та то може місяць?“, каже шведъ. „Та який тамъ місяць середъ дня!“ Кинули й обѣдати, та скорійше тікати. Палій прихавъ до Білого Царя, та й каже: „ну теперъ идіть—нема вже шведівъ, розбіглись“. Царь не повіривъ и іхати не хотівъ зразу, а потімъ рішивсь. Коли прихали, дивляться, нема вже никогісінько, якъ обѣдали, такъ усе й осталося... тільки шведські козаки стоять... Отакій-то бувъ Палій.

Зап. отъ Марья Глухого у Тульчи. Окт. 1881 г.

Х. Ц.

II.

Про Антона Головатого, Онопрія Шпака и царицю Катерину.

...Се було, якъ Антонъ Головатий бувъ у Петербурсі, у єго бачте вуси були довгі, а бувъ у єго писарь Онопрій Шпакъ, то були вони у цариці, бо цариця хотіла на вуси єго подивитись. Подивилась, та й не вірила, чи то настоящіи вуси, чи то вінъ надточує чимъ, тай сказала медомъ намазати..., а у єго природа така була. Ну, а потімъ вона й каже Головатому, що й землю дає, й ліса, и усе..., а Шпакъ и каже: „та не вірь ты, каже, москалеві, бо хто москалеві повірить, то й самъ невірний!“ А вона не розібрала, та й питає: що вінъ каже? а тамъ зъ чугуївськихъ хтось бувъ, та й сказавъ їй.—„А хто-жъ то москаль?“ питає.—„Ты!“, каже. То тоді єго за губу крючкомъ заціпили та й повісили, щобъ ногами землі не достававъ..., да такъ до вечора й висівъ...

Багато розказують, та таке бо-зна що: ото наче-бъ то Катерина запорожцівъ на обідъ закликала, та звеліла подавати имъ довгі ложки, думає, якъ то вони їстимуть тими ложками?.. а вони

тѣ ложки побрали, та й почали одинъ одного черезъ стѣль годувати... Оттаке!...

Зап. отъ Ананія Ив. Коломійца. у Катирлези.

Х. Ц.

КОЛИВЩИНА ВЪ ПѢСНЯХЪ.

Приводимыя двѣ пѣсни сообщены намъ глубокоуважаемымъ А. А. Скальковскимъ, которому обязана мѣстная исторія единственными до послѣдняго времени свѣдѣніями о судьбахъ Сѣчи запорожской и болѣзненнаго ея отпрыска—гайдамачины. Обѣ эти пѣсни своимъ содержаніемъ, а быть можетъ и происхожденіемъ связаны непосредственно съ украинскимъ народнымъ возстаніемъ 1768 года. Первая изъ нихъ рисуетъ намъ общую картину этого событія, совокупляя въ одномъ представленіи всѣ фазисы онаго и различныхъ его дѣятелей, дѣйствовавшихъ въ различныхъ мѣстахъ, вторая влагается въ уста одного изъ главнѣйшихъ предводителей возстанія, всего вѣроятнѣе Желѣзняка, и представляетъ заключительное, такъ сказать, слово дѣятелей „Колівщины“, не чаявшихъ отъ нея чего-либо прочнаго и опредѣленнаго, но глядѣвшихъ на нее, какъ на непосредственное движеніе народной мести и страшный урокъ притѣснителямъ народа. Въ первой пѣсни выводится неизвѣстная доселѣ личность сотника Митлыці, измѣнившаго общему дѣлу, или оставшагося вѣрнымъ противной сторонѣ, и за то казненнаго, по рѣшенію предводителей возстанія. Такъ какъ здѣсь онъ изображается изрекающимъ проклятіе осудившимъ его на смерть предводителямъ возстанія:

Бодай-же кінець вашъ бувъ нудный та іркий,

а во второй пѣсни одинъ изъ этихъ послѣднихъ, входя въ нравственную оцѣнку дѣла и обсуждая неудачный исходъ онаго съ высшей точки зрѣнія, замѣчаетъ, что это должно быть послѣдствіемъ проклятія казненнаго Митлыці:

Мабуть,—це Митлыцева причина,

главнымъ-же орудователемъ всего возстанія былъ несомнѣнно Желѣзнякъ, то отсюда съ несомнѣнностью заключать можно, что пѣсня идетъ отъ его лица, хотя, конечно, могла быть сочинена кѣмъ

либо другимъ. Слѣды *сочиненія* видны еще въ той и другой пѣсни: по недавности времени и, быть можетъ, по рѣдкому употребленію этихъ пѣсень въ послѣдовавшее тяжкое время, онѣ, такъ сказать, не вполне еще отшлифовались въ народномъ обращеніи, отъ чего по мѣстамъ примѣчается нѣкоторая неровность и какъ-бы шероховатость стиха; тѣмъ не менѣе это драгоценныя по многимъ чертамъ историческіе и народнаго творчества памятники. Онѣ дорисовываютъ намъ то, что не досказано въ официальныхъ и другихъ документахъ, доселѣ открытыхъ. Общая картина событія замѣчательно полна и высоко-художественна, краски бьютъ яркостію и свѣжестію, отдѣльные штрихи—смѣлостію, бойкостію и игривостію. Раздумье предводителя возстанія, въ кандалахъ и цѣпяхъ ждущаго неминуемой смерти, подводщаго итоги кровавымъ своимъ дѣяніямъ, глядящаго на все минувшее съ точки зрѣнія предсмертнаго часа и суда Божія поражаетъ своею задушевностію и искренностію, равно какъ обращеніе къ Потоцкому—естественностію и силою чисто народнаго чувства. Вообще чувства и языкъ обоихъ пѣсень такъ непосредственны, такъ свѣжи и сильны, что указываютъ на весьма раннее, быть можетъ, современное самому событію происхожденіе ихъ; пѣвецъ какъ-бы стоитъ предъ самымъ событіемъ и въ немъ почерпаетъ одушевляющія его думы и чувства.

Относительно окончанія второй пѣсни, состоящаго въ обращенія къ Потоцкому, мы должны особо замѣтить, что оно не стоитъ въ связи съ общимъ содержаніемъ пѣсни и составляетъ позднѣйшую прибавку, или заимствованіе изъ другой пѣсни. Оно ни какъ не можетъ относиться къ *Салерію* Потоцкому, современнику „*Коліивщины*“, но только къ сыну его *Феликсу* Потоцкому, участнику тарговицкой конфедераціи 1792 г.

Когда, кѣмъ, отъ кого и при какихъ обстоятельствахъ записаны обѣ пѣсни, объ этомъ, въ сожалѣнію, достопочтенный А. А. ничего не сообщаетъ; онѣ просто нашлись въ обширномъ собраніи его бумагъ, а списокъ, по почерку суда, принадлежитъ 40-мъ годамъ. Въ отрывкахъ вторую пѣснь и намъ случалось встрѣчать, въ цѣльномъ же видѣ никогда. Предоставляя читателямъ судить о достоинствахъ пѣсень, мы приводимъ ихъ для пополненія и поясненія печатаемыхъ документовъ о „*Коліивщинѣ*“.

I.

Свиснувъ вітеръ, свиснувъ,—
Загула хуртовина;
Слівце Максимъ писнувъ,—
Зібралася дружина.

* * *

Дві тисячи бурлакъ
Льнули ¹⁾ въ Крайну польску;
Рушили вони зъ байракъ
Дати ляхамъ хлосту.

* * *

Ой годі жъ намъ, козаченьки,
Рыбу по Дніпру и Богові ловити!
Сідайте въ човныки, бурлаченъки,
Та поїдемо жидову и ляха палити.

* * *

Зібравъ Максимъ, зібравъ бурлакъ
И всю Вирайну збунтовавъ,
Тисячу сіромахъ, тисячу гайдамакъ—
Ватажку собі навербувавъ.

* * *

„Эй, батьки—началныки!
Що то буде зъ нами?
Здаеця, що наше життя мине
И насъ возьмуть зъ вами“.

* * *

Не тужите, мои діги,
Не журітця, быстры орлыпта;
Ще дамо мы Уманеві крови пити,
Ще дадуть намъ горілеи ляхи я жидыпта.

* * *

„Охъ, батьку, Максиме, прости!
Мы й забули, що съ тобою.
Кажи, вели, куды йти,
И мы хоть въ пекло за тобою

* * *

Ой, полковнику Желізняку!
Ходимъ же мы палити;—

¹⁾ Льнули—хлынули, ринулись.

Кого спершу почнемъ бити,
А кого будемъ полонити?^а

* * *

Ляхівъ будемъ бити
А жидівъ шаблями христити.
Ляшина—превража дитина,
А жидовинъ—зайцева дружина.

* * *

Ізъ жидомъ усе втнешъ,
Куды треба, то й пошлешъ,
А не схоче, то й побьешъ,
А вражого ляха—того не вжуешъ.

* * *

„Охъ, Максиме Желізняку,
Ходімо въ Смілу ляхівъ гартовати,
А після тої поживы
Підемо Умань штурмовати“.

* * *

Ой ходімо, діти, Умань штурмовати
І свою братську кровъ відъ католика відбивати.

* * *

Эй, братця, годиночка дорогая;
Треба жъ намъ начинати—
Отъ Нухима до Боруха
Всімъ головы зтинати

* * *

Въ Умань же мы пішли
Тай почали штурмовати.
Тамъ багато панівъ найшли,
Тай давай имъ ніжки розправляти.

* * *

Теперички ляхи щось починають,
Въ кондерацію ¹⁾ панківъ собі збирають;
Ходімо до Потоцького мосци,
До его графскої вельможности.

* * *

Що тільки тамъ у ёго найдемо,
То все у ёго возьмемо.

* * *

¹⁾ Кондерацію—конфедерацію.

Ой пішовъ Желізнякъ до воріть
Тай здыбавъ три копы клопоть.

* *
* *

Ой пішовъ Швачка голкою шити,
Ляхівъ, жидівъ по Умані лупити.

* *
* *

А нашъ Неживый цокоче,
Ажь Умань зубами скрыгоче.

* *
* *

А Журба ходяче зажурился,
Що, головко бідна, Умань загорівся,
Та въ бандуру міцно грае,
Себе козака пісню розважае.

* *
* *

А нашъ сотникъ Гонта
Папирь отъ Цариці давъ,
Тай давши намъ
Всімъ въ голосъ сказавъ,

* *
* *

Що цариця Кошовому
Звеліла такъ служити,
Щобъ ити въ Польщу
Жидову и ляха палити.

* *
* *

И жидамъ и ляхамъ ратунаку не робити,
А всіхъ жидівъ та ляхівъ
Колоти та палити,
А добро ихъ и пожитки межъ собою ділити.

* *
* *

Тільки сотникъ Митлыця
Ни до чорта не годиця.
Мабуть вінъ хтівъ змінити
И на насъ желізни цяцки надіти.

* *
* *

Знай, кобыло де брыкати,
А тутъ тобі вже не хвицати:
О, такъ, сотнику Митлыця,
Такъ робити не годитця!

* *
* *

Каже ему Швачка и Желізнякъ:
Ты хтівъ насъ въ шоры вбрати,
Теперь же тобі світа не видати!

* *
* *

Слухай, Максиме, Швачко и Неживый,
Бодай же кінець вашъ бувъ нудный та гиркій!

* *
* * *

Махнувъ Максимъ разъ, махнувъ Швачка два,—
Покотилась Иванова на землю голова.

* *
* * *

Умань до кілка спалили,
Жидівъ, ляхівъ до ноги побили,
А сами по коняхъ,
Та за Богъ и Синюху влупили.

* *
* * *

Буде Смїла, Чигринъ насъ знати,
Коли були мы въ гостяхъ,
Буде Умань памятати,
Якъ бувъ въ нашихъ пазуряхъ.

II.

Охъ выйду я на гору,
На круту, на високу,
Подивлюся по Дніпру,
На річку широку.

* *
* * *

Ой, річка—Дніпръ широка,
Течешъ ты въ Чорне море.

Охъ возьми мене зъ собою,
Бо горе жъ тутъ, горе.

* *
* * *

Батьку, Дніпре, въ море течи
Тай назадъ вернися,
Мый каминя, та въ нихъ плещи,
Тай звісточу дати не барися.

* *
* * *

Родина моя въ стороні,
Далеко відъ твоихъ лугівъ;
Охъ, не такъ її жаль мені,
Якъ тихъ крутихъ порогівъ.

* *
* * *

Въ тихъ крутихъ порогахъ
Вода съ каміннями воює,

Въ тихъ зеленыхъ дѣровахъ
Сива зозуленька кукуе.

* * *

Охъ, кукувала вона, кукувала,
Та щирю правду мені казала,
Що тамъ було мені жити
І щастя свое мігъ тамъ зловити.

* * *

Не хтівъ її знати
Та полетівъ на родину;
Теперь же мені не спіймати
Ту ю щасливую годину.

* * *

Літавъ же я на степахъ,
Якъ орелъ крылатый;
А теперъ же я въ цепяхъ,
Якъ медвідь мордатый.

* * *

Обвїздивъ я степя,
Обвїздивъ два моря,
Обвїздивъ всі лісы,
Не обвїхавъ свого горя.

* * *

Годі мені козакувати,
Годі птахомъ въ полі літати,
Пора себе въ желїза заковати,
Пора въ Бога прощенія заробляти.

* * *

Коли бь дали прощенія заробити,
Бога молитвами вмолити,
А тогді хоть умирати:—
Не страшно въ домовину съ покутою лягати.

* * *

Здаеця, що смертію своею
Мені та не вмерти;
Охъ, ці ланцюжки нагадують,
Що було людей тагъ не жерти

* * *

Самъ собі причина,
Що такою смертію умираю;

Мабуть, — це Митлыцева причина,
Що такъ я страждаю

* * *

Охъ, тяжко козакові
Въ неволі сидіти,
Тяжко бути въ окові,
Ліпше ему и не жити

* * *

Ой ты пане Потоцькій,
Воевудській сыну,
Запропастивъ Литву
И всю Украинну

* * *

Думка твоя була
— Королемъ зістати,
Тай пішовъ до Царыці
Помощи шукати.

* * *

А Богъ, що зъ неба
Высоко видить,
И за твою невірность
Вже тобі не звидить.

* * *

Прійде судъ на тебе
И страшная годяна;
Візьмуть тебе за лобъ,
Якъ вражого сына.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III-мъ томѣ «Кіевской Старины», 1882 г. *).

- Абрамовичъ Іоаннъ, деканъ владимірскій, 493.
Августъ П., король польскій, 44.
— III-й, курфирстъ саксон., 44.
Ада (онъ-же Березань), островъ на Черномъ морѣ, 378.
Адамовичъ Антонъ, кіевскій, козацкій полковн. средины прошлаго вѣка, 144.
Азовъ, г., 362, 366.
Алешки, мѣсто коша запорожскаго (1712—1730 г.), 178.
Амвросій, архіеп., 338.
— архим., 486.
Андрей Боголюбскій, в. кн. кіевскій, 441—442.
Андріевскій, М., авторъ статьи «Перепетовское поле», 456.
— Алексѣй, редакторъ неофициальной части Кіев. Губери. В., 171.
Антоновичъ В. Б., проф. истор., 42, 523, 260, 301.
Апостолъ Данило, миргородскій полковн. 397.
Арендаренко, архангельскій губернаторъ, 391.
Арсеній, митроп., 344, 566.
Архангельскъ, г., 368.
Астрахань, г., 422.
Афанасій, викарій кіевскій, 124.
— Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, 166.
Анфія, настоятельница кіевскаго іорданскаго ж. монаст., въ нач. XVII в., 384.
Ахія, сынъ Магомета III, 425.
Багалій Д. И., магистръ русской исторіи, 382.
Байковичъ Іосафатъ, настоят. замостьскаго монастыря, 239, 241.
Балабанъ Гедеонъ, епископъ львовскій, 31, 153, 205.
— Герасимъ, проповѣдникъ штундизма, 345.
— Діонисій, холмскій правосл. еписк., 17, 34.
— Исаія, архимандритъ уневскій и дерманскій, 167.
Балта, г., 133, 303.
Банцзеревичъ Исидоръ, настоятель замостьскаго монаст., 239.
Бантышъ-Каменскій, малорусскій историкъ, 394.
Барановичъ Лазарь, арх. черн., писатель, 241.
Баттагліи, баронъ, писатель, 353.
Батуричь, г., 243, 399.
Вахталовскій Георгій, авторъ брошюры: «Посадъ Вилковъ», 358—361.
Бенедиктъ XIV, папа, 214.
Бережівка, с., 261.
Берестечко, м., 508.
Бестужевъ-Рюминъ Александръ Петр., графъ, 161.

*) Цифры указываютъ страницы тома.

- Бибиковъ Д. Г., генераль-губернаторъ юго зап. края, 61—80.
 Билевичъ Янъ, наст. замостьскаго монастыря, 239.
 Блещинскій Николай, базилианинъ, 207.
 Блощинцы, с., 532, 535.
 Боблинскій Леонтій, іеромонахъ конца XVII в., лѣтоп., 428.
 Богданъ Балыка, кievскій мѣщан., авт. записокъ о московской осады 1612 г., 100—105.
 — Хмельницкій, гетманъ украинскій, 17.
 Богорскій П. Ѳ., дьячекъ, учит. Шевченка, 562.
 Богунъ, козацкій полковн., 512.
 Богуславль, м. 550.
 Боннель Эрнестъ, проф., 167.
 Бопланъ, нинжен. XVII в., 376.
 Борковскій Константинъ, архим., 167.
 Боровиковскій А. Л., украинскій этногр., 302.
 Борть, графъ, богат. украинскій землевладелецъ XVIII в., 332.
 Босфоръ Киммерійскій (нынѣ Керченскій проливъ), 168.
 Боярка, с., 346.
 Браницкій А. В., богатый украинскій помѣщ., 561.
 Брюховецкій, гетманъ, 385.
 Бугъ, р., 337, 377, 488.
 Будило, полковн. крелевец., 102.
 Будный Семень, издатель лютер. катехизиса на литов.-украин. языкѣ, 166.
 Булацель, секундъ-майоръ, 332.
 Бульковскій, кремен. исправникъ, 489.
 Бурки, с., 404.
 Бурнашевъ, секретарь с.-петер. вольно-экономич. общ., 190.
 Бутурлинъ, бояринъ московскій, 104.
 Буяльскій Войтехъ, смѣлянскій губерн., 175.
 Бѣлая-Церковь, м., 439.
 Бѣлободскій Янъ, ученый бѣлоруссъ, 166.
 Бѣлоцерковская степь, 436, 438
 Бѣлый Колодезь, с., 248.
 Бѣлюговъ А. И., кишин. учитель, 106.
 Быстрицкій, запорожскій писарь, 311.
 Бытель, мѣсто основанія базилиан. колоніи въ нач. XVII в., 10.
 Бычковъ А. Ѳ., академикъ, 164, 166.
 Бышовъ, м., 383.
 —
 Василичина, м., 441.
 Васильчиковъ, кн., генер.-губернаторъ юго-зап. края, 566.
 Варсонофій, архим. соловецкаго монаст., 405.
 Вейскій Ѳома, кievскій латин. бискупъ, 26.
 Венглинскій, каштелянъ холмскій, 216.
 Веселовскій, писатель, 81.
 Веселый Куть, с., 346.
 Вербовка, нѣдне помѣщ. Энгельгарта, 561.
 Вересай Остапъ, кобзарь, 259.
 Верешаки, с., 562.
 Вилковъ, посадъ въ Бессар., 358—361.
 Вильяшевъ, полковн., 489.
 Винницкіе Ставы, с., 439.
 Вись, р., 174.
 Виталій, іеродиаконъ виленск. духовск. монастыря, 166
 Вишневецкій Іеремія, кн., 512, 517, 521.
 Владимірко, кн., 443.
 Владиміръ Мономахъ, 362.
 Владиславъ II-й, кор. польскій, 7.
 — IV. кор. польскій, 11, 14, 428.
 Воейковъ, кiev. генер.-губерн., 316.
 Володарка, м., 443.
 Володкевичъ Фелиціанъ-Филиппъ, холмскій уніат епископъ, 205, 206.
 Волкитивъ, с., 248.
 Волубка, г., 425.
 Ворзгоры, с., 411.
 Вороничъ, начальникъ «Украинской партіи», въ XVIII в., 527.
 Воронцовъ, кн., 160.
 Вотылска, с., 346.
 Вульфъ Владиміръ, примьеръ-майоръ, 310.
 Выговскій Пванъ, гетманъ, 395.
 Вышатицкій, іеромон., 494.
 Вяземскій, генер.-прокуроръ, 42, 322.
 —
 Гагаринъ, кн., архангельскій губернаторъ, 391.
 Галаганъ, козацкій полковн., 178.
 — Григ. Павлов., нынѣ членъ госуд. совѣта, 567.

- Гамалія Григорій, полковн. лубенскій, 253.
- Ганенко Е. А., покойн. украин. этнографъ, 351.
- Гаркуша Филонъ, козацкій полковникъ, 278.
- Гартингъ, арханг. губернаторъ, 391.
- Гвагинни, писатель XVI в., 98.
- Гвинтовка, нѣжинскій полковн., 243.
- Гедининъ, князь литов., 162, 553.
- Гембицкій Петръ, епископъ краковскій, 503.
- Геродотъ, гречес. историкъ, 168.
- Гирей-Мехметъ, татарскій мурза, 515.
- Гладкій Андрей, сотникъ пирятинскій, 253.
- Глоба, послѣдній писаръ войска запорожскаго, 368—371.
- Глуховъ, г., 381.
- Голицынъ, кн., 396.
- Головатый, запорожскій атаманъ, 326.
— Антонъ, полковн., 334, 338.
— войсковою судья, 368.
- Головацкій, ученый галицкій, 260.
- Головкинъ Гаврило Ивановичъ, графъ, вельможа вр. Петра I, 400, 406.
- Голта, слобода, 303.
- Голубевъ А. С., ученый, 391.
- Гонта, сотникъ уманскій, 302.
- Гордѣенко Костя, кошевой атаманъ, соучастникъ Мазепы, 178.
- Горка Лаврентій, епископъ, 407.
- Горленко, генеральный хорунжій, 256.
— козацкій полковн., 396.
- Горынка, с., 512.
- Гоффальдъ, команд. полка, 518.
- Граняковъ А. Д., бакалавръ кiev. д. а., 129.
- Гребенникъ Богданъ, кievскій купецъ нач. XVII в., 101.
- Грибовичъ, генер. есаулъ, 243.
- Григорьевка, с., 415.
- Гризелла - Констанція Корибуттовна, владѣтельница Замостья въ XVII в., 33.
- Гродекъ, имѣніе Потоцкаго, 224.
- Громовичъ Самуиль, настоят. замостьскаго монаст., 239.
- Губальдъ, генераль польскій, 521.
- Гулакъ, черноморскихъ в. майоръ, 332.
- Гуня, предвод. украинскихъ козаковъ, 430.
- Гусаково, с., 373.
- Данилевичъ, староста холмскій, подскарбій королев., 12.
- Дверницкій, польскій генер., 487, 593.
- Демянки, с., 246.
- Денгофъ, староста быдгоскій, 517.
- Діонисій Збируйскій, епископъ холм., 8.
- Дивовичъ Семень, авт. «Разгов. Великороссія съ Малороссіей», 137.
- Дмитрій Ростовскій, святитель, 573.
- Дмитрашко, козацкій полковн., 396.
- Долгорукій В. В., кн., председатель вольно-экономич. общества въ 50-хъ гг., 189.
— Ив., кн., 393.
- Домецкій Гавриль, 166.
- Доросевичъ М. И., учитель кievской семин., 130.
- Дорошенко Петръ, гетманъ, украин., 383, 395, 407, 556.
- Дорошовка, слобода, 248.
- Досеонъ, ученый, 356.
- Драгомановъ М. П., бывшій профессоръ, 260.
- Дубельтъ, начальн. соб. Е. В. канц., 190.
- Дубоссары, г., 133.
- Дѣвовка, с., 248.
- Евгеній, митроп., 166, 489.
- Евминка, с., 404.
- Европеусъ, ученый лингвистъ и историкъ, 356.
- Егорковъ П. Н., подъячій, 403.
- Екатеришна П, импер., 62.
- Ефименко П., малорус. писатель, 412.
- Жаботинъ, мѣст., 431, 564.
- Жданъ-Тадриана, войтъ кievскій, 556.
- Желота Пауля, этногр., 260.
- Желтухинъ, кiev. воен. губернат. конца 20-хъ г. текуш. стол., 132.
- Желѣзнякъ Максимъ, предводитель гайдамакъ, 302, 532, 550.
- Жидовская Гребля, с., 346.
- Жоховскій, униатскій митрополитъ, 24, 26, 199.
- Жуковскій В. А., русскій писатель, 354.
- Жураковскій Ирадiонъ, епископъ чернигов., 251.

Журба, предводит. гайдамац. отряда, 532, 550.

Забъла Д. В., бунчуковый товарищ, 399.

Завада Филаретъ, базилианинъ, наст. куленчицкаго монаст., 13.

Завирки, имѣніе Миклашевскаго, 243, 248.

Зайкевичъ А. Г., собиратель пѣсень, 430.

Замойскій, староста калусскій, 517.

— Томашъ - Юсифъ, магнатъ украин. въ XVIII в., 41.

— Янъ, коронный канцлеръ, 28, 30, 211.

Замостье, г., 28, 34, 35, 149, 199, 206, 207.

Заславскій Доминикъ, кн., воевода краковскій, 511.

Здановскій Викторинъ, новоторжскій подстароста, 507.

Зебржыдовскій Михаилъ, мечникъ коронный, 509.

Зеллеръ Антонъ, канев. полковн., 542.

Зеленая, с., имѣніе помѣщика Энгельгарта, 561.

Значко-Яворскій Мелхиседекъ, игумень жотренивскаго монастыря, 526.

Золотаренко, полковн., 143.

Зѣнькевичъ, украин. этнографъ, 260.

Ибвъ-Дастъ, арабскій путеш., 355.

Иванъ Алгидевъ, кн., 101.

Ивашковский, козацкій полковн., 101.

Игнатій, коломенскій архіерей, 393.

Иларіонъ, митрополитъ кievскій, 167.

Иловайскій Д. И., русскій историкъ, 556.

Инокентій XI, папа, 25.

Ипатій Подѣй, уніат. епископъ владимірскій, 8.

Ирпень, р., 162, 196, 441.

Иртышъ, р., 356.

Исаковъ, генераль-маіоръ, 321.

Исидоръ, митрополитъ слб., 344.

Искра, полтавскій полков., 396.

Іеремія, цареградскій патріархъ, 30.

Іерофей, архимандр., 499.

Іоакимъ, патріархъ антиохійскій, 31.

Іоаннь, холмскій католич. еписк., 7.

Іоаннь-Казиміръ, король польскій, 505.

Іоанникій, игумень онуфріевскаго монаст., 499.

Іорданъ Михаилъ, ротмистръ польскій, 508.

Іосафъ, игумень, 394.

— іеромон., магистръ богословія, 108.

Іосафатъ Кунцевичъ, 9.

Іосифовъ Кирилло, переяславскій бурмистръ конца XVIII в., 382.

Іосифъ - Вельяминъ Рутскій, основат. базилиан. ордена, 5, 9.

Іустинъ (до принятія монаш. чина — Яковъ Евд. Михайловъ) — епископъ владимірскій, 106.

Казановскій, каштелянъ галицкій, 515.

Калужницы, с. прилуцкаго у., 261.

Калиновскій Мартинъ, воевода черниговскій, 517.

Калиновичъ Барлаамъ, викарій замост. монаст., 220.

Кальнофойскій Афанасій, мовагъ кievо-печср. лавры, лѣтописецъ, 166, 425, 428.

Калиусъ, р., 324.

Калчишевскій, послѣдній кошевой запорожскій, 368, 394, 411, 544.

Каменка, с., имѣніе Миклашевскаго, 246, 248.

Каменные Броды, с., 346.

Каменскій, польскій комиссаръ, 528.

Капланъ-Гирей, ханъ крымскій, 179—180.

Карашевичъ, секретарь консист., 493.

Карбовскій, комендантъ Бѣлой-Церкви, 545.

Кармелюкъ, предводитель гайдамацкаго отряда, 372.

Карпинскій, провинц. холмскій, 206.

Касаткинъ В., священ., авторъ біографіи епископа Іустяна, 107.

Каторжный Иванъ, козацкій атаманъ, 422.

Казтанъ Аксакъ, королевскій камергеръ, 46.

Килия, г., 359.

Киммеріане — племя, жившее въ древности на мѣстѣ нынѣшней южной Россіи, 169.

- Кинбурнская сторона, одно изъ мѣстъ поселенія запорожцевъ, послѣ уничтоженія Сѣчи, 335.
- Кирилловка, с., родина Шевченка, 560.
- Кирченко Василь, атаманъ город. мошненскій, 307.
- Киселевскій Гр. Ив., кievскій войтъ, 187.
- Кистяковский А. Ѳ., проф., 186.
- Кишка Самійло, козацкій герой, 425.
— Левъ, митрополитъ униатскій, 199, 201.
- Княжнинъ, кievскій генералъ-губернат., 187.
- Кобелянки, с., 346.
- Кованько Петръ, сотникъ, 396.
- Козелець, г., кiev. полка въ концѣ XVII в., 243, 376.
- Козика, богатый польскій дворянинъ, 515.
- Козловъ В. С., южно-русскій статист. и этнографъ, 264.
- Коленда Гавриль, униатскій митрополитъ, 21—23.
- Конашевичъ-Сагайдачный Петръ, украинскій гетманъ, 99.
- Конецпольскій, хоруж. коронный, 521.
- Копиць о. Григорій, священ., 563.
- Коновченко Иванъ, герой козацкой думы, 275.
- Константинъ Багрянородный, императоръ византийскій, 557.
- Корабликовъ, учитель волынской семинаріи, 110.
- Корвинъ-Красовскій Василій, 167.
- Корсакъ, митрополитъ, 13.
- Корфъ Хр. Гр., комендантъ кр. св. Елисаветы, 310.
- Корчинскій Иерофей, генер. орд. базилианъ, 214.
- Косачъ, собиравъ украинскихъ пѣсень, 92.
- Коссовъ Сильвестръ, митроп. кievскій, 17, 32, 152, 205.
- Костка-Ордынскій, подчасій, 537.
— Александръ - Левъ, побочный сынъ кор. Владислава IV-го, 503.
- Костомаровъ Н. И., историкъ, 81, 260, 368, 415, 431, 556.
- Котляревскій, покойный кievскій проф., 81.
— Петръ, отецъ украинск. поэта, 370.
- Корфъ, русскій полковн., 546.
- Коховскій Михайль, генералъ-аншефъ 331, 334.
- Козаковичъ, епископъ луцкій, 241.
- Кочерги, с., имѣн. Миклашевскаго, 248.
- Кочубей Василій, генеральный судья, 396.
- Кошовый Семень, кобзарь, 262.
- Краковъ, г., 505.
- Красинскій, графъ, маршалъ конфедерации, 538.
- Кречетниковъ, русскій генер.-майоръ, 546.
- Кропивницкій М. Л., знаменитый артистъ и этнографъ украинскій, 414.
- Крутые Горбы, с., 341.
- Кубаль, польскій ученый, 508.
- Кубань, р., 359.
- Кубанка, одно изъ гирлъ Дуная, 359.
- Кузалкевичъ Яковъ, польскій панъ, очевидецъ уманской рѣзни, 306.
- Кулишъ П. А., украинскій писатель, 164, 264, 354, 425.
- Куницкій Кирилль, ректоръ кievской семинаріи, 115.
- Курьянцы, с., 346.
- Кушниръ Данило, млевскій титарь, 562.
-
- Лабуньки, с., 226.
- Лаврентій, воронежскій епископъ, 393.
- Ладженскій, архангельскій вице-губернаторъ, 401.
- Ладжынъ, м., 537.
- Лазаревскій А. М., украинск. ученый, 258, 137, 197, 384.
- Лебединцевъ Петръ Гавр., протоіерей, 197.
- Лебединъ, с., 174.
- Левицкій Іосифъ, холмскій униатскій епископъ въ первой четверти XVIII в., 20, 40, 205.
- Левчавовскій В. Г., учитель кишинев. семинаріи, 113.
- Левченко М., украинск. лексикографъ, 373.
- Лептовскій, маршалокъ солтысовъ, 504.
- Лесьневъ, м., 512.

- Лермонтовъ М. Ю., русскій поэтъ, 354.
 Линцевскій Гервасій, епископъ переясл., 528.
 Липянка, долина, 174.
 Лисенко Н. В., украинскій композиторъ, 260, 264.
 Лисовскій, архіепископъ полоцкій, 214.
 Лисовскій, митропол., 241.
 Лодзянка Александръ-Августинъ, холмскій уніатскій епископъ, 35.
 Лозовицкій Григорій, протопопъ владимірскій, 194.
 Лосятивъ, с., 441.
 Лукашевичъ, украин. этнографъ, 260.
 Лысянка, м., 562.
 Львовъ, г. въ Галиціи, 2, 241.
 Лянцкоронскій Станиславъ, воев. брацлавскій, 514, 515.
 Лясоцкій, волостной писарь, проповѣдникъ штундизма, 345.
 Любомирскій, украинскій помѣщикъ XVIII в., 526.
 — Юрій, маршалъ коронный, 509.
 —
 Мадерашъ Петръ, порутчикъ, 541.
 Мажный Ив. Гавр., ратсгеръ кievскаго магистрата, 187.
 Мажтинцы, с., 257.
 Мазепа Иванъ, гетманъ украин., 174, 178, 246, 247, 396, 407.
 Макарово, м., мѣсто рожденія С. Туптало, 195.
 Максимиліанъ Рылло, настоят. холмс. монастыря въ среднѣ XVIII в., 20.
 Максимовичъ Дмит., генеральный есауль, 397.
 — А. М., украинскій ученый, 164, 523.
 Малчевскій Янъ, лѣсничій староства каневского, 539.
 Малая Березянка, с., 346.
 Манвеловъ, кн., порутчикъ русской службы, 303.
 Маньковскій, протоіер., 110.
 Маркевичъ, украин. истор., 394.
 Марковичева Анаст. Марковна, жена гетмана Скоропадскаго, 400.
 Марковичъ Андрей, лубенскій полковн., 255.
 — Яковъ, авторъ «Дневныхъ записокъ», 256.
 Маріановичъ, порутчикъ, 533.
 Мартышкевичъ-Бусинскій, генер. орд. базилианъ, 24.
 Мартусевичъ, еписк., 493, 497.
 Мартыновичъ П. Д., молодой украин. художникъ, 265.
 Марьяновка, д., 439.
 Медведовка, с., 431.
 Межовъ В. И., ученый, 558,
 Мейсень, маіоръ польск. службы, 538.
 Мелхиседекъ Значко-Яворскій, игум. мотренинскаго монаст., 45, 46.
 Мелетій, о. ректоръ кiev. д. академіи, 119.
 Метлинскій, украин. этногр., 260.
 Мизко Н. Д., любитель южно-русской старины, 368.
 Миклашевскіе, старинная дворянская фамилія въ Украйнѣ, 243.
 Миклашевскій Мих., значный в. занорож. товарищъ, 246.
 — Иванъ, 250.
 — Михайль, стародуб. полковникъ, 251.
 — Андрей, бунчуковый товарищъ, 252.
 — Степанъ, бунчуковый товарищъ, 252.
 Милачевскій Войтехъ, подвоевода волын., 193.
 Милинкевичъ, провинц., 498.
 Миллеръ Орестъ, проф., 264.
 Минихъ, гр., генераль фельдмаршалъ, 52, 43.
 Михайловка, с., 449, 538.
 Михальскій Дорофей, базилиан провинціаль, 227.
 Мищенко Николай, переяславскій райца, 382.
 Младановичъ, губернат. г. Умань, 305, 536.
 Многогрѣшный, гетм. украин., 243, 395, 407.
 Могила Петръ, митрополитъ, 389,
 Мокрицкій, уніатскій официаль, 527.
 Моргудецъ Іосифъ, генераль орд. базилианъ, 214.
 Мордовцевъ Д. Л., писатель, 260.
 Моряницы, с., 346.
 Мостище, м., 196.
 Мотовиловка, сел., мѣсто пограничн. суда, 49,

Мочарскій Филаретъ, игумень замость-
скаго монаст., 205, 217, 218.
Мощны, м., 307.
Мурка, старшина козацкій, 427.
Муха, полковн., 538.
—
Пебаба, козацкій полковн., сподвиж-
никъ Б. Хмельницкаго, 34.
Неживый, гайдамацкій атаманъ, 302,
532, 545, 550.
Нерлій, кардиналь, 25.
Нестеровскій о. Іоаннъ, священ., 563.
Нечай, претенд. на гетманскую булаву,
395.
Николаевъ, г., 374.
Нижнее, с., 246, 248.
Новицкій, губернат. каневскій, 544.
— И. П., литераторъ, 86.
— протоіерей, 489.
Ново-Воронцовка, с., 374.
Новогрудекъ, м., 10, 11.
Новомосковскъ, г., 172.
Новые Безрадячи, с., 432.
Новый Быковъ, с., 376.
—
Объ, р., 356.
Овручимскій Павель, епископъ самбор-
скій, 17.
Огялевичъ Пахомій, провинціалъ бази-
ліанскій, 22, 23.
Одорскій Гедеоиъ, архимандр. батур.
монаст., 398.
Одзжывольскій Янъ, каштелянъ черни-
говскій, 517.
Окольскій Шимонъ, ксендзъ, авт. ме-
муаровъ, 426.
Одсуфьевъ, членъ коллегіи, 160.
Ольшана, м., 527, 560.
Ольшанка, с., 441.
Онисимовъ Федоръ, канцеляристъ, 321.
Орель, р., 374.
Орликъ, секретарь Мазепы, 179, 180,
407.
Орловъ А. Е., бакалавръ кiev. ака-
деміи, 122.
Оссолинскій Юрій, староста люблин.
515.
Остранинъ, предводитель украин. ко-
заковъ, 430, 426.
Остроградскій, козацкій полковн., 160.
Островскій Іосифъ, региментарь, 56.
—

Павель Унвальфа, венгерскій историкъ
и этнографъ, 355.
Павлюкъ, предводитель украин. коза-
ковъ, 429.
Пакоста Афанасій, холмскій униатскій
епископъ, 13.
Палиевка, с., 248.
Палиевъ Озеро, м., 303.
Палій Семенъ, украин. дѣятель конца
XVII и нач. XVIII в., 366.
Пановъ В. С., полковникъ русскій, 49,
332.
Паскевичъ Григорій, полтавскій бур-
гомистръ, дѣдъ Паскевича фельд-
маршала, 370.
Патока З. П., лубенскій полковой пи-
сарь, 405.
Перемышль, въ XVII в. мѣстечко, 508.
Переяславль, г., 379.
Перовскій, гр., начальн. Ново-Петров-
скаго укр., 351.
Петрикъ, канцеляристъ Мазепы, 399.
Петръ Кармелитъ, монахъ ордена босо-
ногихъ, 9.
Пиво, польскій полковн., 383.
Плетенецкій Елисей, архимандр. кievо-
печерскій, 167.
Плоское, с., 345, 346.
Пляшева, р., 519.
Погребы, с., 443.
Подвысоцкій, вице-губернаторъ архан-
гельскій, 392.
Подгороденцкій, мошенскій губернаторъ,
307.
Подпольная, р., 178.
Покотило Яковъ, сердюцкій полковн.,
397.
Поль, знатокъ украин. старины, 302.
Пологи, с., 439.
Полонскій Я., поэтъ русскій, 351.
Полоцкій Семенъ, ученый украинецъ
XVII в., 167.
Подуботокъ Леонтій, переяславльскій
полковн., 253.
Полянскій, русскій полковн., 44.
Повуровка, с., 248.
Поповъ В. С., секретарь князя Потем-
кина, 336, 322.
Иопружна, с., 346.
Постилькевичъ, казначей почаевской
лавры, 493.
Потебня, проф., 451.

- Потемкинъ-Таврическій Г. А., вельможа екатеринин. времени, 560.
 — учитель волинск. семинарія, 110.
- Потоцкій гр., начальникъ уманскаго гарниз., 536.
 — Николай, гетманъ коронный, 521, 512.
 — Станиславъ, воевода подольскій, 514.
 — Николай, староста каневск., 495.
- Похилевичъ Л., авторъ книги: «Сказ. о населенныхъ мѣстностяхъ кievской губ.», 437.
- Поцѣй Ипатій, епископъ владимиро-волинскій, 167.
- Превлоцкій, шляхтичъ, живопис., 564.
- Пржемыскій Сигизмундъ, польскій генералъ артиллеріи, 518.
- Приваловка, слободка, принадлежавшая М. Миклашевскому, 246.
- Припеть, р., 375.
- Прозоровскій, кн., 62, 322.
- Прокоповичъ Теофанъ, архіеп., ученый украин. XVIII в., 251.
- Протасевъ, полковн. русскій, 531.
- Протопоповъ Афанасій, магистръ дух. академіи, 110.
- Пстровонскій Станиславъ, епископъ холмскій, 17.
- Пузына Афанасій, епископъ луцкій и острожскій, 166.
- Пулавскій, маршалъ, 536.
- Путивлецъ, начальникъ козацкаго отряда, 427.
- Пушкарь, полковн. полтавскій, 395.
- Пушкянъ А. С., поэтъ русскій, 354, 425.
- Пушновъ Ав. И., баккалавръ кiev. дух. академіи, 122.
- Пшунка, польскій шляхтичъ, современ. Б. Хмельницкаго, 175.
-
- Раде, русскій поручикъ, 536.
- Редцкій Мартинъ, школьный учитель, полякъ-революционеръ XVII в., 505.
- Радшевскій Францисекъ, польск. шляхтичъ, 533.
- Разнвиль Богуславъ, начальн. полка, 518.
- Разумница, с., 346.
- Разумовскій Кирилло, послѣдн. гетманъ украинскій, 160, 410.
 — Алексій, президентъ академіи наукъ, 161.
- Рафальскій, протоіерей, 489.
- Рахубовскій М. И., помѣщикъ, 377.
- Рева И. М., писатель, 297.
- Ревлякянъ П. И., записыватель украин. народ. пѣсень, 86, 88. 420.
- Решинъ, кн., русскій посолъ при варш. дворѣ, 45, 529.
- Ржевусскій Пелагій, настоятель замостьскаго монаст., 239.
- Робота Иванъ, глуховскій канцеляристъ въ срединѣ XVIII в., 181.
- Рогачевскій, подскарбій, 305.
- Рогачевскій о. Иванъ, протоіер., 403.
- Роговичъ А. С., покойн. проф., 375.
- Рожманъ, капитанъ, 291.
- Романково, урочище, 311.
- Романовскій Стефанъ, архіерей волинскій, 116.
 — Иванъ Петровичъ, полковникъ, 188.
- Рославецъ, козацкій полковн., 396.
- Ротомскій, воевода сендомирскій, 100.
- Рубанъ, писатель XVIII в., 100, 252, 374.
- Рудковка, с., 404.
- Рудченко И. Я., писат., 367, 413.
- Руденко, екатериносл. предв. дворянства 331.
- Румянцевъ П. А., графъ, правитель Украйны, 178, 249, 255, 318, 321, 380, 532.
- Руссовъ А. А., украинскій этнографъ и статистикъ, 260.
- Руть, р., 445.
- Рутскій, униатскій митрополитъ, 25.
- Руховъ, с., 248.
- Рѣпка, предводитель отряда украинск. козаковъ, 427.
- Рѣпки, с., 346.
- Рыжановка, с., 346.
-
- Савва Туптало, кiev. сотникъ XVIII в., 382—384.

- Садковскій Викторъ, епископъ, 468.
 Салтыковъ Н. И., графъ, 334.
 Самбекъ Филостервъ, монахъ, 529.
 Самойловичъ, гетманъ, 244, 253, 399, 407.
 — Семень, сынъ гетмана, 247.
 — Яковъ, сынъ гетм., 247.
 Самусь, гетманъ, 44.
 Сангушко, украин. помѣщикъ XVIII в., 526.
 Сапѣга Янъ, обозный литовскій, 515.
 Свѣчка Леонтій Назаровичъ, есаулъ лубенскаго полка, 253.
 — Иванъ, старшій сынъ, 255.
 — Лукьянъ, второй сынъ, 255.
 Святайло Иванъ, священникъ, донесшій, вмѣстѣ съ Кочубеемъ и др., на Мазепу, 396.
 Святополкъ Изяславичъ, князь, 362.
 Северинъ Перехрестъ, козацкій есаулъ, 101.
 Селява Антоній, митроп., 14, 21, 22, 23.
 Серапионъ, митрополитъ кiev. (1803—1822 г.), 122.
 Снягиревичъ, протоіерей, 119.
 Сигизмундъ I-й, король польскій, 7, 11, 163.
 — III, кор. польскій, 8, 11, 13, 440.
 Симашко Юсифъ, митроп., 241.
 Сирко, кошев., атаманъ, 385, 427.
 Скальковскій А., украинскій историкъ, 180.
 Скибинскій Григ. Ал., докторъ философіи, 167.
 Скибинцы, с., 346.
 Сквискій, архим., 489, 490, 494, 497.
 Скоробогатый Омелянъ, кiev. купецъ нач. XVIII в., 101.
 Скоропадскій, гетманъ, 248, 401.
 Смоторжевскій. митроп., 213.
 Смоленскъ г., 101.
 Святити, вѣнне кievскаго ловчаго Стефана Терлецкаго, 211.
 Собесскій Маркъ, красноставскій староста, 515.
 — Янъ, староста яворовскій, 515.
 Сокирянцы, с., вѣнне Г. П. Галагана, 263.
 Соколовка, д., 441.
 Соколовскій Павелъ, деканъ замостьскій, 206.
 Соловьевъ С. М., русскій истор., 164, 297.
 — Евгений, бакалавръ кievской д. академіи, 116, 135.
 Соломонъ, чернецъ, первый доноситель на гетмана Мазепу, 396.
 Солонина Константинъ, козацкій кiev. полковн., 243.
 Солтанъ Юсифъ, кiev. митроп. нач. XVI в., 11.
 Солнцевъ, академикъ, 388.
 Сошенко И. М., художникъ, 564.
 Средняя Слобода, с., 439.
 Срезневскій, акад., этнографъ, 260.
 Ставровъ П. Ив., бакалавръ кiev. д. акад., 114.
 Стадницкій Янъ-Адамъ, подкоморій соноцкій, 515.
 Станиславскій, хоружій галицкій, 515.
 Станиславъ Лещинскій, король польскій, 44.
 Станкевичъ, кап. рус. службы, 321.
 Стародубъ, г., 101.
 Стародубовскій, екслезіархъ, 495, 496.
 Стефанъ Баторій, король польскій, 8, 163.
 Стояновъ А., 96, 362, 413, 431.
 Страховскій Варлаамъ, игуменъ выдубецкаго монаст. въ нач. XVIII в., 174.
 Стровъ П. М., акад., 164.
 Стрыйковскій, историкъ польск., 98.
 Стугна, р., 362, 441.
 Стырь, р., 508.
 Судинко, издатель кн. «Матеріалы для отеч. ист.», 405.
 Сулима, предвод. войска запорож., 428.
 Сульжинскій Лука, базилианинъ, 213.
 Супрасль, м., 23.
 Сухина, козацкій атаманъ, 304, 319.
 Суша Яковъ, униатскій еписк. XVII в., 6, 9, 17, 25, 35, 199, 218.
 —
 Таманъ, мѣсто поселенія запорожцевъ, 335.
 Танскій, козац. полковн., 44.
 Тарновскій В. В., любитель и собиратель малорус. древностей, 382.

- Тарасовка, с., имѣніе помѣщ. Энгельгарта, 561.
- Тараща, г., 346.
- Тараща, с., 564.
- Терехтемировъ, мѣст., 431.
- Терлецкій Стефанъ, кiev. ловчій, 211.
- Меодій, холмскій униатскій епископъ, 13, 14, 17.
- Темберщина, с., 400.
- Тепловъ Григорій, авт. Зап. о непор. въ Малор., 161, 251.
- Тепловка, м., 258.
- Тетеревъ, р., 375.
- Тетеря, козац. полковн., 395.
- Тимофѣевъ Дмитрій, переясл. бурм., 382.
- Тинювка, с., 346.
- Товмачъ, р., 174.
- Топиловка, с., 346.
- Торкинъ, с., 432.
- Торческъ, древній городъ, 362.
- Транквилюнъ Кирилль, древній писат., 241.
- Триполье, с., 432, 442.
- Тропольскій Ксенофонтъ, архіеписк. подольскій, 123.
- Трубецкой Дм. Тим., кн., 102, 104.
- кievскій воевода XVIII в., 383.
- Трюшь Хведоръ, украинскій кобзарь, 262.
- Тугай-Бей, татарскій мурза, 515.
- Тульчинъ, м., 538.
- Туптало Савва Григ., сподвижникъ Б. Хмельницкаго, 195.
- Тупталовна Параскевія, дочь С. Туптало, 383.
- Турбан (нынѣ Турбан), село хорольскаго у. полт. г., 172.
- Тургеневъ И. С., знаменитый русскій беллетристъ, 351.
- Туруханскъ, г., 368.
- Тынецъ, монастырь, 504.
-
- Ураль, р., 356.
- Урбанъ, пана, 26.
- Уласенко, сотникъ уманскій, 304.
- Умань, г., 133.
- Унава, р., 440.
-
- Федоровъ Григорій, кошевой атаманъ, 369.
- Филаретъ, епископъ, авторъ «Обзора исторіи русск. лит.», 165, 398.
- Флавіанъ, архимандр., 489.
-
- Халнячъ, свящ., 291.
- Халчевскій, оберъ-провіантмейст., 331.
- Ханеневъ Федоръ, донс. атаманъ, 426.
- Харько, старшина запор., 326, 527.
- Хвилонъ, корсунскій полковн., 273.
- Херсонъ, г., 179.
- Хлѣбниковъ Г. Ѳ., ученый, 113.
- Хмель Стефанъ, кievскій купецъ начала XVII в., 101.
- Хмельницкій Богданъ, гетманъ украинскій, 34, 143—144, 162, 174, 324, 395, 509,
- Юрій, гетманъ, 395.
- Хмельницкая Феодосія Кондратьевна, инокиня кievо-печерскаго дѣвичьяго монаст., 174.
- Хойновскій, польскій шляхт. XVIII в., 524.
- Холинь, г., 218.
- Хорватъ, подполковн. русской службы, 309, 315.
- Хотевичъ Янъ-Каруль, гетманъ лит., 102.
-
- Цертелевъ, кн., украин. этнографъ, 260.
- Цибульскій Яковъ, херсонс. однодворецъ, первый проповѣдникъ штундизма въ кiev. губ., 345
-
- Чалый М. К., ученый, 349, 360.
- Чаплинка, с., 345, 345.
- Чарторійскій, кн., канцлеръ литовскій, 49.
- Чепега З. А., бригадиръ, 326, 333, 335.
- Черкасн, г., 347.
- Чернобыль, м., 347.
- Чернецкій Мартинъ, 509.
- Чертковъ, губернат. азовской провин., 325, 316.
- Чертомлыкъ (нынѣ с. Капуловка, екaтеринославской губ. и уѣзда), 178.
- Чернявка, р., 439.
- Чигринъ, г., 556.
- Чижовка, с., 346.
- Чистовичъ И., ученый, 552.

- Чорба, полковн. русской службы, 304, 306, 531, 546.
- Чорштынъ, название замка на венгерской границѣ, 503.
- Чубинскій П. П., писатель, этнографъ, 264, 411.
- Чучмакъ, р., 256.
-
- Шавурскій, ксендзь, 498.
- Шаргородъ, нѣвніе Любомирскіхъ, 44.
- Шафировъ Петръ, баронъ, русскій вельможа времяъ Петра I-го, 406.
- Шафранъ Алексѣй, 425.
- Шайкевичъ, галицкій ученый, 260.
- Шварцъ М. Е., начальникъ округа южныхъ военныхъ поселеній, 374.
- Швачка, предводит. гайдамацкаго отряда, 532, 550.
- Швейковская Анна Владыміровна, вторая жена полковника Миклашевскаго, 252.
- Швейковскій К., ученый, 556.
- Шевченко Тар. Григ., знамен. поэтъ украинскій, 264, 349, 371 — 373, 560.
- Варфоломей Григ., названный братъ поэта, 565.
- Шептицкій Афанасій, уніатскій митрополитъ, 201, 203.
- Шлюбичъ-Заленскій, Левъ, митр., 37.
- Шмилевскій, ксендзь, 240.
- Шубяны Ставы, с., 346.
- Шумборскій Фелиціанъ, провин., 232.
- Шуть Андрій, кобзарь, 262.
-
- Шавянкскій Спмонъ, воевода брестскій, 517.
- Щебальскій, писатель, 46.
- Щербатовъ Ѳементъ, кн., 393.
-
- Эмаусскій Ѳеодоръ, учит. кiev. семинаріи, 111.
- Энгельгартъ В. В., племянникъ кн. Грягор. Потемкина, богатый украин. землевладѣлецъ, 560.
- П. В., полковн. гвардіи, 561.
- Эренбургъ М. И., баронъ, 197.
- Эстуль, р. въ Венгріи, 357.
-
- Яблоновка, с., 346.
- Яблоновскій, украин. помѣщикъ XVIII в., 526.
- Янъ-Казанъ, чигиринск. староста, 175.
- Яблочная, д., 488.
- Яворскій Стефанъ, рязанскій митроп., 397.
- Ягубецъ, с., 537.
- Яковлевъ Германъ, намѣстн. сійскаго монаст., 408.
- жандармскій полковн., 489.
- Якутскъ, г., 407.
- Ялка, р., 356.
- Яневъ, м., 538.
- Янъ Мелешекъ, основатель жировицк. монаст., въ 1613 г., 10.
- Собесскій, гетм. коронный, 383.
- Яновскій Гавріиль, архимандритъ нефорошанскаго полт. монастыря въ XVIII в., 184.
- Ярославъ Мудрый, кievскій кн., 387.
- Ясинскій Варлаамъ, митроп. кievскій, 166.
- Яسس, г., 336.

СОДЕРЖАНІЕ.

ТОМЪ III. 1882 г.

Юль.

	СТР.
I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій въ общей судьбѣ русско-униатскаго монашества). Н. Петрова.	1
II. ИЗЪ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬШИ И РОССИИ. И. Каманина.	42
III. КЪ ХАРАКТЕРИСТИКЪ Д. Г. ВИБИКОВА	61
IV. ЮЖНО-РУССКАЯ ПѢСНЯ О СОБЫТІИ XI ВѢКА. А. Стоянова	81
V. ЗАПИСКИ КІЕВСКАГО МЪЩАНИНА БОЖКА БАЛЫКИ О МОСКОВСКОЙ ОСАДѢ 1612 ГОДА (изъ лѣтописнаго сборника Ильи Кошачковскаго). В. А.	97
VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. Письма Якова Евдокимовича Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа владимірскаго) къ А. И. Бѣлюгову	106
VII. ДОПОЛНЕНІЕ «РАЗГОВОРА ВЕЛИКОРОССІИ СЪ МАЛОРОССІЕЙ»	137
VIII. ДОКУМЕНТЫ БРАТСТВА ПРИ ЦЕРКВИ СВ. НИКОЛАЯ ВЪ Г. ЗАМОСТЬѢ	149
IX. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать пятая. М., 1882.—б) Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы П. М. Строева.—в) Ernst Bonnel. Beiträge zur Alterthumskunde Russlands von den ältesten Zeiten bis um das Jahr 400 nach. Chr. hauptsächlich aus der Berichten der griechischen und latenischen Schrifsteller. Erster Band. St. Petersburg, 1882.—г) Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія, выпускъ 2-й. Издалъ А. Андреевскій	160
X. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Пасѣка гетмана Богдана Хмельницкаго.—б) Къ ис-	

- торіи Запорожжя.—в) Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту.—
 г) Послѣдняя самозащита Кіева.—д) Невольное переселеніе и тоска по
 родиנѣ, какъ подозрительное чувство.—е) Рѣдкая древняя надпись.—
 ж) Необычная застава.—з) Къ портрету Саввы Григорьевича Туптала. 174
ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ Саввы Туптала.

Августъ.

- I. ЗАБЫТЫЯ ИНОЧЕСКІЯ ОБИТЕЛИ (монастыри холмскій и замостьскій
 въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). *Оконч.*—Н. Петрова. 199
- II. ЛЮДИ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ. 3., Миклашевскіе 243
 4., Свѣчки.—Ал. Лазаревскаго 253
- III. КОВЗАРЬ ОСТАПЪ ВЕРЕСАЙ, его пѣсни и думы. Н. Ф. У. О. 259
- IV. О МУЗЫКѢ ДУМЪ И ПѢСЕНЬ ОСТАПА ВЕРЕСАЯ. А. К—скаго 283
- V. ИЗЪ ПРАКТИКИ СТАРЫХЪ СУДОВЪ 288
- VI. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ КОЛИВЩИНЫ или РѢЗНИ 1768 г.
 Н. Костомарова 297
- VII. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ Б. ЗАПОРОЖЬЯ 322
- VIII. БИБЛИОГРАФІЯ: а) Памятная книжка кіевской епархіи. Составили А.
 В—новъ и свящ. В. Антоновъ. Кіевъ. 1882.—б) Жизнь и произведе-
 нія Тараса Шевченка (сводъ матеріаловъ для его біографіи), съ
 портретомъ. Составилъ М. К. Чалый. Кіевъ. 1882.—в) Die Ungern
 oder Magyaren. Paul. Hunvaldy. Vien und Teschen. 1881.—
 г) Посадъ Вилковъ. Историко-статистическій и бытовой очеркъ. Со-
 ставилъ Георгій Бахталовскій. Кшипневъ. 1881 г. 340
- IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-
 литературныя): а) Относится ли пѣсня о взятіи Азова къ событіямъ
 XI вѣка?—б) Послѣдній пясарь войска запорожскаго Глоба.—в) Взглядъ
 народа на Шевченка.—г) Исчезнувшія и исчезающія въ южной Россіи
 животныя.—г) Состояніе полиціи въ малороссійскихъ городахъ XVIII в.—
 д) Документальныя свѣдѣнія о Саввѣ Тупталѣ и его родѣ.—е) Курта.
 (Пѣсня-былина)—ж) Возстановленіе древней паперти кіево-софійскаго
 собора. 362

Сентябрь.

- I. ССЫЛЬНЫЕ МАЛОРОССІЯНЕ ВЪ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ
 (1708—1802) г. П. Ефименка 391
- II. ЕЩЕ ПО ПОВОДУ НАРОДНОЙ ПѢСНИ: О ВЗЯТІИ ТОРЧЕСКА, ИЛИ-ЖЕ
 АЗОВА. Ив. Новицкаго 413

	СТР.
III. ПЕРЕПЕТОВСКОЕ ПОЛЕ. (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). М. Андріевского	436
IV. УКРАИНСКАЯ ДЕРЕВНЯ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ (по воспоминавіямъ дѣтства)	457
V. ДВА ДОКУМЕНТА ПО ДѢЛУ ПЕРЕДАЧИ ПОЧАЕВСКОЙ ЛАВРЫ ИЗЪ ВѢДѢНІЯ УНАТОВЪ ВЪ ВѢДОМСТВО ПРАВОСЛАВНОЕ	486
VI. ДНЕВНИКЪ СТАНИСЛАВА ОСВѢЩИМА. Перев. В. А. (<i>Продолженіе</i>).	503
VII. ПЕРЕПИСКА ГР. П. А. РУМЯНЦЕВА О ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАИНѢ 1768 ГОДА	523
VIII. БИБЛЮГРАФІЯ: а) Очеркъ исторіи западно-русской церкви. И. Чистовича. Часть первая. Спб. 1882 г. Стр. 1—220.—б) Акты относящіяся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные археографическою комиссіею. Томъ двѣнадцатый. С.-Петербургъ. 1882 г.—в) Разысканія о началѣ Руси, Д. Иловайскаго, изданіе второе исправленное и дополненное, съ присоединеніемъ вопроса о гуннахъ. Москва, 1882.—г) Русская историческая библиографія за 1865—1867 г. включительно. В. И. Межова. Т. I и II. С.-Петербургъ. 1882.—	552
IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ (историческія, этнографическія и историко-литературныя): а) Тарасъ Григорьевичъ Шевченко (нѣкоторыя дополненія и поправки къ его біографіи).—б) Дополненіе къ пасхальной виршѣ.—в) Мнимо-найденный дневникъ святителя Дмитрія Ростовскаго.—г) Предостереженіе Д. Г. Бябикова одному изъ русскихъ помѣщиковъ кievской губерніи.—д) Старинныя малороссійскіе портреты.—е) Задувайскія народныя преданія: I) Про Палія та Мазепу: II) Про Автона Головатого, Онопрія Шлака и царицу Катерину.—ж) Колывщина въ пѣсняхъ	560
X. АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ личныхъ именъ и замѣчательныхъ мѣстъ и предметовъ, упоминаемыхъ въ III томѣ «Кievской Старины», 1882 г.	

ПРОГРАММА
ЖУРНАЛА
„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразныя матеріалы для нея въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, разсказовъ, біографій, некрологовъ, характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южно-русской древности—въ зданіяхъ, архивахъ и всякаго рода предметахъ древняго быта, и, наконецъ, замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы: неизслѣдованные обычаи—религіозныя, правовыя и т. п., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и пр. Библиографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

Для поясненія текста, по мѣрѣ надобности, будутъ прилагаемы: портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южно-русскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія древнихъ украшеній, одежды, оружія, предметовъ домашняго обихода и пр.

„КИЕВСКАЯ СТАРИНА“, по однородности ея цѣлей съ задачами мѣстнаго историческаго общества пр. Нестора лѣтописца, будетъ, согласно избранію этого общества, постояннымъ его органомъ, помѣщая у себя рефераты его членовъ, отвѣчающіе программѣ и характеру журнала, равно протоколы и отчеты общества.

Въ изданіи „КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ“ примутъ участіе слѣдующія лица: Антоновичъ В. Б., Баяльшъ Д. И., Барсуковъ А. П., Барсуковъ Н. П., Будановъ М. Ф., Бьлозерскій Н. М., Веселовскій А. Н., Викторовъ А. Е., Воронъ А. Ф., Вороновъ А. Д., Воскресенскій А. М., Ганицкій М. А., Головацкій Я. Ф., Голубинскій Е. Е., Голубевъ С. Т., Дашкевичъ Н. П., Житецкій П. И., Иконниковъ В. С., Кистяковскій А. Ф., Костомаровъ Н. И., Каманинъ И. М., Крыжановскій Е. М., Лазаревскій А. М., Лацкаревъ П. А., Лебединцевъ А. Г., Лебединцевъ П. Г., Левицкій И. С., Левицкій О. И., Лѣсковъ Н. С., Мальшевскій И. И., Маркевичъ А. И., Мацлевичъ Л. С., Мордовцевъ Д. Л., Петровъ Н. И., Пономаревъ С. И., Потемня А. А., Празовъ А. В., Страшкевичъ Н. В., Терновскій Ф. А., Фортинскій Ф. Я., Чалый М. К. и другіе.

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“

выходить ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ отъ 10 до 12 и болѣе печатныхъ листовъ, общее же годовое изданіе составитъ четыре тома, размѣромъ 35—40 печ. листовъ каждый.

Подписная цѣна годовому изданію въ 12 книжекъ, съ приложеніями, 8 руб. 50 коп. на мѣстѣ, съ доставкою же на домъ и пересылкою 10 руб.

Подписка принимается въ редакціи журнала и конторѣ оной: Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, въ отдѣленіяхъ конторы: при книжномъ магазинѣ Оглоблина (Крещатикъ, д. Ключа) и бумажномъ складѣ Дитятковской фабрики (Подоль, Гостинный дворъ); гг. иногородные обращаются исключительно въ редакцію журнала „Кіевская Старина“.

При перемѣнѣ адреса иногороднаго на городской или городского на иногородный уплачивается пятьдесятъ копѣекъ; при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный-же доставляется въ редакцію четыре семикопѣечныя марки.

Въ конторѣ редакціи журнала „Кіевская Старина“ принимается подписка на издающуюся во Львовѣ, на малорусскомъ языкѣ, газету „ДѢЛО“. Цѣна съ пересылкою—безъ приложеній 8 р., съ приложеніями—12 р. въ годъ.

Отдѣльныя книжки «Кіев. Старины» продаются по 1 р. с.

Редакторъ-издатель Ѡ. Г. Лебединцевъ.

DEC 15 1953

